4
Б-82

Борковский В.,
Кузнецов П.

Историческая грамматика
русского языка.

М., 1963.

58932

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru
Не копировать!
58932

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В. И. БОРКОВСКИЙ, П. С. КУЗНЕЦОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1963

Раздел «Синтаксис» настоящей книги
написан *В. И. Борковским*,
остальные разделы — *П. С. Кузнецовым*

4
Б-82
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗ... АН СССР
20
58932

ВВЕДЕНИЕ

Курс исторической грамматики образует первую часть курса истории русского языка (вторую часть представляет история русского литературного языка). Название «историческая грамматика» является традиционно установившимся, но его нельзя признать вполне точным. Историческая грамматика включает в себя фонетику, морфологию и синтаксис. По мнению многих лингвистов (и для этого есть основания), грамматику составляют лишь морфология и синтаксис, фонетика же образует особую область. Но, поскольку изучение морфологии и синтаксиса (в особенности же первой) без знания фонетики невозможно, в этот курс необходимо включается и фонетика.

Объектом исторической грамматики является историческое развитие живой русской речи во всем ее диалектном разнообразии, в той мере, в какой это может быть сделано на основании изучения письменных памятников и сопоставления их с другими источниками, с древнейших времен до наших дней. Дошедшие до нас письменные памятники охватывают время начиная с X—XI вв. Но на основании некоторых других данных, помимо данных письменности (см. ниже), мы можем строить достаточно вероятные гипотезы и о развитии русского языка в более древние, дописьменные эпохи.

Знание истории языка и, в частности, того материала, который содержится в исторической грамматике, имеет существенное значение и для лучшего понимания фактов современного языка, так как многие из них могут быть объяснены лишь исторически, и для лучшего понимания произведений художественной литературы. Задача литературоведа состоит в изучении не только содержания, но и формы литературного произведения, а у писателей и поэтов различных эпох в очень сложном переплетении представлены элементы живой речи и книжной (литературной) традиции. Исследователь должен разграничить

те и другие. Произведения же древнерусской литературы без знания языка соответствующего времени просто не могут быть поняты. Знание истории русского языка необходимо и для истории русского народа, а также других народов, вошедших в состав России, впоследствии СССР. История языка и история народа, говорящего на данном языке, теснейшим образом связаны. Язык доставляет нам порой сведения о взаимоотношениях наших с другими народами и племенами в те времена, которые письменными памятниками не засвидетельствованы. Кроме того, историк черпает сведения о прошлом нашего народа прежде всего из документов той эпохи, которую он изучает. Между тем ни время написания, ни даже самое содержание древнего документа не может быть понято и определено без глубокого знания языка данной эпохи. Наконец, история любого языка, в частности русского, необходима для выяснения общих закономерностей языкового развития, так как общие законы исторического развития языка могут быть определены лишь на основе изучения частных случаев развития отдельных конкретных языков.

Основные сведения по истории разработки исторической грамматики русского языка

§ 1. Большое внимание вопросам истории русского языка, понимая, что без знания того, как она сложилась, не могут быть поняты полностью отношения современного языка, уделял уже наш первый выдающийся ученый, создатель первой полной русской грамматики М. В. Ломоносов (1711—1765). С замечательной для его времени точностью он определил родственные отношения русского языка к другим — славянским и, шире, как бы мы теперь сказали, к другим индоевропейским (правда, без индийской их части), провел строгое разграничение между русским и «славенским» языком (т. е. церковнославянским, имеющим своим источником старославянский), чего не делали в должной мере даже многие последующие ученые. А провести это разграничение было не так легко, поскольку в течение долгого времени церковнославянские нормы лежали в основе нашего литературного языка и многие церковнославянские по происхождению элементы прочно вошли в нашу речь. Ломоносов же указал на различия между церковнославянским и русским языками не только для своего времени, но и для древнерусского языка, вместе с тем весьма точно очертив тот круг древних памятников, в которых отразился в первую очередь именно русский язык. Ломоносов также определил основные диалекты русского языка и попытался (хотя и в очень общей и приблизительной форме) объяснить исторически некоторые их различия. Понимая, что язык имеет большое значение как источник исторических сведений, Ломоносов в своих работах, посвященных древнейшей истории России, привлекает и языковые свидетельства и останавливается на отношениях предков русских с народами и племенами, говорившими на других языках. Много интересного для истории русского языка содержится в «Российской грамматике» Ломоносова, в рассуждении «О пользе книг церковных в российском языке» (опубликовано впервые как предисловие к первому полному собранию сочинений

М. В. Ломоносова, изданному в 1758 г. Московским университетом), в сочинении «О России прежде Рурика» (т. е. Рюрика), а также в различных черновых заметках, сохранившихся в рукописи. Все дошедшие до нас лингвистические работы Ломоносова, печатавшиеся ранее и не печатавшиеся, вошли в 7-й том полного собрания его сочинений, издаваемого Академией наук СССР.

Начало XIX в. в истории языкознания характеризуется тем, что закладываются прочные основы сравнительно-исторического языкознания, многие проблемы которого встали еще в предыдущем веке. Одним из основоположников сравнительного языкознания явился наш выдающийся лингвист и отчасти поэт А. Х. Востоков (1781—1864). Он изучал различные древнерусские рукописи (им осуществлено было и издание древнейшего нашего датированного памятника — Остромирова евангелия), определил на основе фонетических данных отношения древнерусского языка к новому и древнему церковнославянскому (т. е. старославянскому), польскому и сербскому языкам, предложил (на основании изучения памятников) первый опыт периодизации русского языка. Заслугой Востокова явилось установление звукового значения юсов в старославянских памятниках, а также редуцированных ъ и ь, которые раньше считались просто графическими знаками. Впрочем, самое звуковое значение редуцированных квалифицировано им недостаточно ясно. Основным трудом Востокова, важным и для истории русского языка, и для сравнительно-исторического славянского языкознания, является «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим онаго памятникам» (1820).

Под влиянием Востокова обратился к истории русского языка И. И. Срезневский (1812—1880), первоначально занимавшийся юридическими науками, а затем славянской филологией. В «Мыслях об истории русского языка» (1849) он, продолжая Востокова, исследует фонетические особенности русского языка в момент его обособления, правда, не во всех отношениях проявляя надлежащую строгость, намечает основные периоды истории русского языка (его периодизация довольно близка к Востоковской), издает многочисленные памятники старославянской и русской письменности. Но основной заслугой Срезневского, делом всей его жизни явилось собирание материалов для словаря древнерусского языка. Эти материалы изданы были уже после его смерти (три тома и четвертый дополнительный) и до сих пор являются непревзойденным источником наших сведений о древнерусской лексике и незаменимым пособием при чтении древнерусских памятников.

Профессор Московского университета Ф. И. Буслаев (1818—1897), разносторонний исследователь, занимавшийся и вопро-

сами древнерусской литературы и фольклора, где он являлся представителем мифологической школы, был в то же время и основоположником исторической грамматики русского языка. Ему принадлежит «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858; начиная со 2-го издания называлась просто «Историческая грамматика русского языка»; 5-е издание ее вышло в 1881 г., переиздание с него со сверкой с более ранними изданиями — М., 1959) и «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков» (1861), представляющая отрывки из древних и диалектных текстов с комментариями. «Историческая грамматика» Буслаева является еще не историей русского языка в полном смысле слова, а скорее изложением звуковой и грамматической системы современного языка с историческими комментариями на основе привлекаемых данных из древнерусских памятников и говоров. Интересно, что труд Буслаева содержит не только фонетику и морфологию, объединенные под общим именем «Этимология», как это принято в старых грамматиках и научного и учебного характера, но и синтаксис, занимающий более половины всей книги. Именно эта часть «Исторической грамматики» является менее устарелой и до настоящего времени.

Интересные и свежие идеи как в области общего языкознания, так и в области истории русского, а также и других славянских языков внес талантливый украинский лингвист и литературовед, профессор Харьковского университета А. А. Потебня (1835—1891). Занимаясь проблемами соотношения языка и мышления, он стремится на новых принципах построить учение об основных грамматических категориях, возражая против традиционного логицизма Буслаева. В области специально истории русского языка Потебне принадлежат интересные соображения по поводу некоторых явлений исторической фонетики (об изменении начального *je-* > *o-*, о сочетаниях редуцированных с плавными и др.), основные же интересы его лежали преимущественно в области исторического синтаксиса и некоторых вопросов исторической морфологии (главным образом глагола). Основным трудом его, сохранившим значение до настоящего времени, является «Из записок по русской грамматике» (при жизни автора двумя изданиями вышли лишь первые два тома, переиздание их, в одной книге, — М., 1958; третий том вышел в 1899 г., а четвертый — лишь в 1941 г.).

В начале 80-х годов XIX в. началась научная деятельность акад. А. И. Соболевского (1856—1929), последние годы которой относятся уже к советской эпохе. Исследователь фольклора (ему принадлежит семитомное собрание великорусских народных песен), древнерусского искусства и археологии, он в особенности известен как историк русского языка. На основании

исследования многочисленных письменных памятников он определил основные диалекты древнерусского языка (двум из них, именно галицко-волынскому и псковскому, посвящена его докторская диссертация — «Очерки из истории русского языка», 1884). Он же написал первый систематический курс истории русского языка, который долгое время служил основным университетским пособием по этому предмету («Лекции по истории русского языка», 1888; 4-е издание — М., 1907). Как в своих исследованиях, так и в «Лекциях» данные памятников он сопоставляет с данными говоров (он был и крупным диалектологом — ему же принадлежит и первый «Опыт великорусской диалектологии», 1897). Прекрасный знаток памятников, Соболевский дает богатый материал, но в то же время он слишком эмпиричен и редко стремится реконструировать, хотя бы гипотетически, самую механику фонетических и морфологических процессов, ограничиваясь лишь констатацией фактов. Напротив, в работах последних лет (например, «Русско-скифские этюды». — ИОРЯС, XXVI, 1921; XXVII, 1922), исследуя древнейшие языковые связи восточных славян и вообще славян с другими племенами и народами, он делает порой слишком далеко идущие выводы и строит недостаточно обоснованные гипотезы.

Полную противоположность Соболевскому в методах исследования представляет его младший современник, очень часто выступавший как его противник, талантливый и разносторонний ученый, акад. А. А. Шахматов (1864—1920). Ученик акад. Ф. Ф. Фортунатова, при котором Московский университет стал одним из мировых центров лингвистической мысли, Шахматов воспринял от своего учителя методы тонкого и скрупулезного анализа языковых, в особенности фонетических, процессов древнейших эпох, восстанавливаемых на основании сопоставления косвенных данных и теоретических соображений. Сам Фортунатов занимался преимущественно общелингвистическими проблемами и проблемами сравнительной фонетики и морфологии индоевропейских языков. Впрочем, специально для истории русского языка имеет большое значение его работа, посвященная составу Остромирова евангелия («Сборник статей в честь В. И. Ламанского», ч. II, 1908). Шахматов приложил методы Фортунатова к исследованию истории русского и других славянских языков. Прекрасный знаток русских памятников, которые он изучал не только лингвистически, но и как источники русской истории (см., например, его «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», 1908), а также современных ему русских говоров, он шире, чем Соболевский, использовал диалектные данные для сопоставления с данными памятников, а также данные сравнительного славянского языкознания. Он показал, что для выяснения истории некоторых

явлений, относящихся к достаточно древнему времени, диалектные факты дают даже больше, чем данные памятников. Он строит смелые и стройные гипотезы, но, талантливый и в то же время увлекающийся ученый, порой впадает, не замечая сам того, во внутренние противоречия, чего не было у его более строго мыслящего учителя. Шахматову принадлежат капитальные исследования, посвященные отдельным явлениям истории русского языка, языку отдельных памятников и групп памятников определенных территорий и эпох, проблемам древнейшего диалектного членения русского языка и происхождения современных восточнославянских языков и их диалектов. Из трудов подытоживающего характера следует назвать такие, как «Очерк древнейшего периода истории русского языка», Пг., 1915, «Введение в курс истории русского языка», ч. I, Пг., 1916, «Историческая морфология русского языка», М., 1957 (представляет собой переиздание III тома его литографированного курса истории русского языка).

Ученые, в дальнейшем разрабатывавшие историю русского языка, в большинстве являются или непосредственными учениками, или продолжателями одного из двух названных выше ученых — Соболевского и Шахматова, причем, несомненно, большее значение имеют работы принадлежащих к школе последнего, хотя многие из них по ряду конкретных и даже основных вопросов высказывают несогласие с положениями Шахматова.

Из языковедов, стоящих особняком и не являвшихся учениками того или другого, следует назвать выдающегося белорусского ученого акад. Е. Ф. Карского (1861—1931), исследователя различных древних памятников, преимущественно западнорусских (т. е. старобелорусских), а также белорусских говоров и белорусского фольклора, белорусской литературы, старой и новой, славянской и, в частности, русской палеографии, автора капитального исследования «Белорусы» (1903—1922), посвященного белорусской этнографии, языку (истории и диалектологии), фольклору и истории литературы (часть этого труда, относящаяся к языку, переиздана в 1955—1956 гг.).

Образцом (для своего времени) фонетического исследования рукописного памятника в направлении, обозначенном Шахматовым, явилась работа Б. М. Ляпунова по языку Синодальной Новгородской летописи — работа не была закончена, рассмотрены, помимо палеографического описания, главным образом лишь редуцированные («Исследование о языке Синодального списка 1-й новгородской летописи», «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 2. СПб., 1900).

Из учеников Соболевского можно назвать Н. М. Каринского, продолжавшего работу своего учителя по исследованию древнепсковского диалекта (см.: Н. М. Каринский. «Язык Пскова и его области в XV веке». СПб., 1909).

По методам своим примыкал к Шахматову и очень ценился им молодой и рано умерший лингвист Л. Л. Васильев, оставивший несколько интересных исследований, посвященных языку (преимущественно фонетике) отдельных древнерусских памятников и отдельным явлениям исторической фонетики. Наиболее крупное из них, незаконченное «К вопросу о каморе» (Л., 1928), рассматривающее судьбу *о* под новым акутом в русском языке, опубликовано через 10 лет после его смерти.

Идеи Шахматова нашли отражение в книге Н. Н. Дурново «Очерк истории русского языка» (М., 1924). Ему принадлежат и некоторые более специальные исследования, например, посвященное некоторым фонетическим явлениям Архангельского евангелия 1092 г.

Выдающийся советский славист А. М. Селищев уделял большое внимание и истории русского языка. В первую очередь нужно назвать главу «Великорусское наследство и судьба его в Сибири» в его книге «Диалектологический очерк Сибири», вып. I (Иркутск, 1921), где рассматриваются (с привлечением данных и памятников) звуковые явления, связывающие сибирские говоры с северновеликорусскими говорами Европейской России.

Акад. В. В. Виноградов, занимающийся последние десятилетия преимущественно проблемами русского литературного языка и его истории, грамматики, лексикологии и лексикографии, начинал свою научную деятельность обширным исследованием, посвященным одному вопросу исторической фонетики, именно судьбе ѣ в севернорусском наречии (на материале памятников, говоров, показаний современников) — «Исследования в области фонетики севернорусского наречия», вып. I. П., 1922.

Акад. С. П. Обнорский, исследовавший различные древнерусские памятники, преимущественно в палеографическом и фонетическом отношении, и занимавшийся также общими вопросами возникновения русского литературного языка, известен своими трудами по исторической морфологии русского языка («Именное склонение в современном русском языке», вып. 1—2. Л., 1927—1931; «Очерки по морфологии русского глагола». М., 1953; в обеих книгах, наряду с фактами современного русского языка и его говоров, широко использованы и данные памятников).

В 30—40-х годах имели место попытки по-новому осмыслить факты исторической фонетики и морфологии русского языка, подойти к ним с диалектико-материалистической точки зрения. Но на первых порах они были неудачны, содержали много упрощенного и надуманного.

В годы после Великой Отечественной войны, отчасти в связи с общим вниманием, интересом к нашему прошлому, к прошлому нашей культуры развертывается разработка различных вопросов истории русского языка. Появляются работы, посвя-

щенные отдельным явлениям исторической фонетики и, в большей степени, морфологии, а также синтаксиса (многие названы в главе «Синтаксис»), общим проблемам возникновения русского языка и его диалектов, исследованию языка отдельных памятников, отдельных периодов в истории русского языка.

Из работ, исследующих общие вопросы возникновения русского языка и его диалектов, следует указать на ряд статей Р. И. Аванесова, который на основе исследования диалектного материала, в том числе и собранного в процессе работы над диалектологическими атласами народных говоров, приходит к иному взгляду, чем А. А. Шахматов, на возникновение и взаимоотношения русских диалектов (см. его статью «Вопросы образования русского языка в его говорах». — «Вестник МГУ», 1947, № 9 и др.).

Из работ по отдельным вопросам исторической фонетики и фонологии заслуживают внимания посвященные важнейшим проблемам вокализма: Р. И. Аванесов «К истории русского вокализма *i* и *y*» («Вестник МГУ», 1947, № 1), В. Н. Сидорова «Редуцированные гласные ъ и ь в древнерусском языке XI в.» («Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. II, 1953). Такому важному вопросу, как история отношений твердых и мягких согласных, посвящена работа Л. Э. Калнынь «Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке» («Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. XIII, 1956).

Из работ по различным вопросам исторической морфологии имеют значение такие, как монография С. Д. Никифорова «Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI столетия» (М., 1952), работы М. А. Гадолиной по истории личных местоимений («К истории некоторых форм личных местоимений в русском языке XIII—XIV вв.» — «Труды Ин-та языкознания АН СССР, т. V, 1955), С. В. Бромлей по истории сравнительной степени («Труды Ин-та языкознания», т. VIII), Е. И. Кедайтене по развитию категории одушевленности (несколько статей) и др.

Всестороннему анализу отдельных памятников и их групп посвящены, например, работы: П. Я. Черных. «Язык Уложения 1649 года». М., 1953; М. А. Соколова. «Очерки по языку деловых памятников XVI в.», Л., 1957 (преимущественно о языке Домостроя), коллективная монография «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот» (М., 1955; авторы отдельных разделов — Р. И. Аванесов, В. И. Борковский, Л. П. Жуковская, П. С. Кузнецов, Н. Б. Бахилина; лингвистический анализ этих грамот из позднейших раскопок сделан В. И. Борковским в книгах А. В. Арциховского и В. И. Борковского «Новгородские грамоты на бересте», из раскопок 1953—1954 гг. и сл.).

Как в прошлом, так и в последние годы истории русского языка уделяли внимание и зарубежные исследователи.

Еще в прошлом веке историей русского языка занимался видный специалист в области славянской филологии, хорват по национальности, профессор Венского университета, вместе с тем долго живший и работавший в России и бывший академиком русской Академии наук И. В. Ягич (1838—1923). Ему принадлежат интересные «Критические заметки по истории русского языка» (1889), посвященные разбору указанных выше «Лекций» А. И. Соболевского и содержащие некоторые интересные самостоятельные соображения, а также обширное исследование «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке» (ИпоРЯС, т. I, 1885—1895), где изданы и исследованы некоторые наши рукописные памятники по вопросам языка.

Вскоре после первой мировой войны в Германии вышла обстоятельная историческая грамматика русского языка К. Х. Майера; впрочем, появился только первый том (Karl H. Meyer. Historische Grammatik der russischen Sprache». Bd 1. Bonn, 1923).

Вопросами истории русского языка после первой мировой войны занимались члены сформировавшегося в Чехословакии, но объединившего ученых различных стран Пражского лингвистического кружка. Глава кружка, эмигрировавший из Советской России Н. С. Трубецкой, выдвинул новую, но недостаточно обоснованную гипотезу образования русского языка, которая была затем подвергнута серьезной критике А. М. Селищевым. Р. О. Якобсон сделал первый опыт изложения развития звуковой системы русского языка с фонологической точки зрения (см. его «Remarques sur l'évolution phonologique du russe». Prague, 1929).

Б. Унбегаун, русский по происхождению, но еще с дореволюционного времени учившийся и постоянно живший во Франции, опубликовал обширную монографию, посвященную морфологии русского языка первой половины XVI в. Вышел только первый том этой монографии («La langue russe au XVI-e siècle», I. Paris, 1935), содержащий лишь склонение.

Ряд статей по отдельным вопросам истории русского языка, а затем и систематически изложенную историческую грамматику русского языка опубликовал недавно умерший английский лингвист В. К. Метьюс (W. K. Matthews. «Russian historical grammar». London, 1960), где имеются попытки и структурного анализа различных исторически последовательных состояний русского языка. Но, хотя в этой книге и содержится много интересного и свежего (она к тому же охватывает не только собственно историческую грамматику, как следует из заглавия, но и историю литературного языка),

именно в изложении фонетики и морфологии она довольно поверхностна, а некоторые положения прямо вызывают возражения [1].

Как перед второй мировой войной, так и после нее за рубежом появлялись обстоятельные работы, посвященные анализу языка отдельных памятников и их групп, а также отдельным вопросам исторической грамматики на материале памятников. Таковы, например, работы норвежского лингвиста Хр. С. Станга, посвященные языку деловой письменности Полоцка (Chr. S. Stang. «Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk». Oslo, 1939) и переведенной в XVII в. печатной книги по военному искусству («La langue du livre „Ученïе и хитрость ратного строенiя пѣхотных людей 1647 года“». Oslo, 1952), работа немецкого лингвиста Р. Ружички по древнерусскому глагольному виду на материале Повести временных лет по Лаврентьевской летописи (R. Ruzicka. «Der Verbalaspekt in der altrussischen Nestorchronik». Berlin, 1957).

Источники сведений об истории русского языка

А. Письменные памятники

§ 2. Основным источником сведений по истории русского языка являются письменные памятники — рукописи и надписи. Различие тех и других прежде всего в материале, на котором нанесен соответствующий текст. Надписями принято называть тексты, нанесенные на твердом материале — камне, дереве, кости, металле, рукописями же — тексты, нанесенные на мягком материале — пергамене (пергамине), бумаге. На твердом материале тексты высекались или выцарапывались каким-либо острым орудием, только на иконах, материалом для которых служило дерево, наносились красками. На мягком материале тексты писались птичьим пером — обычно использовались гусиные перья, иногда лебяжьи, один раз упоминается павлинье (им писан один памятник начала XIV в.). Перья обмакивались в чернила, получаемые из чернильных орешков. Для заглавных букв, а также для некоторых отрезков текста (начала, заголовка и т. п.) использовались краски. Разграничение рукописей и надписей в известной мере условно. Найденные за последние годы при раскопках в Новгороде грамоты на бересте (березовой коре) обычно относят к рукописям, хотя текст на бересте выцарапывался (как на твердом материале) костяным или металлическим острием. Впрочем, в более позднее время на бересте писали и чернилами.

---

[1] См. рецензию П. С. Кузнецова. ВЯ, 1962, № 1.

Древнейшие наши рукописи писались на пергамене, выделывавшемся из кожи (особенно хороший из свиной). Бумага появляется в первой половине XIV в., но широкое распространение получает лишь в XV в., хотя и тогда, наряду с ней, продолжает использоваться пергамен.

Как в рукописях, так и в надписях, писанных на Руси, использовалось обычно так называемое кирилловское письмо, или кириллица (см. курс старославянского языка). Другая, более древняя система славянского письма, глаголица, также была известна некоторым из наших книжников, но не играла у нас такой роли, как кириллица. Отдельные элементы глаголического письма встречаются в памятниках, писанных в основном кириллицей (некоторые из наших рукописей, писанных кириллицей, списаны с южнославянских оригиналов, писанных глаголицей). Глаголические знаки встречаются в некоторых наших древнейших надписях. В позднейшее время, когда знание глаголицы широко распространено не было, она использовалась иногда как тайное письмо (своего рода шифр).

Графика письма на протяжении истории эволюционировала. Древнейшие наши рукописи и надписи писаны так называемым уставным письмом, или у с т а в о м. Характерной особенностью устава является прямолинейность начертания прямых линий (вертикальных и горизонтальных), элементы букв, содержащие кривые, также тщательно выписаны — представляют собой правильные овалы или дуги. Редко используются сокращения. Буквы между собой не соединяются. Редко используются лигатуры, т. е. связные начертания двух соседних букв.

Уставное письмо возможно лишь при медленном писании. С увеличением потребности в письме и письменных документах, что требует большей скорости процесса написания, устав сменяется п о л у у с т а в о м. Последний характеризуется некоторой небрежностью почерка, меньшей прямолинейностью, письмо становится наклонным к началу или концу строки. Шире используются сокращения, в особенности с выносом над строкой отдельных букв пропущенной части слова.

Еще большее ускорение письма, вызванное все растущими потребностями в письменной передаче, приводит к с к о р о п и с и. Письмо теряет прямолинейность, отдельные буквы сильно деформируются, распространяются связные написания (стремятся писать, не отрывая руки, вследствие чего соседние буквы соединяются).

Переход от устава к полуставу и от полуустава к скорописи осуществлялся постепенно, вследствие его точную границу между первым и вторым и между вторым и третьей указать трудно. Полуустав распространяется XV в., скоро-

ь появляется уже в конце XIV в., довольно распространена в XV в., а господствует лишь в XVI—XVII вв. И не все элементы, характеризующие этот тип письма, являются сразу. Так, связные написания букв еще редки в XVI в.

С распространением позднейшего типа письма более старый тип не выходит совершенно из употребления, а продолжает использоваться для определенных целей. Так, и в XVII в. для торжественных целей используется уставное письмо.

Со второй половины XVI в. на Руси начинает развиваться книгопечатание. Но в начале печатные книги редки, рукописи являются основным нашим источником и для XVII в. Широкое распространение печать получила лишь начиная с эпохи Петра I, т. е. с начала XVIII в. Тогда же была осуществлена реформа нашей азбуки: на основе кирилловского письма была создана более простая по начертаниям и сближенная в то же время с принятым в Западной Европе латинским письмом русская, так называемая гражданская азбука.

Для надлежащего использования данных памятника в историко-языковых целях о нем должны быть (по мере возможности) получены следующие сведения: 1) время написания (для определения времени, к какому относятся зафиксированные в памятнике явления); 2) место написания (в памятнике могут отразиться те или иные диалектные особенности); 3) оригинален памятник или списан с другого (более древнего, писанного в другой местности); 4) характер содержания памятника (для определения возможного отношения между традицией и особенностями живой речи). Некоторые из этих данных могут быть получены из з а п и с и, т. е. приписки писца (обычно в конце памятника, иногда в середине). В ряде случаев бывает точно указан не только год, но и день окончания (а иногда и начала) рукописи (особенно, если идет речь о достаточно объемистом памятнике), а также названо и место написания. При определении времени по записи необходимо иметь в виду, что летосчисление велось на Руси не от рождества христова, а от сотворения мира, от которого до рождества христова, согласно библейской традиции, прошло 5508 лет. Лишь в немногих грамотах отражается летосчисление, принятое у нас теперь.

Памятники с обозначением времени написания принято называть датированными. Время и место написания недатированных памятников можно определить (с известной степенью приближения) по некоторым косвенным данным, если они есть (например, указание, при каком князе или епископе памятник писан), или же на основании сопоставления данных его письма с данными датированных памятников.

Для древнейшего времени в наибольшем количестве представлены памятники церковно-религиозной литературы, в пер-

вую очередь богослужебные. В подавляющем большинстве они переведены с греческого на старославянский и затем уже списаны на Руси со старославянских (южнославянских) оригиналов. Оригинальные (древнерусские) части их представляют лишь записи (т. е. приписки) писцов (если они имеются), а в некоторых случаях различные заметки и добавления на полях, также сделанные писцами.

Древнейшим датированным памятником является Остромирово евангелие, писанное в 1056—1057 гг. (год начала и год окончания) для новгородского посадника Остромира. По содержанию это — краткий а́пракос (от греч. ἄπραχτος «недельный»), т. е. отрывки из евангелия, читаемые в церкви и расположенные по дням церковной службы. В конце довольно длинная запись — приписка писца дьякона Григория. Местом написания одни исследователи считают Новгород, другие — Киев (хотя евангелие и было писано для новгородского посадника, но особо ценные книги могли заказываться новгородцами в Киеве).

Известен и ряд других датированных и недатированных евангелий XI—XII вв. и более поздних. Среди них следует назвать Мстиславово евангелие около 1115 г., писанное, вероятно, в Киеве для князя Мстислава, сына Владимира Мономаха, и Юрьевское евангелие около 1120 г., писанное также, вероятно, в Киеве для Новгородского Юрьевского монастыря. Эти два евангелия представляют собой полные апракосы (различие кратких и полных апракосов состоит в том, что первые дают чтения лишь на праздничные дни и на дни накануне праздников, вторые же — на все дни); Галицкое евангелие 1144 г., найденное около Галича (в Галиции — Западная Украина) — первое по времени е в а н г е л и е т е т р (от греч. τέτρα «четыре», т. е. ч е т в е р о е в а н г е л и е, — полный текст всех четырех евангелистов) русского письма.

Из других церковно-богослужебных книг, помимо евангелий, известны различные списки а п о с т о л а (деяния и послания апостолов) — Христинопольский апостол XII—XIII вв. (писанный на Волыни или в Галиции), Ростовский апостол 1220 г. (писан в Ростове-Ярославском).

Первый полный текст Нового завета (т. е. свод канонической литературы, начиная с евангелия) был написан в середине XIV в. в Москве (так называемый Чудовский Новый завет), приписывался митрополиту Алексию. Он отличается от ранее писанных новозаветных книг тем, что представляет собой новый или, во всяком случае, вновь сверенный с греческим подлинником перевод на церковнославянский язык, принятый на Руси (текст, будучи более близким сравнительно с более ранними переводами к греческому подлиннику, содер-

жит в то же время некоторые черты, сближающие его с живой русской речью того времени).

Из ветхозаветных книг, восходящих через греческий, а иногда и непосредственно к древнееврейским оригиналам, известны различные списки псалтыри, т. е. собрания псалмов (например, Псалтырь 1296 г., по-видимому западнорусская, т. е. старобелорусская), паримейники, т. е. собрания паримей — отрывков из Ветхого завета, читаемых во время христианской службы (паримия — от греч. παροιμία «пословица»), например Новгородский паримейник 1271 г., книги пророков с толкованиями и др. Из последних в особенности имеют значение несколько рукописей XV и частью XVI в. (Чудовская № 184 XV в., Троицкой лавры № 90 1488 г., Московской духовной академии № 20 1489 г. и др.), восходящие к списанной в Новгороде в 1047 г. (т. е. раньше любой из дошедших до нас датированных рукописей) попом Упырем Лихим с глаголического текста (некоторые из них, в том числе Чудовская № 184, воспроизводят запись Упыря). Текст писан кириллицей, но в нем сохранились отдельные буквы и даже целые слова, написанные глаголицей.

Первым полным текстом библии (т. е. всех книг Ветхого и Нового завета) является так называемая Геннадиевская библия 1499 г., написанная по указанию новгородского архиепископа Геннадия. В ней были использованы различные библейские книги, имевшие хождения на Руси, а недостающие были вновь переведены, частью с латинского языка, частью же, возможно, и с древнееврейского. Текст пророков был переписан, по-видимому, с Чудовской рукописи № 184, причем и здесь, в конце текста пророка Даниила, воспроизведена запись Упыря.

В большом количестве дошла до нас житийная литература, т. е. жития святых. Древнейшие датированные собрания житий — Новгородские минеи 1095, 1096 и 1097 гг. (минея — от греч. μηναῖος «месячный» — собрание житий, расположенных на каждый месяц в порядке дней празднования). Из памятников, содержащих отдельные жития, следует назвать Ростовское житие Нифонта 1219 г. Древнейшие жития представляют собой списки со старославянских (южнославянских) переводов с греческого. В дальнейшем к ним присоединяются и оригинальные жития русских святых, например Житие Феодосия Печерского, сказание о Борисе и Глебе (древнейшие списки того и другого — в составе Успенского сборника конца XII в.).

Древнейшие памятники переводной литературы не ограничиваются только церковно-религиозным содержанием, но предназначены для удовлетворения самых различных запросов образованного по-тогдашнему читателя. Можно назвать Святославов Изборник 1073 г., писанный, по-видимому, в Киеве для

ББ932
БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА им. ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
www.ruslang.ru

великого князя Святослава Ярославича и представляющий своеобразную энциклопедию самых различных сведений (от астрономических до сведений по поэтике включительно).

Относительно многих памятников, переведенных с греческого, есть основания полагать, что они были переведены прямо на Руси, но не на живой древнерусский язык того времени, а на принятый у нас русифицированный церковнославянский язык (в источнике старославянский). К таким переводам относятся Хроника Георгия Амартола (дошла до нас в нескольких списках — древнейший, по-видимому, XIV в.), Пандекты Никона Черногорца (дошли до нас в нескольких списках и в различных редакциях, древнейший из них — Ярославский XII—XIII вв., древнейший датированный — 1296 г., Синодальной библиотеки № 836, хранится в ГИМ; пандекты (греч. πανδέκτης «всё вмещающий» — собрания поучительных рассказов из жизни деятелей христианской церкви).

Из нецерковных оригинальных памятников особое значение имеют летописи — погодные записи событий, содержащие вместе с тем и оценку их. Они интересны в отношении языка тем, что в них представлены, наряду с изложением событий, с одной стороны, речь исторических персонажей, часто в форме живого диалога, как его запомнили очевидцы, а с другой — рассуждения летописца по поводу событий, со ссылкой на различные известные ему источники, с цитированием их. Правда, все эти элементы в различных дошедших до нас летописях представлены в разной степени. Наиболее древними дошедшими до нас летописями являются: 1) Новгородская синодальная летопись (принадлежала ранее Синодальной библиотеке, ныне хранится в ГИМ), писанная частью в XIII, частью в XIV в.; 2) Лаврентьевская, списанная монахом Лаврентием в 1377 г. в Суздальской земле (по некоторым предположениям, в Нижнем Новгороде, ныне Горьком) с более раннего текста, законченного в начале XIV в.; 3) Ипатьевская (найдена в Ипатьевском монастыре близ Костромы) — список, по-видимому, псковский, первой четверти XV в., с более раннего текста, писанного в Галицко-Волынской земле. Начальную часть и Лаврентьевской и Ипатьевской летописи составляет так называемая Повесть временных лет (в несколько различных редакциях). Продолжение ее составляют в составе Лаврентьевской — Суздальская летопись, в составе Ипатьевской — Киевская и затем Волынская летопись. Подлинники начальных частей всех трех указанных летописей восходят к XI—XII вв.

Многочисленные памятники делового, юридического письма интересны тем, что во многих случаях они датированы и дошли до нас в подлинниках. Это прежде всего различного рода грамоты — духовные (т. е. завещания), договорные, вкладные (вклад монастырю, цер-

кви и т. п.), купчие и т. п. Древнейшая из них, которая может быть датирована приблизительно, — Мстиславова грамота около 1130 г. (точнее, от 1128 до 1132 г.), — вкладная грамота Киевского великого князя Мстислава Владимировича Новгородскому Юрьевскому монастырю, древнейшая же точно датированная — Смоленская грамота 1229 г., договорная смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой и Готским берегом (т. е. островом Готланд).

Древнейшим дошедшим до нас сводом юридических постановлений является сохранившаяся во многих списках двух редакций Русская Правда — древнейший список дошел до нас в составе Новгородской Кормчей книги 1282 г. (Кормчей книгой принято было называть свод церковных постановлений, имеющих юридическое значение, и постановлений светской власти, относящихся к церкви; большая часть Кормчей книги восходит к греческому источнику). Сохранился и ряд позднейших юридических сводов, вплоть до уже печатного Соборного Уложения царя Алексея Михайловича (1649 г.).

Много элементов бытовой речи содержит дошедшая до нас в нескольких списках (древнейший из них — второй половины XVI в.) своеобразная энциклопедия домоводства с ярко выраженными в то же время и характерными для Московской Руси воззрениями на общественный и семейный уклад, известная под названием Домострой.

Острополемический характер носит, совмещая в связи с этим элементы еще принятого как норма в XVI в. церковнославянского книжного языка с элементами живой речи, переписка царя Ивана IV с князем Андреем Курбским, сохранившаяся в списках XVII в. Образец деловой речи того же времени (т. е. второй половины XVI в.) представляют челобитные Ивана Пересветова. Много элементов приказного канцелярского языка, близкого к живой речи (приказами в Московском государстве называли канцелярии, ведавшие различными отраслями государственного управления), содержит сочинение Григория Котошихина о Московском государстве при царе Алексее Михайловиче (XVII в.).

Полемическая острота с высокой художественностью совмещаются в относящихся к XVII в. сочинениях идейного вождя старообрядчества протопопа Аввакума — в его житии, написанном им самим, и в его письмах различным лицам: в них своеобразно переплетаются элементы церковнославянского языка и русского просторечья.

Богатые географические и этнографические сведения содержатся в различных хожениях (хождениях), представляющих описания путешествий. Из них на первом месте должно быть поставлено Хожение за три моря (в Индию) тверского купца Афанасия Никитина, писанное в XV в. и дошедшее в позднейшем списке, в составе Тверской летописи.

От XV—XVII вв. сохранилась богатая литература, большей частью переводного характера, представляющая различные научные области. Почти исключительно в русских списках (в количестве нескольких десятков) сохранилась восходящая к греческому подлиннику Христианская космография (описание мира) Козьмы Индикоплова.

Дошедшие до нас памятники собственно художественной литературы относятся к более позднему времени. Особняком стоит выдающийся поэтический памятник эпохи феодальной раздробленности Руси — Слово о полку Игореве, — посвященный неудачному походу князя Игоря Святославича на половцев. Подлинник его, писанный в конце XII в., до нас не дошел, в начале XIX в. был известен лишь список, относящийся, повидимому, к XVI в. Он сгорел во время занятия Москвы Наполеоном в 1812 г., и мы в настоящее время располагаем лишь несовершенным изданием, осуществленным Мусиным-Пушкиным в 1800 г., и также несовершенной рукописной копией XVIII в.

От XV, XVI, а особенно XVII в. сохранилась богатая повествовательная литература, в большинстве своем представляющая переработки (прошедшие через несколько редакций) произведений западноевропейской и византийской литературы, но известны и оригинальные повести, некоторые из которых содержат много элементов живой речи.

Богатый материал для суждения о московском просторечье с конца XVII по начало XIX в. дают очень неустойчивые в орфографическом отношении подписи под лубочными картинками, печатавшимися в Москве и под Москвой и расходившимися в большом количестве.

Много дают для изучения новгородской речи в большом количестве найденные за последние годы при раскопках в Новгороде грамоты на бересте, являющиеся в подавляющем большинстве частными письмами. Они, правда, все недатированные, относятся (по данным языка и письма) к различному времени, причем наиболее древние предположительно к XI в. Как частные письма, эти грамоты меньше связаны традицией.

Из надписей особое значение имеет древнейшая датированная надпись на Тмутараканском камне 1068 г., сообщающая результаты измерения ширины Керченского пролива. Из предположительно более ранних, хотя и недатированных, должны быть отмечены надписи на монетах Владимира, Святополка, Ярослава Мудрого (по содержанию они очень кратки). До сих пор неясно значение надписи на сосуде, найденном при раскопках в Гнездове (недалеко от Смоленска), предположительно X в. Там содержится всего одно слово, читаемое различными исследователями по-разному, а кроме того, принадлежащее, может быть, не восточнославянскому языку.

Наконец, большое значение для изучения истории русского языка (собственно, для определения особенностей грамматической системы живого языка их времени) имеют писавшиеся и печатавшиеся на Руси в XVI и XVII вв. грамматики церковнославянского языка. Они дают в компактном виде парадигмы склонения и спряжения церковнославянского языка, в них много традиционного, идущего от античной грамматической традиции. Но самый подбор приводимых форм в ряде случаев указывает на осознание нашими грамматистами отношений, характерных для живого русского языка.

С другой стороны, представляют интерес и сведения о русском языке, сообщаемые современниками-иностранцами (нижненемецкое руководство по разговорному русскому языку, писанное в начале XVII в. в Пскове, «Грамматика» Г. В. Лудольфа, изданная в конце XVII в.).

В отношении географического распределения сохранившихся до настоящего времени памятников существенно, что древнейшие из них (за небольшими исключениями) относятся или определенно или предположительно к одному из двух важнейших центров древней Руси — к Киеву или Новгороду. С XII в. появляются памятники Галицко-Волынской земли, с начала XIII в. (и, может быть, конца XII), в связи с возвышением и увеличением удельного веса Ростово-Суздальской земли, — памятники ростовские, а затем и других мест этой области, с этого же времени — смоленские и полоцкие, а затем и других пунктов Западной Руси, с конца XIII в. — рязанские, с XIV в. — псковские. К XIV же веку, в связи с начинающимся именно в это время возвышением Москвы, будущего центра Русского государства, относятся древнейшие дошедшие до нас Московские памятники. Киев, напротив, теряет свое значение как политический и культурный центр. От конца XII и XIII вв. не сохранилось ни одного бесспорно киевского памятника. В дальнейшем Киев вновь возрождается, но уже как центр украинской культуры.

Б. Современные говоры

Вторым очень важным источником сведений по истории русского языка являются современные русские говоры, с которыми необходимо должны сопоставляться данные памятников. Для понимания некоторых явлений говоры дают даже больше, чем памятники. Для истории языка говоры важны в двух отношениях. С одной стороны, многие из них в том или ином отношении архаичнее, чем литературный язык: сошлемся хотя бы на факты, известные из курса диалектологии, — сохранение двух типов *о*, особые гласные на месте древнего *ѣ* и т. п. Современные говоры отражают различные последовательные этапы развития некоторых явлений (например, аканья, см. ниже).

С другой стороны, некоторые процессы, наметившиеся и в московском говоре, нормы которого легли в основу литературного языка, в части говоров продвинулись дальше, чем в литературном языке, стабилизация которого осуществилась в то время, когда соответствующие процессы еще не были завершены. Это относится, в частности, к некоторым процессам в области унификации склонения (см. ниже).

Помимо русских говоров, должны привлекаться в ряде случаев также белорусские и украинские говоры, поскольку древнерусский язык явился источником всех трех современных восточнославянских языков, а изоглоссы некоторых явлений, отражающихся в современных говорах, не совпадают с границами современных восточнославянских языков.

Подробнее на говорах здесь не останавливаемся, так как сведения о них известны из курса диалектологии.

В. Прочие источники

Из прочих источников следует прежде всего назвать родственные языки (славянские и индоевропейские в целом), сравнение с которыми позволяет восстановить процессы, протекавшие в дописьменное время, и лучше понять некоторые позднейшие процессы. Из языков, к сравнению с которыми мы прибегаем, особое значение имеет старославянский, знание фактов которого, помимо указанных целей, необходимо для разграничения в памятнике относящегося к книжной традиции и идущего из живой речи.

В первую очередь для исторической фонетики очень важно изучение фонетической структуры слов, заимствованных русским языком из других, родственных и неродственных русскому, и, напротив, слов, заимствованных этими языками из русского.

Данные топонимики, т. е. науки о географических названиях (от греч. τόπος «место» + ὄνομα «имя») на территории, исторически занятой русским языком, позволяют, в силу их устойчивости (многие из них на русском материале необъяснимы), установить, с какими народностями, на каких языках говорящими, сталкивались и соприкасались в прошлом предки русских.

Наконец, изучение исторических и археологических данных позволяет установить контакты, в которые вступали в древности восточные славяне с другими народами (а эти контакты могли оказать известное воздействие и на язык), а также наметить территориальные границы различных восточнославянских племен; последнее же имеет существенное значение для проверки и обоснования гипотез о диалектных различиях внутри восточнославянской области в древнейшую эпоху.

Образование русского языка и его диалектов

§ 3. Русский язык, вместе с белорусским и украинским, образует восточнославянскую группу славянской ветви индоевропейской семьи языков. Образование указанных восточнославянских языков относится к позднейшей эпохе. Источником всех их является совокупность очень близких друг к другу древневосточнославянских наречий (диалектов), объединяемая под общим названием «древнерусский язык», поскольку они были распространены на территории, где сложилось Русское государство, термин же *Русь* применялся в древности к землям и населению не только русским (в современном смысле слова), но и к украинским и белорусским. Восточнославянские наречия, на которых говорили первоначально различные восточнославянские племена, выделились некогда из единого общеславянского, или праславянского, языка.

Восточные и южные славяне в эпоху их первого соприкосновения и борьбы с Византией (свидетельства византийских источников об этом относятся к VI в.) образовывали племенные союзы, в состав которых входили племена, говорившие на столь близких наречиях, что общение в пределах союза не составляло никакого труда. По-видимому, не только восточнославянские наречия, но и все славянские языки в целом в эту эпоху были еще чрезвычайно близки друг к другу, все славяне легко могли понимать друг друга.

В IX—X вв., т. е. к тому времени, когда складывается Русское государство, восточные славяне были сосредоточены преимущественно в окрестностях озера Ильмень, в бассейне западной Двины, Днепра, верхнего течения Оки и Волги и на территории теперешних Волыни и Подолии. На юго-востоке восточнославянские поселения достигали, по-видимому, нижнего Дона и побережья Азовского и Черного морей (северный Кавказ).

Племенные союзы характеризовали в истории общественных формаций поздний этап развития первобытнообщинного строя. С переходом восточных славян к классовому обществу и с образованием Русского государства с центром в Киеве связано формирование древнерусской народности. Языковой единицей вместо племенного диалекта становится диалект области, тяготеющей в экономическом и политическом отношении к определенному городскому центру, впоследствии становящемуся центром феодального княжества. Такие укрепленные городские центры (др.-русск. *городъ* и означало первоначально «укрепленное, огороженное место, крепость») развились из торговых стоянок, существовавших еще в эпоху первобытнообщинного строя. Областные диалекты во многих случаях представляют собой дальнейшее развитие племенных диалектов, и границы област-

ного диалекта во многих случаях совпадают со старыми границами племенного диалекта. Так, археологические и исторические данные говорят о том, что, по крайней мере, на определенном отрезке границы древних племен словен и кривичей и соответственно границы Новгородской и Псковской земли эпохи феодализма совпадают. Интересно, что с этой границей совпадают и теперь границы распространения некоторых диалектных явлений. В некоторых случаях с образованием областей, тяготеющих к определенным городским центрам, на месте древних племен связана и известная языковая (диалектная) перегруппировка. В силу определенных условий в область с общим центром могли попасть потомки различных племен, и, напротив, единое племя могло расколоться и расслоиться между областями с различными городскими центрами, что не могло не отразиться со временем и на языке. Так, например, и Смоленск и Псков, являвшиеся впоследствии центрами определенных областей (земель), сложились на территории обширного племени кривичей; на территории этого же племени сложились и такие центры, как Ростов (ныне Ростов-Ярославский), Суздаль. Судя по памятникам, наречия потомков единого некогда племени друг от друга разнятся (в особенности отличается от остальных, судя по памятникам уже XIV—XV вв., псковское наречие), главным образом по фонетическим чертам. Напротив, в состав Суздальской земли, тяготевшей к таким центрам, как Ростов и Суздаль, как уже сказано, вошла часть потомков кривичей. Но в нее же вошла и северная часть потомков вятичей. И Москва, которая возникла, по-видимому, на территории вятичей, судя по древнейшим московским памятникам, первоначально в языковом отношении не отличалась от Ростово-Суздальской земли. Основная же масса потомков вятичей вошла в состав Рязанской земли (с центром в Рязани).

Русское государство с центром в Киеве, который первоначально возник как центр территории племени полян, было государством слабо централизованным. Еще слабее становится связь между различными частями его (хотя представление о единстве Руси в народном сознании, судя по памятникам древней письменности, никогда не прекращалось) в период развития феодализма (XII—XIII вв.). Разобщенность различных земель в середине XIII в. была усилена монгольским нашествием и дальнейшей зависимостью большей части Руси от Золотой орды. В особенности нарушена была непосредственная связь между юго-западом (Киевская, Галицко-Волынская земля) и северо-востоком (Ростово-Суздальская земля).

К XIV—XV вв. относится начало формирования современных восточнославянских языков на основе различных частей древнерусских говоров. Предпосылками для этого формирования послужили определенные исторические условия.

Северо-восточная (Суздальская) Русь становится центром собирания русских земель и борьбы с Золотой ордой. С XIV века начинается возвышение Москвы, первоначально небольшого города Суздальской Руси, превращающегося затем в политический, экономический и культурный центр государства. Под властью Московского князя постепенно собираются земли, расположенные к северу, югу и западу от Москвы.

Несколько ранее на западе начинается возвышение Литовского княжества. Литовские князья еще в XIII в. захватывают Западную Русь, в XIII—XIV вв. совершают набеги на юго-запад. В XIV в. в состав Литовского княжества входят Галицко-Волынская земля и Киев.

С образованием Московского государства на северо-востоке восточнославянских территорий и связано образование русской, или великорусской, народности и ее языка, который и кладет начало русскому языку в современном смысле слова. Этот язык и образуют те восточнославянские говоры, которые оказались на территории Московского государства. Они переживают ряд общих процессов, удаляясь в то же время от тех восточнославянских наречий, которые остались пределами нового постепенно централизующегося государственного образования. На территории Литовского княжества приблизительно в это же время на основе восточнославянских (древнерусских) наречий, оказавшихся там, формируются украинский и белорусский языки. Формирование на этой территории двух, а не одного языков объясняется сравнительной разобщенностью различных частей этого государственного образования, а также тем, что различные земли в разное время входят в состав его. Литовское княжество в XVI в. объединяется с Польшей, и украинская и белорусская народности на долгое время оказываются отторгнутыми от братского русского народа. Часть украинцев (население левобережной Украины и Киева) воссоединяется с русскими во второй половине XVII в. (после восстания против гнета панской Польши), другая часть украинцев и большая часть белорусов — во второй половине XVIII в. (в результате разделов Польши, после которых большая часть правобережной Украины и Белоруссия отходят к России). Окончательное воссоединение всего украинского и всего белорусского народа с русским произошло в результате включения в состав СССР западноукраинских и западнобелорусских земель в сентябре 1939 г., полностью же — лишь после Великой Отечественной войны.

§ 4. Образование современных восточнославянских языков и их говоров связано было, по-видимому, с некоторой перегруппировкой древнерусских (древневосточнославянских) наречий. Но в истории образования современных языков с их основными диалектами и в том, какими отношениями связаны эти более

новые подразделения с древними восточнославянскими диалектами, остается еще много спорного и нерешенного.

Из старых лингвистов наиболее детально гипотезу образования современных восточнославянских языков разработал А. А. Шахматов[2]. По его мнению, восточнославянские племена распадались в этнографическом и языковом отношении на три группы — северную, включавшую племена словен и кривичей (побережье озер Ильмень, Чудское и Псковское, среднее и верхнее течение Зап. Двины, верховья Днепра и верховья Волги); южную, включавшую большую часть восточнославянских племен, т. е. полян, древлян, северян, дулебов, уличей, тиверцев; восточную — включавшую лишь племя вятичей, занимавшее сначала низовья Дона и побережье Азовского моря, а затем оттесненное на северо-запад кочевниками и занявшее верховья Оки. В качестве языковых, и именно фонетических, черт, характеризовавших эти группы уже в древнейшие времена, Шахматов приводит *цоканье* для северной группы, *γ фрикативное* для южной, *аканье* для восточной (все эти черты отмечены в курсе диалектологии; в плане исторического развития подробнее см. ниже). Современный украинский язык сложился на основе большей части южной группы, современный белорусский язык — на основе северной части южной группы, именно части древлян, некоторой части восточной группы (части вятичей) и племенных диалектов радимичей и дреговичей, расположенных на западе восточнославянской территории (эти племена, которые наша летопись перечисляет среди русских племен, Шахматов считал по происхождению западнославянскими, именно ляшскими, т. е. польскими). Северная группа и оставшаяся часть восточной группы легли в основу русского (великорусского) языка, причем первая легла в основу современного северновеликорусского наречия, а вторая — в основу южновеликорусского. Переходные средневеликорусские говоры, тянущиеся узкой полосой с северо-запада на юго-восток между этими двумя наречиями, образовались позднее на стыке последних.

В гипотезе Шахматова имеются отдельные вполне правдоподобные положения. Заслуживает внимания идея позднего возникновения переходных говоров, а также положение о том, что некоторые современные диалектные черты древнéе образования современных восточнославянских языков, поскольку изоглоссы этих черт (например, акания) пересекают границы современных языков. Но в целом в этой гипотезе много спорного, а порой и прямо неприемлемого. В последние годы гипотеза Шахматова неоднократно подвергалась критике, в особенности в различных

---

[2] См. подробнее: А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, ч. I, Пг., 1916; его же. Древнейшие судьбы русского племени, Пг., 1919.

статьях Р. И. Аванесова, который высказывал, помимо критических, и некоторые свои положительные соображения[3]. Во-первых, из указанных выше черт, характеризующих древние группы, лишь цоканье бесспорно является достаточно древним (см. ниже, § 53); во-вторых, даже цоканье не может быть признано в качестве черты, характеризующей всю северную группу, и только ее; в-третьих, Шахматов не учитывает тех перегруппировок диалектов, которые происходили, возможно, при переходе от племенных диалектов первобытно-общинного строя к областным диалектам эпохи феодализма; в-четвертых, западнославянская принадлежность племенных диалектов радимичей и дреговичей оспаривается. Аванесовым выдвинуто предположение о наличии двух очагов, откуда идут в восточнославянской области новообразования: северо-восток (т. е. территория Ростово-Суздальской земли) и юго-запад (Волынь и Галиция). Распространяясь из этих основных очагов к периферии, новообразования затухают. Таким образом, одной из таких зон новообразований является великорусская (русская в современном смысле) территория, другой — украинская; запад, т. е. белорусская территория, является зоной, где новообразования затухают (такими новообразованиями являются, например, аканье, см. § 102, воздействие последующих согласных на качество гласных, см. § 95, 97, удлинение гласных в новых закрытых слогах, см. § 86, и т. п.).

Происхождение и развитие письменности и литературного языка

§ 5. Предположения, выдвигавшиеся некоторыми учеными о древнем и самобытном происхождении письма на Руси, о наличии такого письма в дохристианские времена, не имеют под собой сколько-нибудь прочных оснований. Конечно, в отдельных случаях древние восточные славяне могли использовать, без строгого упорядочения, знаки других народов, уже обладавших письменностью.

Письменность широко распространилась у нас с принятием христианства в той форме, восходящей к греческому письму, какая использовалась у близкородственных восточным славянам по языку южнославянских болгар. Массовое принятие христианства в княжение Владимира, и именно в его византийской форме, являлось актом, имеющим политическое значение, поскольку церковь в средние века играла очень большую роль в общественной и хозяйственной жизни любой страны.

---

[3] См.: Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», 1947, № 9; его же. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. — ВЯ, 1955, № 5, и др.

Довольно распространено было у нас христианство и до его массового принятия. Введение христианства потребовало появления богослужебных книг; впрочем, письмо в самые ранние времена использовалось не только для богослужебных целей.

С распространением письменности утверждается у нас и литературный (письменный язык), который во многом отличается от живой, разговорной речи. В отношении литературного языка древней Руси также выдвигались различные предположения.

Согласно наиболее распространенной еще в дореволюционное время теории, разработанной акад. А. А. Шахматовым и поддержанной большинством лингвистов, в качестве литературного, письменного языка был использован старославянский, сложившийся на Балканском полуострове (в основе своей южнославянский, болгарский или македонский).

В 30-х годах этого столетия акад. С. П. Обнорский выдвинул теорию самобытного возникновения древнерусского литературного языка, отразившегося в наших древнейших памятниках нецерковного характера и лишь впоследствии подвергшегося «ославяниванию»[4]. Но неизбежной предпосылкой этой теории является наличие в древней Руси самостоятельной письменности в дохристианские времена, поскольку речь идет о письменном языке. А такой письменности мы не знаем.

Акад. В. В. Виноградов и многие другие советские лингвисты придерживаются точки зрения, согласно которой в древней Руси был представлен литературный язык двух типов: 1) церковнославянский (т. е. русифицированный старославянский), использовавшийся и в церковно-религиозной литературе, и в ряде других жанров; 2) более близкий к живому, разговорному, но также воспринявший известное количество церковнославянских элементов, представленный в первую очередь в памятниках деловых, юридических[5].

Ввиду слабой централизации Киевского государства, а особенно сравнительной разобщенности различных областей эпохи феодальной раздробленности различные типы литературного языка получают местную окраску, в зависимости от того, в каком крупном или второстепенном центре памятник писан.

Образование Московского государства, с его все растущей централизацией, формирование на основе русской народности русской нации и национального языка, вызванное возрастаю-

---

[4] См.: С. П. Обнорский. О языке Русской Правды. «Известия АН СССР. Отд. обществ. наук», 1934, № 10; его же. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946.

[5] См.: В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958 (IV Международный съезд славистов. Доклады).

щей потребностью общего рынка и охватывающее примерно вторую половину XVII в., приводит к тому, что московская разновидность литературного языка, в которой отражаются особенности живой московской речи, вытесняет на протяжении XVI—XVII вв. остальные разновидности литературного языка на территории этого государства. Вместе с тем все повышается удельный вес языка делового, юридического, и раньше наиболее близкого к живой речи. Это создает предпосылку для образования русского литературного языка на живой национальной основе. Однако до конца XVII в. включительно в качестве литературной нормы у нас господствует церковнославянский язык, используемый не только в церковно-богослужебных целях, но обслуживающий самые различные литературные жанры.

Окончательный переход к собственно русскому литературному языку осуществился лишь в XVIII в., с эпохи Петра I, когда все большее развитие, с одной стороны, деловой письменности, а с другой — научной и технической литературы, преимущественно переводной с других языков, для которой не подходил церковнославянский, требует широкого использования живой речи.

В основу национального литературного языка всегда ложится какой-нибудь живой говор. Живой московский говор, являющийся одним из средневеликорусских переходных говоров, лег в основу нового русского литературного языка. Это объясняется тем, что центром нового сложившегося на северо-востоке Русского государства явилась Москва. Правда, с начала XVIII в. столица была перенесена в Петербург, но, как новый центр, он сначала не выработал еще своего особого говора, да и заселен он был первоначально в значительной мере из Москвы. Впоследствии некоторые особенности в петербургской речи, отличавшие ее от московской, все же выработались.

§ 6. Развитие письменного языка на территории, где формировались украинский и белорусский языки, во многом подобно развитию письменного языка Суздальской, а затем Московской Руси. Также в качестве литературной нормы, и не только в памятниках церковно-религиозного характера, использовался церковнославянский (в источнике старославянский) язык в его местных разновидностях. В деловом же письме использовался язык, более близкий к живой речи. Восточнославянская речь была широко распространена в Литовском великом княжестве, что отчасти объясняется культурным превосходством восточных славян того времени над литовцами. Литовские бояре обычно свободно говорили на западнорусском языке — прототипе белорусского. Этот язык был принят и в деловой переписке княжеской канцелярии, притом не только в белорусских, но и в украинских землях, где документы более частного характера

пишутся на языке, близком к тогдашнему украинскому. Литовский статут 1588 г. прямо предписывает вести переписку «по-русски» (термин *русьскии* не только в XVI, но и в XVII в. продолжал использоваться в качестве названия каждого из трех существовавших в это время восточнославянских языков).

Традиция же церковнославянского литературного языка на Украине и в Белоруссии поддерживалась и культивировалась едва ли не в большей степени, чем в Московской Руси. Это объясняется тем, что со второй половины XVI в., когда осуществилось государственное объединение Литвы и Польши, на Украине и в Белоруссии начинает распространяться, а затем и господствовать польский язык в быту и частью в официальной переписке, латинский язык в католической церкви, литературе, частью и в деловых документах. И если Литовский статут в конце XVI в. требовал деловой переписки на русском (белорусском) языке, то одно из решений сейма конца XVII в. требует вести переписку на польском языке на всей территории Польши, т. е. и в Белоруссии. Церковнославянский язык используется как знамя борьбы за национальную, религиозную и культурную самостоятельность восточнославянского населения Польши. Ему специально обучают, наряду с греческим и латинским, в братских училищах, создаваемых еще в XVI в. при православных монастырях Украины и Белоруссии для борьбы с распространявшимися там католическими школами, а затем в Киевской академии (коллегии), созданной Петром Могилой в XVII в. с той же целью. В XVI и XVII вв. на Украине и в Белоруссии появляются не только рукописные, но и печатные руководства (грамматики) по церковнославянскому языку.

В силу указанных обстоятельств церковнославянский язык в качестве литературно-книжного дольше держался в областях украинских и белорусских, чем в русских (великорусских). Первые опыты письменного, литературного оформления живой украинской и белорусской речи относятся уже ко второй половине XVIII в. и на первых порах имеют меньшее значение, чем русский литературный язык на живой национальной основе, который хотя в это время и был еще в стадии становления (оформление его еще не завершилось), но уже явно одержал победу над церковнославянским языком и прочно утвердился в своих правах.

Вопрос о становлении и дальнейшем развитии нового русского литературного языка подлежит рассмотрению в курсе истории русского литературного языка, составляющем вторую часть курса истории русского языка, вопрос же о развитии украинского и белорусского литературных языков — в курсах соответствующих языков.

Проблема периодизации истории русского языка

§ 7. Проблема периодизации истории русского языка, т. е. установления основных периодов его исторического развития, до сих пор еще окончательно не разрешена. Поскольку история языка теснейшим образом связана с историей народа, казалось бы, проще всего разбить ту и другую историю на одни и те же этапы. Но связь эта очень сложна. Развитие общества, производства, экономики, культуры находит отражение прежде всего в словаре, так как новые предметы и явления требуют оформления соответствующих понятий в словах. Звуковая же система и грамматический строй языка развиваются медленно, постепенно, а кроме того, оба они представляют собой сложную структуру, элементы которой взаимно связаны. Определенную систему представляет и лексика, но элементы ее более подвижны. Развитие грамматического строя связано с развитием человеческого мышления, а развитие мышления в свою очередь связано с развитием общества и производства. Но связь эта очень сложная и опосредствованная.

Если говорить о связи истории языка с историей народа, говорящего на данном языке, в отношении к фонетике и морфологии, отчасти и к синтаксису, то эта связь отражается прежде всего не в появлении или утрате каких-то фактов, а в территориальном распространении тех или иных явлений (или, напротив, в сохранении каких-либо черт на какой-то ограниченной территории при утрате их на остальных территориях, занятых населением, говорящим на данном языке). Так, например, распространение аканья на территории впоследствии южновеликорусской и белорусской, т. е. несовпадение границ его с границами двух современных восточнославянских языков, может объясняться тем, что, во-первых, это явление возникло еще до образования этих языков (а для их оформления как различных языков были, как мы видели выше, определенные исторические причины), во-вторых, для распространения аканья по данной обширной территории необходимо существование в какую-то эпоху реальной, вызванной некоторыми историческими причинами связи населения данной территории. Точно так же, распространение форм им. и вин. п. мн. ч. на *-а* у существительных не среднего рода лишь на территории русского (великорусского) языка объясняется тем, что это явление возникло уже после образования русского языка в современном смысле этого слова (см. ниже, § 150).

§ 8. Если исходить при периодизации из явлений самого языка, то окажется, что не совпадут основные периоды развития письменного (литературного) языка и живой, диалектной речи. Если не говорить о более дробных подразделениях, то история литературного языка может быть разбита на два боль-

ших периода: 1) с древнейших времен по XVII в. включительно — эпоха господства в письменности как нормы церковнославянского (старославянского в источнике) языка; 2) с XVIII в. до настоящего времени — новый русский литературный язык на живой национальной основе.

Если же взять живой разговорный язык и язык той письменности, которая ближе стоит к живой речи, то можно разбить историю языка также на два основных периода, но граница их во времени не совпадает с указанной выше: 1) период древнерусского языка, с древнейших времен по XIV в. включительно; 2) период современных восточнославянских языков — русского (великорусского), белорусского и украинского (с XV в. до настоящего времени). Конечно, граница определяется приблизительно.

Иногда, совмещая оба деления, принимают комбинированную периодизацию, в результате чего получаются (условно) три периода: 1) древнерусский язык (единый, как источник всех трех современных восточнославянских языков) — с древнейших времен по XIV в. включительно; 2) старорусский язык — с XV по XVII в. включительно; наряду с ним развиваются уже как особые языки белорусский и украинский; 3) новый, или современный, русский язык — с XVIII в. до наших дней.

Но дата возникновения современных восточнославянских языков на базе древнерусских наречий — это тоже не вполне лингвистическая дата. Различие языка и диалекта определяется особенностями исторического, национального, культурного развития соответствующих народов, а не степенью чисто языковой близости. Некоторые языковые особенности (в первую очередь фонетические), отличающие друг от друга эти языки (в особенности отличающие украинский от двух других), возникли раньше, чем эти языки окончательно обособились.

И если говорить о развитии языковой структуры, то на основании отдельных черт, проникающих в письменность, можно утверждать, что живой язык XIII в., по крайней мере в некоторых областях, фонетически и морфологически в целом был ближе к современному русскому языку, чем к древнерусскому языку XI в. Конец XII и начало XIII в. явились эпохой значительной перестройки звуковой системы всего древнерусского языка. Памятники же XIII в. отражают и многие новшества в области морфологии.

Русский язык среди других языков

§ 9. Русский язык издавна вступал во взаимодействия с различными языками, как родственными, так и неродственными. Многие племена и народности жили прежде на той территории, где впоследствии распространились восточные славяне. Многоплеменным составом характеризовалось древнее Киевское

государство. Наряду с восточными славянами, в нем были различные племена, говорившие на финно-угорских языках. Многонациональным с самого начала явилось и новое Русское государство с центром в Москве. Новгород, еще до присоединения к Москве, распространил свои колонии по всему северо-востоку европейской части России — эти земли были заняты преимущественно финно-угорским населением. С присоединением Новгорода к Москве все эти земли вошли в состав Московского государства. Экспансия Московского государства на восток и северо-восток продолжалась, в особенности после побед, одержанных над Золотой ордой. Падение ее повлекло и захват татарских царств на Волге. С XVI в. начинается продвижение в Сибирь.

На северо-западе восточные славяне издавна соседствовали с племенами, говорившими на близких к славянским балтийских языках. На юге еще в древнейшие времена восточные славяне тесно соприкасались с кочевниками (печенегами, затем половцами), говорившими на тюркских языках. В Повести временных лет (по Радзивиловской летописи) *тиверцы*, одно из наиболее южных восточнославянских племен, называются *толковинами*, т. е. переводчиками (по-видимому, имеется в виду их двуязычность). С различными племенами и народностями, говорящими на тюркских языках, приходилось сталкиваться русским и позднее, во время борьбы с Золотой ордой и экспансии на восток.

Юг России до восточных славян населяли скифы, а затем сарматы, говорившие на языках иранской группы индоевропейских языков.

В составе населения Новгородской и Киевской Руси, особенно в ее правящем классе, было довольно много скандинавского элемента, что видно уже по собственным именам князей и их дружинников. Впрочем, этот элемент довольно быстро ассимилировался со славянским.

Все это не могло не отразиться на языке. Многочисленные заимствованные слова входили в восточнославянскую речь. Те из них, которые вошли в давние времена, подверглись значительному преобразованию, и во многих случаях по внешнему виду мы не отличим их от унаследованных от праславянского (тем более, что некоторые заимствования из других языков могли проникать и в него) и, далее, от общеиндоевропейского. Многие заимствования не являются общими для всех восточных славян и, позднее, русских, а характеризуют лишь отдельные диалекты.

Языки народов, с которыми соприкасались восточные славяне, могли оказывать воздействие не только на словарь, но и на звуковую систему, в меньшей степени на грамматический строй русского языка. В особенности это имеет место тогда,

когда население, говорившее на соответствующем языке, было поглощено восточнославянским, перешло на восточнославянскую речь (об отдельных явлениях в области фонетики, объясняющихся таким образом, см. ниже; в грамматике речь идет, может быть, лишь о некоторых и очень немногих синтаксических конструкциях; в словообразовании же воздействие других языков в большей степени сказывалось в заимствованиях, идущих книжным путем, а также поздних).

§ 10. Русское государство с центром в Москве с самого начала явилось, как уже сказано, государством многонациональным. Таким оно продолжало быть, включая все новые и новые народности, а затем и нации, и в эпоху Российской империи (начиная с Петра I). Однако не все национальности и национальные языки развивались в этой империи в одинаковых условиях. В капиталистическом многонациональном государстве обычно первенствующее положение занимает язык одной господствующей нации. В дореволюционной России господствовали классы русских помещиков и капиталистов. Поэтому русская нация объявлялась господствующей, а остальные нации и народности, правда, разные в различной степени, угнетались. Запрещались (а если разрешались, то с большими ограничениями и не для всех национальностей) школы на национальных языках, национальная печать. За близкородственными русскому украинским и белорусским языками не признавалось даже права считаться самостоятельными языками (официально они рассматривались как наречия русского языка).

В особенности этот национальный гнет усилился во второй половине XIX и в начале XX в., в связи с ростом национального самосознания и усилением борьбы за свои национальные права украинцев и белоруссов.

Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция принесла подлинное равноправие и открыла небывалые возможности для свободного развития национальных культур и языков всем народам Советской России и затем Советского Союза. Это равноправие подтверждено новой программой, принятой XXII съездом КПСС. Среди задач, выдвигаемых партией в области национальных отношений, стоит: «... обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков. В условиях братской дружбы и взаимного доверия народов национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимообогащения» (ч. II, раздел IV, п. «г»). Это нисколько не препятствует тому, что «русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР» (там же).

ФОНЕТИКА

ОРФОГРАФИЯ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГОВОРА ПИСЦА

§ 11. Фонетические особенности древнерусского языка и фонетические изменения, происходящие в русском языке на протяжении его истории, устанавливаются на основании колебаний в написаниях в письменных памятниках различных эпох, на основании отступлений от принятых орфографических норм. Нормы использования букв, сложившиеся на почве старославянского языка, некогда отражали живые отношения звуковой системы одного из южнославянских наречий, но уже для эпохи древнейших дошедших до нас русских памятников не соответствуют полностью фонетике какого бы то ни было южнославянского или восточнославянского наречия. Основным орфографическим принципом для древних писцов был принцип традиционный, т. е. они стремились писать так, как писали раньше, но при этом им случалось делать ошибки, обусловленные их собственным произношением. На основании этих ошибок мы и судим о фонетических особенностях того языка или говора, носителем которого является писец памятника.

Так, например, знаки *оу* и ѫ некогда обозначали различные звуки — *-u* и *ǫ*, — существовавшие в общеславянском языке и перешедшие затем в отдельные славянские языки, в некоторых из которых (например, в старославянском) они и сохранились вплоть до эпохи памятников. В древнерусском языке в XI в. на месте этих двух гласных произносили одно *и* (см. подробнее ниже, § 33). Для обозначения же этого *и* употребляли два знака — *оу* и ѫ, но даже в памятниках, списанных с южнославянских оригиналов, а тем более в оригинальных, употребляли эти знаки неправильно, т. е. не в соответствии с этимологией. Ср., например, в Остромировом евангелии: *пороучение* вместо *порѫчение* (запись), но *порѫчи* (там же).

В определенную эпоху в части восточнославянских наречий начинается а к а н ь е (подробнее об этом явлении см. в курсе

русской диалектологии). Вследствие господства традиционного принципа в нашей орфографии писцы и после наступления аканья стремятся различать *а* и *о* не только под ударением, но и в безударном положении. Но, поскольку в безударном положении они в своем живом говоре слышат уже не *о*, а *а* или редуцированный гласный, они могут иногда написать и *а* вместо *о*. Так, в записи Московского (так называемого Сийского — по месту первоначального хранения) евангелия 1339 г. мы находим *въ апустѣвшии земли*.

Фонетические особенности устанавливаются и на основании так называемых обратных начертаний. Писец, произносящий *и* в соответствии с старославянским *ǫ*, может написать не только *оу* вместо ѫ (или *ю* вместо ѭ), но и наоборот — ѫ, ѭ вместо *оу*, *ю*, а акающий писец в безударном слоге — не только *а* вместо *о*, но и *о* вместо *а*. Ср., например, *шьдъшоуѭ* (род. п. дв. ч., Остр. ев., л. 6 об.) вместо *шьдъшюю*, *поржщаѧ* (Коломенск. палея 1406 г.) вместо *паржщаѧ*. Существенно, что первый писец знает о существовавшем некогда различии в употреблении букв ѫ и *оу* (ѭ и *ю*), а второй — о различии и возможности использования в древности в безударном положении как *а*, так и *о*, но в соответствии с двумя знаками в его собственном произношении имеется один звук, который он и может обозначить то одной, то другой буквой не всегда в соответствии с этимологией. Подобно этому современный учащийся, недостаточно усвоивший орфографические правила, может в безударном положении написать не только *а* вместо *о*, но и *о* вместо *а*.

Орфографические нормы со временем меняются, и те написания, которые первоначально представляют собой единичные отступления от нормы, обусловленные живым произношением, в свою очередь становятся нормой. Устанавливаются эти новые нормы не внезапно, в результате какого-то постановления (подобно тому, например, как в 1917 г. была введена новая русская орфография), а постепенно, стихийно, но приблизительно время их установления может быть определено.

Первоначально писцы стремились писать по старославянским нормам. Со второй половины XII в. устанавливается и для церковных памятников русифицированная орфография[1]: совсем выходят из употребления ѫ, ѭ, ѩ, буква же ѧ сохраняется частью в том же значении, что ѩ, но с тенденцией разграничения в употреблении: ѩ в начале слова и после гласных в значении *ja*, ѧ после согласных в значении *ä* или *а* после мягких (например, ѩзъ, *моѧ*, *видѧть*). Впрочем, разграничение первоначально не было столь строгим, встречаются написания

[1] Для нецерковных раньше, ср. Мстиславову грамоту около 1130 г. и древнейшие новгородские берестяные грамоты.

ѧ после гласной и в начале слова (в значении *ja* или *jä*), ꙗ после согласной, т. е. написания типа землꙗ, моѧ. В качестве памятника, вообще не соблюдающего указанного разграничения в употреблении ꙗ и ѧ, можно указать русский список Богословия Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха Болгарского конца XII в. (Синод. б-ки № 108).

Известному преобразованию наша орфография подверглась после падения редуцированных, которое постепенно привело к коренной перестройке всей нашей звуковой системы (см. ниже). Обнаруживается явная тенденция постановки ъ и ь преимущественно на конце слова и для обозначения произношения после них *j* перед последующим гласным (например, *марьꙗ*, фонетически *már'ja*), а ь внутри слова также и для обозначения мягкости предшествующего согласного, т. е. употребление, свойственное русской орфографии XIX—XX вв., хотя и не столь последовательно проведенное (только в результате реформы 1917 г. в настоящее время не пишется ъ на конце слова). Новая система уже господствует в памятниках второй половины XIV в. (например, в Лаврентьевской летописи 1377 г.).

С конца XIV, а особенно с начала XV в. начинается так называемое второе южнославянское влияние, обусловленное тем, что Балканский полуостров в это время захвачен турками, а многие южнославянские книжники находят приют на Руси, освобождающейся от власти Золотой орды и становящейся оплотом восточной христианской церкви. Наша письменность подвергается сильному воздействию со стороны письменности болгарской, а частью и сербской, вследствие чего некоторые написания наших памятников этой эпохи отражают особенности болгарской, частью сербской фонетики. Вновь вводится употребление ѫ (юса большого), причем наблюдаются случаи смешения ѫ и ѧ (например, ѫзыкъ, ꙗзыкъ вместо этимологического ѧзыкъ), объясняющиеся тем, что в среднеболгарском языке *ę* и *ǫ* в определенных условиях не различались. Наблюдаются случаи употребления нейотированных гласных вместо йотированных (например, написания типа *моа* вместо *моꙗ*), объясняющиеся утратой *j* между гласными в болгарском и сербском языках. Смешиваются ъ и ь на конце слова, с явным преобладанием ь (ср., например, ꙗзыкь вместо ꙗзыкъ в Переяславском евангелии 1354 г.). Смешение это объясняется тем, что после падения редуцированных ъ и ь на конце слова служили лишь для обозначения твердости и мягкости конечных согласных, а в южнославянских языках согласные по твердости и мягкости не различаются. Ѣ вместо ъ пишут и в составе ы.

Широко распространено в памятниках, подвергшихся второму южнославянскому влиянию, написание ъ, ь после плавных между согласными в сочетаниях, восходящих к общеславянским **tъrt*, **tьrt*, **tъlt*, **tьlt*, например, *влъна*.

Второе южнославянское влияние в первую очередь охватило церковно-книжную письменность, причем раньше и глубже сказалось на юго-западе (например, в Киеве), а не в Московской Руси, но не прошло без следа и для делового письма. Остатком этого влияния является принятое в XVII в. в московских деловых документах сочетание *всеа руси* «Всей России» (в титуле Московского царя) вместо *всѣ руси* или хотя бы *всеѧ руси*. Но вообще за пределами собственно церковно-религиозной литературы написания, вызванные вторым южнославянским влиянием, в московской письменности не сохранились.

Изменениям подвергались, как видно уже из выше сказанного, не только орфографические, но и графические нормы. Об изменении графики свидетельствует, например, использование в одну эпоху и, напротив, отсутствие в другую эпоху ѫ, ѭ, ѩ. К области же графики относится и утрата разграничения в употреблении ѣ и ѧ и замена обоих буквой *я*. ѣ и ѧ, при всех видоизменениях, различаются в уставе и в полуставе. В результате постепенной деформации в скорописи они дают один знак *я*, который переходит и в наше современное письмо (в гражданском письме, введенном в XVIII в., устанавливается его печатное начертание). Этот знак, употребляющийся в значении и древнего ѣ и древнего ѧ, обозначает как звукосочетание *ja*, так и гласный *а* после мягких согласных.

§ 12. Говоря о графике и орфографии и их эволюции, необходимо остановиться на средствах, относящихся к слову в целом, а именно на правилах переноса (если слово не умещается на одной строке), отграничения слова от соседних слов, сокращениях слова и ударении.

Наше правило переноса по слогам очень древнего происхождения: оно отражается уже в древнейших как старославянских, так и древнерусских памятниках, правда, лишь как тенденция, хотя и достаточно отчетливо проведенная (с некоторыми отступлениями от общего правила в памятниках все же приходится встречаться). Поэтому в древнейших памятниках на концах строк нормально стоят гласные буквы, в том числе ъ и ь, которые до падения редуцированных обозначали гласные звуки. Специального же знака переноса, как и в старославянских памятниках, не было. Постановка на конце строки согласных букв обычно наблюдается лишь в случае выносного титла, о котором см. ниже. Других правил, характерных для современной нашей орфографии, не было: морфологическое членение слова при переносе во внимание не принималось, не было также правила, запрещающего отделять при переносе одну букву.

Вследствие господства в нашей древней орфографии традиционного принципа, о чем уже говорилось, правило постановки на конце строки гласных букв, к которым относились

и ъ, ь, сохраняется и после падения редуцированных, когда знаки ъ, ь уже не обозначали гласных, в результате чего в ряде случаев принцип переноса по слогам нарушается. Ср., например, *о/тъ земли* (Богосл. Иоанна Экз. Болг. конца XII в., л. 75 об.), *въ четвь/ртыи дн҃ь* (там же, л. 66 об.), *въ са/нъ свои* (Пророки с толков. Упыря Лихого конца XV в., л. 46), *до/мъ* (там же, л. 42), *храмъ сво/и* (там же, л. 40 об.), *въ/лѣзеть* (там же, л. 41). Поскольку сохраняется правило постановки на конце строки ъ, ь (если нет гласных), эти знаки после падения редуцированных ставятся иногда в соответствующих условиях после согласных, где этимологически редуцированных гласных никогда и не было; ср., например, *исъ/кати* (Богосл. Иоанна Экз. Болг. конца XII в., л. 64 об.), ст.-сл. и др.-русск. *искати*. Несмотря на указанные случаи, и после падения редуцированных в большинстве случаев сохраняется перенос по слогам (гласные на конце строки встречаются чаще, чем ъ, ь, а согласные после гласных большей частью отходят к следующему слогу, см. подробнее ниже), правило этого переноса вошло и в современную русскую орфографию.

Тенденция переносить по слогам проникла к нам, по-видимому, из старославянского письма и оказалась достаточно прочной. Следует, впрочем, заметить, что это правило вообще не соблюдается в некоторых наших оригинальных памятниках, наименее связанных традицией, а именно в новгородских берестяных грамотах. Ср.: *γ возем/γта*, *γ намѣст/а*, *γ в/ѣльюта* (№ 2). Но интересно, что в наиболее «грамотной» грамоте № 9 строки оканчиваются исключительно на гласные: *даѧ/лъ*, *во/дѧ*, *ничь/тоже*, *иноу/ю*, *творѧ/*.

Что касается графических средств, служащих для отграничения данного слова от соседних, то в древнейших наших памятниках таких достаточно отчетливо выработавшихся средств еще не было, они постепенно вырабатываются на протяжении истории нашей письменности, но некоторые тенденции намечаются еще в древнейшую эпоху. В настоящее время таким средством являются интервалы (промежутки) между словами. В изданиях древнерусских (как и старославянских) текстов такие интервалы в целях большего удобства чтения делают, но в рукописях этих интервалов не было, слова писались подряд, без промежутков. Интервалы начинают появляться лишь в позднейших рукописях (в основном с XVII в.), и то не во всех, да в старопечатных изданиях (XVI—XVII вв.). В некоторых рукописях наблюдается тенденция использования различных вариантов обозначения одного и того же звука в начале и не в начале слова. Но эта тенденция распространяется лишь на немногие буквы и проявляется к тому же неодинаково в различных памятниках. Так, гласный *о* довольно часто в начале слова обозначается как ѡ, а внутри как *о*. Знак ѡ

часто употребляется также внутри слова после гласных, но это наблюдается главным образом в иноязычных словах книжного происхождения, поскольку в исконно славянских словах в древности *о* после гласных обычно не встречалось (например, *иѡанъ*). В некоторых памятниках гласный *и* в начале слова обозначается как *оу*, а не в начале — как *у*. Такой способ написания принят, например, в Лаврентьевской летописи. Но многие памятники и в начале и не в начале слова употребляют преимущественно *оу* (так, например, в Новгородской Синодальной летописи).

После падения редуцированных намечается достаточно сильная тенденция постановки знаков ъ и ь на конце слов, оканчивающихся на согласные звуки (до падения редуцированных эти знаки в соответствующих местах также стояли, но тогда они обозначали реально существовавшие гласные звуки). Исследование употребления ъ и ь на конце слова в памятниках эпохи после падения редуцированных показывает, что представления древних писцов о том, что́ является отдельным словом, несколько отличаются от современных научных. Писцы осознавали как единое слово лишь самостоятельное слово с соседними служебными (предлогами, частицами). Поэтому ъ и ь часто опускались в конце предлогов, а также в конце самостоятельных слов перед частицами.

И в позднейших памятниках, когда начинают использоваться интервалы для разграничения слов, служебные слова, соседние с самостоятельным (предлоги, союзы, частицы), пишутся обычно слитно с последним. Ср.: *ѡ҃ростовско҃м ѡ҃зере ю́орека҃х* (Повесть о Ерше Ершовиче, рук. XVII в. ГПБ 62/XVII, 57), *зболши҃м ю́сомъ* (там же), *засебя* (там же), *отвечяешли* (там же), *іваши* (там же).

Еще в латинских надписях было принято разграничение слов посредством точек. Этот способ перешел и в позднейшие средневековые латинские и немецкие рукописи. У нас, однако, он вообще не был принят. Точка у нас использовалась для отграничения синтаксических групп (сочетаний слов, тесно грамматически связанных между собой, и т. п.), на границе слова она ставилась обычно лишь тогда, когда эта граница совпадала и с синтаксической границей, например при перечислении; ср.: с҃нве ѥго. изслав҃ъ. С҃тослав҃ъ. всеволодъ. и моужи ихъ къснячько. перенѣгъ никифоръ. (Русская Правда 1282 г., л. 615).

Но можно указать одну новгородскую берестяную грамоту (№ 43, предположительно XIV в.), где точка использована была, возможно, под западным влиянием для разграничения слов: ѡ҃бориса. ко. ностасии. и/риде. с҃л҃. грамота. тако. приш/лими. цоловѣкъ, нажерецѣ/зане ми. здѣсе. дѣлъ. много. да/пришли. сороцицю. сороцицѣ за/быле (у последней строки низ оторван).

Уже в древнейших памятниках, как старославянских, так и русских, некоторые часто встречающиеся слова пишутся сокращенно, например: *бъ=богъ*, *гь=господь*, *члкъ=человѣкъ*, *человѣкъ* и т. д. Над сокращенным словом пишется так называемое титло (знак сокращения). Впрочем, иногда этот знак и пропускается. Как правило, выбрасываются некоторые буквы из средней части слова: никогда не опускается начальная буква и очень редко конечная. Наряду с обычными написаниями под титлом следует указать на «выносные титла»: часть пропущенных букв (чаще всего одна) пишется над строкой, обычно уменьшенного размера, под дугой, а часто и без нее. Такие выносные титла чаще всего встречаются на конце строки. Например: *м°=море* (надпись на Тмутороканском камне 1068 г.), *ꙗ'=ꙗко* (Пророки с толков. Упыря Лихого конца XV в., л. 32), *пáмѧ'''=пáмѧть* (там же, л. 24 об.).

Хотя сокращения под титлом известны уже древнейшим дошедшим до нас памятникам, там они довольно редки. Более частыми они становятся в позднейшей письменности — в позднем уставе, еще шире в полуставе, а особенно в скорописи. Именно в последней очень широко распространены выносные титла.

В значительной части наших памятников, правда не древнейших, отмечается ударение.

Знаки ударения, и притом различного вида, вместе с другими надстрочными знаками (придыхания различного вида и др.) были заимствованы старославянским письмом из греческого. В греческом эти знаки имели некогда определенное фонетическое значение, но в наших древнейших памятниках они имели значение чисто декоративное. Однако в дальнейшем часть из этих знаков (именно различные знаки ударения) используется для того чтобы отмечать место ударения в слове. Использованы были в первую очередь два знака: *акýт* (ˊ) и *грáвис* (ˋ) — в греческом языке ударение носило некогда музыкальный характер, вследствие чего для обозначения его использовались различные знаки, впрочем, в византийскую эпоху музыкальных различий в греческом ударении уже не было. Разграничение в употреблении акута и грависа у нас обусловлено было положением ударения в слове: гравис обычно ставился в том случае, если ударение падало на конечный гласный в слове, акут — в остальных случаях. Ср., например: вáшѧ, вáшихъ, лю́бо (Пророки Упыря Лихого XV в., л. 6 об.), кѵмúрови (там же, л. 8), но: моегò (там же, л. 15 об.).

Древнейшим русским акцентуированным памятником (т. е. памятником со знаками ударения, где они играют не чисто декоративную роль, а отмечают действительное ударение) является Новый завет митрополита Алексия, писанный в середине XIV в. Но среди наших памятников XIV в. это единст-

венная рукопись с ударением. Ударение проставлено в различных списках конца XV в. книги пророков с толкованиями, сделанных с не дошедшей до нас рукописи, писанной в Новгороде в 1047 г. попом Упырем Лихим. От XVI и XVII вв. до нас дошли многочисленные акцентуированные памятники, как церковные, так и светские, как рукописные, так и печатные (постановка ударения вообще стала нормой церковнославянского печатного текста, принятого на Руси).

Следует иметь в виду, что древнейшие наши акцентуированные тексты используют знаки ударения не вполне последовательно. Во-первых, ударение ставится далеко не во всех словах; во-вторых, не всегда легко разграничить знаки, используемые для обозначения собственно ударения, и знаки, сохраняющие свой прежний чисто декоративный характер.

Некоторые памятники, помимо знаков акута и грависа, используют также знак ⁀ (так называемая камора, от греч. κάμμαρα «свод»). Этот знак, восходящий к знаку греческого облеченного ударения, обозначавшего ударение с переменным направлением движения музыкального тона, и в древнейших, и в более поздних наших памятниках играл чисто декоративную роль. Лишь в некоторых памятниках он обозначает ударение, но в особых условиях, а именно ставится на *о* под новым акутом, например: зако̑нъ (о новом акуте и об особом типе *о* под ним см. в курсе диалектологии, а также ниже).

Еще в начале XX в. Л. Л. Васильев указал два памятника XVI в., использующие ⁀ в таком значении — псалтырь Ленинградской публичной библиотеки FI № 7 и Сборник Софийской библиотеки № 1460. Впоследствии Н. Н. Дурново указал еще несколько таких памятников.

Уже в древнейшее время в разных памятниках наблюдаются некоторые различия в орфографии, обусловленные, впрочем, больше традицией и школой письма, чем диалектными особенностями (о диалектных особенностях, также отражающихся в памятниках, см. ниже). Так, одни памятники обнаруживают разграничение в употреблении *е* и ѥ, другие не обнаруживают и обычно употребляют *е* (оставляем в стороне вопрос о различных начертаниях *е*). Памятники же, употребляющие и ѥ, используют его не одинаково. Обычно (таких памятников большинство) ѥ пишется в начале слова и после гласных, в некоторых же (древнейших) памятниках написание ѥ указывает на мягкость, а не полумягкость предшествующего согласного. Такое употребление встречается, например, в Архангельском евангелии 1092 г. (ср. *небо*, но *занѥ*). Некоторые древнейшие памятники (например, то же Архангельское евангелие) используют полученные из старославянского письма особые знаки для мягкости некоторых согласных (*л̂*, *н̂*). Впрочем, в дальнейшем эти знаки выходят из употребления.

Меняется со временем разграничение в использовании равнозначных (в звуковом отношении) букв. Так, звук *і* в древнерусском письме, как и в старославянском, передавался двумя знаками — і (ї), и. Наличие этих двух знаков в старославянском письме объясняется наличием двух знаков для *і* в греческом письме византийской эпохи: в древнегреческом языке знак ι обозначал *і* как слоговое, так и неслоговое, а знак η (откуда славянское и) — *ē*; в позднейшем греческом языке *ē* изменилось в *і*, и в византийскую эпоху оба знака обозначали звук одного и того же качества. В более ранних наших памятниках наблюдается тенденция, правда, до конца не проведенная, постановки ї после гласных. В позднейших памятниках (начиная с эпохи второго южнославянского влияния) ее сменяет тенденция постановки, напротив, этого знака перед гласными. Правило постановки *и* перед согласными и в конце слова, *і* перед гласными утвердилось в русской орфографии и держалось до реформы 1917 г., когда *і* вообще было исключено из русского алфавита. Знак *і* сохранился в украинском письме, но там он имеет иное звуковое значение, чем *и*: *и* обозначает там звук, средний между *и* и *ы*, развившийся как из старого *и*, так и из старого *ы*, а *і* — звук *и*, развившийся из старого *ѣ* (см. подробнее ниже).

Исследуя колебания в написаниях, свидетельствующие о фонетических изменениях, необходимо отграничивать от таких колебаний описки и написания, отражающие не фонетические, а морфологические отношения.

Описки и в настоящее время делают иногда даже хорошо грамотные люди. Делали их и древние писцы. Основные виды описок легко могут быть установлены. Они объясняются психологически, и типы их в древности в общем были те же, что и теперь. К наиболее распространенным видам описок относится: 1) пропуск буквы или слога; 2) повторение (излишнее) слога или буквы (чаще слога); 3) ошибочное написание буквы под влиянием буквы предшествующего или последующего слога. Так, например, написание *кака* вместо *како* (Переясл. ев. 1354 г.) вовсе не свидетельствует об отражении аканья (в этом памятнике, как увидим ниже, аканье не отражается), а является результатом описки (повторяется гласная буква предшествующего слога в сочетании с одинаковой предшествующей согласной).

Нельзя также относить за счет отражения фонетических изменений написания, свидетельствующие о морфологическом выравнивании. Так, например, в том же Переяславском евангелии 1354 г. написание *пологахуть* (3 л. мн. ч. имперфекта) с *о* в корне представляет собой результат воздействия основы совершенного вида *положити*, а не результат смешения *о* и *а* в безударном положении вследствие аканья.

ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

§ 13. Различные элементы, составляющие систему любого языка, теснейшим образом взаимно связаны, вследствие чего в ней обычно можно указать некоторые общие закономерности, на основе которых могут быть разъяснены различные ее особенности.

Для звуковой системы древнерусского языка эпохи древнейших дошедших до нас памятников или, точнее, непосредственно предшествующей им, как и для других древних славянских языков того же времени, характерны две основные закономерности, обе относящиеся к структуре слога: так называемый *закон открытых слогов* или, в более общем виде, тенденция расположения звуков в слоге в порядке возрастающей звучности (закон открытых слогов является лишь частным случаем проявления этой тенденции), и так называемый *слоговой сингармонизм*, т. е. тенденция к однородности звуков в слоге с точки зрения их более передней или более задней артикуляции.

Под слогом с акустической точки зрения понимается звук или сочетание звуков, ограниченное с обеих сторон слогоразделами. Слогораздел или падает на полное отсутствие звучания (паузу) или (при непрерывном звучании в речи) проходит в непосредственном соседстве со звуком наименьшей звучности, т. е. с таким звуком, перед которым и после которого идут звуки большей звучности. Под звучностью звука понимается величина, прямо пропорциональная относительной слышимости звука на расстоянии при прочих равных условиях (интенсивности или громкости, длительности и т. д.). Все звуки любого языка могут быть расположены в порядке их возрастающей или убывающей звучности, причем в такой последовательности расположения могут быть представлены как более обширные группы звуков, так и различные отдельные звуки или, точнее, их типы внутри этих групп. Так, гласные в целом звучнее, чем согласные. Внутри гласных более широкие (т. е. произносимые с бо-

лее низким положением языка и с более широким раствором рта) являются более звучными, чем узкие. Внутри согласных — сонорные звучнее, чем шумные. Внутри сонорных — плавные звучнее, чем носовые, а внутри плавных — *r* звучнее, чем *l*. Внутри шумных согласных звонкие звучнее, чем глухие, а фрикативные звучнее, чем взрывные. С точки зрения звучности речь может быть представлена графически как кривая, причем различные звуки представлены различными отрезками этой кривой, расположенными тем выше, чем звучнее соответствующий звук. Наиболее низко расположенные отрезки соответствуют наименее звучным звукам. На них или в соседстве с ними, а также на полное отсутствие звучания (когда звучность равна нулю) и будут падать слогоразделы, которые, таким образом, представлены (графически) минимумами соответствующей кривой.

Речь состоит из слоговых и неслоговых звуков, причем в каждом слоге обязательно один слоговой звук, неслоговых же звуков может быть и один и несколько, а могут они и вообще отсутствовать. Под слоговым звуком понимается звук, занимающий по звучности вершину слога, т. е. наиболее звучный в слоге сравнительно с другими его звуками. Все остальные звуки слога (помимо слогового) являются неслоговыми.

Тенденция расположения звуков в слоге по возрастающей звучности и состоит в том, что слог начинается наименее звучным звуком, а кончается наиболее звучным, т. е. слоговым. Потому эту тенденцию часто и называют законом открытых слогов (открытыми слогами называются оканчивающиеся на слоговой звук, закрытыми — оканчивающиеся на неслоговой). Ср. *bь-rь-vь-no*, *je-lъ-ka*, *sъ-nъ* и т. д.

Слоговой сингармонизм представляет собой тенденцию к однородности звуков в слоге с точки зрения передней или задней артикуляции, т. е. тенденцию сочетания в одном слоге согласного мягкого или палатализованного с гласным переднего ряда и, напротив, согласного твердого с гласным заднего ряда.

Связь передних гласных с палатализованными согласными состоит в некоторой общности артикуляции тех и других: палатализованные (или мягкие) согласные характеризуются, в отличие от твердых, поднятием средней части языка по направлению к переднему небу. Этим же характеризуются и гласные переднего ряда. Задние гласные в древнерусском языке были большей частью лабиализованными. Лабиализацией характеризовались в древнерусском языке, по мнению некоторых лингвистов (прежде всего А. А. Шахматова), также твердые согласные. Таким образом, например, возможно сочетание в одном слоге таких звуков, как *ko* и *č'e*, но невозможно, например, *ke* и *č'o* (или *k'o*). Ср. *kъ-to*, *čь-to* и т. д.

Обе указанные закономерности следует понимать (даже для периода, непосредственно предшествующего древнейшим памят-

никам) лишь как более или менее интенсивно проявляющиеся тенденции, а не как абсолютные законы. И не следует игнорировать или оставлять без объяснения некоторые факты только потому, что они не укладываются в общую схему, построенную на основании формулированных выше двух основных закономерностей. Впрочем, ввиду того, что на основании изучения данных лишь письменных источников (без возможности непосредственно наблюдать живой язык) мы можем реконструировать звуковую систему языка лишь с какой-то степенью точности, лишь в каком-то приближении, мы не в каждом отдельном случае можем сказать, проявляются или не проявляются указанные закономерности и не имеем ли мы дело с каким-нибудь отступлением от одной из них.

§ 14. Не имея возможности непосредственно наблюдать артикуляцию древнерусского языка, мы все же можем на основании некоторых данных определить ее с известной степенью точности.

Графически система гласных древнерусского языка эпохи, непосредственно предшествующей древнейшим дошедшим до нас памятникам, может быть представлена в следующем виде:

Передние	Задние
i (ü)	*y, u*
ь, ĕ	*ъ*
e	*o*
(ä)	*a*

Относительно гласного *y* (*ы*) некоторые лингвисты (например, А. А. Шахматов) предполагали, что он еще в общеславянском языке относился не к собственно заднему, а к среднему ряду (как и современное русское *ы*). Основанием для этого является то, что в части славянских языков на месте древнего *y* является *i*, т. е. гласный переднего ряда, ср. болг. *син*, серб. *сȉн*, чеш. *syn* (*y* = *i* без предшествующей мягкости согласного) «сын». В *i*, являющееся гласным переднего ряда, скорее мог измениться звук среднего, чем заднего ряда. Но эта причина недостаточна, в различных славянских языках развитие могло идти различными путями, и на основании переднего образования *i* < *y* в отдельных славянских языках нельзя выводить принадлежность *y* к среднему ряду в общеславянском языке, а затем и в древних восточнославянских наречиях. Как известно, развилось общеславянское *y* из *ū* долгого, т. е. гласного заднего образования. Славянское *y* закономерно замещает *ū* других языков в заимствованиях, вошедших, в частности, и в древнерусский язык. Ср., например, ст.-сл. и др.-русск. *хыжа*, совр.русск. *хижина*, заимствованное из германских языков — гот. *hūs*, нем. *Haus* «дом».

§ 15. Древнерусское *ě* (*ѣ*) было, по-видимому, более закрытым, чем *е*, т. е. по степени поднятия языка расположено между *е* и *і*, о чем свидетельствует как дальнейшая судьба его по говорам — сохранение в виде *ê* или дифтонга *iê* и развитие в направлении к *і* (подробнее см. ниже, § 97, и в курсе диалектологии), так и некоторые факты древнерусской письменности: древнерусские памятники, различающие *е* и *ѣ*, в заимствованиях из старославянского языка более открытое старославянское *ѣ* (=*ä*, *i̯ä*, *e̯ä*, см. курс старославянского языка) часто передают как *е*, например, *брегъ*, дат. и местн. п. местоимений *тебе*, *себе* (живая древнерусская форма была *тобѣ*, *собѣ*, см. ниже, § 163). Такая передача часто наблюдается, например, в Архангельском евангелии 1092 г., в Рязанской кормчей 1284 г., в Пандектах Никона Черногорца 1296 г. Писцы древнейших памятников слышали живое древнеболгарское *ě*, отличное от древнерусского и казавшееся им более похожим на свое *е*, позднейшие же писцы писали *е* по традиции.

Общеславянское *ě* было, по-видимому, открытым и лишь впоследствии в части славянских наречий приобрело закрытый характер. Об открытом некогда характере его и в восточнославянской области свидетельствуют ранние заимствования из древнерусского языка в западнофинские, где древнерусскому *ě* соответствует долгое *ä*, ср. финск. *lääti* — др.-русск. *клѣть*, финск. *määrä* — др.-русск. *мѣра*, финск. *räähka* — др.-русск. *грѣхъ*, финск. *läävä* — др.-русск. *хлѣвъ* (в финском языке в начале слова может быть лишь один согласный). В позднейших заимствованиях *ě* передается как дифтонг *ie*, ср.: финск. *viesti* — др.-русск. *вѣсть*, карельск. *miela* — др.-русск. *мѣлъ*, карельск. *rieppo* — др.-русск. *рѣпа*.

Общеславянское *ě* было долгим гласным (см. курс старославянского языка). О возможном сохранении его длительности в древнерусском языке свидетельствуют написания *ѣ* на месте *е*, удлинившегося перед слогом с утраченным слабым редуцированным в юго-западных памятниках, начиная со второй половины XII в. (см. подробнее ниже, § 86). Но возможно, что это написание передает особое качество удлинившегося гласного.

Не решен вопрос о том, было ли древнерусское *ě* просто закрытым *ê* или носило дифтонгический, а возможно и полифтонгический характер (*i̯ê*, *i̯ê*). Возможно, что о дифтонгическом характере свидетельствует частое написание *е* и *ѥ* вместо *ѣ* в начале слова и после гласных и в таких памятниках, которые вообще различают *е* и *ѣ* (принимая во внимание сравнительную близость звукосочетаний *je* и *i̯ê*). Некоторые ученые (А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново) выдвигали предположение об изменении в древнерусском языке *ě* в *е* в положении после *j*. Но для этого предположения нет достаточных оснований, так как в таком случае *ě* перед твердым согласным должно было

измениться в *о* (см. ниже, § 91), чего в действительности нет. Ср.: *ёлка* (*jółka*) < *jělъka*, но *éхать* < *jěxati*. К тому же древнерусской письменности известно и написание **њ** (йотованное ѣ), ср. в Святославовом изборнике 1073 г.: **њша** (л. 119 об.), **њсти** (л. 160 об.).

§ 16. Гласные **ъ** и **ь** принято называть глухими или редуцированными (в настоящей книге в дальнейшем мы будем пользоваться этим последним термином). Реже употребляется введенный акад. Ф. Ф. Фортунатовым термин «иррациональные гласные». Эти звуки известны из курса старославянского языка. Они свойственны были всем древним славянским языкам, причем общим для всех этих языков свойством **ъ** и **ь** было то, что они произносились, по-видимому, очень кратко, ослабленным голосом (вследствие чего их и называют редуцированными). По образованию **ъ** было гласным заднего, а **ь** переднего ряда, с точки же зрения степени поднятия языка они являлись гласными несколько более закрытыми (т. е. несколько более высокими), чем *о* и *е*.

Редуцированный характер **ъ** и **ь** устанавливается на основании того, что в определенных фонетических условиях (именно в так называемом слабом положении) они рано обнаруживают тенденцию к полной утрате. Впрочем, в отличие от старославянских памятников южнославянских изводов, древнерусские памятники XI и даже первой половины XII в. отчетливо сохраняют **ъ** и **ь** в различных условиях. Встречающиеся в памятниках этого времени, списанных с южнославянских оригиналов, пропуски **ъ** и **ь** могут быть отнесены за счет этих оригиналов. Подробнее об отдельных случаях ранней утраты редуцированных на почве живого древнерусского языка см. ниже (раздел «Падение редуцированных»).

Качество редуцированных устанавливается, с одной стороны, на основании их происхождения, с другой — на основании их дальнейшей судьбы. Как известно из курса старославянского языка, общеславянское **ъ** восходит к общеиндоевропейскому *ŭ*, а общеславянское **ь** — к общеиндоевропейскому *ĭ*. И в дальнейшем, уже на протяжении развития общеславянского языка, а также на протяжении древнейшего периода обособленного развития восточнославянского языка, в словах, заимствованных из других языков, в соответствии с *ŭ* этих последних является славянское и затем древнерусское **ъ**, а в соответствии с *ĭ* этих языков — славянское и затем древнерусское **ь**. Ср., например, др.-русск. *истъба*, откуда современное *изба* (ст.-сл. *изба*, *истъба*, болг. *изба*, серб. *ùзба*, чеш. *izba*, польск. *izba*), заимствование из германских языков (др.-в.-нем. *stuba* «теплое помещение, баня», совр. нем. *Stube* «комната»); ст.-сл. и др.-русск. *кровать* из греч. κρα(ʒ)ʒάτι(ον), уменьшительное от κράʒ(ʒ)ατος «кровать, ложе»,

др.-русск. *сумь* (название финского племени), ср. финск. *suomi* «Финляндия, финский язык».

О закрытом характере древних ъ и ь свидетельствуют и заимствования из древнерусского языка в различные соседние языки. Ср., например, финск. *lusikka* «ложка» из древнерусского *лъжька*.

В дальнейшем (после падения редуцированных) в тех случаях, когда они не утрачивались, ъ и ь в древнерусском языке изменялись соответственно в *о* и *е*, т. е. давали тот же результат, что и в старославянских памятниках македонского извода, только позднее, чем в южнославянской области. Ср. *сон* < *сънъ*, *день* < *дьнь*. Но это изменение ъ > *о*, ь > *е* относится к позднейшему времени. В эпоху же древнейших памятников ъ и ь держатся в основном без изменений, за исключением некоторых особых условий, о которых см. ниже.

§ 17. Возможно, что от обычного *а* заднего ряда в эпоху, непосредственно предшествующую древнейшим дошедшим до нас памятникам, или даже в эпоху этих последних отличалось *ä* переднего ряда, развившееся из общеславянского носового *ę*, т. е. возможно, что, например, название числа *пѧть* (писалось оно так, если не обозначалось буквой числового значения *ē*, не только в старославянском, но и в древнерусском языке) произносилось в эту эпоху *päťь* (начальный согласный был еще не смягченный, а корневой гласный представлял собой *ä*, а не *а*). Вопрос о различении *а* и *ä* тесно связан с вопросом о развитии мягких согласных (см. ниже).

Точно так же возможно, что, наряду с гласным заднего ряда верхнего подъема *и*, был также гласный переднего ряда *ï*, выступавший в положении после смягченных (палатализованных) согласных, т. е. что такое слово, как *шюмъ*, произносилось *š'ïmъ*. Иными словами, буква *ю* обозначала в древности не гласный *и* после мягких согласных (как теперь), а гласный более переднего образования, отличный от обычного (заднего) *и*.

§ 18. Вероятно, различные гласные, рассмотренные нами, подвергались некоторым изменениям в зависимости от фонетических условий, в которых они выступали, как это имеет место и в современном языке. Но данные памятников для древнейшей эпохи дают на это более или менее ясные указания лишь для редуцированных.

Как и в старославянском языке, редуцированные еще до утраты их различали сильное и слабое положение (сильное, где они звучали более отчетливо и впоследствии изменялись в гласные полного образования *о* и *е*, слабое, где они звучали менее отчетливо и впоследствии полностью исчезали). Условия сильного и слабого положения определялись так же, как в старославянском языке и в других древних славянских языках. В сильном положении они были: 1) в начальном слоге слова

под ударением и 2) в слоге, предшествующем слогу с редуцированным в слабом положении. В слабом положении они были: 1) перед слогом с гласным полного образования (т. е. всяким нередуцированным), 2) перед слогом с редуцированным гласным в сильном положении и 3) на конце слова. Конечно, в случае 1 и 2 редуцированные являлись слабыми лишь при том условии, если они не находились в то же время в начальном слоге под ударением. Примеры: *dъ́sku* «доску» (вин. п. ед. ч. от существительного *dъ́ská* «доска»), *sъ́nъ* «сон», *dъ́nь* «день», *bьrъvьnó* «бревно» (маленькими буквами выше строки обозначены ъ, ь в слабом положении, нормальными — в сильном положении).

Как и в старославянском языке, редуцированные ъ и ь в древнерусском языке подвергались ассимиляции последующему *j*, причем ъ изменялся в *ў*, а ь в *ĭ*. Эти гласные *ў*, *ĭ*, по качеству близкие *y*, *i*, отличались от последних тем, что были редуцированными, как и ъ и ь, из которых они развивались, и впоследствии в слабом положении утрачивались. Впрочем, как и для старославянского языка, в древнерусском языке имеются примеры лишь на слабое редуцированное *ĭ*, но не на *ў* в тех же условиях. Примеры: *mўju* «мо́ю» (1 л. ед. ч. наст. вр. от глагола *мыти* «мыть»), *šĭja* «шея», *krásьnўjь* «красный», *lijú* «лью». Для редуцированных *ў*, *ĭ* особых знаков у нас, как и в старославянском языке, не было, они обозначались обычно теми же буквами, что и обычные *y*, *i* (иногда же как ъ, ь). Об отличии их от обычных *y*, *i* мы можем судить на основании их дальнейшей судьбы, о чем ниже.

§ 19. Система согласных древнерусского языка эпохи, непосредственно предшествующей древнейшим дошедшим до нас памятникам, может быть представлена в следующем виде:

Губные	Переднеязычные	Среднеязычные (средненебные)	Заднеязычные (задненебные)	Фарингальные
p	*t*		*k*	
b	*d*		*g*	
	s s' š'			
v	*z z' ž'*	*j*	*x(ch)*	*(h)*
	c' č'			
m	*n n'*			
	ł l l'			
	r r'			

§ 20. Среди губных согласных отсутствовало глухое фрикативное *f*. Славянское кирилловское письмо, использовавшееся на Руси, содержало два знака, получивших впоследствии одно

и то же звуковое значение *f*, — *ф* и *θ* («фита»). Но они употреблялись первоначально лишь в заимствованиях, пришедших книжным путем, преимущественно из греческого языка. Ср.: *фоунѷкъ* «финик» (Новг. Минея 1097 г., л. 231), гр. φοίνιξ «финиковая пальма», *философъ* *въ* *философѣхъ* (XIII сл. Григ. Богосл. XI в., л. 33), греч. φιλόσοφος «философ, любитель мудрости»; Па᷍ ст᷍моу Григорию *Θеологоу* (Остр. ев., л. 263), греч. θεολόγος «богослов». В греческом письме звуковое значение букв, к которым восходят *ф* и *θ*, было различно: первая обозначала в древнегреческом *ph* (*p* придыхательное), изменившееся в позднейшем греческом в *f*, вторая — в древнегреческом *th* (*t* придыхательное), изменившееся в дальнейшем в глухое межзубное фрикативное *θ*. На Руси со второй половины XII в. буква *θ* вообще выходит из употребления (за исключением употребления в числовом значении — она обозначала цифру 9), замещаясь буквой *ф*. Восстановлена *θ* была лишь в результате так называемого второго южнославянского влияния. Эта буква продержалась затем вплоть до реформы 1917 г. (войдя и в принятый в начале XVIII в. гражданский алфавит).

В древности звук *f* возможен был лишь в заимствованных словах и притом в таких, которые пришли через книгу. Даже в современном языке слова, содержащие звук *f*, являются большей частью заимствованными из других языков. Ср., например, *фабрика* из лат. *fabrica* через западноевропейские языки (франц. *fabrique*, нем. *Fabrik*), *фракция* от лат. *fractio* «разбиение», также через западноевропейские языки, *форпост* из нем. *Vorposten* «передовое укрепление», «сторожевое охранение», *кофе* из голл. *koffi* и т. д. В ряде говоров (особенно в большей части южновеликорусских) этот звук не утвердился и в настоящее время, причем подвергается различным заменам в заимствованных словах, в том числе и в собственных именах, — чаще замещается сочетанием *хв* (точнее *x*^{w}, т. е. заднеязычное *х* с лабиализацией), *х*, иногда *п* (*n*). Ср., например, диалектное *Хвёдор*, *Хвилúп*, *хвáбрика*, *хванáрь* (южновеликорусское), *понáр'* (отмечено в одном кировском говоре). Подобное же явление наблюдается и в других восточнославянских языках — белорусском, украинском, ср. укр. *Нечúпір* «Никифор», *Пiлiп* «Филипп», *Хома* «Фома» и т. д. Случаи замены наблюдаются и в русском литературном языке, особенно в просторечии, ср., например, обычное разговорное *Осип* при более литературном (книжном, официальном) *Иосиф*.

Не вполне ясно для древнейшего периода качество звонкого фрикативного согласного (*v*). Возможно, что уже в эпоху древнейших дошедших до нас памятников и даже в непосредственно предшествующую ей это был, как и в современном литературном языке и значительной части русских говоров,

губно-зубной согласный. Некоторые лингвисты предполагают, что это был согласный билабиальный, типа английского *w*. Основания для этого следующие. Во-первых, в значительной части современных русских говоров, а также в белорусском и украинском языках на месте *ŭ* в положении перед согласными и на конце слова произносится неслоговое *ŭ* (*ў*), например, *лáўка*, *дроў* (род. п. мн. ч.). Неслоговое *ŭ* и билабиальное *w* в артикуляционном отношении значительно отличаются друг от друга, но акустически очень близки друг другу.

Во-вторых, древнерусское *ŭ* легко развивалось уже в древности в качестве протетического и эпентетического согласного (в начале и внутри слова) в соседстве с лабиализованными гласными, в особенности *о*. Ср. др.-русск. *восмь* (Новг. купч. XIV—XV в), совр. *вóсемь* (ст.-сл. *осмь*), *вольга* «Ольга» (Лавр. лет.), *тивў/нъ* «тиун» (Русская Правда 1282 г., л. 615), из др.-сканд. *thjōnn* «слуга», совр. диал. *Родивóн* «Родион» (имя собственное).

О билабиальном характере древнерусского *ŭ* свидетельствует, возможно, и его неустойчивость, тенденция к утрате в положении между гласными, из которых по крайней мере один является лабиализированным. Ср. *марaоу* (Лавр. лет., л. 9), «Мораву» (вин. п. ед. ч.), но *Марава*, *морава* (там же, л. 2 об.). Правда, это свидетельство памятника не древнейшей эпохи (Лаврентьевская летопись, как известно, относится ко второй половине XIV в.).

Некоторые лингвисты предполагают, что уже в эпоху древнейших памятников различие между *ŭ* и *w* было одной из черт, отличавших друг от друга различные наши диалекты (юг характеризовался *w*, север — *ŭ*). На такой точке зрения стоит Р. И. Аванесов. Но для этого предположения нет достаточных оснований. Все данные относительно различного качества *ŭ* по диалектам относятся к более позднему времени, именно к периоду после падения редуцированных, о чем ниже (см. § 83 — 84).

§ 21. Переднеязычные палатализованные согласные, унаследованные от общеславянского языка (по происхождению из сочетаний согласного с *j* или в результате различных палатализаций заднеязычных согласных в соседстве с гласными переднего ряда), в древнерусском языке сохраняли мягкость, т. е. являются мягкими *l'*, *r'*, *n'*, все шипящие, свистящая аффриката *c'* и представляющая собой результат второй палатализации фрикативная свистящая *s'*. Написание после шипящих и *ц* во многих случаях таких гласных букв, которые употребляются после твердых согласных, с одной стороны, представляет собой результат влияния южнославянских письменных норм, с другой — обусловлено тем, что, поскольку в языке нет парных рассматриваемым твердых согласных, постольку

нет надобности в специальном обозначении мягкости посредством написания особой гласной буквы. Поэтому в древнейших памятниках после любых шипящих обычно пишется *а*, а не ѧ (или ѧ, поскольку этот знак служил в старославянском для обозначения носового гласного *ę*, на месте которого в древнерусском языке был звук, близкий к *а*). Такое написание, как *кънѧзоу* (Остр. ев., запись) вместо обычного *кънѧзю* (дат. п. ед. ч. от *кънѧзъ*), по-видимому, вызвано старославянским (южнославянским) влиянием, хотя и находится в месте, не списанном с южнославянского оригинала. Предполагать в этом случае твердое *z* мы не вправе: дальнейшая судьба этого звука говорит о сохранении мягкости и в настоящее время.

Z' мягкое представляет собой дальнейшую ступень развития аффрикаты *dz'*, получившейся из *g* по второй палатализации. Ступень *dz'* в древнерусском языке не засвидетельствована. Некоторые лингвисты полагают, что в древнерусском языке, по крайней мере по говорам, сохранилась и более ранняя ступень *dz'*, на которую как будто указывает представленное в некоторых украинских диалектах *дзвізда* «звезда» (ср. польск. *gwiazda*). Но, по-видимому, это результат позднейшего образования соответствующей аффрикаты на украинской почве (ср. укр. *дзвін* «звон», где та же аффриката и не в результате второй палатализации). Во всяком случае древнерусские памятники не дают указания на сохранение ступени *dz'*, которая и в южнославянской области сохранилась не повсеместно, на что указывают уже древнейшие старославянские памятники. В старославянском кирилловском письме была особая буква ѕ для обозначения этой аффрикаты. В русских памятниках, начиная с самых древних, буква *з* употребляется для обозначения как этимологического *z*, так и этимологического *dz'*, буква же ѕ — лишь в числовом значении (она обозначала «6»), да для сокращенной записи слова *зѣло* «очень» (первоначальная старославянская форма *ѕѣло*), поскольку старославянское название этой буквы *зѣло* (*ѕѣло*). Ср., например: бѣ бо рать вел҃ка ·ѕ̄· ака же не была ѿ начала миру (Лавр. лет., л. 154). Но в случае полного написания этого слова — через *з*, ср.: воду *зѣло* красну (Панд. Ник. Черног. 1381 г., л. 190 об.). Лишь в позднейших памятниках, подвергшихся уже второму южнославянскому влиянию, находим и в полном написании *ѕѣло*. Ср., например: зла бывша ѕѣ/ло (Чуд. № 184, л. 15).

§ 22. Заднеязычные согласные, как твердые, некогда могли сочетаться лишь с последующими гласными заднего ряда, в том числе с последующим *у* (*ы*) внутри слова, ср. др.-русск. *вълкы* (вин. п. мн. ч.), *гыноути* «гибнуть», *хытрыи* «хитрый», «искусный». В современном языке такое сочетание возможно лишь на стыке произносящихся без паузы соседних слов. Ср.: *к Ивану* (фонетически *к -ыва́ну*), *волк и кот* (фонетически

вóлк-ы-кбт). В древнейших памятниках мы находим уже примеры сочетания задненебных с последующим *i*, что, конечно, свидетельствует о палатализованном (или средненебном) произношении соответствующих согласных, но лишь в заимствованных словах и притом книжного характера, пришедших из греческого через старославянский язык, например: *китъ*, ср. *китъмь*, тв. п. ед. ч. (Новг. Минея 1096 г.), *гигасъ* «гигант» (Св. изб. 1073 г.), *хитонъ* (Юр. ев. ок. 1119 г.) — все эти слова заимствованы из греческого, ср.: κῆτος «кит», γίγας (современная форма *гигант* образована от основы греческих косвенных падежей, ср. род. п. ед. ч. γίγαντος), χιτών.

В соответствии с *g'* в древнерусском произносилось, по-видимому, *j*, что объясняется, возможно, фрикативным характером позднего греческого γ (звонкое фрикативное γ, смещаясь в среднеязычную зону, совпадает с *j*). Так объясняются формы личных имен *Егор*, *Егорий*, *Юрий*, восходящие к тому же источнику, что *Георгий* (греч. γεώργιος «земледелец»), ср. в древнерусском: *геѡргии* (Мстисл. гр. ок. 1130 г.), городъ *гюргевъ* (Лавр. лет., л. 94 об., в Радз. и Акад. лет. *юрьевъ*), *гюрѧта* роговичь (Лавр. лет., л. 85а). Впрочем, в заимствованиях *j* на месте *g'* и не в случае фрикативного γ, ср.: *янтарь*, первоначально *jentarь* (написание *я*, а не *е* в начале слова утвердилось, по-видимому, в результате неразличения *а* и *е* после мягкого согласного в безударном положении) из литовского *gentáras* (янтарь в древности шел на Русь от прибалтийских народов). Ср. также простонародную, но не связанную специально с каким-либо говором форму *енерал* вместо *генерал* (ср. например, у Пушкина в «Капитанской дочке» в речи Пугачева: «господа *енаралы*...», «сорок *енаралов* убито...»).

§ 23. Возможно, что в эпоху, непосредственно предшествующую памятникам, и даже в эпоху древнейших памятников в переднеязычной области было представлено три звука типа *l*: *ł'* *l* и *l'*. *ł* представляло собой, по-видимому, как и в современном языке, твердый переднеязычный согласный с высоким подъемом задней части спинки языка и некоторой лабиализацией; *l'* — палатализованный согласный, т. е. согласный с дополнительной артикуляцией — подъемом средней части спинки языка к переднему небу и вследствие этого широкой поверхностью примыкания спинки языка к небу; *l* (среднее) занимало промежуточную артикуляцию между *l'* и *ł*, т. е. не имело ни палатализации, ни высокого подъема задней части языка, сопровождаемого лабиализацией. Три типа *l* различались позиционно: *ł* могло быть лишь перед гласным заднего ряда и твердыми согласными (о возможной слоговости его в последнем случае см. ниже § 45); *l* — лишь перед гласными переднего ряда; *l'* — не перед согласными, причем гласные заднего ряда после него, вероятно, несколько смещались по артикуляции вперед.

Древнерусское *l* среднее не следует отождествлять с наблюдающимся в настоящее время в некоторых говорах *l* средним, выступающим главным образом, перед гласными заднего ряда и генетически развившимся из *ł*. Ср. диалектные *былá*, *пошлá*.

§ 24. Сочетания редуцированных гласных с плавными согласными в положении между согласными в древнерусском языке могли быть двух типов: плавный мог предшествовать редуцированному и мог следовать за редуцированным. В первом случае мы находим сочетания типа *tъrt*, во втором — типа *trъt* (*t* — условное обозначение любого согласного). Примеры на сочетания первого типа: *търгъ*, *вълкъ*, *жьлтъ*, *дьржати*; второго типа: *кръвь*, *глътати*, *крьстъ*, *сльза*.

Сочетания второго типа (т. е. *trъt*) особых замечаний не требуют. Редуцированные в них, по-видимому, были слоговыми, плавные неслоговыми, причем условия сильного и слабого положения для редуцированных определяются так же, как и в других случаях.

Сочетания первого типа (*tъrt*) должны быть рассмотрены особо. Уже давно было выдвинуто предположение, согласно которому редуцированный в этом сочетании был неслоговым, а плавный слоговым (т. е. сочетание произносилось *tr̥t*). Но против этого предположения говорит тот факт, что ъ, ь в сочетаниях этого типа дали впоследствии такие же *о* и *е*, как и ъ, ь вне этих сочетаний, а мы вправе были бы ожидать иных результатов, поскольку неслоговой редуцированный, несомненно, меньшей интенсивности, чем слоговой, легко мог развиться в ином направлении. Так и произошло, например в польском языке, где ъ перед твердым зубным в сочетании типа *tъrt* дал *a*, а вне этого сочетания *e*. Ср. *sen* «сон» (<*sъnъ*) — *gardło* «горло» (<*gъrdło*). Для польского языка мы и вправе предположить неслоговой характер ъ. Для древнерусского же языка это был, по-видимому, слоговой гласный.

Следует ли отсюда, что плавный согласный в рассматриваемых сочетаниях был неслоговым? Некоторые факты последующего развития сочетаний говорят в пользу того, что плавный здесь был слоговым. После падения редуцированных на месте сочетаний типа *-ъr-* являются в части случаев сочетания типа *-or-* (ср. др.-русск. *гърдъıи*, совр. *гордый*), в части же случаев — типа *-oro-* (в большем количестве они представлены в говорах, но есть и в литературном (мало), например *верёвка* из древнего *вьрвъка*). Наличие в указанных случаях сочетаний типа *-oro-* принято называть вторым полногласием (подробнее о нем см. ниже § 67); под первым полногласием (обычно просто полногласие, без какого-либо эпитета) понимают сочетания типа **torot*, восходящие к общеславянским типа **tort* и соответствующие старославянским сочетаниям типа *trat* (например, др.-русск. *городъ*, ст.-сл. *градъ*, подробнее см.

в курсе старославянского языка, а также ниже § 45). Развитие *ro* на месте *r* в закрытом слоге имело место фонетически, по-видимому, в тех случаях, когда в следующем слоге утрачивался слабый редуцированный (ср. приведенные выше *верёвка* < *вьрвъка*). Но развиться в *-ro-* скорее могло слоговое *r̥* (а не неслоговое *r*).

Таким образом, сочетания типа *tъrt* в древнерусском языке фонетически и представляли собой *tr̥t*, т. е. слоговыми были как редуцированный гласный, так и плавный согласный, например, такие формы, как *търгъ*, *вълкъ* фонетически, по-видимому, произносились *tr̥gъ*, *vl̥kъ*.

Из редуцированных гласных в рассматриваемых сочетаниях в положении перед *r* могли быть как *ъ*, так и *ь*, в положении же перед *l* обычно *ъ*, и лишь в тех случаях, когда перед редуцированным является шипящий, этим редуцированным был *ь*, например: *търгъ*, *вьрхъ*, *дьржати* и т. д.; *стълбъ*, *вълкъ*, *вълна* и т. д., но *жьлтъ*. Наличие перед *l* нормально лишь *ъ*, но не *ь* объясняется качеством плавного: здесь, перед последующим твердым согласным, было твердое велярно-зубное *ł*. Последнее так воздействовало на предшествующее *ь*, что оно смещалось назад и давало *ъ* (*ł* твердое характеризовалось, помимо переднеязычной артикуляции, высоким подъемом задней части спинки языка, что способствовало передвижению предшествующего редуцированного гласного в задний ряд). Но если в положении перед *ь* (до его изменения в *ъ*) был шипящий согласный, который сам образовался из задненебного согласного в зависимости от последующего *ь*, последний сохранялся (трудно сказать, было ли это *ь* совершенно тождественно обычному *ь* в других условиях).

В наших древнейших памятниках сочетаниях типа *tъrt* могут быть представлены в троякой форме: 1) написанием типа *ър*, например, *тъ/ржьникомъ* (дат. п. мн. ч., Остр. ев., л. 9), *въвьргоуть* (3 л. мн. ч., там же, л. 242), *чьрноризьць* (Св. изб. 1076 г., полулист 221), *съвьрши* (Мстисл. ев. до 1117 г., запись), *дължьни* (им. п. мн. ч. муж. р., Мстисл. гр. ок. 1130 г.); 2) написанием типа *ръ*, например: *прѣдрьжѧщоу*, *съдрьжѧще* (Остр. ев., запись), *слъньце* (Св. изб. 1073 г., л. 250 об.); 3) написанием типа *ъръ*, т. е. с двумя одинаковыми редуцированными гласными вокруг плавного, например: *съмьрьть*, *зьрьно*, *скъръби* (род. п. ед. ч., Остр. ев.), *къръмити*, *дьрьзость*, *стълъпъ* (Новг. Минея 1095 г.). Написания типа *ър* отражают живое древнерусское произношение; написания типа *ръ* вызваны влиянием старославянских оригиналов, которое может сказаться и в оригинальных частях книжных рукописей (о значении этих написаний в старославянском языке см. курс старославянского языка, а также ниже), написания же типа *ъръ*, по мнению одних ученых, отражают тенденцию к устранению закрытости слога таким же путем,

каким она была устранена в дописьменное время в сочетаниях типа **tort*, т. е. посредством развития полногласия, по мнению же других, более достоверному, эти написания представляют собой графическую комбинацию из старославянского написания и привычного для писца древнерусского произношения. Эти написания также принято называть «вторым полногласием» (не следует путать с упомянутым выше явлением, развившимся в результате падения редуцированных).

Памятники нотного письма XII—XIII вв., содержащие тексты для церковного пения, указывают на то, что в подобных сочетаниях пелись оба редуцированных, — это выражается или посредством постановки особого нотного знака над каждым из знаков редуцированных, например *обълъценъ* с нотным знаком на каждом *ъ* (Стихирарь 1157 г., *ц* вместо *ч*, так как памятник цокающий), или посредством написания нескольких знаков для каждого из редуцированных, что указывает на протяжение последних при пении, например: *цьььрььькы* (Нотный кондакарь XII—XIII вв.). Но произнесение обоих редуцированных при пении нисколько не противоречит тому, что первоначально обозначение этих редуцированных могло быть чисто графическим приемом: произнесение обоих гласных могло явиться лишь в церковном произношении (не в разговорном) под влиянием написания.

§ 25. Сочетание *jь* (т. е. согласного *j* и гласного *ь*, принадлежавших к одному слогу) изображалось обычно буквой *и*, что дает основание предполагать об изменении *ь* в соответствующем положении в направлении к *і* в результате ассимиляции предшествующему *j*. Что касается *j*, то оно в этих условиях не обозначается (знака йотированного *и* в нашем письме не было). О соответствующем позиционном изменении (т. е. изменении, зависящем от положения) говорит сопоставление таких форм, как указательные местоимения *и*, *сь* (вин. п. ед. ч., муж. р.) — *кго*, *сего* (род. п. ед. ч. муж. и ср. р.). В первом из этих местоимений, несомненно, было корневое *j*, на которое указывают другие косвенные падежи, окончанием же винительного падежа единственного числа мужского рода было, по-видимому, *ь*, поскольку это местоимение в целом принадлежало к тому же типу, что и *сь* (см. ниже, раздел «Морфология», § 165).

Это краткое (но слоговое) *ĭ*, развившееся из *ь*, подобно последнему, было, по-видимому, редуцированным гласным. В дальнейшем оно в слабом положении теряется, а в сильном дает обычное *і*. Ср. современное *яйцо́* (т. е. *jaiсо́*), род. п. мн. ч. *яи́ц* (т. е. *jaíc*), из древнего *jajьс'е́*, род. п. мн. ч. *jajьс'ъ*.

§ 26. Для фонетического слова, под которым понимается самостоятельное слово с непосредственно примыкающими к нему служебными, характерны два момента: 1) звуковые особенности,

характеризующие границы слова (начальную и конечную) в речевой последовательности; 2) ударение как признак целого слова.

§ 27. Фонетические особенности, характеризующие границы слова, в основном определяются структурой слога (см. выше, § 13). Начало слова есть в то же время начало слога, конец слова — в то же время конец слога. Вследствие того что слоги в древности у нас начинались обычно с неслоговых (чаще собственно согласных) звуков, начало слова характеризовалось обычно наличием согласного (точнее неслогового), а не гласного звука. Некоторые гласные вообще были нетерпимы в начале слова. К ним относятся *у* (*ы*), *ъ* и *ь*, перед которыми, если они когда-то находились в начале слова, еще на общеславянской почве развились неслоговые сонанты — перед *у* и *ъ* *v*, а перед *ь* — *j*, сохранившиеся и в древнерусском языке. Неисконность их можно установить не только на основании сопоставления с другими индоевропейскими языками, но и на основании сопоставления различных форм, образованных от одного корня, в древнерусском языке. Ср., например, *възъпити* (морфологическая структура *vъz-ъp-i-ti*) — *въпити*, *въпль* (морфологическая структура *vъp-i-ti*, *vъpl'-ь*). Нет оснований думать, что в форме *vъzъpiti v* исчезло после *z* приставки: сочетание *zv* в различных древних славянских языках, в том числе и в древнерусском, было возможно (ср. *звонъ*, *звѣзда*). Примером неисконного начального *v* может служить *выкнути*, образованное от того же глагольного корня, что *оучити*.

Сочетание *jь*, развившееся в начале слова, дает, как уже было сказано, очень краткое *i*, изображаемое посредством *и* (*j*, если и сохраняется фонетически, графически не отмечается), но неисконность *j*, давшего в сочетании с *ь* *i*, удостоверяется на основании сопоставления таких форм, как *възмьу* — *иму* (морфологически *vъz-ьm-u*, *im-u* < **jьm-ǫ*), инфинитив *ѩти* < **jęti* < **jьm-ti* < **ьm-ti*.

Начальное *j*, помимо уже указанного выше случая с *ь*, развивается перед *е*, *ѣ*, *а*. Почти все слова с начальным *е* (без согласного перед ним) даже в современном русском языке являются заимствованными (орфографически они теперь пишутся с начальным *э*). Ср., например, *этаж*, *эгида*, *экзамен* и т. д. Исключение составляют междометия, которые вообще часто уклоняются от норм обычных слов (например, *эх*), да местоимения неличные типа *э́тот*, *э́такий*. Но последние, по-видимому, образовались поздно (см, ниже, § 176). Поскольку не все древнерусские памятники строго разграничивают употребление *е* и ѥ, написания типа *есть* и ѥсть в равной мере обозначают *jestь* (ср. современное *есть* в значении «имеется»). В соответствии с подобными формами мы и в современном языке находим начальное *je*, и у нас нет основания думать, что *j* развилось здесь в

позднейшие времена. Перед *ě*, если не было перед ним другого согласного, в начале слова также развивалось *j*, хотя на письме это обычно не обозначалось (лишь в редких случаях мы находим особое обозначение для йотированного *ѣ* — **ѣ**, такой знак употреблялся в Святославовом изборнике 1073 г., и то непоследовательно, см. выше § 15).

Перед *a*, если не было перед ним других согласных, мы также обычно находим в древнерусском языке в начале слова *j*. Исключение составляют лишь междометия и часто употреблявшийся в древнерусском языке союз *a*. Помимо указанных категорий, мы и в современном языке находим начальное *а* обычно в словах, заимствованных из других языков: *армия*, *агрессия*, *арест*, *азалия*, *акын*, *антирелигиозный* и т. д. Часть слов с начальным *а* проникла к нам из старославянского языка, где начальный *j* перед *а* мог отсутствовать. Ср. др.-русск. **азъ**, ст.-сл. *азъ* «я». Даже заимствованные слова, проникшие в книжный язык с начальным *а*, могли в дальнейшем по говорам развивать перед *а* *j*. Ср. ст.-сл. и др.-русск. *ангелъ*, частью с вставкой редуцированного между *н* и *г* вследствие непривычности такого сочетания согласных в эпоху до падения редуцированных, например, *аньгелъ* господьнь (Остр. ев., Ио. V, 5), из греческого ἄγγελος (по-гречески γγ произносится как ŋg) и украинское ласкательное *янгелятко* «ангелочек».

Начальное *j* мы находим и перед тем, возможно, более передним *ä*, которое развилось из общеславянского *ę* носового, ср. **ꙗти** «брать» — с приставкой *възꙗти* (фонетически *jäti* — *vъzäti*).

По-видимому, могли быть в начале слова в древнерусском языке лабиализованные гласные заднего ряда — *о*, *и*. Ср. *онъ*, *озеро*, *оугъ* «юг», *оунъ* «молодой, юный» (современные *юг*, *юный*, по происхождению, являются славянизмами).

Начальное *v-*, развившееся в некоторых случаях перед *о*, связано с определенными отношениями в области ударения, и о нем подробнее ниже. Примером такого *v-* может служить др.-русск. *восмь* (совр. *восемь*), ср. ст.-сл. *осмь*.

Перед начальным *и-* в некоторых случаях наблюдалось по-видимому, фарингальное *h*. На письме оно может изображаться посредством той же буквы *г*, которая обозначает вообще задненебный звонкий согласный, а может и не обозначаться вообще. В дальнейшем это *h* частью сменилось (не фонетически) обычным задненебным звонким согласным, для одних говоров фрикативным, для других взрывным, частью же утратилось. Примером могут служить русск. *гуж* «веревка», затем «часть сбруи» (из говоров проникло в литературный язык, ср. совр. *гужевой транспорт*), *уж* (вид пресмыкающегося), этимологически восходящие к одному источнику. *Оужь* в значении «веревка» мы находим и в древнерусском языке. Ср. *оужи* съвѣсиша на землю (Лавр. лет., л. 45). Мы лишены возможности точно сказать,

что́ представляла собой фонетически приведенная форма, *už* или *huži*. Это *h-* развивалось, по-видимому, еще на общеславянской почве и унаследовано было древнерусским языком от общеславянского. Мы находим его (хотя бы факультативно), не перед всяким *u-*, а лишь перед таким, которое восходит к общеславянскому носовому *ǫ*, ср. ст.-сл. *жжь* «веревка». Формы с *h-* отражаются не только в восточнославянской области: ср. ст.-сл. *гжсеница* параллельно с *жсеница*, русск. *гусеница*. Наличие *h-* лишь перед *u* из *ǫ* указывает на развитие его в ту эпоху, когда еще существовал носовой гласный, который в восточнославянской области изменился в неносовой еще в дописьменные времена.

Возможно, что в некоторых случаях начальное *h-* развилось (по крайней мере, по говорам) и перед начальным *o-*. Ср. современное украинское *гострий* (фонетически *hóstryi*) «острый». Впрочем, в этом случае в говорах, легших в основу русского (в современном смысле, т. е. великорусского) языка, является начальное *v-* (ср. диалектное *вóстрый*, литературное *острый* под влиянием старославянского языка), подробнее см. ниже, § 51.

Вследствие недостаточной выясненности вопроса о *h* в приведенной выше таблице древнерусских согласных он дан в скобках.

§ 28. Основной фонетической чертой конца слова в древнерусском языке является то, что слово могло оканчиваться лишь на слоговой и именно гласный звук.

Помимо этого, следует указать, что *ě* возможно лишь в конце слова, в положении после шипящих согласных. Это *ě* наблюдается лишь в определенных морфологических окончаниях, именно в род. п. ед. ч., им. и вин. п. мн. ч. мягкой разновидности имен со старой основой на *-a* и в вин. п. мн. ч. мягкой разновидности имен со старой основой на *-o*, например: *доушѣ* (род. п. ед. ч., им. и вин. п. мн. ч. от *доуша*), *ключѣ* (вин. п. мн. ч. от *ключь*). В старославянском языке этому *-ě* соответствует носовое *-ę*. Ср.: ст-сл. *доушѧ*, *ключѧ*. О происхождении этого *-ѣ* см. ниже, § 47.

§ 29. Древнерусский язык отличался от современного русского языка не только конкретным звуковым составом, но и отношениями звуков как фонем, т. е. звуковых единиц, служащих для различения смысловых единиц (слов, форм). Каждая фонема какого бы то ни было языка обычно представлена целым рядом различных звуков, различия между которыми обусловлены их фонетическим положением, называем же мы ее по тому звуку, который, представляя ее, отличается в тождественном фонетическом положении от звуков, представляющих другие фонемы. Гласными фонемами древнерусского языка заведомо являются названные выше *i*, *u*, *ě*, *ь*, *ъ*, *e*, *o*, *a*. Ср. *stoli* (им. п. мн. ч.), *stolu* (дат. п. ед. ч.), *stolě* (местн. п. ед. ч.),

stołъ (им. — вин. п. ед. ч.), *stoła* (род. п. ед. ч.), *danъ* (причастие прош. вр. им. п. ед. ч. муж. р.), *danь* (им. п. ед. ч. существительного), *volъ* (им. п. ед. ч. существительного), *velъ* (причастие прош. вр., несклоняемое, ед. ч. муж. р.) и т. д. Здесь представлены в качестве особых фонем и такие, которых в современном русском языке нет и нет представляющих их звуков (*ъ*, *ь*, *ě*). Помимо указанных, в древнерусском языке выступало как особая фонема *y*. В современном языке имеется звук *y* (*ы*), являющийся разновидностью той же фонемы, что и *i*. Но в древнерусском языке фонемы *i* и *y* отчетливо различались. Доказательством того, что в современном языке звуки *i* и *y* (*ы*) представляют собой одну и ту же фонему, является то обстоятельство, что они не могут быть противопоставлены друг другу в тождественных фонетических условиях. Так, например, такие современные формы, как *быть* и *бить* (фонетически *быт'* и *б'ит'*, или, пользуясь транскрипционными обозначениями, принятыми для древних славянских языков, *byt'* — *b'it'*), отличаются друг от друга не только наличием в первом случае гласного *y* (*ы*), а во втором — гласного *i*, но твердым губным согласным в первой форме, мягким губным согласным во второй, т. е. внутри слова (или на конце) *y* (*ы*) может быть только после твердых согласных, а *i* — только после мягких. Из этих двух разновидностей одной фонемы основной вид представляет *i*, поскольку оно может быть в начале слова, а *y* (*ы*) не может, причем *i* изменяется в *y* (*ы*), если перед ним появляется твердый согласный (ср. *играть*, фонетически *igràt'* — *сыграть*, фонетически *sygrát'*). В древнерусском языке *y*(*ы*), как, впрочем, и в других древних славянских языках, могло выступать и в независимом фонетическом положении по отношении к *i*. В качестве примера можно привести формы им. п. мн. ч. *stoli* и вин. п. мн. ч. *stoły* (орфографически *столи* — *столы*), т. е. окончания им. и вин. п. мн. ч. старого склонения с основой на *-o* отличались друг от друга тем, что первое было представлено фонемой *i*, второе — фонемой *y* (*ы*). Правда, перед ними как будто употребляются разные согласные — перед *y* твердые, перед *i* полумягкие. Но полумягкие согласные выступали исключительно перед согласными переднего ряда, следовательно, были позиционно обусловлены.

Возможно, что в области гласных нижнего подъема в древнерусском языке фонетически различались *a* — заднего и *ä* — переднего ряда. Так, например, такие слова, как *пасть* (существительное), фонетически *pasti* и *пѧсть* «пясть», т. е. «кисть руки», отсюда современное *запя́стье* (фонетически *pästi*), различались некогда в звуковом отношении качеством гласного (*a* — *ä*). Перед гласным *ä*, развившимся на восточнославянской почве еще в дописьменные времена из общеславянского носового *ę*, первоначально согласные смягчались, по-видимому, незначительно, давая лишь полумягкие.

С точки зрения отношения звуков как принадлежащих тем или иным фонемам общий путь развития гласного *ä* (из *ę*) и предшествующего согласного проходит следующие последовательные этапы: *tę* > *tä* > *t'ä* > *t'a* (*t* обозначает любой согласный, полумягкость не обозначена). Вопрос о том, какой из этих этапов относится к древнерусскому языку эпохи древнейших дошедших до нас памятников или времени, непосредственно предшествующего им, не может быть решен без решения вопроса о развитии мягкости согласных (см. ниже, § 71, 82). Вполне возможно, что к рассматриваемой эпохе относится именно этап *tä*, т. е. такой этап, когда *t* и *t'* еще не противостоят друг другу как различные фонемы, тогда как *a* и *ä* представляют собой различные фонемы.

Вопрос о возможном различении в древнерусском языке как разных фонем двух типов *o*, представленных и фонематически различающихся, как известно из курса диалектологии, в некоторых современных русских говорах (*o* открытого и *ô* закрытого), неразрывно связан с вопросом об ударении (см. ниже § 51). Если такие два *o* и различались в древнерусском языке, их различие первоначально не было независимым, но было обусловлено качеством ударения.

Возможно, как уже было сказано выше, в древнерусском языке было особое более переднее *ü*, отличное от заднего *u* и обозначаемое в обычном письме буквой *ю*. Но поскольку это *ü* было строго обусловлено фонетическим положением (оно являлось лишь после мягких согласных, ср., например, *шюмъ*, фонетически *šümъ*,) оно не являлось особой фонемой, отличной от *u*.

Не являлись особыми фонемами редуцированные *ў*, *ĭ*, поскольку они развивались лишь в определенном фонетическом положении, именно перед *j*, причем *ў* принадлежало фонеме *ъ*, а *ĭ* — фонеме *ь*. Фонеме же *ь* принадлежало также не являвшееся особой фонемой очень краткое *ĭ*, развивавшееся из *ь* в положении после *j*.

§ 30. В древнерусском языке эпохи древнейших дошедших до нас памятников и непосредственно предшествующей ей из согласных являются особыми фонемами все отмеченные в приведенной выше таблице (за исключением данного в скобках *h*).

Кроме того, разновидностями одной фонемы были *ł* и *l*, поскольку возможны были лишь в различных фонетических условиях.

Существенным отличием фонемных отношений древнерусского языка от современного русского является отсутствие противопоставлений как разных фонем твердых и парных им мягких согласных того же места образования, но отличающихся дополнительной артикуляцией — палатализацией (типа *t* — *t'*, *d* — *d'* и т. д.). С точки зрения исторического развития в русском языке, как и в других славянских, среди мягких согласных

различают исконно (первично) смягченные согласные, являющиеся результатом I и II палатализации задненебных согласных, а также смягчения любых согласных в сочетании с *j* (подробнее см. в курсе старославянского языка), и вторично смягченные, получившие дополнительную артикуляцию (палатализованность) при сохранении основной в положении перед гласными переднего ряда (например, *t* > *t'* в положении перед *i*, *ě*, *ь*, *e*). Исконно смягченные согласные (термин условный, так как когда-то, большей частью еще на праславянской почве, они развились в определенных фонетических положениях из других согласных) в древнерусском языке выступали уже как особые фонемы по отношению к твердым согласным. Такие примеры, как *бѣжати — бѣгати*, *двьрьника* (род. п. ед. ч. от *двьрьникъ* «привратник») — *двьрьница* «привратница», доказывают самостоятельность шипящих и мягких свистящих как особых фонем по отношению к задненебным, из которых они когда-то развились. Вторично смягченные согласные, если и начинали уже развиваться, то были позиционно обусловлены, вследствие чего особыми фонемами не являлись.

Не являлись особыми фонемами: *h*, которое если и возникало как звук, то лишь в особых фонетических условиях (в начале слова перед лабиализованными гласными заднего ряда, и то не всегда), в дальнейшем же или терялось или совпадало с издавна наличным в языке *g*; *f*, являвшееся лишь в книжных заимствованиях; *к*,' *g*,' *x*', которые, во-первых, были ограничены определенной позицией (положением перед гласными переднего ряда), во-вторых, свойственны были лишь заимствованиям, главным образом книжного характера. Не являлись особыми фонемами и *r̥*, *l̥* слоговые (по отношению к *r*, *l*), так как выступали лишь в определенной позиции (после редуцированного перед согласным), где как раз не могли быть *r*, *l* неслоговые.

§ 31. Звуковым признаком, характеризующим целое слово (имеется в виду фонетическое слово, т. е. самостоятельное слово с непосредственно соседствующими с ним служебными) является ударение. Но о нем ввиду отсутствия акцентуированных памятников мы ничего не можем сказать. Об отражении же в позднейших и современных фактах особенностей общеславянского ударения см. ниже.

Отличия древнерусского языка от других славянских языков

§ 32. Звуковые системы всех славянских языков в XI в. были достаточно близки друг к другу, в них было много общих черт, и не только общих черт, но и общих тенденций развития. Но все же были вместе с тем и различия, на которых мы и остановимся.

§ 33. В области гласных прежде всего следует отметить отсутствие носовых гласных. Последние сложились еще на почве общеславянского языка в результате развития сочетаний гласного с носовым согласным в закрытом слоге, как это известно из курса старославянского языка. В общеславянском языке было два носовых гласных — *ǫ* и *ę* (относительно гипотезы о «носовом ять» см. ниже). Они перешли и в отдельные языковые ветви после распадения общеславянского языка. В восточнославянской области носовые были утрачены еще в дописьменное время, причем они изменились в неносовые, а именно *ǫ* дало *и* (оно сохранилось в соответствующих случаях и в настоящее время), а *ę* изменилось в *ä*, в соответствии с которым в современном языке наблюдается *а* в положении после мягкого согласного (если последний не отвердел на протяжении позднейшей истории русского языка). Ср. совр. *путь*, др.-русск. *пѫть*, ст.-сл. *пѫть*, совр. *несу́* (1 л. ед. ч. наст. вр.), др.-русск. *несу*, ст.-сл. *несѫ*, совр. *пять* (фонетически *п'ät'*), др.-русск. *pätь*, ст.-сл. *пѧть* (буква ѧ здесь писалась обычно и в древнерусских памятниках), *сидя́т* (3 л. мн. ч. наст. вр., фонетически *с'ид'а́т*), др.-русск. *sědätь*, ст.-сл. *сѣдѧтъ* и т. д.

Носовые гласные теряются на протяжении их истории в большинстве славянских языков. Сохранились они в настоящее время лишь в польском и кашубском, причем качество их не всегда соответствует общеславянскому или засвидетельствованному древнейшими старославянскими памятниками (что объясняется специфическими процессами, протекавшими на протяжении истории польского и кашубского языков), да имеются следы в македонском языке, где на месте старого носового гласного по говорам представлен носовой слоговый сонант, ср. макед. *zm̨p*, русск. *зуб*, ст.-сл. *зѫбъ*, польск. *ząb*.

Есть основания думать, что носовых гласных в восточнославянских наречиях уже не было во времена византийского императора Константина Багрянородного, написавшего в середине X в. сочинение «О народах» (Περὶ ἐθνῶν), содержащее также материалы, относящиеся к древней Руси. В нем приводятся названия днепровских порогов, причем форма этих названий указывает на отсутствие в них носовых гласных и в тех случаях, когда этимологически эти гласные должны были быть. Ср., например, Βερούζη πραχ, др.-русск. *вьроучии*, ст.-сл., *вьржщии* «кипящий»; Νεασὴτ, др.-русск. *неꙗсыть*, ст.-сл. *неѧсыть* «пеликан» или «коршун» (современное название *ненасытец*), др.-русск. *ꙗсыть* «ненасытный», др.-русск. ꙗ = ст.-сл. ѧ, общеслав. **ję-* из **en-* в значении отрицательной частицы, ср. лат. *in-*, греч. *ἀν-*. При чтении форм, записанных греческими буквами, следует иметь в виду, что в греческом византийском ου обозначало *u*, η (в классическом греческом долгое *ē*) — *i*.

Следуя старославянской традиции, наши писцы стремятся

разграничить *оу* и ѫ, но путают их, употребляют *оу* вместо ѫ, *ю* вместо ѭ и, наоборот, ѫ и ѭ вместо *оу* и *ю*. Ср., например, *въвьргоуть* (Остр. ев., л. 242), 3 л. мн. ч. вместо *въ'вргѫтъ*, *въстьрь/зающе* (там же, л. 241), им. п. мн. ч. муж. р. прич. действ. наст. вр. вместо *въстрьзаѭще*, *чѫждаахѫ сѧ* (там же, л. 31 об.) вместо *штюждахѫ сѧ*, ср. польск. *cudzy* «чужой, чуждый», указывающее на общеславянское *и*, *стѫденьць*, на/*стѫденьци* (там же, л. 30) вместо *стоуденьць* «колодец», ср. польск. *studnia* «колодец», отъ *обоѭ* слышавъшоую... и/по немь *шьдъшоу/ѭ* (там же, л. 6 об), род. п. дв. ч., вместо *обою*, *шьдъшюю*. Реже смешиваются ѧ и ѭ с *а* и ѫ, поскольку ѧ обычно использовался в древнейших наших памятниках для обозначения более переднего *ä*, согласные перед которым еще не достигли полной степени мягкости, а были полумягкими. Ср. обычные написания *врѣмѧ* (напр., Остр. ев., л. 6, 7 об., 8 об., 29 об. и др.) десѧтаѫ (там же, л. 6) и т. п. Но наблюдаются случаи смешения и здесь, чаще всего после исконно смягченных согласных и *j*. Ср.: глаи (Остр. ев., л. 30), им. п. ед. ч. муж. р. действ. прич. наст. вр., вместо *глаголѭи*; *отъ/самарияѫ* (там же, л. 30), род. п. ед. ч. склонения на *-а*, мягкой разновидности, вместо *отъ самарияѧ*; *почахъ* (там же запись), 1 л. ед. числа аор., вместо *почѧхъ*.

Стремление разграничить употребление букв, обозначавших носовые гласные, и букв, обозначавших неносовые, было настолько сильно у писцов наших древнейших рукописей, что формы с ѫ и ѧ мы находим не только в памятниках, списанных со старославянского оригинала, но и в оригинальных. Так, в записи Остромирова евангелия наряду с такими формами, как *пороучение*, *молю*, *почахъ* (дважды), отражающими живое произношение писца, мы находим такие, как *поржчи* (3 л. ед. ч. аор.), *чѧдомъ* (дат. п. мн. ч.), *чѧдъ* (род. п. мн. ч.), *съдрьжѧще* (им. п. мн. ч. муж. р. прич. действ. наст. вр.).

Лишь постепенно, приблизительно к середине XII в., вырабатываются на основе старославянской системы свои русские нормы письма, причем ѫ совсем выходит из употребления, а ѧ сохраняется, но получает особую функцию и иначе отграничивается от ѫ и *а*, с которыми он смешивался с самого начала нашей письменности (см. выше, § 11; там же см. и о новом появлении в нашей письменности ѫ в связи с так называемым вторым южнославянским влиянием).

§ 34. Древнерусский язык характеризуется закрытым произношением *ě* (см. выше, § 15). На общеславянской почве оно было, по-видимому, открытым, но, на протяжении их истории, в части славянских языков, в том числе и в древнерусском, оно приобрело закрытый характер. Границы распространения открытого и закрытого *ě* не совпадают полностью с границами отдельных славянских языков и даже с границами отдельных групп.

§ 35. Редуцированные гласные ъ и ь, унаследованные всеми славянскими языками из общеславянского языка, но довольно рано частью утрачивающиеся, частью изменяющиеся в гласные полного образования, сохраняются в древнерусском языке как особые фонемы дольше, чем в других славянских языках. Во всяком случае древнейшие дошедшие до нас памятники отражают хорошее сохранение редуцированных там, где они должны быть этимологически (об отдельных случаях утраты и изменения в другие гласные в наших древнейших памятниках см. ниже, § 60). Отдельные случаи пропуска слабых редуцированных в памятниках, списанных с южнославянских оригиналов, объясняются влиянием этих последних. Не обнаруживается в наших памятниках и смешения редуцированных (т. е. употребления ъ вместо ь и ь вместо ъ), характерного для некоторых древних славянских языков и свидетельствующего о совпадении обоих редуцированных в одном звуке. (Такое смешение, выражающееся обычно в употреблении ь и на месте ь и на месте ъ, наблюдается уже в древнейших сербских памятниках.) Отражающим такое смешение может показаться на первый взгляд лишь один, правда, несколько загадочный, памятник — Новгородская берестяная грамота № 109, по стратиграфическим данным (т. е. по условиям залегания) относящаяся к XI в. В ней из двух знаков для редуцированных последовательно употребляется только один, именно ъ: наряду с этимологически правильным употреблением (ѡтъ жизномира, коупилъ еси, кънѧгъıни, посъли, съводъı и др.) мы находим: *въ томъ* вместо *въ томь*, *кънѧжъ моужъ* вместо *кънѧжь моужь*, *ничътоже* вместо *ничьтоже*, но при этом ни одного случая пропуска слабого редуцированного (даже в тех случаях, где они особенно рано начинают утрачиваться, см. ниже, § 60). Написания ъ после шипящих, отражающие отвердение последних, относятся к значительно более позднему времени (не ранее XIV в.), и мы не вправе предполагать наличия твердых шипящих в то время, к которому эта грамота относится. В ней вообще есть и другие необычные написания, указывающие на то, что грамоту писал или иностранец, или, скорее, человек, обладавший какими-то особыми графическими приемами: в ней последовательно употребляется *е* на месте *ѣ*, и в части случаев *а* вместо *ѧ* для обозначения гласного типа *ä*, развившегося из носового *ę*, например: *къ микоуле* вместо *къ микоулѣ*, *възалъ* вместо *възѧлъ*. Форму *плъскове* (местн. п. ед. ч.) по палеографическим данным следует скорее читать так, а не *плѣскове* вместо *пльсковѣ*, как делает А. В. Арциховский. О древности грамоты, при всей странности графических приемов, говорит именно строго последовательное употребление знака для слабого редуцированного (отсутствие пропусков этого знака).

§ 36. В области согласных наиболее яркой чертой, отличающей древнерусский язык от других славянских языков, является *č′*,

ž' на месте общеславянских сочетаний *tj*, *dj* и *kt* в положении перед гласными переднего ряда, например, *свѣча* < **světja*, *межа* < **medja*, *вижю* < **vidjǫ*, *помочи* «помочь» < **pomokti* < **pomogti*, *ночь* < **noktь*, ср. лат. *nox*, *noctis*. В различных славянских языках соответствующие сочетания имели иную судьбу, чем в восточнославянской области. Так, в западнославянской области мы находим здесь свистящие согласные (аффрикаты или фрикативные, с возможным преобразованием звонкой аффрикаты в фрикативный согласный); в старославянском и болгарском — *št*, *žd*: *tj* и *kt'* дали *št*, *dj* — *žd* (первоначально мягкие, в дальнейшем отвердевшие); в сербском — мягкие шепелявые переднеязычные аффрикаты, средние между шипящими и свистящими — $c^{/\check{c}/}$, $dz^{/d\check{z}/}$ (в обычной сербской графике обозначаются соответственно *ћ*, *ђ*, а в хорватской *ć*, *đ*); в словенском — *č* (< *tj*, *kt'*, как в вост.-слав.), но *j* (< *dj*); ср. польск. *s'wieca*, *noc*, *miedza*; чеш. *svíce*, *noc*, *meze*; ст.-сл. *свѣща*, *нощь*, *межда*; серб. *свећа*, *нôћ*, *мèђа*; слов. *svéča*, *noč*, *méja*; в соответствии с др.-русск. *свѣча*, *ночь*, *межа*.

С артикуляционной точки зрения развитие соответствующих мягких (палатализованных) согласных вполне понятно: *j*, будучи средненебным (по месту образования преграды), оказывает на предшествующие согласные сильное палатализующее воздействие: язык начинает примыкать к нёбу более широкой поверхностью в зоне переднего и среднего нёба. При более широкой поверхности примыкания отрыв языка от нёба (ведь в указанных случаях мы имеем дело с первоначально взрывными согласными) осуществляется не сразу, после взрыва некоторое время сохраняется узкая щель, в результате и возникает сложный по способу образования преграды согласный — аффриката. Так объясняется, например, *č'* из *tj*. Что касается *kt'*, то следует иметь в виду, что одиночное *t* (без предшествующего *k*) не испытывает такой степени палатализации перед гласным переднего ряда. Оно дает первоначально лишь полумягкий согласный, т. е. лишь слегка расширяется зона примыкания языка к верхним зубам и к зазубной области. Но в случае непосредственно предшествующего *k* последнее меняет место преграды, сдвигаясь в область переднего неба. По-видимому, это сочетание и раньше (до палатализации) имело один общий взрыв (после *t*). Вследствие расширения зоны примыкания для *t* назад обе зоны объединяются и получают не только общий взрыв, но и общее смыкание.

Результат развития сочетания с звонким согласным не был вполне параллельным результату развития сочетания с глухим: *tj* и *kt'* дали *č'* (аффрикату), а *dj* — *ž'* (фрикативный согласный). Это различие результата объясняется в целом меньшей напряженностью звонкого согласного сравнительно с глухим. Первоначально, по-видимому, *dj* давало звонкую аффрикату *dž'* (параллельно *č*), но затем, еще в дописьменные времена, вследствие

меньшей напряженности *dž'* сравнительно с *č'* в нем произошло дальнейшее ослабление артикуляции, затвор, требовавший большего усилия, был утрачен, и явился фрикативный согласный *ž'*. Меньшей напряженностью звонкого согласного объясняется и *j* на месте *dj* в словенском и *z* на месте общезападнославянского *dz'* в чешском языке.

В современных украинских говорах мы находим иногда аффрикату *dž* на месте общеславянского *dj*, например *сáджа*, *ходжý* (ср. русск. *сáжа*, *хожý*, общеслав. **sadja*, **xodjǫ*). Но, по-видимому, указанные формы представляют собой позднейшие аналогические образования к формам с *d* (ср. *садити*, *ходити*). Во всяком случае, древнерусские памятники не дают указаний на наличие *dž* в каких-либо древнерусских говорах.

Уже в древнейших русских памятниках, даже списанных со старославянских оригиналов, мы находим, наряду со старославянскими *шт* или *щ*, *жд*, в тех же словах и формах написания с *ч*, *ж*, например: *нощиⷢ* (Остр. ев., л. 7 об.), *отъвѣщавъ* (там же), *хощеть* (там же, л. 8), *живоуште* (Св. изб. 1073 г., л. 93), *немошитьныⷯ* (Св. изб. 1076 г., л. 110 об.), *обрⷯще* (Новг. Минея 1095 г., сент., л. 176), *прѣжде* (Остр. ев., л. 6), *рожденоⷦ* (там же, л. 8), *даждь* (там же, л. 30), *вижⷣ* (там же, л. 31), но: *б҃а сⷯ боⷦче* (Новг. Минея 1095 г., сент., л. 176), *роже|ныи* (Остр. ев., л. 8), *осоужаⷦмыⷯ* (Св. изб. 1076 г., л. 110 об.), *невѣ|жа* (Новг. Минея 1095 г., сент., л. 176). При этом в древнейших наших памятниках *шт*, *щ* (генетически представляющее собой вертикальную лигатуру *шт*) чаще сохраняются и лишь очень редко заменяются через *ч*, тогда как *жд* заменяется посредством *ж* значительно чаще.

§ 37. Сочетание *šč'* < **skj*, **stj*, **sk* перед передними гласными в соответствии со старославянским *št* обозначалось в древнерусских памятниках, как и в старославянских, посредством *щ* (в древнейших также и *шт*), например: не *ищють* (Русская Правда 1282 г., л. 615 об.). Наличие в древнерусском языке звукосочетания *šč*, обозначаемого на письме посредством *щ*, объясняет отмеченные в § 36 более частые написания *щ* вместо русского *ч* сравнительно с *жд* вместо русского *ж*.

§ 38. Вторая палатализация заднеязычных согласных перед *ě* из дифтонга заднего ряда (*oi̯*, *ai̯*) отразилась в восточнославянской области и в тех случаях, когда между заднеязычным и последующим *ě* было *v* (первоначально, по-видимому, неслоговое *u̯*, смещавшееся под влиянием последующего переднего гласного в переднее образование), в результате чего появляются сочетания *c'vě*, *z'vě* на месте общеславянских *kvě*, *gvě* < **kuo̯i̯*, **guo̯i̯* (об изменении на восточнославянской почве *dz'* в *z'* см. выше, § 21). Впрочем, эти сочетания отличают восточнославянские наречия лишь от западнославянских, а не от южнославянских, где вторая палатализация в соответствующих

условиях также отражается. Ср. др.-русск. *цвѣтъ*, *звѣзда*, ст.-сл. *цвѣтъ*, *звѣзда* (или *зъвѣзда*), серб. *цвет*, *звезда*, чеш. *květ*, *hvězda*, польск. *kwiat*, *gwiazda*. Укр. *квіт*, белор. *квет* «цветок», на первый взгляд противоречащие тому, что изменение *kv*, *gv* в соответствующих условиях отразилось во всех восточнославянских наречиях, представляют собой позднейшие заимствования из польского языка.

§ 39. Древние восточнославянские наречия характеризуются постоянным сохранением так называемого *l* epentheticum в сочетании с губными согласными из сочетаний «губной согласный + *j*». Ср. русск. (древнее и современное) *земля*, *приступлю*, *люблю*, **pristǫpjǫ*, **l'jubjǫ*.

Некоторые слова, начиная с древнерусского языка, удержались в форме без *l'*, но они занесены из старославянского. Ср. такое существительное, как *благословение*. Впрочем, древнерусскому языку была известна и форма этого слова с *l'* после *v*, например: бл҃гословлениѥ ѿ влдкы (Новг. гр. 1264—1265 гг.). Отглагольное существительное *благословление* образовано от страдательного причастия *благословленъ* — от глагола *благословити* (вторая часть причастия развилась следующим образом: **-slovi-enъ* > **slovi-enъ* > **slovj-enъ* > *-slovl'enъ*).

§ 40. Специально от старославянского языка древнерусский язык отличается сохранением *t*, *d* без изменения основной артикуляции в положении перед *r'* из *rj*. В старославянском языке в этом случае смягчилось не только *r*, но и предшествующие ему *t*, *d*, причем так же, как они смягчились в сочетании с непосредственно следующим за ними *j*, т. е. на месте первоначальных *trj*, *drj* в старославянском языке являются *štr'*, *ždr'*, например: *оухълщрѣти*, *оумѫждрѣти*, которым в древнерусском языке (а также и в современном) соответствуют *tr'*, *dr'*. Ср. *заостря́ть*, *умудря́ть*. В некоторых случаях мы и в современном языке находим сочетание *щр'* в чередовании с *тр* (*tr*). Ср. *ухищре́ние*, *ухищрённый* при *хитрый*, *испещрённый* (этимологически связано с *пёстрый*). Эти формы некогда были занесены из старославянского языка (форм с параллельным звонким сочетанием *ždr* мы в современном языке не находим).

§ 41. Специально от западнославянских языков древнерусский язык отличается отсутствием *t*, *d*, перед *n*, *l*. Ср. *освьнути* «рассвести», *вѧнути*, *плелъ*, *велъ* из **osvьtnǫti* (ср. *свѣтъ*), **vędnǫti* (ср. *увя́дать*), **pletlъ* (ср. *плету*), **vedlъ* (ср. *веду*). В западнославянских языках *t*, *d* в соответствующих условиях сохраняются. Ср. чеш. *vadnouti* «вянуть», *pletl*, *vedl*, польск. *plót* (из *plotłъ*), жен. р. *plotła*, «плела», *wiodła* «вела».

По мнению Н. С. Трубецкого, сохранение *t*, *d* в одной части славянской области и утрата их в другой объясняется различием в слогоразделе, первоначально падавшем перед звуко-

сочетанием «взрывной + сонорный» и оставшемся в таком положении в западной группе после отделения от нее южной и восточной, где он передвинулся и занял место между взрывным и сонорным согласным, т. е., например, **ple-tlъ* > **plet-lъ*.

В результате этого взрывной согласный, когда начал действовать закон открытых слогов (или, в более общем виде, тенденция расположения звуков в порядке возрастающей звучности), будучи на конце слога, стал утрачиваться. Нахождение же взрывного согласного перед сонорным в начале слога, как легко видеть, никаким образом не противоречит структуре древнего славянского слога, поскольку звучность от начала к концу слога непрерывно возрастает.

§ 42. Утрата *g* перед *n* представляет собой явление, по характеру своему подобное только что рассмотренному, но она отражается в восточнославянской области лишь в одной категории, именно в глаголах с показателем настоящего времени *-n-* при предшествующем согласном корня *g*. Эта черта отличает древнерусский язык от старославянского. Ср. др.-русск. *двинути* (совр. *двинуть*, ст.-сл. *двигнѫти*). Сохранившиеся и в современном языке формы типа *воздвигнуть* являются по происхождению старославянизмами.

§ 43. Своеобразную судьбу в восточнославянской области пережили различные сочетания гласных с плавными согласными в закрытом слоге.

Прежде всего должно быть отмечено так называемое полногласие, отличающее восточнославянскую группу в целом от всех остальных славянских языков. Под полногласием, как известно из курса старославянского языка, понимается наличие сочетаний *teret*, *torot*, *tołot*, *tełot*, где *t* обозначает любой согласный, на месте общеславянских сочетаний **tert*, **tort*, **telt*, **tolt*, развитие которых в славянских языках представляет собой одно из проявлений тенденции к расположению звуков в слоге в порядке восходящей звучности, причем восточнославянский результат отличен от всех остальных славянских языков: в южнославянских языках, в чешском и словацком мы находим сочетания *trět*, *trat*, *tlět*, *tlat* (с соответствующим для каждого языка или наречия дальнейшим развитием *ě*), в польском — *tr'et* (причем *r'* > *ž*), *trot*, *tlet*, *tłot*, например: др.-русск. *берегъ*, *городъ*, *молоко*, *золото*; ст.-сл. *брѣгъ*, *градъ*, *млѣко*, *злато*; серб. *брȇг*, *грâд*, *мле́ко*, *зла̂то*; чеш. *břeh*, *hrad*, *mléko*, *zlato*; польск. *brzeg*, *grodzic'* «огораживать», *mleko*, *złoto*.

По-видимому, развитие соответствующего сочетания проходило через ступень со слоговым плавным, т. е. последовательность была такова: **tort* > **toɾt* > **tor°t* > *torot*. Второй гласный первоначально носил, видимо, редуцированный характер, лишь в дальнейшем он усиливался, но долго не достигал

степени того гласного, который предшествовал плавному (подробнее ниже, § 86).

Сочетание **telt*, в котором последний согласный был твердым, дало **tełt* с твердым *ł* (твердое велярно-зубное *ł* развилось в результате ассимиляции последующему твердому согласному). Твердое *ł*, характеризовавшееся, как уже говорилось, некоторой лабиализацией, а также высоким подъемом задней части спинки языка, воздействовало ассимилирующим образом на предшествующее и находившееся с ним в одном слоге *e*, которое также получило лабиализацию и сдвинулось в задний ряд, в результате чего первоначальное *tełt* дает *tołt*, и второй гласный, когда он развивается, также получает окраску *o*. Таким образом развилось **melko* > **mełko* > **mołko* > *mołoko* (совр. *молоко*). Согласный перед гласным переднего ряда в эпоху изменения *e* в *o* перед *ł* еще не смягчался или смягчался очень незначительно, вследствие чего и получилось *молоко* (ранее **mołko*), а не **м'олокó* (<**m'ełko*).

В том случае, если перед *e* в рассматриваемом сочетании некогда (еще на общеславянской почве) был задненебный согласный, последний подвергался первой палатализации, т. е. изменялся в шипящий. Поскольку после шипящего, как и вообще после мягкого (палатализованного) согласного, не могло быть *o*, *e* перед велярно-зубным *ł* и после шипящего давало, по-видимому, не *o*, а *ö* (лабиализованный гласный среднего подъема переднего ряда), в результате чего сочетание *eł* после шипящего изменилось в дальнейшем (в эпоху развития полногласия) не в *oło*, а в *eło*. Ср. др.-русск. *шеломъ* < **šölmъ* < **šełmъ* < **xełmъ*, это слово было заимствовано из германских языков (ср. нем. *Helm* «шлем»). Поскольку первая палатализация происходила на общеславянской почве, в южнославянской группе в соответствующем случае *lě* в положении после шипящего, ср. ст.-сл. *шлѣмъ*. В современном русском языке удержалась форма, являющаяся по происхождению церковнославянизмом и совершенно вытеснившая старую русскую форму — *шлем*, которая в силу своего церковнославянского происхождения и сохраняет *e* под ударением без перехода в *o* (см. подробнее ниже); неправильным с точки зрения норм литературного языка является произношение *шлём* (фонетически *ш'лом*). В древнерусских же памятниках часто употребляется форма *шеломъ*. Ср.: и *шеломъ* с него слетѣ (Лавр. лет., л. 111 об.), и нача·и сѣчи по *шелому* (Ипат. лет., под 1141 г.). Различные формы от *шеломъ* часто встречаются в Слове о полку Игореве. Ср: подъ *шеломы* възлелѣяны; о *шеломы* Половецкыя; испіемъ, брате, *шеломомъ* своимъ воды быстрого Дону. Полногласная форма встречается даже в таком церковном памятнике, как Геннадиевская библия 1499 г.: и *шеломы мѣдяны* на главахъ (I кн. Маккав. VI. 35). Впрочем, широко представлена в древнерусских

памятниках и старославянская по происхождению форма *шлѣмъ*, *шлемъ*, главным образом в церковнокнижной литературе, например: *Шлем мѣдѧнъ* на главѣ его (Хрон. Георг. Амарт., Увар. сп., л. 82), блгдтьныимь *шлемъмь* и кр҃тьныимь копиѥмь оградьсѧ (Новг. Минея 1097 г., л. 148), тако же и *шлѣмъ* спсенїа. иже бѣ на главѣ ѥго снемъ заверже и (Житие Феод. Печ., 8). В дальнейшем, как уже сказано, форма *шлем* вытесняет форму *шелом* и становится обычной для русского языка. В начале XIX в. старая русская форма *шелом* используется иногда как архаизм (при обычной форме *шлем*). Ср., например, у Пушкина:

Надвинут на чело *шелом* ...

Вполне точно определить время развития полногласия мы не можем. Во всяком случае, оно сложилось еще в дописьменные времена. Заимствования из древнерусского языка в финский указывают на то, что, по-видимому, в эпоху встречи восточных славян с прибалтийскими финнами полногласия еще не было. Ср., например, финск. *palttina* «полотно» (др.-русск. *полотьно* < **poltьno*, финск. *i* указывает на ь).

И. Микола высказывал предположение, что полногласие, являясь поздней чертой, охватило не все восточнославянские говоры даже в эпохи, засвидетельствованные письменными памятниками. «Дополногласными» формами (т. е. формами, отражающими сочетания типа **tort*, из которых и развились полногласные сочетания) являются, по его мнению, формы типа *города* «города» (род. п. ед. ч.), *берьго* «берег», *берьгомь* «берегом» в Смоленской грамоте 1229 г., *полтескъ* «Полоцк» (название города) в Ипатьевской летописи (но ср. род. п. *Полотьска*). Древнескандинавское название Полоцка действительно отражает дополногласную форму — *Palteskja*.

Однако предположение Микколы никоим образом не может быть принято. Полногласие характеризует всю восточнославянскую область в целом, оно является результатом некогда осуществившегося фонетического процесса и никаких исключений не представляет. Смоленская грамота, откуда он черпает примеры (как, впрочем, и Ипатьевская летопись), писана после падения редуцированных, которое, в силу недостаточной грамотности писца, отражается в ней необычно ярко — широко представлено смешение ъ с *о*, ь с *е* в самых различных условиях, а также возможен пропуск ъ, ь не только в слабом, но и в сильном положении, в результате чего встречается и пропуск старых (этимологических) *е*, *о*.

Уже в древнейших наших памятниках широко отражаются полногласные формы, притом не только в оригинальных, но и в списанных со старославянских оригиналов. Ср., например: Не оукорихъ никого же ни *вередихъ* (Св. изб. 1076 г., полулист

217); не сана ради велика нъ *норѫвъмь* великъмь (там же). Название Новгорода в древнейших памятниках является постоянно в полногласной форме. Ср., например: А брата своего столъ поряѫчи правити |близокоу своемоу остромироу *Новѣгородѣ* (Остр. ев. 1057 г., запись). Наряду с полногласными восточнославянскими формами мы часто находим в наших памятниках, как оригинальных, так и списанных со старославянских оригиналов, также и старославянские неполногласные формы. В той же записи Остромирова евангелия, где мы дважды находим формы от названия *Новгородъ* в полногласной форме, мы встречаем неполногласную форму от имени *власть* в значении «волость», «область» (при обычном древнерусском *волость*) — изѧславоу же кънѧзоу тогда/ прѣдрьжащоу обѣ *власти*. — Ср.: что *волостии* всехъ новгородьскыхъ (Новг. гр. 1264—1265 гг.). Ср. также наряду с приведенными выше *вередихъ* — *врѣдити*, например, ничьтоже ихъ не *врѣдить* (Остр. ев., Мр. XVI. 18). Наряду с приведенным выше норѫвъмь мы находим и *нравъ*, например: *нравоу* исправленье (XIII слов Григ. Богосл. XI в., 375). И это понятно; сочетания типа *ra*, *rĕ*, *la*, *lĕ* между согласными нисколько не противоречат нормам древневосточнославянской фонетики. Ведь полногласные сочетания мы находим лишь в тех случаях, когда они фонетически восходят к сочетаниям типа **tort* и т. д., а это может быть установлено лишь этимологически. Ср. *городъ*, ст.-сл. *градъ*, серб. *грâд*, чеш. *hrad*, польск. *grodzic'* «загораживать», лит. *gařdas* «загородка», нем. *garten* «сад» (в первоначальном значении «огороженное место»). Но ведь сочетание *ra* в старославянских по происхождению словах, развившееся из **or*, невозможно отличить от *ra*, унаследованного от общеиндоевропейского сочетания *ra*, представленного также и на восточнославянской почве. Ср. *братъ* (такая форма и в древнерусском и в старославянском; некоторые старославянские памятники представляют более архаическую форму *братръ*, но сочетание *ra* представлено и в ней) — лат, *frater*, греч. φράτωρ «член фратрии», др.-инд. *bhrắtā* «брат».

§ 44. В начале слова перед согласным мы находим в древнерусском языке частью сочетание *ro*, *lo* в соответствии с *ra*, *la* старославянского языка. Ср., например, др.-русск. *ровнъ*, ст.-сл. *равнъ*, др.-русск. *лодиꙗ*, ст.-сл. *ладии*. Эти сочетания восходят к первоначальным сочетаниям **ort-*, **olt-* в начале слова (где *t* — любой согласный). Однако в некоторых случаях на месте первоначального **ort-*, **olt-* в древнерусском языке является *rat-*, *lat-*, т. е. наблюдается результат, подобный старославянскому (и вообще южнославянскому), ср. др.-русск. *рало* «соха», *ратаи* «пахарь». Различное развитие сочетаний типа **ort* на восточнославянской почве обычно объясняют различием качества интонации начального слога (подробнее см. ниже, § 52).

Подобно сочетаниям **ort-*, **olt-*, вероятно, должны были развиваться и сочетания **ert-*, **elt-* в начале слова, но достаточно ясных примеров нет. Впрочем, возможно, что примером **elt-* может служить *лебедь* — эта форма известна и древнерусскому языку, ср. *лебедь* (XIII слов Григ. Богосл. XI в., 256), стадо *лебедеи* (слово о полку Игореве), вероятно, возможна была и форма *лебядь*, ср. прилагательное *лебяжий*. Форма *лебядь* должна восходить к **elbędь*. В сербском языке находим *лабуд* в том же значении. Эта форма могла развиваться из общеславянского **olbǫdь*. Формы **elbędь* — **olbǫdь* представляют различные ступени обычного унаследованного еще от общеиндоевропейской эпохи чередования *e/o* в обоих слогах.

Как и в древнейших дошедших до нас памятниках, так и в более поздних мы находим в начале слова как старославянские *ра-*, *ла-*, так и древнерусские *ро-*, *ло-* на месте общеславянских **ort-*, **olt-*, причем колебания наблюдаются порой и в одних и тех же словах или морфемах (в последнем случае, поскольку речь идет о начале слова, — в приставках). Ср: ѥдина *рабыни* (Остр. ев. Мф. XXVI. 69), исцѣли бъ̄ авимелеха и женоу ѥго и робыни ѥго (Св. изб. 1073 г, л. 188); в деловом языке широко распространено бессуффиксное *роба* (см., например, Новг. гр. 1307 г.); вълѣзше въ *лодью* (Галицк. ев., 1144 г., Ио. VI. 17), похорони вои въ лодьꙑ (Лавр. лет., л. 8) — ср. норв. диал. *olda* «корыто»; въ *разбои* (Русская Правда 1282 г., л. 615 об.), на *разбои* (там же, л. 616 об.), *разграблениѥ* (там же), *розбои* (Смол. гр. 1229 г., 2-й. список). Это объясняется тем, что древнерусским языком унаследовано большое количество слов, пришедших из общеиндоевропейского языка через общеславянский и представляющих исконные начальные **ra-*, **la-* (*ro-*, *lo-*), а не из **ort-*, **olt-*, например, *радъ*, *родъ*, *ладити*, *ложе*.

§ 45. В то время как древнерусские сочетания *trъt*, *trьt*, *tlъt*, *tlьt*, содержащие неслоговой плавный согласный и слоговой редуцированный после него, вполне тождественны старославянским, древнерусским сочетаниям *tъrt*, *tьrt*, *tъlt*, *tьlt* (последнее лишь в случае предшествующего шипящего согласного), где слоговыми, по-видимому, являются как редуцированный, так и плавный, в старославянском языке соответствуют сочетания, обозначаемые посредством *ръ* (*рь*), *лъ* (*ль*) в положении между согласными, где сочетание плавного с редуцированным обозначает, по-видимому, слоговой плавный. Ср., например, др.-русск. *търгъ*, *вьрхъ*, *вълкъ*, *вълна*, *жьлтъ*, ст.-сл. *тръгъ*, *врьхъ*, *влькъ* (*влъкъ*), *влъна*, *жлътъ*. Сочетания, где редуцированный в древнерусском языке предшествует плавному, восходят, по-видимому, к общеславянским сочетаниям, где редуцированный также предшествовал плавному. Наряду с на-

www.ruslang.ru

писаниями, отражающими живое древнерусское произношение, мы находим в наших древнейших памятниках, в особенности списанных со старославянских оригиналов (но не только), написания старославянского типа, а также написания с двумя редуцированными (перед и после плавного). Материал из памятников был приведен выше (см. § 24).

Сочетания с редуцированным после плавного между согласными, как уже сказано, тождественны старославянским и особых замечаний не требуют. Ср. др.-русск. и ст-сл. *кръвь*, *крьстъ*, *глътати*, *сльза*.

§ 46. Начало слова в древнерусском языке, в отличие от старославянского, характеризуют следующие черты:

1. Последовательное наличие начального *j* перед *а* (за исключением служебных слов, например, союза *а*), ср. ст.-сл. *азъ*, др.-русск. ꙗзъ (личное местоимение 1 л. ед. ч.). В древнерусских памятниках, главным образом церковных, но также и светских возможно *азъ* под старославянским влиянием, ср.: *Азъ* Григории диꙗкон написахъ е҃улие е (Остр. ев., запись); се *азъ* мьстиславъ володимирь сн҃ъ... (Мстисл. гр. ок. 1130 г.); но: а ꙗзъ далъ роукою своѥю (там же).

2. Напротив, отсутствие начального *j*, не только протетического, но и исконного, перед *и*, ср. др.-русск. *оутро*, ст.-сл. *ютро*, др.-русск. *оунъ*, ст.-сл. *юнъ* (ср. лат. *juvenis* «юноша»); например: ѥгда бѣ *оунъ* (Юр. ев. ок. 1120 г., Ио. XXI. 18). Но постоянно *j-* в форме вин. п. ед. ч. жен. р. указательного местоимения *ю* (ст.-сл. ѭ), что, возможно, объясняется тем, что корень состоит из одного *j*, а также тем, что это местоимение функционирует не в начале фразы.

3. Наличие начального *jě-* (в старославянском и здесь, как внутри слова, последовательно *ja* — в памятниках кирилловских, где графически различаются ѣ и ꙗ), ср. др.-русск. *ѣсти*, ст.-сл. ꙗсти, др.-русск. *ѣхати*, ст.-сл. ꙗхати. По мнению А. А. Шахматова, *jě-* вместо ожидаемого *ja-* (вследствие общеславянского изменения *jē* > *ja*) объясняется в данном случае не фонетически: изменение *ē* (*ě*) > *a* имело место лишь после *j*, но не после *į*, а *j* было в начале лишь ударного слога, поэтому фонетически должно было получиться, например, ꙗсти (*jásti*), но ѣда (*ję̌dá*); *ě* было обобщено и для ударного положения.

4. Не вполне ясно наличие начального *о-* в соответствии с старославянским *je-* перед слогом с гласным переднего ряда. Ср. ст.-сл. ѥзеро, ѥлень, ѥсень, др.-русск. *озеро*, *олень*, *осень*. Можно предполагать (для восточнославянской области) утрату начального *j* и затем изменение *e* > *o* по диссимиляции к последующему переднему гласному. Но, во-первых, диссимиляция представляет собой сравнительно редкое явление; во-вторых отношения начальных *je-*, *о-* в одних и тех же корнях на почве

различных славянских языков (и в том числе русского) не вполне ясны. Ср. др.-русск. *ожь* «ёж» и совр. русс. *ёж* < *кжь*; польск. *jezioro* «озеро», *jesień* «осень», но *ożyna* наряду с *jeżyna* «ежевика»; *орьлъ* «орел» содержит начальное *о-* почти во всех славянских языках, и лишь в нижнелужицком *jerel*. А. И. Соболевский полагал, что здесь вообще отразилось не фонетическое изменение, а старое индоевропейское чередование корневых гласных *е/о*, о чем свидетельствуют факты других индоевропейских языков, ср. русск. *осень*, готск. *asans*; русск. *олень*, лит. *élnis*, латыш. *alnis* (германское и балтийское *а* соответствуют славянскому *о*).

§ 47. Для конца слова существенно отметить лишь одно явление, а именно наличие в определенных падежных окончаниях в древнерусском языке *-ѣ* в соответствии с *-ę* старославянского языка. Категории, в которых наблюдаются такие отношения, следующие: род. п. ед. ч. и им.-вин. п. мн. ч. мягкой разновидности склонения со старой основой на *-а*, ср., например, ст.-сл. *земля*, др.-русск. *землѣ*; ст.-сл. *доуша*, др.-русск. *доушѣ*; вин. п. мн. ч. мягкой разновидности склонения со старой основой на *-о* мужского рода, ср., например, ст.-сл. *коня*, др.-русск. *конѣ*; ст.-сл. *ключя*, др.-русск. *ключѣ*; род. п. ед. ч. жен. р., им. и вин. п. мн. ч. жен. р., вин. п. мн. ч. муж. р. неличных местоимений прилагательных, причастий, содержащих в конце основы или в составе окончания перед конечным гласным *j* или другой мягкий согласный, развившийся в результате сочетания с *j*, например: ст.-сл. *тоя* (род. п. ед. ч. жен. р.), *кя* (то же), др.-русск. *тоѣ*, *кѣ*; им.-вин. п. мн. ч. жен. р., вин. п. мн. ч. муж. р. ст.-сл. *ꙗ*, др.-русск. *ѣ*; род. п. ед. ч. жен. р. ст-сл. *добрыꙗ*, *синꙗꙗ*, др-русск. *добрыѣ*, *доброѣ*, *синиѣ*, *синѣѣ*, им. и вин. п. мн. ч. жен. р. ст.-сл. *добрыꙗ*, *синꙗꙗ*, др.-русск. *добрыѣ*, *синѣѣ*; вин. п. мн. ч. муж. р. ст.-сл. *добрыꙗ*, *синꙗꙗ*, др.-русск. *добрыѣ*, *синѣѣ*. Ср. например: *въдовиць* заштиштаита (Св. изб. 1076, полулист 220), расѣкоша *лодьѣ* *ꙗрославлѣ* (Лавр. лет., л. 49), *ссѣдавше* в *кораблѣ* *своѣ* (там же, л. 52 об.), звѣзда превелика *лучѣ* имущи акы кровавы (там же, л. 55 об.). Но наряду с этим наблюдаются и старославянские формы, особенно в памятниках, списанных со старославянских оригиналов, например:... десѧти дѣвъ *ꙗже приимъшѧ* свѣтильникы *своꙗ* (Остр. ев., л. 85). Вследствие того что обычным соответствием старославянскому *ę* в древнерусском языке является гласный близкий к *ä* (см. выше), графически передающийся после согласных не шипящих чаще всего как *ѧ*, после гласных как *ꙗ* (сочетание *ja*), а после шипящих как *а*, мы находим часто в указанных выше окончаниях *ꙗ* (а после шипящих *а*), например: приде жена отъ *самариꙗ* (Остр. ев., л. 230), жены *самарѧнынꙗ* *сѫщѧ* (там же), кончаны быша книгы *сиꙗ* (Рост. житие Нифонта 1219 г, запись), *w вѣчныꙗ* моукы (там же),

въздолѣ горы Киевьскиѫ (Лар. лет., л. 15), Гл҃ють... і҃в. животы *прѣходѧшта* седми тои (Св. изб. 1073 г., л. 250 об.) — в данном случае, в окончании вин. п. мн. ч. муж. р. сочетание *шт* (по-русски было бы *щ*) трактуется как щипящий; послаша... *иныѧ моужа* (Новг. Синод. лет., л. 81 об.—82).

Именно в этих формах возможно *ě* после шипящих и *j*, которое в других случаях после шипящих невозможно вследствие изменения в соответствующих условиях еще на общеславянской почве в *а* (см. выше, § 46).

Указанное различие (т. е. *-ě* в соответствии с *-ę*) касается не только древнерусского и старославянского языков. Этими окончаниями различаются вообще южнославянские языки с одной стороны (они все имеют *-ę* и те звуки, которые развились из *ę*) и восточнославянские и западнославянские — с другой (они имеют *-ě* или звуки, развившееся из него).

Во всех деталях развитие гласных в указанных окончаниях до сих пор не выяснено. Гипотеза, выдвинутая еще акад. Ф. Ф. Фортунатовым, состоит в том, что как *ę*, так и *ě* в указанных окончаниях восходит к так называемому носовому *-ę̌* (носовому ять), развившемуся на почве общеславянского языка из сочетаний **-jons*, **-jans* в конце слова. Возражение против этой гипотезы представляет как будто то обстоятельство, что в окончании им. п. ед. ч. муж. и ср. рода действительных причастий старославянское *-jęⷭ* на конце слова закономерно соответствует древнерусскому *-ja* (*-jä*). Ср. ст.-сл. *знаѧ*, др.-русск. *знаⷭ*. Между тем *ę* носовое в данном случае развилось на конце слова из более раннего *ǫ* после *j* (ср. им. п. ед. ч. жен. р. ст.-сл. *знаѧщи*, др.-русск. *знаючи*, род. п. ед. ч. муж. и ср. рода ст.-сл. *знаѧща*, др.-русск. *знаюча* и т. д.). Правда, определенное различие между формами действительного причастия и теми формами, для которых предположительно восстанавливается носовое *ę̌*, в эпоху, предшествующую образованию носовых гласных, было. В то время как формы, для которых восстанавливается носовое *ę̌*, восходят, как уже сказано, к формам на **-jons*, **-jans*, формы действительного причастия восходят к формам на **-jonts* (ср. латинские действительные причастия, явно указывающие на основу, оканчивающуюся на *-t-* — *monstrans* < **monstrants*, *monstrantis*; *ferens* < **ferents*, *ferentis*). На наличие в основе *-t-* указывают и формы древнерусского и старославянского языков (ст.-сл. *šť*, др.-русск. *č'* развились из сочетания *tj*). Однако объяснить с фонетической точки зрения, почему на конце слова сочетание **-jonts* дало просто (как и в других случаях) *ję*, а сочетание **-jons* — носовое *ę̌*, мы пока не можем.

Как бы то ни было, если рассматриваемое соотношение южнославянских, с одной стороны, западнославянских и восточнославянских форм — с другой, и возникло в силу определен-

ных фонетических причин, то во всяком случае в эпоху древнейших дошедших до нас памятников оно фонетическим уже не является и характеризует лишь определенные морфологические формы.

Отражение особенностей общеславянского ударения в русском языке

§ 48. Как уже было сказано (см. § 31), мы ничего не можем сказать о характере древнерусского ударения эпохи древнейших дошедших до нас памятников вследствие того, что до XIV в. мы не располагаем памятниками с отмеченным ударением. Между тем сравнение данных современных восточнославянских языков и их говоров с данными других славянских языков, а частью и других индоевропейских, свидетельствует о большом архаизме (по крайней мере в некоторых отношениях) нашей акцентной системы (т. е. системы ударения) и о том, что эта система может служить очень важным источником наших сведений об общеславянском ударении.

§ 49. Ударение общеславянского языка в определенный период его развития было музыкальным, т. е. характеризовалось изменением по высоте голосового тона на протяжении ударного слога, при некотором отличии его от безударных по силе, и в то же время политоническим, т. е. для различения смысловых единиц (слов, форм) использовалось не только различие места, но и различие качества ударяемого слога (различие движения тона). Некогда полагали, что такое ударение, по крайней мере в части случаев, было унаследовано от общеиндоевропейского состояния. Многие исследователи последнего времени склоняются к тому, что общеславянский политонизм есть целиком явление позднейшего происхождения. Впоследствии большинством славянских языков, и русским в том числе, политонический характер ударения был утрачен, и установилось ударение монотоническое, т. е. характеризующееся лишь местом ударного слога. В некоторых славянских языках политонический характер ударения на протяжении их истории был восстановлен, но в несколько ином виде, чем в общеславянском (так обстояло дело, например, в сербском языке). Возможно, никогда не терял политонического характера ударения на протяжении своей истории лишь словенский язык, и то окончательно это не доказано.

И в то же время во всех современных славянских языках, утративших древнее политоническое ударение, и в русском в том числе, достаточно отчетливо отражаются древние (общеславянские) политонические отношения (частью в отношениях ныне уже монотонического ударения, частью же и в некоторых особенностях звуковой системы языка).

§ 50. В общеславянском языке в определенную эпоху уста-

новилась политоническая система ударения, состоящая в том, что на долгих слогах различались восходящее и нисходящее (по направлению движения тона) ударение или, как обычно принято говорить, интонация (под интонацией в данном случае понимается не фразовая интонация, а изменение высоты тона на протяжении слова, точнее, даже слога).

Качество общеславянского ударения восстанавливается на основании сравнения фактов различных современных славянских языков, в том числе русского. Наиболее ясную картину дает сопоставление с другими славянскими языками (а также с близким славянским языкам литовским) русских форм, содержащих в корне полногласие.

Ср. русск.	го́род,	серб.	гра̑д,	слов — чеш.	hrad,	лит.	gar̃das
»	»	во́рон	»	вра̑н	»	vrân	» —	»	var̃nas
»	»	ворóна	»	вра̏на	»	vrána	» vrána	»	várna
»	»	коро́ва	»	кра̏ва		—	» kráva	»	kárve

Сербское ^ обозначает нисходящее ударение на долгом гласном, ` нисходящее ударение на кратком гласном; словенское ^ — то же, что в сербском, ′ восходящее ударение на долгом гласном; чешское ′ обозначает долготу; литовское ~ обозначает восходящее ударение на долгом слоге (в дифтонгических сочетаниях ставится над вторым компонентом), ′ нисходящее ударение на долгом слоге (в дифтонгических сочетаниях ставится над первым компонентом).

Русские полногласные сочетания восходят, как известно, к общеславянским сочетаниям «гласный + плавный согласный» в положении между согласными. В общеславянском языке приведенным здесь русским, сербским, словенским и чешским формам соответствуют **gordъ*, **vornъ*, **vorna*, **korva*. С точки зрения ударения наиболее близко к приведенным русским формам стоят словенские. Мы видим, что полногласию с ударением на втором гласном соответствует в словенском языке восходящее ударение, а полногласию с ударением на первом гласном в словенском языке соответствует нисходящее ударение. По-видимому, таково же было (в данном случае) и общеславянское ударение, т. е. такая форма, как **vornъ* характеризовалась нисходящим по тону ударением на слоге *or*, а такая форма, как **vorna* — восходящим ударением на том же слоге. Таким образом, в русском полногласном сочетании распределение произносительной энергии по силе соответствует древнему распределению по высоте (если теперь к концу сочетания возрастает сила, в древности возрастала высота, и, обратно, если теперь к концу сочетания убывает сила, в древности убывала высота).

В сербском языке в начале слова нисходящее ударение на долгом слоге сохранилось; при первоначально восходящем

ударении слог сократился, а ударение изменилось в нисходящее. В сербском есть и восходящее ударение, но оно нового происхождения.

В современном чешском языке нет различий восходящего и нисходящего ударения, к тому же по месту там ударение постоянное, оно падает на начальный слог слова, но представлены различия гласных по долготе, причем долгий гласный — там, где раньше было восходящее ударение.

Литовское ударение обнаруживает определенные соответствия славянскому, но только отношения между литовским и общеславянским ударением как бы обратные — там, где в общеславянском языке было нисходящее ударение, в литовском восходящее, и, наоборот, там, где в общеславянском было восходящее ударение, в литовском — нисходящее. Впрочем, некоторые литовские говоры (по-видимому, более архаичные) представляют картину, подобную славянской.

Общеславянское восходящее ударение принято обозначать знаком ′, а нисходящее — знаком ~, следовательно, общеславянскую форму **vornъ* можно записать как **voŕnъ*, а общеславянскую форму **vorna* — как **vórna*. Поскольку для соответствующих знаков, использующихся также в греческом письме (древнегреческое ударение также носило политонический характер), существуют латинские термины *acutus* (′) и *circumflexus* (~), общеславянское восходящее ударение принято называть также а к у́ т, а общеславянское нисходящее ударение — ц и р к у м ф л е́ к с. Эти термины тем удобны, что они одновременно покрывают и славянское и соответствующее ему литовское ударение, вообще обратное по направлению движения тона славянскому, но в целом строго соответствующее последнему.

§ 51. Из других категорий, обнаруживающих определенные соответствия с другими славянскими языками и позволяющих восстановить общеславянское ударение, для русского языка можно указать следующие.

1. Начальные *ra-*, *ła-* на месте общеславянских сочетаний **ort-*, **olt-* (т. е. сочетания *or-*, *ol-* перед согласным) указывают на старый акут, начальные же *ro-*, *ło-* на месте тех же сочетаний — на старый циркумфлекс (или отсутствие ударения). Ср. др.-русск. *рало* «соха», серб. *ра̏ло* (общеслав. **ôrdlo*), с одной стороны; *ровный* (др.-русск. *ровьнъ*), ср. серб. *ра̑вен* «равнина», общеслав. **oŕvьnъ* — с другой. Сербское ˋˋ и здесь на месте старого акута, ˆ на месте старого циркумфлекса (как в рассмотренных выше соответствиях полногласных сочетаний).

2. Различие двух типов *о* под ударением, наблюдающееся в части русских говоров, также объясняется различиями в качестве ударения, восходящими еще к общеславянской эпохе: *ô* наблюдается там, где в древности на *о* падало восходящее (акутовое) ударение, *о* открытое — там, где в древности было

или *о* под нисходящим ударением или ъ. В соответствии с русским *ô* в словенском языке наблюдается долгое *о* под восходящим ударением, а в чешском *ů* (долгое *u*), развившееся из долгого *о*. Ср. *вóл'а*, слов. *vólja*, чеш. *vůle*, но *пóле* (ср. чеш. *pole*), ср. также *сон* < *сънъ* (чеш. *sen*). Поскольку *о* в древности было кратким гласным, восходящее ударение на нем позднейшего, не первоначального, но, тем не менее, еще общеславянского происхождения (см. ниже).

3. Развитие начального *v-* перед *-о-* имеет место лишь в случае восходящего ударения на *о*. Такое *v* наблюдается, например, в случае *вóсемь* (ср. ст.-сл. *осмь*), *вóстрый* (наблюдается в говорах, литературное *óстрый* под влиянием старославянского языка), *вóтчина* (ср. *отéц*).

4. Перенос ударения с начального слога на предлог (или приставку) наблюдается лишь в случае нисходящего (но не восходящего) ударения. Ср. *зá город*, *нá поле*, *пó полю*, но *на вóлю*. Ср. также *дóсуха* (лит. *sausas* «сухой» указывает на старый циркумфлекс).

Изучение фактов различных славянских языков и сопоставление этих фактов с данными других индоевропейских языков уже давно привело ученых к выводу относительно некоторых передвижений (т. е. изменений места) ударения, существовавших еще на общеславянской почве и позволяющих объяснить различные случаи подвижного ударения в словоизменении (склонении и спряжении), а также различий в ударении между производным и производящим словом при словообразовании (ср. русск. им. п. ед. ч. *рукá* — вин. п. ед. ч. *рýку*, 1 л. ед. ч. *тонý* — 2 л. ед. ч. *тóнешь*, *головá* — *голóвка* и т. д. — определенные соответствия в этих формах имеются и в других славянских языках). Классическая теория этих передвижений (в одних условиях и в одну эпоху от начала к концу слова, в других условиях и в другую эпоху, напротив, от конца к началу слова), разработанная выдающимися русскими лингвистами акад. Ф. Ф. Фортунатовым, акад. А. А. Шахматовым, зарубежными — Ф. де Соссюром, А. Мейе и др., опиралась на предположение о фонетических причинах этих передвижений и предположение о том, что в музыкальном отношении (т. е. в отношении движения тона) определенным образом характеризовался каждый слог слова, как ударный, так и безударный, место же ударения (одно в слове) первоначально не было связано с музыкальным качеством слога[2]. При этом му-

---

[2] Изложение классической теории см.: А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 67—98; А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 126 и сл.; N. van Wijk. Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme. Amsterdam, 1923; Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 3. Киев, 1950, стр. 224 и сл.

зыкальные различия, характеризовавшие конечные слоги слова славянских и близких к ним балтийских языков, рассматривались как генетически связанные с такими же различиями других индоевропейских языков (в первую очередь греческого).

В исследованиях последних десятилетий все больше выдвигается морфологическая основа имевших место передвижений (известные морфологические обобщения допускались и классической теорией) и независимость музыкальных различий славянских и балтийских языков от общеиндоевропейских (и, следовательно, от тех, которые характеризовали древнегреческий язык). Вместе с тем отрицается (и не без основания) наличие музыкальных различий как в ударных, так и в безударных слогах, и высказывается предположение, согласно которому музыкальные различия устанавливаются лишь в результате частью передвижений ударения, частью же сохранения старого места ударения, притом только на ударных слогах[3]. Не вдаваясь в оценку этих теорий, относящихся к процессам, имевшим место при образовании общеславянского языка и в ранний период его развития, а потому выходящих за пределы собственно истории русского языка, отметим лишь следующее.

В определенный период общеславянского языка различия восходящего (акута) и нисходящего (циркумфлекса) движения тона могли выступать лишь на начальном ударном долгом слоге (долгими слогами в общеславянском языке являлись слоги, содержавшие долгий гласный, восходящий к индоевропейскому простому долгому гласному или дифтонгу, а также содержавшие сочетание гласного с сонантом, также приравнивающееся к дифтонгическому сочетанию). Ударный начальный краткий слог характеризовался нисходящим тоном (т. е. был подобен цикрумфлексу). Неначальный ударный слог был обязательно долгим и характеризовался восходящим тоном, т. е. акутом. Если некогда в середине или конце слова ударение падало на слог с кратким гласным (т. е. таким, которому в других индоевропейских языках соответствовали краткие гласные), то или этот гласный должен был удлиниться и получить восходящее ударение, или же ударение должно было с него передвинуться на другой (именно предшествующий) слог. При передвижении ударения гласный, ранее безударный, но получивший ударение, если он был кратким, — удлинялся, и ударение это получало восходящий характер. Этот же характер приобретало ударение и в том случае, если оно передвинулось на предшествующий долгий слог. Обязательно передвигалось ударение на

[3] Наиболее полное изложение новой теории см.: J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européennes. Wrocław — Kraków, 1958; иначе: Chr. S. Stang. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.

предшествующий слог с конечных редуцированных гласных (если оно когда-то, судя по различным показаниям, на них падало). Восходящее ударение, возникшее в результате передвижения на предшествующий слог или в результате удлинения старого ударного краткого гласного, называется новым акутом, и его отражение в различных славянских языках частью отличается от отражения старого акута. Примером нового акута могут служить: им. п. ед. ч. заимствованного слова *коро́ль* (из имени Карла Великого) — полногласное сочетание с ударением на втором слоге указывает на восходящее (акутовое) ударение, но оно новое, а не старое, на что указывает ударение косвенных падежей (*короля́*, *королю́* и т. д.); ударение в им. п. когда-то падало на *-ь*, оно передвинулось (еще в общеславянском языке) на предшествующий гласный, в результате чего эта форма приняла вид **kórljь*, что в русском языке дало *коро́ль*; старое восходящее ударение в этой форме быть не могло, так как в этом случае оно и в косвенных падежах падало бы на тот же слог основы, а не на окончание (ср. *моро́з*, *моро́за*, *моро́зу* и т. д., где старое восходящее ударение); указанные формы с ударением в косвенных падежах на окончании находят себе соответствия и в других славянских языках (ср. серб.-чакавск. *králj*, род. п. *krāljȁ*, дат. п. *krāljȕ* и т. д. — чакавское наречие имеет более архаическое ударение, чем штокавское, на основе некоторых говоров которого сложился сербский литературный язык); *ножь* — в русских говорах, сохранивших *ô* закрытое — *нôж* (ср. род. п. *ножа́*); *село́* — в говорах сохранивших *ô* закрытое, — *селô* (с конечного нередуцированного гласного ударение не передвинулось на предшествующий слог, но зато сам этот прежде краткий гласный, сохранивший ударение, стал восходящим).

§ 52. Факты различных славянских языков во многих случаях указывают на различия в музыкальном качестве ударения между производным и первообразным словом (причем соответствия между различными славянскими языками указывают на отношения, восходящие к общеславянской эпохе). Ср., например, русск. *голова́* — *го́лову*, но *голо́вка*, чеш. *hlava* — *hlávka*; русск. *борода́* — *бо́роду*, но *боро́дка*, чеш. *brada* — *brádka* и т. п. Эти факты указывают на то, что в производных существительных с суффиксом *-ка* (в древности *-ъка*) наблюдается акутовое (и при этом именно новоакутовое) восходящее ударение на корневом слоге при циркумфлексном ударении первообразных слов — при старом акуте ударение на протяжении склонения (или спряжения) неподвижное. Это изменение музыкального качества ударения принято называть метатония, т. е. «перетонирование».

Возможно, что в основе метатонии также лежат некоторые фонетические явления.

Древнейшие диалектные явления

§ 53. Некоторые фонетические явления охватывают не весь древнерусский язык, а характеризуют лишь какую-то диалектную область. В настоящем разделе будут рассмотрены лишь те явления, которые заведомо начинаются или относительно которых можно предполагать, что они начинаются в дописьменные времена. Не все эти явления, по самой природе их, одинаково ясно отражаются в памятниках.

Чертой, наиболее отчетливо отражающейся уже в древнейших памятниках определенной территории, является так называемое цоканье, под которым в широком смысле слова понимается неразличение аффрикат *с* и *č*. Судя по современным говорам, где оно распространено, это неразличение может выступать в различных формах: на месте обеих аффрикат может являться одна (чаще *ц'*, реже *ч'*, также звук промежуточный — шепелявое *ц'г'*), эта аффриката может быть мягкой или твердой; наблюдается также беспорядочное употребление обеих этих аффрикат без их этимологического различения, т. е. один и тот же говорящий может сказать, с одной стороны, *ц'и́сто* «чисто», с другой — *ч'и́фра* «цифра». Более или менее последовательное употребление *ч* (*č*) вместо *ц* распространено на довольно ограниченной территории (в восточной части северновеликорусских говоров европейской части РСФСР). Такое явление принято называть чоканьем, но оно по существу представляет собой лишь разновидность цоканья: основным является неразличение двух аффрикат.

Цоканье характерно для большей части северновеликорусских говоров, широко представлено оно и в переходных говорах, а также встречается и в южновеликорусских, главным образом в их северной полосе (подробнее о цоканье и его распространении в говорах см. в курсе русской диалектологии).

В памятниках цоканье проявляется в употреблении букв *ц* и *ч* не в соответствии с этимологией. На основании такого употребления мы можем заключить лишь о неразличении аффрикат *с* и *č* в говоре писца, о конкретных же формах цоканья памятники свидетельствовать не могут.

Смешение *ц* и *ч*, свидетельствующее о цоканье, обнаруживается уже в древнейших дошедших до нас новгородских памятниках, относящихся, как известно, к XI в. Ср. *видьчь* (Новг. Минея 1095 г., л. 34) вместо *видьць* «очевидец, свидетель», *пѣвьчь* (там же) вместо *пѣвьць*; *чвѣтъ* (там же, л. 59) вместо *цвѣтъ*; *чрево* (там же) вместо *црѣво*; *чьто* (Новг. гр. Варл. Хутынск. после 1192 г.) вместо *цьто*, соудъ ярославль *володимирица* (Русская Правда, Новг. Кормчая 1282 г., л. 615)

вместо *володимирича*, оу *мирославицѧ* (Новг. Синод. лет., л. 40) вместо *мирославича*, *жеребечь* (Дух. гр. Климента Новгородца до 1270 г.) вместо *жеребьць*.

Для более позднего времени можно указать памятники, отражающие цоканье, и из других мест. Все они в территориальном отношении указывают на северо-запад и север, а именно на Смоленско-Полоцкую, Псковскую земли, различные территории севера и северо-востока, заселенные русским населением в результате новгородской колонизации. Ср. всемъ *коупчемъ* «всем купцам» (Смол. гр. 1229 г.), *концаны* быша книгы сиѧ (Псковск. Пролог 1383 г., запись), родивонъ *старечь* и вси *черньци* (Двинск. гр. XV в., Шахм. № 1).

Из памятников северных, по-видимому, не отражают цоканья писанные в Ростово-Суздальской земле (и заведомо нет цоканья в памятниках московских, древнейшие из которых восходят к XIV в.). Не отмечено цоканья в Ростовском житии Нифонта 1219 г. и Ростовском апостоле 1220 г. Немногочисленные случаи цоканья отмечены в Пандектах Никона Черногорца по списку 1296 г. (Синод. б-ки № 836): *вѣнечь* (л. 86 об.), *ковчежечь* (л. 68), за *вдовичина* сна (л. 83), ѡ *очи* данилѣ скитьстѣмь (л. 145 об.), ѡчеоубиѥць (л. 165 об.), къ *миродьрьжчемъ* (л. 172 об.), вѣнцаѥтсѧ (л. 41 об.), *притъци* (л. 46 об.), *сконцаѥтсѧ* (л. 149), ѿ *сдьцьного* вѣрованиѧ (л. 146 об.). Да и из этих случаев не все в равной мере показательны. Так, например, притяжательное прилагательное *вдовичина* могло быть обусловлено влиянием прилагательного в том же значении, но иначе образованного — *вдовича* (посредством этимологического суффикса *-j-*, а для эпохи, к которой относится памятник, — уже посредством определенной ступени чередования согласных). Ср. «отрока *вдовича* въскреси» в Святославовом Изборнике 1073 г., где цоканья нет. На основании указанных примеров цоканья акад. А. А. Шахматов считал, что оно было свойственно и древней Суздальской земле, но следует иметь в виду, что отнесение указанного списка Пандектов к Ростово-Суздальской земле является спорным. Запись их вполне ясных указаний на место написания не дает.

Очень немногочисленные случаи цоканья дает Лаврентьевская летопись 1377 г., писанная, как издавна считали, в Суздале (в последнее время некоторые историки склоняются к тому, что местом ее написания является Нижний Новгород, но ведь и он находился на территории Суздальской земли). Эти случаи следующие: *сѣцѧхусѧ* (л. 97 об.) вместо *сѣчѧхусѧ*, *робичица* (л. 99 об.) вместо *робичича* (род. п. ед. ч. от *робичичь* «сын рабыни»), ѡколо *торопча* (л. 154) вместо *торопца* (род. п. от названия города *Торопец*). Все примеры падают на Суздальскую летопись, а не на Повесть временных лет. Суздальская лето-

пись составлялась на основе различных местных летописных сводов, откуда в нее и могли проникнуть эти формы и в том случае, если говор самого писца или составителя этой летописи и не знал цоканья.

И в отношении Новгородской земли, где цоканье в древности зарегистрировано несомненно, нельзя утверждать, что оно было распространено здесь повсеместно. Некоторые из новгородских памятников, и притом такие, в которых наиболее ярко должна была отразиться живая местная речь, указаний на цоканье не дают. Таковы некоторые из древнейших берестяных грамот (правда, они очень ограничены по объему и частью вообще не имеют таких слов и форм, где бы цоканье могло проявиться). В качестве примера можно указать грамоту № 9 (предположительно XII в.), где один пример с *ц* (*отьць*) и один с *ч* (*ничьтоже*) — оба этимологически правильные; грамоту № 109 (предположительно XI в., но в целом очень загадочную в лингвистическом отношении, см. выше, § 35), где нет ни одного случая с этимологическим *ц*, но три случая с этимологическим *ч*, и все переданы правильно — *пороучила*, *атче*, *ничъто же* (написание *тч*, возможно, передает одну аффрикату *č*, во всяком случае, цоканье здесь не отражено).

До сих пор окончательно не определено место написания древнейшего нашего датированного памятника — Остромирова евангелия 1056—1057 гг. Как уже говорилось, оно было писано для новгородского посадника Остромира. Если оно и написано было в Новгороде (как думают некоторые ученые), оно является примером большого по объему новгородского памятника, совершенно не отражающего цоканья. Но некоторые ученые думают, что оно было заказано Остромиром в Киеве, славившемся своими писцами.

Во всяком случае, не исключена возможность, что на территории Новгородской земли (она была весьма обширна) были в древности и говоры не цокающие. Однако большинство ее говоров, как и говор самого Новгорода, цоканье, несомненно, знало.

§ 54. Относительно происхождения цоканья в части древних восточнославянских наречий уже давно было выдвинуто предположение о проникновении этой черты из какого-то другого языка. Акад. А. А. Шахматов, считавший цоканье характерным для племенных наречий словен и кривичей в целом, предполагал, что оно проникло из западнославянских ляшских (т. е. древнепольских) говоров. Части польских говоров и в настоящее время свойственно, так называемое мазурение, т. е. неразличение свистящих и шипящих согласных (мазурением это явление называют потому, что оно свойственно мазурским говорам, т. е. говорам *Мазовшья*). Предки словен и кривичей,

пробивавшиеся на север сквозь толщу ляшских племен, и получили от последних, по мнению Шахматова, некоторые языковые черты.

Но гипотеза западнославянского происхождения цоканья не имеет под собой достаточных оснований. Во-первых, соответствующие польские говоры не различают вообще свистящие и шипящие, между тем в наших цокающих говорах не различаются лишь свистящие и шипящие аффрикаты (о возможном неразличении в некоторых наших говорах вообще свистящих и шипящих см. ниже, § 58); во-вторых, мазурение в польских говорах представляет по времени значительно более позднее явление (оно начинает отражаться лишь в памятниках XV—XVI вв., что при Шахматове еще не было известно).

Еще в XIX в. выдвинута была и другая гипотеза, также объяснявшая возникновение цоканья иноязычным влиянием. Согласно этой гипотезе, зачатки которой отразились еще у И. А. Бодуэна де Куртене, это неразличение явилось в результате воздействия финно-угорских языков, может быть, как черта субстратного по происхождению характера. В современных и исторически засвидетельствованных финно-угорских языках в одних вообще нет переднеязычных глухих (а также и звонких) аффрикат, в других имеется лишь одна такая аффриката, в третьих, возможно, и две, но находящиеся в иных отношениях друг к другу, чем соответствующие согласные в русском языке. Так, совсем не имеется аффрикат в финском (суоми) языке. В коми языке (как зырянском, так и пермяцком) имеется *č'* мягкое и *č* твердое, а *c* нет (впрочем, *č'* мягкое слегка шепелявого оттенка). Для общефинноугорского языка предполагается наличие трех аффрикат — *c'*, *č'* и *č* (последняя представляет твердое *č*), но возможно, что *c'* и *č'* не различались (т. е. представлена была картина близкая к той, которая наблюдается в наших цокающих говорах). Здесь еще не все достаточно ясно.

Отсутствие аффрикат, а также возможно, иные отношения между ними, чем в восточнославянских наречиях, могли привести к тому, что при переходе от финно-угорской речи к восточнославянской (а исторически население многих наших северных мест, ныне говорящее по-русски, представляет собой потомков населения, некогда говорившего на одном из финно-угорских языков) две аффрикаты, унаследованные восточнославянскими наречиями от общеславянского языка, могли перестать различаться.

В недавние годы некоторые советские лингвисты выдвигали предположение о возникновении цоканья в части наших древних говоров не в результате иноязычного воздействия, а в результате некоторых процессов, свойственных самой восточно-

славянской речи[4]. При этом указывалось и на то, что аффрикаты *с'* и *č'* вообще в славянской области первоначально не различались как разные фонемы, так как обе они являлись первоначально в результате позиционных изменений задненебного *к*.

Однако и в настоящее время наиболее вероятным следует признать возникновение цоканья под иноязычным влиянием. Во-первых, границы, распространения цоканья (как по данным памятников, так и по данным современных говоров) никогда не совпадали с границами древних восточнославянских племен (насколько эти границы могут быть установлены по археологическим данным). Во-вторых, цоканье наблюдается именно там, где восточные славяне с очень раннего времени находились в тесном соприкосновении с иноязычным населением, и именно таким, звуковая система которого благоприятствовала развитию цоканья при переходе от нее к звуковой системе русского языка. При этом наиболее вероятным является воздействие именно финно-угорских языков.

§ 55. С меньшей достоверностью, чем цоканье, может быть установлено для эпохи древнейших дошедших до нас памятников другое, для более позднего времени, несомненно, очень важное диалектное различие — качество звонкого задненебного согласного.

В настоящее время в восточнославянской области представлено три типа соответствующего согласного. Пользуясь принятой для древних славянских языков транскрипцией на латинской основе, эти три типа можно обозначить *g* (задненебное взрывное *г*), γ (задненебный фрикативный звук), *h* (фарингальный фрикативный звук). Первые два с артикуляционной точки зрения объединяются по месту преграды, но различаются по способу ее, второй и третий объединяются по способу преграды, но различны по месту. *g* (*г*) взрывное характерно для северновеликорусского наречия и переходных говоров (а также литературного языка), γ фрикативное задненебное — для южновеликорусского наречия и части белорусского языка, *h* фарингальное — главным образом для украинского языка, а также для части белорусских говоров (подробнее см. в курсе русской диалектологии).

На основании сравнения с другими славянскими языками мы видим, что общеславянскому языку было свойственно *g* взрывное, оно было унаследовано и отдельными славянскими языковыми группами после их разделения. Лишь затем в части говоров имело место ослабление затвора при произношении этого звука, в результате чего согласный получил фрикатив-

---

[4] См.: В. Г. Орлова. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.

ный характер (в дальнейшем в части таких говоров изменилось и место преграды, передвинувшись в более заднюю область).

Возможно, что косвенным указанием на фрикативный характер заднеязычного согласного являются случаи пропуска его обозначения в наших древнейших южных памятниках, например: *wсподарѧ* (надпись на чаре Черниговского князя Владимира Давидовича до 1151 г.) вместо *господарѧ* (род. п. ед. ч. от *господарь*); ср. также *разнѣвасѧ* вместо *разгнѣвасѧ* в Святославовом изборнике 1073 г. Пропустить легче *г* при фрикативном его произношении, чем при взрывном (в силу слабости артикуляции).

Подобный пропуск в некоторых словах мы встречаем (по крайней мере, позднее) и в северных памятниках, а не только в южных. Ср. въ *оспожино* говѣние (Нов. лет. по Арх. сп. XV в., под 1348 г.) — вместо *госпожино* (прилагательное от *госпожа*, в данном случае в значении «богородица»). Но это слово образовано от *господь*, а фрикативное γ в последнем пошло далеко на север и отражается также и в современном русском литературном языке, по крайней мере, отражалось по дореволюционным нормам (ср. восклицание *господи!* — *гóспъд'и* в произношении старых москвичей).

Несомненные доказательства, свидетельствующие, что заднеязычному звонкому согласному, унаследованному от общеславянской эпохи, на юго-западе (т. е. на территории, где формируется украинский язык) и на западе (т. е. на территории, где формируется белорусский язык), соответствовал фрикативный согласный, имеются не ранее XIV в. Таким доказательством является прежде всего написание *кг* вместо *г* в немногочисленных заимствованных словах (частью иноязычных собственных именах) с *g* взрывным. Ср. *скиркгаило* (Зап. гр. 1387 г.) — имя литовского князя Скиргайло, *кгвалтъ*, *кгвалтомъ* (Жалов. гр. Витовта литовским евреям 1388 г.), т. е. «насилие», «насилием» (из нем. *Gewalt* «сила»). Это написание указывает на то, что обычное *г* произносилось фрикативно (иначе незачем было бы для изображения *g* взрывного прибегать к специальному обозначению).

О фрикативном произношении свидетельствуют, по-видимому, и написания собственных имен и географических названий в юго-западных галицийских грамотах XIV — XV вв., писанных по-латински. Ср. *haliciensis* «галичанам» (Гр. 1375 г.), *hlubocigo* (Гр. 1451 г.) — здесь, как видим, употребляется и *g*, которое обычно передает *g* взрывное. Ср. также *mogilla* (Гр. 1378 г.). Как видим, юго-западное (украинское) *h* обычно передается по-латыни как *h*.

§ 56. По-видимому, различные звукосочетания в разных древнерусских говорах произносились уже в древнейшую

эпоху на месте общеславянских сочетаний *zg'j*, *zgj'* и *zg'* (т. е. в положении перед гласными переднего ряда). На месте этих сочетаний первоначально для всех восточнославянских наречий должно было развиться сочетание *ž'dž'* (в соответствии с глухим *š'č'* < *stj*, *skj*, *sk'*, т. е. *sk* перед гласными переднего ряда, о чем выше).

Дальнейшая судьба глухого и звонкого сочетания в большей части наших говоров была различна, что прежде всего объясняется различием напряженности артикуляции у глухих и звонких согласных, о чем уже говорилось, — см. § 36. *Šč* в ряде восточнославянских наречий сохранилось (не говорю о последующем его отвердении, о чем ниже, см. § 116), в ряде же, именно в большинстве великорусских, как северных, так и южных, утратило затвор во второй части, вследствие чего изменилось в долгое *š* (*ш*). Это долгое *š* либо сохранило мягкость, либо отвердело (см. ниже, § 116). Для сочетания *ž'dž'* утрата затвора во второй части имела место на большей территории, чем для *š'č'*.

В то время как обычным знаком для сочетания *š'č'* (а частью и для развившегося в дальнейшем из него долгого фрикативного согласного *š*:) в наших памятниках является буква *щ*, звуки и звукосочетания, развившиеся на месте соответствующего звонкого сочетания, в древнерусских памятниках, написанных на различных территориях, обозначаются по-разному, и звуковое значение этих написаний не всегда может быть определено с достаточной ясностью.

В памятниках различных мест (но больше на севере) мы находим *ж*, например: *джить* «дождит», 3 л. ед. ч. (Панд. Ник. Черног. 1296 г.) — этот безличный глагол является производным от *дъждь* (общеславянская форма **dъzgjь*, ср. швед. *regn-dusk* «мелкий дождь», норв. *dusk-regn*, др.-исл. *dust* «пыль», дат. *dyst* «мучная пыль»), *иженоуть* «изгонят», 3 л. мн. ч. (Новг. ев. 1270 г.) < **izgenǫtь*, ср. *жену*, ст.-сл. *женѫ* «гоню».

На северо-западе — в новгородских, псковских памятниках — часто встречается *жг*, например: *дъжгь* (Новг. Синод. лет., л. 23), *въжгелавъши* «возжелавши» (Новг. минея 1095 г.), *пригважгаѥма* «пригвождаема» (Новг. минея 1096 г., л. 92), *дожгь* «дождь» (Псковск. апостол 1307 г.). На юго-западе, именно в галицко-волынских памятниках, на месте тех же этимологических сочетаний мы находим *жч*, например: *дъжчь* (Галицк. ев. 1144 г., л. 15), *въжчелѣшѧ* (там же, л. 28 об.) — ср. ст.-сл. *въжделѣшѧ* (**vъzgelěxę*). Наряду с указанными написаниями в самых различных памятниках встречается и то же обозначение, что в старославянском языке, именно *жд*, ср. *дъждева* «дождливая» (Новг. Синод. лет., л. 23). Впрочем, в новгородских памятниках мы встречаем *жг* не только в соответствии с указанными выше сочетаниями, но и в соот-

ветствии со старославянским *жд* < **dj*, на месте которого в древнерусских памятниках обычно *ж* (см. выше, § 36), ср. *прѣжге* «прежде» (Новг. Минея 1095 г.).

Определить фонетическое значение всех приведенных выше обозначений не так просто.

Характерное для юго-западных и западных памятников написание *жч*, возможно, также служит для обозначения *ž'dž'*. В таком случае *ч* в сочетании с предшествующим *ж* обозначает не глухую аффрикату *č*, как в других случаях, а близкую ей по артикуляции звонкую аффрикату *dž'*. Правда, мы находим в современном украинском языке *дощ*, «дождь», род. п. *дощу*, уменьшительное *дóщик*, где *щ* обозначает твердое *šč* (ср. приведенное выше написание *дъжчь* в Галицком евангелии 1144 г.), т. е. глухое сочетание. Но здесь особый случай. Украинские формы типа *їжджу* говорят о сохранении звонкого сочетания. Форма *дощ* могла явиться результатом оглушения сочетания на конце слова после падения редуцированных. Вообще в украинском языке в этих условиях сохраняются звонкие согласные, но данное сочетание (в силу стечения в нем согласных, одна из которых к тому же аффриката), могло иметь иную судьбу. Глухое же сочетание в косвенных падежах и в производных словах могло явиться аналогически.

Сложнее интерпретировать фонетически характерное для новгородских и псковских памятников написание *жг*. Принимая во внимание, что *г* в положении перед передними гласными в заимствованных словах может передавать и *j* (см. выше, § 22), акад. А. А. Шахматов предполагал, что таково же его звуковое значение и в этом сочетании, т. е. сочетание *жг* должно читаться *ž'j*. Однако современные говоры не дают указания на такое произношение (если бы оно действительно было свойственно древней новгородской речи, мы вправе были бы ожидать в каких либо современных говорах его рефлексов).

Скорее всего можно думать о наличии во второй части сочетания краепалатального затворного согласного со слабой фрикацией (возможно, типа сербского *ђ*, т. е. *dz'*[*dž*]).

С точки зрения фонетической, различные по говорам рефлексы древних сочетаний *zdj*, *zgj*, *zg'*, по крайней мере, до того времени, как они сменились долгими фрикативными шипящими согласными, представляли собой сочетания двух фонем, из которых первая представляла собой *s* — *z* в условиях неразличения, а вторая — некоторую модификацию (видоизменение) *ž'*, обусловленную позицией (именно в сочетании с предшествующей фонемой *s* — *z*, подвергающейся позиционному изменению в шипящий согласный). Таким образом, каждая согласная, и предшествующая и последующая, изменяется под воздействием соседней согласной.

§ 57. Возможно, различна по говорам была судьба сочетания *sk* в положении перед *ě* и конечным *i*, происходящим из раннего общеславянского дифтонга *oi*. Закономерно мы еще на общеславянской почве ожидали бы *sc'* (поскольку в результате второй палатализации *k* в этих условиях должно было измениться в *c*). Но, как мы видели выше, судьба сочетания согласных может быть иной, чем судьба каждого члена сочетания, выступающего отдельно от другого компонента.

В памятниках различных мест мы находим на месте соответствующего сочетания написание *ст*, передающее, по видимому, сочетание согласных *st*, например: *воиньстѣи* (Усп. сб. XII в., Житие Феодосия Печерского), *заморьстии* (Новг. Синод. лет.), *бокрьстѣи* (Русская Правда 1282 г., л. 621 об.). Здесь, очевидно, произошла диссимиляция. Но встречаются и другие написания, отражающие, по-видимому, диалектные различия в звуках на месте рассматриваемого сочетания.

В памятниках северо-запада наблюдается порой написание *щ*, например: *оу витебьще* «в Витебске», *оу Смоленьще* «в Смоленске» (Зап. гр. 1399 г.). Может быть, что написание *щ* просто отражает цоканье: *c'* и *č'* не различаются, следовательно, перед ними не различаются и уподобляющиеся по артикуляции последующему согласному *s'* и *š'* (если второй элемент шипящий, согласный перед ним также шипящий, если второй элемент свистящий, согласный перед ним также свистящий).

Но для тех говоров, где *c'* и *č'* различаются, мы находим заведомые случаи с сочетанием *šč* на месте указанных сочетаний вместо ожидаемого в результате второй палатализации *sc'*. Ср. русское литературное *щéпка*, *щéпы* (в современном языке здесь долгий шипящий фрикативный согласный, но он развился из *šč*). В корне указанных слов этимологически должно быть *č*, так как если бы здесь было старое *е* или *ь*, то гласный перед последующим твердым согласным изменился бы в *о*, и было бы *щóпка*, *щóпы* (об этом изменении см. ниже, § 91). Следовательно, в древнерусском языке было *щѣпа*, *щѣпъка* (ср. современное *щéпочка*). Правда в Никоновской летописи мы находим форму *щопы* (вин. п. мн. ч.), но это памятник поздний — середины XVI в. Здесь могли быть и некоторые аналогические обобщения (см. ниже, § 92). Указанное выше *šč* мы находим в северных памятниках и таких говоров, которые не знают (и не знали) цоканья.

На юге, т. е. в тех древнерусских говорах, которые впоследствии легли в основу украинского языка, как будто сохраняется в данном случае *sk* без переходной палатализации (т. е. без изменения второго элемента в *c*). Написание *ск* в указанных условиях мы находим в памятниках. Ср. *скѣпаниѥ* «ломание в щепы», *скѣпище* «древко от копья» (Ипат. лет.), *поскѣпаша*, 3 л. мн. ч. аор. (Житие Стефана

Сурожского XVI в.), *поскепаны* «разбиты в щепы» (Слово о полку Игореве).

Современный украинский язык представляет такие формы, как *скепá* «щепа», *скіпка* «лучина». Здесь, однако, неясно происхождение *е* в *скепа* — ведь сохранение *sk* наблюдается перед *ě*

§ 58. В довольно узкой диалектной зоне наблюдается в древнерусском языке, наряду с уже рассмотренным цоканьем, неразличение вообще свистящих и шипящих согласных (т. е. не различаются не только *с'* и *č'*, но также *s* и *š*, *z* и *ž*). Это явление наблюдается на северо-западе, именно в большинстве памятников XIV в., писанных в Псковской земле (более древних заведомо псковских до сих пор не обнаружено, хотя указания на то, что они были, и имеются), отражается смешение в одних и тех же условиях букв *с* и *ш* с одной стороны, *з* и *ж* — с другой. Так, например, в Псковском прологе 1383 г. мы находим *помѣсати* вместо *помѣшати*, *псенице* вместо *пьшеницѣ*, *носаше* вместо *ношаше* (3 л. ед. ч. имперф.), *знакси* вместо *знакши*, *зѣлаше* вместо *желаше* (3 л. ед. ч. имперф.), *в затву* вместо *въ жатву*, *наказютьсѧ* вместо *накажютьсѧ*, и, напротив, *до шего дне* вместо *до сего дьне*, *Герашиму* вместо *Герасиму*, *жимою* вместо *зимою*, *кладѧжь* вместо *кладѧзь* «колодец», *сапожи* вместо *сапози* (им. п. мн. ч. от *сапогъ*).

Смешение указанных букв говорит о неразличении (по крайней мере, в каких-то условиях) свистящих и шипящих согласных. По-видимому, не различались не вообще свистящие и шипящие согласные, а специально мягкие свистящие (частью и развившиеся из старых полумягких, о чем ниже) и шипящие, которые в древности вообще не могли быть твердыми. Так, Псковский пролог 1383 г. совсем не дает случаев употребления *ш*, *ж* вместо твердых *с*, *з*[5]. И в современных псковских и великолукских говорах обычно наблюдаются шепелявые согласные *с"*, *з"* на месте мягких *с*, *з*, на месте твердых же — лишь единично (например, *с"йла* «сила», *з"имá* «зима», но лишь в немногих говорах можно встретить, например, *ш'ад* вместо *сад*).

Поскольку псковские памятники дошли до нас от сравнительно позднего времени, можно думать, что в живом говоре явление возникло значительно раньше. Как и цоканье, оно представляет собой, по-видимому, результат иноязычного влияния. Возможно, что в этом явлении отразилось взаимодействие с балтийскими языками, где, по крайней мере исторически, отражается, по-видимому, неразличение свистящих и шипящих. Ср., например, соответствие латышских и древнепрусских *s*, *z* ли-

---

[5] См.: Т. Н. Кандаурова. К истории древнепсковского диалекта. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. VIII, 1957.

товским *š*, *ž*: латыш. *sirds*, др.-прусск. *sīras* (род. п. ед. ч.), лит. *širdìs* «сердце». Возможно, впрочем, и влияние западнофинских языков, которые могли воздействовать как на балтийские, так и на восточнославянские наречия.

В сравнительно узкой зоне, и также на северо-западе (т. е. там, где наблюдается неразличение вообще мягких свистящих и шипящих, а не только аффрикат) представлено как будто сохранение общеславянских сочетаний *tl*, *dl* без утраты *t*, *d*, но с изменением их в согласные *k*, *g*, т. е. на месте древних *tl*, *dl* в соответствующих древнерусских говорах наблюдаются сочетания *kl*, *gl*. Об этом свидетельствуют встречающиеся в древних псковских памятниках написания сочетаний *кл*, *гл* на месте общеславянских *tl*, *dl* в соответствии с *л* других древних восточнославянских памятников. Ср., например: *соустрѣкли* «встретили» (I Псковск. лет.) вместо *суствѣли* < **sǫsrětli* (ср. современное диалектное *встрел* «встретил» — в литературном языке этот глагол примкнул к глаголам с показателем *-i-*); *блюглисѧ* вместо *блюлисѧ* «береглись» (там же), *повегли* вместо *повели* (там же), *привегли* вместо *привели* (Псковск. палея XV в.).

О том, что это явление было свойственно псковским говорам и более раннего времени, чем то, от которого сохранились заведомо псковские памятники, свидетельствует форма *подъвегли* вместо *подъвели* в первой части Синодального списка Новгородской летописи, писанной, по-видимому, в XIII в. Правда, здесь мы находим эту форму в новгородском памятнике, но запись под 1228 г., к которой она относится, посвящена псковским событиям — полностью она имеет следующий вид: пльсковици же тъгда бѣхоу *подъвегли* нѣмьци и *чюдь* лотыголоу и либь (л. 105 об.). Не исключено, что эта запись перенесена из недошедшего до нас псковского памятника. В позднейших новгородских летописях мы находим в соответствующем месте другие формы — *подвелѣ* в Комиссионном списке XV в., *подвели* в Академическом списке XV в. и в Толстовском списке XVIII в.

Все приведенные примеры относятся к формам действительных причастий прошедшего времени на *-l-*. В качестве примера из позднейшего памятника, и притом не причастия, можно привести географическое название *Жеретло* (название пролива, соединяющего Псковское и Чудское озера) в сочетании *отъ жеретла* в одном псковском акте второй половины XVII в. Этимологически здесь тот же корень, что и в *горло*, но на другой ступени чередования корневого гласного (*горло* < *gъrło*, *жеретло* < **žeregło* < **gerdlo*), суффикс *-ło* восходит здесь к **dło*, ср. чеш. *hrdlo*, польск. *gardło* «горло». В отношении значения ср. «горло» Белого моря (пролив, соединяющий Белое море с Баренцевым), также Днепровские «гірла».

Современные псковские говоры не сохранили сочетаний *kl*, *gl* на месте общеславянских *tl*, *dl* как последовательно проведенной черты, но отдельные примеры встречаются: *перецо́к* «перечел» (по-видимому, из более древнего *перечьклъ*, конечное *ł* утрачено после падения ъ на конце слова, см. ниже, § 80), *прицкла́сь* «причлась», *вегли́*.

Невозможно представить себе сохранение указанных сочетаний в каком-то из диалектов, выделившихся из общеславянского диалекта, если в то же время этот последний этих сочетаний в таком виде уже не имел. Скорее всего предки носителей диалекта древней Псковской земли утратили *t*, *d* перед *l* вместе с предками остальных восточных славян, позднее же эти *t*, *d* в приведенных сочетаниях были восстановлены, после чего уже и имела место указанная выше диссимиляция. Восстановлены *t*, *d* были не фонетически, а аналогически, там, где для аналогии имелась почва. Не случайно, что подавляющее большинство примеров падает на формы причастия таких глаголов, которые содержали в конце корня *t*, *d*. Формы типа **ведли* (откуда затем *вегли*) легко могли возникнуть аналогически к таким формам, как *веду*.

В позднейшей диссимиляции *tl*, *dl* > *kl*, *gl* могло проявиться влияние соседних балтийских языков, для которых подобная диссимиляция обычна. Ср. лит. *ẽglė*, польск. *jodła* < *jedła*, русск. *ель* < **jedlь*, *ёлка* < **jedlъka*.

§ 59. На основании рассмотренных выше диалектных черт, характеризующих древнерусский язык эпохи древнейших дошедших до нас памятников, можно попытаться наметить основные диалекты этого языка. Древнейшие диалектные границы, в той мере, как они могут быть установлены, являются границами не племенных диалектов, а диалектов областей феодальной эпохи.

Наиболее ясно выделяется северо-запад, Псковская земля, диалект которой характеризуется, помимо черт, общих с другими соседними диалектами севера, некоторыми своеобразными чертами (неразличение мягких свистящих и шипящих, а также сочетания *kl*, *gl* на месте общеславянских *tl*, *dl*, но, главным образом, не сохранившихся от общеславянской эпохи, а аналогически восстановленных на почве соответствующего диалекта).

Для севера и северо-запада в целом, именно для Новгородской, Псковской и Смоленско-Полоцкой земли, можно указать ц о к а н ь е, но, во-первых, нет гарантии, что оно не было распространено и за пределами этих областей, а во-вторых, возможно, оно не было представлено даже в некоторых говорах Новгородской земли. Специально для Новгородской земли (вместе с Псковской) характерно *жг* на месте общеславянских *zdj*, *zgj*, *zg'*; таким образом, на севере и северо-западе мы мо-

жем отграничить друг от друга диалекты Новгородской, Псковской и Смоленской, Полоцкой земель. Но встает вопрос, каково фонетическое значение соответствующего написания и не имеем ли мы дела скорее с различием графических приемов письменности различных наших крупнейших центров? [6]

Возможно, выделяется юго-запад и юг (Галицко-Волынская и Киевская земли) фрикативным произношением *g*. Но, как уже было сказано, вполне убедительные доказательства фрикативного произношения звонкого задненебного согласного относятся уже к позднейшему времени. Специально диалект Галицко-Волынской земли характеризуется сочетанием *жч* на месте тех сочетаний, которые в новгородских и псковских памятниках передаются посредством *жг*. Но опять-таки встает вопрос о фонетическом значении этого сочетания.

Скорее негативно (т. е. отсутствием специфических черт, характерных для диалектов других земель), как указал еще акад. А. И. Соболевский, характеризуется диалект центра, т. е. Ростово-Суздальской земли.

Ничего достоверного не можем мы сказать о древнем диалекте Рязанской земли вследствие отсутствия древних рязанских памятников, характеризующихся местными особенностями. Такие памятники сохранились лишь от позднейшего времени, древнейшие же памятники, предположительно относящиеся к Рязани (например, Рязанская кормчая 1284 г.), местных особенностей не отражают. Совсем не известны древние памятники из южновеликорусских впоследствии областей к югу от Рязанской земли, т. е. орловские, курские (древнейшие из них относятся к XVI—XVII вв.).

---

[6] Ср.: Г. И. Геровский. Древнерусские написания *жч*, *жг* и *г* перед передними гласными. — ВЯ, 1959, № 4.

ИСТОРИЯ ГЛАСНЫХ

Падение редуцированных

§ 60. Из фонетических явлений, имевших место на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками, наибольшее значение имеет так называемое падение редуцированных, которое повлекло за собой коренную перестройку всей нашей звуковой системы и даже не прошло бесследно для морфологии.

Самый процесс падения редуцированных состоит в том, что они в слабом положении в результате все дальше идущего ослабления их ослабляются до нуля, т. е. полностью утрачиваются, в сильном же положении, напротив, сохраняются и даже, постепенно усиливаясь, изменяются в те гласные полного образования, к которым они были близки в артикуляционном и акустическом отношениях еще во время своего самостоятельного существования, т. е. ъ изменяется в *о*, а ь в *е*.

Процесс усиления (и вместе с тем удлинения) сильного редуцированного представляет собой, по-видимому, один из частных случаев фонетической компенсации, вообще в разных формах наблюдающейся в самых различных языках. Слово, представляющее собой определенную единицу не только в лексическом и грамматическом, но и в фонетическом отношении (о чем уже было сказано, см. § 26), имеет тенденцию сохранять свою прежнюю длительность. Поэтому, если какой-нибудь звуковой элемент слова сокращается, ослабляется, даже совсем теряется, какой-то из предшествующих элементов имеет тенденцию удлиняться, усиливаться. Примером может служить слово *бревно́*, в древнерусском языке имевшее форму *bʲrʲvʲnó* (посредством ʲ показаны слабые редуцированные ь).

Древнейшие наши памятники, в целом хорошо сохраняющие редуцированные, в определенных случаях отражают, с одной стороны, их утрату в слабом положении, с другой — изменение их в гласные полного образования. Примерами, отражающими утрату слабых редуцированных, могут служить *кнѧзь* вместо *кънѧзь* (надпись на Тмутараканском камне 1068 г.), *кнѧзь*, по

мокмь *кнѧжении* (Мстисл. гр. ок. 1130 г.), *кто* вместо *къто*, *что* вместо *чьто*, *всѣхъ* вместо *вьсѣхъ* в Житии Феодосия Печерского в составе Успенского сборника второй половины XII в., списанном с оригинала, относящегося ко времени предположительно около 1100 г.

Рассматривая указанные случаи и подобные им, А. А. Шахматов выдвинул предположение, согласно которому раньше всего ослабление слабых редуцированных до полной утраты их осуществляется в начальном слоге слова непосредственно перед ударным слогом. Большинство примеров свидетельствует именно о таком положении редуцированного, некоторые же объясняются аналогией к таким случаям (например, *кнѧжении*, где редуцированный во втором предударном слоге, по аналогии к *кнѧзь* < *кънѧзь*, где редуцированный в слоге непосредственно перед ударным). Если принять предположение Шахматова, следует допустить, что распределение слогов в слове по силе отступает от того, какое мы наблюдаем в современном литературном языке и ряде говоров, характеризующихся аканьем и неполным оканьем, где первый предударный слог, сравнительно с другими безударными, располагает, напротив, наибольшим весом, и в то же время следует допустить, что распределение слогов по силе в древнерусском языке сохранилось такое же, какое наблюдалось еще на почве общеиндоевропейского языка, и то в сравнительно раннюю эпоху развития последнего: там наиболее слабым был именно слог, непосредственно предшествовавший ударному.

Но, скорее всего, случаи ранней утраты редуцированных объясняются не чисто фонетическими условиями, а отношениями фонологического характера. В ряде случаев редуцированные в слабом положении соотносятся с редуцированными в сильном положении в составе той же морфемы, и в этих случаях ранней утраты редуцированных обычно не наблюдается. Ср., например, *s*ᵇ*nа́* (род. п. ед. ч.) — *ъ* в слабом положении, *sъ́n*ᵏ (им. и вин. п. ед. ч.) — *ъ* в первом слоге в сильном положении. В приведенных же выше примерах редуцированный начального слога всегда в слабом положении и не поддержан формами с сильным положением.

Эта гипотеза была (в сжатом виде) сформулирована еще Ф. Ф. Фортунатовым, а позднее более полно развита И. А. Фалёвым[7].

Следует заметить, что некоторые наши древнейшие памятники хорошо сохраняют редуцированные даже в тех формах, где, как только что было сказано, они наиболее рано обнаруживают тенденцию утрачиваться. Ср., например, *кънѧзь*, *кънѧзоу* (Остр. ев., запись).

[7] См.: И. А. Фалёв. О редуцированных гласных в древнерусском языке. «Язык и литература», т. II, вып. 1. Л., 1927.

§ 61. Начиная приблизительно со второй половины XII в. падение редуцированных, выражающееся как в утрате редуцированных в слабом положении, так и в изменении их в сильном положении в гласные полного образования, осуществляется в широком объеме и уже не ограничено указанными выше условиями. Ср., например, *посла* вместо *посъла*, *призвавъ* вместо *призъвавъ*, *оумреть* вместо *оумьреть* в Житии Феодосия Печерского в Успенском сборнике конца XII в., *божница* вместо *божьница*, *вхоу* вместо *вьхоу* (относительно *х* вместо *с* см. § 165), *пожни* вместо *пожьни* в грамоте Варлаама Хутынского после 1192 г., *соньмищихь* вместо *съньмищихъ* (местн. п. мн. ч.), *стоуденець* вместо *студеньць* «колодец» в Добриловом евангелии 1164 г., даже *за волховомъ* вместо *за вълховъмь* в грамоте Варлаама Хутынского после 1192 г. — прояснение редуцированных в сочетании редуцированного с последующим плавным между согласными относится, по-видимому, к более позднему времени. Впрочем, эта грамота, возможно, и относится к несколько более позднему времени — к началу XIII в. (время ее написания — между 1192 и 1230 г.).

Различные наши памятники XII—XIV вв. представляют последовательные этапы утраты редуцированных и преобразования орфографических и графических приемов наших писцов в результате этой утраты.

Мстиславова грамота около 1130 г. — начальный этап этой утраты. Хорошо сохраняются редуцированные в Новгородской летописи по Синодальному списку, в особенности в первой ее части, излагающей события с XI по XIII в. включительно. Ср., например, *дъжгь*, *вънесе*, *дръва*, *расть⁄рза* (л. 23). Конечно, отступления от древних норм встречаются и там, например, *всѧ* вместо *вьсѧ*, *городнѣ* вместо *городьнѣ*, *бе знатбе* вместо *бе знатьбѣ* (там же).

Смоленская грамота 1229 г., напротив, очень ярко отражает уже осуществившееся падение редуцированных: в ней наблюдается самое беспорядочное смешение *ъ* и *о*, с одной стороны, *ь* и *е* — с другой (а так как там не различаются также *е* и *ѣ*, то *ь* смешивается не только с *е*, но и с *ѣ*). Ср., например: *берьгомь* (вместо *берегомь* — тв. п. ед. ч.), *что былъ немирно* (вместо *чьто было немирьно*), *латинескому* (вместо *латиньскому*), *дъбрии* (вместо *добрии*), *миро* (вместо *миръ*). Поскольку слабые редуцированные в говоре писца уже не произносились, а он знал, что на месте *ъ* и *о* произносится один и тот же звук, постольку иногда он (т. е. писец) пропускал не только редуцированный, но и соответствующий гласный полного образования. Так объясняются написания типа *и своѥго горда* вместо *и(з) своѥго города*.

Лаврентьевская летопись, писанная во второй половине XIV в., уже отражает письмо, по-новому нормализованное после падения редуцированных.

Сравнительное изучение различных древнерусских памятников приводит к выводу, что падение редуцированных осуществлялось не одновременно на всей территории, занятой древнерусским языком. По-видимому, оно раньше начинается на юге и лишь постепенно захватывает более северные территории.

Вместе с тем в любом говоре, где утрата происходила, она осуществлялась не одновременно во всех стилях речи. Раньше эта утрата происходила в разговорной, беглой речи. Именно там обычно начинаются любые фонетические изменения, которые со временем охватывают весь язык в целом. В речи же торжественной, например во время чтения в церкви, а особенно пения, дольше сохранялись старые нормы, т. е. произносились не только сильные, но и слабые редуцированные. Этим, по-видимому, и объясняется то обстоятельство, что памятники нотного письма, относящиеся к тому времени, когда в живой речи редуцированные уже несомненно пали, дают указания на произнесение редуцированных (не только сильных, но и слабых) при пении (см. выше, § 24). Интересно, что в чтении церковных книг у старообрядцев, вообще культивирующих произносительные нормы, идущие от глубокой древности, сохранилась до сих пор традиция произнесения слабых редуцированных (ъ как очень краткое *о*, ь как очень краткое *е*).

§ 62. В результате утраты слабых редуцированных и прояснения сильных редуцированных в гласные полного образования одни и те же корни и аффиксы современного русского языка могут в различных формах словообразования и словоизменения то содержать, то не содержать гласный *о*, *е*. Ср. *сон—сна—сновидение*, *день—дня—дневной*, *кусок—куска*, *молодец—молодца*. *О* и *е* является обычно там, где в древности были ъ и ь в сильном положении, отсутствие же гласного — там, где в древности эти звуки были в слабом положении. Но во многих случаях наблюдаются отступления от ожидаемого результата, а именно: мы находим *о*, *е* там, где в древности ъ или ь были в слабом положении, и, напротив, отсутствие гласного там, где редуцированный был в сильном положении. Эти отступления объясняются аналогией, т. е. воздействием друг на друга различных форм одного слова и различных слов, образованных от одного и того же корня.

Так, например, в им. п. ед. ч. существительного *дъска* ъ был в слабом положении и должен был утратиться — ударение и в древности падало в этом слове на конечный слог, следовательно, фонетически оно звучало *d'ská*, между тем в современном языке — *доска́* (с *о* в окающих говорах, с *а* в акающих, с ъ в акающих говорах с диссимилятивным аканьем). Гласный полного образования установился в этой форме под влиянием винительного падежа, где ударение уже в древности падало на начальный слог, вследствие чего редуцированный был в силь-

ном положении (*dъ́sku*), вследствие чего он сохранился, а затем перешел в гласный полного образования (*dósku*). Если бы форма именительного падежа (как и других падежей, кроме винительного) развивалась фонетически, она должна была бы в конечном результате очень сильно уклониться от формы винительного падежа — *dʾská* должно было дать *dská*, откуда *tská* (в результате ассимиляции звонкого согласного последующему глухому, о чем ниже), а затем *cka* (*цка*) в результате слияния *ts* в аффрикату *c* (о чем также ниже). Это слишком большое различие разных форм одного слова имело результатом действие аналогии (произошло выравнивание основы по различным падежам). Форма *цка* вообще в русском языке существовала, существует кое-где и теперь, но она имеет свое полное склонение, винительный падеж от нее будет *цку*, и по значению слова *доскá* и *цка* разошлись, хотя и развились из общего источника: *цка* еще в XVII в. обозначало доску, но не доску вообще, а ту, на которой пишут иконы. Ср., например: писанъ на штилистовой *цкѣ* (стлб. 1675 г. № 407), длиною *цки* велено *здѣлать*... (стлб. I разр. 1671 г., л. 15), на семи *цкахъ* (стлб. 1665 г., № 1438). В таком значении слово употребляется у старообрядцев и теперь.

Название города *Смоленск* в древности имело форму *смольньскъ*, откуда фонетически должно было развиться **Смольнеск*. Современная форма обусловлена воздействием косвенных падежей (формы *Смольньска*, *Смольньску* и т. д. должны были фонетически дать *Смоленска*, *Смоленску* и т. д.).

§ 63. Слабые редуцированные сохраняются и дают гласные полного образования, помимо аналогии, также в словах книжного, церковнославянского происхождения. Такие формы, как *воочию*, *воедино*, *соединение*, *сотворить*, где *о* в первом слоге из древнего *ъ* в слабом положении (дальше следует гласный полного образования), объясняются именно тем, что они имеют книжный источник. В церковном чтении, а особенно в пении, как уже было сказано, дольше сохранялись слабые редуцированные как особые звуки. В дальнейшем, когда старые редуцированные гласные окончательно исчезли из языка, эти сохранившиеся редуцированные заменяются в произношении теми гласными полного образования, к которым они были близки.

§ 64. С падением редуцированных тесно связан и вопрос о судьбе редуцированных *ў*, *ĭ*, развивавшихся в древности из *ъ*, *ь* в положении перед *j*. В древности эти звуки изображались буквами *ъі* и *и* как в сильном, так и в слабом положении (впрочем, примеров, для слабого положения *ў* у нас нет). До конца XII в. их постоянно писали в наших памятниках. И даже в первой половине XIII в., в Смоленской грамоте 1229 г., в очень яркой форме, отражающей падение редуцированных (как уже было сказано выше), слабый редуцированный *ĭ* последова-

тельно обозначается как *и*. Ср. *съ роусию*, *оубиють*, *бикть*, *соудиами*. В дальнейшем мы находим иногда, наряду с *и*, также и ь. Ср., например, *пыница* (Панд. Ник. Черног. 1296 г., л. 96 об.), *памѧтью* (там же, л. 103 об.), *чтⷱью* (там же), *пьаньства* (там же, л. 177), *жизнью* (там же, л. 178 об.). С XIV в. такое обозначение становится обычным. Поскольку ь в слабом положении в это время уже заведомо утрачен во всех древнерусских говорах, ясно, что написание его в памятниках этой эпохи звукового значения не имеет, но обозначает (как и в современной нашей графической системе) наличие *j* между предшествующим согласным и последующим гласным (играет роль «отделителя», как принято говорить в школьной грамматике), т. е. такие формы, как *жизнью*, *братьꙗ*, *людье*, должны читаться *žizn'ju*, *brat'je*, *l'ud'je*.

В современном литературном языке мы находим в ряде случаев *і* на месте старого слабого редуцированного *ĭ*. Ср., например: *бытиé*, *житиé*, *брáтия* (ед. ч. жен. р., собирательное). Но это слова книжные, церковнославянского происхождения, и сохранение в них слабого *ĭ* объясняется так же, как появление *о* на месте слабого ъ (см. выше). Однокоренные с указанными слова, принадлежащие слою живого русского языка, этого *і* не содержат (в них после согласного прямо следует *j*). Ср. *житьё-бытьё*, *брáтья* (мн. ч., восходящее к старому собирательному). Ср. так же имя собственное — книжная форма *Мариáя*, разговорная *Мáрья* (даже с разным ударением).

Что касается сильных редуцированных *ŭ*, *ĭ*, то они сохраняются, но дальнейшая судьба их в различных древнерусских говорах была различна. В говорах северо-востока, т. е. тех, которые затем легли в основу великорусского языка, они в основном проясняются, *ŭ* в *о*, а *ĭ* в *е*, т. е. совпадают с сильными редуцированными ъ, ь (хотя, как увидим, и не целиком). Написания с *о*, *е* на месте старых *ŭ*, *ĭ* появляются в памятниках со второй половины XIII в., но даже еще в XIV в. они редки, причем, по-видимому, чаще является *е* на месте *ĭ*, чем *о* на месте *ŭ*. Примеры: и *свинеи* из моихъ (Дух. гр. Климента Новгородца до 1270 г.), *винопеïца* (Переясл. ев. 1354 г., л. 40 об.), кнѧзь *великои* (Моск. ев. 1339 г., запись), *людеи* (Новг. гр. 1317 г.). В род. п. мн. ч. от существительного *свинья* (др.-русск. *svinĭja*), в им. п. ед. ч. муж. р. местоименных прилагательных *великыи*, др.-русск. *velikŭĭ*) в древности были редуцированные *ĭ*, *ŭ*. Они были в сильном положении вследствие того, что в конечном слоге этих форм было в древности *jь* (возможно, фонетически дававшее еще в древнейшую эпоху *jĭ* или просто *ĭ*). Это очень краткое *ĭ*, развившееся из редуцированного *ь* после *j*, разделило судьбу слабых редуцированных, т. е. утратилось. Наследником предшествующего *j* является *į* неслоговое на конце указанных форм (в том случае, если *jь* давало просто *ĭ* без

предшествующего *j*, само это *ĭ* не терялось бесследно, а становилось неслоговым, т. е. опять-таки форма на один слог сокращалась). Поскольку слоговой элемент последующего слога утрачивался, редуцированный гласный (*ŭ* или *ĭ*) в предшествующем слоге был в сильном положении. Они и дают в этих условиях в великорусском языке, ложащемся в основу современного русского, *о*, *е*.

В современном русском литературном языке гласный *о*, *е* на месте старого *ŭ*, *ĭ* отчетливо выступает лишь под ударением (поскольку в безударном положении, согласно литературным нормам, *о* не произносится). Ср. им. п. ед. ч. муж. р., *золото́й*, *молодо́й*, 1 л. ед. ч. *мо́ю*, повел. накл. *мо́й*, пм. п. ед. ч. *ше́я* (др.-русск. *шиѣ*, фонетически *šʼĭja*), род. п. мн. ч. *свине́й*, *люде́й*, повел. накл. *бей*, *пей* (др.-русск. *бии*, *пии*, фонетически *bĭjь*, *pĭjь*). Без ударения у нас на месте сильных редуцированных *ŭ*, *ĭ* широко распространено произношение *ы*, *и*, например: *кра́сный*, *си́ний*. Но такое произношение возникло у грамотных людей, по-видимому, под влиянием орфографии. Орфография же наше сохранила для безударных окончаний прилагательных муж. р. ед. ч. написания *-ый*, *-ий* под влиянием церковнославянского языка.

В окающих говорах большей частью отчетливо выступают *о*, *е* < *ŭ*, *ĭ* и в безударном положении. Ср. им. п. ед. ч. муж. р. *ми́лой*, *кра́сной*, *си́ней* и т. д.

В современном русском литературном языке мы находим довольно часто сочетание *ий* вместо ожидаемого *ей* под ударением на месте старого сильного *ĭ* перед *j* (*i*), например: *уби́йца*, *уби́йство*, *кровопи́йца*. Но это все слова книжного происхождения, *і* вместо ожидаемого *е* в них — под влиянием церковнославянского языка.

§ 65. В древнерусских говорах юго-запада и запада, т. е. тех, которые легли в дальнейшем в основу украинского и белорусского языков, судьба сильных редуцированных *ŭ*, *ĭ* была частично иная. В основном там они сохраняют свое качество, лишь становясь гласными полного образования, а если в дальнейшем частью и изменяются, то так же, как *у*, *і* старые (полного образования); например, в украинском языке совпадают в одном гласном *і* и *у*, точно так же совпадают *у*, *і*, развившиеся из *ŭ*, *ĭ* редуцированных; или в белорусском языке *і* изменяется в *у* (*ы*) после позднее отвердевших согласных, точно так же изменяется *і* из *ĭ* редуцированного. Таким образом, в соответствии с русскими *мо́ю* (от *мыть*), *ро́ю* (от *рыть*), *сле́по́й* (им. п. ед. ч. муж. р.), *ше́я*, *пе́й* (повел. накл.) являются укр. *мию́*, *рию́*, *сліпи́й*, *ши́я*, *пи́й*, белор. *мыю*, *рыю*, *сляпы́* (*ый* стягиваются в *ы*), *шыя*, *пій*. Установить точно время перехода *ŭ*, *ĭ* редуцированных сильных в *у*, *і* полного образования не представляется возможным, поскольку на письме те и другие

обозначались одинаково. Конечно, этот переход осуществлялся в эпоху, достаточно близкую к той, когда вообще сильные редуцированные изменялись в гласные полного образования.

Но от этого закономерного для говоров, легших в основу украинского и белорусского языков, результата наблюдаются отступления, которые требуют особых объяснений.

Так, в украинском языке имеются указательные местоимения *той, сей* на месте древнерусских *тыи, сии* (фонетически *тый, сей* из **tъjь, *sьjь*; об их образовании подробнее см. в морфологии, § 173), *цей* из *оцéй* (< **otsьjь*), белор. *той, сёй* (под влиянием *той*); впрочем, в некоторых украинских говорах мы находим и закономерно ожидаемое *тый*. В соответствии с русским *соловéй* мы находим укр. *соловéй*, белор. *салавéй* (< *sołovьjь*). В род. п. мн. ч. старого склонения с основой на *-ъ*, наряду с закономерно ожидаемыми формами, мы находим формы типа укр. *гостей*, белор. *гасцей*. Все указанные формы возникли не фонетически, а в результате аналогического воздействия родственных форм. Местоименные формы *тыjь, сьjь* образовались из *тъ, сь* в результате распространения местоименным же элементом *jь*. Местоимения *тъ, сь* фонетически должны были дать *то, се*, поскольку на их единственный слог падало ударение. Эти формы для мужского рода в современном языке не сохранились, но памятниками эпохи вскоре после падения редуцированных засвидетельствованы (см. ниже, § 173). По аналогии к этим формам на месте *тыį, сиį* < **tъjь, *sьjь* являются *тоį, сеį*. Эти формы (*тои, сеи*) засвидетельствованы уже в галицко-волынском Путенском евангелии XIV в. Подобные явления имеют место и в других славянских языках — ср. серб. *mâj* «тот», где *а* из *ъ*. Укр. *соловéй* получило *е* под влиянием соотношения в других словах гласного в им. п. с нулем гласного в косвенных падежах (косвенные падежи этого слова — ср. род. п. *соловья*). На форму род. п. мн. ч. типа *гостей, гасцей* оказали влияние формы дат., твор., местн. п. мн. ч. тех же слов, где *ь* был не в положении перед *j*, вследствие чего закономерно изменился в *е* (о последующей нефонетичесной замене *е* в этих формах см. ниже).

В различных и территориально не связанных областях наблюдается изменение сильно редуцированного *ў* в *е*. В части говоров это изменение происходит лишь в определенных грамматических формах, в некоторых же говорах вообще сильное *ў* дало *е*. Указанное изменение наблюдается в именительном падеже единственного числа мужского рода прилагательных, с одной стороны, в части белорусских говоров, с другой — в не связанных с ними территориально некоторых олонецких (северновеликорусских) говорах. При этом согласные перед *е* не смягчаются, хотя вообще, по нормам этих говоров, они перед *е* должны быть мягки. Ср. *золотэ́й, молодэ́й, слепэ́й* (или *сляпэ́й*) и т. д. В некоторых же северо-восточных белорусских говорах

мы находим и такие формы, как *рэ́ю*, «рою», *мэ́ю* «мою» и т. д., т. е., как уже было сказано, *е* (после твердого согласного) является на месте любого старого сильного *ў*. Это явление характерно и для некоторых русских говоров, пограничных с белорусским языком (для некоторых смоленских, псковских).

§ 66. Очень краткое *ĭ*, развившееся некогда из *ь* после *j* (см. выше, § 25), в слабом положении дало *i̯* неслоговое, в сильном же в части говоров совпало с *і*. Ср., с одной стороны, совр. русск. *та́йна*, *война́*, *яйцо́*, *псйму́*, с другой стороны, *яи́ц* (род. п. мн. ч.), *яи́чко*, *яи́чница*. В части случаев на месте сильного *ĭ* является и *е* (с последующими изменениями). Ср. совр. *потаённый*, *воённый*, укр. (а также русск. диал.) *яєц* (род. п. мн. ч.), *яєшня* «яичница», но, по-видимому, это *е* не фонетического происхождения, а возникло по аналогии к частым случаям с беглым *е* (из старого ь). Русские формы с *і* типа *воинственный*, *таинственный*, вероятно, книжного происхождения и отражают церковнославянскую орфографию и произношение.

О времени утраты слогового характера слабым *ĭ* свидетельствует заменительное удлинение гласного предшествующего слога в юго-западных памятниках, например, *нѣимоуть* вместо *не имоуть* (Добр. ев. 1164 г.), фонетически *п'ĕjьтиt'* < *nejĭmuть* (3 л. мн. ч.), ср. русск. «ему неймется».

В начале слова перед согласным слабое *j*(*ĭ*) в говорах, легших в основу украинского и белорусского языков, стало неслоговым (как внутри и в конце слова) и утратилось, в говорах же, легших в основу русского языка, совпало с обычным *і*, ср. укр. *грати*, белор. *граць*, русск. *игра́ть* (< *jьgráti*).

§ 67. Особых замечаний в связи с вопросом о падении редуцированных требуют сочетания редуцированных гласных с плавными согласными в положении между согласными.

Сочетания, в которых редуцированный предшествовал плавному (т. е. типа *tъrt*, *tьrt*, *tъlt*), развивались, одинаково во всех древнерусских говорах (хотя, возможно, и в несколько различное для разных говоров время). Отличие редуцированного в рассматриваемых сочетаниях от редуцированных в других условиях состоит прежде всего в том, что он проясняется в соответствующий гласный полного образования и в тех случаях, когда на него не падает ударение, и в то же время в следующем слоге — гласный полного образования или сильный редуцированный. Ср. русск. *торг* < *търгъ*, *торгова́ть* < *търговати*, *ве́рба*, укр. *верба́* < *вьрба*, русск. *пе́рвый*, белор. *пе́ршы*, укр. *пе́рший*, др.-русск. *пьрвыи*.

Прояснение редуцированных в рассматриваемых сочетаниях отражается в общем в тех же памятниках и с того же времени, как вообще начинается прояснение сильных редуцированных. Ср. *перьста* (Добр. ев. 1164 г., л. 9), *мерьтвии* (там же, л. 11, 52 об.), *твердити* (Смол. гр. 1229 г.), *оутвѣрдѧть*, *держати* ||

дѣржати (там же), *четверть* (Дух. гр. Климента Новгородца до 1270 г.), *оумолвить, долгъ* (Смол. гр. 1229 г., сп. Д).

Мягкость *r* в сочетании *ьr* между согласными развилась довольно рано (под воздействием предшествующего редуцированного переднего ряда). В дальнейшем это *r* частью отвердевает (даже в тех говорах, которые вообще знают различие твердых и мягких согласных и, в частности, *r*). В Москве многие и сейчас произносят *в'ер'х*, некоторые же (обычно старики из Москвы и подмосковных мест) даже *п'ёр'въй* «первый».

Различия сильного и слабого положения проявляются у редуцированных в сочетании с плавными иначе, чем у редуцированных в других условиях.

В случае сильного положения мы находим в современных восточнославянских языках, правда, непоследовательно проведенное, так называемое «второе полногласие», т. е. сочетания *oro, ere, oło*, например, *верёвка* (ср. др.-русск. *вьрвь*), диал. *верёх* «верх», *столо́б* «столб» (не путать с древнерусскими написаниями типа *ъръ*, которые также называют иногда «вторым полногласием»). В памятниках, преимущественно северных, подобные формы засвидетельствованы с XIII в., ср. *череньци* «чернецы, монахи» (Новг. Кормчая 1282 г.), *короцму* «корчму», вин. п. ед. ч. (Сильвестр. сб. XIV в.), *молонья* «молния» (Лавр. лет.). Плавный согласный в таком сочетании, будучи слоговым, перед слогом со слабым редуцированным удлинялся, впоследствии же не просто терял слоговость (как плавный в этом сочетании в слабом положении), но вычленял из себя новый гласный такого же образования, как предшествующий плавному, т. е. например, *stъl̥bъ* > *stъl̥b°* > *stołób* (ударение объясняется тем, что в косвенных падежах оно сплошь на окончании).

Формы, отражающие второе полногласие, представлены во всех современных говорах восточнославянских языков, но в различной степени и нигде с полной последовательностью. Больше всего их в некоторых северновеликорусских, но есть и в других русских, а также в белорусском и украинском языках (ср. белор. *смерётны* «смертный», укр. *жеревни́к* «пищевод»). Непоследовательность «второго полногласия» А. А. Шахматов, первым фонетически истолковавший это явление, объяснял аналогическим воздействием родственных форм. Так, например, *stołób* (в тех говорах, где такая форма не сохранилась) изменилось в *stołb* под влиянием других форм этого слова — *stołbá*, *stołbú* и т. д.

§ 68. Сочетания редуцированных с плавными в положении между согласными другого типа, т. е. такие, в которых редуцированный гласный следовал за плавным (*trъt*, *trьt*, *tlъt*, *tlьt*), отличались от только что рассмотренных, как уже было сказано выше (см. § 24), тем, что в них плавный согласный был

неслоговой, а редуцированный гласный — слоговой, и имели различную судьбу в разных древнерусских говорах.

В говорах северо-востока, т. е. тех, которые ложатся затем в основу великорусского (впоследствии современного русского) языка, мы находим обычно *о* < *ъ*, *е* < *ь* независимо от характера следующего слога. Ср., например, *кровь* — др.-русск. *кръвь*, *крова́вый* — др.-русск. *кръвавъıи*, *крест* — др.-русск. *крьстъ*, *глотать* — др.-русск. *глътати*, *слеза́* — др.-русск. *сльза* и т. д.

Примеры с *о*, *е*, на месте *ъ*, *ь* мы находим уже в памятниках XIII в., например: *въ дровѣхъ* (Русская Правда 1282 г.), ср. *дрѣва* (Новг. Синод. лет., л. 23), *до крове* (Пант. Ник. Черног. 1296 г., л. 87 об.), *въ крови* (там же, л. 47 об.), *оустреми* с҃а (там же, л. 21), *ѩблоко* (там же, л. 102), *слезы* (там же, л. 47 об.), *съ слезами* (там же, л. 125), *крови* (Новг. гр. XIII в.).

В говорах юго-запада и запада, которые затем легли в основу украинского и белорусского языка, судьба редуцированных в рассматриваемых сочетаниях в сильном положении была та же, что в говорах, легших в основу великорусского (русского) языка: *ъ* здесь изменилось в *о*, а *ь* в *е* (с последующими возможными изменениями, общими с соответствующими старыми гласными полного образования). Ср. русск. *кровь*, белор. *кроў*, укр. *кров*, др.-русск. *кръвь* (фонетически *krъvʲ*). В слабом же положении мы находим после плавных *у*(*ы*) на месте *ъ*, *і* на месте *ь* (с последующими возможными изменениями их, общими со старыми *у*, *і*, например, с совпадением *у* и *і* в одном звуке в украинском языке, с изменением *і* > *у* после отвердевшего *r* в части белорусских говоров). Ср., например, белор. *дрыжаць*, *грымець*, *блыха*, *блісцець* — русск. *дрожа́ть*, *греме́ть*, *блоха́*, *блесте́ть* (др.-русск. *дрѫжати*, *грьмѣти*, *блъха*, *бльстѣти*); укр. *крива́вий*, *криши́ти*, *блиха* (ср. русск. *крова́вый*, *крошѝть*, *блоха́*). Написания с *ы*, *и* (вместо старых *ъ*, *ь*) мы находим в случаях, подобных рассматриваемым, в юго-западных и западных наших памятниках, начиная с XIII в. Ср. *ѩблыко* (Галицко-Волынское житие Саввы Освященного XIII в.), *дрыжаху* «дрожали» (Луцк. ев. XIV в.), *стрыме*ᵘ (Хлебн. лет. второй половины XVI в.), *кринеть* «купит» (Смол. гр. 1229 г., сп. Е) — ср. др.-русск. *крьню* «куплю» в Ярославском списке Пандектов Никона Черногорца XII—XIII вв. и *креню* в том же значении в Чудовской рукописи этих Пандектов № 16 (XIV в., л. 138).

Встает вопрос, какова была фонетическая картина развития соответствующих сочетаний и чем объясняется это различие в поведении редуцированных в разных диалектных областях древнерусского языка.

Для юго-запада и запада очевидно, что в слабом положении редуцированные после плавных фонетически должны были ослабляться и затем полностью исчезать. Таким образом, такая, например, форма, как *дрѫжати* «дрожать» (фонетически *drʳžáti*),

должна была дать после падения редуцированных *držáti*. Ввиду того, что здесь сонорный согласный оказывается окруженным с обеих сторон шумными согласными, т. е. звуками меньшей звучности, чем он сам (см. выше, § 13), дальнейшее развитие может идти двумя путями: или сонорный согласный подвергается ослаблению, а может быть, и вообще утрачивается, или же, напротив, он становится слоговым (вследствие того, что, если он не ослабляется, он занимает вершину кривой звучности между двумя минимумами). Юго-западные и западные говоры пошли по второму пути, т. е. рассматриваемая форма развивает слоговое качество *r—dr̥žáti*. Но поскольку восточнославянской области вообще не свойственны слоговые сонорные согласные в последовательном и самостоятельном употреблении, вскоре из сонорного слогового выделяется новый гласный звук, уже иного качества, чем прежде находившийся рядом с плавным согласным редуцированный, а именно *y* (после твердого плавного), *i* (после мягкого плавного). О том, что соответствующими говорами была пройдена ступень слогового плавного, свидетельствуют наблюдающиеся в некоторых украинских и белорусских говорах параллельные формы типа *кривавый*, *кирва́вый* (т. е. с новым гласным то после плавного, то перед ним). Такие формы скорее всего объясняются именно тем, что в прошлом соответствующей формой была пройдена ступень слогового *r̥*.

Ожидаемые результаты в украинском и белорусском языках в некоторых случаях (как это вообще часто бывает) нарушены действием аналогии, которая приводит порой к тому, что гласные *y*, *i* с их последующими возможными изменениями наблюдаются после плавных и в случае сильного положения старых редуцированных. Так, например, в украинском языке мы находим *кришка* «крошка», *кришечка* «крошечка» (из др.-русск. *krъšьka*, *krъšьčьka*), по-видимому, по аналогии с *криши́ти*, ср. белорусский, где соответствующий корень представлен в закономерно ожидаемой форме: *крыха́* < *krъxa*, но *крошка* < *krъšьka*. Аналогически же объясняются, по-видимому, и такие формы, как укр. *сльоза́*, белор. *слеза́* (здесь могла повлиять форма род. п. мн. ч. *slьzъ* «слёз», где редуцированный в сильном положении). Впрочем, диалектам известна и форма *сліза́* (фонетически и ожидаемая).

Формы, обычные для русского языка (т. е. содержащие *о*, *е* на месте старых *ъ*, *ь* в слабом положении), вероятно, не фонетического происхождения, но возникли в результате влияния родственных форм, где *ъ*, *ь* были в сильном положении, например *в кровй*, *кровáвый* под влиянием *кровь*, *глотáть* под влиянием *глóтка* (<*glъtъka*), *слезá* под влиянием род. п. мн. ч. *слёз* (<*slьzъ*), *слёзка* (<*slьzъka*). Подобные результаты аналогического развития могли являться и в украинском и белорусском

языках, но не столь последовательно, ср. укр. *сльоза́*, белор. *сляза́*.

Результаты собственно фонетического развития в особенности могли сказаться там, где формы, содержащие слабые ъ, ь в рассматриваемых сочетаниях, не были поддержаны родственными формами с сильными ъ, ь. Именно этим, вероятно, объясняется утрата ь с последующим упрощением группы согласных в названии города *Псков* < *Пльсковъ*. Следует кстати заметить, что слабый редуцированный в этом слове содержит вообще хорошо сохраняющая, как уже было сказано, слабые редуцированные, но с заменой ь через ъ, новгородская берестяная грамота № 109, где мы находим форму *плъскове* (местн. п.). В глаголе же *крьстити* закономерно ожидаемая и представленная в части говоров форма *кстить* во многих говорах нефонетически заменена формой *крестить* именно вследствие возможности аналогического воздействия со стороны форм *крест*, *крестный* (или *крёстный*) и т. д.

Последствия падения редуцированных

§ 69. С падением редуцированных потеряли силу две основные фонетические закономерности, характерные для структуры слога древнерусского и других древних славянских языков, т. е. возможная структура слога существенно изменилась. В качестве примера можно привести слово *лѣсъ*, фонетический облик которого до падения редуцированных был *l'ě-s*^{ъ}, а после падения *l'ěs*. Первоначально в этой форме было два слога, из которых каждый был открытым, причем в нем были сосредоточены звуки однородные, после же падения редуцированных — один слог, закрытый, звуки в нем разнородны.

Не следует думать, что обе закономерности, характеризовавшие структуру слога, исчезли бесследно. После утраты слабых редуцированных появилось много закрытых слогов. Но тенденция к открытости слога, т. е. к расположению звуков в слоге по возрастающей звучности, сохранилась и в какой-то мере характеризует даже современный язык. В тех случаях, где это возможно, группа согласных между двумя гласными имеет тенденцию примыкать в слоговом отношении к последующему гласному, а не к предыдущему. Так, например, форма *растеря́л* в современном русском литературном языке имеет слоговое членение *ра-сте-ря́л*, а не *рас-те-ря́л*. Для окончательного и всестороннего решения вопроса применительно к современному языку (даже если ограничиться только литературным) необходимо серьезное экспериментальное исследование, которое до сих пор проведено еще не было.

§ 70. В результате того, что после утраты слабых редуцированных во многих случаях оказались рядом такие звуки,

которые раньше не были в непосредственном соседстве, произошел ряд фонетических изменений позиционного характера, охватывающих как гласные, так и согласные. Некоторые позиционные изменения, и именно в области гласных, обусловлены и не непосредственно соседними звуками, а отношениями к соседнему слогу (см. ниже).

Одни из позиционных изменений охватывают всю восточнославянскую область, другие же — лишь часть говоров.

§ 71. В результате падения редуцированных существенно изменились отношения между твердыми и мягкими согласными. Согласные вторичного смягчения, часть из которых совпала с первично смягченными, образовались в различное время перед разными гласными переднего ряда, причем перед ь, во всяком случае, до падения редуцированных. В результате утраты ь в слабом положении могли в непосредственном соседстве оказаться мягкий согласный (первично или вторично смягченный) и твердый, образовывавший начало последующего слога. Точно так же в результате утраты ъ в слабом положении могли оказаться в непосредственном соседстве твердый согласный (предшествовавший ранее ъ) и мягкий, образовывавший начало последующего слога, если тот содержал гласный переднего ряда.

В образовавшихся таким образом группах разнородных согласных в широком объеме действует ассимиляция по твердости и мягкости, причем обычно регрессивная.

Примером смягчения согласного (первоначально твердого) под влиянием последующего мягкого согласного (в данном случае вторично смягченного) может служить современное литературное *стихать* (фонетически *c'm'ихám'*), развивавшееся из *st'ixát'i* < *sъtixati*. Примером отвердения ранее мягкого согласного могут служить: *крáсный* (фонетически *крáснъй*, северное *крáсной*) из *krás'nŭi* < *krás'ьnŭi*, *тёмный* (фонетически *m'омнъй*, северное *m'омной*; об изменении *e* > *'o* см. ниже, § 91) из *t'em'nŭi* < *t'ьm'ьnŭi*. Примером отражения подобного смягчения в памятниках может служить *возьемавъ* (Лавр. лет., л. 14 об.) — фонетически, по-видимому, *voz'jetavъ* < *vъz'jetavь*, смягчение *z* произошло под воздействием последующего *j*, который примыкает к мягким согласным и оказывает сильное смягчающее воздействие на предшествующие согласные. Приставка *vъz* (ъ) могла не иметь конечного ъ еще на общеславянской почве, но на общеславянской же почве существовала, по-видимому, и параллельная форма с ъ, которая и отразилась в древнерусском языке (если бы ъ не было исконно, то в результате смягчения согласного в сочетании с *j* должна была бы еще на общеславянской почве явится форма **vъžetavъ*).

Сложней проследить по памятникам отвердение согласных в указанных случаях. Знак ь, правда, после падения редуци-

рованных, используется иногда и внутри слова для обозначения мягкости предшествующего согласного (это правило сохранено и современной орфографией, ср. такие написания, как *сколько*, *только*). Однако пропуск его еще не обозначает обязательного отвердения согласного (следует заметить, например, что отсутствие ь внутри слова именно после *л*, даже такого, которое сохраняет мягкость, весьма обычно для наших рукописей после падения редуцированных вплоть по XVII в. включительно; возможно, это отсутствие объясняется тем, что в древности использовался порой особый способ обозначения мягкости *л* посредством написания над ним крючка, см. выше, § 12). Более показательно и свидетельствует действительно об отвердении согласного перед твердым написание внутри слова после отвердения согласного знака ъ вместо этимологического слабого ь. Такое написание в памятниках встречается, хотя и не часто.

Впрочем, отвердение не охватывает всех согласных. Так, например, в современном языке (и во всех говорах) отражается отвердение губных перед твердыми взрывными, например, *пра́вда* < др.-русск. *правьда*. Но переднеязычные взрывные согласные сохранили мягкость перед твердыми взрывными, ср. *ба́тька*, *ре́дька*. В широком объеме сохранило мягкость *l* в различных условиях (и перед взрывными и перед фрикативными), ср. *льды* (мн. ч.), *польза*, *большой*, *вольный*. Но в то же время взрывные переднеязычные согласные отвердели перед суффиксом прилагательного *n* (*н*) — в древности этот суффикс был представлен в форме *ьn*, вследствие чего согласные перед ним должны были быть мягки, ср. *во́дный*, *по́тный*.

О различии по говорам сохранения старой мягкости согласных, а также о различных случаях ассимилятивного распространения как мягкости, так и твердости см. подробнее в курсе диалектологии.

§ 72. В ряде говоров задненебные согласные, оказавшиеся вследствие утраты слабого ь непосредственно после мягких согласных, подверглись смягчению в результате прогрессивной ассимиляции, и явились формы типа *ба́т'ка (батька)*, *ре́т'ка (редька)*, *бо́ч'к'а (бочка)*. Смягчение, как видим, носит непереходный характер, т. е. задненебный согласный сохраняет основное свое качество, приобретая лишь дополнительную палатализацию (возможно, смещаясь из задненебной в средненебную зону), в чем отличие явления от древних палатализаций. Д. К. Зеленин, посвятивший обширное исследование рассматриваемому явлению, назвал его не вполне удачным термином «неорганическое» смягчение[8].

---

[8] См.: Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных. СПб., 1913.

Непереходное смягчение задненебных отделено от падения редуцированных большим промежутком времени, но падение редуцированных создало для него необходимые условия, так как мягкий согласный в непосредственном соседстве с задненебным оказался лишь в результате утраты слабого ь.

Рассматриваемое явление засвидетельствовано начиная с XV в., притом в памятниках, писанных в Москве и близ Москвы. Ср., например: *бочкю*, вин. п. ед. ч. (письмо Герасима Иосифу Волоцкому 1482 г.), *володкю*, *степанкѧ* (Моск. гр. 1517 г.), *колке* «сколько» (Домострой XVI в.) — написание ь (который в слабом положении, конечно, уже давно был утрачен) отсутствует. В особенности это отсутствие характерно для положения после *л* (см. выше, § 71). Нет оснований думать, что рассматриваемое смягчение задненебных развилось задолго до того, как оно отразилось в памятниках. Оно довольно широко распространено по говорам, но именно русским (в современном смысле слова), т. е. великорусским, и совершенно неизвестно говорам белорусским и украинским. Этот факт подтверждает сравнительно позднее возникновение этого явления, вряд ли до XV в., так как именно к этому времени относится окончательное обособление друг от друга трех современных восточнославянских языков и возникновение многих таких явлений, которые отличают современный русский (великорусский) язык от белорусского и украинского (см. выше, § 4).

Как показывают приведенные выше примеры, смягчается в указанных условиях из задненебных согласных именно *к*. Гораздо реже наблюдается в говорах смягчение *g* (*г*) и *x*, хотя встречается и оно: ср. *ól'g'a* «Ольга» (или *ol'ja* при γ фрикативном), *nav'er'x'ý* «наверху».

Что касается вопроса о территории первоначального возникновения рассматриваемого явления, то, по-видимому, оно началось где-то в южновеликорусской области, неподалеку от Москвы. Д. К. Зеленин, специально исследовавший его, предполагал, что первоначально оно было свойственно речи определенного слоя московского общества — так называемых детей боярских. Но это предположение является необоснованным: мы до сих пор не знаем специальных фонетических черт, которые были бы свойственны не какой-либо диалектной территории, а лишь какой-то общественной группе людей. Но очевидно, что в определенный исторический период это явление было свойственно какой-то части московского населения (разнородность элементов в составе московского говора XIV—XV вв., может быть, даже частью и XVI в. объясняется тем, что в Москву, как центр вновь формирующегося Московского государства, стекаются в это время выходцы из различных мест, представители различных говоров). В дальнейшем, в процессе унификации московского говора, выработки его единой системы, это явление

в Москве не удержалось. Впоследствии, однако, оно, возникнув, как уже было сказано, где-то в южновеликорусской области, неподалеку от Москвы, широко распространяется в различных русских (великорусских) говорах, как южных, так и северных, а также переходных, хотя и не становится повсеместно представленным признаком какого-либо из наших основных наречий.

В некоторых говорах (а может быть, и во всех, знающих рассматриваемое явление, — вопрос в достаточной мере еще не изучен) мы находим мягкое *к* после твердого согласного и в таких формах, где этот твердый согласный мягким никогда и не был. Так, например, во владимирских говорах мы находим в качестве уменьшительных форм не только такие, как *Ва́ньк'а* (*ва́н'к'а*), но и такие, как *Во́фк'а* (*во́фк'а*) «Вовка», уменьшительное от «Вова». Эти формы возникли по аналогии к таким, где мягкое *к* развилось фонетически. Наличие мягкого *к* в таких формах, как *Вофк'а*, существенно для фонемных отношений в системе соответствующих говоров. Мягкое *к'* выступает как обязательный составной элемент определенной морфемы, именно уменьшительного суффикса *-ка*, и свидетельствует о том, что мягкое *к'*, будучи не обусловлено фонетическим положением, является в данном говоре особой фонемой, отличной от твердого *к*.

§ 73. В результате падения редуцированных изменились отношения между глухими и звонкими согласными. После утраты слабых редуцированных в ряде случаев оказались в непосредственном соседстве согласные, разнородные в отношении глухости-звонкости. Здесь также в ряде случаев осуществляется ассимиляция и так же, как при твердых и мягких, обычно регрессивная, а именно: глухой согласный перед звонким озвончается, звонкий согласный перед глухим оглушается. Ср. совр. русск. *где* < *кдѣ* (*kdě*) < *къдѣ* (*kᵇdě*), *пчела́* < *бчела* (*bčela*) < *бъчела* (*bᵇčela*).

Но между озвончением глухих перед звонкими и оглушением звонких перед глухими имеются определенные различия как в отношении времени осуществления этого процесса, так и в отношении территории, на которой он был распространен. Озвончение глухих согласных отражается в памятниках раньше и охватывает всю восточнославянскую область. Ср., например, *гдѣ*, *нѣгдѣ* (Рост. житие Нифонта 1219 г.), *зде* (Смол. гр. 1229 г.), *здрава*, *здѣла*, *збудетсѧ*, *збора* (Галицко-Волынское Поликарпово ев. 1307 г.), *г дорогобужю* (Лавр. лет., л. 171 об.); впрочем, в последнем случае некоторые лингвисты дают другую интерпретацию написания *г* вместо *к*, полагая, что оно свидетельствует не об озвончении *к*, а о переходе его в фрикативный согласный.

Оглушение звонких перед глухими отражается в памятни-

ках начиная с более позднего времени, чем только что рассмотренное озвончение глухих, во всяком случае, не ранее XIV в. Оно характеризует к тому же не всю восточнославянскую область, а лишь большую часть ее. Несомненно, свидетельствуют об оглушении такие написания, как *ис торъшку* (Дух. гр. Дм. Донск.), *торъшкоу* (Новг. гр. 1372 г.), *воевотьство* «воеводство» (Лавр. лет.), *оускими* вместо *оузъкыми* (Поликарпово ев. 1307 г.). В настоящее время оглушение звонких согласных перед глухими наблюдается в большей части великорусских говоров (а также в русском литературном языке), в белорусском языке и в западноукраинских говорах. Звонкие сохранили звонкость перед глухими (по-видимому, на протяжении значительной части произнесения соответствующего согласного) в большей части украинского языка и в некоторых великорусских говорах (например, в некоторой части северновеликорусских, именно в муромских говорах). Ср., например, укр. *кніжка*, муромск. *лóдка*.

Ассимиляция по глухости и звонкости, так же как и ассимиляция по твердости-мягкости, носит главным образом регрессивный характер. Но встречаются и случаи прогрессивной ассимиляции. В качестве ее примера можно привести укр. *бджолá* (фонетически *bdžoła*) «пчела» < др.-русск. *бъчела* (фонетически *bъčeła*). Этот пример показывает, что вообще тенденция к ассимиляции была свойственна и тем говорам, которые затем легли в основу украинского языка, но осуществлялась эта тенденция лишь там, где два согласных входили в состав одного слога.

Ассимиляция по глухости и звонкости не является в истории русского языка чем-то новым. О том, что она свойственна и древнейшей эпохе, свидетельствуют некоторые факты древнейших дошедших до нас памятников. Ср., например, *бес коньца* (XIII слов Григ. Богосл. XI в., л. 151), *бес пакости* (Смол. гр. 1229 г.). Некоторые приставки еще на общеславянской почве могли иметь параллельные формы без конечного ъ.

Более раннее озвончение и более позднее оглушение, а также более широкое распространение озвончения согласных сравнительно с оглушением легко могут быть объяснены. Большей частью глухому согласному, после которого идет звонкий, предшествует гласный. Таким образом, звук, характеризующийся глухостью, т. е. полным отсутствием вибрации голосовых связок в течение его произнесения, окружен с обеих сторон звуками, которые произносятся с вибрацией голосовых связок. Последняя легко может распространиться и на рассматриваемый звук.

Ассимиляция согласных по звонкости и глухости не распространяется на сонорные согласные, к которым принадлежит также и *j*. Вообще сонорные согласные, представляющие собой сонанты на неслоговой ступени, ведут себя во многом подобно

гласным. Перед сонорными согласными глухие согласные сохраняют глухость, как и перед гласными. Ср. совр. русск. *слой*, *смой* (повел. накл.), *снять*, *срыть*, *съехать* (фонетически *s'jéхъt'*). К сонорным согласным примыкает вообще и *v*, характеризующееся и некоторыми особенностями. Глухие согласные перед *v* не озвончаются так же, как и перед другими сонорными. Ср., например, современное *свой*. Само же *v* перед глухими оглушается, но поздно, и не во всех даже великорусских говорах. Раньше XVI в. примеров оглушения не встречается. В XVI в. в некоторых памятниках начинает отражаться оглушение *v* в глухой фрикативный согласный: достоверные примеры этого оглушения встречаются в памятниках лишь начиная с этого времени. Ср. *ф прокъ* (Гр. 1501 г.). Подробнее относительно истории губных фрикативных согласных см. ниже (§ 83—84).

§ 74. В результате утраты слабого редуцированного *ĭ*, развившегося некогда из *ь* перед *j*, появляются сочетания «согласный + *j*», которых раньше в языке не было. Ср., например, *пе́рья*, *коре́нья*, *свинья́*, *коло́сья* (фонетически *'pér'ja*, *korén'ja*, *svin'já*, *kołos'ja*) и т. д. Согласные в этих словах смягчались еще в ту эпоху, когда здесь был слабый редуцированный переднего ряда.

В большей части русских (великорусских) говоров, как северных, так и южных (равно как и в русском литературном языке), эти сочетания в таком виде сохраняются и до настоящего времени. Но в белорусском и украинском языках в случае переднеязычного согласного перед *j* происходит полная прогрессивная ассимиляция, т. е. *j* полностью уподобляется предшествующему согласному, в результате чего на месте указанных сочетаний согласных являются долгие переднеязычные согласные. Ср., например, белор. *карэ́ння*, *зелле*, *калосся*, *плацця* «платье», укр. *життя* «житье, жизнь», *суддя* «судья», *коріння* «коренья», *зілля* «зелье», *ніччу* «ночью» и т. д. В некоторых случаях наблюдается и упрощение долгого согласного, ср., например, укр. *свиня́* «свинья».

Все сказанное говорит о том, что фонетические нормы допустимости или недопустимости сочетания определенных согласных существенно изменились во всех восточнославянских наречиях ко времени падения редуцированных сравнительно с более древней эпохой: такие сочетания, начиная с определенного периода развития общеславянского языка вообще невозможные для языка, в части говоров, если и продолжают быть невозможными, подвергаются иным изменениям, чем в общеславянском языке и в ранний период обособленного развития восточнославянской группы.

§ 75. Согласные смычные (т. е. взрывные и аффрикаты), оказавшиеся в результате утраты слабого редуцированного непосредственно перед взрывным согласным, в некоторых случаях подвергаются ослаблению, теряют смык и изменяются во фри-

кативные. Так, например, *kto* (из *kъto*) изменяется в *xto*, *čto* (из *čьto*) в *što*, *konečno* (из *konьčьno*) в *konešno*, *tołočnoi̯* (из *tołočьnъ̆i̯*) в *tołošnoi̯* и т. д. Ср., *xto*, *што* (неоднократно) в духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича 1406 г. (ДДГ № 20). Формы *што*, *конешно* являются нормой литературного произношения и теперь (но ср. книжные слова *конечный*, *бесконечность*, где произносится *ч*).

§ 76. Ряд фонетических процессов в результате падения редуцированных осуществился специально на границе слова.

В начале слова в результате утраты слабого редуцированного в ряде случаев образуется сочетание «сонорный согласный + шумный» или «сонорный + сонорный», например, *ржаной* (фонетически *ržanói̯*) < *ръжаныи* (фонетически *rъžanъ̆i̯*), ср. др.-русск. *ръжь* «рожь», *льняной* (фонетически *l'n'anói̯*) < *льнаныи* (фонетически *l'ьn'anъ̆i̯*), ср. др.-русск. *льнъ* «лен». Начальный сонорный, за которым следует шумный или сонорный же, легко становится слоговым, из которого вычленяется новый редуцированный гласный, дающий затем обычный гласный полного образования: *r̥žanoi̯* > *ŗžanói̯* > *oržanoi̯*. Эта последняя форма наблюдается в ряде современных говоров — *оржано́й* (в окающих), *аржано́й*, *иржано́й* (в акающих).

Так же *l'n'anoi̯* > *l̥'n'anói̯* > *il'n'anói̯* (впрочем, иногда является и гласный заднего ряда — *ol'n'anói̯*, *al'n'anói̯*). В современных говорах известны такие формы, как *ильняно́й*, *ольняно́й*, *альняно́й*. Начальный гласный может являться в соответствующих говорах и в косвенных падежах существительного *лён*, например род. п. *ильну́*, *альну́*.

В современном русском литературном языке и в части говоров сочетания типа *rž*, *l'n* в начале слова сохраняются (ср. *ржано́й*, *льняной*, *льну*). Это объясняется, по-видимому, тем, что начальные сонорные не становятся слоговыми, а, напротив, несколько ослабляются и артикулируются слабее следующих за ними шумных или же сонорных более низкой звучности.

§ 77. Многообразные явления, наблюдающиеся в результате падения редуцированных на конце слова, представляют собой, по существу, проявление одной тенденции — тенденции к редукции, ослаблению артикуляции по направлению к концу слова, прежде всего перед паузой. Эта тенденция проявляется в ослаблении артикуляции согласных, оказавшихся на конце слова после утраты конечных редуцированных, и основана на том, что славянской речи и в древности, как и теперь, был свойствен так называемый *слабый отступ*, т. е. постепенный переход органов речи от работы к покою.

§ 78. Звонкие шумные согласные, оказавшиеся на конце слова, оглушаются в результате размыкания голосовых связок раньше прекращения вообще произносительной работы, что отражается на письме в путанице знаков для соответствующих

звонких и глухих согласных начиная с XIII в. Ср., например, *калантъ* наряду с *каландъ* (Новг. Кормчая 1282 г.) — род. п. мн. ч. от *калан(ъ)ды*, из лат. *calendae* «календы» (мн. ч.), т. е. первый день каждого месяца (отсюда совр. русск. *календа́рь*); *отиноуть* (Псалт. 1296 г.) (вместо *отиноудь* «со всех сторон») (отсюда современное *отнюдь*), *порупъ* (Лавр. лет., л. 51), ср. *порубъ* «темница» (там же, л. 56 об.).

Оглушение конечных звонких согласных охватывает не всю восточнославянскую область. Оно наблюдается в большей части русских (великорусских) говоров, в белорусском языке и в некоторых украинских говорах. В большей части украинских говоров (а также в украинском литературном языке) и в некоторых русских говорах конечные звонкие согласные сохраняются.

Ослабление *j*, также примыкающего к сонорным, на конце слова выражается обычно не в его оглушении, а в изменении в *i̯* неслоговое (язык, напряжение которого ослабляется, отходит от неба, вместо узкой щели, характерной для фрикативного согласного, открывается свободный проход для выдыхаемого воздуха, характерный для гласного, но последний не является слогообразующим). Ср. *tvoi̯*, *kraі̯*, но *tvojá* (жен. р.), *krajá* (мн. ч.). В современном русском языке, особенно в более напряженном произношении (например, при публичных выступлениях), иногда наблюдается более напряженное произношение и конечного *j*, в результате чего он не ослабляется в *i̯* неслоговое. Но в этом случае *j* подвергается оглушению, как шумные согласные, произносится глухой фрикативный среднеязычный согласный, например, *kraǰ*, *tvoǰ*. Такое произношение, хотя его приходится слышать и в Москве, не является литературным.

Губно-зубное фрикативное *v* в ряде говоров и в русском литературном языке оглушается, как шумные согласные, в соответствующий глухой согласный, т. е. в *f* (ср. *призы́ф*, *кроф'*). В ряде же говоров оно имеет иную судьбу, о чем ниже (см. § 83).

§ 79. Согласные, смягчившиеся перед *ь* как перед гласным переднего ряда, после утраты слабого *ь* на конце слова (в этом положении, как известно, редуцированные были всегда слабыми) оказываются на конце слова. Мягкость их частью сохраняется и в дальнейшем, вплоть до настоящего времени, хотя причина, вызвавшая эту мягкость, уже исчезла, но частично они в дальнейшем отвердевают. Так, например, в форме *дамь* (1 л. ед. ч. глагола нетематического спряжения) *т* (*м*) некогда под влиянием последующего *ь* смягчилось в *т'*, форма эта произносилась *дат'ъ*. После утраты конечного *ь* некоторое время мягкость согласного, ставшего конечным, сохранялась, но затем этот согласный отвердел, ср. современное *дам*, где *м* твердое.

Фонетически мы в данном случае, по-видимому, имеем дело с редукцией, т. е. ослаблением конечного согласного (так же, как при оглушении конечных звонких согласных): мягкие или

палатализованные согласные характеризуются большей напряженностью органов речи, участвующих в произнесении, сравнительно с твердыми.

Отвердение конечных согласных в какой-то мере охватило все восточнославянские наречия, но в разных говорах отразилось в различной степени, и нет ни одного говора, где рассматриваемый процесс привел бы к полному устранению мягких согласных в этом положении. В наибольшей степени отвердение охватило губные согласные, а среди них в особенности *т (м)*. В памятниках это отвердение отражается в написании на конце слова *мъ* вместо более раннего *мь*. Наблюдается оно главным образом с XIV в., впрочем, частью и несколько ранее. Ср., например, у второго писца Пандектов Никона Черногорца 1296 г.: *горломъ красномъ* — тв. п. ед. ч. (л. 130 об.), *вѣтромъ* гонимъ (там же), *с невѣрнымъ* (л. 176), *нѣ* свѧзанъ *прибыткомъ* пло/тскымь (л. 179 об.—180), въ *всемъ* в нем же хотѧть (л. 179 об.); с другой стороны: *даръ слезамь* наряду с *даръ слезамъ* (л. 123), къ *гле/мымь* (л. 176 об.). Для Лаврентьевской летописи написано *мъ* на месте старого *мь* на конце слова является уже нормой. Ср.: ѡ бывшемъ (л. 10 об.), с *моремъ* (л. 11), со *кнѧземъ* (л. 14), съ *маломъ* же дружины (л. 14 об.), со *кнѧземъ своимъ. Маломъ* (там же), съ *снмъ своимъ* съ *дѣтьскомъ стославомъ* (л. 15) и т. д. Лишь иногда сохраняется еще *мь*, например: ѡ *лѧдыѣмь* ѡгни (л. 10 об.). Широко представлено *мъ* на конце слова и в грамотах XIV в. Ср. даже в такой традиционной формуле, как: при своемь животѣ *цѣлымъ своимъ оумомъ*. пишу грамоту дшвную (Дух. гр. Семена Гордого 1353 г.) — ср. в несколько более ранней, но также XIV в. духовной грамоте Ивана Калиты: *цѣлымь св[о]имь оумомь*.

В современном русском литературном языке на месте старого *мъ* на конце слова широко представлено *м* твердое, но частью сохраняется и мягкое *м*. Ср. *столо́м* (тв. п. ед. ч.), *дам, ем* (1 л. ед. ч.) и т. д., но *семь*, *во́семь*, *темь* «темнота», *на́земь* (наречие), *зи́мь* и т. д. Мягкий согласный сохранился, по-видимому, лишь там, где имелась возможность поддержки его влиянием родственных форм. Так, в формах *семь* и *восемь*, с одной стороны, отразилось влияние косвенных падежей (ср. *семи́*, *восми́*, где *м* не на конце слова сохраняет мягкость), с другой стороны, влияние соседних числительных *пять*, *шесть*, *девять*, *десять*, где на конце также мягкий согласный, но не губной. В говорах (главным образом северных) соответствующие слова имеют на конце *м* твердое: *сем*, *во́сем*. Во многих говорах — в большинстве северновеликорусских, а также в некоторых южновеликорусских (частью в курских) — отвердело на конце слова не только *м*, но вообще губные согласные, в ре-

зультате чего наблюдаются *го́луп* «голубь», *кроф* или *кроў* «кровь» и т. д.

Относительно гипотезы о фонетическом отвердении *t* в 3-м лице настоящего времени глагола см. ниже, § 255.

§ 80. В определенных случаях происходит упрощение групп согласных, оказавшихся на конце слова в результате утраты слабого конечного редуцированного. Этот процесс также в разных говорах отразился в различной степени, но в какой-то мере имел место везде.

Повсеместно упрощаются сочетания «согласный + *ł*». Так, на месте древних форм *неслъ*, *везлъ*, *оумьрлъ* (действ. прич. прош. вр. муж. р. ед. ч.) и т. п. являются современные *нёс*, *вёз*, *у́мер* и т. п. (теперь это формы прошедшего времени глагола, но исторически они восходят к старым причастиям), в остальных формах, кроме единственного числа мужского рода, где *л* было не на конце слова, оно сохраняется. Ср. *несла́*, *везла́*, *умерла́; несло́*, *везло́*, *у́мерло; несли́*, *везли́*, *у́мерли* и т. п.; *ł*, оказавшееся на конце слова в результате утраты слабого ъ, большей частью было выше по звучности, чем предшествующий ему согласный. Оно должно было или стать слоговым, или, напротив, подвергнуться ослаблению, результатом чего и явилась его утрата. В случае *оумьрлъ ł* ниже по звучности, чем предшествующее *r*, но сочетание *rł* на конце слога вообще представляло собой трудно произносимую группу и подверглось упрощению. В тех случаях, когда *ł* было не на конце слова, причем именно перед гласным, оно отходило к следующему слогу и сохранялось.

Утрата конечных согласных более высокой звучности сравнительно с предшествовавшими им согласными в различной степени охватила разные говоры. Так, в современном русском литературном языке мягкое *л* после согласных на конце слова сохраняется, ср. *кора́бль*, *журáвль*, *Ярослáвль*, *во́пль* (лишь после глухого согласного, как в последнем примере, *л* может оглушаться, чего в иных условиях с конечными сонорными не происходит). В ряде говоров утрачивается и мягкое конечное *л'*, в результате чего являются такие формы, как *кора́п'* (или *кора́п*), *журáф'* или *журáф*, *Ярослáф'* или *Ярослáф* (в зависимости от того, твердый или мягкий губной произносится на конце слова).

Наблюдается и другой способ ликвидации конечной группы «шумный + сонорный согласный». Сонорный не утрачивается, а, напротив, становится слоговым, в результате же того, что слоговые согласные для русского языка не характерны, из сонорного согласного вычленяется (перед ним) новый редуцированный гласный, который затем становится обычным гласным полного образования. Так, из древнерусского *угль* развилось современное *у́голь*, из древнерусского *огнь* развилось современное *ого́нь*.

Широко развивается новый гласный между конечным *r* и предшествующим ему согласным. Ср. такие формы, как *добёр, бобёр*, а такая форма, как *хитёр*, свойственна даже литературному языку.

Древнерусские памятники эпохи после падения редуцированных отражают, с одной стороны, эту утрату сонорных (особенно *l*) после согласных на конце слова, с другой стороны, развитие в соответствующих сочетаниях новых гласных. Ср.: тъ недугы наша приѧтъ и болѣзнї *понесъ* (Милят. ев. 1215 г., л. 23 об.); развѣргъ кси (Триодь 1311 г., л. 21), *оувергъ* еси (Ипат. лет., л. 180), тако *рекъ* посельскои (Моск. гр. 1490 г.), но наряду с этим по традиции и в довольно поздних памятниках сохраняется *л: сѣклъ* тотъ лѣсъ изъ (Гр. 1518 г.) и др.

§ 81. Оказавшееся на конце слова в результате утраты конечного слабого редуцированного сочетание *st* также по говорам подвергается редукции, упрощается — теряется конечный взрывной согласный (вероятно, первоначально теряется конечный взрыв, остается лишь смык, а затем утрачивается и он). При этом по говорам шире представлено упрощение мягкого сочетания (т. е. перед старым ь), например, *во́лос'* «волость», *влас'* «власть», *ско́рос'* «скорость» и т. д.

§ 82. Все рассмотренные выше фонетические изменения приводят к значительному преобразованию не только звуковой, но и фонемной системы древнерусского языка в целом (во всех его говорах, хотя по отдельным говорам изменения могут носить и своеобразный характер).

Прежде всего иными становятся отношения твердых и мягких согласных. Некогда мягкость согласных (тех, которые могли быть в древности мягкими) носила позиционный характер, т. е. была вызвана определенным фонетическим положением. Определенным положением было обусловлено и смягчение так называемых согласных вторичного смягчения, развивавшихся в положении перед гласными переднего ряда. Согласные первичного смягчения частью утратили обязательную связь с тем положением, которое их первоначально вызвало, еще на общеславянской почве. Согласные вторичного смягчения, напротив, еще в эпоху древнейших дошедших до нас русских памятников представляли собой позиционно обусловленные разновидности твердых согласных и не являлись по отношению к последним самостоятельными фонемами. В результате же падения редуцированных мягкие согласные приобретают фонематическую самостоятельность по отношению к твердым, т. е. становятся особыми фонемами, отличными от твердых, поскольку многие слова и формы, ранее различавшиеся тем, что в составе одних из них был ъ, а других ь, теперь различаются тем, что в составе одних из них твердые согласные, а в составе других — соответствующие мягкие. Так, например, формы *данъ* (страд. прич.

прош. вр. ед. ч. муж. р.) и *дань* (им. и вин. п. ед. ч. существ. склонения с основой на *-ĭ*) ранее различались тем, что на конце первой из них был *ъ*, а второй *ь*, теперь же различаются твердостью и мягкостью согласного, ср. *danъ* ~ *danʹь* > *dan* ~ *danʹ*. Точно так же такие слова, как *кладъ* — *кладь* ранее различались наличием на конце слова *ъ* или *ь*, теперь — твердостью или мягкостью конечного согласного: *kładъ* ~ *kładʹь* > *kład* ~ *kładʹ*.

Наиболее ясно выступает противопоставление твердых и мягких согласных на конце слова. Но, установившись здесь, оно распространяется и на другие положения. Так, установление противопоставления типа *t* ~ *tʹ* (под *t* понимается любой согласный) перед исчезнувшим в слабом положении *ъ*, *ь* способствует установлению этого противопоставления и в положении перед *a* и гласным, развившимся из общеславянского носового *ę*. Первоначально противостояли друг другу как разные фонемы гласные *a* и *ä* (более переднее), согласные же перед тем и другим были несмягченные (с фонематической точки зрения). Конечно, в положении перед *ä* как перед гласным переднего ряда, смягчение согласного постепенно шло все дальше и дальше, но первоначально — как результат позиционного изменения. Появление в других условиях противопоставления твердых и мягких согласных как различных фонем способствует тому, что и в этих условиях начинают взаимно противопоставляться как разные фонемы твердые и мягкие согласные, а различия *a* и *ä* теперь, напротив, выступают как различия чисто фонетического характера (несколько более переднее *ä* выступает и в настоящее время в положении после мягкого согласного).

Относительно развития противопоставления твердых и мягких согласных в положении перед *o* см. ниже.

Противопоставление твердых и мягких согласных, особенно отчетливо выступающее на конце слова, именно в этих условиях, после того, как была устранена причина, вызвавшая смягчение, т. е. после того, как был утрачен *ь* на конце слова, частью было в дальнейшем ликвидировано в результате отвердения конечных согласных (см. выше). Однако, поскольку полностью конечные мягкие согласные не были утрачены, пожалуй, ни одним из наших говоров, различие твердых и мягких согласных как разных фонем сохраняется и до настоящего времени, притом не только в русском литературном языке, но и в русских говорах, а также в белорусском и украинском языках. У нас, в русском языке, большинство согласных фонем образует пары, различающиеся лишь твердостью и мягкостью. Лишь немногие согласные не входят в такие пары, принадлежа или к постоянно мягким или к постоянно твердым. К таким согласным относятся *j* (постоянно мягкий), а также шипящие согласные и аффриката *c* (*ц*) — в древности постоянно мягкие,

в дальнейшем же по-разному в различных говорах подвергающиеся отвердению (о чем ниже), но с точки зрения фонематической каждый из них в любом говоре и в любой период времени является или только твердым, или только мягким.

Развитие противопоставления согласных фонем по твердости и мягкости свидетельствует об увеличении в языке количества согласных фонем. Напротив, гласные фонемы с падением редуцированных количеством уменьшаются, поскольку совершенно выпадают из языка редуцированные ъ и ь, являвшиеся в древности особыми фонемами: они или совсем теряются (в слабом положении), частью же сливаются со старыми *о* и *е* (в сильном положении) или с *і* и *у* (в случае сильных редуцированных *ĭ* и *ў*, представляющих собой, как известно, результат позиционного изменения ъ и ь и, следовательно, образующих соответственно одну с ними фонему — *ĭ* с ь, *ў* с ъ).

§ 83. Своеобразно, притом как внутри слова, так и на границе его (и начальной и конечной), развиваются по говорам губные фрикативные согласные.

В древнейшую эпоху древнерусскому языку, как и другим древним славянским языкам, был свойствен лишь один губной фрикативный согласный, именно звонкое *v*. Это *v*, возможно, как уже было сказано выше, носило билабиальный характер (т. е. звучало как *w*), но окончательно это не доказано. В результате падения редуцированных это *v* оказывалось в таких условиях, где раньше не могло быть, а именно перед согласными и на конце слова. В части памятников начиная со второй половины XII в. в соответствующих условиях отражается колебание в написании *у* (*оу*) и *в*. Ср., например, *доулѣкть* (Добр. ев. 1164 г.), *оузѧти*, *оулѣсти оу* корабль (Галицк. ев. 1266 г.), *8здоумалъ*, *оустокъ* морѧ, *оузѧти* (Смол. гр. 1229 г.), *оуторникъ* (Новг. Кормчая 1282 г., л. 522 об.). Эти колебания в написаниях между *оу*, *8*/*в* наблюдаются в памятниках юго-западных, новгородских, псковских, двинских (с Северной Двины), иными словами, на территории юго-запада, запада и севера восточнославянской области. Не отражается оно в памятниках центра (ростово-суздальских, московских), только в Лаврентьевской летописи отмечено *оунуки* «внуки».

Распространение этого явления по памятникам в большей части соответствует по территории современному распространению *ŭ* неслогового из *v* в положении перед согласным внутри слова и на конце слова и *и* слогового в начале слова перед согласным в говорах. В ряде говоров, как известно из курса диалектологии, произносят *лáўка*, *прáўда*, *кроў* «кровь», *дроў* «дров», *уперёд* «вперед», *унўк* «внук» и т. д. Такое произношение в восточнославянской области свойственно украинскому и белорусскому языку в целом (там оно является и нормой

литературного языка, причем в белорусской графике существует особый знак для неслогового *у* — *ў*, в украинской же он обозначается обычным *в*), большей части южновеликорусского наречия и некоторым северновеликорусским говорам (части вологодских говоров), но вообще для севера это явление не характерно. По-видимому, некогда явление было распространено шире; так, в современных поморских говорах его нет, между тем двинские грамоты XV в. знают смешение *оу* (*у*)/*в*. Ср., например, *оуласеи* «Власий» (Закл. гр. 1449 г.).

Некоторые лингвисты предполагают, что наблюдающееся в современных говорах неслоговое *ў* представляет собой результат того, что в древности в части восточнославянских наречий *v* носило билабиальный характер (т. е. произносилось по существу *w*, см. выше); *у* неслоговое и билабиальное *w*, хотя значительно отличаются друг от друга в артикуляционном отношении, акустически и на слух очень близки друг другу (даже опытный наблюдатель не всегда отчетливо различает их.) Но существенно отметить, что случаи смешения *у*/*в* отражаются в памятниках именно после падения редуцированных. Они скорее всего отражают фонетическое явление, также представляющее собой результат этого падения. Заметим, что смешение наблюдается именно перед согласными и на конце слова, т. е. в таком положении, где *v* до падения редуцированных быть не могло. Изменение *v* в *у* неслоговое в соответствующих условиях представляет собой, по-видимому, как и многие другие явления в области согласных, уже рассмотренные выше, результат редукции, ослабления артикуляции (как на конце, так и в группах согласных). При произношении *v* сближаются, как известно, верхние зубы и нижняя губа. При ослаблении артикуляции губа может отойти от зубов, с чем связано и некоторое округление губ. Согласный сменяется лабиализованным гласным типа *и* (*у*), но не занимающим слога.

§ 84. Северновеликорусские говоры в большинстве своем сохранили *v* губно-зубное. Впоследствии оно имело судьбу, общую с шумными согласными, а именно: сохранялось в положении перед гласными и звонкими согласными, в положении же перед глухими согласными и на конце слова оглушалось в *f*. Такую судьбу имеет *v* также в большей части переходных говоров и в некоторой части южновеликорусских (более северной), что говорит о неисконно южновеликорусском характере этого явления. В памятниках оглушение *v* отражается значительно позднее оглушения других согласных. Древнейший пример, как уже говорилось, написание *фпрокъ* вместо *въ прокъ* в грамоте 1501 г. Возможно, это свидетельствует о более позднем оглушении *v* и в живом языке, но, может быть, объясняется просто непривычностью написания *ф* в незаимствованных словах. Кое в чем *v* и в настоящее время у нас

отличается от шумных согласных и сближается с сонорными. Хотя само оно подвергается оглушению наравне с шумными согласными, но глухие согласные перед ним ведут себя так же, как перед сонорным, — не озвончаются. Ср. *свой*, *свет*.

В результате указанных изменений *v*, обусловленных его положением, в части русских говоров устанавливается звук, ранее чуждый нашему языку, как и вообще славянским языкам, и в словах незаимствованных. В силу того, что *f* установилось хотя бы в каких-то фонетических положениях, оно делается возможным и в других положениях. Прежде всего оно утверждается в заимствованных словах (ср. современные литературные *фа́ртук*, *фло́ра*, *форпо́ст* и т. д.), а затем и в своих по корню словах в независимом фонетически положении: поскольку уже с древнейшего времени наблюдаются различные по говорам замены *f* в иноязычных словах и частью эти замены сохранились и теперь (в тех говорах, которые и до сих пор не имеют *f* даже в определенных фонетических условиях), постольку в говорах, освоивших *f*, оно начинает порой замещать те звуки и звукосочетания, которые раньше замещали *f*: оно начинает употребляться на месте этимологических *x*, *хв*, например *фу́тор* «хутор», *в рука́ф* «в руках», *фа́стать* «хвастать», *фо́я* «хвоя». Подобные замены отражаются и в позднейших памятниках, ср., например, *тифинъ* «Тихвин» (название города) в грамотах XVII в. Некоторые слова с неэтимологическим *f* проникли и в современный русский литературный язык, по-видимому, из таких говоров, где *f* могло являться вместо других звуков и звукосочетаний. Таково, например, слово *фи́лин* (название птицы).

Распространение *f* как в заимствованных, так и в незаимствованных словах наблюдается обычно там, где нет изменения *г* > *ɣ*, т. е. в большей части северновеликорусских говоров, а также в переходных.

§ 85. Падением же редуцированных вызваны и некоторые изменения твердого *ł*, наблюдающиеся по говорам.

Оказавшись в результате падения редуцированных в положении перед согласными или на конце слова, твердое *ł* подвергается в части говоров изменению в неслоговое *ŭ*. Ср., например, *па́ўка* «палка», *стоў* «стол» и т. д. Это явление начинает отражаться в юго-западных и западных памятниках (т. е. в памятниках той территории, где складывались украинский и белорусский языки) в XVI в. Отражается оно посредством смешения в тождественной позиции букв *л* и *оу* (*у*), *в*. В качестве примера можно указать *переписавъ* (Слуцк. св. XVI в.) вместо *переписалъ*, *за довгъ* вместо *за дългъ* (Румянц. св. XVI—XVII вв.).

Это явление, характерное для украинского и белорусского языков, наблюдается также в части северновеликорусского

наречия: в западной части олонецких говоров и в значительной части говоров восточной группы.

Изменение *ł* > *u̯* с артикуляционной точки зрения вполне понятно. Твердое *ł* характеризуется, как известно, помимо переднеязычной артикуляции также высоким подъемом задней части спинки языка и некоторой лабиализацией (вследствие подъема задней части спинки языка этот звук и называется также велярно-зубным). Вследствие ослабления артикуляции в новом закрытом слоге (т. е. перед согласным и на конце слова) кончик языка перестает касаться верхней десны (или зубов), преграда, характеризующая согласный, теряется, высокий же подъем задней части языка (как при гласных заднего ряда верхнего подъема) и лабиализация остаются — получается гласный типа *u*, но не занимающий слога.

Время образования *u̯* < *ł* в северновеликорусских говорах точно не установлено. С точки зрения условий, в которых это изменение наблюдается, украинский и белорусский языки, с одной стороны, и северновеликорусские говоры, с другой, различаются. В большей части последних, вообще знающих это изменение, оно отражается в любом закрытом слоге, в белорусском же и украинском языках — лишь в сочетаниях, восходящих к старым *tъlt* (ср. белор. *воўк*, укр. *вовк* < др.-русск. *вълкъ*), и на конце форм единственного числа мужского рода прошедшего времени глагола, старого действительного причастия (ср. белор. *ішоў*, укр. *ішов* < др.-русск. *шьлъ* «шёл»), в остальных же случаях по аналогии к родственным формам восстановлено *ł*.

§ 86. Последствия падения редуцированных в области гласных ярко отражаются в наречиях юго-запада в заменительном удлинении гласных *е*, *о* перед слогом со слабым редуцированным (т. е. в новых закрытых слогах), в результате чего, например, *коп'ъ* > *кōп'*, *рĕсь* > *рēс*. Это удлинение зафиксировано в галицко-волынских памятниках посредством написания в соответствующих условиях, начиная со второй половины XII в., *ѣ* вместо *е* и (по-видимому, несколько позднее и реже) *оо* вместо *о*, например: *камѣнь*, *оучитѣль* (Добр. ев. 1164 г.), *воовьца* «овца» (Галицк. ев. 1266 г.). Поскольку отношения гласных по длительности были нарушены еще на праславянской почве, написание *ѣ* вместо *е*, возможно, объясняется не тем (или не только тем), что *ē* было звуком более долгим, чем *е*, но и качественным различием удлинившегося и оставшегося кратким *е*. Долгие гласные легко подвергаются дифтонгизации, что имело место и в юго-западной части восточнославянских наречий, на основе которых в дальнейшем сформировался украинский язык. Эти дифтонги в различных формах (часто с колебаниями в одном и том же слове в одном и том же говоре) сохранились в современных северноукраинских говорах, в большей же части

украинского языка дифтонги стянулись в гласный *і*, ср. совр. укр. *кінь* «конь», *піч* «печь» (*і* на месте старого удлинившегося *о* объясняется возможным смещением этого дифтонга в передний ряд, ср. совр. северноукр. *кйдп'*, *киеп'*, *кйєп'* «конь», подробнее см. в курсе диалектологии).

Фонетически не подвергалось удлинению в указанных условиях *е*, *о* в качестве второго элемента полногласных сочетаний, ср. укр. *вóрон*. Исключение составляют полногласные формы под новым акутом (ср. укр. *голівка* «головка», *борідка* «бородка»), и то не всегда (ср. *король*), а также некоторые случаи, объясняемые аналогией.

§ 87. В том случае, когда в результате падения редуцированных гласный *і* оказался непосредственно после твердого согласного, этот гласный в говорах, легших в основу современного русского (т. е. великорусского) и белорусского языков, приобретает более заднее образование и изменяется в *у* (*ы*). Это изменение отражается в памятниках начиная с первой половины XIII в. в написаниях в соответствующих случаях *ы* вместо *и*. Ср., например, в *ыною* землю (Смол. гр. около 1230 г.), *из ыноѥ* земль (Смол. гр. 1229 г.). — *земль* вместо *землѣ* (в этой грамоте смешиваются *ь*, *е* и *ѣ*, см. выше), *с ыстею* (Дух. гр. Дм. Донск. 1389 г.) — твор. п. ед. ч. от *Истья* (название волости), *с ывано*^{м} (Гр. Ивана III 1461—1462 гг. в сп. конца XV в.). Раньше сохранялось *і*, но согласный перед ним подвергался все дальше идущему смягчению. Поэтому внутри слова у нас сохраняются обычно сочетания «мягкий согласный + *і*». А вновь образовавшиеся сочетания «твердый согласный + *і*» подвергаются уже изменениям в ином направлении: согласный сохраняет свое качество, а последующий гласный подвергается изменению.

Из рассматриваемого изменения вытекает важное следствие для фонемных отношений. Неразрывная связь гласных *і* и *у* (*ы*) с качеством предшествующего согласного (*і* лишь после мягких, *у* лишь после твердых), возможность в начале слова лишь *і*, но не *у*, неизбежное (обязательное) изменение $і > у$ в том случае, если *і* оказался после твердого согласного, свидетельствует о том, что *у*, будучи обусловлено позицией, фонетическим положением, уже не является самостоятельной, отличной от *і* фонемой. Оба эти гласные образуют одну фонему, различия их определяются качеством предшествующего согласного, между тем как твердость и мягкость согласного не обусловлена качеством соседнего гласного. Ср., например, различение твердых и мягких согласных на конце слова после одного и того же гласного: *пыл* — *пыл'* и т. д.

В говорах, легших в основу украинского языка, развитие шло иначе: гласные *і* и *у* (*ы*) совпадали в одном гласном, в артикуляционном и акустическом отношении промежуточном между *і* и *у*, ближе к *у* (*ы*). Это совпадение отражается в на-

мятниках начиная с XIII в., но частыми случаи его становятся лишь начиная с XV в. Ср., например, *стидѧхоу сѧ*, *сыръ* «сир» (Галицк. ев. 1283 г., запись).

Вместе с тем в юго-западных наших памятниках, т. е. в памятниках говоров, вошедших затем в украинский язык, начиная с XIV в. отражается изменение *ѣ* в *і* (см. подробнее ниже, § 96). Имеются и ранние случаи смешения *ѣ* и *и*, как бы отражающие изменение *ѣ* > *і*, но они недостоверны. На месте *ѣ* представлено *і* в большей части украинских говоров и в настоящее время, причем согласные перед этим *і* мягки. Согласные же перед *ы* < *і*, *ы*, напротив, тверды. Также тверды они и перед *е*. Возможно, что именно в результате отвердения согласных перед гласными переднего ряда в говорах, легших затем в основу украинского языка, и имело место изменение старого *і* в *ы* (т. е. в гласный более заднего образования); *ѣ* изменилось в этих говорах в *і*, вероятно, тогда, когда звуковая норма, согласно которой согласные перед *і* отвердевали, уже не действовала.

§ 88. В эпоху, близкую к падению редуцированных, в сочетаниях задненебных согласных с *ы* (*ы*) оба компонента (и согласный и гласный) развили в древнерусском языке более переднюю артикуляцию, в результате чего *кы*, *гы*, *хы* > *к'і*, *г'і*, *х'і* (задненебные согласные, палатализуясь, передвинулись в средненебную зону без изменения основной артикуляции). Это изменение отражается в южных памятниках, начиная с XII, в северных — начиная с XIII в. Ср. *киихъ* (Юр. ев. ок. 1120 г.), *пτіцѧмъ небесьскїмъ* (Галицк. ев. 1144 г., л. 77), *кнѧгини*, *лихии* (Смол. гр. 1229 г.), *нѣкимъ* (Новг. Кормчая, 1282 г., л. 564), *праздьники* (там же, л. 565).

§ 89. Приведенные выше явления, имевшие место после и в результате падения редуцированных, говорят о том, какое огромное значение имело это падение для всей системы русского языка и других восточнославянских языков. Постепенно перестроена была вся звуковая система языка, причем изменились как отношения различных конкретных звуков, так и фонематические отношения. Именно в результате падения редуцированных установилось такое важное для нашей системы противопоставление, как противопоставление твердых и соответствующих мягких согласных в качестве различных фонем. Установление этого противопоставления свидетельствует об увеличении числа согласных фонем сравнительно с тем, что было до падения редуцированных. Вместе с тем число гласных фонем с падением редуцированных убывает: уходят из языка *ъ* и *ь*, в одну фонему объединяются различные ранее *і* и *ы* (*ы*).

Но последствия падения редуцированных не ограничиваются только фонетикой: они захватывают также и область морфологии. Именно к последствиям падения редуцированных отно-

сится появление в языке особого типа чередования, называемого беглыми гласными, состоящего в том, что одна и та же морфема (корневая или суффиксальная) в одних формах слов или образованиях от одного и того же корня содержит гласный, а в других не содержит, причем это отсутствие гласного фонетически не обусловлено, т. е. гласная фонема находится в чередовании с нулем звука. Ср., например, *сон*, род. п. *сн-а*; *день*, род. п. *дн-я*; *кусо́к*, род. п. *кус-к-а́*; *кон-е́ц*, род. п. *кон-ц-а́*; *сон*, *сн-о-виде́ние* и т. д. Эти отношения являются следствием различного развития редуцированных в сильном и слабом положении: во всех приведенных примерах некогда были редуцированные гласные ъ и ь. В сильном положении они развились в гласные *о* и *е*, в слабом же положении исчезли, т. е. дали нуль звука. С точки зрения языка эпохи после падения редуцированных наличие в одних формах гласного, а в других его отсутствие фонетически не оправдано, поскольку в совершенно аналогичных случаях может являться и не являться беглый гласный. Ср. *сон — сна* и *стол — стола́*, *плато́к — платка́* и *хо-до́к — ходока́*.

В качестве беглых гласных выступают *о*, *е*, так как именно эти гласные развились из старых ъ, ь в определенных положениях. Поскольку отношения *о* — нуль, *е* — нуль после падения редуцированных фонетически перестают быть обусловлены, они устанавливаются в результате действия аналогии и в таких морфемах, где в древности были *о*, *е*, а не ъ, ь. Ср., например, современное *ров—рв-а*, *лёд—льд-а* (фонетически *л'от—л'да*). В корне того и другого слова в древности были *о*, *е*. Ср. въ *ровѣ* прѣисподьнимь (Св. изб. 1076 г., л. 132); по *ледѣ* «по льду» (надп. на Тмутараканском камне 1068 г.).

§ 90. Некоторые изменения в области гласных, рассматриваемые ниже, не представляют собой вполне бесспорно последствий падения редуцированных, но, по мнению некоторых лингвистов, также осуществились в результате падения, некоторые же, в полном объеме не будучи связаны с падением редуцированных, в каких-то частях также подготовлены и даже, возможно, вызваны падением. К таким явлениям относятся изменение *е* в *о* перед твердым согласным, изменение *а* в *е* между мягкими согласными и различные изменения *ě*.

Изменение *е* в *о*

§ 91. Это явление состояло в том, что в определенную эпоху гласный *е* изменился в *о*, причем предшествующий ему согласный, который был к тому времени мягким, сохранил свою мягкость (если вообще не подвергся позднейшему отвердению, как это имело место в отношении части шипящих, см. ниже, § 115), например: *v'eľъ* > *v'oł* (*вёл*), *žéstъkyĭ* > *žóstkoį* (жёсткий). Такому

изменению подверглось не только старое *е*, но и *е*, развившееся из *ь* в сильном положении. Ср. *l'ьnъ* > *l'on* (лён), *žьltъjь* > *žółtoi* (жёлтый).

Фонетически это изменение осуществилось, по-видимому, лишь перед твердыми согласными, независимо от положения по отношению к ударению. Современный русский литературный язык, а также акающие говоры отражают результат этого изменения лишь под ударением, ср. *нёс* (фонетически *n'ós*) — *несла́*. Но это объясняется тем, что при акающем произношении безударное *о* невозможно, в основной же массе северновеликорусских (окающих) говоров *о* из старого *е* и в безударном положении, ср. *n'osú* «несу», *v'odú* «веду» и т. д. Перед мягким согласным в подавляющем большинстве говоров (как и в литературном языке) сохранилось *е*, ср. *ёлка* (*jółka*), но *ель* (*jél'*). Исключение составляют лишь отдельные случаи нефонетического происхождения.

-О < *-е* наблюдается также на конце слова, в литературном языке и акающих говорах лишь под ударением, в окающих — и в безударном положении, ср. *жильё* (*žyl'jó*), *лицо́* (*l'icó*), др.-русск. *лице*, северновеликорусск. *по́лё* (*pól'o*), *морё* (*mór'o*). Но конечный гласный большей частью представлен в составе какого-либо грамматического форматива, в данном случае — в окончании единственного числа среднего рода, где возможны аналогические воздействия (со стороны твердой разновидности склонения типа *село́*, *о́зеро*).

Рассматриваемое изменение в более широком объеме отражается в русском и белорусском языках сравнительно с украинским. В последнем фонетически изменение осуществилось лишь после шипящих согласных и *j* (ср. укр. *чобіт* «сапог, чобот», *мойого*, фонетически *mojóho* «моего»), в русском же и белорусском — также и после согласных вторичного смягчения (примеры см. выше). Ср. русск. *зелёный* (*z'e'l'ónəi*), белор. *зялёны* (*z'al'óny*), укр. *зелений* (*zełényi*). На основании этого некоторые лингвисты (А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново) предполагали два этапа изменения *е* > *о*: 1) после шипящих и *j*; 2) после вторично смягченных. Но для такого разграничения во времени нет достаточных оснований.

Памятники отражают изменение *е* > *о* преимущественно в положении после шипящих и *ц* начиная с конца XII, а особенно с XIII в., например: *съкажомъ*, *моужомъ*, *блажонъ* (Слово Ипполита об Антихристе), *имоущомоу* (Христинопольский апостол XII в.), *оумьршомоу* (Рост. житие Нифонта 1219 г.), *съставъшомоу* (Рост. апостол 1220 г.), *пришолъ* (Сильвестр. сб. XIV в.), *коупьцовъ*, *коупьчозъ* (Новг. гр. догов. с немцами 1392 г.), *кнѫжоостровьчовъ* (Двинск. гр. XV в.), *собрашо* (Моск. ев. 1339 г.), ни о комъ *жо* (Переясл. ев. 1354 г.); реже не после шипящих: *дньотъ* (Новг. Милят. ев. 1270 г.) «день тот»,

фонетически, вероятно, *dn'-ot* < *dьnь-tъ*; *ꙗромъ* «ярем, ярмо» (Новг. пролог 1356 г.), по *сомоу* доконцанию (Новг. гр. 1392 г.), *роубловъ* (Двинск. гр. XV в.). Эта редкость объясняется особенностями нашей древней графики: *о* после согласной требовало твердого произношения последней. Ранние случаи *о* вместо *е* (например, *чоловѣка* в Святославовом изборнике 1073 г.) единичны и, по-видимому, являются описками.

Ввиду того, что вторично смягченные согласные перед *е*, изменившимся в *о*, сохранили свою мягкость и до настоящего времени, это изменение должно было осуществиться в сравнительно позднее время, близкое к тому, с которого оно начинает отражаться в памятниках: смягчение всех согласных перед *е* относится к более позднему времени, чем перед другими гласными; при раннем изменении *е* > *о* (перед развитием полногласных сочетаний из сочетаний *tełt*) предшествующий согласный сохранял твердость, ср. *молоко* < **mełko* (подробнее см. выше).

С фонетической точки зрения изменение *е* > *о* объясняется лабиализующим воздействием твердых согласных (которые сами, по-видимому, в большинстве случаев были слегка лабиализованными) на предшествующий гласный, который в связи с этим лабиализовался и передвигался в задний ряд. В. Н. Сидоров выдвинул гипотезу, согласно которой и это изменение представляет собой последствие падения редуцированных: воздействие согласного на предшествующий гласный легче могло осуществиться в пределах одного слога, что могло иметь место лишь в закрытых слогах, образовавшихся в результате падения редуцированных; с этих слогов и начинается процесс, распространяясь затем и на открытые слоги.

Изменение *е* > *о* в указанных условиях характерно для большей части русского языка. Лишь в некоторых говорах (на территории Кировской, Рязанской, Тульской областей) наблюдается *е* в соответствии с *о* большинства говоров и притом (по крайней мере в некоторых из них) даже после шипящих, ср. не только *з'ёрны* «зёрна», но и *д'ешёвай* «дешевый» в одном из рязанских говоров[9]. Представляют ли эти говоры сохранение древних отношений, или они пережили обратный процесс делабиализации *о*, пока окончательно не решено.

§ 92. Закономерность, согласно которой некогда всякое попавшее в положение перед твердым согласным *е* должно было измениться в *о*, в какую-то эпоху перестала характеризовать нашу звуковую систему, и в современном языке сколько угодно случаев *е* перед твердым согласным. О времени прекращения действия этого фонетического закона нам позволяет судить

[9] См. Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии рязанской мещеры, I. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I. М.—Л., 1949.

соотнесение его действия во времени с некоторыми другими фонетическими фактами. Поскольку *о* в современном языке мы находим и перед твердыми шипящими (ср. *лёжа*, *молодёжь*, *идёшь*, фонетически *л'о́жа*, *мъллд'о́ш*, *ид'о́ш*), по-видимому, в эпоху отвердения шипящих (т. е. в XIV в., см. ниже, § 115), закономерность изменения *е* > *о* перед твердыми согласными в русском языке еще действовала (раньше она прекратила свое действие, по-видимому, в белорусском языке, где перед твердым шипящим *е*, ср. белор. *адзе́жа*, русск. *одёжа*), тогда как на основании сохранения *е* перед *с* (*ц*), отвердевшим позднее — ср. *от'е́ц*, *кон'е́ц* и т. п. (в части говоров примерно со второй половины XV в., см. ниже, § 115), видно, что в эту эпоху она уже не действовала и в русском языке.

В современном русском языке *е* перед твердым согласным (в литературном языке лишь под ударением) наблюдается в следующих случаях:

1) на месте старого *ѣ*, ср. *ле́с*, *хле́б*, *се́но* и т. п. < др.-русск. *лѣсъ*, *хлѣбъ*, *сѣно* (*ѣ* > *е* в тех говорах, где это имеет место, изменилось сравнительно недавно);

2) перед твердыми согласными, отвердевшими сравнительно недавно, например *коне́ц*, *пе́рвый*, *ве́рх* (некоторые и сейчас здесь произносят *r'*, но ср. *чёрный*, *зёрна* — в говорах может быть иначе);

3) в словах церковнославянского происхождения в связи с издавна укоренившейся и поддержанной нормализаторами XVIII в. для «высокого стиля» нормой церковного чтения «как написано» (а после изменения *е* > *о* буква *е* служила также для обозначения *о* после мягких согласных), ср. *не́бо* (но *нёбо* — во рту), *крест* (но *перекрёсток*), *житие́*, *бытие́* (но *житьё-бытьё*), *е* в соответствии с обычным русским *о* мы находим часто в стихотворной речи XVIII—XIX в., ср. у Пушкина:

На холмах пушки, присмирев,
Прервали свой голодный *рев*.

(«Полтава»)

(подробнее об отношениях *е*—*о* в литературном языке начиная с XVIII в. см. в курсе истории русского литературного языка);

4) в иноязычных заимствованиях, главным образом из западноевропейских языков и через посредство последних, например *брезе́нт*, *моме́нт*, *субъе́кт*, *портре́т* и т. п.

В ряде случаев как в литературном языке, так и в говорах наблюдаются отступления от ожидаемого результата: с одной стороны, *о* перед мягким согласным, с другой, напротив, сохранение старого *е* перед твердым согласным — в результате аналогического воздействия родственных форм. Ср. *к берёзе*, *на берёзе*, *на клёне* (под влиянием *берёза*, *клён*);

идёте (2 л. мн. ч. — под влиянием *идём*); с другой стороны, по говорам *ид'ём* (под влиянием давшего фонетический результат *ид'ёт'е*); им.-вин. п. мн. ч. *мётлы*, *вётлы* (под влиянием таких форм, как род. п. мн. ч. *мёт'ел*, *в'ёт'ел*, где *t'* мягкое, — в литературном языке, напротив, *мётел*, *вётел* под влиянием *мётлы*, *вётлы*). В указанном выше рязанском говоре, сохранившем *е* перед твердыми согласными, в падежных окончаниях является *о* после мягкого согласного, возникшее аналогически, например: тв. п. ед. ч. *мидвяд'ём* «медведем» (под влиянием таких форм, как *сталём*). Подробнее о различных результатах аналогических обобщений по говорам см. в курсе диалектологии.

§ 93. В результате изменения *е* в *о* увеличивается количество случаев, в которых твердые и соответствующие мягкие согласные могут противопоставляться друг другу в тождественных фонетических условиях. Ср., например, такие случаи, как *нос — нёс* (фонетически *н'ос*), где различие этих двух форм с фонетической точки зрения обусловлено лишь наличием в начале слова в одной форме твердого, а в другой мягкого согласного. Самое противопоставление твердых и мягких согласных как разных фонем устанавливается, как мы уже видели, в результате падения редуцированных, но с изменением *е* > *о* возможность такого противопоставления в языке увеличивается.

Что же касается отношений самих гласных *е* и *о*, то, если исключить случаи аналогической замены *е* через *о* или, напротив, *о* через *е*, в таком говоре, где старое *ě* (*ѣ*) не изменилось в *е* (а такими являются большинство северновеликорусских и многие южновеликорусские), *е* и *о* после изменения в одних и тех же условиях не выступают. Обозначая посредством *t* любой твердый согласный и посредством *t'* любой мягкий, посмотрим, в каких условиях в таком случае может быть *е* и в каких — *о* (отсутствие знака согласного справа обозначает *е* или *о* на конце слова, положение *е*, *о* в начале слова не рассматриваем, так как перед начальным *е* почти всегда, перед начальным *о* в значительной части случаев развиваются различные протетические согласные, см. выше, § 27). Оказывается, возможны следующие сочетания:

t'et', *t'e*

tot, *tot'*, *t'ot*, *to*.

Таким образом, противопоставление *t — t'* в одних и тех же условиях возможно (ср. *tot — t'ot*, *tot — tot'*), противопоставление же *е* и *о* невозможно, так как возможно лишь *t'et'*, но не *t'et*, лишь *t'e*, но не *t'o*.

Это говорит как будто о том, что в результате изменения *е* > *о* гласные *е* и *о* в языке не противостоят друг другу как разные фонемы. Но так как такие отношения, как уже говорилось, возможны лишь в том случае, если исключаются любые

аналогические замены *е* через *о* или *о* через *е*, между тем, как мы не знаем говора, где бы такие замены были абсолютно невозможны, то в действительности и в любом говоре, где *ё* не изменилось в *е*, *е* и *о* как разные фонемы различаются: в результате действия аналогии возможны, например, такие сочетания, как *t'ot'* (ср. *тётя* по аналогии к *тётка*, *зелёненький* по аналогии к *зелёный* и т. д.), следовательно, возможно противопоставление *е* — *о* в таких сочетаниях, как *t'et'* — *t'ot'*.

§ 94. Изменение *е* в *о*, имевшее место в истории русского языка, отразилось определенным образом и на современной нашей графике и орфографии.

Для церковнославянского кирилловского алфавита, который использовался на Руси до начала XVIII в. (см. выше, § 2), особый знак для обозначения *о* после мягкого согласного первоначально был не нужен. После изменения *е* > *о* перед твердыми согласными знак **є** стал использоваться и для обозначения *о* после мягких согласных. С установлением гражданской азбуки русское *е* получило четыре звуковых значения (*е*, *о* после мягких согласных и сочетания *je* и *jo*). Первоначально его использовали и для начального *э* — в иноязычных словах.

В XVIII в. у различных авторов представлены, не всегда последовательно проведенные, попытки передачи *jo*, *о* после мягких согласных посредством сочетаний *j̑o*, *i̯o*, *ii̯o*. Эти способы не были узаконены М. В. Ломоносовым в его «Российской грамматике», хотя сам он, особенно в ранних произведениях, некоторыми из них пользовался.

Н. М. Карамзиным был предложен в указанном значении знак *ё*, который используется и теперь, но главным образом лишь тогда, когда иначе может возникнуть двусмысленность (например, чтобы отличать ед. ч. ср. р. местоимения *всё* от мн. ч. *все*), а кроме того лишь в начальных учебниках и словарях.

Для обозначения *о* после шипящих согласных и *ц* в современной орфографии используются как *е*, так и *о* (ср. *ключом*, но *чёрт*). Для такого разнобоя нет достаточных оснований.

Изменение *а* в *е*

§ 95. Возможно, что к последствиям падения редуцированных относится также изменение *а* в положении после мягких согласных в определенных условиях в *е*. По происхождению *а* после мягкого согласного большей частью развилось из более древнего *ä* (из общеславянского *ę*, см. выше, § 33), но также возможно и на месте старого *а* в положении после *j*, старых мягких согласных, развившихся из сочетаний согласных с *j*, и шипящих. Под влиянием предшествующего мягкого согласного *а* смещается в более переднее и вместе с тем более вы-

сокое образование, давая гласный типа *ä* (возможно, что такой гласный здесь был и издавна, хотя наша графика в ряде случаев не передает его). В определенных условиях это смещение идет еще дальше (вперед и вверх), достигая степени *е*. Такое изменение возможно в части говоров лишь в безударном положении (обычно именно в предударном), ср. современное широко распространенное и в северновеликорусских говорах *вз'ела́* «взяла» — жен. р., но *взял* (фонетически *вз'ал*). Подобное изменение возможно по говорам и под ударением, но только в том случае, если и после *а* также находится мягкий согласный (т. е. *а* между двумя мягкими). Если мы рассмотрим современные говоры, увидим, что смещение наблюдается всюду, но в различной степени. В южновеликорусских говорах и в литературном языке (а также и в части северновеликорусских говоров) мы находим *ä*, в большей же части северновеликорусских — *е*, например, литер. *п'ät'*, *в'зät'*, северное *п'ét'*, *в'зét'* (подробнее см. в курсе диалектологии).

Такое изменение также, возможно, представляет собой последствие падения редуцированных, или, во всяком случае, падение редуцированных подготовило для него почву. Смещение гласного *а* вперед и вверх в особенности легко и далеко осуществляется в закрытом слоге, когда на гласный воздействуют с двух сторон мягкие согласные, принадлежащие к тому же слогу, что гласный. Об этом говорят уже наблюдения над фактами современного литературного произношения (в закрытом слоге соответствующий гласный несколько более высокий и передний, чем в открытом). Закрытые же слоги устанавливаются, как известно, лишь в результате падения редуцированных. Впрочем, в дальнейшем, как это имело место, вероятно, и при изменении $е > о$ (см. выше, § 91), *е* на месте *а* между мягкими согласными в соответствующих говорах распространяется и на открытые слоги. Ср. северновеликорусские *пр'ён'ик* «пряник», *вз'él'и* «взяли», *ф шл'ép'и* «в шляпе» и т. д.

В памятниках изменение *а* в *е* в соответствующих условиях выражается в смешении букв ѧ (ꙗ) и *а с е* и ѥ (также ѣ, если в соответствующем памятнике смешиваются *е* и ѣ) в тождественных фонетических условиях (колебания возможны в одной и той же форме). Такое смешение наблюдается (правда, в небольшом объеме) в новгородских и псковских памятниках XIII—XIV вв., т. е. именно в тех памятниках, которые отражают говоры, легшие в основу северновеликорусских, например: *освѧщєкть*, «освящает» (Новг. Кормчая 1282 г., л. 462 об.), *въпикше* (Псковск. параклитик 1386 г.) вместо *въпиꙗше* (3 л. ед. ч. имперф. от глагола *въпиꙗти* «вопиять»), *обнищеша* (Псковск. типогр. псалт. XIV в.) вместо *обьнищаша* (3 л. мн. ч. аориста от глагола *обьнищати*), — шипящие согласные в древности, как известно, были мягкими.

Несколько более частыми становятся подобные примеры начиная с XVI в.

Встречаются случаи смешения *е* (*ѣ*) с *а* (*ѧ*, *ѩ*) в указанных условиях и в ранних памятниках, но они единичны, частью представляют собой, по-видимому, описки, частью же объясняются не фонетически.

История *ĕ*

§ 96. Древнерусское *ĕ*, образовывавшее особую фонему и произносившееся как закрытое *ê* или как дифтонг *i͡ê* (с закрытым *ê* во второй части), в дальнейшем в части восточнославянских наречий сохранилось как особый звук (и особая, отличная от других гласных фонема) типа *ê* или *i͡ê* (колебания между этими двумя звуками возможны в одном и том же говоре), в большей же части изменилось или в направлении к *е* (т. е. стало более открытым), или в направлении к *і* (т. е. стало более закрытым). Впрочем, сохранение *ĕ* в качестве особого звука наблюдается обычно лишь под ударением. В части говоров *ĕ* развивается по-разному в зависимости от звукового соседства. Об этих изменениях можем судить на основании смешения в памятниках *ѣ*, с одной стороны, с *е* (кроме указанных выше условий), с другой стороны, с *и*.

Этимологически правильно употребляют *ѣ* (за исключением случаев, характерных и для древнейших памятников) памятники Ростово-Суздальской земли (или предположительно писанные в ней), например Лаврентьевская летопись, а также древнейшие московские грамоты (относящиеся к XIV в.). В некоторых памятниках (частью предположительно той же территории) начиная с XIV в. наблюдается смешение *ѣ* и *е* в положении лишь перед мягкими согласными (например, в Переяславском евангелии 1354 г.).

Смешение *ѣ* и *е* (а также и *ь*, уже не имеющего звукового значения) в любых фонетических условиях представлено в Смоленской грамоте 1229 г., в части новгородских памятников XIII—XIV вв. — в древнейшей части Синодальной летописи, в некоторых новгородских грамотах, в некоторых двинских грамотах XV в. Ср.: по *вѣрьмьнемь* вместо *по вереньмъ* «по временам», *оутвѣрдѧть*, вместо *оутьрдѧть*, *всемь темь* вместо *вьсѣмъ тѣмъ*, *нальзлъ* вместо *налѣзлъ* (Смол. гр. 1229 г.); *сено*, *въ волхове*, *всѣволодъ* (Новг. Синод. лет.); что *сѧ* оучинило *сѧ тѧже* (Новг. гр. 1262—1263 гг.).

Смешение *ѣ* с *и* в любом положении представлено, с одной стороны, начиная с XIII в. на юге-западе, в галицко-волынских памятниках, с другой, начиная с XIV в. (и позднее) на севере — в части новгородских памятников, в некоторых псковских, двинских (XV в.). Ср. *пинѧзь* вместо *пѣнѧзь* (название монеты), *исконѣ* вместо *искони* (Галицк. ев. 1283 г.), *лисы*

вместо *лѣсы* (Галицийск. грамоты XIV—XV вв.); *тило* вместо *тѣло*, *колинома*, *к жени* (Новг. ев. 1355 г.), *нимъ* вместо *нѣмъ* (Надп. на Новг. берест. сосуде № 10, предположительно XV в.). В некоторых новгородских памятниках, а также в памятниках земель, заселенных из Новгорода, наблюдается смешение *ѣ* с *и* только перед мягкими согласными, ср. *хлебъ*, но ѡ *хлибе* в Вологодском евангелии XVI в.

В части двинских грамот XV в. *ѣ* смешивается с *и* на конце слова, ср.: на *лукини береги*, на *гори*, на томъ *сели* (№ 1), на маломъ *островки* (№ 10), на *голови* (№ 11), на другои *сторони* (№ 17, 18), на тои *землѣ* (№ 28).

Различные случаи сохранения *ѣ*, а также смешения его с *е* и с *и* по памятникам в значительной мере (хотя и не целиком) территориально соответствуют современным диалектным изоглоссам судьбы *ĕ*. В части русских говоров как северных, так и южных, а также в северноукраинских и южнобелорусских оно сохранилось в качестве особой фонемы, по крайней мере в ударном положении (в виде *ê* или *îê*), отличаясь от *е* и от *і* как перед твердыми, так и перед мягкими согласными, а также и на конце слова. В двух разобщенных друг от друга областях — в большей части говоров украинского языка и в большей части говоров западной группы северновеликорусского наречия — в соответствии со старым *ĕ* является в любом положении *і*, что согласуется с данными галицко-волынских и части новгородских памятников. Из предположительно киевских ранних памятников немногочисленные случаи *и* вместо *ѣ* представлены в Святославовом изборнике 1073 г., но они похожи на описки или обусловлены аналогией.

Смешение *ѣ* с *и* лишь в положении перед мягкими согласными соответствует характерному для основной массы северновеликорусских говоров (восточной группы и восточной части Олонецкой) позиционному отношению *ê* перед твердыми согласными — *і* перед мягкими.

Наконец, отразившееся в части двинских грамот смешение *ѣ*/*и* на конце слова соответствует современному *-і* < *-ĕ* на конце слова в современных говорах Поморской (а также Олонецкой) группы.

Не все случаи мены *ѣ* с другими буквами отражают непосредственно совпадение *ĕ* с соответствующими гласными. Прежде всего это относится к смешению *ѣ* с *е* в любом положении в некоторых памятниках XIII в. Если бы оно свидетельствовало о полном совпадении *ĕ* с *е*, мы ожидали бы, во-первых, такого совпадения в современных говорах соответствующих мест (например, в современных новгородских говорах), во-вторых, *'о* на месте старого *ĕ* в положении перед твердыми согласными, по крайней мере, под ударением (например, *ёхать*, *лёс*, *хлёб* вместо *ехать*, *лес*, *хлеб*), чего в действи-

тельности нет. Предположение о том, что смешение *ѣ* и *е* в некоторых новгородских памятниках XIII в. является лишь графическим приемом, отражающим близость, но не совпадение *е* и *ě*, высказал еще А. А. Шахматов. Это соображение может быть применено и к Смоленской грамоте 1229 г. и к загадочной новгородской берестяной грамоте № 109.

Смешение *ѣ* и *е* в памятниках лишь перед мягкими согласными фонетически может быть истолковано, во-первых, большей закрытостью *е* перед мягкими согласными, во-вторых, тем, что буква *е* перед твердыми согласными обычно уже изображала *'о* после мягкого согласного, *ѣ* же (в том случае, если *ě* уже изменилось в *е*) — *е* перед твердыми согласными.

Отражает, несомненно, фонетическую картину, но требует особых объяснений *и* вместо *ѣ* на конце слова и перед мягкими согласными. А. А. Шахматов предполагал более раннее фонетическое изменение конечного безударного *-i̯ê* (такой вид предполагает он для древнерусского *ě*) в *-i* с последующим аналогическим распространением последнего на ударное положение [10]. Но поскольку у нас нет данных о более раннем или более широком наличии *-i* < *-ě* именно в безударном положении и поскольку конечное *-ě* в древнерусском языке представлено главным образом как надежное окончание твердой разновидности склонений на *-а* и на *-о* при *-i* в соответствующих падежах мягкой разновидности тех же склонений, вероятнее предположить не фонетическую, а аналогическую замену *-ě* посредством *-i* (подробнее см. «Морфология», § 147).

Несомненно фонетический характер носит и представляет наибольший интерес теоретически изменение *ě* > *i* перед мягкими согласными. Именно в этом изменении история *ě*, в целом с падением редуцированных не связанная, включается в процессы, представляющие собой последствия падения редуцированных: воздействие последующих согласных на предшествующие гласные легче всего осуществляется в закрытых слогах (которые вновь образовались после падения редуцированных) и лишь затем распространяется и на открытые слоги (ср. выше).

§ 98. Некоторые памятники (московские грамоты начиная с XV в., а затем и некоторые другие) обнаруживают, при сохранении разграничения в употреблении *ѣ* и *е* под ударением, смешение *ѣ* с *е* в безударном положении. Многие современные окающие говоры (именно основная масса их, кроме крайнего севера, северо-запада и запада) показывают особенно ясно для предударного положения, что совпадение *е* и *ě* в этих условиях действительно сравнительно рано имело место. Обычное

---

[10] См.: А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах. СПб., 1903, стр. 84—85.

наличие в соответствующих условиях *'о* после мягкого согласного перед твердым и на месте старого *е* и на месте старого *ě* свидетельствует об изменении безударного *ě* > *е* до прекращения действия закона *е* > *о* перед твердым согласным (ср. *н'осýй* < *n'esú*, *р'ока́* < *rěká*). Наличие в тех же говорах (если они не сохранили *ê* как особую фонему) *е* < *ě* под ударением и перед твердыми согласными свидетельствует о более позднем изменении *ě* > *е* под ударением (уже после прекращения действия закона *е* > *о* перед твердыми согласными). Об отступлениях в говорах от фактов, свидетельствующих о раннем изменении *ě* > *е* в безударном положении, см. в курсе диалектологии.

§ 99. До сих пор не решен окончательно вопрос, долго ли сохранялось *ě* как особый, отличный и от *е* и от *і* гласный, хотя бы под ударением, в московском говоре, легшем затем, как известно, в основу литературного языка. Л. Л. Васильев на основании исследования ряда московских памятников приходит к выводу, что *ě* как особый гласный сохранялось в Москве еще в XVII в.

Судя по высказываниям нормализаторов русского литературного языка — Ломоносова, Сумарокова, *ѣ* отличалось от *е* даже в их время, т. е. в середине XVIII в., или во всяком случае незадолго до этого времени. И если для Ломоносова мы вправе предположить, что правильному орфографическому разграничению *е* и *ѣ* могло способствовать различие этих звуков в его родном поморском говоре, то для разграничения *е* и *ѣ* Сумароковым таких оснований не было. Между тем о различии говорят они оба. По Ломоносову, слух требует «в *е* дебелости, в *ѣ* тонкости» (Рос. гр., § 104). По Сумарокову же, *ѣ* «всегда несколько в *и* вшибается» (Соч., ч. VI, стр. 253). На основании того и другого высказывания можно предположить, что *ѣ* произносилось более закрыто, чем *е* (*дебелый* означает «широкий, толстый»). Но, судя по другим высказываниям тех же Ломоносова и Сумарокова, видно, что в их время различие этих гласных, по крайней мере в просторечии, уже теряется.

Встает вопрос, во-первых, не относится ли различие *е* и *ѣ* скорее не к различию самих этих гласных звуков, а к различию качества соседних согласных; во-вторых, характерно ли хотя бы это последнее различие для живого московского говора XVIII или даже конца XVII в., или же оно характеризовало все же в какой-то мере искусственные произносительные нормы литературного языка.

Сумароков называет в другом месте слова с *е* «тупыми», а слова с *ѣ* «острыми». Между тем термин «тупой» применялся также к твердым согласным, а «острый» — к мягким. Не состояло ли различие между *е* и *ѣ* в том, что согласные произ-

носились перед *е* твердо, а перед *ѣ* мягко? Согласные перед *ѣ* начали смягчаться раньше, чем перед *е*.

Вместе с тем как Ломоносов, так и Сумароков требуют разграничения *е* и *ѣ* лишь для книжного произношения (т. е. для высокого штиля). В разговорной речи различие это, по указанию как того, так и другого, уже теряется.

Такие памятники, как подписи под лубочными картинками конца XVII, а также XVIII в., очень неустойчивые в орфографическом отношении и отражающие много черт разговорного языка Москвы и прилегающих местностей, показывают полное смешение *е* и *ѣ* в самых различных условиях. Это говорит, конечно, о том, что в живом московском говоре на месте древнего *ѣ* еще в XVII в. под ударением произносилось *е* (в безударном же положении оно подвергалось тем же изменениям, что и старое *е*).

Признавая неразграничение *ѣ* и *е* в произношении их времени, нормализаторы русского литературного языка XVIII в. тем не менее узаконили *ѣ* в русской орфографии, где оно и продолжало употребляться вплоть до реформы 1917 г.; употреблялось оно в основном там, где этот гласный был этимологически. Впрочем, имели место и некоторые отступления от этимологии.

История ô

§ 100. В известной мере (но не целиком) параллельно развитию *ѣ* идет в русском языке историческое развитие различных типов *о*.

В части русских говоров, как известно из курса русской диалектологии, под ударением обнаруживается два типа *о* — обычное (открытое) и закрытое, или дифтонгическое, представляющее собой восходящий дифтонг, т. е. *ô* или *ûô*. Первое является на месте старого *ъ* (в сильном положении), а также на месте старого *о* под нисходящим ударением; второе — на месте старого *о* под восходящим ударением. Развитие закрытого, или дифтонгического *о* связано, по-видимому, с большей длительностью гласного, развившейся еще в эпоху существования музыкальных различий в ударении (см. выше, § 51). Соответствия нашему *ô*, *ûô*, частью в большей длительности гласного, частью в качестве самого гласного, а частью и в качестве ударения имеются и в других славянских языках (в качестве ударения, впрочем, лишь в словенском). Различие *о* и *ô* (здесь и в дальнейшем знак *ô* везде, где не требуется специального разграничения, употребляется также и для *ûô*) в восточнославянской области в настоящее время представлено лишь в русских (великорусских) говорах, причем распространено значительными островами на территории и северновеликорусского и южновеликорусского наречий и переходных говоров. Это гово-

рит скорее всего о том, что это различие охватывало некогда всю великорусскую область, обнаружение же в последние годы говоров с двумя *о* на границе с белорусским языком (при некоторых других чертах, общих с белорусским) говорит скорее всего о том, что оно некогда не было ограничено только великорусской областью (о распространении *ô* в современных говорах см. подробнее в курсе диалектологии).

О на месте старого ъ может быть в любом слоге слова, *о* же на месте старого *о* под нисходящим ударением — лишь в начальном слоге (например, *по́ле*); *ô* на месте старого *о* под новым акутом (т. е. новым восходящим ударением) может быть в любом положении в слове (в том числе и на конце), причем всякое старое ударяемое *о* не в начальном слоге представляет именно *о* под восходящим ударением и в говорах, различающих два *о*, является в виде *ô*, например: *вôл'а*, *с'елô*, *нарôд* (объяснения см. выше, § 51).

Под восходящим (по музыкальному тону) ударением старый краткий гласный легко мог удлиниться, а затем и дифтонгизоваться.

Установить древность появления в нашем языке различий двух типов *о* невозможно, так как наше письмо первоначально не располагало средствами их различения. Лишь начиная с XVI в. некоторые наши писцы (и то далеко не все) используют определенные средства для разграничения двух *о*. Именно в некоторых акцентуированных памятниках (т. е. памятниках, отмечающих ударения) в случае ударного *о* использованы различные знаки: для обычного *о* обычный знак ударения (′ или ˋ), для *ô* — ◌̂ (так называемая камора, знак этот восходит к греческому знаку облеченного ударения ~). Этот знак использовался и в наших древнейших памятниках, но чисто декоративно, без какого-либо особого звукового значения. В некоторых же памятниках начиная с XVI в. он стал употребляться для обозначения *ô*. Л. Л. Васильев в начале XX в. указал два таких русских памятника XVI в. с использованием различных знаков ударения: Псалтырь Ленинградской публичной библиотеки и Софийский сборник. В них мы находим, например: *оурôдъ*, *престôли*, *закôнъ*, *кôжихъ* (местн. п. мн. ч. от *кожа*), но *вôли* (Псалт.), но *по́мсъ* (Соф. сб.). Впоследствии Н. Н. Дурново нашел еще несколько памятников с таким обозначением.

Ô в тех говорах, где оно имеется, образует особую фонему, отличную от *о*, так как, выступая порой в одних и тех же фонетических условиях, *о* и *ô* служат для различения слов и форм, ср., например, *седóй* (им. п. ед. ч. муж. р.) — *седôй* (дат. и местн. п. ед. ч. жен. р.).

На протяжении истории языка различие между *о* и *ô* по говорам теряется — *ô* перестает произноситься там, где оно произносилось первоначально.

Возникновение и развитие аканья

§ 101. Под аканьем, как известно из диалектологии, понимается в широком смысле неразличение в безударном положении гласных *о* и *а* после твердых согласных, *е*, *о*, *а* после мягких согласных и шипящих или употребление в безударном положении одного гласного в соответствии с различными указанными выше гласными под ударением, а также различавшимися в безударном положении в прошлом, причем в безударном положении невозможно *о*.

В настоящее время аканье характеризует южновеликорусское наречие, переходные средневеликорусские говоры и большую часть белорусского языка, являясь в то же время нормой русского и белорусского литературных языков (подробнее см. в курсе диалектологии).

В памятниках аканье отражается в колебаниях между *о* и *а* в безударном положении в одних и тех же словах и формах. Менее показательны колебания между *е* и *а* (*ѧ*) после мягких согласных и шипящих, так как они могут характеризовать и не акающего писца (см. выше). Древнейшие бесспорные случаи аканья наблюдаются в московских памятниках XIV в., например: въ *апустѣвшии* земли (Моск. ев. 1339 г., запись), *брошевую* (Дух. гр. Ивана Калиты) при *брашевая* (Дух. гр. Дм. Донского до 1389 г.), *шагатью* при *шаготью* — тв. п. ед. ч. (там же; Брошевая и Шаготь — названия деревень). Со второй половины XIV в. отражают аканье и псковские памятники, ср. в Псковском прологе 1383 г. *гадина* «година» (л. 40), *Маскву* «Москву», вин. п. (л. 98 об.). Более многочисленны случаи аканья в памятниках XV в. В западнорусских (т. е. старобелорусских) памятниках XIV в. колебания в написании безударных *о* и *а* отмечены лишь для собственных имен иноязычного происхождения, в которых *о* и *а* колеблются порой даже в древнейших памятниках, ср. *алкгердъ* (Смол. гр. 1359 г.) «Ольгерд», имя литовского князя; *ансфреи* (Полоцк. гр. 1399 г.) — христианское имя Онуфрий, греческого происхождения; древнейшие случаи аканья не в собственных именах — с XV в., ср. з *абою* сторонъ «с обеих сторон» (Полоцк. гр. 1478 г.), съ *братамъ* «с братом» (Лет. Авраамки 1495 г.).

Предположения некоторых ученых о том, что аканье характеризовало также говор писца Смоленской грамоты 1229 г.[11], необоснованны. Принимая во внимание более частые случаи смешения ъ с *о* в безударном положении сравнительно с ударным, эти ученые полагали, что ъ употреблялся в грамоте для обозначения редуцированного гласного, развившегося из *о*

[11] См.: В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. Изд. 5. М., 1935, стр. 310; П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1952, стр. 124—125.

в безударном положении. Но если бы ъ действительно обозначал такой гласный, он употреблялся бы и вместо *а*, чего в грамоте нет. Большая же частота смешения *о* с ъ в безударном положении объясняется просто тем, что вообще в тексте безударных слогов больше, чем ударных.

§ 102. Говор Москвы, в памятниках которой отражаются наиболее древние случаи аканья, и теперь расположенный у самой северной границы акающих говоров, безусловно, не мог явиться очагом возникновения аканья. Писцы древнейших московских грамот, вероятно, не акали: отражение в этих грамотах аканья только в географических названиях может свидетельствовать лишь о том, что писцы слышали эти названия в акающем произношении.

Но для того, чтобы отразиться в XIV в. в памятниках мест не первоначального его возникновения, аканье должно было где-то возникнуть в более раннее время (во всяком случае, до XIV в.). Некоторые ученые выдвигали гипотезу о возникновении его в глубокой древности, задолго до появления письменности на Руси. Одно время такой точки зрения придерживался и А. А. Шахматов. Но более вероятно сравнительно позднее возникновение аканья, во всяком случае после падения редуцированных. Во-первых, поскольку аканье является результатом редукции гласных, трудно предположить в каком-то говоре редукцию гласных полного образования при сохранении в то же время слабых редуцированных. Во-вторых, в различных архаических типах безударного вокализма, в первую очередь при диссимилятивном аканье и яканье (описание различных типов безударного вокализма см. в курсе диалектологии), качество гласного первого предударного слога обусловлено качеством ударного слога, причем никакого различия между старым первым предударным слогом и старым вторым предударным, ставшим первым в результате утраты после него слабого редуцированного, не наблюдается. Так, например, в говоре с диссимилятивным аканьем *і* в первом предударном слоге при *а* в ударном является и в случае *цвила́* < *цвѣла* и в случае *цвитка́* (род. п. ед. ч.) < *цвѣтъка*. Этого бы не было, если бы аканье возникло еще в эпоху существования старых редуцированных [12]. Следовательно, аканье скорее всего возникло после падения редуцированных, но ранее XIV в., т. е. в XIII в. или, самое раннее, в конце XII.

§ 103. Аканье возникло скорее всего где-то на территории южновеликорусских говоров. Там и теперь распространены его наиболее архаические типы (подробнее см. ниже). Отсутствие раннего отражения аканья в памятниках, возможно, объясняется

[12] См.: Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах.

тем, что древние памятники, написанные в районах его первоначального возникновения, не сохранились. Древнейший дошедший до нас памятник южновеликорусской территории — Рязанская Кормчая 1284 г. — аканья не отражает. Но оно, вероятно, возникло дальше к югу. Согласно мнению, господствовавшему до недавнего времени в исторической науке, южные части территории нынешнего южновеликорусского наречия с XIII в. пришли в запустение в результате монгольского нашествия. Исследованиями последнего времени установлено, что, хотя русское население края в результате частью уничтожения его, частью отлива на север и запад стало значительно более редким, оно никогда здесь полностью не прекращалось. С этим отливом и было, вероятно, отчасти связано дальнейшее распространение аканья на запад и север.

§ 104. Различные известные из диалектологии типы аканья и яканья (под яканьем, как известно, понимается неразличение безударных гласных после мягких согласных, причем типы этого неразличения определяются характером неразличения в первом предударном слоге), распространенные в современных говорах, представляют собой последовательные этапы развития нашего безударного вокализма. В качестве наиболее архаического еще Н. Н. Дурново был определен так называемый обоянский или задонский подтип диссимилятивного яканья (иногда так и называемый «архаическим»), характеризующийся зависимостью качества гласного первого предударного слога от качества ударного гласного при различении под ударением *е* и *ě*, с одной стороны, *о* и *ô* — с другой [13]. Исследованиями последних лет в ряде южновеликорусских говоров с таким типом яканья обнаружен параллельный этому тип вокализма первого предударного слога после твердых согласных — *а* в одних и тех же условиях и после мягких и после твердых согласных при *і* (*е*) после мягких, *ъ* (*ə*) после твердых также в одних и тех же условиях относительно ударных гласных [14]; подробнее см. в курсе диалектологии.

Аканье в целом представляет собой результат редукции безударных гласных. В отношении происхождения и дальнейшего развития его высказывались различные гипотезы, но проблема до сих пор еще не может считаться окончательно решенной.

А. А. Шахматов связывал возникновение, а также и дальнейшее развитие аканья с отношениями гласных по длительности и с дальнейшими изменениями этих отношений. В эпоху

---

[13] См.: Н. Дурново. Разыскания в области великорусских говоров, ч. I. вып. 2.

[14] См.: Т. Г. Строганова. Одна из особенностей южнорусского вокализма. — ВЯ, 1955, № 4.

наступления аканья в русском языке были долгими гласные *i*, *y*, *u*, *ě* и *ô*, краткими *e*, *o*, *a* (сверхкраткими ъ, ь). Долгота указанных гласных устанавливается еще для праславянского языка; *a* было первоначально долгим, но рано сократилось. Гласные *e* и *ě*, *o* и *ô* различались лишь под ударением. Сильной редукции в безударном положении, по Шахматову, первоначально подверглись все краткие гласные, т. е. *e*, *o*, *a*, независимо от качества ударного гласного: все они дали редуцированный гласный типа ъ (*ə*), после мягких согласных несколько более передний. В последующую эпоху утрачены были различия гласных по длительности в результате сокращения прежних долгих гласных. С сокращением долгих ударных гласных связано было удлинение гласных первого предударного слога. В результате этого удлинения редуцированный гласный дал *a* (с сохранением перед ним, если он развился из *e* и носил более передний характер, мягкого согласного). Перед краткими ударными гласными, которые дальше не сокращались, редуцированные в первом предударном слоге сохранились (в более позднюю эпоху более передний редуцированный изменился в *i* или *e*). Таким образом хорошо объясняется архаический тип аканья и яканья, например: *n'esǘ* > *n'ᵊsǘ* > *n'asú*, *stołǘ* > *st'łǘ* > *stałý*, но: *n'esłá* > *n'ᵊsłá* (сохраняется, лишь впоследствии *n'isłá*), *vodá* > *v'dá* (сохраняется)[15]. Диссимилятивные отношения предударных гласных к ударным являются, таким образом, лишь случайным следствием указанных изменений. Несмотря на удовлетворительное объяснение архаического типа, гипотеза А. А. Шахматова, поддержанная затем Н. Н. Дурново, вызывает серьезные возражения. В ней совершенно не учитываются те изменения по длительности, которые произошли еще на праславянской почве. Так, гласные *i*, *y*, *u*, *ě*, действительно, первоначально были долгими, на что указывают их соответствия в других индоевропейских языках. Но в ряде случаев они еще на праславянской почве сократились (в частности, на конце слова). Кроме того, у нас нет никаких данных в пользу раннего сокращения *a*.

§ 105. Другую попытку объяснения происхождения аканья на основе изменения фонологических отношений в языке предложил Р. Якобсон[16]. Он связывает возникновение аканья со сменой старой, музыкальной (политонической) системы ударения новой, динамической и монотонической. Фонологическая роль интенсивности требует более четкого противопоставления ударных и безударных гласных. Гласные (как показали экспери-

---

[15] См.: А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 330 и сл.

[16] См.: R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe. Prague, 1929 («Travaux du Cercle linguistique de Prague», 2), стр. 83 и сл.

ментальные исследования) обладают при прочих равных условиях различной интенсивностью, причем большей обладают более широкие гласные. В целях более четкого противопоставления более интенсивные сами по себе гласные (открытые *а*, *е*, *о*) повергаются редукции.

Но и эта гипотеза вызывает сомнения, поскольку обычно фонологические отношения являются следствиями фонетических изменений, а не наоборот.

§ 106. Все ученые сейчас сходятся на том, что аканье началось после смены музыкального политонического ударения монотоническим и более сильным динамическим. Именно оно могло вызвать редукцию безударных гласных. Но для объяснения, почему эта редукция охватила лишь часть наших говоров, требуется предположить в этих говорах более сильное динамическое ударение, чем в других. На такой точке зрения стояли некоторые наши выдающиеся лингвисты — А. А. Потебня, В. А. Богородицкий. Но мы не располагаем достаточными сведениями о распределении отношений по интенсивности различных слогов по говорам той эпохи, когда аканье начиналось.

Были попытки поставить возникновение аканья в зависимость от иноязычного воздействия — привлекались данные чувашского языка, а также Приволжской группы финно-угорских языков. Но и эти попытки не дали пока положительных результатов.

§ 107. Но если пока не может быть раскрыто самое происхождение аканья, то последовательное развитие и преобразование различных его типов может быть намечено достаточно ясно. Более простые типы аканья и яканья в результате некоторых преобразований ударного вокализма, а также различных обобщений в гласных первого предударного слога сменяют первоначальный архаический тип. Были, правда, попытки наиболее простой и поэтому, вероятно, один из наиболее поздних тип сильного яканья определить как первоначальный и вывести из него как позднейший диссимилятивный тип[17]. Но эти попытки не имеют достаточных оснований.

Утрата различий в гласных первого предударного слога после твердых согласных, характеризующих архаический тип, в целом осуществляется раньше, чем утрата этих различий после мягких согласных, что, вероятно, объясняется качеством соответствующего редуцированного гласного, часто не столь удаленного по своей артикуляции от *а*.

Более поздние (сравнительно с архаическим) подтипы диссимилятивного яканья объясняются частичной или полной утратой различий в ударном слоге между *е* и *ѣ*, *о* и *ô*. Раз-

[17] См.: N. van Wijk. Zur Entwicklungsgeschichte des Akanje und Jakanje. «Slavia», XIII, 1934—1935, seš. 4; Ф. П. Филин. Очерк истории русского языка до XIV столетия. Л., 1940, стр. 49 и сл.

личные же разновидности ассимилятивно-диссимилятивного яканья развились на базе разных позднейших подтипов диссимилятивного яканья.

Сильное яканье может явиться позднейшим этапом (в результате обобщения *'а* в первом предударном слоге) по отношению к любому более раннему типу, в особенности ассимилятивно-диссимилятивному.

На иной принцип, чем различные указанные выше типы, опирается умеренное яканье, характеризующее часть говоров северной полосы южновеликорусского наречия и часть переходных говоров. Зависимость гласного первого предударного слога от твердости или мягкости последующего согласного роднит тип с северными говорами. Как показал В. Н. Сидоров, аканье в этих говорах более позднего происхождения. По-видимому, оно сменило вокализм, характерный (по крайней мере для первого предударного слога) для окающих говоров владимирского типа, только *'о* после мягких согласных перед твердыми сменилось на *а*, например, *н'осу́* > *н'асу́*, перед мягкими же осталось *е* или *і*, ср. *н'иси́*[18].

§ 108. С распространением аканья на север связано образование полосы средневеликорусских переходных говоров, к которым принадлежит и московский. Первоначально население Москвы как вновь возвышающегося центра, куда стекаются выходцы из разных мест, было в диалектном отношении пестрым. Лишь постепенно шла нивелировка. К концу XVI в. аканье уже несомненно стало нормой московского говора. Такой близко стоящий к живому языку этого времени московский памятник, как Домострой, в большом количестве примеров отражает аканье, ср. *дѣвакъ* вместо *дѣвокъ* (<*дѣвъкъ*), род. п. мн. ч. Отражается аканье и в письмах Ивана Грозного и Андрея Курбского, правда дошедших до нас лишь в списках XVII в. В дальнейшем аканье становится произносительной нормой нового русского литературного языка, что было зафиксировано уже М. В. Ломоносовым (правда, первоначально лишь для просторечья, подробнее см. в курсе истории литературного языка).

§ 109. Современные говоры, расположенные на границе оканья и аканья, обнаруживают различные степени перехода от первого ко второму, связанные большей частью с постепенным продвижением аканья на прежде окавшую территорию. О различных типах таких так называемых «говоров с намечающейся переходностью» см. в курсе диалектологии. От них следует отличать расположенные компактной массой в южной части северновеликорусского наречия говоры с неполным

---

[18] См.: В. Н. Сидоров. О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах, ИОЛЯ, т. X (1951), вып. 2.

оканьем, характеризующиеся различением гласных *е*, *о*, *а* в первом предударном слоге (при редукции и неразличении, за исключением конца слова, в остальных безударных слогах; подробнее см. в диалектологии). Безударный вокализм этих говоров развился, по-видимому, независимо от воздействия на них аканья. Эти же говоры характеризуются наличием *и*-(*у*-) вместо *о*- (но не вместо *а*) в начале слова.

Время образования этого типа вокализма точно определить трудно.

Древнейшие случаи начального *у*- вместо *о*-, судя по шуйским памятникам делового письма, дошедшим до нас в большом количестве (из г. Шуя Ивановской обл. и его окрестностей), относятся ко второй половине XVII в.: наиболее ранние два случая написания *у* вместо *о* в различных формах слова *огородъ* в Книгах огородных города Шуи 1665 г.: ѡ^н^типи^н^ско^п^ *угоро^л^*, по^л^ле козина *угорода*[19].

Время появления *ъ* вместо *о*, *а* в других безударных слогах, кроме первого предударного, установить труднее, так как неразличение *о* и *а* выражается в написаниях *а* вместо *о* и *о* вместо *а*, но такие написания встречаются и в московских памятниках делового письма, влияние которых на местные памятники в XVII в. очень сильно. Впрочем, шуйские деловые документы XVII—XVIII вв. отражают смешение *о* и *а* в заударных слогах в довольно большом объеме (для предударного положения примеров мало, и они недостаточно ясны).

§ 110. На территории переходных говоров, скадывающихся на основе северновеликорусских, в области вокализма первого предударного слога после мягких согласных существенно отметить развитие *еканья* и *иканья* (подробнее об этих типах см. в курсе диалектологии).

Московскому говору, по-видимому, в течение достаточно длительного времени было свойственно еканье, представленное в нем наряду с аканьем. Некоторыми лингвистами выдвигалось предположение о наличии там в определенную эпоху (именно на границе XVII и XVIII вв.) яканья, но для этого достаточных оснований нет. Яканье и еканье по данным письменности разграничить очень трудно: на основании смешения в безударном положении букв *е* и ѣ, ѧ (позднее *я*) мы видим лишь неразличение в безударном положении *е* и *а* после мягких согласных, но какой именно гласный в данном случае произносится, *е* или *а*, мы сказать не можем. Иканье же может быть установлено на основании смешения указанных букв также с *и*.

Бесспорные указания на иканье в московском просторечье относятся лишь к началу XIX в. Показательны в этом отно-

---

[19] См.: Т. С. Ворошилова. Из истории шуйских говоров XVI—XVIII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1955.

шении подписи под лубочными картинами, производившимися в Москве и под Москвой, очень неустойчивые в орфографическом отношении и отражающие в огромном количестве особенности живого московского произношения. В этих подписях, относящихся к XVIII в., широко представлено смешение *е* и *я* в первом предударном слоге, но отсутствует смешение их с *и* (за исключением особых случаев, где это смешение объясняется не фонетически и отмечено и в других, более ранних памятниках). В подписях же начала XIX в. отмечено смешение этих букв также и с *и*, например: *свизать* «связать» (б-ка им. Ленина, № 57), *протинулъ* «протянул» (БАН, № 6)[20].

§ 111. Аканье, характерное для московского говора, в качестве орфоэпической нормы подтверждает для русского литературного языка в своей «Российской грамматике» и М. В. Ломоносов, хотя сам он и был северянином.

Впрочем, оно характерно было долгое время лишь для просторечья. Иканье же на протяжении XIX в. проникает в литературный язык, но не совсем в том виде, как в московском говоре: нормой становится произношение в первом предударном слоге после мягких согласных не *і*, а звука, среднего между *е* и *і*.

§ 112. М. В. Ломоносов, верно понявший тенденции вновь складывающегося литературного языка, наиболее правильно определил и линии дальнейшего развития нашей орфографии. Именно он и положил в основу ее тот принцип, который впоследствии получил название морфологического. Он считал вместе с тем, что орфография должна объединять, а не разъединять всех пользующихся русским языком, хотя бы они говорили на разных наречиях и по-разному произносили одинаково пишущиеся слова. Эти принципы в основном соблюдаются и в настоящее время. Написание *о* в безударном положении употребляется тогда, когда оно может быть восстановлено морфологически (на основании отношений словообразования и словоизменения). В тех случаях, когда морфологические отношения не могут помочь восстановлению *о* (или *а*) в безударном положении, обращаются к этимологии. Например, *собака* пишется с *о* в первом слоге на том основании, что здесь звучало *о* в древнерусском языке.

Имеются лишь единичные отступления от этих правил. Все они относятся к написанию в безударном положении *а* вместо этимологического *о*. Так, утвердилось написание *а* в приставке *раз-* в тех случаях, когда на нее не падает ударение, ср. *разбить*, *развалить*, *развал*, но *розвальни*; в глаголе *полагать* как

---

[20] См.: З. М. Волоцкая. Некоторые явления безударного вокализма московского говора XVIII — начала XIX века. «Исследования по лексикологии и грамматике русского языка». М., 1961.

книжном- (несмотря на *положить*, *положим* и т. д.), под влиянием церковнославянского языка. Кроме того в единичных случаях, например *паро́м*: этимологически это полногласная форма, ср. др.-русск. *поромъ*, серб. *прам* (следовательно, общеславянская форма должна быть **ро́rтъ*, с акутом корневого слога).

Редукция до нуля конечных гласных

§ 113. В определенных условиях на протяжении истории русского языка имела место не связанная с аканьем редукция до нуля безударных гласных на конце слова. Она наблюдается и в окающих говорах, причем охватывает лишь определенные случаи (определенные категории слов и форм). Редуцироваться могут любые конечные гласные в окончаниях, состоящих не из одного соответствующего гласного, так что в результате его редукции окончание вообще не теряется, и в некоторых словах служебного и полуслужебного характера, произносимых без ударения или с ослабленным ударением. Рассматриваемая редукция в некоторых случаях носит факультативный характер.

Ниже приводятся примеры на разные гласные в порядке от верхнего подъема к нижнему:

-и. 1) в окончании тв. п. ед. ч. жен. р. существительных, местоимений и прилагательных и в тв. п. ед. ч. личных и возвратных местоимений: *-oju* > *-oj* (*-oi̯*), ср. *водо́й*, *той*, *больно́й*, *мной*; 2) в отрицательной частице *нет* (из *нѣту*); 3) в наречиях *домо́й*, *доло́й*. Древнейшие примеры отражения утраты *-и* в тв. п. ед. ч. относятся к XIII в. Ср. *молитво* и постомь (Рост. Житие Нифонта 1219 г.) — по-видимому, написанием *молитво* вместо *молитвою* писец передал форму *molitvoi̯*, *с тобо* вместо *съ тобою* (Лавр. лет.), оузою *тои* (Колом. палея 1406 г.); написание *нѣтъ* встречается в договорной грамоте Дмитрия Донского с Ольгердом 1372 г. Современное *нет* развилось, как уже сказано, из *нѣту*, а последнее из *нѣстьту*, т. е. «не имеется здесь». Первоисточником наречий *домой*, *долой* является дат. п. ед. ч. склонявшихся по склонению с основой на *-й* существительных *домъ*, *долъ* — *домови*, *долови*; в результате редукции конечного *-i*, о которой ниже, развились формы *домовь*, *доловь* (ср. сохранившиеся до сих пор укр. *домів*, *долів*, чеш. *domův*, *dolův*), отсюда формы *домо́й*, *доло́й* могли развиться или не фонетически (под влиянием форм тв. п. ед. ч. жен. р. — в такой форме выступают многие наречия), или же фонетически — палатализованное *v'*, оказавшееся на конце слова после утраты *-i*, могло дать *w'*, а затем *i̯* (с утратой лабиализации в результате редукции). Для тв. п. ед. ч. жен. р. (и тв. п. ед. ч. личных местоимений и возвратного) до сих пор сохранились параллельные формы с *-и* и без *-и* (ср. *водо́й*, *водо́ю* и т. п.), причем в некоторых говорах формы с конечным гласным весьма

распространены. Сохранились также параллельные формы *нет*, *нету*; впрочем, последняя свойственна больше просторечью.

-у (*ы*) теряется в частице сослагательного наклонения *бы*, восходящей к форме 2 и 3 л. ед. ч. аориста вспомогательного глагола (см. ниже, § 223), впрочем, лишь в том случае, если предшествующее слово оканчивается на гласный. Ср. *ты могла б*, но *ты мог бы*. Эта утрата отражается уже в памятниках XVI в., ср. есьли не *были бъ* (печатное западнорусское евангелие Тяпинского XVI в.). Утрата носит факультативный характер. И в современном языке возможно, например, *ты могла бы* наряду с *ты могла б*.

-і: 1) в вопросительной частице *ли* в том случае, если предшествующее слово оканчивается на гласный. Ср. виноваты *ль* кстe (Двинск. рядн. гр. XIV—XV вв.); *-ь* для этой эпохи звукового значения не имеет; утрата носит факультативный характер, ср. совр. *не правда ль* и *не правда ли*; 2) относительно *домовь*, *доловь* см. выше.

-ě: 1) в окончании род. п. ед. ч. жен. р. местоимений и прилагательных *той*, *доброй* < *тоѣ*, *доброѣ* (фонетически *tojě*, *dobrojě*); наиболее ранний случай утраты зафиксирован в XIV в.: радости *ваше* никто же възметь (Новг. ев. 1362 г.) — *ваше* вместо *вашеѥ* (*вашеѣ*); формы с конечным гласным до сих пор сохранились в некоторых северных говорах (ср. ниже, § 180); 2) в частице *ведь*, фонетически часто *в'ит'*, из *вѣдѣ* (1 л. ед. ч. перфекта, см. ниже, § 211, в значении настоящего времени «я знаю», буквально «я узнал и теперь знаю»); 3) в наречии, частью употребляющемся и как предлог, *сквозь*, *насквозь* (др.-русск. *сквозѣ*); 4) в вопросительном наречии *докóль*, наряду с *докóле*, др.-русск. *доколѣ*; форма *доколь* встречается уже в Новгородской летописи по Синодальному списку, ср. также *отсéле* параллельно с *отсéль*.

-е: 1) В окончании сравнительной степени: *-ějе* (после шипящих *-ajе*) > *-ěj* (*-aj*) > *-ěį* (*-aį*), ср. *легъчаи* «легче» (Новг. ев. 1355 г.), совр. *скорéй*, *сильнéй*; впрочем, в настоящее время употребляются и параллельные формы *скорéе*, *сильнéе*. Утрата эта в русском языке отразилась лишь в тех случаях, когда на конце форм сравнительной степени *-ějе* (*-ajе*); *-е* после согласных (кроме *j*), особенно после сочетаний их, у нас сохраняется, ср. *бóльше* (в украинском языке отразилась утрата *-е* и в этих случаях, ср. *більш* «больше»); 2) в частицах *лишь* (др.-русск. *лише*), *аж* (др.-русск. *аже*). Последняя частица представлена без *-е*, причем в тесном соединении с последующим словом, уже в Смоленской грамоте 1229 г.: *аж бы* вместо *аже бы*. Эта форма свидетельствует о том, что, возможно, форма *ажь*, параллельная к *аже*, существовала еще до падения редуцированных.

-о теряется в наречно-местоименных и наречно-вопросительных формах *как* (из *како*), *так* (из *тако*), *там* (из *тамо*), *вот* (из *вото*). Примеры с написанием на конце ъ вместо *о* встречаются уже в памятниках XIV в.

-а теряется в возвратной частице *-ся*, развивающейся из энклитической формы возвратного местоимения, примкнувшей к глагольной форме, в том случае, если эта последняя оканчивается на гласный звук. Ср. современное *ворвала́сь*, *ворвало́сь*, но *ворвался́*. Древнейший пример: *оучинилось* в Новгородской грамоте 1373 г.

ИСТОРИЯ СОГЛАСНЫХ

§ 114. Большинство изменений согласных, имевших место на протяжении истории русского языка, так или иначе связано с падением редуцированных, относится (прямо или косвенно) к его последствиям, а поэтому было рассмотрено выше. Ниже рассматриваются явления в области согласных, не связанные с падением редуцированных. Здесь прежде всего представляет интерес история шипящих согласных и глухой переднеязычной свистящей аффрикаты *с* (*ц*).

История шипящих согласных и *с* (*ц*)

§ 115. Как все шипящие, так и *с* (*ц*) в древнерусском языке эпохи древнейших дошедших до нас памятников были мягкими (палатализованными).

Дальнейшая история их состоит частью (и главным образом) в их отвердении, частью же и в некоторых других изменениях. Они не развили, в противоположность большинству других согласных, противопоставления парных по твердости и мягкости.

Исследуя отвердение шипящих по данным как памятников, так и говоров, мы видим, что отвердевают они 1) не все одновременно, но одни раньше, другие позже; 2) не одновременно в любом фонетическом положении; 3) не одновременно в различных говорах.

О времени отвердения мы можем судить по памятникам на основании написания после шипящих и *ц* таких гласных букв, которые обычно пишутся после твердых согласных. Наиболее показательно написание *ы*; написание *е* не говорит ни о чем, так как особого знака *э* в древности не было, а ѣ после согласных употреблялось редко; *о* может свидетельствовать, как уже говорилось, не о твердости шипящего, а обозначать *'о* после мягкого; *а* часто употребляется и в древнейших памятниках наряду с ꙗ и ѧ; *оу*, ѹ вместо *ю* могут быть обусловлены старославянским влиянием.

Раньше всего отвердевают *š*, *ž*. Древнейшие бесспорные указания на их отвердение имеются в памятниках XIV в.,

относящихся к различным территориям, например: *слышышь* (Гр. рижан в Витебск, 1300 г.), *межы*, *кнѧжылъ* (Дог. гр. Дм. Донск. с Олгердом, 1372 г.), *жывите*, *жывота*, *держытъ* (Дух. гр. Дм. Донск., до 1389 г.), *жылами*, *жыва*, *жажы* (Лавр. лет.), *лжы* (Киевск. псалт., 1397 г.). Указанные шипящие в восточнославянских языках отвердели почти повсеместно. Лишь в некоторых украинских говорах сохранились в любых условиях мягкие *š'*, *ž'*.

Позднее отвердевает *c* (*ц*). В ряде говоров оно до сих пор сохранило мягкость. В особенности это имеет место в цокающих говорах, где в соответствии с *ц* и *ч* литературного языка и не цокающих говоров чаще всего представлено мягкое *ц'* (или мягкое шепелявое *ц'*$^{ч'}$). Впрочем, мягкое *ц'* наблюдается порой и без цоканья. Мы находим его, например, в украинском языке. Ср. укр. *хлопець*, *пацюк*. В белорусском языке мягкое *ц* также представлено, но не в соответствии с древнерусским *с'* (*ц'*), а в результате дзеканья, как результат все дальше идущего смягчения *t*.

Но и в тех говорах, где в настоящее время представлено *ц* твердое, оно отвердело позднее, чем *ш*, *ж*. Так, в памятниках московских и писанных близ Москвы отвердение *ш*, *ж* ясно отражается уже в XIV в., отвердение же *ц* — не раньше второй половины XV в. Ср., например, *болшые ѕлицы* (Гр. Ив. Юрьевича Патрикеева, до 1499 г.). Более поздним отвердением *ц* сравнительно с *ш*, *ж* объясняется и сохранение *е* без перехода в *о* перед *ц* (см. выше, § 92).

Хотя цокающие говоры, как уже было сказано, большей частью сохраняют мягкое *ц'*, отвердение *ц* наблюдается и там.

Аффриката *č* и в настоящее время сохраняет мягкость в большинстве русских говоров, в том числе и в московском, и является нормой русского литературного языка. Но в некоторых говорах отвердела и она. Твердое *ч* представлено, прежде всего, в белорусском языке. Оно отражается уже в западнорусских памятниках XV в., например: *будучымъ* (Гр. 1480 г.). В русском языке оно представлено преимущественно в говорах, цокавших в прошлом и утрачивающих цоканье.

Отвердение шипящих осуществляется не одновременно во всех положениях, но проследить эту последовательность по памятникам трудно, так как у нас нехватает материала в этой области, хотя по отдельным памятникам некоторые данные и имеются. Больше материала для определения этой последовательности дают говоры, отражающие различные этапы этого процесса (подробнее см. в курсе диалектологии).

§ 116. История сочетаний *š'č'*, *ž'dž'* состоит не только в их отвердении (которое также по говорам осуществляется), но и в некотором преобразовании, именно их упрощении, которое может проходить двояким путем: во-первых, может теряться затвор

в начале второго элемента сочетания, в результате чего аффриката, представляющая второй элемент, изменяется в фрикативный согласный, а два одинаковые фрикативные сливаются в один долгий, т. е. *šč* > *š̄*, *žd̆ž* > *ž̄*; во-вторых, во втором элементе может теряться фрикативная часть и вместо аффрикаты в результате этого является соответствующий взрывной согласный (*t*, *d*), т. е. *šč* > *št*, *žd̆ž* > *žd*. Ср. *ш'т'у́ка* «щука», *прије́ж'д'а́й* «приезжай» в некоторых говорах около Онежского озера. Чаще наблюдается первое, поэтому, особенно в русских говорах, в настоящее время широко распространены долгие шипящие *ш*, *ж*. Они характерны и для московского говора, а следовательно, являются нормой и литературного языка.

Помимо указанных преобразований, рассматриваемые сочетания могут подвергаться и отвердению. Долгие шипящие *ш*, *ж* отвердели во всех южновеликорусских говорах и в значительной части северновеликорусских (ср. *шшу́ка*, *ја́шшык*, *је́жжу*).

В отношении дальнейшего развития аффрикат *с*, *č* по говорам (помимо их отвердения) имеют в особенности значение два явления: 1) утрата цоканья в первоначально цокавших говорах; 2) утрата затвора и изменение в результате этого аффрикат в фрикативные согласные. О последнем свидетельствуют такие диалектные формы, как *ку́риса* «курица», *шай* «чай». Обо всех рассмотренных выше явлениях подробнее см. в курсе диалектологии.

§ 117. Наша современная орфография отражает как особое место, занимаемое шипящими в звуковой и фонематической системе русского языка, так и прошлую их мягкость. Ввиду того, что шипящие и *ц* могут быть или только твердыми, или только мягкими, после них пишется обычно только один из элементов каждой пары гласных букв, употребляющихся после твердых и мягких согласных, независимо от твердости или мягкости соответствующего согласного: *а* (но не *я*), *у* (но не *ю*), *и* (но не *ы*). Некоторое отступление представляет *ц*, после которого употребляются как *и*, так и *ы*. Но и здесь проведено некоторое упорядочение — в корнях теперь пишется *и* и там, где раньше писалось *ы*, например *панцирь*.

Логически следовало бы после шипящих на конце слова не писать *ь*, так как каждый из указанных звуков может быть или только твердым, или только мягким. После *ц* у нас действительно и не пишется *ь* (если мы не хотим специально передать мягкого *ц* какого-нибудь говора или другого языка). Но после шипящих в определенных грамматических формах *ь* пишется, независимо от качества соответствующего шипящего: в окончании 2 л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени, например *делаешь*, *сделаешь* — после твердого *ш*, в инфинитиве на *-чь* — *лечь*, *беречь* — после мягкого *ч*; в им. и вин. п.

ед. ч. существительных женского рода — *мышь*, *рожь*, *ложь*, *дочь*, *ночь*, независимо от твердости и мягкости шипящего. Возможное написание *ь* и после твердых шипящих говорит о прошлой их мягкости.

Отвердение *r*

§ 118. Отвердение старого мягкого *r'* (из *rj* и из *r* перед гласными переднего ряда) независимо от его положения имело место в белорусском языке и в значительной части украинских говоров. Впрочем, в некоторой части белорусских говоров старое мягкое *r'* сохранилось. В западнорусских (т. е. старых белорусских) памятниках отвердение отражается посредством написания после *р* соответствующих гласных букв начиная с конца XIV в. Ср. *сентебра* «сентября» (Гр. 1395 г.), *терать* «терять» (Гр. 1398 г.). Некоторые лингвисты (например, Л. Л. Васильев) на основании косвенных данных предполагают для части древних восточнославянских наречий и более раннее отвердение рассматриваемого согласного.

Утрата интервокального j и стяжение

§ 119. Среднеязычный звонкий фрикативный согласный в интервокальном положении, т. е. в положении между гласными, во всех славянских языках с достаточно раннего времени обнаруживает неустойчивость, имеет тенденцию теряться. При этом гласные, оказавшиеся рядом в результате этой утраты, обычно подвергаются стяжению.

В восточнославянской области *j* в соответствующих условиях оказывается устойчивее, чем в других славянских языках (лишь в послеударном положении он ослабляется в неслоговое *i̯*). Сохраняется он, в частности, и в московском говоре, легшем в основу русского литературного языка. Но в ряде говоров он теряется и здесь.

§ 120. Фонетическая основа этого явления, повсеместно представленного в северновеликорусских говорах, такова. *j* (собственно, точнее уже неслоговое *i̯*) теряется между гласными в послеударном положении. Возможно, эта утрата связана с меньшей напряженностью звонких согласных, к которым принадлежит *j*. После утраты *j* возможно изменение гласных, оказавшихся в непосредственном соседстве, осуществляющееся определенными этапами, порой в одном и том же говоре сосуществующими.

В части северных говоров (или переходных на северной основе) представлен лишь конечный этап рассматриваемого процесса, т. е. формы со стяжением, но нет форм без *j*, еще не стянутых, т. е. имеются формы типа *знат* «знает», *мот*

«моет», но нет форм типа *зна́эт* (или *зна́ат*), *мо́эт* (или *мо́от*). В этих говорах, если и встречаются формы типа *знаi̯ет*, то лишь под влиянием литературного языка.

Говоры, в которых представлено сосуществование различных этапов процесса утраты *j* между гласными, ассимиляции и стяжения оказавшихся в непосредственном соседстве гласных, представляют основную массу северновеликорусских говоров. Формы, представляющие лишь конечный результат (т. е. стянутые формы, но не формы без *j* и без стяжения), характеризуют южную часть северновеликорусских говоров, а также говоры переходные. Эти говоры характеризуются большей частью или неполным оканьем, или аканьем. Отсутствие переходных ступеней, возможно, и является следствием этой особенности их вокализма: заударные гласные в них могут подвергаться сильной редукции, вплоть до нуля, т. е. форма типа *зна́i̯ет* дает после утраты *i̯* *зна́ет* > *зна́ьт* > *зна́т*[21].

Примеры в памятниках не вполне ясны: *подобать* «подобает» (Ряз. кормчая 1284 г.), да не *слезать* «да не *съл҃заеть*» (Ев. 1357 г.), да *обѣдать* «пусть обедает» (Ев. 1358 г.), *послушамъ* «послушаем» (Лавр. лет.). В особенности сомнительны первые три случая, поскольку нет указания на отвердение *t'*, а мягкость конечного *t'* (более напряженного, чем твердое *t*) может препятствовать стяжению. Более достоверно (хотя тоже не вполне) *сказыва*^{ш} «сказываешь» (Гр. в. кн. Вас. Вас., 1433 г.) — в этой грамоте данная форма встречается три раза. Но если здесь действительно отражается стяжение, то значит, оно было представлено и в московском говоре до проникновения в него южновеликорусских черт. Впрочем, такая форма, как *ска́зываш*, часто употребляемая как вводное слово, может произноситься с ослабленным ударением, что может способствовать развитию в ней стяжения.

Во всяком случае, по мнению большинства лингвистов, стяжение в русских говорах — явление сравнительно позднее.

Изменение фонемной системы русского языка

§ 121. В результате всех изложенных выше фонетических процессов подвергается значительному преобразованию система фонем, характерная для нашего языка. Впрочем, по говорам это преобразование осуществляется несколько по-разному.

Характерной особенностью в этом преобразовании является то, что гласных фонем постепенно становится меньше — теряются особые фонемы *ъ* и *ь*, в части говоров теряются также *ѣ* и *о*.

---

[21] См.: Т. С. Коготкова. Утрата интервокального *j* и стяжение гласных в русских говорах. Автореф. канд. дисс. М., 1953.

Объединяются в одну фонему различавшиеся ранее *і* и *у* (*ы*), а также *а* и *ä*. Имеется сильная тенденция объединения также в одну фонему *о* и *е*, поскольку они представлены в основном в различных фонетических условиях. Впрочем, эта тенденция большей частью (не только в московском говоре, лежащем в основе литературного языка, но и в других говорах) не приводит к полному объединению этих фонем.

Напротив, в области согласных наблюдается увеличение количества фонем, характерное, пожалуй, для всех говоров. Наиболее существенным здесь является развитие противопоставления твердых и парных с ними мягких согласных.

В широком объеме наблюдаются также различные изменения позиционного характера (т. е. в зависимости от фонетического положения соответствующих звуков), приводящие частью к иным отношениям между сохранившимися фонемами, чем те, какие им были свойственны ранее.

Развитие ударения

§ 122. На протяжении исторического развития нашего языка, несомненно, имело место изменение характера нашего ударения (по крайней мере, для подавляющего большинства наших говоров). Оно утратило свой музыкальный и политонический (в фонологическом отношении) характер и стало динамическим и монотоническим. Но мы до сих пор не располагаем сколько-нибудь точными сведениями о времени этого изменения. Возможно, что оно осуществилось в эпоху более древнюю, чем древнейшие дошедшие до нас памятники, но возможно, что осуществилось оно и в более позднюю эпоху. Древнейшим нашим акцентуированным памятником является, как уже говорилось, Новый завет митрополита Алексия, писанный, по-видимому, в середине XIV в., но он не дает никакого указания на качество ударения. Различия качества в эту эпоху, вероятно, уже и не было.

На протяжении эпох, от которых дошли до нас акцентуированные памятники, осуществлялись различные для разных говоров изменения в месте ударения в отдельных словах и в различных формах словоизменения и словообразования. Но, поскольку в данном случае речь идет не об изменении фонетической природы ударения, а о смене места, и притом в определенных структурных категориях, эти преобразования должны быть рассмотрены не в фонетике, а в морфологии.

МОРФОЛОГИЯ

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

§ 123. Под морфологическими средствами понимаются структурные средства, служащие для образования различных слов от одного корня и различных форм одного слова. Есть основания вопросы словообразования отделить от вопросов грамматики и, следовательно, морфологии, так как они больше связаны с лексикологией (учением о словарном составе языка), но так как для образования новых слов и для образования различных форм одного слова часто используются структурные средства одного и того же характера, целесообразно в этом разделе рассмотреть и словообразовательные средства.

Основным средством образования как различных слов, так и различных форм одного слова в древнерусском языке, как и в современном, была аффиксация, т. е. использование аффиксов (под аффиксом понимается любая морфема, т. е. значимая часть слова, за исключением корня или корневой морфемы). По положению в слове относительно корня среди аффиксов различают, как известно, префиксы — аффиксы, предшествующие корню, и суффиксы — аффиксы, стоящие после корня. От суффиксов отделяют (в элементарной грамматике) окончания, понимая под ними морфемы, стоящие на самом конце слова и служащие лишь для выражения отношений между словами в словосочетании, а не для образования новых слов (например, окончания различных падежей). Суффиксы же в широком смысле включают в себя и окончания. В исторической и сравнительно-исторической грамматике падежные окончания часто называют падежными суффиксами. Как в современном русском языке, так и в древнерусском префиксы (называемые также приставками) характеризовали преимущественно глаголы, а среди имен преимущественно отглагольные (ср., например, *съ-дѣлати, по-бити, при-городити, при-городъ*). Впрочем, такая приставка, как *ра-* (*па-*) характеризовала главным образом имена не отглагольные, например, *па-сынъкъ, па-дъчерица* и т. д., но встречается и в отглагольных именах, напри-

мер: *паволока* (Лавр. лет.), *патока* (Геннад. библия, 1499 г.; есть и в современном языке). Суффиксы (включая окончания) характеризовали как имена, так и глаголы, ср. *рож-ьц-ь* (уменьшительное от *рогъ*), *съх-ну-ти, нес-у, нес-л-а, вълк-ъ, вълк-а, крас-ьн-ыи.*

Сравнение славянских языков с другими индоевропейскими показывает, что среди аффиксов, кроме префиксов и суффиксов, были еще инфиксы, вставлявшиеся внутрь корня. Ср. лат. *vi[n]-c-ō* «я побеждаю», *vic-ī* «я победил», *vic-tor* «победитель» (корень *vic-*, *-n-* инфикс). По-видимому, инфиксы, по крайней мере один из них, именно *-n-*, был унаследован праславянским языком от более раннего времени, но в положении перед согласным, замыкающим корень, носовой согласный *n* в сочетании с предшествующим гласным корня еще на праславянской почве дал носовой гласный, который на восточнославянской почве изменился в гласный неносовой (см. Фонетика, § 33). Ср. ст.-сл. *лѧгѫ — лещи, сѧдѫ — сѣсти*, фонетически *lęgǫ — lešti* < **le[n]g-ōm — *leg-teį, sędǫ — sěsti* < **sē[n]dōm — *sēd-teį*; *-n-* является по происхождению инфиксом, вставленным внутрь корня **leg-*, **sēd-* > *sěd-*. Носовой гласный в корне является следом этого инфикса. По-видимому, этот инфикс имел ингрессивное, т. е. начинательное значение (показывал начало действия). В древнерусском языке на месте праславянского *ę* являлось *ä* (например, др.-русск. *лѧгоу, сѧдоу* произносились, вероятно, как *lägu, sädu* или уже *l'ägu, s'ädu*); таким образом, в древнерусском языке всякий след инфикса уже потерян и является просто определенная ступень чередования корневого гласного.

Из других средств могли быть использованы: 1) чередования; 2) удвоение; 3) словосложение. Эти средства обычно совмещались с аффиксацией (т. е. при образовании нового слова или формы слова, помимо одного из только что названных средств, использовалась и аффиксация). Все эти средства характеризовались различной степенью продуктивности (т. е. частоты использования).

Под чередованием понимают необусловленные фонетически смены звуков, точнее фонем, в составе морфемы (чаще корневой, но иногда и аффиксальной), ср., например, *нес-ти — нос-и-ти* (корневая морфема *nes-/nos-*), *бьр-а-ти* — 1 л. ед. ч. наст. вр. *бер-у* (корневая морфема *ber-/bьr-*).

Под удвоением понимают полное или частичное повторение морфемы, ср., например, *да-ти* — 3 л. мн. ч. наст. вр. *дадѧть*, 1 л. мн. ч. повел. накл. *дад-и-мъ* (корневая морфема *da-/dad-*). Это средство, когда-то продуктивное, еще на праславянской почве стало непродуктивным, и в древнерусском языке от него сохранились лишь ничтожные остатки.

Словосложение использовалось специально для образования слов (а не различных форм одного слова) и состояло

в образовании нового слова посредством использования двух или более (для древнерусского языка не более двух) самостоятельных слов, уже наличных в языке. В результате этого сложное слово содержит (помимо аффиксальных) не менее двух корневых морфем, ср., например: *водонос*ъ, *доброхот*ъ. Образование сложных слов осуществлялось посредством тематического гласного (в приведенных примерах *-о-*, по происхождению конечный гласный именной основы, но мог выступать и не только у слов, где основа на *-о-*, ср. первый пример). Словосложение обычно совмещалось с аффиксацией, ср. *любомудрие* (Панд. Ант., XI в.), *любодѣяние* (Житие Феод. Печ., XII в.).

Вероятно, при образовании как разных слов от одного корня, так и разных форм одного слова в древнерусском языке, как и в современном, играло роль и ударение (ср. совр. русск. им. п. ед. ч. *голова́*, вин. п. ед. ч. *го́лову*, им. и вин. п. мн. ч. *го́ловы*, род. п. мн. ч. *голо́в*, производное существительное *голо́вка* и т. д.). Но об ударении древнерусского языка мы можем судить лишь по косвенным данным (см. Фонетика, § 31, 48).

В некоторых случаях в той же роли, как рассмотренные выше морфологические средства, в древнерусском языке, как и в современном, использовались образования от различных корней.

Ср., например, формы личного местоимения 1-го лица: ед. ч. им. п. *азъ* — род. п. *мене*, мн. ч. им. п. *мы* — род. п. *насъ*. Это явление называется сплетением основ (точнее было бы — корней) или супплетивизмом, а отношения между такими формами — супплетивными отношениями. Супплетивными отношениями в древности, как и теперь, характеризуются лишь немногие слова.

ХАРАКТЕРНЫЕ СВОЙСТВА ДРЕВНЕРУССКИХ МОРФЕМ

§ 124. Существенной особенностью большинства древнерусских аффиксов, служащих для образования различных форм одного слова, т. е. окончаний, является одновременная многозначность (т. е. каждый такой аффикс одновременно выполняет несколько функций, передает несколько значений); например, в форме род. п. ед. ч. *стол-а* окончание *-а* передает одновременно и родительный падеж (определенные синтаксические отношения, в которые вступает данное слово), и единственное число (показывает, что речь идет об одном предмете); в форме местн. п. мн. ч. *стол-ѣхъ* окончание *-ѣхъ* передает одновременно и местный падеж (синтаксическое отношение), и множественное число (показывает, что речь идет о нескольких предметах). Для этих же морфем существенны синонимия — выражение различными морфемами одних и тех же синтаксических отношений (обычно различных слов), ср. род. п. ед. ч. *стол-а, жен-ы, сын-у, кост-и, дьн-е,* и омонимия — выражение у части слов одной морфемой нескольких разных синтаксических отношений, у других слов выражающихся разными морфемами, ср. род., дат. и местн. п. ед. ч. от слова *путь — пут-и*, и от слова *столъ — стол-а, стол-у, стол-ѣ*. Эти особенности свойственны и современному русскому языку.

§ 125. Существенной особенностью древнерусских морфем (любых, т. е. не только аффиксальных, но и корневых) являлось то, что почти каждая содержала гласный звук (фонему), т. е. слоговой элемент. Исключения редки (например, суффикс действительного причастия прошедшего времени *-l-*; впрочем, и он обязательно сочетается с следующей за ним морфемой — показателем рода и числа, содержащей гласный). В то же время древнерусский язык, как и другие древние славянские, характеризовался особой структурой слога (см. Фонетика, § 13). В конце слога обязательно был слоговой элемент (обычно гласный, в редких случаях слоговой плавный — *r̥*, *l̥*). Но морфологическое членение слова (на морфемы) могло и не совпадать с фонетическим, ср. *vo-da* (фонетическое членение), *vod-a* (морфологическое членение).

КЛАССЫ СЛОВ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 126. Все слова любого языка могут быть разбиты на классы с точки зрения наличия у них определенных семантических, синтаксических и морфологических признаков. Классификация эта носит многостепенный характер. По их грамматической роли слова могут быть подразделены прежде всего на самостоятельные, служебные и междометия. Самостоятельные слова образуют отдельные члены предложения. Служебные слова служат для выражения отношения между самостоятельными словами в предложении и словосочетании. Междометия, по происхождению восклицания рефлекторного характера, лишь затем стабилизировавшиеся в определенной форме, представляют собой нечленимые слова-предложения. Служебные слова и междометия в древнерусском языке, как и в современном, были неизменяемыми, т. е. не имели различных форм словоизменения, и исторически о них можно говорить лишь с точки зрения этимологии и словообразования. Служебными словами были, как и теперь, предлоги, союзы и частицы. Междометия по самому характеру своему больше свойственны живой речи и редко фиксируются памятниками, но все же мы иногда в памятниках их находим, ср.: *оувы* мнѣ ги. луче бы ми оумрети съ братомь (Лавр. лет., л. 46 об.).

Самостоятельные слова подразделяются на классы, называемые частями речи, соответственно характеризующим их морфологическим признакам, т. е. формально выраженным грамматическим категориям. По различавшимся среди самостоятельных слов частям речи древнерусский язык во многом сходен с современным, но имеет и некоторые отличия. Как и в современном языке, несомненно, могут быть выделены существительное, прилагательное, глагол и наречие. Из них наречие характеризуется неизменяемостью, как и в современном языке (нет характеризующих его формально выраженных в структуре слова грамматических категорий). Класс слов, объединяемых как наречие, в древнерусском языке был более ограничен, чем теперь. На протяжении истории языка он пополняется словами, при-

ходящими из других частей речи (см. ниже, § 262). Существительное, прилагательное и глагол характеризуются теми же основными грамматическими категориями, что и в современном языке (о специфических особенностях их см. ниже, в соответствующих разделах).

Существительные и прилагательные в древнерусском языке были менее резко противопоставлены друг другу, чем в современном. По формам сильно отличаются от существительного местоименные прилагательные (см. в курсе старославянского языка). Но наряду с ними были именные прилагательные, характеризовшиеся теми же формами, что существительные. Различие было лишь в том, что каждое существительное само по себе принадлежало к тому или иному грамматическому роду, а прилагательное принимало форму рода в зависимости от того, определением при каком существительном оно являлось. Именные прилагательные могли использоваться как существительные без всякого изменения формы, ср. *зъло* — им. п. ед. ч. ср. р. прилагательного и в то же время им. п. ед. ч. существительного среднего рода.

Местоимения по своим формам частью примыкают к существительным, частью к прилагательным, как и в современном языке (они противостоят остальным самостоятельным словам семантически и синтаксически по иному принципу, чем подразделяются части речи). Своеобразными признаками как часть речи характеризуются лишь так называемые личные местоимения, к которым для древнерусского и старославянского языков принято относить лишь местоимения 1-го и 2-го лица, а также возвратное местоимение. Все эти местоимения, сближаясь с существительным по наличию у них категории падежа, отличаются от существительных отсутствием категории рода.

В древнерусском языке, как и в современном, существовали названия различных чисел, но нет оснований для выделения соответствующих названий в особую часть речи — числительное. Названия чисел до «четырех» включительно по своим грамматическим признакам сближались с прилагательными, а начиная с «пяти» — с существительными. В современном русском языке числительное характеризуется отсутствием грамматической категории числа (имеются в виду количественные числительные, порядковые же числительные и для современного языка грамматически являются прилагательными). В древнерусском языке дело обстояло иначе (об особенностях древнерусских названий чисел и о формировании на протяжении истории языка числительного как части речи см. ниже, § 192).

ОСНОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ, ИМЕВШИЕ МЕСТО В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 127. Развитие морфологического строя языка состоит в том, что некоторые старые грамматические категории теряются, выходят из языка, некоторые, напротив, складываются и развиваются, некоторые же, сохраняясь от далекого прошлого, преобразуются. В целом морфологический строй русского языка хорошо сохранил свои общие свойства на протяжении многих веков, и основные формально выраженные в структуре слова грамматические категории теперь в основном те же, что в эпоху древнейших дошедших до нас памятников. Изменения касаются в основном некоторых частных категорий внутри основных. Так, утрачены на протяжении истории языка различные прошедшие времена глагола, четче оформилась категория будущего времени, но грамматическая категория времени в целом существовала в нашем языке задолго до появления письменности и сохранились теперь. Утрачено было двойственное число (см. ниже, § 155), но грамматическая категория числа в целом сохранилась, только различаются в ней не три числа, как раньше, а два — единственное и множественное. Некоторые вновь сложившиеся на протяжении истории языка категории можно указать, но они опять-таки носят относительно частный характер. Так, некоторые предпосылки категории одушевленности имели место еще на праславянской почве, но оформилась эта категория в процессе развития русского языка (см. ниже, § 157). В области глагола вновь оформились возвратные формы (см. § 246), но вообще формы, выражающие залоговые отношения, в языке были и раньше.

Грамматические категории, о которых идет речь, всегда выражаются какими-то структурными средствами. В них же могут происходить различные изменения. Они состоят в том, что, и при сохранении категории, одни средства могут заменяться другими в силу различных причин (о которых ниже), что некоторые средства, ранее продуктивные, могут становиться непродуктивными, а то и совсем теряться. Самое появление новых категорий тесно связано во многих случаях с утвержде-

нием в языке новых структурных средств, их выражающих. Изменение структурных средств часто бывает следствием фонетических изменений. Так, в результате падения редуцированных и отвердения конечных губных согласных (см. «Фонетика», § 79) многие формы, ранее различавшиеся, перестают различаться, ср., например *дамь* (1 л. ед. ч.) и *дамъ* (1 л. мн. ч.). В тех случаях, когда есть необходимость различения таких совпавших форм, вырабатываются новые средства различения (см., например, ниже, § 143). В других же случаях такие омонимически совпавшие формы остаются омонимами. Ср., например, *тѣмь* (тв. п. ед. ч. муж. и ср. р.) и *тѣмъ* (дат. п. мн. ч. всех родов).

§ 128. Изменения структурных средств (и словообразования и словоизменения), если оставить в стороне обусловленные полностью фонетическими изменениями, могут быть сведены к немногим основным типам. Эти типы перекрещиваются, так как опираются на различные принципы.

С точки зрения перемещения границы слова и морфемы устанавливаются три типа: 1) о п р о́ щ е н и е, состоящее в утрате границы между морфемами — там, где было раньше две морфемы, устанавливается одна; 2) п е р е р а з л о ж е н и е, состоящее в передвижении границы между морфемами; 3) а г г л ю т и н а ц и я, состоящая в утрате границы между словами — два слова объединяются в одно, причем одно из них становится морфемой, входящей в состав другого слова.

Опрощение имеет место тогда, когда какая-то из морфем (обычно словообразовательный аффикс) становится непродуктивной, а постепенно и перестает выделяться. Так, например, некогда у нас был именной словообразовательный суффикс *-r-*, посредством которого образованы такие слова, как *пиръ* (от *пити*), *добръ* (ср. *доба* «польза»), *хытръ* (ср. *хытити*), но еще в древнерусском языке он был, по-видимому, уже непродуктивным, имена же, образованные посредством него, рано потеряли связь с корнями, от которых образованы.

Примером переразложения является имевшее место еще на праславянской почве и создавшее предпосылки для дальнейших изменений уже на почве древнерусского языка перемещение границы между основой и окончанием в так называемых склонениях с основой на *-a* и на *-o*: некогда эти гласные служили концом основы, за которым следовали окончания. Но еще на праславянской почве у таких слов, как *столъ, село, жена,* основой является уже *stol-*, *sel-* (старые основы на *-o*), *žen-* (старая основа на *-a*).

Примером агглютинации является превращение формы возвратного местоимения *сѧ* в возвратную частицу, представляющую собой морфему в составе глагольной формы (см. § 246). На этом примере мы видим, что с некоторыми морфологическими процессами связано появление новых грамматических категорий.

С точки зрения отношений структурных средств и их значений, обусловливающих морфологические изменения, и результатов, к каким приводят эти изменения, устанавливаются аналогия и дифференциация.

Под аналогией понимается непосредственная причина замены одного структурного средства другим в результате близости или даже тождества грамматических значений, выражаемых первым и вторым средством. Результатом действия аналогии является, например, преобразование формы дат. п. мн. ч. *столом(ъ)* в современную форму *столам*, по той причине, что достаточно обширному классу существительных (типа *рука*) для передачи того же синтаксического значения (и также во множественном числе) была свойственна форма *рукам(ъ)*. Для действия аналогии в данном случае необходимо было, чтобы уже осуществилось переразложение, в результате которого и *-ом* (*-от*) и *-ам* (*-ат*) уже являлись окончаниями, т. е. каждое одной морфемой (а не сочетанием двух), что и сделало возможным замену одной морфемы другой (*от* → *ам*; подробнее см. ниже, § 148). Аналогия — один из основных факторов преобразования морфологического строя языка, в ней проявляется обобщающая работа человеческого мышления, результатом которой является усиливающая тенденция выражать подобные значения одними и теми же средствами.

Под дифференциацией понимается установление различных структурных средств для выражения разных значений, ранее выражавшихся одними средствами. Примером дифференциации является установление различных форм местного падежа в разных значениях у существительных старого склонения с основой на *-о*, ср. *о мостѣ* — *на мосту* (предмет, о котором идет речь, и предмет, являющийся местом, где что-то происходит). В процессе дифференциации являются новые грамматические категории (в данном случае — образование двух падежей на основе старого одного, подробнее см. ниже, § 143). Процесс дифференциации тесно связан с действием аналогии: установление для части значений, передававшихся ранее местным падежом, нового окончания *-и* вместо старого *-ѣ* могло произойти лишь на основе действия аналогии: это *-и* перенесено из местн. п. ед. ч. другого типа склонения (см. подробнее ниже, § 143).

Как видим, различные морфологические процессы представляют собой сложную систему, элементы которой находятся в сложном переплетении и взаимодействии.

При рассмотрении исторического изменения различных морфологических средств сначала мы остановимся на истории чередований, поскольку в них наблюдается много общего для различных частей речи, изменения же в области аффиксации будут рассмотрены в порядке частей речи. В конце морфологии будут рассмотрены изменения в ударении как морфологическом средстве.

ИСТОРИЯ ЧЕРЕДОВАНИЙ

§ 129. Источником морфологических чередований не только в русском, но и в любом другом языке, насколько мы можем проследить или восстановить их историю, являются позиционные фонетические изменения. Чередования, формируясь, проходят обычно следующие этапы: 1) звук изменяется в другой звук в определенных фонетических условиях; 2) вследствие позднейших фонетических процессов (изменение фонетических норм, утрата причин, вызвавших фонетическое изменение) отношение между новым звуком, полученным в определенных условиях, и звуком, из которого данный получен и который сохранился в других условиях, перестает быть обусловлено позицией (положением); 3) в результате действия аналогии новый звук появляется и там, где он фонетически не возникал; 4) отношение между новым звуком и старым (из которого новый развился) морфологизуется, т. е. становится показателем различий морфологического характера — различий между разными формами одного слова и между разными словами одного корня, причем каждый из чередующихся звуков (или, как принято говорить, каждая из ступеней чередования) является показателем каких-то различий форм. Чередующиеся звуки являются разными фонемами, так как их различие позиционно уже не обусловлено. Собственно, появление звука там, где он не возникал фонетически, в результате действия аналогии уже кладет начало морфологизации.

Древнерусским языком от праславянского, и даже от еще более раннего времени, унаследованы различные чередования гласных. Они представляют целые ряды чередующихся в одной и той же морфеме гласных. Основным рядом является *ь/е/о/ě/а*. Ср. *бьрати — беру — съборъ*; *плету — плотъ — съплѣтати*; *летѣти — лѣтати*; *помочи — помагати*; *тьци — теку — токъ — истѣкати — истачати*. Подобные примеры известны из курса старославянского языка. Как показывают примеры, чередующиеся гласные корневой морфемы могут характеризовать как различные формы одного слова, так и различные слова одного

корня. Происхождение приведенных чередований может быть выяснено лишь в результате сравнительно-исторического изучения различных индоевропейских языков. Этот основной ряд еще на праславянской почве подвергался известным преобразованиям, если непосредственно за гласным следовал сонорный согласный перед согласным же. Результаты, представленные в древнерусском языке, частью совпадают, а частью отличаются от старославянских, — последнее в тех случаях, когда между древнерусским и старославянским языками имелись фонетические различия, ср., например, ст.-сл. *трѧсѫ — тржсъ* < **trensōm — *trons(ъ)*, др.-русск. *трѧсу (träsu) — троусъ (trusъ)*, ст.-сл. *мьржѫ мрѣти* < **mьrǫ — *merti*, др.-русск. *мьру — мерети*.

Широко использованные в древнерусском языке, главным образом в глагольных корнях, чередования *ь/i*, *ъ/у(ы)* — ступень *i*, *у* характеризует в широком объеме производные приставочные глаголы несовершенного вида (ср. *събьрати — събирати*, *оусъхнути — оусыхати*) — унаследованы от праславянского языка, впрочем, зачатки этих чередований относятся к более раннему времени.

Чередования гласного с нулем представлены единичным остатком, ср. спряжение настоящего времени вспомогательного глагола: 3 л. ед. ч. *ѥсть* — 3 л. мн. ч. *суть* (*es-/s-*).

На праславянской почве, а частью в ранний (дописьменный) период развития восточнославянских наречий заложены были основы чередований задненебных согласных с шипящими (последние первоначально возникли из задненебных позиционно, перед гласными переднего ряда, но затем утратили связь с позицией, ср. *бѣгати — бѣжати* < **běžěti* < **bēgētei̯*), позднее — задненебных со свистящими (по второй палатализации). На праславянской же почве (с некоторыми преобразованиями в ранний восточнославянский период) возникли различные чередования согласных, источником которых явились фонетические изменения согласных в сочетании с *j* (например, *ношу* < **nosjǫ — носиши*, *ноша* < **nosja*, *молочю* < **meltjǫ — молотиши* < **meltiši* и т. д.). Ступень, развившаяся из сочетания с *j*, характеризует определенные морфологическо-словообразовательные категории, в частности 1 л. ед. ч. наст. вр. глаголов IV класса; существительные, производные от глаголов этого класса; притяжательные прилагательные, ср.: *ѩрославъ — ѩрославль*, *борисъ — боришь* («борисов»).

§ 130. Указанные чередования сохраняются как морфологическое средство и после утраты причин, вызвавших появление чередующихся звуков.

Появление шипящего на конце корня в прилагательном, образованном от существительного с задненебным согласным в конце корня, первоначально было обусловлено фонетически. Ср. *порокъ — порочьныи* (прилагательное характеризовалось суф-

фиксом *-ьn-*, а перед *ь* должна была осуществляться первая палатализация). Уже в достаточно ранний период *č* < *k* перед *ь* фонетически не было обусловлено, о чем свидетельствуют некоторые заимствования из других языков в старославянский, а затем в древнерусский. Ср. такое заимствование, уже христианских времен, как *церковь* — др.-русск. *цьрькы*, ст.-сл. *црькы* — из германских языков (ср. др.-в.-нем. *kirihha* «церковь», совр. нем. *Kirche*), где является *c*(*ц*), тогда как по древним нормам перед *ь* должно было быть *č*. Между тем в производных прилагательных, позднейших по образованию, является *č* и даже после падения редуцированных, когда согласный производящей основы (корневой или в свою очередь производной) оказывается непосредственно перед *-n-* суффикса. Ср. в поздних заимствованиях из западноевропейских языков: *ба́рка — ба́рочный*, *ма́рка — ма́рочный*, *брю́ки — брю́чный*; так же и при других задненебных согласных в конце основы производящего слова: *флаг — фла́жный* (в морском термине «флажный сигнал»).

Отношения «согласный — мягкий согласный, развившийся из сочетания согласного с *j*» (типа *t* — *č* в *молочю — молотиши*) становятся фонетически не обусловленными и превращаются в морфологические чередования в результате появления после падения редуцированных сочетаний «согласный + *j*» (см. § 74). Поскольку в чередованиях этого типа губной согласный чередуется с сочетанием «губной + *l'*» (исторически из сочетания «губной + *j*»), чередование распространяется на поздние заимствования, содержащие губной согласный *f*, в древности чуждый вообще славянским языкам, в результате чего в определенных формах и словообразовательных типах выступает чередование *f* | *fl'*, хотя исторически здесь сочетания **fj* никогда не было. Ср. *графи́ть — графлю́*, *графи́шь*, *разграфи́ть — разграфля́ть*; *потра́фить* (просторечное, из нем. *treffen* «попасть») — *потра́флю*, *потра́фишь*, *потрафля́ть*.

§ 131. На протяжении истории языка в значительной мере сохраняются чередования, унаследованные от прошлого, но наряду с этим могут возникать новые чередования, разрушаться старые, преобразовываться имеющиеся. Соответствующие изменения в одних случаях охватывают весь язык, в других — отражаются лишь в каких-то говорах.

В области гласных вновь возникло в результате падения редуцированных чередование *е*, *о* с нулем звука. Ср. сон < *сънъ*, род. п. *сна* < *съна*, *день* (фонетически *d'en'*) < *dьnь*, род. п. *дня* (*dn'a*) < *dьne* (конечное *а* вместо *е* нефонетически, см. ниже, § 146).

§ 132. По говорам в очень широком объеме имело место разрушение и устранение (опять-таки в результате действия аналогии) чередований более позднего происхождения, восходящих ко времени не ранее праславянского языка, а именно,

являющихся результатом I и II палатализации и изменения согласных в сочетании с *j*. В результате этого разрушения частью возникают новые чередования.

В особенности рано начинают устраняться результаты II палатализации: возникнув в более позднее время, сравнительно с I, они оказались менее прочными, чем результаты последней. В новгородских памятниках уже в конце XI в. обнаруживается выравнивание основы имен на задненебный согласный. Ср. рабоу своемоу *дъмъкѣ* (приписка на полях в Новгородской Минее 1096 г.) — *дъмъкѣ* — дат. п. ед. ч. от собственного имени *Дъмъка*. Устраняется также со временем переднеязычный свистящий согласный из форм повелительного наклонения глаголов, имеющих основу на задненебный согласный в настоящем времени, ср. совр. *пекú*, *бегú*, на месте др.-русск. *пьци*, *бѣзи*. Таким образом, во всех формах имен и глаголов, где перед окончанием был задненебный согласный, в русском языке устанавливается задненебный, только смягченный (без перехода в свистящий) перед гласными переднего ряда, ср. совр. *рукé*, *ногé* (фонетически *ruk'é*. *nog'é*). Единственным остатком старого чередования со свистящим в современном русском язые в склонении является неправильно (нерегулярно) образуемая форма множественного числа *друзья́* (от *друг*), причем *з* проходит по всем падежам (старая форма лишь им. п. мн. ч. *друзи*).

Однако чередования задненебных со свистящими сохраняются в склонении в современных украинском и белорусском языках. Ср. белор. *лаўка* — *на лаўцы*. Но в повелительном наклонении и там свистящие устранены, только, в отличие от русского языка, заменены щипящими, что, впрочем, наблюдается и в некоторых русских говорах, например, *печú*, *бежú*.

Чередования шипящих с задненебными, развившиеся в результате I палатализации, в значительной мере сохранились, но и в них наблюдаются выравнивания по аналогии, различные для разных категорий. Первоначально фонетически шипящий должен был являться в притяжательном прилагательном с суффиксом *-in-*, образованном от имени с задненебным согласным в конце основы. Так, от имени *Ольга* должно было быть образовано прилагательное *Ольжинъ*. Шипящий здесь был по аналогии устранен, ср. совр. русск. *Ольгин*. В период, когда это устранение происходило, возможны были различные колебания, мог являться и свистящий переднеязычный *z*, как в склонении. Ср. в Лаврентьевской летописи: бѣ бо вышегородъ градъ *вользинъ* (л. 17; относительно начального *v* см. «Фонетика», § 51). Формы с *ž* мы находим в соответствующем месте Радзивиловской и Академический летописи — *ольжинь* (Акад.), *олженъ* (Радз.).

В широком объеме по русским говорам устраняется чередование задненебных с шипящими в формах настоящего времени глаголов, и являются формы типа *пекý* — *пекёш* (*рек'óš*), *могý* —

могёшь (*mog'óš*). В том случае, если в говоре осуществилось изменение *е* > *о* (см. § 91), устанавливается новое чередование *к*/*к'*, *g*/*g'* (так как мягкость задненебного согласного перед *о* позиционно не обусловлена), причем это чередование в свою очередь может устраняться, и являются формы типа *пекóшь*, *могóшь* (эти формы наблюдаются и в русских говорах, например некоторых владимирских, и в белорусских, ср. *маһóш* «можешь»). В литературном языке чередования задненебных с шипящими в спряжении сохраняются, имеется лишь единичный пример (в одном глаголе) с новым чередованием *к*/*к'*, ср. *ткать*, *тку* — *ткёшь* (фонетически *tk'oš*), вероятно, вследствие того, что сочетание, которое без устранения шипящего, но в результате утраты слабого редуцированного должно было развиться фонетически, было бы трудно произносимым — *tčoš* (впрочем, в литературном языке начала XX в., возможно, искусственно, подобная форма иногда употребляется, ср. *тчется* «ткётся», как сказуемое к «мотиву», в «Исторической поэтике» А. Веселовского). В говорах, где сохранилось чередование *к*/*č*, возможна форма *toč'óš* «ткёшь» (также в некоторых владимирских) с *о* нефонетического происхождения на месте слабого ъ (о распространении форм с различными видами чередований задненебных и без чередований см. подробнее в курсе диалектологии).

§ 133. Из старых чередований гласных представляют интерес чередования корневого гласного *е*/*ě* и *о*/*а* (оба они восходят к старым чередованиям краткого и долгого гласного, см. в курсе старославянского языка). Наблюдаются они преимущественно в глагольных корнях, причем *ě*, *а* первоначально использовались для выражения большей длительности и повторяемости действия. Чередование *е*/*ě* постепенно теряется, что отчасти (но не целиком) связано с судьбой *ě* (*ѣ*) (см. выше, «Фонетика», § 96). Следы этого чередования по говорам сохранились и теперь (см. подробнее в курсе диалектологии). Чередование же *о*/*а* в одних случаях под действием аналогии стирается, в других же, напротив, становится продуктивным средством и распространяется. Примерами выравнивания могут служить др.-русск. *помочи* — *помагати*, совр. *помóчь* — *помогáть*. В литературном языке форма *помогать* может быть сочтена просто орфографической, так как в произношении безударные *о* и *а* не различаются. Но форма *помогáть* с *о* в первом предударном слоге бытует и в северновеликорусских окающих говорах. Памятники отражают выравнивание в основе глагола уже в XIV в.: ср. *пологахуть* (3 л. мн. ч. имперфекта) в Переяславском евангелии 1354 г., где аканье вообще не отражается. Современная орфография *полагать* (а не *пологать*) объясняется тем, что глагол этот книжный, и в нем сохранено старое написание. В украинском языке чередование *о*/*а* в основах глаголов сохранилось, ср. *помагати* — *помогти*.

В русских говорах выравнивание, хотя и не связано с аканьем, охватывает преимущественно лишь безударное положение, под ударением же, напротив, чередование *о/а* получает все большее распространение. Ступень *а* утверждается в производных приставочных глаголах несовершенного вида, а затем и в бесприставочных многократных с суффиксом *-iva-*, *-yva-*, что связано отчасти с тем, что ударение в них падает преимущественно на корневой слог. Ср. *коньчати*, но *доканчивати* (Моск. гр., 1367 г.). Ср. также современное *дока́нчивать*, *обмола́чивать*, *застра́ивать*, *оспа́ривать*, *обраба́тывать* и т. д. Еще в начале XIX в. мы встречаем в этих формах в литературном языке в значительном объеме *о: оспоривать*, *обработывать* и т. п. Ср. у Пушкина:

И не *оспоривай* глупца.

Но эти формы появляются, по-видимому, под косвенным влиянием церковнославянского языка, которому чужды были глаголы на *-ива-*, *-ыва-* с корневым *а*, казавшиеся, вследствие отсутствия их в церковнославянском языке, просторечными (примеры с корневым *-а-* из памятников XIV—XVII вв. см. ниже, § 244).

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Общие замечания

§ 134. Словообразовательная структура существительных на протяжении истории русского языка изменилась сравнительно мало. Изменения касаются главным образом относительной продуктивности тех или иных средств или изменения значения тех или иных словообразовательных аффиксов. Любое существительное, унаследованное от праславянского языка (а последним полученное от еще более раннего времени) и не обнаруживающее следов производства от какого-либо другого слова, было оформлено каким-либо показателем-детерминативом (см. ниже). Ряд существительных, частью унаследованных от более раннего времени, частью возникающих на почве самого древнерусского языка, является производными от других слов — имен или глаголов, причем при образовании использованы были те средства, которые рассмотрены выше.

Из аффиксов, как уже сказано, для существительных характерны главным образом суффиксы, приставки же главным образом наблюдаются у существительных, образованных от глаголов. Редким отступлением является специфически именная приставка *ра-* (*па-*), да и та частью в отглагольных образованиях (ср. *патока*).

Некоторые из суффиксов, используемых не только в существительных, но и в других именных образованиях, уже в эпоху древнейших памятников, а может быть и еще раньше, стали непродуктивными. К ним относится, например, суффикс *-r-*, представленный в таких словах, как *пиръ* (производном от глагола *пити*).

Суффиксы, которые сохраняют продуктивность на протяжении истории языка, характеризуются во многих случаях многозначностью. Возможно, частично мы имеем дело просто с различными омонимически совпавшими суффиксами. Так, например, издавна наличный в языке суффикс *-ьс'-* (*-ьц-*) употреблялся, с одной стороны, для образования существительных со значением действующего лица (отсюда и некоторые названия лиц по их

роду занятий), с другой — служил для существительных с уменьшительным значением. Ср. *стрѣльць* (производное от *стрѣла*, *стрѣлати*, *стрѣлити* — глагольный показатель в образовании не участвует) «стрелок» — слово неоднократно встречается уже в Лаврентьевской летописи (в Повести временных лет), чаще во множественном числе, и сохраняется для обозначения бойцов постоянного войска в Московском государстве конца XVII в.; наряду с этим, уже в древнейших памятниках, в значении созвездия (например, Св. изб. 1073 г., л. 251), сохраняющемся и теперь (суффикс частью сохранил прежнее значение, ср. совр. *делéц*); *городьць* — уменьшительное от *городъ* (*городьць* встречается в Новгородской Синодальной, в Лаврентьевской летописи). Также суффикс *-іса*, использовавшийся для образования названий живых существ (и лиц и животных) женского пола, производных от существительных, обозначавших живых существ мужского пола (с суффиксом *-ьс'-*, а также и других образований), использовался и как уменьшительный и в различных других значениях — и для названий неодушевленных предметов. Ср. *старица* (при *старьць*) — встречается в Синайском патерике и др., *мученица* (при *мученикъ*) — уже в Остромировом евангелии, *медвѣдица* (при *медвѣдь*) — в Святославовом изборнике 1073 г. и др., *гридьница* «большой покой для собрания воинов» (от *гридь* «воин») — в Синодальной, Лаврентьевской, Ипатьевской летописях и др., *грамотица* (уменьшительное от *грамота*) — в Поучении Владимира Мономаха.

Некоторые из суффиксов издавна имеют сложный состав, т. е. состоят генетически из нескольких суффиксов, причем первый из этих суффиксов по происхождению является суффиксом какого-либо другого класса слов. Так, например, сложный состав имеет приведенный выше суффикс *-ьпік-*, первая часть которого является суффиксом прилагательного *-ьп-* (см. ниже), ср. в новгородских грамотах (договорных с князьями) *осетрьникъ* (сборщик дани в пользу князя рыбой — осетрами), или же элемент *-п-* этого суффикса восходит к суффиксу страдательного причастия прошедшего времени (ср. приведенное выше *мученикъ*).

На протяжении истории языка может иметь место преобразование структуры суффикса. Так, в связи с сильной (и чем дальше, тем все усиливающейся) тенденцией к устранению результатов II палатализации в суффиксах, содержащих *с* (*ц*) после гласного переднего ряда (*і*, *ь*), имеет место тенденция к замене *с* посредством *к*, часто с заменой параллельным, уже существующим суффиксом, содержащим *к*. Так, суффикс *-ьс-* сменяется суффиксом *-ьк-* или *-ък-*, уже существовавшим в языке. Ср., например, др.-русск. *сучьць* (в евангельском тексте) — современное *сучóк* < *sučьkъ*, *рожьцъ* — современное *рожóк* < *rožьkъ*, или приведенное выше *городьцъ* и современное *городóк*

(форма *городокъ* встречается уже в Радзивиловской летописи). Впрочем, перестав употребляться в качестве уменьшительного, суффикс *-ец-* (<*-ьс-*) для обозначения лица, а также (и даже чаще) активного деятеля (хотя бы и неодушевленного) употребляется и теперь, ср. *делéц*, *подлéц*, *резéц*, *самопúсец* и т. д. Точно так же для обозначения живых существ женского пола (особенно лиц) суффикс *-іса* вытесняется суффиксом *-ька*, *-ъка*, получающим широкое распространение (современное *-ка*). Для некоторых существительных он имеется уже в древнейших памятниках.

Некоторые суффиксы на протяжении истории языка меняют или теряют свое первоначальное значение. В особенности в этом отношении показательны уменьшительные. С одной стороны, из значения уменьшительности развиваются различные значения эмоциональной окраски (ласкательные, уничижительные), с другой стороны, у некоторых существительных они теряют уменьшительное значение, а бессуффиксное существительное или вообще выходит из употребления, или сохраняется как синоним к снабженному суффиксом. Суффиксы уменьшительные *-к(а)*, *-к(о)* или производные от них *-(и)ш(ь)к(о)*, *-(и)ш(ь)к(а)* получают широкое распространение в деловых документах XVI—XVII вв. (главным образом, в челобитных), обращенных от низшего к высшему, приобретая уничижительное значение в применении к самому пишущему и лицам и предметам, с ним связанным, что обусловлено определенными социальными отношениями. Известный публицист XVI в. Иван Пересветов, обращаясь к Ивану Грозному, именует себя «*Jвашко* Семеновъ сынъ Пересвѣтова» (2-я челобитная), «*попа*^{ѫ}*и*^{ш}*ко* мое» называет свою жену в челобитной 1638 г. Воскресенский поп[1]. Но тот же суффикс *-к(а)*, *-к(о)* может терять уменьшительное значение, ср. укр. *дочкá*, белор. *дачкá* «дочь», первоначально уменьшительное от *дъчи*, но употребляющееся без уменьшительного значения. Можно было бы думать, что слово в такой форме без уменьшительного значения употреблялось уже в Синайском патерике XI в., где форма *дъчькѫ* (вин. п. ед. ч.) соответствует греч. τὴν θυγατέρα, но там эта форма, напротив, приобретает эмоционально окрашенный ласкательный оттенок, так как вложена в уста матери — сиѭ тъчиѭ *дъчькѫ* имавѣ (л. 151), а непосредственно перед этим, в «авторском» повествовании, о той же самой дочери — *дъщерь* (вин. п. ед. ч.).

Некоторые суффиксы, больше употребляющиеся в церковнокнижной литературе, имеют старославянское происхождение, хотя определенная почва для их распространения была, вероятно, и в живом древнерусском языке. Это в первую очередь относится к суффиксам абстрактного значения отглагольных

[1] См.: Т. С. Ворошилова. Из истории шуйских говоров XVI—XVIII вв. (канд. дисс.).

существительных *-ĭje*, *-nĭje*, *-tĭje*, *-enĭje*, *-anĭje*, например: *бъдѣникъ*, *бытиѥ*, *видѣниѥ*, *метаниѥ* «земной поклон» (от глагола *метати сѧ*; впрочем, засвидетельствовано в поздних памятниках — XVI—XVII вв.) — часть, предшествующая *-ĭje*, восходит к морфемам, принадлежащим глаголу и причастиям. О том, что соответствующие суффиксы осознавались позднее как церковнославянские, свидетельствует сохранение в современном языке у многих из этих существительных *и* < *ĭ* слабого (см. выше, § 64).

Многие существительные образовывались от других слов, в первую очередь от глаголов, без суффиксов (лишь с оформлением детерминативом), но с чередованием фонем в корневой морфеме. Многие такие образования унаследованы от очень древних эпох и находят себе соответствия в других индоевропейских языках, в частности те, которые содержат в корне *о* при *е* в корне глагола, например: *бродъ* (ср. *бреду*, *брести*, в первоначальном значении «идти вброд»), *плотъ* (ср. *плету*, *плести*), в первоначальном значении также «ограда» (вероятно, то, что сплетено, плетень). Чередованием согласного в конце корневой мерфемы характеризуются некоторые существительные, образованные от других классов слов посредством суффикса, не выделяющегося вследствие фонетических процессов еще праславянской эпохи. Ср. *суша* от прилагательного *сухъ*, например: объходите море и *соушоу* (Св. изб. 1073 г., л. 44); — первоначально **suxja*, т. е. образовано посредстом суффикса *-j(a)*.

При словообразовании существительных использовались также различные типы словосложения. В особенности широко такие образования идут из старославянского языка, где представляют собой кальки с греческих, частью же создаются по образцу их на древнерусской почве, ср. *богоподобиѥ* (Панд. Ант. XI в.), греч. θεομίμητον; *любомудриѥ*, *любомѫдриѥ* (дат. п. *любомѫдрьѫ*, Панд. Ант., л. 117), гр. φιλοσοφία. Приведенные сложные слова характеризуются и суффиксом, который больше свойствен словам церковно-книжного характера. Но сложные слова образовывались на славянской (и, в частности, древнерусской) почве и бессуффиксным способом, причем могли и не быть калькими с греческого, даже фигурируя в церковно-книжном тексте. Ср. *водоносъ* в евангельском тексте в значении «ведро» (например, Остр. ев., Ио. II, 6, 7) в соответствии с гр. ὑδρία. Напротив, калькой с греческого ὑδροφόρος «несущий воду» — *водоносьцъ* (Второзак. по сп. Троицкой лавры XIV в.). Подобные образования (бессуффиксные, но с тематическим *-о-*) известны и памятникам, ближе стоящим к живой речи, ср. *медоваръ* в новгородских грамотах, договорных с князьями.

§ 135. Существительные в древнерусском языке, как и в современном, подразделялись на три класса, которые принято называть родами, — мужской, женский и средний, причем прилагательные, неличные местоимения, числительные (до «четы-

рех» включительно), причастия меняли свою форму в зависимости от того, к какому роду принадлежало существительное, при котором они были сказуемыми или определениями в предложении.

Древнерусские существительные, как и современные, характеризовались формами числа, но, в отличие от современного языка и, напротив, так же, как и в старославянском, в древнерусском языке было не два, а три числа — единственное, множественное и двойственное. Последнее употреблялось, когда речь шла о двух предметах, множественное же — когда речь шла о предметах в количестве трех и более. В числе с существительным согласовывались различные слова, зависящие от него в предложении (в отличие от согласования по роду, в числе согласовывались также личные формы глагола, а не только причастия).

Древнерусские существительные, как и современные, изменялись по падежам, выражая различные синтаксические отношения, причем от падежей существительного зависели падежи зависящих от него в предложении склоняемых слов. В древнерусском языке было шесть падежей — именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и местный. Шестой падеж, как и в старославянском языке, в отличие от современного, принято называть не предложным, а местным, так как он мог употребляться и без предлога, причем обозначал в этом случае в первую очередь место (а также время). Некоторые ученые называют падежом также звательную форму (в таком случае в древнерусском языке считают семь падежей), которая стоит особняком и отличается от падежей (в строгом смысле) тем, что стоит вне связей предложения и выражает обращение, а не отношения существительного к другим словам в предложении (точнее, в словосочетании). Особая звательная форма была лишь в единственном числе. Во множественном и двойственном для обращения использовался именительный падеж.

Именное склонение

§ 136. Склонение, по которому идут существительные в древнерусском языке (как и в старославянском), принято называть именным, так как по нему изменяются не только существительные, но и значительная часть других имен — прилагательные, причастия, частью числительные (о местоименном склонении см. ниже).

В древнерусском языке в эпоху древнейших памятников, точнее, в эпоху, непосредственно предшествующую им, представлены были следующие основные типы именного склонения (в целом те же, что и в старославянском языке). Вследствие условности любой нумерации, для древнерусского языка, как

и для старославянского, склонения принято называть не по порядковым номерам (как в грамматике современного русского языка), а по окончаниям основ. Но эти окончания также определяются условно: принимается во внимание тот вид основы, который ей был свойствен не в эпоху древнейших памятников, а в ранний период праславянского языка или даже в период перед образованием праславянского языка (формы основы реконструируются на основании как внутренней реконструкции, так и сравнения с другими индоевропейскими языками; подробнее см. в курсе старославянского языка). Самые названия по основам для некоторых типов склонений приняты двоякие — применительно к славянским языкам и применительно к индоевропейским языкам в целом (собственно к общеиндоевропейскому состоянию).

I. Склонение с основой на -а (-ā)

Твердая разновидность

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.	
И.	жена	жены	И. В.	женѣ
Р.	жены	женъ		
Д.	женѣ	женамъ	Р. М.	жену
В.	жену	жены		
Т.	женою	женами	Д. Т.	женама
М.	женѣ	женахъ		
З.	жено			

Примечания. В скобках указано название склонения применительно к индоевропейским языкам в целом.

Конечные согласные основы твердые, лишь перед гласными переднего ряда полумягкие.

В двойственном числе как в этом типе, так и в остальных, всегда омонимически совпадают между собой падежи им. и вин., род. и местн., дат. и тв.

Мягкая разновидность

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.	
И.	земл**ꙗ**	землѣ	И. В.	земли
Р.	землѣ	земль		
Д.	земли	земл**ꙗ**мъ	Р. М.	землю
В.	землю	землѣ		
Т.	земл**ѥ**ю	земл**ꙗ**ми	Д. Т.	земл**ꙗ**ма
М.	земли	земл**ꙗ**хъ		
З.	земл**ѥ**			

Примечание. Конечные согласные основы мягкие.

II. Склонение с основой на -о (-ŏ)

Твердая разновидность

	Ед. ч.		Мн. ч.	
	Муж. р.	Ср. р.	Муж. р.	Ср. р.
И.	столъ	село	столи	села

Р.	стола	села	столъ	селъ
Д.	столу	селу	столомъ	селомъ
В.	столъ	село	столы	села
Т.	столъмь	селъмь	столы	селы
М.	столѣ	селѣ	столѣхъ	селѣхъ
З.	столе	село		

Дв. ч.

	Муж. р.	Ср. р.
И., В.	стола	селѣ
Р., М.	столу	селу
Д., Т.	столома	селома

Примечание. Согласные в конце основы твердые, а перед гласными переднего ряда полумягкие.

Мягкая разновидность

	Ед. ч.		Мн. ч.	
	Муж. р.	Ср. р.	Муж. р.	Ср. р.
И.	конь	полѥ	кони	поля
Р.	коня	поля	конь	поль
Д.	коню	полю	конѥмъ	полѥмъ
В.	конь	поле	конѣ	поля
Т.	конѥмь (коньмь)	полѥмь (польмь)	кони	поли
М.	кони	поли	конихъ	полихъ
З.	коню	полѥ		

Дв. ч.

	Муж. р.	Ср. р.
И., В.	коня	поли
Р., М.	коню	полю
Д., Т.	конѥма	полѥма

Примечание. Конечные согласные основы мягкие.

III. Склонение с основой на -ъ (-ŭ)

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.	
И.	домъ	домове	И., В.	домы
Р.	дому	домовъ		
Д.	домови	*домъмъ	Р., М.	домову
В.	домъ	домы		

Т.	домъмь	домъми	Д.	домъма
М.	дому	домъхъ	Т.	
З.	дому			

Примечание. Не все формы этого склонения в достаточной мере засвидетельствованы в памятниках.

IV. Склонение с основой на -ь (-ĭ)

	Ед. ч.		Мн. ч.	
	Муж. р.	Жен. р.	Муж. р.	Жен. р.
И.	путь	кость	путиѥ (путьѥ)	кости
Р.	пути	кости	путии (путьи)	костии (костьи)
Д.	пути	кости	путьмъ	костьмъ
В.	путь	кость	пути	кости
Т.	путьмь	костию (костью)	путьми	костьми
М.	пути	кости	путьхъ	костьхъ
З.	пути	кости		

	Дв. ч.	
	Муж. р.	Жен. р.
И. В.	пути	кости
Р. М.	путию (путью)	костию (костью)
Д. Т.	путьма	костьма

Примечание. Конечные слоги тв. п. ед. ч. жен. р., им. п. мн. ч. муж. р., род. п. мн. ч. муж. и жен. р., род. и местн. п. дв. ч. муж. и жен. р. фонетически представляют собой соответственно *-ĭju*, *-ĭje*, *-ĭjь* (*-ĭĭ*), *-ĭju*.

V. Склонение с основой на согласный

	Ед. ч.		
	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И.	камы	слово	мати
Р.	камене	словесе	матере
Д.	камени	словеси	матери
В.	камень	слово	матерь
Т.	каменьмь	словесьмь	материю (матерью)
М.	камене	словесе	матере
З.			мати

	Мн. ч.		
И.	камене	словеса	матери
Р.	каменъ	словесъ	матеръ
Д.	каменьмъ	словесьмъ	матерьмъ

В.	камени	словеса	матери
Т.	каменьми	словесы	матерьми
М.	каменьхъ	словесьхъ	матерьхъ

Дв. ч.

И. В.	камени	словесѣ	матери
Р. М.	камену	словесу	матеру
Д. Т.	каменьма	словесьма	матерьма

Примечание. Это склонение во всех славянских языках очень рано начало разрушаться, вследствие чего не все первоначальные формы его могут быть установлены с достаточной точностью. Впрочем, некоторые формы его в древнерусском языке держатся прочно (подробнее см. ниже).

В сравнительной грамматике славянских языков (как известно из курса старославянского языка) принят еще шестой тип склонения, который принято называть (принимая во внимание соответствия ему в других индоевропейских языках) склонением с основой на *-ū* долгое (название применительно специально к славянским языкам не установлено):

	Ед. ч.	Мн. ч.		Дв. ч.
И.	свекры	свекръви	И. В.	свекръви
Р.	свекръве	свекръвъ		
Д.	свекръви	свекръвамъ	Р. М.	свекръву
В.	свекръвь	свекръви		
Т.	свекръвию (свекръвью)	свекръвами	Д. Т.	свекръвама
М.	свекръве	свекръвахъ		
З.	свекры			

Но достаточных оснований для выделения этого типа как особого нет. В единственном числе он имеет совершенно такие же формы, как существительные с основой на согласный (считая конечным согласным основы *v*, тогда как у приведенных выше представлены *n*, *s*, *r*). Правда, в части форм множественного числа (именно в дат., тв. и местн. п.) окончания те же, что в склонении на *-a* (формы им. и вин. п. совпадают с основами на согласный, а формы род. п. мн. ч. у большинства склонений совпадают). Но принадлежность слов одного и того же лексического значения различным типам в единственном и во множественном числе в древнерусском языке встречалась не так редко. Ср., например, *хрьстианинъ*, *бояринъ* (склонение с основой на *-o-*), *хрьстиане*, *бояре* (склонение с основой на согласный).

Мягкая разновидность склонения с основой на *-a* и склонения с основой на *-o*, вероятно, некогда отличалась от соответ-

ствующей твердой разновидности чисто фонетически: различие гласных окончания было фонетически обусловлено положением после твердого или мягкого согласного. Но в древнерусском языке эпохи древнейших памятников, если в части случаев это различие так и можно объяснить (например, *ъ* после твердых согласных, *ь* после мягких, *у* после твердых, *і* после мягких, *о* после твердых, *е* после мягких), то в другой части оно с различием согласных уже не связано. Так, при том же *у* (*ы*) после твердых согласных мы находим после мягких согласных не *і*, а *ѣ*. Ср. тв. п. мн. ч. *столы—кони*, но вин. п. мн. ч. *столы—конѣ*, *жены—землѣ*. И *ѣ* же мы находим в некоторых формах в твердой разновидности, причем в мягкой ему соответствует *і*, ср. дат. и мест. п. ед. ч. *женѣ—земли*, местн. п. ед. ч. *столѣ—кони*. Поскольку *ѣ* является гласным переднего ряда и, следовательно, мягкие согласные перед ним возможны, различие *ѣ* и *і* для древнерусского языка позиционно не обусловлено.

Но вследствие того, что оба типа (мягкая и твердая разновидность в пределах склонения на *-а* и мягкая и твердая разновидность в пределах склонения на *-о*) и в древнерусском языке обнаруживают несомненный параллелизм в формах, мы сохраняем за ними традиционное название «разновидности» (твердая и мягкая).

§ 137. Как легко видеть, именное склонение древнерусского языка чрезвычайно близко к именному склонению старославянского языка. Различия между тем и другим (оставляя в стороне чисто фонетические) сводятся к наличию *-ъть* в конце формы тв. п. ед. ч. склонения с основой на *-о* (в соответствии со старославянским *-оть*) и *-ѣ* в конце формы род. п. ед. ч., им. и вин. п. мн. ч. мягкой разновидности склонения с основой на *-а* и вин. п. мн. ч. мягкой разновидности склонения с основой на *-о* (в соответствии со старославянским *-ę*). Примеры тех и других встречаются начиная с древнейших памятников. Ср. подъ *спѫдъмь* (Остр. ев., Мф. V. 15), *помостъмь* (Св. изб. 1073 г., л. 158), *норѡвъмь великъмь* (Св. изб. 1076 г., л. 217). В мягкой разновидности склонения, вследствие невозможности *ъ* после мягких согласных, в окончании *ь*, например *лицьмь* (Св. изб. 1073 г., л. 174).

В старославянских памятниках в соответствующей форме, как известно, встречается наряду с *-омь* также написание *-ъмь*, но проведено оно непоследовательно. Правда, в древнерусских памятниках под влиянием старославянского языка также встречаются и написания с *-омь*. Но именно написание *-ъмь* (как и *-ьмь*) отражает факт живой восточнославянской речи, о чем свидетельствует дальнейшая судьба этого окончания в украинском языке, ср. совр. укр. *селом* (*о* в новом закрытом слоге могло развиться лишь из редуцированного, см. «Фонетика», § 86).

-ѣ в соответствии со старославянским (и вообще южнославянским) *-ę*, первоначально, возможно, восходящее к фонетиче-

скому источнику (хотя это окончательно и не доказано), для древнерусского языка эпохи древнейших памятников, несомненно, представляет собой уже морфологическую особенность (о различных гипотезах возникновения этого *-ě* см. «Фонетика», § 47).

Обе указанные особенности являются для древнерусского языка общими с западнославянскими (о происхождении форм склонения см. в курсе старославянского языка).

§ 138. Как уже было сказано, названия типов склонения по основам не только для древнерусского языка, но частью и для общеславянского носят условный характер. Правда, в части случаев эти названия действительно характеризуют те отношения, которые существовали в общеславянском языке и даже позднее, в древнейший период истории отдельных славянских языков.

О происхождении отдельных форм различных склонений, а также об исторически засвидетельствованных (т. е. отражающихся в памятниках) первоначальных отношениях между различными падежными формами одного склонения см. подробнее в курсе старославянского языка.

§ 139. Указанные выше типы склонения обнаруживают определенные соответствия с типами склонения других древних индоевропейских языков. Они были унаследованы общеславянским языком от общеиндоевропейского в ранний период развития общеславянского языка (в особенности до различных фонетических процессов, характеризовавших конечные слоги слов). Эти типы различались гласными и согласными конца основы, представлявшими собой некогда живые, но давно уже потерявшие значение словообразовательные суффиксы, каждый из которых объединял какие-то родственные по значению слова. Такие суффиксы, оформляющие некоторые грамматические классы слов (в данном случае — типы склонения), принято называть корневыми определителями, или детерминативами. Различные классы имен, объединявшиеся такими детерминативами, складывались в различные, но в целом очень давние времена; вновь приходящие в язык слова распределялись по уже сложившимся классам, частью по семантической близости, частью же и по формальному сходству, поскольку первоначальные основания семантического объединения тех или иных имен были уже забыты. И даже на основе сравнительно-исторического изучения различных индоевропейских языков первоначальные классы могут быть восстановлены лишь с известной степенью приближения.

Склонение и род

§ 140. Подразделение существительных по родам в грамматическом отношении отличается от подразделения по склонениям тем, что принадлежность к тому или иному склонению

выражается в различии падежных форм самого существительного, принадлежность же к тому или иному роду — в различии форм слов, зависящих от данного существительного в предложении. Оба подразделения возникли в глубокой древности, и выяснение как причин этого возникновения, так и особенностей развития того и другого подразделения относится к области сравнительной грамматики даже не славянских, а индоевропейских языков в целом.

Между склонением и родом наблюдается определенная связь. Каждое из указанных выше склонений не содержит в равной мере имена всех трех родов. Так, склонение с основой на *-а* содержало в подавляющем большинстве лишь имена женского рода. Немногочисленные исключения составляют, по-видимому, сравнительно позднего происхождения (на что указывает их производный характер) некоторые названия людей по их общественному положению, например *воевода*. Склонение с основой на *-о* содержит имена мужского и среднего рода, но не женского. Склонение с основой на *-ĭ* содержит имена только мужского рода; с основой на *-ī* — мужского и женского, но не среднего; с основой на *-ū* (если выделять его в особый тип) — только женского, и лишь склонение с основой на согласный (даже если выделить из него склонение с основой на *-ū*) содержит имена всех трех родов.

Сравнение с другими индоевропейскими языками показывает, что связь подразделения по родам с подразделением по склонениям на протяжении развития праславянского языка усилилась (хотя в целом связь эта характерна и для других древних индоевропейских языков).

Особенно ярко связь склонения и рода проявляется в некоторых падежных формах и их отношениях. Существительные среднего рода (независимо от типа склонения) имели одинаковую форму им. и вин. п. любого числа (в двойственном числе им. и вин. п. совпадали у всех склонений), существительные женского рода — одинаковую форму им. и вин. п. во множественном числе (в единственном у большинства существительных женского рода эти формы различались), существительные мужского, напротив, — разные формы им. и вин. п. во множественном числе (при одинаковой форме у большинства из них в единственном числе). Форма им. и вин. п. мн. ч. у существительных среднего рода, независимо от типа склонения, оканчивалась на *-а*. Ср. *село — села*, *поле — поля*, *имѧ — имена*, *слово — словеса*. Обе особенности, характерные для существительных среднего рода, свойственны и другим древним индоевропейским языкам, сохранившим этот род.

Специально для славянских языков, в том числе для древнерусского, связана с родом, а не с типом склонения форма тв. п. ед. ч. Независимо от склонения она оканчивалась у су-

ществительных женского рода на *-ĭju* (ст.-сл. *-ĭjǫ*), мужского и среднего на *-mь*; ср. *женою, землею, костию, материю, свекръвию — столъмь, коньмь, селъмь, польмь, сынъмь, путьмь, каменьмь, именьмь.*

Особенностей склонения, связанных с отнесением к мужскому роду, не имели лишь немногочисленные существительные мужского рода на *-а* (типа *воевода*): они все падежные формы любых чисел образовывали так же, как и большинство существительных этого склонения. Это лишний раз подтверждает недавнее происхождение существительных типа *воевода.*

Унификация различных типов склонения

§ 141. Наиболее значительным изменением в системе именного склонения нашего языка является уменьшение количества различных типов и сближение форм тех типов, которые сохраняют в какой-то мере свои различия. Этот процесс, начинающийся еще в дописьменные времена, частью, возможно, еще на почве праславянского языка, и продолжающийся в эпохи, засвидетельствованные памятниками, приводит к тому, что в современном русском языке на месте старых пяти (или даже шести) различных типов с их разновидностями сохраняется лишь три основных типа (если исключить некоторые остатки исчезнувших типов), по говорам же процесс идет еще дальше, и обнаруживается тенденция сведения этих трех типов к двум. Различия же между сохранившимися типами в части форм меньше, чем были в древности. Объединение и сближение различных типов является результатом аналогического воздействия форм одних типов на соответствующие формы других типов, воздействие же это могло осуществляться при условии переразложения основы и окончания тех форм, которые находятся во взаимодействии (об аналогии и переразложении см. выше, § 128). Непосредственными причинами переразложения и возможности аналогических воздействий являются, с одной стороны, забвение семантических оснований, на которые опиралось первоначальное подразделение по типам склонения, с другой стороны — фонетические процессы, которые осуществлялись еще в праславянском языке в конечных слогах слова и привели к тому, что ранее различавшиеся типы в некоторых формах совпали (в первую очередь в им. и вин. п. ед. ч.), детерминативы же, которыми характеризовались разные типы, перестали выделяться. Объединению склонений способствовало также сохранившееся как живое и продуктивное подразделение существительных по родам.

§ 142. Ранее всего начинается взаимодействие между склонением с основой на *-о* и склонением с основой на *-й*. Это объясняется тем, что еще в праславянском языке формы им. и вин. п. ед. ч. склонения с основой на *-й* и мужского рода

склонения с основой на *-о* совпали, в результате чего колебания между формами того и другого склонения для одних и тех же существительных наблюдаются и в других падежах и числах. Результатом этого взаимодействия является и окончание тв. п. ед. ч. *-ъть*, характерное для древнерусского склонения на *-о* (см. выше, § 137, там же приведены примеры). Уже в древнейших памятниках колебания отражаются и в других формах. В род. п. ед. ч.: до врьха (Остр. ев., Лук. VIII. 14), паче меда (Панд. Ант. XI в., л. 286), въ имѧ отца и сна и стго дха (Юр. ев. ок. 1120 г., Мф. XXVIII. 13), не дадѧше въпрѧчи конѧ ни вола (Лавр. лет., л. 4 об.). — старое склонение на *-й* (для слова *сынъ* такая форма обычна уже в древнейших памятниках); отъ льноу (Св. изб. 1073 г., л. 218 об.), отъ лну (Новг. гр. 1265 г.), солодоу, горохоу (Русская Правда 1282 г., л. 616 об.), съ пълкоу (Новг. Синод. лет., л. 17), до търгоу (там же, л. 60 об.), съ торожкоу (там же, л. 168), роду кнѧжа (Лавр. лет., л. 22) — старое склонение на *-о*; в Слове о полку Игореве встречается параллельно *Дона* и *Дону*. В дат. п. ед. ч.: къ домоу (Св. изб. 1073 г., л. 78), сноу своѥмоу всеволодоу (Мстисл. гр. ок. 1130 г.), богови, мастерови (Смол. гр. ок. 1230 г.), мостови (Гр. рижан в Витебск ок. 1300 г.), Иванкови (Новг. гр. 1265 г.), ѡкоунови (Новг. Синод. лет., л. 35) — от собственного имени ѡкоунъ; в мягкой разновидности *-еви* вместо *-ови*: стмоу геѡргиеви (Мстисл. гр. ок. 1130 г.), гюргеви (Новг. Синод. лет., л. 28), коневи (там же, л. 146), игореви (Лавр. лет., л. 14 об.), коневи (там же, л. 16); форма *васильви* «Василию» в Новгородской берестяной грамоте № 9, вероятно, под влиянием им. п. *василь* — такая форма этого имени в украинском языке сохранились и теперь, а предполагать ее для Новгорода эпохи берестяных грамот мы вправе, принимая во внимание форму *михаль* «Михаил» (ср. *къ михалю*, Новг. берест. гр. № 69; *михалеви*, № 79). В местн. п. ед. ч.: на версѣ «наверху» (Гр. в кн. Вас. Дм. 1399 г.) — быша на бороу (Сказ. о Бор. и Гл. XII в., л. 4 об.), въ пироу (Русская Правда 1282 г., л. 616), на търгоу (там же, л. 618), въ мироу (Панд. Ник. Черног. 1296 г., л. 29, 66, 120 об.), на торожкоу (Новг. гр. 1265 г.), на бороу (Новг. Синод. лет., л. 8), на новемь търгоу (там же, л. 25 об.), въ торжькоу (там же, л. 136 об.), при попѣ федосу (Псковск. Пролог 1383 г., запись), въ гною (Новг. парим. 1271 г., л. 186 об.). В зват. форме: ты же сне члчь (Толк. пророки, Чуд. 184, Иер. II. 7, хотя обычно там *сыну*).

В им. п. мн. ч. формы на *-ове* в твердой, *-еве* в мягкой разновидности старого склонения с основой на *-о* наблюдаются в различных памятниках начиная с древнейших, например: садове, цвѣтове (Св. изб. 1076 г., л. 110), дарове (Ефрем.

кормчая, 745), пирове (там же, 363), пословѣ (Новг. гр. ок. 1300 г.), татарове (Дух. гр. Ив. Калиты, ДДГ № 1), попове (Ефрем. кормчая, 62, 68, 70 и др., Новг. ев. 1355 г., запись), дъждеве (Новг. Синод. лет., л. 132), воробьѥве (Лавр. лет., л. 58). Иногда встречается и форма им. п. мн. ч. с *-и* на конце у старых основ на *-й*, ср., например, *верси* (Хрон. Георг. Амарт., 245), но она представляет собой искусственное для XIV в. образование, вообще же формы на *-у*, *-і* должны быть рассмотрены в связи с взаимодействием форм им. и вин. п. мн. ч. (см. ниже, § 153).

В род. п. мн. ч. формы на *-свъ* (а для мягкой разновидности на *-евъ*), начиная с древнейших памятников, широко представлены у существительных старого склонения на *-о-*, например: дълговъ (Златоструй XII в., л. 5 об.), розбоиниковъ (Смол. гр. ок. 1230 г.), повозовъ (Новг. гр. ок. 1265 г.), хлѣбовъ, оубороковъ (Русская Правда 1282 г., л. 616 об.), послоуховъ (там же, л. 620 об.), приставовъ, закладниковъ (Новг. гр. ок. 1305 г.), бортниковъ, оброчниковъ, судовъ (Дух. гр. Ив. Калиты), вождевъ (Св. изб. 1076 г., л. 7), новъгородьцевъ, новоторъжьцевъ (Новг. гр. ок. 1301 г.), сторожовъ (Лавр. лет., л. 56).

Формы, возникшие под влиянием форм имен со старой основой на *-й*, распространяются большей частью лишь на имена мужского рода.

§ 143. Приведенные примеры указывают на равно начавшийся процесс объединения двух различных ранее склонений (с основой на *-о* и на *-й*) в одно. В этом объединении в целом побеждают формы старого склонения на *-о* как более многочисленного, однако формы старого склонения на *-й* не исчезают бесследно, но частично сохраняются и в этом склонении, иногда в новой функции. Формы, восходящие к этим последним, неравномерно распределены по современным восточнославянским языкам и даже специально по русским говорам.

В современном русском литературном языке в единственном числе наследием старого склонения с основой на *-й* являются формы родительного падежа с окончанием *-у* и формы предложного падежа с окончанием *-у́* (обязательно ударные) у некоторых существительных мужского рода. Формы эти имеют особое значение: например, род п. на *-у* обозначает часть вещества (ср. кило *гороху*, кусок *сахару*, стакан *чаю*); у немногих же существительных употребляется с предлогом и обязательно с ударением на последнем, если он содержит гласный — *и́з дому*, *и́з лесу*, *и́з носу*; предл. п. обязательно в сочетании с предлогами *в*, *на* обозначает место (точнее, нахождение внутри или на поверхности, но не рядом) и время (ср. *в лесу́*, *на мосту́*, *на берегу́*, *в прошлом году́*) — такую форму имеют главным образом существительные односложные (и то не все),

а из двусложных — представляющие собой старые полногласные сочетания, ср. *на берегу́*, *на холоду́* (впрочем, чаще *на хо́лоде*).

Ввиду того что обе указанные формы имеют особое синтаксическое значение, а те же существительные имеют отличные от этих параллельные формы род. и предл. п. с другим синтаксическим значением, есть основания выделить рассматриваемые формы как особые падежи — количественно-определительный (отличный от родительного) и местный. Другой, отличный от последнего, падеж в пределах традиционного предложного целесообразно назвать изъяснительным, как это сделал В. А. Богородицкий (предложными являются оба падежа, как местный, так и изъяснительный, поскольку оба употребляются в современном языке обязательно с предлогом). О различии значений свидетельствуют такие примеры: *кусок сахару*, *кило сахару*, но *белизна сахара*, *химическая формула сахара*; *знает толк в лесе*, но *заблудился в лесу*.

В использовании у одного слова двух форм (восходящих к различным источникам, но имевших когда-то одно синтаксическое значение) для передачи различных синтаксических значений проявляется процесс дифференциации (см. выше, § 128).

В говорах формы родительного и предложного падежа на *-у* (ударяемое и неударяемое) используются шире, чем в литературном языке, и часто не ограничиваются теми значениями, в каких они выступают в литературном языке; свойственны они по говорам и существительным среднего, а не только мужского рода. Ср. *и́з городу*, *с о́строву*, *до ма́ю* «до мая», *от ста́ду*, *в городу́*, *на острову́*, *на быку́*, *при отцу́*. Шире такие формы распространены в южновеликорусских говорах, а из северновеликорусских — преимущественно в пограничных с южновеликорусскими [2].

§ 144. Во множественном числе формы, восходящие к старому склонению с основой на *-й*, широко распространились лишь в родительном падеже. В современном русском литературном языке окончание *-ов* характеризует большинство существительных мужского рода, основа которых оканчивается на твердый согласный, но не шипящий, а также таких, в конце основы которых (во всех формах или только во множественном числе) *j*, например *столо́в*, *домо́в*, *городо́в*, *концо́в*, *краёв* — орфографически в случае *j* всегда, а в случае *ц* при безударном окончании *-ев*, например *па́льцев*, *сара́ев*, *сту́льев*. Это же окончание свойственно немногим существительным среднего рода — слову *о́блако* (*облако́в*) и тем, которые в им. п. мн. ч. оканчиваются на *-ья*: *кры́льев*, *звёньев*, *поле́ньев*, причем форма *облаков*,

[2] Подробнее см. в курсе диалектологии; ср. также: С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Л., 1927, стр. 190—192.

возможно, обусловлена тем, что это существительное старославянского происхождения (древнерусская форма была бы **оболоко* < **obvolko*|*m*|), в древности имело форму мужского рода — *облакъ*. Большинство же существительных среднего рода с твердым согласным или шипящим в конце основы сохранило старую форму с нулевым окончанием, восходящим к старому -ъ, например *сёл*, *озёр*, *болóт*, *плеч*, *колец*. Из существительных мужского рода с твердым согласным в конце основы сохранили старую форму род. п. мн. ч. основ на -*о*, обозначающие парные предметы или перечислимые совокупности, например *пара сапóг*, *чулóк*, *рота солдáт*, да и здесь наблюдаются колебания (о таких же формах у существительных старого склонения с основой на согласный см. ниже).

Более широкое сравнительно с русским литературным языком распространение окончание -*ов* получило в говорах, а также в белорусском и украинском языках.

§ 145. Достаточно рано, но позднее, чем объединение склонений с основой на -*о* и на -*й*, начинается процесс объединения мужского рода мягкой разновидности склонения с основой на -*ŏ* и мужского же рода склонения с основой на -*ĭ*: в том и другом типе им. и вин. п. ед. ч. еще на праславянской почве стали оканчиваться на -*ь*. Более позднее начало процесса объединения сравнительно с объединением склонений на -*о* и на -*ĭ* объясняется тем, что, и оканчиваясь на ь, формы склонений на -*о* и на -*ĭ* полностью первоначально не совпадали, так как в первом типе перед гласным окончания был мягкий согласный, а во втором — полумягкий; полное совпадение осуществилось лишь после вторичного смягчения перед ь, например: *имьть тать* (Смол. гр. 1229 г.) — о род. вместо вин. п. см. ниже, § 157, — долъготы *поуть* (Ряз. кормчая 1284 г., л. 129), ѿ *поуть* (там же, л. 219 об.). Впрочем, некоторые из этих существительных довольно долго сохраняют старые формы, особенно в северных памятниках, в первую очередь *гость*, *тьсть*, *зять*, *путь*. Ср.: роуському *гъсти* (Смол. гр. после 1230 г.), ѿ *тести* своего (Лавр. лет., л. 117 об.), къ *зяти* (Новг. Синод. лет. под 1204 г.), безъ *пути* (Новг. берест. гр. № 10), до *поути* (Двинск. гр. XV в. № 107). Но от этих же существительных в памятниках XIII—XIV вв. и позднее встречаются и новые формы, например: немечькому *гостю* (гр. Герденя кн. Полоцкого и Витебского 1264 г., сп. XIII—XIV вв.), *тьстя* своѥго (Лавр. лет., л. 77), до ѥго *зятя* (Двинск. гр. XV в. № 87), *зятю* своему (там же, № 76 и 78).

Прочнее всего старые формы сохраняются у слова *путь*, которое и в современном русском литературном языке, по крайней мере в единственном числе, сохранило их целиком (с поправкой на фонетические изменения). Это объясняется, возможно, тем, что данное слово употребляется чаще в отвле-

ченном или переносном смысле, в качестве научного или технического термина, ср. «путь, пройденный телом» (в физике), «первый путь», «второй путь» и т. д., «служба пути» (на железной дороге), в бытовой же речи синонимом к этому слову является *дорога*.

В говорах, особенно южных, и это слово примыкает к склонению с основой на *-о*, если же сохраняет частью старые формы, то легко переходит в женский род (существительные женского рода в литературном языке и многих говорах старые формы сохраняют).

В то время как в единственном числе обычно существительные старого склонения на *-ĭ* принимают формы старого склонения на *-о*, во множественном числе, напротив, окончание, характеризовавшее первоначально имена склонения на *-ĭ*, распространяется на имена мягкой разновидности склонения на *-о*. Ср. формы род. п. мн. ч.: пѣнѧзии (Новг. ев. 1270 г., л. 49), безъ стихарии (Новг. Кормчая 1282 г., л. 613), моужии (Ряз. кормчая 1284 г., л. 48, 58, 178). В Лаврентьевской летописи встречаются такие формы, как *мечии*, *мужии*, *кнѧзии*. Написания *-ии* отражают древнее *-ĭjь*, которое фонетически дает современное *-ей* (ср. *стихарéй*, *мужéй*, *мечéй*, *князéй*). Формы с *-ей* мы находим и в позднейших памятниках — ср. *палачей* (Улож. Алекс. Мих., л. 320 об.)[3].

Широкое распространение в род. п. мн. ч. этого окончания объясняется так же, как и окончания *-ов*, большей выразительностью сравнительно с нулевым окончанием. В настоящее время это окончание характеризует не только старое склонение на *-ĭ*, но мягкую разновидность старого склонения на *-о*, притом не только мужского, но и среднего рода, ср.: *морéй*, *полéй*. По говорам оно распространилось еще шире (подробнее см. в курсе диалектологии).

§ 146. Очень рано начало разрушаться склонение с основой на согласные, а также примыкавшее к нему склонение с основой на *-ū*. Предпосылкой для этого разрушения является совпадение форм частью им. п. ед. ч., частью некоторых косвенных падежей с соответствующими формами других склонений. Переход указанных существительных в тот или иной тип склонения в значительной мере обусловлен родом, к которому существительное принадлежало еще будучи в склонении на согласный (или *-ū*). Процесс разрушения этого склонения осуществлялся не одновременно для различных групп имен.

Очень рано переходят в склонение с основой на *-о* существительные с основой на *-s* как существительные среднего рода, им. и вин. п. ед. ч. которых еще в общеславянскую эпоху стал оканчиваться на *-о*, в результате чего вместо ста-

---

[3] См.: П. Я. Черных. Язык Уложения. 1649 г., М., 1953, стр. 267.

рого склонения типа *слово — словесе — словеси* и т. д. установилось склонение типа *слово — слова — слову* и т. д. На ранний переход в другое склонение указывает отсутствие старого показателя (детерминатива) *s* в различных сохранившихся в настоящее время словах, производных от старых имен с основой на *-s*. Ср.: *дослóвный, послóвица, словéчко* (от *слово — словесе*); *деревя́шка, деревя́нный, дéревцо* (от *дерево* — ср. ст.-сл. *дрѣво — дрѣвесе*); *чýдный, чуднóй, чудáк, чудúть* (от *чюдо — чюдесе*). Ср. также др.-русск. *словъце* (Поуч. Вл. Мон.) — совр. *словцó*; *тѣльныи* (Палея XIV в.), *тѣлище* «идол» (Геннад. библия 1499 г., Кн. цар. I. XII. 10), совр. *натéльный, тельня́шка*. Даже в сложном слове *словолюбьць*, представляющем кальку с греч. φιλόλογος, в первом члене сложения отсутствует *s* — ср.: вы *словолюбьца* ѥста. а не истиньна философа (Син. пат. XI в., л. 29). Правда, в современном русском языке есть производные *чудéсный, словéсный, словéсность, небéсный, телéсный*, но они носят явно книжный характер, в старославянском же языке основы на *-s-* держались дольше. Такой же характер носят и формы мн. ч. *небесá, чудесá*.

Некоторые группы этого склонения, по свидетельству памятников, дольше сохраняют старые формы. Таковы основы на *-n* мужского рода (*дьнь*), и среднего (*имѧ*), на *-r-* женского рода (*мати*), *-ăt-* среднего рода (*поросѧ* и т. п.), наконец, на *-ū* (собственно, для древних славянских языков на *-v-* — *цьрькы*). Ср. в Лаврентьевской летописи: до сего *дне* (л. 6 об., 28 и др.); ѥго *имене* трепетаху всѧ страны (л. 97 об.); не послуша *мтре* (л. 18 об.); да будеть ѿлученъ ѿ *цркве* (л. 9 об.). Формы на *-'at-* по склонению на согласный встречаются даже в грамотах XIV—XV вв., ср. в духовной Патрикия 1391—1428 г.: кобы[т] савра[с] [съ] *жеребяте*[т] (Акты юр., 1, № 82).

Но уже древнейшие памятники свидетельствуют об отходе склонения всех указанных выше существительных от первоначального типа.

В большинстве случаев все они сближаются со старым склонением с основой на *-ĭ* (некоторые формы у обоих типов совпадали и раньше). Ср. род. п. ед. ч.: ѿ гжина *дни* (Новг. Синод. лет., л. 23); та же форма *дни* в Радзивиловской и Академической летописях в соответствии с *дне* Лаврентьевской; у ворония *камени* (Псковск. I лет. под 1241 г.); безъ *ремени* (Дух. гр. Дм. Донск. 1389 г.); не *племени* его (Лавр. лет., л. 7 об.); *матери* слушаите (Дух. гр. Дм. Донск. 1389 г.); боле *кръви* не пролыѧ (Новг. Синод. лет., л. 43 об.); местн. п. ед. ч.: на *камени* высоцѣ (там же, л. 156 об.); по мнозѣ же *врѣмени* (Остр. ев., Мф. XXVI. 19).

Возможно, что воздействием склонения с основой на *-ĭ* объясняется и совпадение форм им. и вин. п. ед. ч. у суще-

ствительных мужского и женского рода всех этих типов, и именно в форме с окончанием *-ь* (такова была и форма им. и вин. п. ед. ч. склонения с основой на *-ĭ*). Пока такая форма установилась, в памятниках возможны были и колебания — употребление старой формы вин. п. (которая и у этих типов оканчивалась на *-ь*) в значении им. п. и, наоборот, старой формы им. п. в значении вин. п. Ср.: оуне еда бы *камень* на выи его жрѣновьныи повѣшенъ (Панд. Ант. XI в., л. 44); елико *камень* начнеть плавати (Лавр. лет., л. 27); но: глоубина вхожаше въ *камы* (Син. пат. XI в., сл. 265). Форма *дьнь*, тождественная для им. и вин. п. ед. ч., установилась еще в дописьменные времена.

Старые формы *ма́ти*, *дочи́* (последнее обычно с ударением на конце) по говорам сохранились. Ср. также укр. *мати*. Но широкое распространение получили формы *мать*, *дочь* (фонетически *мат'*, *доч'*) — так же и в современном литературном языке. Для формы *мать* утрата конечного *-і* может объясняться и фонетически, но скорее здесь также сказалось воздействие склонения на *-ĭ*, тем более, что формы начинают использоваться не только в значении именительного, но и в значении винительного падежа. Распространяется по говорам и старая форма вин. п. *ма́терь* в значении и вин. и им. п. Как архаизм форма употребляется и в литературном языке, преимущественно в сочетании *божья матерь* для обозначения богородицы, например, у Лермонтова:

Я, *матерь* божия,
Ныне с молитвою...

Ср. также в составе сложного существительного *богоматерь* в том же значении (например, в заглавии русского перевода романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери»).

Слово *дочь*, *дочи* по говорам заменилось производным с уменьшительным суффиксом *-к(а)*, но без уменьшительного значения — *дочка*; ср. также укр. *дочка́*, белор. *дачка́*.

По говорам (именно южновеликорусским) сохранилась форма им. п. ед. ч. *свекры́* у старого существительного склонения с основой на *-ū*. Но и в говорах и в литературном языке широко была использована старая форма вин. п., совпадающая с формой им. и вин. п. ед. ч. склонения на *-ĭ*: *свекро́вь*, *морко́вь*, *це́рковь*.

Следом принадлежности некогда к склонению с основой на согласный для существительных *мать*, *дочь* и для существительных среднего рода на *-мя* (типа *имя*, *время*, *племя* и т. п.), сохранивших старую форму им. и вин. п. ед. ч., в современном литературном языке является так называемое «нарощение» (по терминологии школьной грамматики) *-ер-*, *-ен-* в косвенных падежах и во множественном числе.

Для существительного *дьнь*, рано обнаружившего тенденцию перехода в склонение с основой на *-ĭ*, об отнесении его к этому склонению свидетельствуют современные диалектные формы типа *с ыл'ина́ дни́*, *о ива́ни дни́*, *третьёводни́* и т. п. Подобные формы встречаются и в литературном языке вплоть до начала XIX в. Следом же отнесения слова к склонению с основой на согласный является широко распространенная по говорам форма род. п. мн. ч. *дён* (фонетически *д'он* < **dьnъ*), например в сочетаниях *пять дён*, *шесть дён* и т. д.

Рассмотренные существительные, сблизившиеся в формах склонения со старым склонением с основой на *-ĭ*, претерпевали на протяжении истории языка дальнейшие изменения, переходя дальше или в старое склонение на *-о* (мужского и среднего рода) или в старое склонение на *-а* (женского рода).

К мягкой разновидности склонения на *-о-* отходят старые основы на *-n-* мужского рода — ср.: *день — дня — дню* и т. д.

Существительные старого склонения с основой на *-ū* частью перешли в склонение на *-а*, где издавна было сосредоточено большинство существительных женского рода, причем в качестве следа принадлежности к старому типу перед окончанием сохраняется *ъ*, например, *ты́ква* (др.-русск. *тыкы*, род. п. *тыкъве*), *смо́ква*. Примеры такого перехода свидетельствуются памятниками, ср.: ѡбрѣтоша *тыквꙋ* воды (Панд. Ник. Черног., поздн. сп., сл. 46); въ оутлꙋ *тыквꙋ* (Пчела XV в.).

Существительные среднего рода с суффиксом *-'at-* в конце основы и со значением невзрослых живых существ по говорам также испытали воздействие склонения на *-i*, что отражается, например, в современном украинском языке, ср. *кошеня* «котенок», род. п. *кошеняти*, дат. п. *кошеняти* и т. д. Ср. также в русской поговорке: «Нашему *теляти* волка поймати» (эта форма может восходить к старому склонению с основой как на *-i*, так и на согласный). Элемент *-at-* после мягкого согласного и шипящего сохранился перед окончанием множественного числа в современном русском литературном языке и в значительной части говоров. В единственном же числе суффикс *-at-* был заменен сложным суффиксом *-en-ok-* (с фонетическим изменением *е* > *'о* в тех говорах, где оно осуществилось), ср. *телёнок*, *жеребёнок*, *поросёнок*, *медвежо́нок*. Вторая часть суффикса восходит к суффиксу уменьшительного значения *-ъk-*, *-ok-*, Первую же часть объяснить нельзя, не предположив возможности уже в глубокой древности сложного суффикса -**en-ent*. Следом его может являться образование типа укр. *кошеня́*. Неясно образование *медвежо́нок*, где *ž* указывает как будто на то, что уменьшительная форма образована не непосредственно от *медвѣдь* (ср. *лебедёнок*, *лисёнок*). Образования на *-енок* склоняются по мужскому роду старого склонения с основой на *-о-*.

В литературном языке долгое время сохраняло в единственном числе старые формы, но сближенные с склонением на *-ĭ*, *дитя́* (из более древнего *дѣтѧ*, мн. ч. издавна *дѣти*). Ср., например, у Пушкина:

Каши наварит, нянчится с *дитятей*.

(«Сказка о попе и работнике его Балде»)

§ 147. Очень рано обнаруживается взаимодействие твердой и мягкой разновидностей в пределах склонений с основой на *-а* и с основой на *-о*. Некоторые из различий форм еще в эпоху древнейших памятников были обусловлены фонетически (например, *ъ*, *о* в твердой разновидности при *ь*, *е* в мягкой). Но такое различие, как *ѣ* в твердой, *і* в мягкой обусловлено не было, так как оба эти гласные могли быть как после мягкого, так и после полумягкого согласного. При *у* (*ы*) в твердой разновидности в мягкой в одних формах было *і*, в других *ѣ*. Конечно, *у* не могло быть после мягких согласных, но выбор в соответствии с ним *і* или *ѣ* после мягких согласных в эпоху древнейших памятников фонетически уже обусловлен не был. Эти обстоятельства и приводят к тому, что уже начиная с памятников XI в. отражаются написания, свидетельствующие о начавшемся процессе объединения разновидностей. Ср., например: въ вѣтъсѣ *одежѣ* (Новг. Минея 1095 г., л. 93) — вместо *одежи*; въ *чловѣчѣ* образѣ (там же, л. 81) — вместо *чловѣчи* (в данном случае именное прилагательное, но они в склонении не отличались от существительных). В обоих этих примерах возможно влияние соседней формы того же словосочетания, стоящей в том же падеже. Но в той же Новгородской минее, откуда эти примеры, колебания наблюдаются и вне таких сочетаний, например: изъ *строковичи* (л. 45); *ч* вместо *ц*, так как памятник цокающий, *и* (а не *ы*) после мягкого согласного. Во всех приведенных случаях формы мягкой разновидности подверглись влиянию твердой. Пример воздействия в обратном этому направлении: съ *высотѣ* (Новг. Минея 1096 г., л. 64) — вместо *высоты*.

Более частыми случаи колебания между формами твердой и мягкой разновидности становятся с XIII в. Ср., с одной стороны, *на землѣ* (Милят. ев. 1215 г., л. 88), при *море* (Парим. 1271 г., л. 234 об.), въ *многословиѣ* своѣмь (Панд. Ник. Черног. 1296 г., л. 107), въ прославлѣ (Новг. Кормчая 1282 г., л. 575); с другой — до сеѣ сѫботѣ (Милят. ев. 1215 г., л. 77 об.), оу козѣ, полъ грвне (Дух. гр. Климента Новгородца до 1270 г.), ис печерѣ «из пещеры» (Новг. Синод. лет., л. 5 об.), бе *знатбе* (там же, л. 23) вместо *безъ знатьбѣ* (знатьбы) «без знака», т. е. «без следа». Подобные формы широко представлены

в новгородских берестяных грамотах, например: γ фомѣ (№ 2), ѿ микитѣ (№ 4), с купном грамотѣ (№ 53).

В результате взаимодействия твердой и мягкой разновидности устанавливается наше единое первое и единое второе склонения, причем в пределах каждого из них лишь небольшое количество форм для твердой и мягкой разновидностей различаются не на фонетических основаниях; победили же в процессе взаимодействия в большинстве случаев формы твердой разновидности.

Случаи обратного воздействия — мягкой разновидности на твердую — отражаются в современных поморских и олонецких говорах, где иногда в дат. и местн. п. ед. ч. старого склонения с основой на *-а*, но в основном в местн. п. ед. ч. старого склонения с основой на *-о* и в твердой разновидности является окончание *-і* вместо *-ѣ*, например: *на столи́*, *в Москви́*. Подобные формы широко представлены в двинских грамотах XV в., ср. *на гори*, *на томъ сели* (№ 1), *на голови* (№ 11), *на двори* (№ 5), *по старини* (№ 74). Подробнее об этом см. «Фонетика», § 97.

Возможно, что об объединении твердой и мягкой разновидностей склонения на *-а* в результате воздействия мягкой разновидности на твердую свидетельствуют формы дат. и местн. (предл.) п. ед. ч. на *-у* (*ы*) у твердой, *-і* у мягкой типа *к избы́*, *в избы́*, *к земли́*, *в земли́*. Такие формы распространены преимущественно на севере и западе северновеликорусского наречия, но встречаются и в южновеликорусских говорах (например, в некоторых курских). Подробнее см. в курсе диалектологии.

Подобные формы наблюдаются в памятниках главным образом новгородских, а также псковских, начиная с XIV в. Ср.: на онои *страны* (Сильвестр. сб. XIV в.), при архимандрѣтѣ *кузьмы* (Ев. 1471 г., запись), о опришнины, въ деревни *снятщины*, на *вѣшеры* рѣки, въ *земшны* (Новг. II лет., сп. XVII в., л. 98, 99, 105, 106); дали *климяты* соцкому, по псковскои *пошлины* (Псковск. гр. 1483 г., по сп. XVI в., Акты юр., № 2); тяжко ти *головы* кромѣ плечю (Слово о полку Игореве). В твердой разновидности *-у* (*ы*) объясняется сохранением твердого согласного в конце основы, после которого *і* должно было измениться в *у*.

§ 148. Взаимодействие различных типов склонений еще в большей степени, чем в единственном числе, осуществилось во множественном, где наметилась тенденция к образованию вообще единого типа склонения, проявившаяся в различных говорах с разной степенью полноты. В наиболее полной мере объединение осуществилось в дательном, творительном и местном падежах, где почти все существительные на протяжении истории русского языка получили формы, ранее характерные лишь для склонения на *-а*.

В памятниках новые формы начинают отражаться лишь со второй половины XIII в., притом лишь там, где формировался впоследствии русский (великорусский) язык (в памятниках юго-западных и западных, т. е. старых украинских и белорусских, не ранее XV в.), например, дат. п.: *кгуптѧнамъ* (Новг. парим. 1271 г., л. 9), матигорьцамъ (там же, запись), къ Латинамъ (Ряз. кормчая 1284 г., л. 36), постоѧнцамъ (Новг. гр. 1304—1305 г., Шахм. № 10), купцамъ, дворѧнамъ (там же, 1371 г., № 8); тв. п.: съ клобуками (Новг. парим. 1271 г., л. 214); местн. п.: на сборищахъ (Моск. ев. 1339 г., л. 64), на сонмищахъ (там же, л. 76), ѡ недѣлщикахъ (Судебник Ив. III, л. 6).

Объединение осуществлялось на основе переразложения (см. выше, § 128) в результате аналогического воздействия со стороны соответствующих форм склонения на *-а*. Относительно непосредственной причины объединения именно в этом направлении выдвигались различные предположения, И. В. Ягич считал, что воздействию подверглись в первую очередь существительные среднего рода склонения на *-о* вследствие того, что им. и вин. п. мн. ч. их оканчивался на *-а*[4]. Менее вероятно мнение Б. Унбегауна, согласного которому оказали влияние существительные мужского рода, относившиеся к склонению на *-а*[5]. Таких существительных было ограниченное количество, и вряд ли они могли оказать такое заметное влияние.

Хотя процесс обобщения форм дат., твор. и местн. п. мн. ч. рано начинается для всех склонений, в памятниках, наряду с новыми, упорно держатся старые формы. Так, широко употребляется в памятниках не только XVI—XVII вв., но даже XVIII в. старая форма тв. п. мн. ч. на *-ы* (в твердой разновидности), *-і* (в мягкой). Ср., например, у Ломоносова, который в качестве нормы дает в тв. п. мн. ч. окончание *-ами*, *-ями*, только *добродѣтельми* наряду с *добродѣтелями* (см. «Российская грамматика», § 160), в теоретических же рассуждениях сам употребляет порой старую форму, например: «Буква *е* выговаривается пятью разными *образы*» (там же, § 97).

В современном русском литературном языке и значительной части говоров формы с окончаниями *-ам*, *-ами*, *-ах* соответственно для дат., твор., предл. (старого местн.) п. мн. ч. являются нормальными для подавляющего большинства существительных независимо от типа склонения и рода в единственном числе. Лишь у немногих существительных III склонения (старые основы на *-ĭ*) в тв. п. мн. ч. окончание *-ми* после мягкого согласного (восходящее к *-ьmi*), например, *людьмѝ*, *лошадьмѝ*, а также *костьмѝ* в специальном архаическом выражении «ляжем костьми» (но обычный тв. п. мн. ч. *костя́ми*). Кроме того ста-

[4] См.: И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, стр. 116.

[5] См.: B. Unbegaun. La langue russe au XVI siècle. . ., стр. 202 и сл.

рая форма дат. п. мн. ч. сохранена в застывшем наречном образовании *поделóм* (старый дат. п. мн. ч. от *дѣло* с предлогом *по*).

В говорах (в части южновеликорусских, именно — на западе их, а также в некоторых белорусских и украинских) представлены формы дат. и местн. (предл.) п. с окончаниями *-ом*, *-ох*, восходящие к формам старого склонения с основой на *-ĭ* (*о* < < *е* < *ь* перед твердыми согласными в сильном положении), например: *лошадём*, *гостём*, *костём;* на *лошадёх*, в *гостёх*, в *санёх*. Акад. С. П. Обнорский объяснял распространение этих форм именно на западе южновеликорусского наречия связью их с диссимилятивным аканьем. Сохранению старых форм способствовало, по его мнению, то обстоятельство, что, при распространении новых форм (на *-ам*, *-ах*), в диссимилятивно-акающих говорах было бы в разных формах склонения нарушено единство основы — было бы, например, *санéй*, но *сънáм*, в *сънáх*[6]. Это объяснение не может считаться достаточно обоснованным. Во-первых, фактически нарушение единства основы в различных падежах одного слова, и именно в диссимилятивно акающих говорах, часто наблюдается и не препятствует смыслу; во-вторых, область диссимилятивного аканья, как показали исследования последних лет, значительно шире, чем думали раньше, граница его выходит далеко за пределы распространения указанных форм.

§ 149. Унификация различных склонений в результате их взаимодействия в широком объеме, как видно уже из изложенного выше, осуществилась и в род. п. мн. ч., хотя в целом и не в таком объеме, как в дат., тв. и местн. п. Лишь в части говоров (южновеликорусских, белорусских) восходящее к склонению с основой на *-й* окончание *-ov* (или его фонетические преобразования) охватывает едва ли не все существительные. Но и в тех говорах (а также в литературном языке), где представлено большее многообразие форм, последние, в результате различных взаимодействий, обусловлены теперь не типом склонения единственного числа, а частью грамматическим родом существительного, частью качеством согласного в конце основы (существенно, твердый он или мягкий; шипящие же и *ц* в данном случае ведут себя частью как твердые, частью как мягкие согласные).

§ 150. Из старых форм им. п. мн. ч. сохранилась в части говоров и отражается в литературном языке старая форма согласных основ специально для обозначения совокупности людей по месту или общественному признаку — *горожáне*, *крестьяне* (< *krьstĭjane*), *куряне* «жители Курска», *бояре* и т. д. Для всех этих существительных, начиная с древнейших времен, харак-

---

[6] См.: С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 2. Л., 1931, стр. 308 и сл.

терно образование единственного числа с суффиксом *-ĭn-* и склонение этого числа по основам на *-о*. Эти образования для множественного числа сохранились, а в последние годы даже стали продуктивными для обозначения специально названий жителей от названия города, вытеснив некоторые старые образования. Ср. *горьковча́не* «жители Горького», *харьковча́не* «жители Харькова» (более старое *ха́рьковцы*) и т. п.

В памятниках XVII в. встречается им. п. мн. ч. таких же существительных с *а* вместо *е* на конце и с мягким согласным перед ним. Ср.: все *граждане* устрашишася (Повесть о цесаревиче Ярополе, Син., стр. 241); такая форма встречается и в XVIII в. — ср., например, *крестьяня* у Сумарокова.

Начиная с XV в., особенно же на протяжения XVI—XVII вв., в русском языке получила распространение форма им. п. мн. ч. на ударяемое *-а́* у существительных не среднего рода (средний род издавна характеризовался таким окончанием). Эта форма, вследствие того, что к этому времени уже совпали формы им. и вин. п. мн. ч., употреблялась и для вин. п. Ср. *города* поимаша (Лет. Авраамки 1495 г., л. 159 — памятник белорусский, но списанный с северновеликорусского оригинала); *тагана* и рѣшотки (Домострой XVI в., л. 125); тѣ *лѣса* (Улож. Алекс. Мих., л. 20); *луга* травливали (Акты хоз. боярина Морозова, гр. 1652 г.). Такие формы свойственны специальному русскому языку (великорусскому), но (за небольшими исключениями) не белорусскому и украинскому языкам. Впрочем, еще в XVII в. такие формы редки. Форма *лѣса*, в частности, единственная этого типа, встречающаяся в Уложении Алексея Михайловича. П. Я. Черных высказал предположение, что это форма не мужского, а среднего рода от существительного *лѣсо*[7]. Но против этого говорит, во-первых, ударение — *лѣса́* (такое ударение во мн. ч. имеют обычно существительные с ударением в ед. ч. на основе), во-вторых, встречающаяся в Уложении же форма местн. п. ед. ч. *в лѣсу* — в Уложении нет ни одного примера местн. п. ед. ч. на *-у* от существительных среднего рода.

Относительно происхождения формы высказывались различные гипотезы: 1) воздействие существительных собирательных женского рода на *-а* типа *господа* (с ударением на окончании), ср. современное *господа́*, мн. ч. к *господи́н*; в древности же *господа* склонялось в единственном числе, ср. предъ *господою* (*господа* назывался псковский совет старейшин, и, хотя слово склонялось по единственному числу, в немецких переводах псковских грамот передается множественным числом — *Herren*)[8]; 2) влияние названий парных предметов на *-а*, образовавшихся под воздействием формы двойственного числа, типа *глаза́*, *бе-*

[7] См.: Р. Я. Черных. Язык Уложения 1649 г., М., 1953, стр. 266.

[8] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907, стр. 221.

регá, *рукавá*[9]; 3) влияние существительных среднего рода, поскольку во множественном числе уже начался процесс объединения родов[10]. Принимая во внимание конечное ударение этой формы, можно предполагать воздействие форм двойственного числа (через названия парных предметов, так как само двойственное число к этому времени было уже как живая категория утрачено, о чем ниже). Формы собирательных на *-а* с ударением на конце были весьма ограничены. Для названий же парных предметов формы на *-а* с ударением на конце отмечены и для более раннего времени, ср. *рогá* в Чудовском Новом завете XIV в. (л. 154 об.).

В части говоров, именно в южновеликорусских, рассматриваемая форма получает особенно широкое распространение и охватывает также существительные женского рода III склонения (старая основа на *-ĭ*), ср. *податя́*, *крепостя́*, *площадя́*, а иногда мягкой разновидности I склонения, ср. *петля́* (им. п. мн. ч.). В литературный язык из южновеликорусских говоров вошло *зеленя́* «озимые всходы». Тургенев в «Записках охотника» для передачи местного колорита вводит (в специальном значении) *площадя́*, *мелочá*.

Напротив, в некоторых говорах (в особенности части северных, а также в пограничных с белорусским языком) форма мн. ч. на *-а* у существительных не среднего рода употребляется в более узком объеме, чем в литературном языке, а то и почти не употребляется (подробнее см. в курсе диалектологии).

§ 151. У ряда существительных, имеющих в им. п. мн. ч. окончание *-а* (как ударное, так и безударное), последнему предшествует элемент *j*, отсутствующий в единственном числе, но характеризующий конец основы во всех формах множественного числа, например: *зятья́*, *мужья́*, *сыновья́*, *бра́тья* (по говорам также *братья́*), *ко́лья*; по говорам также: *сынья́*, *шурья́*, *братовья́*, *мужевья́* и т. д. (фонетически: *z'at'já* и т. д.). По говорам такие формы получали очень широкое распространение, главным образом для обозначения множественного числа предметов, обычно представленных в большом количестве, например: *п'ĕн'ја* «пни», *кам'ĕн'ја* «камни», *кос'já* «кости», *мол'já* «маленькие рыбки» (в некоторых олонецких говорах — подробнее см. в курсе диалектологии).

О достаточной древности появления таких форм свидетельствует тв. п. мн. ч. *съ шюрьмами своими* в Ипатьевской летописи под 1142 г., предполагающий им. п. мн. ч. *шюрьы*. Но частыми такие формы становятся в позднейших памятниках. Ср.: *братья*

[9] А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 285, 330—331.

[10] И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка, стр. 114—115.

надежные (Повесть о горе-злочастии, Сип., стр. 37); *мужия* (Повесть о цесаревиче Ярополе, Сип., стр. 230); бегущие *ручья* (там же, стр. 209); совр. литер. *ручьи*, но в говорах известна форма *руч'já*; о колебаниях между *и* и *ь* в написании см. «Фонетика», § 64.

Источником рассматриваемых форм явились, скорее всего, распространенные в древнерусском языке собирательные существительные женского рода на *-ĭja* типа *братиꙗ* (ср. зв. ф. *братиѣ* вместо *братие* в Мстиславовой грамоте около 1130 г., *бра҃та наша* в Лаврентьевской летописи, л. 48). Форма *бра́тия* как единственное число собирательного существительного употребляется и сейчас, но в особом значении, ср. *монастырская братия*, *вся наша братия*. Колебания для этого слова между множественным числом и единственным числом собирательного значения отражаются еще в памятниках XVII в., ср. в Книге о ратном строении 1647 г.: над *своéю бра́тїею* — какъ *бра́тїямъ* жити [11].

Возможно, что в случае безударного окончания на образование формы повлияли и собирательные среднего рода, оканчивавшиеся на *-ĭje*, типа *колиѥ*, *дрьколиѥ*.

§ 152. Некоторые формы им. п. множественного числа свидетельствуют о взаимодействии мужского и среднего рода и о приобретении ими общей формы. В отношении окончания *-а* (в мужском роде) это является спорным. Бесспорны случаи употребления для существительных среднего рода форм, тождественных старым формам мужского (а частью и женского) рода, начинающиеся, по памятникам, с XIV—XV вв., но более частые лишь в дальнейшем, ср. им. п. мн. ч. *числы* (Пчела XIV—XV вв. Ленингр. Публ. б-ки, л. 1 об.); взмути *рѣки* и *озеры*, уныша *забралы* (Слово о полку Игореве) — здесь и форма вин. п. мн. ч., но она к этому времени уже совпала с им. п.; *окны* сделаны (Гист. о росс. матросе Василеи, Дун., стр. 11) [12]. Формы им. и вин. п. мн. ч. типа *сёлы*, *о́кны*, *я́йцы* и т. д. характерны сейчас не только для многих говоров (главным образом, южновеликорусских), но и для московского просторечия.

Объединение форм именительного и винительного падежей множественного числа

§ 153. Им. и вин. п. мн. ч. в древности различались лишь у существительных мужского рода, для женского же и среднего совпадали (см. выше, § 140). Уже в древнейших памят-

[11] См.: Chr. Stang. La langue du livre «Ученіе и хитрость ратного строения пѣхотных людей 1647 года». Oslo, 1952, стр. 16.

[12] Подобные формы в русских повестях XVII—XVIII вв. отмечает С. В. Фролова («Именное склонение в русской оригинальной бытовой повести XVII—XVIII столетий». — Ученые записки Куйбышевского пед. и учит. ин-та», вып. 9, 1948, стр. 185).

никах засвидетельствованы формы им. п. на *-и* (т. е. совпадающие с вин. п.) у существительных мужского рода склонений с основой на согласный и на *-ĭ*, что, впрочем, может объясняться и влиянием со стороны склонения с основой на *-о*, например: *родители* (Ефрем. кормчая), *хранители* (Житие Афанасия, архиеп. Александрийского, Усп. сб. XII в.), *голуби*, *звѣри* (Слово Ипполита об антихристе XII в.). С XIII же века начинаются случаи бесспорного употребления вин. п. мн. ч. в значении им. п. и обратно. Древнейший достоверный пример в Ростовском житии Нифонта 1219 г. — *чины* ставлени быша (334) — вин. п. вместо им. п. Дальнейшие примеры лишь со второй половины XIII в.: прикхаша *послы* (Новг. гр. ок. 1270 г., Шахм. № 3), тѣ всѣ *соуды* церкви *даны* суть (Устав. гр. X в., сп. конца XIII в., Доп. к Актам ист., т. I, № 1), *вьрхы* огорѣша (Новг. Синод. лет., л. 88), *меды* изварены (там же, л. 116 об.); тоу побѣдиша *рѧзанце* (там же, л. 40 об.); *такы черньцѣ*... руси сѣкоуть (Лавр. лет., л. 63 об.); *сторожѣ* изимани (там же, л. 86). Им. вместо вин.: три кпископы *старци* привлекъ (Ряз. кормчая 1284 г.); призвавъ книжникі и *старци* градьскые (Лавр. лет., л. 106). Эти факты говорят о том, что еще в XIII—XIV вв. наметилась достаточно ясная тенденция совпадения форм. им. и вин. п. мн. ч. у тех существительных, где они в древнейших памятниках еще различались. В результате указанных колебаний выработалась единая форма им. и вин. п. (о род. п. вместо вин. п. у одушевленных см. ниже, § 158), которая обычно соответствует старому вин. п. у существительных твердой разновидности и старому им. п. у существительных мягкой разновидности, ср. *столы́ — рои́*, *кóни*. Параллельные этому формы установились и у существительных женского рода, ср. *вóды — зе́мли*. Для твердой разновидности последнего — это старая форма, в форме же *зе́мли ѣ* сменилось на *-і*, с одной стороны, вероятно, под влиянием твердой разновидности, с другой — под влиянием склонения мужского рода.

Старая форма им. п. мн. ч. с окончанием *-і* в современном русском языке сохранилась лишь у двух существительных твердой разновидности — *сосе́ди* и *че́рти* (ср. ед. ч. *сосе́д*, *чёрт*), но зато во множественном числе они вообще склоняются по мягкой разновидности, ср. *сосе́дей*, *черте́й — сосе́дям*, *чертя́м* и т. д. Впрочем, для первого из них еще в начале XIX в. в литературном языке употреблялись и формы *соседы*, *соседов*, *соседам* и т. п. Для XVII—XVIII вв. к этим двум словам следует присоединить *холо́пи* (ср. ед. ч. *холо́п*). В Уложении Алексея Михайловича это слово единственное из твердой разновидности старого склонения с основой на *-о* имеет форму им. п. мн. ч. *холопи*[13]. В XVIII в.: ...Я *холопям* потакать не наме-

[13] См.: П. Я. Черных, Язык Уложения 1649 г., стр. 394—397, 400—401.

рена (Фонвизин. «Недоросль»). В современном литературном языке им. п. мн. ч. *холопи* и косвенные падежи мн. ч. по мягкой разновидности не употребляются.

Совпадение форм им. и вин. п. мн. ч. в одной форме есть, по-видимому, результат общего процесса сближения и объединения различных типов склонения, причем в данном случае отражается и тенденция к утрате родовых различий во множественном числе. Существительные женского и среднего рода и раньше имели тождественные формы им. и вин. п. мн. ч., причем существительные женского рода твердой разновидности склонения на *-а*, т. е. одного из самых продуктивных, и раньше имели окончание им. и вин. п. мн. ч., тождественное окончанию вин. п. мн. ч. мужского рода твердой разновидности склонения с основой на *-о*. Влиянием со стороны женского рода (из прежних исследователей) объясняли это совпадение им. и вин. п. М. А. Колосов[14] и К. Мейер[15]. А. А. Шахматов дополняет влияние женского рода влиянием среднего, у которого им. и вин. п. мн. ч. также совпадали в одной форме[16]. Позднее он указывал, что совпадение это могло явиться результатом того, что им. и вин. п. у существительных мужского рода совпадали также и в единственном числе, а это могло повлиять на множественное[17]. Против последнего предположения следует выдвинуть соображение, что при имеющейся тождественности форм, которые есть необходимость различать, обычно не неразличение у одних слов вызывает неразличение у других (где ранее различие было), а, напротив, вырабатываются средства замены одной из совпадающих форм (как это и произошло в им. и вин. п. ед., а затем и мн. ч., см. ниже, §§ 157—158). Впрочем, и в позднейшей своей работе (в курсе исторической морфологии) Шахматов принимал во внимание и возможность воздействия со стороны существительных женского и среднего рода.

Б. И. Скупский в своей диссертации, специально посвященной совпадению форм им. и вин. п. мн. ч., рассматривает объединение форм этих падежей как частный случай в общем процессе объединения твердой и мягкой разновидностей в старых склонениях с основой на *-о* и на *-а*[18]. В процессе этого объеди-

---

[14] См.: М. А. Колосов. Очерк истории звуков и форм русского языка с XI по XVI столетие. Варшава, 1872, стр. 109.

[15] См.: Karl H. Meyer. Historische grammatik der russischen Sprache, Bd I. Bonn, 1923, стр. 118.

[16] См.: А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII—XIV вв. «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895, стр. 202.

[17] См.: А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка, стр. 226.

[18] См.: Б. И. Скупский. Совпадение форм именительного и винительного падежей множественного числа у существительных мужского рода в древнерусском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1953.

нения устанавливаются у твердой и мягкой разновидности параллельные формы лишь с тем различием, что в твердой разновидности окончанию предшествует твердый согласный, а в мягкой — мягкий. Этим объясняется, что в им. п. мн. ч. устанавливаются, например, такие формы, как *столы́ — ко́ни* (конечно, есть формы, где твердый согласный вообще не мог быть, например, перед *е, ё*). Против предположения Б. И. Скупского можно выдвинуть то возражение, что взаимодействие твердой и мягкой разновидностей обнаруживается уже в памятниках XI в., объединение же им. и вин. п. мн. ч. в склонении с основой на *-о-* начинается лишь в XIII в. Но в дальнейшем, когда им. и вин. п. уже начали совпадать, взаимодействию твердой и мягкой разновидностей, несомненно, отразилось и в этом процессе.

§ 154. В результате всех изложенных выше процессов система склонений существительных в русском языке (литературном и говорах) приняла значительно более простой вид сравнительно с системой древнерусского языка. Установилось в основном три различных типа в единственном числе, сохранились лишь некоторые обломки старых типов в виде «разносклоняемых», да и те по говорам частью перешли в регулярные типы. Во множественном числе обнаружилась несомненная тенденция к образованию одного единого типа. В упрощении системы существенную роль сыграло подразделение существительных по родам. По говорам тенденция упрощения системы склонения сказалась еще в большей мере.

История двойственного числа

§ 155. В историческом развитии категории числа наиболее существенным событием является утрата двойственного числа, выразившаяся в утрате особых форм двойственного числа существительных и различных согласуемых с ними в предложении слов и замена этих форм формами множественного числа. Древнейшие русские памятники свидетельствуют о регулярном и правильном по значению употреблении двойственного числа и существительных и других склоняемых частей речи. Исключение составляют лишь личные местоимения, в которых множественное число вместо двойственного встречается уже в памятниках XI в., например: рече женама. не *боите вы* сѧ (Остр. ев., Мф. XVIII. 5) — здесь мн. ч. и у глагола под влиянием местоимения; *вы* небесьнаꙗ чловѣка ѥста (Сказ. о Бор. и Гл., л. 7 об.) — здесь глагол, по древним нормам, в дв. ч.

Много примеров последовательного и правильного употребления двойственного числа дают наши древнейшие летописи.

Несомненное разрушение двойственного числа (и помимо личных местоимений) отражается в памятниках начиная с XIII в. В памятниках этого времени и существительные и другие слова

сохраняют форму дв. ч. преимущественно в сочетании с числительным *дъва*. Ср.: *та два была* послъмъ оу ризѣ (Смол. гр. 1229 г.) — *послъмь* не свидетельствует об утрате дв. ч., а употреблено отвлеченно, в значении «в качестве посла» (мы бы сказали «послов»); но: из ригы *ехали* на гочъкыи берьго (там же) — речь идет о тех же двух лицах (попе Еремее и «умном муже» Пантелее), но рядом нет числительного; помози *рабомъ своимъ* Иваноу и Олексию *написавшема* книги си (Житие Нифонта 1219 г., запись) — *рабомъ* (дат. п. мн. ч.) без числительного, но дальше еще дв. ч. причастия. В том же памятнике есть примеры и сохранения дв. ч. без числительного: изоуваше *сапога своа* (л. 29) — но здесь название парного предмета, где форма дв. ч. держится дольше.

В дальнейшем формы множественного числа начинают употребляться и в сочетании с числительным *два*, что свидетельствует уже об окончательном разрушении категории, например: изъ *двою моихъ жеребьевъ* (Дух. гр. Дм. Донск. 1389 г.). Об утрате дв. ч. свидетельствует и употребление мн. ч. более поздними списками Повести временных лет в соответствии с дв. ч. более раннего Лаврентьевского. Ср.; съ(не)мъшемъ *сѧ wбѣма полкома* (Лавр. лет., л. 16) — в Радзивиловской — *полкомъ*; и оудави печенѣзина *в руку* (Лавр. лет., л. 42 об.) — в Радзивиловской и Академической летописях — *в рукахъ*.

Утрата двойственного числа и замена его множественным характерна была не только для русского языка, но и для ряда других языков, где оно было в древности, в том числе и для различных славянских, из которых до настоящего времени двойственное число сохранил лишь словенский. Эта утрата представляет собой одно из проявлений все дальше идущей абстрагирующей работы человеческого мышления, отражающейся и в развитии грамматических форм, так как противопоставление в грамматических формах понятий «один» — «не один» требует более высокой обстракции, чем противопоставление «один» — «два» — «больше, чем два».

Но, при общей утрате двойственного числа, в современном языке сохранились определенные следы его, в разных говорах в различной степени. Это отчасти объясняется тем, что не все категории одновременно теряли формы двойственного числа.

Дольше сохраняли старую форму названия парных предметов, вследствие чего многие из них для им. и вин. п. сохранили ее и теперь, но осознается она как множественное число, и остальные косвенные падежи (кроме вин. п.) образуются по множественному числу. Таковы формы *бока́*, *рога́*, *берега́*, *рукава́* и т. д. (формы на *-а* были свойственны старому им. и вин. п. дв. ч. муж. р. склонения с основой на *-о*); они, по-видимому, повлияли и на образование новых форм им. п. мн. ч. на *-а́* у имен не среднего рода (см. выше, § 150); *плѐчи*, *у́ши*, архаи-

ческое *óчи* — все среднего рода. Окончание *-i*, свойственное им. и вин. п. дв. ч. ср. р. мягкой разновидности склонения на *-о*, закономерно для *плечи* (ср. им. п. ед. ч. *плече*). В отношении *уши*, *очи*, не принадлежащих к мягкой разновидности (ср. *ухо*, *око*), предполагают, что некогда эти существительные входили в склонение с основой на *-ĭ* и имели форму **ушь*, **очь* (ср. лит. *ausìs* «ухо», *akìs* «глаз»).

В период, когда имели место колебания между формами дв. и мн. ч., наряду с *плéчи* употреблялось также *плечá*, но в борьбе этих двух форм победило *плéчи*. Впрочем, форма *плечá* употреблялась в русском литературном языке XIX в. больше как архаизм, свойственный поэтической речи, но иногда и в прозе. Ср. у Пушкина:

... И первым снегом с кровли бани
Умыть лицо, *плеча* и грудь

(«Евгений Онегин», VII, 30)

У Тургенева: «Платок скатился с ее головы на *плеча*» («Отцы и дети»).

Но у Пушкина же, и в поэтической речи, возможно и современное *плéчи*. Ср:

Ах, милый, как похорошели
У Ольги *плечи*, что за грудь!

(«Евгений Онегин,» IV, 48)

Под влиянием церковнославянского языка сохранилось наречное выражение *вобчию*, восходящее к старому сочетанию предлога с местн. п. дв. ч. от *очи*. Это слово, сохранившееся в украинском и белорусском языках, а также употреблявшееся в русском литературном языке XIX—XX вв., главным образом в поэзии, но иногда и в художественной прозе (большей частью с особым стилистическим оттенком), в русском языке было вытеснено заимствованным словом *глазъ*, первоначально обозначавшим стеклянный шарик, которое, как название парного предмета, получило форму им. и вин. п. мн. ч. *глазá*.

К старой форме дат.-тв. дв. ч. восходит распространенная в части северновеликорусских говоров форма тв. п. мн. ч. с окончанием *-ма*, главным образом у местоимений и прилагательных, но в части говоров — и у существительных, например: *за покýпкима*, *за ýткима*, *плотáма*, *с имá* «с ними», *крáсныма пя́тнама*. Подобные формы иногда встречаются и в памятниках, но редко, и больше у местоимений и прилагательных. Формы тв. п. мн. ч. на *-ма* есть и в украинском языке, но главным образом у названий парных предметов, например: *очíма*, *плечíма*, *двеpíма* (впрочем, белорусское *слязыма* не в названии парного предмета). Редко окончание *-ма* используется

и для образования дат. п., например *по коли́нима* «по коленям» в одном олонецком говоре, — здесь в названии парного предмета. Литературное *коле́ни* < др.-русск. *колѣнѣ* (ср. колѣно) — также остаток двойственного числа, старая форма им. и вин. п.

Наконец, старые формы двойственного числа отразились в некоторых сочетаниях существительных с числительными.

В древнерусском языке числительные от «одного» до «четырех» включительно зависели от сочетавшихся с ними существительных и согласовывались с ними в роде и падеже, число же существительного определялось тем, с каким числительным оно сочеталось (с числительным «один» — единственное, «два» — двойственное, «три» и «четыре» — множественное). Напротив, от числительных начиная с «пяти» зависели существительные, стоявшие в род. п. мн. ч., независимо от того, в каком падеже было числительное (подробнее ниже, § 212).

После разрушения двойственного числа им.-вин. п. дв. ч. существительного, сочетавшийся с числительным *два*, в ряде случаев тождественный по форме с род. п. ед. ч. того же существительного, стал осознаваться как последний, а в результате этого при числительном *два* стала употребляться форма род. п. ед. ч. и от таких существительных, у которых формы им.-вин. п. дв. ч. и род. п. ед. ч. не совпадали. Ср., например, др.-русск. *дъва стола* — совр. *два стола́*, др.-русск. *дъвѣ рыбѣ* — совр. *две рыбы*, др.-русск. *дъвѣ селѣ* — совр. *два села* (в последнем случае и числительное приняло форму, совпадающую с муж. р.). Кроме того, следует заметить, что род. п. ед. ч. у существительных среднего и женского рода совпадает с им. и вин. п. мн. ч. Новые формы отражаются уже в памятниках XIII — XIV вв. Ср.: даю *два села* (Дух. гр. Климента Новгородца до 1270 г.); приимъ *двѣ рыбы* (Галичск. ев. 1357 г., л. 45). поиатъ ·в̄· *жены* (Троицк. лет., л. 22); ·в̄· *полѧ* (Двинск. гр. XV в., Шахм. № 35). Форма род. п. ед. ч. существительного была затем распространена и на сочетания с числительными «три», «четыре». В косвенных же падежах (кроме винительного) в сочетании с числительным вместо старых форм двойственного числа стали употребляться соответствующие формы множественного (ср. совр. *двум*, *трем столам*, *двумя*, *тремя столами*).

О том, что форма род. п. ед. ч. существительного, сочетающаяся с числительным, является по происхождению формой им. и вин. п. дв. ч., в некоторых случаях говорит ударение. Ср. *два шага́*, но: *с первого ша́га* (ударение в им. и вин. п. дв. ч. основ на *-о* в ряде случаев падало на конец, ср. лит. *vilkas* «волк», но *vilkù* «два волка»). Впрочем, в ряде случаев могло быть обобщение.

С установлением указанных выше согласований с числительными «два», «три», четыре» род. п. мн. ч. существительных

в сочетании с числительными «пять» и выше стал употребляться лишь при им. и вин. п. числительных, согласование же при других косвенных падежах приняло те же формы, что в сочетаниях с числительными «два» — «четыре».

В современном белорусском и украинском языках с числительными от «двух» до «четырех» закрепились формы множественного числа и для им. и вин. п. Ср. белор. *два сталы́, тры сталы́, чатыры сталы́*; укр. *два столи́, три столи́, чотири столи́*; впрочем, для женского рода склонения на *-а* сохранились старые формы двойственного числа, ср.: *дві руці, дві нозі* (*і* < *ě*) [19].

История рода

§ 156. В грамматическом роде значительных изменений на протяжении истории русского языка не произошло. Изменения, которые имели место, сводятся к следующим.

Отдельные существительные сменили род. в значительной мере в зависимости от своих структурных особенностей. Так, существительные *лебѧдь, гусь* некогда принадлежали к женскому роду, ср. вин. п. ед. ч. *скврьнавѫ лебедь* (XIII слов Григ. Богосл. XI в., л. 256); нося *дивїю гоусь* о тре[x] глава[x] (Четья Минея XVI в., апр., л. 449). Женский род *лебедь* мы находим у Пушкина в стилизации под народную речь:

Глядь, поверх текучих вод
Лебядь белая плывет

(«Сказка о царе Салтане»)

Наиболее значительным событием в истории рода является разрушение (а местами, возможно, и полная утрата) категории среднего рода с переходом существительных этого рода обычно в женский, а кое-где (реже) в мужской род, имевшее место главным образом в южновеликорусских и частью в переходных говорах. Подобные примеры отражаются в памятниках, писанных на территории южновеликорусских говоров. Ср.: дворъ и *гумну* сожгли (Столбцы Белгородского стола 1660 г., относится к Ельцу); дворъ и *гумну* выжгли (там же, относится к Чернавску); *строения какая* (Гр. 1684 г. — Н. А. Соловьев. «Сарайская и Крутицкая епархия», т. III, стр. 209; относится к Ливнам) [20].

Переход старого среднего рода в женский отражается и в московских памятниках XVII в., ближе стоящих к живой речи. Ср.: *моровая повѣтрея* (Письмо Ксении Годуновой) [21].

---

[19] Подробнее об истории двойственного числа см.: А. М. Пордан-ский. История двойственного числа в русском языке. Владимир, 1960.

[20] См.: С. И. Котков. К изучению орловских говоров. «Ученые записки Орловского пед. ин-та», т. VII, 1952, стр. 69.

[21] См.: А. И. Соболевский. Лекции. . ., стр. 212.

Развитие категории одушевленности

§ 157. В результате фонетических изменений еще на праславянской почве перестали различаться им. и вин. п. ед. ч. склонений с основой на *-о*, на *-й* и на *-і*. Между тем в этих склонениях (особенно с основой на *-о*) было сосредоточено большое количество существительных, для которых важно было формально различать им. п. (падеж подлежащего) и вин. п. (падеж прямого дополнения), особенно принимая во внимание свободный порядок слов древних славянских языков. В первую очередь это различие существенно было для существительных, обозначающих одушевленные предметы. Для различения вин. п. и им. п. в тех случаях, когда это необходимо, еще в дописьменные времена (возможно даже, что в поздний период праславянской эпохи) была использована форма родительного падежа, но лишь в единственном числе и лишь в склонении с основой на *-о*, и то не у всех существительных и не всегда. Примеры представлены уже в древнейших славянских памятниках, в том числе древнерусских. Ср. оузьрѣ *Їса иджща* (Остр. ев., Ио. I. 36). Использование отличной от им. п. формы род. п. именно в основах на *-о* и именно в единственном числе объясняется тем, что в этом склонении сосредоточено большинство существительных, для которых важно было разграничение, во множественном же числе (в мужском роде) формы им. и вин. п. и так различились. Форма род. п. в значении вин. п. получила название «родительный-винительный падеж». Форма вин. п., тождественная род. п., еще раньше, чем у существительных, была использована у личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного, а также у вопросительного местоимения *къто* (*кого*).

Использование родительного падежа вместо именительного, являясь морфологическим фактом (так как оно ограничено лишь некоторыми классами слов, а не распространяется на все склоняемые), опирается на определенные особенности древнерусского (и вообще древнего славянского) синтаксиса: родительный падеж там использовался в функции, близкой к функции винительного — в значении части объекта и в значении объекта при отрицании.

В склонении с основой на *-о* род.-вин. п. используется первоначально не вообще для одушевленных, а лишь для названия лиц (т. е. людей), и то не для всех. В старой форме вин. п. (=им.) в древнерусских памятниках обычно употреблялись названия животных и названия детей, даже склонявшиеся по склонению с основой на *-о*. Ср.: закоупъ... погоубить *воискъи конь* (Русская Правда 1282 г., л. 623·об.); и налѣзоша *быкъ великъ* и *силенъ* (Лавр. лет., л. 42 об.); на пѧтое лѣ̑ помѧнѹ̀ *конь свои* (Радз. лет., л. 19); еси *конь* по-

зналъ (Новг. берест. гр. № 25); пришлить *лошакъ* (там же № 69); жена *дѣтищь* роди (Лавр. лет., л. 55 об.). Старую форму часто (в новгородских памятниках нормально) сохраняло существительное *сынъ*, ср.: иде ростовоу... а *с҃нъ* оставивъ новегороде (Новг. Синод. лет., л. 40). Но это объясняется, возможно, тем, что это существительное первоначально принадлежало к склонению с основой на *-й*. Старую же форму долго сохраняло *гость*, вероятно, как старая основа на *-ĭ*, ср.: и боле чтите же *гость* (Поуч. Вл. Мон., Лавр. лет., л. 80 об.).

Но уже памятники XIII — XIV вв. обнаруживают колебания между формами старого вин. и род.-вин. п. и в тех существительных, которые дольше сохраняли старые формы. Ср.: посла к ни҃ *с҃на своего* ростислава (Лавр. лет., л. 102 об.); а *с҃на* посади переⷭславли (там же, л. 111 об.); имѣть *тат҃ѧ* (Смол. гр. 1229 г.); поима *зѧт҃ѧ своего* володимерковича (Лавр. лет., л. 116); иже камень вьргъ *на пъса* и въ чл҃вка оулоучить (Ряз. кормчая 1284 г., л. 176); вергъшаго камень *на пса* (Панд. Ник. Черног. 1296 г., л. 30 об.); и повелѣ раздраждити *быка*; и *быка* пустиша; и похвати *быка* рукою за бокъ (Лавр. лет., л. 42 об.). Впрочем, еще в первой половине XVI в. для названий животных нормальна старая форма: в исследованных им памятниках Б. Унбегаун нашел лишь один пример в грамоте 1521 г. — *кречета* послали[22]. В XVII в. такие формы для названий животных нередки.

Определенные условия способствовали более длительному сохранению старой формы и более быстрому развитию новой формы. Условием, способствовавшим сохранению старой формы вин. п., было наличие при нем предлога — последний указывал на то, что данная форма — не им. п.[23]

§ 158. Во множественном числе, первоначально лишь для названий лиц мужского пола, ясные формы род.-вин. п. появляются лишь с XIV в. Наиболее ранний случай род.-вин. п. мн. ч., но не для существительного, а для указательного местоимения, отмечен Н. Н. Дурново в Смоленской грамоте 1229 г. — *тьхъ... вѣсти*[24]. Но здесь род. п. *тьхъ* (= тѣхъ) в сочетании с глаголом *вести* мог быть вызван предшествующим сочетанием *кого вести* (текст полностью: мьтати жеребѣи. кого напьрьдъ вѣсти ко смольньскоу. Аже боудоуть людиⷦ. из ыноⷦ земль. тьхъ посль вѣсти). Местоимение же *къто* издавна имело форму и род. и вин. п. *кого*. Бесспорные же примеры на существительные — в памятниках XIV в. и позднее: созва *болѧръ* и *кыѧнъ* (Лавр. лет., л. 87 об.); [по]слали есмы *своихъ* *пословъ* (Перемирн. гр. 1371 г., ДД. гр. № 6); *нѧтцевъ* намъ

[22] См.: B. Unbegaun. La langue russe au XVI-e siècle, стр. 227.
[23] См.: А. И. Томсон. — ИОРЯС, т. XIII, кн. 2.
[24] См.: Н. Дурново. Очерк истории русского языка, стр. 269.

отпущати (Дог. гр. Дм. Донск. 1390 г., ДДГ, № 13); и ѡни ѡчистѧ наши холопо[в] и сельчѧ[и] (Гр. 1433 г., ДДГ, № 27); а пошлю которого недѣлщика *по татеи.* и ему *татеи* има (Судебник Ив. III 1497 г., л. 6 об.). С конца же XIV в. эта форма появляется и в украинских памятниках, но первоначально очень редко, ср.: знати... *нас поручников* (Грамоты, собр. Розовым, № 22, 1388 г.)[25].

Более позднее проникновение род.-вин. п. во множественное число объясняется тем, что в муж. р. склонения с основой на *-о*, с которого новая категория и начинала свое развитие, формы им. и вин. п. в древности и так различались, примерно же с XIII в. они начинают совпадать (см. выше, § 153), вследствие чего необходимость разграничения является и здесь.

Вследствие ясно наметившейся тенденции к объединению всех склонений во множественном числе (см. выше, § 148) формы род.-вин. п. мн. ч. начинают употребляться и для названий лиц женского пола, но не ранее XVI в., может быть, самого конца XV в.: даю с[ы]нѣ своемѣ Михаилѣ свои людеи холопо и *роб* (Дух. гр. В. Б. Тучкова-Морозова до 1497 г., сп. конца XV — начала XVI в.); пожаловалъ есми... игуменью Марѳу, да *старицъ* Александру Ес[и]повскую, да Оксинью Елизаровскую, да Анну Окинфовскую, и ихъ *сестръ тридцати* и *трехъ старицъ* и съ игуменьею (Акты арх. эксп., I, 1513 г.)[26]. Лишь для XVII в. такие формы становятся обычными, ср.: и *женъ* ихъ и дѣтей потомужъ за нимі разослалі (Котошихин, л. 151 об.); и *вдовъ* отпустить (Аввак., л. 210). Впрочем, наряду с такими, сохраняются и старые формы.

Еще позднее род.-вин. мн. ч. распространяется на названия животных. Примеры, свидетельствующие об этом, представлены в памятниках лишь с XVII в. Ср.: до́смерти оуби́ва́ю[т] ка́къ есть *соба́къ* (Книга о ратн. строении, 32); и оу то́и привады *птицъ* прикормитъ... и *птицъ* ѿ той прива́ды отго́нитъ (Улож. Алекс. Мих., ч. X, 216).

Приведенные примеры указывают на завершение к XVII в. процесса выработки в русском языке категории одушевленности, выражающейся в распространении формы род.-вин. п. в единственном числе на все одушевленные существительные мужского рода II склонения (объединившего старые склонения с основой на *-о* и на *-й*, а также мужской род на *-ĭ*), а во множественном числе — на одушевленные существительные

---

[25] См.: С. П. Бевзенко. Нариси з історичної граматики української мови. Морфологія. Київ, 1953, стр. 36.

[26] Этот единственный пример, обнаруженный в исследованных им памятниках, отмечая вместе с тем необычность его, приводит Б. Унбегаун («La langue russe au XVI-e siècle», стр. 228—229).

всех родов. Не выраженной в литературном языке и в большей части говоров остается она лишь в единственном числе современного III склонения (старое склонение с основой на *-ĭ*, но лишь женского рода, включившее в себя также некоторые существительные женского рода, ранее входившие в склонение на согласные и на *-ū*).

Остатком старой формы вин. п., тождественной им. п., является наречие *за́муж* в выражениях «выйти замуж», «отдать замуж» — предлог *за* с винительным падежом. О том, что это наречное выражение еще в начале XIX в. могло осознаваться сочетанием предлога с существительным, свидетельствует следующий пример из Нарежного: «Вышла замуж, схоронила его» («Российский Жиль-Блаз») — *его*, по-видимому, относится к существительному *муж*. Примером сохранения старой формы во множественном числе могут служить выражения типа «выйти в люди», «пойти в гости», «призвать в солдаты». Ср. у Пушкина:

Не рвусь я грудью *в капитаны*
И не ползу *в асессора*...[27]

Утрата звательной формы

§ 159. На протяжении истории русского языка утрачивается особая звательная форма, которая, впрочем, начиная с древнейших времен, отличалась от именительного падежа лишь в единственном числе. Тенденция утраты звательной формы и замены ее именительным падежом намечается очень рано и отражается уже в Остромировом евангелии, где, например, в обращении употребляется *марѳа* (вместо старого *марѳо*).

Некоторые лингвисты в связь с утратой звательной формы ставят появление в наших северных памятниках (именно новгородских) форм им. п. ед. ч. муж. р. с окончанием *-е* у старых основ на *-о* (формы на *-е* принимают и согласующиеся с ними причастия), например: *вѣдале варламе* (Новг. гр. Варлаама Хутынского после 1192 г.), т. е. «вдал (вложил) Варлаам»[28]. Ср. также им. п. ед. ч. *юрьѥ* в Новгородской кормчей 1282 г.

Употребление звательной формы вместо именительного падежа вообще возможно. Ср., например, в сербских юнацких песнях: Вино пије *краљевићу* Марко... «Пьет вино королевич Марко...»

---

[27] О развитии категории одушевленности в русском языке подробнее см.: Е. И. Кедайтене. Развитие форм родительного-винительного падежа и употребление старых форм винительного падежа от названий лиц и одушевленных предметов. «Ученые записки Вильнюсского гос. ун-та. Серия ист.-филол.», т. 3, 1957; ее же. К вопросу о развитии форм родительного-винительного падежа (на материале восточнославянских языков). «Исследования по лексикологии и грамматике русского языка». М., 1961.

[28] См.: А. И. Соболевский. Лекции..., стр. 192—193.

Но здесь мы имеем дело с особым экспрессивным употреблением, которое вряд ли может иметь место в юридическом документе.

А. А. Шахматов пытался найти фонетическое объяснение некоторым из указанных форм, предполагая, что формы причастий на *-le* развились в результате падения редуцированных из *łŭje*, например: *vdale* < *vъdałŭje*[29]. Форму же причастия *въдале* еще Ф. Ф. Фортунатов толковал как *въдалъ е* (*е* вместо *есть*).

Как бы ни объяснять форму им. п. ед. ч. на *-е*, особая звательная форма в части древнерусских наречий (именно на севере) на протяжении истории языка утратилась, в части же, именно на западе и юго-западе — сохранилась, отражением чего является наличие особой звательной формы в современных украинском и белорусском языках, частью же и в пограничных с ними русских говорах. Ср. укр. *батьку*, *сыньку*, *жінко*, белор. *мужу* и т. д.

Остатками старой звательной формы в современном русском языке являются сохранившиеся под влиянием церковнославянского языка и ставшие по существу восклицаниями междометного характера «боже!», «господи!». Некоторые же формы используются как церковнославянизмы иронического характера, например *друже*, *человече* (также в обращениях).

По говорам и даже в литературном просторечье имеет тенденцию развиваться новая звательная форма, но лишь у существительных, оканчивающихся на гласный звук, притом безударный. Она отличается от им. п. ед. ч. тем, что ударяемый гласный произносится с большей интенсивностью, в связи с чем конечный гласный ослабляется и редуцируется до нуля, например: *мам!* «мама», *Кат'!* «Катя», *Кол'!* «Коля» и т. п.

Изменения в основе существительных

§ 160. В склонении существительных на протяжении истории языка имели место некоторые изменения в основе. В результате аналогических обобщений развиваются новые чередования гласных с нулем звука. В результате же действия аналогии устраняются чередования заднеязычных согласных с переднеязычными свистящими. Последнее имеет место лишь в северной части древнерусских наречий, что и отражается в современном русском языке, в украинском же и белорусском языках эти чередования сохраняются. Об этих изменениях в основе см. выше, в разделе, посвященном развитию чередований, § 132.

---

[29] См.: А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода, стр. 225—226.

МЕСТОИМЕНИЕ

Общие замечания

§ 161. Местоимения как в современном языке, так и в древнерусском распадались на две резко отличные группы: первую образовывали личные местоимения 1-го и 2-го лица и возвратное, употреблявшиеся в предложении в качестве подлежащих и дополнений (последнее только в качестве дополнений); вторую — так называемые неличные местоимения, включающие различные смысловые разряды (указательные, притяжательные, вопросительные, относительные, определительные, отрицательные, неопределенные). Особенностью неличных местоимений является то, что подавляющему большинству их свойственны формы не только падежа и числа, но и рода. В предложении они использовались преимущественно как определения, но некоторые и как подлежащие и дополнения.

Местоимение, рассматриваемое школьной грамматикой как личное местоимение 3-го лица (*он*), по происхождению является указательным местоимением, а в древнерусском языке и употребляется частью как указательное. Применительно к древнерусскому языку оно должно быть отнесено к неличным.

По формам склонения к местоимениям неличным примыкают два местоимения, изменяющиеся по падежам, но не изменяющиеся по родам и числам, — *къто* и *чьто*.

Склонение личных и возвратного местоимений

§ 162

1-е лицо

Ед. ч.		Мн. ч.	Дв. ч.	
И.	азъ, я	мы	И.	вѣ
Р.	мене	насъ	В.	на
Д.	мънѣ, ми	намъ, ны	Р. М.	ною
В.	мене, мѧ	насъ, ны		
Т.	мъною	нами	Д. М.	нама
М.	мънѣ	насъ		

	2-е лицо				Возвратное
	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.		
И.	ты	вы	И.	ва	—
Р.	тебе	васъ	В.		себе
Д.	тобѣ, ти	вамъ, вы	Р.	ваю	собѣ, си
В.	тебе, тѧ	васъ, вы	М.		себе, сѧ
Т.	тобою	вами	Д.	вама	собою
М.	тобѣ	васъ	Т.		собѣ

§ 163. Возвратное местоимение имеет формы, параллельные формам личного местоимения 2 л. ед. ч., но по числам не различается и не имеет именительного падежа, так как не может быть подлежащим. Падежи двойственного числа (по форме) группируются, как у существительного, с той разницей, что у местоимения 1 л. им. и вин. п. имеют различные формы.

В дат. и вин. п. различались, как и в старославянском, полные и энклитические формы. Последние употреблялись первоначально тогда, когда местоимение в предложении не несло самостоятельного ударения. Очень рано различия в употреблении между полными и энклитическими формами стали стираться.

От старославянского языка (оставляя в стороне фонетические различия) древнерусский отличался полными формами дат. п. и местн. п. ед. ч. 2 л. личного и возвратного местоимений — *тобѣ*, *собѣ*, характеризующимися иной ступенью чередования корневого гласного (ср. ст.-сл. *тебѣ*, *себѣ*). Формы со ступенью *о* в дат. и местн. п. местоимений известны также западнославянским языкам, ср. чеш. *tobě*, *sobě*, польск. *tobie*, *sobie*. Но в чешском языке, в отличие от древнерусского и польского, в тв. п. ед. ч. 2 л. и возвр. местоимения ступень *е*, ср. др.-русск. *тобою*, *собою*, польск. *tobą*, *sobą*, чеш. *tebou*, *sebou*.

Написание в древнерусских памятниках, различающих *е* и *ѣ*, например в Архангельском евангелии 1092 г., в формах *тобѣ*, *собѣ* постоянно *ѣ*, при колебании между *ѣ* и *е* в формах *тебѣ*, *себѣ* (наряду с *тебе*, *себе*), привело Н. Н. Дурново к мысли, что именно формы *тобѣ*, *собѣ* являлись живыми древнерусскими, а *тебѣ*, *себѣ* писались под влиянием старославянского языка.

Формы, восходящие к *тобѣ*, *собѣ*, по говорам сохранились и теперь. Ср. в части современных северновеликорусских говоров *тобé*, *собé*, в части же южновеликорусских — *табé*, *сабé*. Ср. также белор. *табе*, *сабе*, укр. *тобі*, *собі*.

Склонение неличных местоимений

§ 164. Склонение неличных местоимений включало два основных типа, различающихся качеством согласного в конце основы, твердого или мягкого. Гласные окончаний после этих согласных

относились друг к другу так же, как гласные окончаний твердой и мягкой разновидностей склонений с основой на *-а* и на *-о*. В качестве образцов взяты местоимения *тъ* и *и* (*< jь*).

	Ед. ч.			Мн. ч.			Дв. ч.	
	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.	Муж. р.	Ср. р. Жен. р.
И.	тъ	то	та	ти	та	ты	И. В.	та тѣ
Р.		того	тоѣ		тѣхъ			
Д.		тому	тои		тѣмъ		Р. М.	тою
В.	тъ	то	ту	ты	та	ты		
Т.		тѣмь	тою		тѣми		Д. Т.	тѣма
М.		томь	тои		тѣхъ			
И.	и	ѥ	ѩ	и	ѩ	ѣ	И. В.	ѩ и
Р.	ѥго		ѥѣ		ихъ			
Д.	ѥму		ѥи		имъ		Р. М.	ѥю
В.	и	ѥ	ю	ѣ	ѩ	ѣ		
Т.	имь		ѥю		ими		Д. Т.	има
М.	ѥмь		ѥи		ихъ			

§ 165. Им. п. местоимения *и* в древнейших памятниках как древнерусских, так и старославянских уже не употреблялся. Вместо него обычно фигурировало *онъ* (имевшее и свои косвенные падежи). Соединение в одной парадигме им. п. *онъ* и косвенных ѥго, ѥму и т. д. и дало впоследствии современную парадигму местоимения 3-го лица.

По типу указательного местоимения *тъ* склонялись местоимения *онъ*, *самъ*, *которъ*, *вьсякъ*, *къто*. У последнего склонялась лишь первая часть (*къ*), *-то* являлось неизменяемой частицей, выступавшей лишь в составе им. п. По типу местоимения *и* склонялись *сь*, *мои*, *твои*, *свои*, *нашь*, *вашь*, *чии* «чей» (фонетически *čijь*), *вьсь*, *чьто* (в последнем случае так же, как у *къто*, склонялась лишь первая часть *—чь*). Косвенные падежи мн. ч. (кроме вин. п.) местоимения *вьсь* — по типу *тъ* (*вьсѣхъ* и т. д.). В новгородских памятниках встречаются формы этого местоимения, отражающие отсутствие изменения *x > s'* после *ь* по второй палатализации: *вхоу* же тоу землю хоутин(ь)скоую (Дух. гр. Варл. Хутынск. после 1192 г.), *вхе* полъ (= вьсь полъ, Новг. Синод. лет.), *вьхемо* вамо (Новг. берест. гр. № 87).

В отличие от старославянских форм, древнерусские имели *-ě* после *j* (в соответствии со ст.-сл. *-ę*) в тех же падежах, что и имена.

В др.-русск. языке род. п. ед. ч. муж. и ср. р. неличных местоимений оканчивался постоянно на *-go*. Формы с более древним окончанием *-so*, представленные ст.-сл. *чесо*, *чьсо*, встречаются и в наших древнейших памятниках, но исключительно

церковных, списанных со старославянских оригиналов (в Остромировом, Архангельском евангелиях и др.). В живом древнерусском языке *-so* и в этом местоимении еще в дописьменную эпоху под влиянием других местоимений было заменено посредством *-go*, в результате чего форма имеет вид *чего*.

История личных местоимений

§ 166. Формы личных местоимений и возвратного (не считая полной утраты форм двойственного числа, связанной с утратой двойственного числа вообще) на протяжении истории языка изменились сравнительно мало.

Из двух параллельно употреблявшихся в древнерусском языке форм им. п. ед. ч. 1 л. со временем сохраняется лишь одна, более краткая — современное *я*; форма *азъ* по происхождению старославянская (см. «Фонетика», § 46) и никогда не была свойственна живому древнерусскому языку. Но еще во второй половине XVI в. встречаются оригинальные русские памятники, где исключительно представлено *яз* и совсем нет *я*, например письмо Василия Грязнова Ивану Грозному 1576 г. Господствовать начинает *я* лишь в деловой письменности XVII в.

§ 167. Формы род. и вин. п. ед. ч. личного местоимения 2-го лица и возвратного на *-е* сохранились и в настоящее время в украинском и белорусском языках, в южновеликорусских говорах, в части средневеликорусских и некоторых (немногих) северновеликорусских. Ср. укр. *мéне*, *тéбе*, *сéбе*, белор. *мяне́*, *цябе́*, *сябе́*, южновеликорусск. *мене́*, *тебе́*, *себе́*.

В северновеликорусских же говорах и в значительной части переходных (средневеликорусских) на протяжении истории языка окончание *-е* сменилось окончанием *-а* с сохранением мягкости предшествующего согласного, развившейся здесь еще тогда, когда формы оканчивались на *-е*, т. е. явились формы *меня́*, *тебя́*, *себя́*. Они характерны и для московского говора, легшего в основу литературного языка. В тех северных говорах, где до настоящего времени сохранились формы на *-е*, обычно наряду с ними представлены и формы на *'-а*.

Древнейшие примеры форм на *-а* отмечены в московских памятниках конца XIV в., в северных — лишь с XV в. Примеры: а чимъ благословилъ *тобѧ* отець твои кнѧзь Андреи (Гр. Дм. Донск. 1389 г., ДДГ, № 11) — относительно *о* вместо *е* в корне см. ниже; ѿнѧ оу *тебѣ*, выгони *тобѣ* (Гр. 1461—1462 гг., ДДГ № 62); ѿ *тебѧ* (Гр. Мих. Тверского 1462—1464 гг., ДДГ № 63); ѕ *себѧ* (Новг. берест. гр. № 21, предположительно XV в.); оу *менѧ* (Хожение Афанасия Никитина, л. 443 об., 295).

Относительно причин появления нового окончания (*-а*) в науке высказывались различные предположения. Одни лингвисты (А. А. Шахматов, за ним Н. Н. Дурново) считали эту смену окончания результатом фонетического изменения *-е* > *а* на конце слова, другие объясняли ее морфологически, как результат воздействия родственных по значению форм — род. п. ед. ч. существительных муж. и ср. р. старого склонения с основой на *-о*, в особенности мягкой разновидности, ср. *коня* от *конь* (А. И. Соболевский), или вин. п. ед. ч. энклитических местоимений *мѧ*, *тѧ* *сѧ* (И. В. Ягич).

Из приведенных объяснений более убедительно сближение с формами склонения существительных со старой основой на *-о*, так как именно в этом склонении к XIV в. сосредоточилось подавляющее большинство существительных мужского и среднего рода, причем значительная часть их (именно названия лица муж. р.) уже имели тождественные формы род. и вин. п. Рассматриваемые местоимения почти без исключения относились к лицам (т. е. к людям). Таким образом, установление новых форм род. и вин. п. местоимений является еще одним примером постепенного сближения различных типов словоизменения.

§ 168. В большей части наших говоров, а также в литературном языке утрачиваются особые энклитические формы дательного и винительного падежей. Уже в грамотах XV в. они употребляются преимущественно в традиционных формулах.

§ 169. В дат. и местн. падежах личных местоимений единственного числа, а также возвратного в значительной части русских (великорусских) говоров формы с *о* в основе вытесняются формами с *е* (т. е. вместо старых форм *тобѣ*, *собѣ* являются формы *тебѣ*, *себѣ*). Когда начинался этот процесс, сказать трудно, так как формы *тебѣ*, *себѣ* совпадают со старославянскими по происхождению и отражение живого процесса в памятнике поддерживается книжными нормами. Впрочем, формы с *е* уже встречаются (при более частых формах с *о*) в московских грамотах конца XIV в., например: *тебѣ* брату моему молодшему (Дог. гр. Дм. Донск. 1389 г., ДДГ № 11).

В московских памятниках XVII в. формы с *е* в основе уже являются единственно возможными в дат. и местн. п. рассматриваемых местоимений.

В период вытеснения форм с *о* формами с *е* в дат. и местн. п. формы с *о* (вместо *е*) в памятниках встречаются иногда и в род. и вин. п. Ср.: ѿ *тобе* (Лавр. лет., л. 60); оу *собе* (там же, л. 36 об.); ср. также выше вин. п. *тобѧ* в грамоте 1389 г. Формы с *о* (или с *а*, если говор акающий) в род. и вин. п. встречаются и в современных русских говорах, но значительно реже, чем формы с *о* (или *а*) в дат. и местн. (предл.) п.

Рассмотренная выше смена *о* на *е* объясняется или фонетически, как результат ассимиляции гласного первого слога гласному второго слога (такая ассимиляция на расстоянии, проведенная не вполне последовательно, в русском языке вообще возможна), или, что более вероятно, морфологически, как результат воздействия со стороны других падежных форм. Впрочем, возможно, морфологическое воздействие было поддержано фонетическим.

История неличных местоимений

§ 170. В историческом развитии неличных местоимений имели место те же процессы, что в истории личных местоимений и именного склонения: сближение в результате взаимодействия различных типов и различных форм одного типа и утрата некоторых параллельных образований, ставших излишними. Вместе с тем, преобразовывалась постепенно и самая система отношений, обозначаемых местоименными формами.

§ 171. В ряде падежных форм местоимения, содержавшие в корне твердый согласный, имели после него гласный *ѣ*, а местоимения, содержавшие в корне мягкий согласный, -*і* (см. выше). Это различие, некогда обусловленное фонетически (см. курс старославянского языка), уже давно перестало быть таким (поскольку согласные перед *ѣ* в древнерусском языке рано подвергались смягчению, — как перед *і*, так и перед *ѣ* согласные были мягкими). В результате воздействия твердой разновидности на мягкую формы с *і* в окончании сменяются формами с *ѣ*. Так, например, в творительном падеже местоимения *чьто* вместо старой формы *чимь* является *чѣмь* (или *чѣмъ* в результате отвердения конечного губного после падения редуцированных) под влиянием формы *кѣмъ* от *къто* (старое *цѣмь*, относительно *к* см. ниже), позднейшее *чем* (после изменения *ѣ* > *е*), — так и в современном литературном языке (ср. совр. тв. п. *чем*, так же, как *кем*). Древнейшие примеры новой формы представлены в памятниках конца XIV в.: *чѣмъ* есмъ его блгвилъ (Вторая дух. гр. Дм. Донск. 1389 г., ДДГ № 12), а *чѣмъ* мѧ гне блглвилъ ѿць мои (ДДГ № 14). Ср. в середине XIV века: а *чимъ* мѧ блгвилъ оць мои (Дух. гр. в. кн. Симеона Гордого 1353 г.).

В некоторых русских говорах (переходных и в южной полосе северновеликорусских, например в московских, калининских, владимирских) воздействие местоимений твердой разновидности распространяется на косвенные падежи множественного числа мягкой разновидности, ср. род. и местн. п. мн. ч. *моéх*, *твоéх*, *чьéх*, дат. п. мн. ч. *моéм*, *твоéм*, *чьéм* (ср. *тѣхъ*,

тѣмъ). Форма *сѣхъ* (вместо *сихъ*), например, *до сѣхъ поръ*, «до сих пор», отражается и в московских грамотах XV в.

В значительной части говоров, как северновеликорусских, так и южновеликорусских, в местоимениях мягкой разновидности под влиянием твердой является *о* вместо старого *е* в тех формах, где оно фонетически не могло развиться, ср. *мојóй*, *твојóй*, *вс'ой* (род., дат., тв., местн. п. ед. ч. жен. р.) вместо *моéй*, *твоéй*, *всéй*, под влиянием *той* и т. д. (не относятся сюда формы типа местн. п. ед. ч. муж. и ср. р., например *мојóм*, так как здесь *о* развилось фонетически перед отвердевшим губным согласным). О древности этих форм сказать трудно, так как для большинства из них наше старинное письмо по самому характеру своему не может служить свидетельством.

Памятники и говоры отражают и воздействие мягкой разновидности на твердую. Так, в московских же грамотах XIV в., наряду со старыми формами (*тѣхъ*, *тѣмъ*), встречаются также формы род. п. мн. ч. *тыхъ*, дат. п. *тымъ*, например: хто бѣдеть оу *тыхъ* женилсѧ (Дух. гр. в. кн. Ив. Ив. около 1358 г., ДДГ № 4), а *тымъ* да есмь (Дух. гр. Дм. Донск. ок. 1375 г., ДДГ № 8); *ы* (*у*) здесь, вероятно, вместо ожидаемого *і* в результате тенденции сохранения твердого *т* на протяжении всего склонения. Эти формы в дальнейшем в Москве не удержались. По говорам мы находим в этих формах как *і*, так и *у* (*ы*). Ср. в двинских грамотах XV в.: дат. п. мн. ч. *тимъ* землѧмъ (Гр. № 74, 90), род. п. мн. ч. *тихъ* селъ (№ 90); тв. п. мн. ч. *тими* землѧми (№ 71, 81); местн. п. мн. ч. на *тихъ* землѧхъ (№ 24). Но также: род. п. мн. ч. *тыхъ* земель (№ 77); ѡ *тыхъ* землѧхъ (№ 77, 79); тв. п. ед. ч. *тымъ* володѣти василью филимонову (№ 103) „тем (т. е. тем имуществом, именьем) владеть Василию Филимонову“.

Но взаимодействие твердой и мягкой разновидностей в местоименном склонении не осуществляется в столь широком объеме, как в именном. Многие говоры сохраняют различие разновидностей. Сохранилось оно и в русском литературном языке. Ср. тв. п. ед. ч. муж. и ср. р. *тем* — *моúм*, род., дат., тв. предл. п. мн. ч. *тех*, *тéм*, *тéми*—*моúх*, *моúм*, *моими́*, род., дат., тв., предл. п. ед. ч. жен. р. *той* — *моéй*. Это объясняется, вероятно, с одной стороны более ограниченным объемом и своеобразием класса местоимений сравнительно с классом существительных, с другой же стороны, большей краткостью их неизменяемой части, зачастую состоящей из одного согласного.

§ 172. Взаимодействием различных падежных форм одного и того же местоимения объясняется установление одного согласного в основе вместо прежних двух, находившихся в чере-

довании друг к другу в склонении вопросительно-относительного местоимения *къто*, творительный падеж которого в древности имел форму *цѣмь*, а затем сменяет *с* (*ц*) на *к*. Форма с *к* уже постоянно в московских грамотах XIV в., ср.: ни съсылатисѧ ни с *кѣм* же (Дог. гр. Дм. Донск. ок. 1367 г., ДДГ № 5). К приведенной форме восходит современное русское *кем*.

§ 173. Еще в древности указательные местоимения могли иметь параллельные формы, образованные посредством присоединения соответствующей формы (т. е. того же рода, числа, падежа, что и основное местоимение) другого или того же самого местоимения, например *тъи*, *тыи*, *сьи*, *сии* (им. п. ед. ч. муж. р., фонетически вероятно *tŭjь*, *sĭjь*), *тътъ*, *сьсь*, ср.: *тыи* дн҃ь (Ефрем. Кормчая, Коринф. 73), *тыи* товаръ, *таѧ* правда (Смол. гр. 1229 г.), *сии* ли крт҃ць малыи (Ип. лет. под 1152 г.). Формы из двух местоимений, сравнительно с простыми, выражали, по-видимому, большую определенность или служили просто для подчеркивания. Как удвоенные формы, так и распространенные посредством *и* имели, по-видимому, одно ударение на первом слоге.

После утраты слабых редуцированных и прояснения сильных простые формы *тъ*, *сь* должны были изменяться в *то*, *се* (*ъ* > *о*, *ь* > *е* в начальном и в то же время единственном ударном слоге), *тътъ*, *сьсь* — в *тот*, *сесь* (фонетически *ses'*), *tŭjь*, *sĭjь* — в русском (великорусском) языке в *той*, *сей* (в украинском и белорусском языке *ŭ*, *ĭ* редуцированные имели иную судьбу — см. «Фонетика», § 65).

Формы *то*, *се*, *тот*, *сесь* в значении им. (и вин.) п. ед. ч. муж. р. мы и находим в памятниках времени после падения редуцированных. Ср., например: воевода же бѣ свѣнелдъ. *то* же ѡц҃ь мистишинъ (Лавр. лет., л. 15) «Воевода же был Свенельд, тот же (т. е. он же) отец Мстиши»; тако и *се*. аще не оубьемъ его то все ны погубить (там же, л. 14 об.) «Так и этот: если не убьем его, то все нам погубит» (ср. Радзивиловский и Академический списки, где на месте *се* стоит *сеи*); по *то* роѣздъ (Гр. кн. Олега Рязанского, 1382 г., ДДГ № 10) «по тот разъезд», «до того разъезда»; пописа *сесь* списѡ (Разъезжая гр. Ив. III 1504 г., ДДГ № 93) «подписал этот список».

Из параллельных форм *то*, *тот*, *той* в значении им. п. ед. ч. муж. р. (а также вин. п. для неодушевленных) неосложненная вторым местоимением форма *то* была утрачена (вероятно, потому, что именно она после изменения *ъ* > *о* фонетически совпала с формой им. п. и вин. п. ед. ч. ср. р. того же местоимения и стала излишней). Форма же *тот* в большинстве

русских говоров сохранилась и представлена теперь также в литературном языке.

По говорам известна также форма *той* (в значении им. п. и вин. п. ед. ч. муж. р.). Она представлена и в других восточнославянских языках — украинском, белорусском. Но там она не могла развиться фонетически и сложилась, по-видимому, под влиянием еще не утраченной параллельной формы *то* (< *тъ*).

Из параллельных форм *се*, *сесь*, *сĭjь* (им. п. и вин. п. ед. ч. муж. р.) до настоящего времени сохранилась лишь *сей*, восходящая к *сĭjь*, но употребляется в литературном языке как архаизм или в составе особых образований наречного типа (см. ниже).

Старая простая форма им. и вин. п. ед. ч. муж. р. местоимения *тъ* сохранилась в настоящее время лишь в большинстве северновеликорусских говоров, а также частью и в переходных в качестве так называемого постпозитивного члена или, точнее, согласуемой постпозитивной частицы (см. курс диалектологии), например, *дóм-от* или *дóм-ат*, *дóм-ът* (последнее в акающих говорах или в говорах с неполным оканьем) < *домъ-тъ*. В некоторых северных говорах в качестве согласуемой постпозитивной частицы используется и осложненная форма, ср., например, такие образования, как *дóм-тот* в некоторых олонецких говорах.

§ 174. Система трех степеней удаленности, выражавшихся различными формами указательных местоимений, на протяжении истории языка была сведена к системе двух степеней — «близкое» и «далекое».

Следом разграничения второй и третьей степени удаленности в современном языке являются указательные частицы *вот* и *вон*, исторически образованные от указательных местоимений первая от местоимения второй, вторая от местоимения третьей степени удаленности (*тъ* — *онъ*). Первоначальное значение второй степени («близость к собеседнику, но не к говорящему») здесь сменилось уже значением вообще близости. Наряду с указательными местоимениями, служившими для разграничения трех степеней удаленности, еще в общеславянском языке указательное местоимение *и*, ѡ, ѥ, возможно, было (или стало в дальнейшем) нейтральным в отношении степеней удаленности. Оно начиная с дописьменных времен объединяется в одно склонение с местоимением *онъ*, выражавшим третью степень удаления, что, возможно, и кладет начало разрушению старой системы разграничений. Косвенные падежи местоимения *и* (во всех родах и числах) широко употреблялись в древнерусском языке, к ним восходят и наши современные формы косвенных падежей личного местоимения 3-го лица. Именительный же падеж этого местоимения (во всех

родах и числах) не употреблялся уже в древнейших памятниках.

§ 175. Старые формы винительного падежа различных родов и чисел местоимения *и* в древнерусских памятниках засвидетельствованы. Ср.: и потомъ позваша *и* ростовьци къ собе (Новг. Синод. лет., л. 40) «И потом позвали его ростовцы к себе»; и вда *ю* за ꙗрополка (Лавр. лет., л. 23 об.) «И отдал (замуж) ее за Ярополка»; и понесоша ѩ в лодьи (там же, л. 15 об.) «И понесли их в ладье»; и ѿ тѣхъ паволокъ аще кто крьнеть... и *то* е запечатаеть (Лавр. лет., л. 12) «И из тех покровов кто купит, тот их запечатает» (*е* вместо *ѣ*, вин. п. мн. ч. жен. р.). Довольно рано старая форма винительного падежа (в значительной части случаев тождественная исчезнувшему именительному) начинает замещаться родительным *его*, функционирующим не только как мужской, но и как средний род. Единичные случаи такого родительного (вместо винительного) встречаются уже в памятниках XIII в., например: понесеть *его* домовь (Смол. гр. 1230 г.) «Понесет его домой». При этом форма родительного относится к любому предмету, в данном случае к неодушевленному — *товаръ*. Для женского рода: коли *еѣ* баскаци вѣдали (Гр. Олега Ряз. Дм. Донск. 1382 г. в сп. конца XV в.) «Когда ею баскаки (татарские наместники) управляли» (относится к городу Туле). Результатом взаимодействия старой формы *ю* и новой формы *еѣ* может являться форма *ею* в том же значении, например: вымѣнѧлъ *ею* (Двинск. гр. XV в. № 7). В современном русском литературном языке и большей части говоров употребляется форма *её*, восходящая к *еѣ*; возможно, *ѣ* > *о* в данном случае первоначально в безударном положении, поскольку местоимения часто не несут самостоятельного ударения. Такая же форма *ее* употребляется и для род. п. ед. ч. жен. р. В части же говоров сохраняется форма *её* (с *е* на конце). В отличие от мужского и среднего рода старая форма вин. п. ед. ч. жен. р. *ю* не была вытеснена полностью и сохранилась кое-где в северновеликорусских говорах. Ср. *јон ју* бросил «он ее бросил» (один из Оленецких говоров). Во множественном числе вин. п. для всех родов также принял форму тождественную родительному — *ихъ*.

§ 176. Местоимение, восходящее к *тъ* (*тот*, в некоторых говорах *той* и др.) для обозначения более удаленного сохранилось повсеместно. В части наречий сохранилось и местоимение, восходящее к *сь*, для обозначения более близкого. Ср. укр. *оцéй* «этот» (< *ot* + *sei̯*). Но в русском языке местоимение *сей* (восходящее к *сь*) давно уже стало архаизмом и в настоящее время в разговорном языке выступает лишь в составе особых сочетаний, большей частью лексикализовавшихся, ставших одним неразложимым словом. Ср. *сейчáс* (произно-

сится *сича́с* или даже *щас*), *сию́ мину́ту*. В той же функции, в какой раньше было *сь*, утвердилось местоимение *э́тот*, склоняющееся точно так же, как местоимение *тот*. Образование его относится к довольно позднему времени, явные примеры (в написании с *е*) — не ранее второй половины XVII в., например: *етой* воли... лутше; *ети* росписи; на *етихъ* указехъ (письмо кн. Хованских второй пол. XVII в.).

Исторически местоимение *этот* явилось результатом слияния местоимения *тот* с указательной частицей (*h*)*е*. Подобные образования наблюдаются и в других славянских и индоевропейских языках. Начальное *h* было утрачено, и следовавшее за ним *е* (*э*) оказалось в начальном положении, после чего в различных русских говорах перед *е* развилось *j*, и рассматриваемая местоименная форма звучит *jэ́тот* и т. д.

Первоначально частица (*h*)*е* могла употребляться и не непосредственно перед местоимением *тот*, но могла быть отделена от него другими словами, в первую очередь предлогами, на что имеются указания в памятниках XVII, а частью и начала XVIII в. Возможно, что следом предлога *в*, отделявшего частицу от местоимения, является форма *э́втот* (или *е́втот*), *э́фтот*, а следом предлога *с* — форма *э́стот*. Обе эти формы известны некоторым говорам, причем кое-где распространены одновременно, но имеют тенденцию разграничиваться в употреблении в зависимости от того, с каким предлогом местоимение сочетается; ср. *в э́фтим*, *в э́фто*, но *с э́стим* в говоре Александровского р-на Владимирской обл. Первоначально здесь могло быть просто синтаксическое сочетание частицы и местоимения с повторяющимися предлогами (о тенденции предлогов к повторению см. ниже, Синтаксис, § 305 и 307). Подобные примеры есть и в памятниках. Ср.: так *в евтом* дѣлѣ и поступаю (письмо Л. Нарышкина Петру I)[30].

Развитие всех рассмотренных выше местоимений, обозначающих первую степень удаленности («близкое»), несомненно, более близких по форме к *тот*, чем местоимения, восходящие к *сь*, отражает общую тенденцию сближения и объединения различных типов форм, служащих для выражения одних и тех же или сходных отношений.

---

[30] См. подробнее: П. Я. Черных. Местоименные формы «эвтот», «энтот» и т. д. «Доклады и сообщения филол. фак-та МГУ», кн. 8, 1949.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Общие замечания

§ 177. В древнерусском языке, как и в старославянском, было два типа прилагательных — именные и местоименные. И те и другие изменялись по родам, числам и падежам, причем форма рода, числа и падежа прилагательного зависела от рода, числа и падежа существительного, к которому данное прилагательное было отнесено как определение, а частью и как именная часть составного сказуемого. Кроме того, от прилагательного могла образовываться сравнительная степень.

Именные прилагательные склонялись как существительные с основой на *-о* (муж. и ср. р.) и на *-а* (жен. р.). В словообразовательном отношении в древнейшие времена именные и местоименные прилагательные характеризовались одними и теми же средствами.

В ряде случаев между именными прилагательными и существительными нет никаких структурных различий, т. е. никакой словообразовательный аффикс и никакая ступень чередования в корневой или аффиксальной морфеме не указывают, какое слово является производным и какое — первообразным. Единственное число среднего рода прилагательного может быть использовано как существительное среднего рода с основой на *-о*, и лишь контекст показывает, является ли данная форма существительным или прилагательным. Например, от прилагательного *зълъ*, жен. р. *зъла*, ср. р. *зъло* может быть взята последняя форма и использована как существительное. Ср. сътворите дрѣво *зъло* и плодъ ѥго *зълъ* (Остр. ев., Мф. XII. 33); и бѫше пожаръ *зълъ* (Новг. лет. под 1194 г.) — *зълъ*, *зъло* использованы как прилагательное; да не творѧть имъ *зла* никако же (Лавр. лет., л. 13). Напротив, от существительных среднего рода могут быть образованы прилагательные без всяких словообразовательных средств, только с присоединением окончаний (падежа, рода и числа) по склонениям с основой на *-о* и на *-а*. В этом случае средний род прилага-

тельного тождествен форме существительного среднего рода. Ср. *золотъ*, *золота*, *золото* (прилагательное), образованное от существительного *золото*, например: да будем *золоти* ꙗко *золото* (Радзив. лет. под 971 г.).

В большинстве же случаев прилагательные образовывались от других частей речи или от прилагательных же посредством суффиксов или префиксов в сочетании с суффиксами, причем частью эти суффиксы и префиксы были общие с существительными.

Общим с существительными был суффикс *-r-*, впрочем, как и у существительных, уже непродуктивный не только в эпоху древнейших русских памятников, но еще на праславянской почве, ср. *добръ*, *бодръ*, *хытръ* (прилагательные) — *пиръ* (существительное); префикс *ра-*, ср. *пасмурьнъ* (прилагат.) — *пасынъкъ* (существит.), впрочем, также уже непродуктивный в древнерусском языке.

Многие же суффиксы характеризуют специально прилагательные, обладают различной степенью продуктивности, причем некоторые, продуктивные уже в древнерусском языке, сохранили продуктивность до настоящего времени. К ним относились: *-ьn-*, обозначавший свойство по материалу, из которого сделан определяемый прилагательным предмет, и вообще отношение к конкретному или абстрактному существительному (после падения редуцированных принимает форму *n*/*en*): блюдо *серебрьно* (Мстисл. гр. ок. 1130 г.), парусы *коприньны* (Лавр. лет., л. 25), мужь *книженъ* (там же, л. 52 об.), *ратьну* бӯ (там же, л. 33), от *хмелна* короба (Новг. гр. 1264—1265 г., Шахм. № 1); *-ӓn-* (< **-ęn-*), позднее *-an* после мягких согласных и шипящих, в более узком значении (свойства по материалу): в рацѣ *мороморѧнѣ* (Лавр. лет., л. 54 об.), перуна *древѧна* (там же, л. 25), взѧ... .д̄. иконѣ *мѣдѧны* (там же, л. 40 об.). Для обозначения свойства по отношению к месту, народу, живому существу, главным образом лицу очень широко использовался суффикс *-ьsk-* (после падения редуцированных *-esk*/*-sk-*, а также различные результаты фонетических изменений *s* с предшествующими согласными): *оугорьска* земл ѧ и *болгарьска* (Лавр. лет., л. 2 об.); рода *варѧжьска* (там же, л. 34), *татарьскаꙗ* мѣста и *мордоска* мѣста (Дог. гр. в. кн. Вас. Дм. 1402 г.), цр̄ь *жидовескъ* (Лавр. лет., л. 34 об.), разумъ *человѣческъ* (там же, л. 156); в случае *ĭ* < *jь* перед суффиксом он являлся в форме *-isk-*, например, *архиерѣискъ* — службы *архиерѣиски* (Лавр. лет., л. 37). В более ограниченном объеме употреблялся суффикс *-in-* (при образовании притяжательных прилагательных от существительных с основой на *-a* или на *-ĭ*): *ользинъ* или *ольжинъ*; *звѣринъ* (ср.: свистъ звѣринъ вста, Слово о полку Игореве); *-ък-* (при образовании

прилагательных от глаголов и от существительных): *падъкъ*, *сладъкъ* (старославянская форма при древнерусской *солодъкъ*).

Суффикс *-j-*, продуктивный при образовании притяжательных прилагательных еще на праславянской почве, в древнерусском языке уже не выделялся как суффикс, прилагательное отличалось от существительного ступенью конечного согласного морфемы, непосредственно предшествующей бывшему суффиксу, ср. *володимирь* или *володимерь* (от *володимиръ* или *володимеръ*), *вьсеволожь* (от *вьсеволодъ*); *кнѫжь* от *кънѫзь*, и т. д.; но родственный этому суффиксу более редкий суффикс *-ьj-* (> *ǐj*) выступал как таковой и в эпоху памятников в таких образованиях, как *вълчии* от *вълкъ*, например, *волъчьıа* хвоста (Лавр. лет., л. 27); впоследствии так же образовывалось и прилагательное *медвѣжии* (от *медвѣдь*), но в древности оно шло по типу *вьсеволодъ* — *вьсеволожь*, ср.: въ ѡбразѣ *медвѣжи* (Лавр. лет., л. 66).

Для образования же притяжательных прилагательных использовался суффикс *-ov-* (после мягких согласных *-ev-*), по происхождению являвшийся, по-видимому, детерминативом, характеризовавшим основы на *-ĭ-*, что свидетельствует о древней возможности образования прилагательных не только по основам на *-o* и на *-a*, но и по основам на *-ĭ*: *петровъ* (от *петръ*), *давыдовъ* (от *давидъ*), *львовъ* (от *львъ*), *игоревъ* (от *игорь*) и т. д.

Частью суффиксы прилагательных совпадали (полностью или частично) с суффиксами причастий (действительных и страдательных), ср. *-l-* в *теплъ* и в действительных причастиях прошедшего времени на *-l-*, *-t-* в *бородатъ* (от *борода*) и *-n-* (в составе различных суффиксов) и суффиксы *-n-*, *-t-* в страдательных причастиях прошедшего времени. Это объясняется тем, что причастия по происхождению являются отглагольными прилагательными.

Суффиксы — одни и те же — могли являться в составе как именных, так и местоименных прилагательных. И даже от притяжательных прилагательных типа *володимирь*, *вьсеволожь* могли употребляться те и другие формы. Местоименные формы обычны в женском роде (при именных в мужском), ср. в Лаврентьевской летописи: ıрославъ с҃нъ *стополчь* (л. 96); за ıрославича ростислава внука *всеволожа* ѡлговича (л. 137); с҃на ıрославлѧ внука *всеволожа* (л. 168) — послаша *всеволожю*ѵ и митрополита николу (л. 88 об.); *всеволожаıа* же и митрополитъ придоста... (л. 89); престависѧ *володимерѧı* (л. 95); и *стополчаıа* престависѧ (л. 97 об.); престависѧ кнѧгыни *изѧславлѧı* (л. 112 об.); а *ростиславлю* м҃трь... приıаша (л. 127 об.).

§ 197. Словообразовательные средства, характеризовавшие прилагательные в древнерусском языке, большей частью на

протяжении истории языка сохранились (если не считать тех, которые были непродуктивными уже в эпоху древнейших памятников), но отношения между различными суффиксами применительно к их продуктивности изменились. Кроме того, некоторые из сохранившихся суффиксов стали со временем употребляться в составе сложных суффиксальных образований.

Вышел из употребления способ, восходящий к образованию посредством суффикса *-j-*, но уже в древнерусском языке представляющий бессуфиксные образования с чередованием согласных в конце основы. От него сохранились лишь некоторые устойчивые сочетания по говорам (типа *Ивань день* «Иванов день»), да субстантивированные прилагательные — названия городов типа *Ярославль* — этимологически «Ярославов (город)». По этому типу некогда было образовано и название города *Владимир* (др.-русск. *володимирь*) — в современных владимирских говорах и теперь областной центр называется *Володи́мир'* (род. п. *Володимиря* и т. д.).

Этот способ рано стал замещаться образованиями с суффиксом *-ov-*. Параллельные образования производных от одних и тех же имен встречаются уже в древнерусских памятниках, ср. от *Адамъ*: *адамле* преступление (Лавр. лет., л. 74 об.) — *адамовъ . . .* языкъ (там же, л. 30)[31].

Местоименные прилагательные

§ 178. Местоименные прилагательные образовывались еще на общеславянской почве посредством сочетания формы именного прилагательного с формой соответствующего рода, числа и падежа указательного местоимения *и* (jь). При слиянии этих форм происходили изменения частью фонетического, частью и нефонетического характера (об общих всем древним славянским языкам см. подробнее в курсе старославянского языка, об отразившихся специально в древнерусском см. ниже). Местоименные прилагательные принято называть также членными, поскольку первоначально указательное местоимение, по-видимому, выполняло функцию, подобную функции определенного члена или артикля современных западноевропейских языков — нем. *der*, *die*, *das*, франц. *le*, *la*, англ. *the* (соответствующие артикли по происхождению также являются указательными местоимениями). Только в древних славянских языках член

[31] О словообразовании прилагательных см. подробнее: В. Л. Романовская. Словообразование прилагательных в древнерусском языке (на материале Радзивиловской летописи). Автореф. канд. дисс. М., 1953; С. В. Фролова. История притяжательно-относительных прилагательных с суффиксом *-j/ьj-* по древнерусским письменным памятникам XI—XVII вв. «Ученые записки Куйбышевского пед. ин-та им. В. В. Куйбышева», вып. 27, 1959.

ставился после определяемого им слова. О разграничении в употреблении именных и местоименных форм см. «Синтаксис». Из старых местоименных форм развились современные полные прилагательные.

Склонение местоименных прилагательных

§ 179. Твердая разновидность

Единственное число

	Муж. р.		Ср. р.	Жен. р.
И.	добрыи		доброѥ	добраа
Р.		доброго		добрыѣ, доброѣ
Д.		доброму		доброи
В.	добрыи		доброѥ	добрую
Т.		добры(и)мь		доброю
М.		добромь		доброи

Множественное число

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И.	добрии	добраа	добрыѣ
Р.		добрыихъ	
Д.		добрыимъ	
В.	добрыѣ	добраа	добрыѣ
Т.		добрыими	
М.		добрыихъ	

Двойственное число

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И., В.	добраа		добрѣи
Р., М.		добрую	
Д., Т.		добрыима	

Мягкая разновидность

Единственное число

	Муж. р.		Ср. р.	Жен. р.
И.	синии		синѥѥ	синяа
Р.		синѥго		синѣѣ
Д.		синѥму		синѥи
В.	синии		синѥѥ	синюю
Т.		сини(и)мь		синѥю
М.		синѥмь		синѥи

Множественное число

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И.	синии	синаа	синѣѣ
Р.		синиихъ	
Д.		синиимъ	
В.	синѣѣ	синаа	синѣѣ
Т.		синиими	
М.		синиихъ	

Двойственное число

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И., В.	синаа		синии
Р., М.		синюю	
Д., Т.		синиима	

§ 180. Как показывают приведенные образцы, местоименные прилагательные в древнерусском языке, сравнительно со старославянским языком, подверглись сильному воздействию со стороны указательных местоимений. Старославянские формы типа род. п. ед. ч. муж. и ср. р. *добраѥго*, *добрааго*, *добраго* все представляют различные этапы фонетического преобразования сочетания именного прилагательного с местоимением. Древнерусские же формы типа *доброго* фонетически не объяснимы, они образовались по аналогии к местоименным формам типа *того*. Так же формы типа род. п. ед. ч. жен. р. *доброѣ* возникли по аналогии к формам типа *тоѣ*.

Воздействие со стороны указательных местоимений, по-видимому, охватывало не все формы одновременно. Уже в древнейших памятниках, даже списанных со старославянских, довольно часты древнерусские формы дат. п. ед. ч. муж. и ср. р. Ср. *врачьбномоу* (Св. изб. 1073 г., л. 140 об.), *бѣсовьскомоу* (Новг. Минея. 1096 г., л. 154), *пьрвомоу* (Св. изб. 1076 г., л. 54), *ближьнемоу* (Св. изб. 1073 г., л. 92 об.), *вышьнемоу* (Св. изб. 1076 г., л. 6), но почти нет форм на *-ого*. Из памятников XI в. только дважды от одного и того же слова в Святославовом изборнике 1073 г. — *златоустого* (л. 123, 124 об.)[32]. Окончание род. п. ед. ч. жен. р. *-оѣ* отражается уже в древнейших памятниках, в том числе и церковных, ср. *стоѣ* мчнцѣ (Арх. ев. 1092 г., л. 169); видиши ма *болное* сущю (Лавр. лет., л. 20 об.) —

[32] См.: А. И. Толкачев. История членных прилагательных русского языка. Формы мужского рода единственного числа. Канд. дисс. М. 1951.

род. в значении вин. п. Но о том, что в древнерусском языке наряду с *-ojě* употреблялось также *-yjě*, свидетельствует окончание *-ые*, *-ыё* (*-ыjо*) в некоторых современных северных говорах — от *молодыё* жоны, *злыё* собаки (подробнее см. в курсе диалектологии).

Сравнительная степень

§ 181. Часть прилагательных (так называемые качественные) отличалась возможностью образования от них форм сравнительной степени.

Эти формы еще в праславянском языке характеризовались суффиксом *-jьs-/-jes-*, которому в большинстве прилагательных предшествовал также суффиксальный элемент *-ě-*. Сравнительная степень изменялась по родам, числам и падежам, как именные прилагательные, причем суффикс ее распространялся элементом *-j-*, вследствие чего склонение шло по мягкой разновидности, а основа во всех формах (кроме им. и вин. п. ед. ч. муж. и ср. р.) оканчивалась на *-š-* (< *-sj-*). В им. п. ед. ч. жен. р. окончание было *-i*, такого же происхождения, как у существительных типа *кънѧгыни*.

Эти формы, с соответствующими фонетическими изменениями, были унаследованы и древнерусским языком. Ср.: *худъ* — им. и п. ед. ч. ср. р. сравн. ст. *хуже* < **xudjes*; *добръ* — им.-вин. п. ед. ч. муж. р. сравн. ст. *добрѣи* < **dobrějьs*, ср. р. *добрѣѥ* < **dobrějes*, им. п. ед. ч. жен. р. *добрѣиши* < **dobrějьsji*. Отличия в склонении от старославянского языка были те же, что в именном склонении мягкой разновидности основ на *-o* и на *-a*. От именных форм могли образовываться местоименные, как и вообще у прилагательных. Подробнее о формах сравнительной степени см. в курсе старославянского языка.

Специальной формы превосходной степени в древнерусском языке, по-видимому, не было. В старославянском языке, как известно, в качестве превосходной степени использовалась форма сравнительной степени с приставкой *наи-*. Но нет оснований считать, что эта приставка, происхождения общеславянского, сохранилась в живом древнерусском. В современном русском литературном языке, правда, представлены в небольшом количестве формы с этой приставкой — *наибóльший*, *наимéньший*, *наилýчший*. Но они по происхождению частью могут быть церковнославянизмами, частью же могли возникнуть под польским влиянием (наш литературный язык интенсивно подвергался ему в особенности в XVII в.), в польском же языке эта приставка сохранилась и получила широкое распространение, ср. польск. *najlepszy* «наилучший».

Утрата склонения именными прилагательными

§ 182. На протяжении истории русского языка именные прилагательные перестали склоняться, т. е. утратили изменение по падежам, сохранив, однако, изменение по родам и числам. Это было связано с ограничением их синтаксической функции. В древности именные прилагательные могли употребляться и как сказуемые и как определения. Со временем они стали употребляться только как сказуемые, потеряв возможность употребляться как определения. Тяготение издавна именного прилагательного к функции сказуемого, а местоименного к функции определения объясняется тем, что, как уже было сказано, местоименные прилагательные первоначально, по-видимому, имели определенное значение, т. е. обозначали нечто определенное, уже известное, упоминавшееся ранее, именные же — неопределенное значение, т. е. указывали на нечто еще не определенное, новое, не упоминавшееся ранее в речи[33]. Новое же, ранее не упоминавшееся, чаще выражается в сказуемом, чем в определении. Поскольку же именное прилагательное в своем синтаксическом употреблении постепенно закрепляется за сказуемым, оно теряет косвенные падежи, так как согласуется с подлежащим, а последнее стоит в именительном падеже. Утрата всех падежей, кроме именительного, и представляет по существу утрату склонения (слово перестает изменяться по падежам).

Процесс утраты именными прилагательными форм косвенных падежей начался рано. В памятниках, близких к живой речи, они редки уже в XII—XIII вв. В обширной Смоленской договорной грамоте 1229 г. в подавляющем большинстве случаев определения в местоименной форме: оу *роускои* земли, на *готскомь* березѣ, кнѧзѧ *смольнеского*, *добрыми* людми и т. д. — всего 113 случаев против 7 именных — *кнѧжю* хълопоу, *доброу* чл҃вкоу, *свободнь* жене и др.

Утрата склонения именными прилагательными осуществлялась, по-видимому, не во всех падежах одновременно. Можно думать, что особенно рано терялась именная форма тв. п. ед. ч. муж. и ср. р. Так, в грамоте рижан в Витебск около 1300 г. — у *розбойникове* клети, у *розбойникову* клеть, но: со *розбойниковымъ* товаромъ[34]. В Лаврентьевской летописи мы еще находим именную форму тв. п. ед. ч. муж. р. — и плака сѧ . . . плачемь *великомь* (л. 20 об.), — в Радзивиловском и Академическом списках здесь — *великимь*.

---

[33] По вопросу о том, что именно новое — признак или предмет, характеризуемый этим признаком, см.: Л. П. Якубинский, Из истории имени прилагательного. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», вып. 1. М., 1953.

[34] См.: Н. Дурново. Очерк истории русского языка, стр. 267.

По традиции именные прилагательные как определения, исчезнув из живого языка, продолжали употребляться в памятниках, и не только в церковно-книжных, но и в деловых, в XVII и даже в XVIII в., главным образом в именительном падеже [35], поскольку соответствующая форма сохранилась в сказуемом, но иногда и в косвенных; ср. в Шуйских актах — посла[ѧ] двое лошаде[п] ко[п] *буръ* семи лет да мери[и] *соло*[в] (Явочная челобитная крестьян П. И. Волынского на Огаркова XVII в.), с *нынешна* года (Дело № 4, 1746 г., л. 35) [36].

§ 183. Вытеснение именных форм косвенных падежей, а также именительного в функции определения на протяжении истории русского языка шло неравномерно в различных категориях прилагательных, что сказалось и на результате, отразившемся в современном языке. Наиболее полно местоименные формы вытеснили именные в относительных прилагательных, от которых полные формы постоянно употребляются и в сказуемом. Напротив, притяжательные прилагательные частью сохранили старые именные формы.

По говорам вытеснение именных форм местоименными шло более интенсивно, чем в литературном языке. Полные прилагательные постоянно употребляются там и как сказуемые (даже если в этой роли выступают прилагательные качественные). Это имеет место в южновеликорусских и частью переходных говорах (см. подробнее в курсе диалектологии).

В современном языке (литературном и говорах) сохранились некоторые остатки старых форм именных прилагательных — в наречиях, образовавшихся исторически из сочетаний предлогов с прилагательными, в окаменелых выражениях наречного типа, например: раскалить *до́красна, до́бела*, от *ма́ла* до *вели́ка*, по*добру́*-по*здорову́*, на *бо́су* ногу.

Именные (краткие) формы в качестве определений (и в именительном и в косвенных падежах) встречаются в фольклоре и в поэзии (XVIII, начала XIX в. — как архаизмы; в настоящее время редко), например: *бел-горюч* камень; Ворота́ *тесовы́* растворилися...; *Несчетны* солнца там горят... (Ломоносов). У Пушкина в «Сказке о царе Салтане», возможно, под влиянием фольклора:

Царь Салтан, с женой простяся,
На *добра* коня садяся,
Ей наказывал себя
Поберечь, его любя.

---

[35] См.: П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 г., стр. 300.
[36] См.: Т. С. Ворошилова. Из истории шуйских говоров XVI—XVIII вв. (канд. дисс.).

Но также в «Родословной моего героя»:

Начнем ab ovo: мой Езерской
Происходил от тех вождей,
Чей в *древни* веки парус дерзкой
Поработил брега морей.

От кратких (именных) форм прилагательных, употреблявшихся как архаизмы в русской поэзии XVIII и начала XIX в., следует отличать так называемые усеченные прилагательные, искусственно образованные от полных по типу кратких. Частью совпадая с последними, они могут отличаться от них ударением, совпадающим с ударением полных прилагательных. Ср., например: «Как *ма́ла* искра в вечном льде...» (Ломоносов) — бесконечно *ма́лая* величина и «куча *мала́*».

История форм сравнительной степени

§ 184. Формы сравнительной степени очень рано перестают изменяться не только по падежам, но и по родам и числам. Колебания в формах, свидетельствующие об этом, обнаруживаются уже в памятниках XII в.; ср.: не **кси** *богатѣк* давыда (Златоструй XII в.) — средний род вместо мужского (относится к мужчине).

В результате различных колебаний устанавливается несклоняемая и вообще неизменяемая форма сравнительной степени. Чаще всего она восходит к старой форме им. п. ед. ч. ср. р., например: *сильне́е*, *смеле́е*, *добре́е* < *сильнѣк*, *смѣлѣк*, *добрѣк*. Параллельные формы *сильне́й*, *смеле́й*, *добре́й* развились фонетически (в результате редукции до нуля конечного безударного *е*) из приведенных выше. К той же старой форме восходят и такие современные формы, как *стро́же*, *ху́же*.

В немногих случаях (и именно при «неправильно» с точки зрения современного языка образуемой сравнительной степени, т. е. при супплетивных отношениях между сравнительной и положительной степенью) современная форма представляет старый им. п. мн. ч. муж. р. — *бо́льше*, *ме́ньше*, *лу́чше*.

Помимо сравнительной степени, в современном языке представлена превосходная степень, содержащая в большинстве случаев старый суффикс сравнительной степени *-ейш-* < *-ějьš-*, после шипящих *-айш-*, и склоняющаяся как полные (местоименные) прилагательные, например *сильне́йший*, *строжа́йший*. На связь этих форм со старой сравнительной степенью указывают некоторые случаи архаического употребления их, наблюдающиеся в литературном языке еще в начале XIX в., например: «Москва осажденная не знала о сих важных происшествиях, но знала о других, еще *важнейших*» (Карамзин. «История государства Российского») — в значении «более важных».

Полная (восходящая к старой местоименной) склоняемая форма сравнительной степени в значении именно последней, а не превосходной степени, наряду с несклоняемой в современном языке употребляется лишь от немногих прилагательных, характеризующихся супплетивными отношениями сравнительной и положительной степени, — *бо́льший*, *ме́ньший*, *лу́чший*, *ху́дший*. Именно поэтому от них и образуется указанная выше превосходная степень с приставкой *наи-*.

Приведенные выше формы превосходной степени с суффиксом *-ейш*, *-айш-* в современном языке употребляются редко, чаще свойственное им значение выражается сочетанием прилагательного с местоимением *самый*; например, *самый сильный* в современном языке чаще, чем *сильнейший*.

В том же значении, что сравнительная степень, в особенности в косвенных падежах, в современном языке также употребляется прилагательное в сочетании со сравнительной степенью *более — более красивый* наряду с *краси́вее*.

§ 185. На протяжении истории русского языка имело место взаимодействие между двумя типами образования сравнительной степени, указанными выше. Приведенная выше форма *богатѣкъ* сохранилась кое-где в говорах (*бога́тее*, *бога́тей*). В современном же русском литературном языке ей соответствует *бога́че*, засвидетельствованное уже в «речи Ивана Грозного панам радам королевского и великого княжества литовского, через их посла переданной» («Чтения в обществе истории и древностей российских», 1848, кн. 9). Колебания *твьрже* (Ефрем.-Кормчая), откуда современное *твёрже* (<**tvьrdje*), и *твьрдѣи* (XIII слов Григ. Богосл.) от *твьрдъ* засвидетельствованы уже в XI в.

От прилагательных с суффиксом *-ък*, *-ок* сравнительная степень образовывалась от основы без этого суффикса, что свидетельствует о его, возможно, сравнительно позднем происхождении, ср. *низъкъ — ниже* (<**nizje*), *узъкъ — у́же*, *высокъ — выше*, *коротъкъ — короче*. Но здесь также возможны параллельные образования от формы с этим суффиксом, ср. *близокъ — ближе*, совр. русск. *бли́же*, при укр. *блище* (фонетически *блы́ще* <**blisče* <**blizъkje*), ср. также церковнославянские (с точки зрения корня) формы сравнит. степени от *сладъкъ — слаже* (Усп. сб., л. 127) и *слаще* <*сладъче* (Аввак., л. 117). Без суффикса *-ък-* образована и современная форма сравнительной степени *глубже* (от *глубъкъ*, — по-видимому, из *глубльше*, — по окончанию это форма им. п. мн. ч. муж. р.), с упрощением группы согласных и прогрессивной ассимиляцией по звонкости, имевшей место в некоторых говорах и проникшей в литературный язык.

Формы сравнительной степени на *-ѣje*, *-ѣjьš-* (не после шипящих), *-aje*, *ajьš-* (после шипящих) по говорам также оказывали

влияние друг на друга, вследствие чего, с одной стороны, являются формы с *-а-* после мягкого согласного не шипящего, с другой — формы с *ѣ* после шипящего. Первые широко распространены в современных северновеликорусских говорах, ср. *весля́е, сильня́е* и т. д. Некогда они были свойственны и московскому говору, а в XVIII в. и русскому литературному языку. Ср. у Ломоносова:

И вверьх пари *скоряе* стрел...

Можно было бы думать, что Ломоносов употреблял их как северянин, но мы находим такие формы, как *трудняе*, и у Сумарокова. Но, по-видимому, уже в XVIII в. шел процесс вытеснения этих форм из московского говора и из литературного языка, что понимал и сам Ломоносов, отдававший в своей «Российской грамматике» предпочтение формам на *-ѣе* перед формами на *-яе*[37].

История окончания родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода неличных местоимений и прилагательных

§ 186. В живом древнерусском языке, судя по написаниям в древнейших наших памятниках, род. п. ед. ч. муж. и ср. р. неличных местоимений и местоименных прилагательных и причастий оканчивался на *-go* после гласного, ср. *того*, ѥ*го*, *доброго*. В значительной части говоров на протяжении истории русского языка *g* (или γ, если в говоре развилось фрикативное γ) в этой форме сменилось на *v*. Древнейшие примеры, свидетельствующие об этом, наблюдаются в памятниках XV в., московских и писанных по близости от Москвы, например: *великово* Новагород (Дог. гр. в. кн. Вас. Дм. ок. 1396 г., сп. XV в., ДДГ № 15), *третьево* (Моск. прип. 1440 г. к гр. Галицкого кн. Дм. Юр. 1436 г., ДДГ, № 35), *ѿ белово* камени (Разводн. гр. Ив. III 1483 г., ДДГ., № 77). С XVI в. окончание с *в* появляется в новгородских, тверских памятниках, а также в памятниках, писанных к югу от Москвы: от *великово* господаря наместника иванѣгородцкова (Гр. 1514—1516 г., РИБ, т. XV, № 71), *иванегородцково* князя *нашево* (Гр. 1517 г., там же, № 15), *тово великово* государя (там же), Ивана *Селеховскова* (Гр. 1559 г., Тверск. акты, № 30), *великово* князя (Гр. 1567 г., там же, № 14), *Воротынсково* (Ряз. гр. 1563 г., Собр. гос. гр. и дог., № 178)[38],

[37] Подробнее об образовании сравнительной степени в древнерусском языке и колебаниях между различными формами ее см.: С. В. Бромлей. К истории образования форм сравнительной степени в русском языке. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. VIII. М., 1957.

[38] Обширный материал приводит А. И. Толкачев в канд. дисс. «История членных прилагательных русского языка», ч. 1 (М., 1951).

таво беглова человека (Елец., 1593 г., Приказные дела старых лет, св. 4, № 1, 197)[39].

В современных говорах рассматриваемое окончание представлено в виде *-ого, -оγо* (с γ фрикативным и в таких говорах, где вообще *г* взрывное), *-оо* (без согласного, но и без стяжения гласных), *-ово, -ова* (последняя форма возможна и в окающих говорах).

Различные формы окончания род. п. ед. ч., по-видимому, отражают различные этапы его развития. Относительно последовательности этого развития выдвигались различные гипотезы. Ф. Ф. Фортунатов, а за ним А. А. Шахматов восстанавливали праславянское окончание неличных местоимений (по типу их образовывались и местоименные прилагательные) в форме *-oho*[40]. В дальнейшем *h* в этом окончании в русском языке изменяется в γ, а его сменяет *в*[41]. В некоторых северных русских говорах γ фрикативное, вообще не свойственное северному наречию, замещается *г* взрывным, сохраняющимся там и до настоящего времени[42].

Более вероятным представляется первоначальное наличие в этом окончании *g* (*г*) взрывного, откуда легко могло развиться то многообразие, которое характеризует современные говоры. Форма с *v* (*в*) возникла первоначально в северновеликорусских говорах. Ей предшествовало ослабление артикуляции взрывного звонкого согласного, которое привело к развитию γ фрикативного, а затем и к полной утрате согласного. В дальнейшем между двумя лабиализованными гласными легко мог развиться переходный согласный губной артикуляции (*w* или *ў*, а затем *в*). Возможно, что развитие окончания в местоимениях и прилагательных шло не вполне параллельно, причем в местоимениях ослабление артикуляции в целом осуществлялось раньше и в большей степени, поскольку они часто не несут самостоятельного ударения и произносятся с ослабленной артикуляцией[43]. Конечное безударное *-а* в окающих говорах (примеры из памятников см. выше), возможно, возникло под влиянием окончания род. п. ед. ч. существительных мужского и среднего рода.

В русской орфографии для окончания род. п. ед. ч. муж. и ср. р. полных (старых местоименных) прилагательных долго

---

[39] См.: С. И. Котков. К изучению орловских говоров, стр. 126—127 (там и другой материал по территории современной Орловской области).

[40] См.: Ф. Ф. Фортунатов. Об ударении и долготе в балтийских языках, — РФВ, т. XXXIII, стр. 288—289; А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода..., стр. 34—35.

[41] Там же, стр. 168.

[42] Там же, стр. 295—296.

[43] См.: N. van Wijk. Die grossrussische pronominale Genitivendung *-vo*. Streitberg Festgabe, 1924.

использовалось написание *-аго*, восходящее к церковнославянской норме. Позднее такое написание сохранялось лишь в случае безударного окончания (ср. *добраго*, но *дорогого*). Реформой 1917 г. было установлено написание *-ого* как для ударных, так и для безударных окончаний, но написание *г*, не соответствовавшее нормам московского говора и литературного языка, было сохранено [44].

---

[44] Помимо литературы, указанной выше, об этом окончании см. еще: З. К. Плотникова. К вопросу об окончании родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода местоимений и сложных прилагательных. — ИОРЯС, т. XXIV, 1919, кн. I.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

§ 187. Необходимо должны быть разграничены слова, служащие для обозначения чисел, и числительные как класс слов, образующих особую часть речи. В современном русском языке характеризуются особыми грамматическими признаками и, следовательно, выделяются в особую часть речи лишь количественные числительные, являющиеся названиями чисел. Порядковые числительные, обозначающие свойство предмета по месту, занимаемому предметом в какой-то последовательности, грамматически не отличаются от прилагательных. В древнерусском языке, как и в других древних славянских языках (в том числе старославянском) были слова, соответствующие по значению нашим числительным, но выделять их в особую часть речи, даже количественные, нет оснований, так как их грамматические свойства объединяли их с другими частями речи (частью с существительными, частью с прилагательными).

В развитии слов, обозначающих числа, ярко отражается абстрагирующая работа человеческого мышления. Не сразу обособилось абстрактное понятие числа как общего свойства эквивалентных множеств от представления о пересчитываемых предметах, с которым первоначально названия чисел были неразрывно связаны. На славянской почве еще в дописьменное время оформилась десятичная система счисления, в основе которой лежит счет по десяти пальцам (обеих рук). Однако в этой системе (и в том виде, как она отразилась в древнерусском языке) можно видеть и остатки некоторых более ранних систем — пятеричной (счет по пальцам одной руки) и двадцатеричной (счет по пальцам обеих рук и обеих ног).

В названиях чисел следует различать особые названия *узловых чисел* и названия *алгоритмических чисел*, образующиеся по определенным правилам от названий узловых чисел. Поскольку основу нашего счисления образует десятичная система, особые названия были свойственны в древнерусском языке, как и в старославянском, девяти единицам первого разряда (специального названия для нуля не было) и еди-

нице каждого следующего: *одинъ*, *дъва*, *трик*, *четыре*, *пѧть*, *шесть*, *семь*, *восмь*, *девѧть*, *десѧть*, *сѫто*, *тысѧча*. Названия более высоких разрядов употреблялись редко, причем для них представлено в наших более поздних рукописях две системы обозначений, различающихся не названиями, а числовыми значениями соответствующих слов: *тьма*, *легионъ*, *леодръ*, *воронъ*, *колода*. Согласно первой системе *тьма* обозначает десять тысяч, *легионъ* — сто тысяч, *леодръ* — миллионъ, *воронъ* — десять миллионов; *колода* употреблялась для обозначения неопределенного множества, числа больше всякого известного, т. е. в значении, приближающемся к современному значению бесконечности, ср. в Тихонравовской рукописи XVI в.: а сїе колода, се числа нѣсть бол'ши; но также могла обозначать и десять воронов, т. е. 100 миллионов. В другой системе, представленной в рукописной грамматике XVII в. из собрания Ундольского, *тьма* обозначала миллион, *легионъ* — тьму тем, т. е. миллион миллионов (10^{12}), *леодръ* — легион легионов и т. д.; *колода* в этой системе обозначала 10^{50}.

Указанным названиям соответствуют и названия старославянского языка. В соответствии с названием числа *тысѧча* (< **tysentja*) известен также старославянский вариант *тисѫща* (< **tisontja*). Относительно соответствия *одинъ* — ст.-сл. *ѥдинъ*, см. «Фонетика», § 46.

§ 212. Названия чисел от «одного» до «четырех» включительно, подобно прилагательным и неличным местоимениям, согласовывалось с существительными, при которых они были определениями, в связи с чем изменялись по родам и падежам. *Одинъ* склонялось по образцу единственного числа неличного местоимения твердой разновидности, причем в им. п. жен. и ср. р., а также в косвенных падежах всех родов наблюдается чередование *i*/*ь*, ср. им. п. жен. р. *одьна* (наряду с *одина*), ср. р. *одьно* (наряду с *одино*), род. п. муж. и ср. р. *одьного* (наряду с *одиного*). *Дъва* склонялось по образцу двойственного числа того же местоимения — им. и вин. п. муж. р. *дъва*, жен. и ср. р. *дъвѣ*, род. и местн. п. (всех родов) *дъвою*, дат. и тв. п. *дъвѣма*.

Трик (фонетически *trĭje*) и *четыре* склонялись по образцу множественного числа именного склонения, первое с основой на *-ĭ*, второе — с основой на согласный, — им. п. муж. р. *трик*, жен. и ср. р. *три*, род. п. (всех родов) *трии* (фонетически *trĭjь*) и т. д., им. п. муж. р. *четыре*, жен. и ср. р. *четыри*, род. п. *четыръ* и т. д.

Названия чисел от «пяти» до «девяти» включительно склонялись как существительные женского рода с основой на *-ĭ*: им. и вин. п. ед. ч. *пѧть*, род., дат. и местн. п. ед. ч. *пѧти*, твор. п. ед. ч. *пѧтью* и т. д.; *десѧть* склонялось как существительное мужского рода с основой на согласный (конечным

согласным основы служило *t*): им. п. ед. ч. *десѧть*, род. п. *десѧте*, дат. п. *десѧти* и т. д.; *сто* склонялось как существительное с основой на *-о*, *тысѧча* — как существительное с основой на *-а*. Названия чисел от «пяти» до «десяти» включительно, а также *сто* и *тысѧча* грамматически являлись существительными и имели значение, соответствующее современным *пятак* или *пятерка* и т. п. (*тысяча* обладает такими свойствами и в современном языке). Они могли изменяться по числам, и с ними согласовывались, как с существительными, зависящие от них слова, существительные же, сочетавшиеся с ними, стояли в род. п. мн. ч. независимо от того, в каком падеже стояло название числа. Ср.: *дроуго(у)ю пѧть талантъ* (Ев. 1307 г., Мф. XXV. 20); изоиде *та пѧть лѣтъ* (Новг. закл. гр. 1349 г.); *съ шестию* или *съ пѧтию отрокъ* (Житие Феод. Печ., 12).

Наличие по их грамматическим свойствам резкой границы между названиями чисел до «четырех» включительно и начиная с «пяти», возможно, отражает некогда существовавшую пятеричную систему счисления.

§ 188. Названия алгоритмических чисел, к которым относятся все названия чисел, помимо рассмотренных выше, образовывались посредством различных сочетаний названий узловых чисел.

Числа от 11 до 19 включительно обозначались сочетанием названий чисел от 1 до 9 в соответствующем падеже (и роде) с предлогом *на* и местн. п. ед. ч. от *десѧть*: *одинъ на десѧте*, *дъва на десѧте* и т. д., т. е. «один сверх десяти», «два сверх десяти» и т. д. В этих сочетаниях ярко отразилось установление уже десятичной системы счисления.

Названия десятков от 20 до 90 включительно образовывались сочетанием названий чисел от 2 до 9 с названием числа 10, оформленным по нормам сочетаний числительных с существительными, т. е. «*дъва* + дв. ч.», «*три*, *четыре* + мн. ч. от *десѧть*», причем оба слова в одном и том же падеже, «*пѧть* и т. д. + род. п. мн. ч. от *десѧть*» — *пѧть десѧтъ*, *шесть десѧтъ*, причем форма *десѧтъ* сохраняется при любом падеже первого члена сочетания, ср.: писанiѥ *четыри десѧти* лакътъ нарече длъготоу. а азъ рѣхъ *шесть десѧтъ* (Св. изб. 1073 г., л. 158); имѣаше же къиждо долготѫ *трiй десѧтъ* лак҃тъ, а широтѫ *четыръ десѧтъ* (Толк. пророки, Чуд. 184, л. 351); Волга... вътечеть *семью десѧтъ* жерелъ в море хва҃лисьское (Лавр. лет., л. 3).

Названия сотен образуются подобным же образом, причем на месте формы от *десѧть* стоит соответствующая форма от *сто*, например: *дъвѣ сътѣ* «двести» — им. п. дв. ч. от *сто* и согласующаяся с ним в роде и падеже форма *дъвѣ*, *три съта* «триста» — им. п. мн. ч. от *сто* и согласующаяся с ним в роде

и падеже форма *три, пѧть сътъ* «пятьсот» — им. п. ед. ч. *пѧть* и род. п. мн. ч. от *сто* (форма *сътъ* сохранялась при любом падеже первого члена сочетания).

Названия сочетаний десятков (начиная со второго) с единицами, сотен с десятками и единицами выражались простой последовательностью соответствующих названий, причем название единиц высшего разряда предшествовало названию единиц низшего разряда. Иногда между названиями разного разряда ставился соединительный союз *и*, например: срокъ *тремъ тысѧчамъ и двема стома* (Новг. гр. 1316 г.).

Возможно, что иное место, занимаемое единицами первого разряда в названиях чисел от 11 до 19 сравнительно с последующими составными, представляет отголосок двадцатеричной системы счисления. Но возможно, что это различие объясняется и свойствами самих сочетаний, поскольку в первом случае мы имеем дело всегда с сочетанием лишь двух слов, а во втором, возможно, и с большим количеством.

В качестве названий дробей в древнерусском языке использовались различные существительные: *полъ* = 1/2 (склонялось по основам на *-й*), *треть* = 1/3, *четвьрть* или *четь* = 1/4 (склонялись по жен. р. основ на *-ĭ*), дальнейшие доли обозначались существительными с суффиксом *-ina*, склонявшимися по основам на *-а*: *пѧтина* = 1/5, *осмина* = 1/8, *десѧтина* = 1/10 и т. д. Образования на *-ina* могли употребляться при обозначении дробей и в других случаях; например, в Святославовом изборнике 1073 г. встречается *третина* в значении = 1/3. Употреблялись также сочетания названий дробных величин: *полъ трети* = 1/6, *полъ полъ трети* = 1/12, *полъ чети* или *полъ четьрти* = 1/8, *полъ полъ чети* = 1/16, *полъ полъ полъ чети* = = 1/32.

§ 189. Порядковые числительные характеризовались теми же формами, что прилагательные, подобно прилагательным могли быть именными и местоименными, образовывались они большей частью от количественных числительных, обозначавших узловые числа, например: *пѧтъ, пѧтыи* (от *пѧть*), *шестъ, шестыи* (от *шесть*) и т. д. От других корней, чем соответствующие количественные числительные, образованы *пьрвъ* (в соответствии с *одинъ*), первоначальное значение, вероятно, «прежний, ранний, передний», *вторъ* (в соответствии с *дъва* — этимология не вполне ясна). Порядковые числительные *третии* (к *трикь*, уже в древнейших памятниках известно только в местоименной форме), *четвьртъ* (к *четыре*) представляет иную ступень чередования в основе сравнительно с соответствующим количественным числительным, *-t-* является суффиксом.

В случае необходимости образования порядкового числительного от названия алгоритмического числа употреблялось порядковое числительное, соответствующее названию узлового

числа в составе названия алгоритмического числа, а остальная часть сохранялась та же, что и в количественном числительном. Ср., например, в Толковых пророках: И бысть въ *в'торое на де|сѧте* лѣ'то прьваго мца̑ въ *пѧтыи на де|сѧте* дн̄ь (Чуд. 184, л. 306 об.).

Порядковые числительные в именной форме (в род. п. ед. ч.) употреблялись в сочетаниях с *полъ*, обозначавших единицы различных разрядов с половиной единицы того же разряда, например *полъ вътора*, жен. р. *полъ въторы* = 1 1/2, т. е, «один и половина второго» (обозначалось вычитание половины из следующей единицы), *полъ трети* = 2 1/2, ср. *полъ третьѧ десѧте* (Мстисл. гр. ок. 1130 г.) «двадцать пять» («половина третьего десятка», т. е. «два десятка и еще половина третьего»). Остатком такого обозначения является употребляющееся в былинах, исторических песнях:

... *полтораста* татаровей, *полтретьяста* улановей... (Форма *полтораста* < *полъ вътора съта*, т. е. «сто пятьдесят» сохранилась и в обычном современном языке). Система счета с вычитанием из последующей, а не с прибавлением к предыдущей единице с использованием именно порядковых числительных, наблюдается по говорам: старики на вопрос «сколько лет» или «который год» отвечают: «на седьмой (или семой) десяток пятый», а не «шестьдесят пять» или «шестьдесят пятый».

§ 190. Собирательные числительные типа *дъвое*, *трое*, *четверо* (или, с другой ступенью чередования, *четворо*) в древнерусском языке склонялись частью по именному (как средний род склонения на *-о*), частью по местоименному склонению, ср.: *трок҃ кѣсть* не мощьно ми разоумѣти а *четвора* не разоумѣ҃ж (Св. изб. 1073 г., л. 156); соущьство нераздѣльно и трисъставьно единого *троего* б̄а (Новг. Минея 1096 г., л. 59). Эти числительные могли склоняться и по множественному числу: ѿ цр̄ствии *четверъ* книгъ (Ефрем.-Кормчая, л. 216); сице оубо сѫть съложены въ пѧтерьницахъ кънижьныихъ *четворѣх*. (Св. изб. 1073 г., л. 252).

§ 191. История числительных представляет известные трудности, поскольку названия чисел в памятниках чаще изображались буквами (по принятой в кириллице системе), но так как все же полные записи встречаются, основные линии развития числительных могут быть намечены.

Формы числительного *одинъ* изменились сравнительно мало. На протяжении истории языка были лишь утрачены параллельные формы с *і* (чередовавшимся с *ь*) и сохранились лишь формы с *ь* (там, где раньше было колебание), впоследствии в слабом положении утраченным, ср. современные *один* (здесь *і* сохранилось, так как не было чередования с *ь*), *одна*, *одно*, род. п. *одного* и т. д. Остальные изменения — общие с формами нелич-

ных местоимений, только тв. п. *одни́м* (как *им* < *имь*), при сохранившемся, однако, в говорах *одне́м* (< *однѣмь*).

В род.-местн. п. числительного *дъва* уже в древнейших памятниках, наряду с *дъвою*, является *дъву* (под влиянием именного склонения); ср. в Святославовом изборнике 1073 г. в составе сложного названия числа: *дъ/вожⷭ десѧтоу* наряду с *дъвоу* де/сѧтоу (л. 158). Обе формы, т. е. и *д(ъ)вою* и *д(ъ)ву*, сохранились в современном русском языке в составе сложных слов, ср., с одной стороны, *двою́родный* (по аналогии к этому и *трою́родный*, образование позднейшее, так как *три* в древности не могло склоняться в двойственном числе), *обоюдо́стрый* (*оба* склонялось в древнерусском языке как *дъва*), с другой — *двууглеки́слый*, *двудо́льный*, *двуутро́бка*, *двудо́мные* растения.

Старые формы числительных «три» и «четыре», по традиции, встречаются в довольно поздних памятниках. Так, в записи «Космографии» Козьмы Индикоплова, списка 1519 г., мы находим старую форму род. п. *треи* (< *trĭjь*) — с҃ты^{х} *треи*/с҃тль (Егор. 314, л. 388). Но достаточно рано наметилось преобразование форм этих числительных, состоящее в сближении их, с одной стороны, с формами числительного *дъва*, с другой — с формами местоименного склонения, по образцу которого, как было сказано выше, склонялось *дъва*. Основу для этого сближения образуют утрата двойственного числа (см. выше, § 155) и одинаковый синтаксический характер сочетаний всех числительных до «четырех» включительно с существительными.

Новая форма род.-местн. п. *дву*, установившаяся под влиянием именного склонения, становится основой косвенных падежей числительного «два», поскольку конец формы *-и* с падением двойственного числа уже не осознается как окончание какого-то падежа дв. ч. В род. и местн. п. на это *дву* наслаивается окончание *-х* (< *хъ*), характерное для этих падежей неличных местоимений во множественном числе (ср. *тѣхъ*). На *-хъ* в местн. п. оканчивались и в древности форма числительных «три» и «четыре». В результате сближения форм всех числительных от «двух» до «четырех» окончание *-х(ъ)* проникает и в род. п. «трех» и «четырех». Во второй духовной грамоте Дмитрия Донского (1389 г.) мы находим:. н҃. ру^{б} бе^{ѕ}. г҃.хъ (ДДГ. № 12), т. е. «пятьдесят рублей без трех».

Под влиянием форм числительных «три» и «четыре» числительное «два» получает форму дат. п. *двум* (ъ). В тв. п. имела место контаминация окончаний дв. ч. *-та* (свойственного числительному «два») и мн. ч. *-т'i* (свойственного числительным «три» и «четыре»), в результате чего в части говоров, в том числе и в московском, установилась единая форма на *-т'а*, ср. совр. *двумя́*, *тремя́*, *четырьмя́* (мягкость согласного от «три» и

«четыре», гласный *а* от «два»). Новые формы установились не сразу, первоначально имели место колебания. Ср., например, к *трема* березамъ (Судн. гр. 1498—1505 г.) — окончание *-ма* у числительного *три*, и притом в дат., а не в тв. п. Формы типа *трема́*, но обычно в тв., а не в дат. п. известны и некоторым современным (северным) русским говорам, а также белорусскому и украинскому языкам. В говорах же, и именно в южновеликорусских, сохранилось старое окончание тв. п. *-м'и*, распространившееся и на числительное «*два*» — *двуми́*, *треми́*, *четырьми́*.

Для числительного *два* в древности известна была также основа *dvo-*, проявлявшаяся в косвенных падежах (кроме винительного) и в сложениях, ср. *дводушие* «двоедушие» в Пандектах Антиоха XI в. и *двонадесѧтечисльный* «числом 12» в Новгородской Минее 1097 г. Эту основу сохранил современный украинский язык — *двох* (род. и местн. п.), *двом* (дат. п.), *двома́* (тв. п.), также некоторые белорусские говоры.

Различие по родам сохранилось лишь у числительных «один» и «два», причем у последнего старая форма *двѣ* (совр. *две*) сохранилась лишь для женского рода, форма же среднего рода, ранее тождественная женскому роду, стала тождественной форме мужского рода (*два*), вероятно, вследствие общего параллелизма форм мужского и среднего рода (об утрате различий числительных по родам см. подробнее ниже, § 197).

Числительные от «пяти» до «десяти», оставляя в стороне чисто фонетические изменения (например, *восемь* < *восмь*), на протяжении истории языка изменились мало. Лишь *десять* приняло формы, характерные для остальных названных числительных, что отчасти связано с общим разрушением склонения с основой на согласный (ср. совр. род. и местн. п. *десяти́*, тв. п. *десятью́*).

В изменениях форм числительных отразились те же процессы, которые характеризуют и другие категории слов, — унификация типов словоизменения, установление более единообразных средств для выражения тождественных синтаксических отношений.

§ 192. Падение двойственного числа, вызвавшее преобразование форм числительных, отразилось и на характере синтаксического сочетания их с существительными: для им. п. (и частью вин. п.) устанавливаются неразложимые сочетания числительных от «двух» до «четырех» включительно в им. п. (и тождественном с ним вин. п.) с род. п. ед. ед. ч. существительного, для остальных же падежей — полное согласование в падеже числительного и существительного при множественном числе последнего. Для числительных начиная с «пяти» в им. и вин. п. сохраняются прежние (по форме) сочетания им.-вин. п. числительного с род. п. мн. ч. существительного, в остальных

же падежах — согласование числительного и существительного в падеже (как для числительных от «двух» до «четырех»), и так же при мн. ч. существительного. Ср., например, в Азбуковнике: в'десѧтй/лѝтрѣхъ, вѡ́ стѣ литрѣхъ сребрà, вѡ́ стѣ литрахъ (Щук. 555, л. 129 об.). Числительные, состоящие из нескольких слов и оканчивающиеся на названия числа от «одного» до «четырех» включительно, сочетаются с существительными как эти последние.

Числительные, начиная с пяти, перестают изменяться по числам. Все числительные, кроме «один» и «два», теряют изменение по родам.

В случае субстантивации числительные приобретают средний род, единственное число, как слова, сами по себе не имеющие рода, ср. «это четыре», «это пять» (согласование по множественному числу — «эти четыре», «эти пять» — возможно лишь при наличном или явно подразумеваемом существительном). Впрочем, такое абстрагированное употребление числительных относится, вероятно, к достаточно позднему времени. Сочетание числительных по древним нормам в книжном языке держится долго. Мы находим его, вероятно, как архаизм, даже у М. В. Ломоносова, ср.: «В *каждую осмь* минут совершается распростертие света до земли от солнца» («Слово о происхождении света», 1756 г.). Мы бы сказали: „в каждые восемь минут".

Особое синтаксическое функционирование, в особенности же отсутствие некоторых грамматических категорий, наличных у других склоняемых классов слов, — именно: отсутствие категории рода и числа, — дает основания для выделения числительных в особый грамматический класс слов, т. е. в особую часть речи. Это выделение в живом языке осуществляется, вероятно, на протяжении XIII—XIV вв., параллельно с разрушением категории двойственного числа.

§ 193. Из числительных выше «десяти» существенные изменения претерпели названия чисел 40, 90, 100, а также различных алгоритмических чисел.

Форма *сто* < *сѣто* сохранилась и до настоящего времени, но склонение ее очень упростилось. Указанная выше форма служит для выражения им. и вин. п. Для всех остальных падежей служит форма *ста*, первоначально обозначавшая лишь род. п. Колебания обнаруживаются уже в памятниках XVI в., ср.: *сту* саженми (Гр. 1588 г.) вместо старого тв. п. *стом* < *сѣтъмь*. Впрочем, по традиции старое склонение держится довольно долго (ср. приведенный выше пример из Азбуковника).

Названия чисел «сорок» и «девяносто» первоначально образовывались как названия других десятков — *четыре десѧте*, *девѧть десѧтъ*. Первое из них на протяжении истории языка сменяется словом *сорокъ*, отмеченным уже в Русской Правде

по Синодальному списку. Форма *сóрок* сохранилась и до настоящего времени. Для объяснения этой формы выдвигались различные гипотезы. Согласно одной из них форма является заимствованным из греческого (в эпоху оживленных торговых сношений с Византией) τετταράκοντα, τεσσαράκοντα «сорок»; согласно другой (и более вероятной) название числа связано со словом *сорокъ* «мешок» (того же корня совр. *сорóчка*): мешками считались беличьи шкурки, зашивавшиеся в каждый из них по 40 штук. Таким образом, *сорок* является по происхождению «нумеративом», т. е. особым словом, употребляющимся при счете предметов в сочетании с числительными и существительными (ср. *пять голов* скота, *пять штук* карандашей).

Форма *девѧть десѧть* вытесняется формой *девянóсто*, сохранившейся и в настоящее время. Мы встречаем ее в юго-западной (украинской) грамоте Галицкого старосты Бенка 1398 г. в обозначении даты — коли сѧ пишеть подь лѣты рѫ̀ства хва. ѧ. лѣ᷃. и. т. лѣ᷃ и девѧносто. лѣ᷄ и осмоѥ лѣ᷄; ср. также в I Псковской летописи под 1265 г.: Одиномъ *девяностомъ* 7 сотъ побѣди; во единомъ *девяностѣ*. Форма развилась в результате какой-то контаминации форм *девять* и *сто*, но точный путь ее окончательно не выяснен. По мнению А. А. Потебни, в основу образования легло сочетание *девян-о-сто* «девять (десятков) от ста», по мнению же Ф. В. Ржиги, — *девять-до-ста*, затем, в результате диссимиляции, *девяносто*. В обоих случаях имеет место отсчет от высшей единицы, подобно лат. undeviginti «девятнадцать» (как мы видели выше, такой отсчет возможен и в древнерусском языке). При обоих объяснениях остается не вполне ясным появление *n*: в последнем случае необычна диссимиляция, в первом — *n* могло бы быть следом носового согласного в старом *девѧть*, оказавшегося перед гласным, но остается неясным исчезновение *t*.

Первоначально и *сорок* и *девяносто* изменялись (склонялись) так же, как *сто* (по старым основам на *-о*). Со временем они сохранили каждое, подобно *сто*, лишь две различные формы: *сóрок*, *девянóсто* (им. и вин. п.), *сорокá*, *девянóста* (все остальные падежи). В современном русском литературном языке *девяносто* и *девяноста* различаются лишь орфографически. *Сорок* некогда, подобно числительным начиная с *пяти*, могло иметь и множественное число, ср. «сорок сороков» (о числе московских церквей, теперь уже не употребляется).

§ 194. В названиях алгоритмических чисел от «одиннадцати» до «девятнадцати» включительно, а также «двадцать» и «тридцать» словосочетание, обозначавшее первоначально соответствующее число, преобразовывалось постепенно, в связи с частым употреблением, в единое слово, причем последний член сложения (*десяте*, *десяти*), большей частью и ранее не несший

самостоятельного ударения, подвергался редукции: *-des'at'* (*-t'*, поскольку на конце первоначального был гласный переднего ряда *-e, i*) > *-ds'at'* > *-ts'at'* > *-čat'*, *a* подвергается дальнейшим изменениям в зависимости от характера вокализма говора. Так возникли современные формы *одúннадцать*, *двенáдцать*, *тринáдцать* и т. д., *двáдцать*, *трúдцать* (в элементе *-дцать* написание *д* носит исторический характер). Склоняются эти формы как единое слово (по типу числительных *пять*, *шесть* и т. д.). Новые формы отражаются уже в памятниках XIV в.: ср. в Чудовском Новом завете — *тридьсѧти* и пѧти лѣтъ; во второй духовной грамоте Дмитрия Донского (1389 г.) — *одинⁿатцѧ*, *дватцѧ* ру и два ру^{б}, *тридцѧ* ру. Впрочем, и в памятниках XVII в. могут еще являться формы, переходные от старых к новым, где представлено склонение обеих частей. Ср., например, по *девятинадцати* алтынъ (Моск. гр. 1621 г.), или — будутъ лѣтъ *пятинадцати* или *семинадцати* (Котошихин).

В первой части названия числа «двенадцать» в русском языке обобщена для всех родов старая форма жен. и ср. р. *дъвѣ* — совр. русск. *двенáдцать*; в украинском и белорусском, напротив, обобщена форма мужского рода (старое *дъва*), ср. укр. *дванадцять*, белор. *дванаццаць*.

В названиях десятков «пятьдесят», «шестьдесят», «семьдесят» и «восемьдесят» старые формы сохраняются в им. и вин. п., в остальных же падежах вторая часть, ранее не изменявшаяся при склонении, получает форму того же падежа, что и первая, причем, в связи с утратой словом *десять* форм числа, того же вида, что и не в сложении: *пятúдесяти* (род., дат., местн. п.), *пятьюдесятью* (тв. п.) — ударение падает на первую часть сложения. В современном языке наблюдается тенденция к еще более тесному слиянию обеих частей, в связи с чем первая часть во всех падежах (кроме им. и вин.) получает форму на *-i*, например, тв. п. *пятúдесятью*.

В названиях сотен от 200 до 900 включительно произошли изменения, подобные тем, которые, в результате утраты двойственного числа, имели место в сочетаниях числительных с существительными. Им. и вин. п. всех указанных названий сохранили старую форму, подвергшуюся лишь обычным фонетическим изменениям (например, *пятьсот* < *пѧть сътъ*). Фонетически объясняется и форма *двéсти* < *дъвѣ сътѣ* (*-ě* > *-i* в безударном положении, что закрепилось и в орфографии, ср. белор. *дзвесце*, где закономерно *е* < *ě*). Во всех остальных падежах параллельно склоняются обе части сложения, причем первая часть тождественно обычному склонению числительных от двух до девяти, вторая же часть представляет соответствующий падеж множественного числа от *сто* (форма подверглась обычному для имен воздействию со стороны склонения на *-а*), ср. род. п. *двухсóт*, *пятисóт* и т. д., дат. п. *двумстáм*, *пятистáм* и т. д.

§ 195. Поскольку порядковые числительные в большей части являются производными от количественных, на них отразились те же изменения. Так, например, приведенные выше формы типа *в'тор̀ое на дес̀ате*, *п̀ятый на дес̀ате*, производные от *дъва на дес̀ате*, *п̀ять на дес̀ате*, сменяются формами типа *двена́дцатое*, *пятна́дцатый*, производными от *двена́дцать*, *пятна́дцать*.

§ 196. Собирательные числительные в косвенных падежах сохраняют лишь формы множественного числа, согласующиеся с соответствующим падежом множественного числа существительного, ср. *трои́м парня́м*, *трои́ми парня́ми*. С им. п. собирательного числительного сочетается род. п. мн. ч. существительного, например *дво́е*, *тро́е парне́й*. Впрочем, в некоторых говорах в этом сочетании существительное в им. п. мн. ч.: *дво́и*, *тро́и мужыки́* и т. п.[45]

Утрата во множественном числе родовых различий у слов, изменяющихся по родам

§ 197. Слова, изменявшиеся по родам, т. е. неличные местоимения, прилагательные, причастия, сохранили различные формы для разных родов лишь в единственном числе, во множественном же родовые различия на протяжении истории языка были утрачены и сохранилась лишь единая форма множественного числа, независимо от того, существительное какого рода соответствующим словом определяется. Различия по родам утратили также числительные «три» и «четыре», склонявшиеся в древности по типу существительных с основой на *-ĭ* и на согласные и также согласовывавшиеся в роде с существительными, ими определяемыми (речь не идет в данном случае об именных формах действительных причастий и формах сравнительной степени, вообще утративших формы словоизменения). Утрата родовых различий имела место собственно лишь в им. и вин. п. мн. ч., так как в остальных падежах во множественном числе издавна употреблялась единая форма для всех родов. Двойственное число, формы им.-вин. п. которого для указанных слов в древности также различались по родам, не рассматривается, поскольку эта категория вообще рано была утрачена (см. выше, § 155).

В этом установлении единой формы вместо нескольких ранее различавшихся отражается общая тенденция унификации форм, выражающих одинаковые синтаксические отношения. Родовые же

---

[45] Об истории числительных см. подробнее: Л. Н. Дровникова. Из истории имен числительных в русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1959; ее же. История числительных *два*, *три*, *четыре* в русском языке. «Вопросы истории русского языка», М., изд-во МГУ, 1959.

различия во многих случаях во множественном числе теряются и у существительных (см. выше).

Единичные случаи колебаний наблюдаются уже в памятниках XI—XII вв. Ср.: съвѣтъ сътвориша всї архїереи и старьци *людьскыи* (Арх. ев. 1092 г., л. 98); *страньскыи* попове (Кормчая XII в., л. 85 об.) — в обоих случаях форма представляет контаминацию форм муж. и жен. р. Встречающиеся уже в древнейших памятниках отступления от согласования в роде числительных, например *три дроузи*, *три брати* в Святославовом изборнике 1073 г., А. И. Соболевский объяснял влиянием старославянского языка[46]. Начиная с XIII в. случаи колебания в роде в им. и вин. п. мн. ч. у рассматриваемых слов становятся более распространенными: въспоущаѧ *хвалы* всѧкоѭ чистоты *исполненї* (Рост. житие Нифонта 1219 г., л. 122); *сотции* въ нїхъ. *дьѭконисы причтени* боудоуть (Ряз. кормчая 1284 г., л. 56); аще быша *силы были* (Моск. ев. 1339 г., л. 99); *жены оужасни* быша (Ев. 1355 г., л. 149); *списани* быша *книгы сїи* (Парим. 1378 г., запись); а бра҃тѣ моѭи ни моеи кнѧгинѣ *тѣ лю*ѧ не *надобны* (Дух. гр. в. кн. Симеона Гордого 1353 г., ДДГ, № 3); на *тѣ* ти *грамоты кнѧже* не встоупатисѧ (Новг. гр. 1305—1308 г.). — *тѣ*,' помимо того, что употребляется независимо от рода, не соответствует ни одной из старых форм.

При утрате родовых различий последние раньше теряются для мужского и женского рода (на что и приведены выше примеры), средний же род сохраняет старую форму. Ср.: по *та* же *мѣста* (Дух. гр. Дм. Донск. 1389 г.), *та мѣста* к рѧзани (Гр. Олега Рязанского 1382 г., сп. конца XV в., ДДГ № 10). Древнейшие случаи употребления новой формы и для среднего рода относятся ко второй половине XIV в., ср.: а по ее животѣ *тѣ села* сн҃у моему кнѧ҃ дмитрью (Дух. гр. в. кн. Ив. Ив. ок. 1358 г., 2-й экз., ДДГ № 4). Для более раннего объединения муж. и жен. р. причиной послужила, вероятно, тождественность этих форм в вин. п. мн. ч. местоимений, прилагательных и причастий, при отличии от них форм среднего рода, в древнерусском языке.

В числительных, где уже в древности тождественны формы женского и среднего рода, речь идет лишь об объединении последних с формами мужского рода. Примеры, свидетельствующие о таком объединении: избрашасѧ *три браты* (Новг. Кормчая 1282 г., л. 573 об.); вси *три кнѧ҃* блюдуть (Дух. гр. в. кн. Ив. Ив. ок. 1358 г., 2-й экз., ДДГ № 4); быша *три братіа* (Тверск. лет., 21); ѫще *че/тыри мцѣ҃* соуть. и/жатва придеть (Ев. XII—XIII вв., Рум. 104, л. 18); доходъ *четыре денги* (Новг. писц. кн., 1/4, 1, 10). Утрата различий между *четыре* и *четыри* по говорам может носить и фонетический характер. Кроме того,

[46] А. И. Соболевский. Лекции..., стр. 194.

для *три* и *четыре*, как показывает в одном из приведенных примеров существительное, сочетающееся с числительным, речь может идти и об объединении им. и вин. п., параллельному объединению им. и вин. п. мн. ч. у существительных (см. выше, § 153).

Единая форма, установившаяся для всех трех родов, большей частью отражает одну из древних форм — у прилагательных и причастий, как именных, так и местоименных, это обычно старый им., вин. п. жен. р. и вин. п. муж. р., ср. *добры*, *добрые* (<*добрыѣ*), *сделаны*, *взяты*, также у некоторых местоимений — *все* (<*вьсѣ*), у числительного *три*; старая форма им. п. муж. р. представлена в местоимении *оно́й* и в несклоняемом с глубокой древности действительном причастии на *-l-*, употреблявшемся в составе сложных глагольных форм, а в современном языке, образующем прошедшее время глагола, — *несли́*, *сде́лали* и т. д. Иногда является форма, не соответствующая ни одной из древних, а сложившаяся под влиянием других падежей или другого типа склонения, — *те* (<*тѣ*). По говорам возможны и иные формы, например *оны́* (литер. *оно́й*), *ты* (литер. *те*) — старый им., вин. п. жен. р. и вин. п. муж. р., для некоторых кратких (именных) прилагательных — старые формы им. п. муж. р. — *бога́ти*, *ра́ди*, *сы́ти* (ср. литер. *бога́ты*, *ра́ды*, *сы́ты*), но все они опять-таки употребляются без разграничения по родам[47].

В старой русской орфографии для полных (местоименных) прилагательных искусственно разграничивались в им. и вин. п. мн. ч. написания *-ые*, *-іе* для муж. р. (*добрые*, *синіе*), *-ыя*, *-ія* для жен. и ср. (*добрыя*, *синія*). Первое из них для твердой разновидности восходит к старой форме им.-вин. п. мн. ч. жен. р., вин. п. мн. ч. муж. р. (мягкая разновидность приняла форму, параллельную твердой); второе, опять-таки для твердой разновидности, имеет церковнославянское происхождение и отражает ту же форму старославянского языка (*добрыѧ*). Это искусственное разграничение, узаконенное еще Ломоносовым и объясняющееся тем, что в наших памятниках еще в XVII в. употреблялись церковнославянские формы наряду с русскими, было устранено реформой 1917 г., установившей для всех родов написание *-ые*, *-ие* (*добрые*, *синие*).

---

[47] Об утрате родовых различий у рассматриваемых слов подробнее см.: Н. В. Чурмаева. История утраты родовых различий во множественном числе у слов, изменяющихся по родам, в русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1956; ее же. К истории утраты родовых различий во множественном числе у слов, изменяющихся по родам, в русском языке (средний род). «Материалы и исследования по истории русского языка» М., Изд.-во АН СССР, 1960.

ГЛАГОЛ

Общие замечания

§ 198. В глагольных формах на протяжении истории русского языка произошли наиболее крупные изменения.

Древнерусский глагол как и глагол современного русского языка, характеризовался категориями вида, времени, наклонения, залога и лица.

Система времен древнерусского языка

§ 199. Система времен древнерусского языка эпохи древнейших памятников содержала настоящее время, аорист, имперфект, перфект и давнопрошедшее время. Настоящее время, аорист и имперфект выражались простой формой (т. е. одним словом), перфект и давнопрошедшее время выражались сложной (аналитической формой), т. е. сочетанием причастия с формой вспомогательного глагола. Вопрос о будущем времени требует особого рассмотрения (см. ниже, § 213—215).

Настоящее время

§ 200.

1-й образец — глагол *нести*

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
1 л.	несу	несемъ	несевѣ
2 л.	несеши (несешь)	несете	несета
3 л.	несеть (несе)	несуть	несета

2-й образец — глагол *видѣти*

	Ед. ч.	Мн ч.	Дв. ч.
1 л.	вижю	видимъ	видивѣ
2 л.	видиши (видишь)	видите	видита
3 л.	видить	видѧть	видита

3-й образец — глагол *вѣдѣти* «знать»

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
1 л.	вѣмь	вѣмъ	вѣвѣ
2 л.	вѣси	вѣсте	вѣста
3 л.	вѣсть	вѣдѧть	вѣста

Вспомогательный глагол и глагол существования «быть»

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
1 л.	ѥсмь	ѥсмъ	ѥсвѣ
2 л.	ѥси	ѥсте	ѥста
3 л.	ѥсть	суть	ѥста

Как известно из курса старославянского языка, начиная с общеславянской эпохи по характеру основы настоящего времени различались пять классов глаголов. Они были унаследованы и древнерусским языкам. Четыре первых класса характеризуются одними и теми же личными окончаниями, по частью различаются гласными, предшествующими окончаниям, и последними согласными основы. Первые три класса характеризуются тематическим гласным *е*, предшествующим окончанию и являющимся во всех лицах всех чисел, кроме 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. Как известно, *е* могло чередоваться с *о*, которое и было некогда в формах 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. Гласный *и*, являющийся в этих формах, представляет результат фонетического развития *о* в сочетании с последующим носовым согласным или с сочетанием гласного с носовым согласным в носовой гласный *ǫ* с последующим изменением последнего на восточнославянской почве (см. выше, § 33).

В качестве 1-го образца взят глагол I класса, характеризовавшийся тем, что тематический гласный и окончание примыкали непосредственно к конечному согласному корня. Так же спрягались глаголы II и III класса, различавшиеся показателями (суффиксами), предшествовавшими тематическому гласному и окончанию. Показателем II класса являлся *-n-* (например, *съхну*, *тълкну*), III — *-j-* (например, *знаю*, фонетически *znaju*). Три первых класса вместе соответствуют современному первому спряжению.

В качестве 2-го образца взят глагол IV класса, характеризовавшийся показателем *-i-* перед личными окончаниями, который в явном виде выступает во всех формах, кроме 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. В формах 3 л. мн. ч. гласный *ä* (графически обычно ѧ, иногда ꙗ) представляет результат фонетического развития *i* с последующим носовым согласным в закрытом слоге в носовой гласный *ę* и дальнейшего изменения последнего в *ä* (см. выше, § 33). В 1 л. ед. ч. гласный *i* перед более широким

гласным окончания еще на общеславянской почве стал неслоговым с последующим изменением в *j*, в сочетании с которым предшествующий согласный (конечный согласный корня или производной основы) подвергся соответствующему фонетическому изменению, например, *вижю* < **vidjǫ* (см. выше, § 36). IV класс соответствует современному второму спряжению.

В качестве 3-го образца приведен глагол V класса. Этот класс принято также называть нетематическим, поскольку личные окончания в нем примыкают непосредственно к корню, без тематического гласного. Строго говоря, нетематическим является и IV класс, поскольку *i* является не тематическим гласным, а классным показателем, но по традиции принято так называть только V класс. Он отличается частью (именно в 1 и 2 л. ед. ч.) от остальных классов также личными окончаниями. Класс этот немногочислен. В эпоху древнейших памятников в него входило всего пять глаголов: *вѣмь*, *дамь*, *есмь*, *имамь* «имею», *ѣмь* «ем» (все они приведены в форме 1 л. ед. ч.). Спряжение вспомогательного глагола *есмь* приведено особо, так как оно отличается некоторыми неправильностями.

Показатель III класса *-j-* у ряда глаголов может быть восстановлен лишь этимологически. В явном виде он является лишь у глаголов, корень или основа которых (перед показателем) оканчивались на гласные, например *знаю*, *желаю*. Классификация глаголов, удовлетворяющая нормам древнерусского языка, еще не разработана настолько, чтобы ее можно было изложить в элементарном курсе[48].

В отличие от старославянского языка, древнерусский характеризуется окончанием *-ть* (в соответствии со ст.-сл. *-тъ*) в 3 л. ед. и мн. ч. (подробнее см. ниже, § 253. Об особенностях в окончании 2 л. ед. ч. см. § 252, 1 л. мн. ч. и 3 л. дв. ч. см. § 210).

Простые прошедшие времена

§ 201. Простые прошедшие времена, аорист и имперфект, в древнерусском языке, как и в старославянском, образовывались от основы инфинитива, которую, строго говоря, правильнее называть основой инфинитива-аориста, так как инфинитив представляет собой образование более позднее (хотя и общеславянское), чем аорист, соответствия которому обнаруживаются в других индоевропейских языках (в особенности в греческом и санскрите). Название *аорист* от греч. ἀόριστος «неопределенный, неограниченный», *имперфект* от лат. imperfectum «несо-

[48] Интересный, но не во всем бесспорный и нуждающийся в кое-каких исправлениях опыт классификации глаголов, опирающийся на синхронные отношения древнерусского языка, предложил А. Г. Волков («Классы глаголов древнерусского языка». — «Вестник МГУ, Ист.-филол. серия», 1958, № 2).

вершенное» (относительно значения их см. ниже, § 205, 209). Классы глаголов, установленные по основе настоящего времени, частью имеют определенные соответствия в основе инфинитива-аориста, частью же единый класс с точки зрения основы настоящего времени может быть разбит на разные подклассы с точки зрения основы инфинитива-аориста. Так, первому классу соответствует два подкласса по основе инфинитива-аориста: 1-й — основа инфинитива-аориста совпадает с основой настоящего времени (кроме тематических гласных), например *несу — нести*; 2-й — основа инфинитива-аориста содержит показатель *-а-*, отсутствующий в настоящем времени, например *беру — бьр-а-ти* (здесь, кроме того, иная ступень чередования корневого гласного). Второй класс характеризуется суффиксом *-пи-* (< **-пǫ-*) в основе инфинитива (в аористе у части глаголов этого класса этот суффикс может отсутствовать, см. ниже), ср. *съхну — съхнути* (ст.-сл. *съхнѫти*). Третьему классу также соответствует два подкласса: у первого основа инфинитива целиком входит в основу настоящего времени, например *знаю — знати*, у второго в основе инфинитива-аориста показатель *-а-*, отсутствующий в основе настоящего времени (перед *а* согласный, который был и в основе настоящего времени до изменения в сочетании с *j*), например *пишю* (< **pisjǫ*) — *пис-а-ти*. Четвертому классу соответствуют два подкласса: первый характеризуется показателем *-і-* (как и настоящее время), второй — показателем *-ě-*, например *хожу, ходиши — ходити, вижю, видиши — видѣти*. У глаголов V класса основы инфинитива-аориста различные, ср. *вѣмь — вѣдѣти, ѣмь — ѣсти* (< **jědti*).

Аорист

§ 202. Образования различаются в зависимости от окончания основы аориста-инфинитива на гласный или на согласный.

Основа на гласный (пример: *зна-ти*)

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
1 л.	знахъ	знахомъ	знаховѣ
2 л.	зна	знасте	знаста
3 л.	зна	знаша	знаста

Основа на согласный (пример: *нес-ти*)

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
1 л.	несохъ	несохомъ	несоховѣ
2 л.	несе	несосте	несоста
3 л.	несе	несоша	несоста

Основа на гласный принимается лишь та, которая функционировала в качестве такой на праславянской почве. В ряде случаев основа, которая теперь является для инфинитива такой, была некогда основой на согласный, но последний исчез фонетически в сочетании с *t* инфинитивного суффикса *-ti*, например *грети* < **grebti*, ср. наст. вр. *гребу*; аорист в данном случае имеет форму 1 л. ед. ч. *гребохъ* и т. д. Согласный в основе аориста в данном случае тот же, что в основе настоящего времени.

Как в случае основы на гласный, так и в случае основы на согласный, в древнерусском языке представлены, в отличие от старославянского языка, лишь так называемые сигматические формы, т. е. характеризующиеся суффиксом *-s / x / š-* (в основах на согласный суффиксу предшествует тематический гласный), за исключением форм 2—3 л. ед. ч. основ на согласный, которые, как и в старославянском языке, восходят к формам простого аориста (*е* в *несе* по происхождению тематический гласный, чередующийся с *о*). Сигматический аорист получил такое название потому, что характеризовался суффиксом *-s-* (греч. σίγμα — название соответствующей греческой буквы), который в этом виде выступает лишь перед окончанием *-te*, *-ta*, в остальных же случаях, частью фонетически, частью аналогически является в форме *x* (*s* сохранилось перед *-te*, *-ta*, так как в положении перед *t* еще в общеславянскую эпоху *x* быть не могло), а в положении перед гласным переднего ряда, по первой палатализации, *š* (*š* в 3 л. мн. ч. объясняется тем, что в общеславянском языке на конце было *ę*, ср. ст.-сл. *несошѧ*). Об условиях фонетического и аналогического изменения *s* см. в курсе старославянского языка.

В древнерусском языке в основах на согласные представлен лишь новый сигматический аорист (с тематическим гласным и без иной ступени корневого гласного сравнительно с другими формами). Совершенно отсутствует старый сигматический аорист с суффиксом *-s-* (помимо формы с окончаниями *-te*, *-ta*) типа ѭсъ (1 л. ед. ч.), ѭсѧ (3 л. мн. ч.) — эти формы обычны, например, для Мариинского евангелия, в древнерусском же постоянно ѭхъ, ѭша «я взял», «они взяли». Единственное исключение составляет глагол *речи* (ст.-сл. *рещи*), от которого, наряду с формами нового сигматического аориста *рекохъ* (1 л. ед. ч.), *рекоша* (3 л. мн. ч.), и в оригинальных памятниках довольно часты формы старого сигматического аориста типа *рѣхъ* (1 л. ед. ч.), *рѣша* (3 л. мн. ч.), например: *рѣша* сами в себѣ. поищемъ собѣ кнѧзѧ (Лавр. лет., л. 7) «Сказали сами между собой: поищем себе князя»; *рѣша* же деревлѧне (там же, л. 15) «Сказали же древляне» и т. д.

Колебания между образованиями форм аориста от основы на гласный и от основы на согласный наблюдаются в таком

глаголе, как *жити* — общеславянская форма инфинитива, возможно, фонетически из **žiųti*[49], ср. 1 л. ед. *жихъ* (Св. изб. 1076 г., л. 109), 3 л. ед. ч. *живе*, например: *Живе же* вьсѣхъ лѣтъ .о. и .s. (Лавр. лет., л. 55) «Жил же он всего 76 лет». В старославянских памятниках встречается и форма *жи* (Супр. рук., л. 401).

§ 203. Вспомогательный глагол *быти* имел две формы аориста: одна закономерно образовывалась от той основы (на гласный), которая представлена в инфинитиве, и спрягалась соответствующим образом: *бых*ъ, *бы*, *бы* и т. д.; другая образовывалась от основы *bě-*, в инфинитиве не представленной, и спрягалась так же, как другие основы на гласный: *бѣхъ*, *бѣ*, *бѣ* и т. д. Предполагают, что эта последняя первоначально имела значение имперфекта.

§ 204. К односложной (не считая приставки) форме 2 и 3 л. ед. ч. аориста могло присоединяться окончание *-tъ*, в результате чего являлись параллельные формы *би — битъ* (от *бити*), *възѧ — възѧтъ* (от *възѧти*), *нача*, *начатъ* (от *начати*) и т. д. В особенности часты эти формы для 3-го лица. Такое присоединение наблюдалось и в старославянскихъ памятниках. Хотя вообще основа настоящего времени и основа инфинитива-аориста того же глагола непосредственно между собой большей частью не связаны, в аористе от глаголов, имеющих в настоящем времени нетематические формы (по V классу), во 2—3 л. ед. ч. присоединяется не *-tъ*, а *-stъ*, например *дастъ*, *вѣстъ*. В отличие от 3 л. ед. ч. настоящего времени форма аориста, распространенная таким элементом, и в русских памятниках на конце пишется с *-тъ*, а не с *-ть*. Ср.: и възложи на нь (= них) дань легъку. и не *дастъ* имъ козаромъ дани платити (Лавр. лет., л. 8 об.) «И наложил (Олег) на них легкую дань и не дал им платить дань хазарам». О том, что здесь аорист, а не настоящее (или простое будущее) время, свидетельствует то же место в Радзивиловской летописи, где вместо *дастъ* стоит *да*. Вообще же в 3 л. наст. вр. в Лаврентьевской летописи обычно пишется *-ть*. Но именно в аористе нетематических глаголов более обычным является написание *-сть*, вследствие чего форма становится тождественной форме 3 л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени. Ср., например, в Новгородской берестяной грамоте № 9: а мънѣ не *въдасть* ничьто же — исследователи спорят в определении этой формы, следует ли ее перевести «не даст» или «не дал».

Вспомогательный глагол, поскольку настоящее время его, хотя и образованное от другой основы, спрягается по нетематическому типу, наряду с *бы* имел форму *бысть*.

---

[49] См.: F. Liewehr. Slawische Sprachwisensechaft in Einzeldarstellungen, Wien, 1955, стр. 53.

§ 205. Аорист в древнерусском языке обозначал действие как мгновенное, так и длительное, целиком отнесенное в прошлое и осознаваемое (говорящим) как целое, не расчлененное на отдельные моменты. Дальнейшее уточнение вносилось видовым значением глагольной основы, от которой данная форма аориста образована (о виде см. ниже, § 216 и сл.). Аорист в эпоху древнейших наших памятников являлся наиболее обычной временной формой для обозначения событий, имевших место в прошлом.

Имперфект

§ 206. Имперфект образовывался от основы инфинитива-аориста посредством суффикса, первоначально имевшего форму *-аах-*, *-ѣах-*, но на почве древнерусского языка, в отличие от старославянского, выступавшего в стянутой форме (нестянутые формы были также возможны, но, по-видимому, под влиянием старославянского языка). В случае основы инфинитива-аориста на *-а-*, на *-i-* и на задненебные согласные имперфект характеризовался суффиксом *-ах-* (< *-аах-*), причем в основах на *-i-* ему предшествовали мягкие согласные, которые должны были развиваться из сочетаний согласных с *j*, а в основах на задненебные — шипящие.

Образец спряжения

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
1 л.	несѧхъ	несѧхомъ	несѧховѣ
2 л.	несѧше	несѧшете	несѧшета
3 л.	несѧше	несѧху	несѧшета

В 3 л. ед. и мн. ч. в древнерусском языке к приведенным формам часто присоединялось окончание *-ть*, в результате чего являлись параллельные формы типа *несѧше — несѧшеть*, *несѧху — несѧхуть*.

Как видно из приведенных примеров, стянутая форма имперфекта 1 л. ед. ч. может совпадать с формой 1 л. ед. ч. аориста того же глагола (ср. *знахъ*).

§ 207. Вспомогательный глагол в имперфекте имел первоначально основу *бѣа-*, т. е. состоящую (помимо имперфектного суффикса) из одного согласного *b*. В стянутом виде имперфект вспомогательного глагола спрягался так же, как и остальные глаголы: *бѧхъ*, *бѧше*, *бѧше* (*бѧшеть*) и т. д. Под влиянием старославянского языка в древнерусских памятниках могли быть и нестянутые формы типа *бѣахъ*, *бѣаше* и т. д.

§ 208. Во 2 л. мн. ч. и 2 и 3 л. дв. ч. имперфекта, наряду с формами, оканчивающимися на *-šete*, *-šeta* (в написании *-шете*, *-шета*), в древнерусских памятниках отражаются формы без гласного перед *t* и с *s* вместо *š*, т. е. *-ste*, *sta* (в написании

-ste, *-sta*), а также такие, которые пишутся с *-шьте*, *-шьта* или, без *ь*, *-ште*, *-шта* на конце.

Формы на *-ste*, *-sta* отражаются в памятниках начиная с XI в., например *идѧста* в Архангельском евангелии 1092 г., *видѧста* в Житии Феодосия Печерского (Усп. сб. XII в.), *живѧста* (Лавр. лет.). Личные окончания здесь непосредственно примыкали к основе имперфекта (без тематического гласного *е*, как в соответствующих формах аориста). Подобные формы встречаются и в старославянских памятниках, например, 3 л. дв. ч. *идѣстѣ* в Саввиной книге (Мф. XXVIII 8). В случае присоединения *te*, *ta* непосредственно к основе имперфекта иной формы суффикс и не мог иметь, т. к. *š* < *x* перед *e*, а сочетание *xt* в древности на славянской почве было невозможно. Ф. Ф. Фортунатов считал формы на *-ste*, *-sta* в общеславянском языке первоначальными, формы же на *-šete*, *-šeta* позднейшими, развившимися по аналогии к другим формам имперфекта, но на общеславянской же почве [50].

Формы на *-шьте*, *-шьта* засвидетельствованы в памятниках XIII—XIV вв., например, *стоꙗшьте* (Рост. Житие Нифонта 1219 г., л. 20), *хожашьта* (Ев. 1357 г., л. 167 об.); без *ь* — *бѧшта* (Толстовск. сб. XIII в.), *идѧшта*, *чюдѧштасѧ* (Ев. 1358 г.). А. И. Соболевский сопоставлял эти формы с древнечешскими типа *vidiešte* [51]. Но можно ли думать, что русские и чешские формы восходят к общему источнику и, следовательно, возникли еще в диалектах праславянского языка? В древнерусском языке они засвидетельствованы лишь в памятниках той эпохи, когда редуцированные уже терялись и, следовательно, написания с *ь* могли быть чисто графическими и объясняться тем, что шипящие согласные в это время (т. е. в XIII в.) были еще мягкими; сами же формы могли возникнуть в близкое к этому время в результате контаминации (взаимодействия) форм типа *-šete* и типа *-ste*, что в эпоху после падения редуцированных было возможно (до падения редуцированных сочетания согласных *št* в древнерусском языке не было). Древнечешские же формы могли возникнуть и независимо от древнерусских.

§ 209. Имперфект в древнерусском языке обозначал действие в прошлом, длительное и неограниченное во времени, также повторяемое в прошлом, но опять-таки без ограничения этой повторяемости.

§ 210. В личных окончаниях аорист и имперфект имели много общего между собой и отличались от настоящего времени, часть же окончаний являлась общей для всех этих времен. Отличались (первоначально) аорист и имперфект от на-

---

[50] См.: Ф. Ф. Фортунатов. Избр. труды, т. 2, стр. 125.
[51] См.: А. И. Соболевский. Лекции..., стр. 163—164.

стоящего времени окончаниями всех лиц единственного числа и 3 л. мн. ч. Эти различия восходят к различиям так называемых первичных и вторичных окончаний, унаследованных праславянским языком от более раннего времени.

В 1 л. мн. ч., наряду с приведенным в образцах окончанием *-мъ*, встречаются также *-мы*, *-мо*, *-ме*. Первое из этих параллельных окончаний встречается и в старославянских памятниках. Формы с окончанием *-мо* представлены в памятниках юго-западных и западных (т. е. староукраинских и старобелорусских) начиная с XIV в. и отражаются в современном украинском языке (ср. *пі́демо* «пойдем»). Форма 1 л. мн. ч. вспомогательного глагола *есме* часто встречается в северо-западных памятниках (новгородских, псковских, смоленских, полоцких) XIII—XIV вв. и позднее. Из последней формы, вероятно, фонетически развилась и форма *есмя*, представленная в более поздних русских памятниках, московских и др. (в XIV в. и позднее) и легко объясняющаяся тем, что форма вспомогательного глагола часто не несет самостоятельного ударения. Формы на *-те* и *-то* наблюдаются и за пределами восточнославянской области. Так, *-те* мы находим в чешском, словацком, болгарском языках наряду с *-т*, *-то* в сербском. Ср. чеш. *neseme* (наряду с *nesem*), словацк. *nesieme*, болг. 1 л. мн. ч. наст. вр. *гле́даме*, но *плетём*, аорист *гледа́хме*, *плето́хме*, серб. *плѐтēмо*, *вȉдīмо* (наст. вр.), *плѐтосмо* (аор.), *плетȕјасмо* (имперф.); *-ту*, помимо старославянского, представлено в польском и лужицком.

Хотя не все указанные оканчания отразились в древнейших наших памятниках, по-видимому, возникли они как параллельные формы еще в диалектах праславянского языка, о чем говорит несовпадение границ их распространения с границами основных славянских групп. Форма *-ту* легко могла развиться под влиянием личного местоимения *мы*. Чередование *е*/*о* в окончании 1 л. мн. ч. наблюдается и за пределами славянских языков, ср. греч. (ион.-атт.) φέρομεν «мы несем», дорийск. φέρομες, лат. *monstrāmus* «мы показываем» < *monstrāmos*. Конечный согласный (*-s*, *-n*) на славянской почве должен был утратиться. Славянское (и древнерусское) *-ъ* является результатом изменения *о* в конечном закрытом слоге (до утраты конечного согласного). Наличие параллельных форм с *-ъ* и с *-о* может объясняться тем, что первые первоначально являлись в абсолютном конце (перед паузой), а вторые — в тесном сочетании глагольной формы с последующими словами, а затем могло произойти обобщение в различных направлениях.

Параллельные формы были в различной степени представлены в разных говорах. Современное русское окончание 1 л. мн. ч. *-м* восходит к старому *-мъ* (с утраченным слабым *ъ*).

Окончание 3 л. дв. ч. в древнерусском языке обычно имело форму *-та*, тождественную форме 2 л. того же числа. Это окон-

чание, как известно, было свойственно и старославянскому языку. Наряду с ним некоторым старославянским памятникам, главным образом более архаическим глаголическим, было свойственно окончание *-te*. Окончание *-me* представлено и в некоторых древнерусских памятниках конца XII — начала XIII в., списанных с южнославянских оригиналов и предположительно относящихся к одному (именно ростовскому) древнему книгохранилищу. Ср.: адамъ же и евьга не *стыдѣсте* себе (Богосл. Ио. экз. Болг., Синод. № 108, л. 83 об.) «Адам же и Ева не стыдились»; *стоѣсте* два мюрина (Житие Нифонта 1219 г., л. 20) «Стояли два темнокожих». Но эта форма вряд ли была свойственна живому языку.

Перфект

§ 211. Название перфект взято от лат. *perfectum* «совершенное». В старых руководствах соответствующее древнерусское и старославянское время называют «прошедшее совершенное», что неточно, принимая во внимание значение этой формы (см. ниже). Простая форма старого перфекта, унаследованного праславянским языком от более раннего времени, в древнерусском языке, как и в старославянском, представлена единственным обломком *вѣдѣ* (1 л. ед. ч. от глагола *вѣдѣти*). Эта форма встречается как в памятниках, списанных со старославянских (например, в Остромировом евангелии, в Святославовом изборнике 1073 г.), так и в оригинальных (например, в Русской Правде по списку Новгородской Кормчей 1282 г.).

Обычно же перфект представлен сложной аналитической формой, состоящей из формы вспомогательного глагола настоящего времени и несклоняемого действительного причастия прошедшего времени на *-l-*, например *велѣлъ ксмь* (Мстисл. гр. ок. 1130 г.) «я велел», *поималъ еси* (Лавр. лет., л. 14 об.) «ты забрал».

По значению перфект в древнерусском языке не был, строго говоря, прошедшим временем. Он обозначал отнесенное к настоящему времени состояние, являющееся результатом совершенного в прошлом действия. Поэтому значение его близко к значению настоящего времени. Так, форма *вѣдѣ* первоначально значила «я узнал и (в результате этого, теперь) знаю».

Давнопрошедшее время

§ 212. Давнопрошедшее время (так передается обычно латинское название plusquamperfectum «более, чем совершенное») было представлено также сложной формой, состоящей из имперфекта вспомогательного глагола (*бѧхъ*) или аориста того же глагола, но специально в форме *бѣхъ* и т. д., и того же при-

частия на *-l-*, которое участвовало в образовании перфекта; например, 3 л. ед. ч. *бѣше пришелъ* (Лавр. лет., л. 75 об.), *бѣ оумиралъ* (там же, л. 30 об.), 3 л. мн. ч. *бѣху пришли* (там же, л. 82 об.), не *распали сѧ бѣша* (там же, л. 70 об.).

Давнопрошедшее время обозначало в древнерусском языке действие, совершенное ранее другого действия, также в прошлом, а также отнесенный к прошлому результат еще ранее совершенного действия. Чаще всего употреблялось оно в придаточном предложении (временном, причинном и т. п.), но могло быть и в предложении формально независимом. Ср.: оу ꙗрополка же жена грекини бѣ и *бѣше была* черницею. *бѣ* бо *привелъ* ѡц҃ь его с҃тославъ и вда ю за ꙗрополка (Лавр. лет., л. 23 об.).

Будущее время

§ 213. Вопрос о том, насколько свойственна была древнерусскому языку эпохи древнейших памятников особая форма будущего времени, представляет известную сложность. Действие, относящееся ко времени после момента речи, конечно, могло быть выражено и в древнерусском языке, но оно выражалось или теми же формами, что настоящее время, или описательно, сочетанием инфинитива глагола, обозначающего действие, отношение которого ко времени после момента речи требуется выразить, с формами настоящего времени различных других глаголов.

В современном русском языке простая форма будущего времени и форма настоящего времени формально тождественны, но различаются видом: форма, образованная от основы глагола несовершенного вида,— настоящее время, образованная от основы совершенного вида — будущее время; ср. *делаю — сделаю*. Вопрос о том, насколько строго разграничены были по значению в древнерусском языке такие формы, как *дѣлаю* и *съдѣлаю*, связан с вопросом о том, насколько четко оформилось противопоставление совершенного и несовершенного видов (см. ниже, § 217).

Будущее время несовершенного вида в современном языке выражается сочетанием инфинитива с формой вспомогательного глагола *буду, будешь* и т. д. Подобные сочетания были и в древнем языке, причем обычно имели значение будущего времени, но, во-первых, в древнейших памятниках в таких сочетаниях не употреблялся глагол *буду*, а функционировали другие глаголы — *начьну, почьну, хочю, имамь*,— во-вторых, инфинитив, сочетающийся с этими глаголами, опять-таки не может быть строго определен с точки зрения вида: даже в довольно поздних памятниках, когда совершенный и несовершенный вид в языке заведомо дифференцировались, в этих сочетаниях мог употребляться и инфинитив глаголов совершенного вида. Ср.: *Има*ˆ *тѧ побѣдити* (Лавр. лет., л. 65 об.) «Я одержу победу над тобой»; *погубити* ны *имать* с҃тославъ (там же, л. 19 об. —

20) «Погубит нас Святослав»; *предати сѧ имамъ* печенѣгомъ (там же, л. 19 об.) «Мы предадимся печенегам»; вси *имуть* то же *створити* (там же, л. 18 об.) «Все сделают то же».

Самая множественность глаголов, которые могут участвовать в данном сочетании, свидетельствует о том, что это скорее свободное синтаксическое сочетание, чем сложная аналитическая форма. Кроме того, не всегда ясно, имеет ли глагол, сочетающийся с инфинитивом, только значение вспомогательного глагола для образования будущего времени или же сохраняет и свое лексическое значение, тем более, что инфинитивы различных глаголов могут сочетаться не только с настоящим (в значении будущего) временем указанных выше глаголов, но и с другими временами их. Ср.: роди сѧ моисѣи въ жидѣхъ. иже *хощеть погубити* еюпеть (Лавр. лет., л. 31 об.) «Родился Моисей среди евреев, который погубит (или хочет погубить?) Египет». Ср.: дьяволъ *радовашесѧ* сему. не вѣдыи ꙗко близь погибель *хотѧше быти* ему (там же, л. 26 об.). Вероятно, здесь имперфект *хотѧше* обозначал долженствование, то, что должно случиться, что является будущим по отношению к прошедшему, в котором ведется рассказ.

Преждебудущее время

§ 214. Более четко оформлено, хотя также представляет сложную (аналитическую) форму, так называемое *преждебудущее время*, образуемое сочетанием вспомогательного глагола *буду* и действительного причастия прошедшего времени на *-l-* (того же, которое служит для образования перфекта, см. выше). Эта форма обозначала действие в будущем раньше другого действия, которое также относится к будущему времени. Она часто употреблялась в условных предложениях (см. подробнее ниже, «Синтаксис», § 324), например: *бсудеть* ли *сталъ* на розбои без всѧкоѩ свады. то за разбоиника людье не платѧть (Русская Правда 1282 г., л. 616). Поэтому некоторые лингвисты рассматривали эту форму как условное будущее. В таком случае она вообще является не формой времени, а формой наклонения (или времени внутри некоторого наклонения, отличающегося от изъявительного). Но еще А. А. Потебня указал, что в условных предложениях она употребляется лишь часто, но не всегда[52].

Вопрос об отражении в древнерусском языке старой простой формы будущего времени

§ 215. На славянской почве единственной простой формой, служащей специально для выражения будущего времени, может быть признано, как известно из курса старославянского языка,

[52] См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М; 1958, стр. 238.

действительное причастие (по форме настоящего времени), образованное от основы глагола существования *byš- — им. п. ед. ч. муж р. *бышѧ, жен. р. бышѧщи и т. д. — основа с тем же показателем -s- и с тем же корневым гласным, что в сигматическом аористе, š же в конце основы еще на общеславянской почве развилось из sj (j, по мнению И. В. Ягича[53], указывает на то, что рассматриваемое причастие от несохранившегося глагола IV класса на -i, производного от основы *bys-). Это причастие, по значению соответствующее греч. ἐσόμενος «будущий», сохранилось (обычно в старославянской, редко в русской форме) лишь в древнерусских памятниках, восходящих к южнославянским оригиналам, — в Святославовом Изборнике 1073 г., XIII словах Григория Богослова XI в., Путятиной минее XI в. и др., особенно же много в различных списках XV—XVI вв. с недошедшей до нас рукописи Толковых пророков Упыря Лихого 1047 г., ср.: Се азъ възвѣстѣю тебѣ бышѧща послѣди (Чуд. 184, л. 417), бышющемъ, дат. п. мн. ч. (там же, л. 321) — о колебаниях ѧ/ѫ (у) эпохи второго южнославянского влияния см. выше, § 11. Единственный случай причастия с ч, а не щ, повторяющийся почти во всех списках (к тому же причастие имеет приставку съ, что очень редко): събышючаасѧ, вин. п. мн. ч. ср. р. (Чуд. 184, л. 71 об., Геннад. библия, л. 634 об., Троицк. № 89, л. 38 об. и др.), ср. събышѫщасѧ (Моск. дух. акад. № 19, л. 54). Значение будущего времени почти во всех случаях в Толковых пророках несомненно. Показатель будущего времени -s-, восстанавливаемый в этом причастии, представлен в ряде индоевропейских языков — в латинском, греческом, санскрите,—причем не только в причастии, но и в личных формах глагола.

На почве отдельных славянских языков (и русского в том числе) это причастие не удержалось и даже в наших церковных памятниках подверглось в дальнейшем замене другими формами. Ср. в Толковых пророках: и̑ исъхнѫть рыбы и̑ не бышющи водѣ (Чуд. 184, л. 180) — в Острожской библии: не сы̑щи водѣ (Исайя, L, 2), т. е. причастие настоящего времени.

Вид

§ 216. В древнерусской глагольной системе, помимо времени, был и вид, но значения видовых форм, а также отношения вида и времени во многом были иными, чем теперь. Основное видовое различие современного языка — различие совершенного и несовершенного видов, — начавшее складываться еще

---

[53] См.: V. Jagić. Einige Streitfragen, 8. Arch. f. sl. Philol., XXVIII, H. 1. стр. 36.

на праславянской почве, достаточно ясно выступало уже в древнерусском языке, хотя и с некоторыми отличиями от современного. Различия этих двух видов большей частью формально были выражены достаточно ясно. Внутри же этих видовых различий, выражавших отношение действия к его законченности во времени, наблюдаются также формально выраженные и унаследованные от глубокой древности различия, более конкретно характеризовавшие отношение действия к его протеканию во времени (мгновенность и длительность, начало действия или состояния, постепенный переход из одного состояния в другое, направленность и ненаправленность движения и т. п.). Эти различия, соответствия которым обнаруживаются за пределами славянских языков, в различных древних индоевропейских языках, принято называть различиями *степеней длительности* (термин введен А. А. Потебней). Средства, служившие для выражения этих различий, частью использовались и для выражения иных, не видовых значений. Такими средствами служили различные ступени чередования корневого гласного, суффиксы (в том числе показатели глагольных классов, см. выше, § 200), некогда также инфиксы, рано переставшие быть таковыми и отражающиеся в виде различных ступеней чередования в корне (см. выше, § 123). Для выяснения значений, передававшихся соответствующими средствами, необходимо рассматривать глаголы, не осложненные приставками (последние затемняют первоначальное значение).

Ср. образованные от одного и того же корня: *вести — водити*, *вести* (везти) — *возити*, *лѣсти — лазити*, *летѣти—лѣтати*. Первый член каждой пары обозначает движение линейное или направленное (в одном направлении и в один прием), второй — движение разнонаправленное (в различных направлениях и, возможно, не в один прием). Формальные различия между членами каждой пары: ступени чередования *е/о*, *ě/а*, *е/ě*, принадлежность соответственно к разным классам — к I и IV, к IV и III. Корневое *ě* в глаголе *лѣтати*, помимо памятников, подтверждается современным украинским *літати*, а также некоторыми русскими говорами, различающими старые *е* и *ě* и в безударном положении. Отношения типа *пити* (*пию*, *пикши* и т. д.) — *поити* (*пою*, *поиши* и т. д.); второй член пары — каузативный глагол (т. е. со значением «заставлять кого-нибудь что-нибудь делать»), первый — не каузативный, т. е. уже различия не видовые; формально — различие ступеней чередования и принадлежность к III и IV классу.

III класс в целом (если брать бесприставочные образования) обозначал действие длительное, без дальнейшего уточнения. Но ввиду того, что характеризовавший его показатель вследствие фонетических процессов еще праславянской эпохи в явном виде большей частью не выступал не только в древнерусском

языке, но и в поздний период праславянской эпохи, класс этот рано утратил четкие границы.

II класс содержал две разнородные по значению группы глаголов: 1) типа *съхнути*, *вѧнути*, *вязнути* — значение постепенного перехода из одного состояния в другое; 2) типа *тълкнути*, *плинути* или *плюнути*, *ринути* — значение единичного мгновенного действия. Ф. Ф. Фортунатов предполагал, что здесь омонимически совпали два некогда различавшиеся показателя, содержавшие *-n-*[54]. Обе группы представлены уже в древнейших русских памятниках, ср.: начѧ дънѣпрь *мьръзноути* (Новг. Синод. лет., л. 1) — аще ли *пьхнеть* моужь моужа любо отъ себе любо къ собѣ (Русская Правда 1282 г., л. 617). Исходя из того, что группа со значением постепенного перехода непродуктивна, содержит ограниченное число глаголов и вновь не пополняется, группа же со значением мгновенного действия распространяется все шире и является продуктивной даже в современном языке, можно было бы думать, что эта последняя группа является позднейшей по происхождению сравнительно с первой. Но исследования истории отдельных языков и, в частности, русского, говорят скорее об обратном. В древнейших славянских памятниках отсутствуют бесприставочные глаголы первой группы (а приставочные образования являются позднейшими); кроме того, наиболее архаические по грамматической структуре памятники часто представляют глаголы III класса в соответствии с позднейшими глаголами II класса со значением постепенного перехода и свидетельствуют о постепенном вытеснении последними глаголов III класса. Ср. в различных списках Толковых пророков, восходящих к рукописи Упыря Лихого: *погыбле*ᴹ (Чуд. № 184, л. 46), но: *погыбнеть* (там же, л. 301 об.), *погыбнете* (там же, л. 272 об.), *погыбнѫть* (там же, л. 305); *прозѧбле*ᴾ (там же. л. 175), *прозѧблеть* (там же, л. 209 об.), *прозѧблють* (там же, л. 194), но: *прозѧбнеть* (Троицк. № 89). По-видимому, эта группа начинала распространяться в древнейшие времена нашей письменности, но так и не стала продуктивной[55].

Специально начинательное значение имели еще на праславянской почве глаголы I класса с носовым инфиксом *-n-*, на древнерусской почве (а также в поздний период праславянского языка) характеризующиеся просто определенной ступенью чередования корневого гласного — *и*, *ӓ* < *ǫ*, *ę* — в основе настоящего времени, при другой ступени в основе инфинитива-аориста (см. выше, § 129). К таким глаголам принадлежал и *буду*

[54] См.: Ф. Ф. Фортунатов. Критический разбор сочинения Т. К. Ульянова «Значение глагольных основ в литовско-славянском языке». СПб., 1897.

[55] См.: T. Tedesco. Slavic ne-Presents from older je-Presents. «Language», Vol. XXIV, 1948, № 4.

(ст.-сл. *бѫдѫ*), первоначально не имевшнй значения специально будущего времени, а выражавший некоторое видовое значение, именно значение начала действия, о чем свидетельствует возможность в древнерусском языке образовывать от этой основы и прошедшее время, по крайней мере, засвидетельствован имперфект: аще поѣхати *будѧше* ѡбрину, не даѧше въпрѧчи конѧ ни вола (Лавр. лет., л. 4 об.); аще къто вылѣзѧше изъ хоромины хотѧ видѣти, абие оуязвенъ *будѧше* невидимо ѿ бѣсовъ (там же, л. 71 об.); *будѧше* здесь является обломком глубокой старины: в соответствующем месте Радзиловской летописи *бѧше*, Академической — *будеть*.

Показатели глагольных классов, помимо внутриглагольного словообразования, служили и для образования глаголов от имен (одни или в сочетании с другими суффиксами). Для этой цели использовался показатель IV класса, ср. *гость* — *гостити*; показатель III класса (отыменные глаголы относились к разновидности III класса, содержавшей в основе инфинитива-аориста показатель *-а-*, не входивший в основу настоящего времени) в сочетании с предшествующим показателю класса суффиксом *-ov-* (перед *-а-*)/*-и-* (перед *-j-*), ср. *даръ* — *даровати*, *дарую* (после мягких согласных вместо *-ov-* — *-ev-*).

§ 217. Позднее, чем большая часть различий степеней длительности, начали развиваться различия совершенного и несовершенного вида, в древнерусском языке представленные достаточно четко. Формальным средством различения видов стали прежде всего приставки, придававшие глаголу значение совершенного вида, по происхождению являвшиеся предлогами пространственного значения. Большей частью приставки материально тождественны предлогам. В современном языке нет предлога, тождественного приставке *вз-*, *воз-*, но в древности он был, ср. приѧхомъ благодать въз благодать (Остр. ев., Ио. I. 16) «Мы получили благодать за благодать». Только в соответствии с приставкой *иу-* (*вы-*) не было предлога и в древности. Приставка эта свойственна была лишь восточнославянским и западнославянским языкам, но не южнославянским (в южнославянских в таком же значении была приставка *iz-*, употребляющаяся и у нас). Мнение о заимствовании приставки *иу-* из германских языков[56] не представляется убедительным, поскольку словообразовательные элементы не заимствуются вне слов, в состав которых они входят. Приставки на славянской и далее специально восточнославянской почве, наряду с пространственным, приобретают и различные временные значения, которые, впрочем, частью имели и предлоги (например, *по* «после») — начала действия, ограниченного отрезка действия во времени и т. п.; наконец, наиболее абстрактное значение — законченности дейст-

[56] См.: A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, т. I. Paris, 1950, стр. 213.

вия во времени без какого-либо более точного указания (например, приставка *съ-* в глаголе *съдѣлати*, ср. современное *сделать*). Это значение и характеризует глаголы совершенного вида.

Помимо приставок, видовые различия глаголов в достаточно древнее время стали выражаться также и суффиксами, причем частью были использованы такие, которые ранее служили для различения степеней длительности. Это объясняется тем, что с развитием противопоставления совершенного и несовершенного видов старые бесприставочные глаголы различных степеней длительности отходят к одному из этих видов. Так, глаголы II класса со значением мгновенного действия отходят к совершенному виду, вследствие чего суффикс *-n-*, *-nu-* становится показателем совершенного вида. Напротив, глаголы III класса, обозначавшие длительное действие, отходят к несовершенному виду, причем специфически значение несовершенного вида получили глаголы, характеризовавшиеся показателем *-a-*, предшествующим *j* в настоящем времени и проходящим по всем образованиям данного глагола. Таким образом, по-видимому, уже в древнерусском языке противостояли друг другу глаголы *тълкнути* (сов. вид) — *тълкати*, *тълкаю* (несов. вид).

Большое количество глаголов III класса именно этого типа уже в древнерусском языке противостоит однокоренным глаголам других классов, причем первые, по крайней мере в дальнейшем, заведомо принадлежат к несовершенному, вторые — к совершенному виду. Ср. *бросати* (III кл.) — *бросити* (IV кл.), *падати* (III кл.) — *пасти* (<**padti*, I кл.). Возможно, что первоначально эти различия выражали иные отношения, чем отношения несовершенного и совершенного вида. Ср. рассмотренные выше *лѣтати* (III кл.) — *летѣти* (*лечю*, *летиши*, IV кл.), где структурные отношения того же типа, но где оба глагола и впоследствии несовершенного вида, первый моторно-кратный, второй линейного движения.

Но в дальнейшем, и даже, вероятно, с достаточно древнего времени, глаголы III класса с показателем *-a-* перед *-j-*, несомненно, противопоставлялись однокоренным с ними глаголам других классов как глаголы несовершенного вида глаголам совершенного вида. Во многих случаях они даже выступают как производные от этих последних, что в особенности ясно для большинства глаголов III класса, однокоренных с глаголами IV класса. Об этом свидетельствуют чередования согласных перед показателем *-a-*. Ср. *мьстити* — *мьщати*, *простити* — *прощати*, *пустити* — *пущати*, *давити* — *давлати* и т. д. Показатель IV класса *-i-* сохранялся в производных глаголах III класса, но перед *-a-* он еще на праславянской почве фонетически давал *į*, а затем *j* с последующим фонетическим изменением сочетания с ним предшествующего согласного, например: *prostiti* — **prostiati* > **prostįati* > **prostjati* > *proščati*. Этот способ стано-

вится продуктивным, но в позднейших образованиях соответствующие смены согласных происходят не фонетически, а аналогически, образуя чередования (см. выше, § 130).

В особенности широкое распространение получили (начиная с ранних памятников) производные приставочные глаголы III класса (от приставочных же глаголов IV, а также и других классов) — бесприставочные для древнейшего времени сравнительно немногочисленны. Ср. *въпросити — въпрашати*, *обънавити — обънавлѧти*, *събьрати — събирати*, *оумерети — оумирати*, *исчезнути — исчазати* и т. д. Формы от *въпрашати* есть в Остромировом евангелии и в Святославовом Изборнике 1073 г., *обнавлѧти* — в Новгородской Минее 1096 г., *исчазати* — в Златоструе XII в. (относительно характерной ступени чередования корневого гласного, восходящего к старым долгим, см. выше, § 129). Широкое (и чем дальше, тем большее) распространение именно производных приставочных глаголов связано, по-видимому, с развитием противопоставления совершенного и несовершенного видов. Приставка в ряде случаев придает глаголу не только значение совершенного вида, но и еще какое-то (пространственное, временное, результата и т. п.). В тех случаях, когда необходимо передать значение, во всем совпадающее со значением приставочного глагола совершенного вида, кроме значения законченности во времени, и используются производные приставочные глаголы указанного типа.

§ 218. Суффиксальный элемент, характеризовавший производные глаголы III класса в древнерусском языке, как и в современном, мог иметь три различные формы, все содержащие *-а-*: *-а-*, *-ва-*, *-iva-* (*-yva-*, различие *i*, *y* было частью связано с качеством предшествующего согласного). Ср. *оубивати*, *придавати*, *въписывати* (примеры с *-а-* приведены выше), ср.: *оубиваху* другъ друга (Лавр. лет., л. 5), *придаваите* сиротѣ (там же, л. 80, Поуч. Вл. Мон.), повелѣ *вписывати* по всѣ͠ епп͠ы͠мъ (Лавр., лет., л. 95 об.). Отношения по степени продуктивности между этими тремя образованиями были иные, чем теперь. Суффиксы *-а-* и *-ва-* древние. Суффикс же *-iva-* (*-yva-*) исторически развился из *-ва-* в результате переразложения. Исходной точкой послужил глагол *бывати*, где *у* входит в корень (ср. *быти*). Образования на *-iva-* (*-yva-*) в древнейших памятниках встречаются редко. Впрочем, в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку мы их находим, и, поскольку они свойственны и остальным спискам той же редакции, можно думать, что они были свойственны и протографу Лаврентьевской летописи: да *показываеть* цр҃ву мужю (л. 12, дог. с греками) «пусть показывает царскому мужу (т. е. должностному лицу)»; почаста *съставливати* письмена (л. 9—9 об.) «они (двое) начали составлять письменные знаки»; и повелѣ... *привязывати* цѣрь (л. 16 об.) «и (Ольга) велела.... привязывать серу». Иногда мы находим

новое образование на *-iva-* и старое на *-a-* рядом от одного и того же глагола в одном и том же значении. Ср. в Лаврентьевской летописи (в описании обычаев древлян): но *оумыкиваху* оу воды дв҃цѧ (л. 5) «но умыкали (угоняли) у воды девушек» — и ту *оумыкаху* жены собѣ (там же) «И там умыкали (угоняли) жен себе» (о дальнейших отношениях этих трех суффиксов см. ниже).

§ 219. Хотя противопоставление совершенного и несовершенного видов наметилось еще в дописьменные времена, некоторые факты древнерусских памятников показывают, что это противопоставление в начальный период письменности еще не достигло современного состояния. Глаголы с приставками пространственного значения, теперь заведомо совершенного вида, в древнерусском языке еще такого значения, по крайней мере в некоторых случаях, не имели. Так, например, в начале Лаврентьевской летописи (при описании местностей, прилегающих к водному пути «из варяг в греки»): бѣ путь изъ варѧгъ въ греки. и изъ грекъ по днѣпру. и верхъ днѣпра волокъ до ловоти. по ловоти внити в ылмерь ѡзеро великое. из него же ѡзера *потечеть* волховъ и *вътечеть* в озеро великое ново. ...а ѿ цр҃ѧгорода. прити в понотъ морѧ. в не же *втече*ᵀ днѣпръ рѣка. днѣпръ бо *потече* из оковьскаго лѣ|са| *потечеть* на полъдне. а двина ис того же лѣса *потече*ᵀ а идеть на полуночье... ис того же лѣса *потече* волга на въстокъ и *вътечеть* семью десѧтъ жерелъ в море хвалисьское (л. 3).

По мнению некоторых исследователей, к сравнительно позднему времени относятся четкие разграничения значений совершенного и несовершенного видов в бесприставочных глаголах. Некоторые из них сохраняют значение обоих видов, определяемое контекстом, и до настоящего времени. Таковы в современном языке глаголы старого IV класса *женить(ся)*, *казнить*, *велеть*. В древности таких глаголов было больше.

Многие различия, передаваемые у нас теперь разными видами, в древности передавались различием времен, которых, как известно, было больше. Однако тот факт, что времена были небезразличны к виду, но одни в большей степени образовывались от основы таких глаголов, которые в дальнейшем, несомненно, принадлежат к совершенному виду, а другие от основы таких, которые в дальнейшем относились заведомо к несовершенному виду, говорит о том, что противопоставление совершенного и несовершенного видов в древнерусском языке уже наметилось.

Отношение времен к виду

§ 220. В древнейших памятниках аорист, перфект, давнопрошедшее и прежебудущее время образовывались преимущественно от основ таких глаголов, которые, по крайней мере в дальнейшем, являются, несомненно, глаголами совершенного

вида, хотя наблюдаются и отступления, в особенности для аориста. Еще более определенное тяготение, но, напротив, к несовершенному виду обнаруживает имперфект. Он употреблялся почти исключительно от таких глаголов, которые или уже были в древнерусском языке, или заведомо являлись в дальнейшем глаголами несовершенного вида. Однако в древнерусских памятниках (как и в некоторых древних памятниках других славянских языков) встречаются случаи употребления имперфекта от глаголов совершенного вида, но эти случаи для древнейшей эпохи ограничены вполне определенным значением: соответствующие формы имперфекта обозначали действие повторяемое, без указания границы этого повторения, но каждый раз законченное или даже мгновенное. Примеры такого употребления мы находим в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку — в описании обычаев древлян: аще кто *оумрѧше*. творѧху трызно надъ нимъ. и по семь творѧху кладу велику и *възложахуть* и на кладу мртвца *сожьжаху*. и по семь собравше кости. *вложаху* в судину малу и *поставѧху* на столпѣ на путе (л. 5—5 об.) «Если кто-нибудь умирал, совершали тризну над ним, а потом делали большой костер и клали на костер мертвеца (и) сжигали, а потом, собрав кости, клали в маленький сосуд и ставили на столбе на дорогах»; в Лаврентьевской же летописи в описании поведения юродивого Исакия: (и) *положаху* пред ни хлѣбъ. и не *възмѧше* кго ноли вложити в рцѣ кму (л. 65 об.) «И клали перед ним хлеб, и он не брал его, если не вложить ему в руки». О том, что такое употребление представляет остаток старины, свидетельствует тот факт, что более поздние летописи (как той же редакции, так и другой, но сохраняющие соответствующие отрезки повествования) в части случаев замещают формы имперфекта от глаголов совершенного вида более обычными для древнерусского языка эпохи памятников формами имперфекта же от глаголов несовершенного вида. Так, в Радзивиловской и Академической летописях вместо *оумрѧше* стоит *умираше*, вместо *сожьжаху — сожигаху*, вместо *вложаху — влагаху*. Форму *съжигаху* вместо *сожьжаху* мы находим и в Ипатьевской летописи. Иногда же вместо формы имперфекта в более поздних летописях стоит настоящее время совершенного вида, возможно, уже имеющее значение будущего времени; например, в Академической летописи *возложатъ* вместо *възложахуть* (в Радзивиловской та же форма, но ошибочно в единственном числе вместо множественного — *възложитъ*); в Ипатьевской летописи также *възложать*; будущее время совершенного вида и в современном русском языке часто употребляется для выражения повторяемости действия в прошлом[57].

[57] Относительно истории употребления имперфекта от глаголов совершенного вида см.: Ю. С. Маслов. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках. — ВСЯ, вып. 1. М., 1954.

Наклонение

§ 221. Рассмотренные выше формы времен относятся к изъявительному, или прямому, наклонению, в котором отношения действия к действительности никак не выражены. Из косвенных (ирреальных) наклонений, обозначающих, что действие в действительности не происходит (или еще не произошло), но находится к ней в определенных отношениях (может произойти при известных условиях; говорящий высказывает пожелание, просьбу, приказание, чтобы оно произошло или, напротив, не произошло), в древнерусском языке, как и в старославянском, а также в современном русском, было два — повелительное и сослагательное или условное.

Повелительное наклонение

§ 222. Повелительное наклонение имело простую форму и изменялось по лицам и числам. В отличие от современного языка (но так же, как в старославянском) единственное число характеризовалось формами 2-го и 3-го лица (которые, впрочем, были тождественны друг другу), множественное и двойственное число — формами 1-го и 2-го лица. Формы 1-го лица этих чисел обозначали, что говорящий приказывает кому-то (или просит кого-то) совершить некоторое действие и сам будет участвовать в его совершении.

Образовывалось повелительное наклонение от основы настоящего времени.

Формы повелительного наклонения

1-й образец — глагол *нести*.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
1 л.		несѣмъ	несѣвѣ
2 л.	неси	несѣте	несѣта
3 л.	неси		

По этому типу образовывали формы глаголов I и II классов.

2-й образец — глагол *просити*.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
1 л.		просимъ	просивѣ
2 л.	проси	просите	просита
3 л.	проси		

По этому типу образовывали формы глаголов III и IV классов.

3-й образец — глагол *ѣсти*.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
1 л.		ѣдимъ	ѣдивѣ
2 л.	ѣжь	ѣдите	ѣдита
3 л.	ѣжь		

По этому типу образовывали формы глаголов V класса, т. е. нетематические. Вспомогательный глагол и глагол существования (*быти*) образовывал формы повелительного наклонения от основы *буду* (т. е. *буди*, *буди* и т. д.).

У нетематических глаголов, основы настоящего времени которых оканчивались на согласный и у которых в настоящем времени они частью подверглись еще на праславянской почве фонетическим изменениям (в результате сочетания конечного согласного основы с начальным согласным окончания), берется основа или в ее праславянском виде или в том виде, как она является перед гласным (например, 3 л. мн. ч. наст. вр. *ѣдѧть*).

У глаголов I класса с задненебным согласным в конце основы в повелительном наклонении вместо последнего является переднеязычный свистящий согласный, представляющий результат II палатализации. Ср.: *реку — рьци* и т. д., *лѫгу — лѫзи* и т. д.

У глаголов V класса, основа которых оканчивалась на согласный *d*, в конце основы повелительного наклонения в единственном числе является шипящий согласный, представляющий результат сочетания *d* + *j* (ср. *ѣдимъ — ѣжь*, также и в старославянском языке, ср. *ѩждь*).

Некоторые глаголы I класса имеют в повелительном наклонении иной корневой гласный, чем в настоящем времени, именно — редуцированный. Ср. *реку — рьци* (впрочем, *ь* возможно и в настоящем времени: *рьку*).

Формы повелительного наклонения по типу нетематических глаголов (т. е. V класса), начиная с древнейших времен, образовывал глагол IV класса *видѣти*, ср. 2 и 3 л. ед. ч. повел. накл. *вижь* (так же и в ст.-сл.: *виждь*).

Условное или сослагательное наклонение

223. Условное или сослагательное наклонение обозначает действие, осуществляющееся при известных условиях, также желаемое. Это наклонение выражалось сложной (аналитической) формой, состоявшей из аориста вспомогательного глагола *бых*ъ (в различных лицах и числах) и действительного причастия прошедшего времени на *-l-*, например *бых*ъ *неслъ* (от глагола *нести*).

Эта форма условного (сослагательного) наклонения, как известно из курса старославянского языка, является для славян-

ских языков позднейшей. Первоначально это наклонение выражалось сочетанием желательной формы вспомогательного глагола *бимь*, изменявшегося по лицам, и действительного причастия на *-l-*. Очень рано форма *бимь* стала вытесняться формой аориста *быхъ* вследствие формальной близости некоторых лиц той и другой (ср. 2 и 3 л. ед. ч. *би* от *бимь* и *бы* от *быхъ*). Формы от *бимь* сохраняют лишь наиболее архаические старославянские памятники (например, Мариинское евангелие). Из русских памятников лишь очень немногие, и то восходящие в конечном итоге к южнославянским источникам, содержат примеры формы *би* (2—3 л. ед. ч.) (и только ее) в составе условного (сослагательного) наклонения. Например: и нынѣ разѫмѣ/аще *би* не *слы̀шалъ* (Толковые пророки, Чуд. № 184, л. 169). Но там же чаще *бы*. Ср.: аще *бы* не *слышалъ* (там же, л. 169 об.).

Залог

224. Категория залога, обозначающая отношение действия к его объекту, в древнерусском языке, как и в других древних славянских языках, была развита слабо. В современном языке единственным морфологическим средством выражения залоговых значений, если оставить в стороне причастия, является возвратная частица *-ся*, являющаяся формальным средством выражения непереходности глагола (переходными называются такие глаголы, которые могут иметь при себе винительный падеж прямого дополнения, непереходными — такие, которые не могут). По происхождению *-ся* представляет собой энклитическую форму винительного падежа возвратного местоимения. Подобную роль это местоимение могло играть и в древнерусском языке (как и в старославянском), но оно тогда было не частью глагольной формы, а отдельным, хотя и служебным словом. Оно могло стоять не только непосредственно после той глагольной формы, к которой относилось, но и перед ней, могло быть отделено от нее другими словами, и его не всегда даже легко отличить от того же местоимения в функции особого члена предложения. Правда, уже в эпоху древнейших памятников были глаголы, которые не могли употребляться без *сѧ*, например *бо҇яти сѧ* «бояться», *смѣ҇яти сѧ* «смеяться», *стыдѣ҇ти сѧ* «стыдиться», но и при них *сѧ* было так же подвижно, как и при других глаголах. Примеры: Кѡ оуне *бо҇яти* ми *сѧ* или *радовати сѧ* (Златоструй XII в.) «Что же мне, бояться или радоваться?»; се же повѣмь мало нѣчто. еже *сѧ събы҆*ᷣ прр҃ченье ѳеѡдосьево (Лавр. лет., л. 70 об.) «Вот сообщу кое-что о том, как сбылось пророчество Феодосия» (*събы҆*ᷣ=*събысть*); и видѣ ту люди сущаѧ. како есть ѡбычаи имъ. и како *сѧ мыють. хвощют сѧ* (там же, л. 3 об.) «И видел он людей, живущих там, и каков у них обычай, и как они моются, хлещутся»;

и возмуть на сѧ прутье младое. бьють сѧ сами. и т°го сѧ *добьють* егда влѣзуть [ошибочно вместо *вылѣзуть*] ли живи (там же) «И возьмут на себя молодые прутья, бьют себя сами и до того себя добьют, что вылезут едва живы». Здесь *бьють ся сами* обозначает не «бьются сами», а «бьют себя сами», т. е. *ся* употреблено как самостоятельный член предложения. Интересен пример из русского списка Богословия Иоанна Экзарха Болгарского (Синод. б-ки № 108): адамъ же и евьга не *стыдѣшете* себе (л. 83 об.) «Адам же и Ева не стыдились (друг друга)». Имперфект *стыдѣшете* образован от глагола *стыдѣти*, который не мог употребляться без сѧ. В утвердительном предложении здесь и стояло бы сѧ. Но поскольку при отрицании винительный падеж обычно замещался родительным, здесь родительный падеж *себе* (в род. п. не было особой энклитической формы).

При немногих глаголах, выражающих душевное состояние, замыкающееся в самом субъекте, употреблялась в древнерусском языке энклитическая форма дательного падежа возвратного местоимения *си*, например *жалити си* «негодовать, скорбеть».

Некоторые малопродуктивные средства передачи залоговых значений, унаследованные от очень древних времен и состоявшие в некоторых особенностях структуры глагольной основы, были общими со средствами различения степеней длительности и рассмотрены нами вместе с ними (см. § 216).

Специально в причастиях различались действительные и страдательные формы. Страдательные формы обозначали (как и теперь), что лицо (или предмет), к которому отнесено действие, обозначенное причастием, не само производит это действие, а испытывает его как производимое кем-то или чем-то другим.

Именные формы глагола

§ 225. Именными формами глагола, т. е. формами, содержавшими некоторые признаки имен, в древнерусском языке были инфинитив, супин и причастия. Первые два характеризовались некоторыми признаками, общими с существительными, причастия же — признаками, общими с прилагательными.

§ 226. Инфинитив, выражавший, как и теперь, самое название действия, по синтаксическому употреблению близок к существительному, но отличается от последнего тем, что не имеет склонения. Инфинитив в древнерусском языке характеризовался суффиксом *-ti*, являвшимся как под ударением, так и без ударения (ср. *нести́ — зна́ти*). На месте *-ti* те глаголы, основа которых оканчивалась на задненебный согласный (*к*, *g*) и у которых в то же время не было в инфинитиве какого-либо показателя между корнем и суффиксом инфинитива, имели *-či*, например *печи* (ср. 1 л. ед. ч. наст. вр. *пеку*), *мочи* (1 л. ед. ч.

наст. вр. *могу*), *č* < *kt* фонетически перед гласным переднего ряда. По происхождению инфинитив является потерявшей склонение окаменелой формой дат. или местн. п. ед. ч. отглагольного существительного с основой на *-ĭ* и с предшествующим детерминативу суффиксом *-t-*.

§ 227. Супин (от лат. supīnum «обращенное вверх») образовывался от основы инфинитива-аориста и характеризовался суффиксом *-tъ*. По происхождению он является окаменелой формой вин. п. ед. ч., потерявшего склонение отглагольного существительного. Употреблялся для обозначения цели при глаголах движения, например: костѧнтинъ *иде оучитъ* болгарьскаго ꙗзыка (Лавр. лет., л. 9 об.).

Причастия

§ 228. Причастия, по происхождению являющиеся отглагольными прилагательными, характеризовались в древнерусском языке формами рода, числа, а большинство из них также падежа. Подобно прилагательным, в причастиях различались именные и местоименные формы. Кроме того, различались причастия действительные и страдательные. Из категорий, свойственных глаголу, причастия характеризовались формами времени, причем им было свойственно настоящее и прошедшее время. Причастия настоящего времени образовывались от основы настоящего времени, причастия прошедшего времени — от основы инфинитива-аориста.

§ 229. Действительное причастие настоящего времени в им. п. ед. ч. муж. и ср. р. оканчивалось на *-а* после твердого или мягкого согласного, например *неса*, *знаꙗ*, *носѧ* (возможно, на конце *-ä* после мягкого и первоначально полумягкого согласного). Во всех остальных формах рода, числа и падежа перед падежным окончанием являлся суффикс *-иč-*, *-аč-* (*-äč-*), последний у причастий от глаголов IV класса, первый — у всех остальных; окончанием им. п. ед. ч. жен. р. являлось *-і*, например *несучи*, *носѧчи* (ср. подобное же — у существительных мягкой разновидности основ на *-а*).

§ 230. Действительных причастий прошедшего времени было два — склоняемое и несклоняемое. Склоняемое причастие имело форму им. п. ед. ч. муж. и ср. р., оканчивавшуюся на *-ъ*, примыкавшее непосредственно к основе инфинитива-аориста на согласный и к *-v-* после основы на гласный, например: *несъ*, *знавъ*. В причастиях от глаголов IV класса в старинных церковных памятниках (даже XV—XVI вв.) возможна архаическая форма на *-ь* после мягкого согласного, восходящего к сочетанию «согласный + *j*», например *моль*. В им. п. ед. ч. жен. р., а также во всех остальных падежных формах перед окончанием *š* (после *ъ*, *ь*). В им. п. ед. ч. жен. р., как и в настоящем времени, окончание *-і*, например *несъши*, *знавъши*.

Конечный согласный основы восстанавливался тот, который был для имевших место на праславянской почве сочетаний согласных и гласных с согласными, ср. *плетъ* (от *плести*), *възмъ* (от *възѧти*).

Склонялись именные формы действительных причастий настоящего и прошедшего времени по мягкой разновидности склонений на *-о* (в муж. и ср. р.) и на *-а* (в жен. р.), только в им. п. мн. ч. муж. р. окончание *-е*, как у основ на согласные.

Несклоняемое причастие образовывалось посредством суффикса *-l-* от основы инфинитива-аориста, причем окончания, следовавшие за *l*, были тождественны окончаниям им. п. (соответствующего числа и рода) склонений с основой на *-о* и на *-а* твердой разновидности, например *неслъ*, *несла* и т. д., *зналъ*, *знала* и т. д.

§ 231. Страдательные причастия настоящего времени характеризовались суффиксом *-m-* после тематического гласного *о* после твердого, *е* после мягкого согласного (для I, II, III, V классов глаголов), или показателя *-i-* (для IV класса глаголов), например *несомъ*, *ѣдомъ*, *знаѥмъ*, *носимъ*. В древнерусских памятниках страдательные причастия настоящего времени были уже очень редки и употреблялись преимущественно под старославянским влиянием.

Страдательные причастия прошедшего времени образовывались посредством суффиксов *-n-* или *-t-*: первый употреблялся в случае основы инфинитива-аориста на согласный и *-i-*, причем ему предшествовал тематический гласный *-е-*, второй — в случае основы инфинитива-аориста на гласный, к которому непосредственно и примыкал суффикс, например *несенъ* (от *нести*), *възѧтъ* (от *възѧти*); в случае основы на *-i* перед *е* являлся согласный (или сочетание согласных) — результат развития древнего сочетания «согласный + *j*», например *ношенъ* (от *носити*).

Страдательные причастия как настоящего, так и прошедшего времени склонялись по твердой разновидности склонений с основой на *-о-* и на *-а-*.

§ 232. Отличие древнерусских форм от старославянских представляет им. п. ед. ч. муж. и ср. р. действительных причастий настоящего времени на *-а* после твердых согласных, образовавшийся, по-видимому, по аналогии к соответствующей форме с мягким согласным перед окончанием (например, *неса* под влиянием *знаѧ*, *молѧ*), ср. ст.-сл. *несы*. Суффикс действительных причастий настоящего времени *-uč-*, *-ač-* восходит к праславянскому **-ǫtj-*, **-ętj-* < **-ontj-*, **-entj-*, ср. ст.-сл. *несѫщи*, *молѧщи* (им. п. ед. ч. жен. р.).

§ 233. От приведенных выше именных форм причастий в древнерусском языке образовывались местоименные формы таким же способом, как и у прилагательных.

Причастия современного русского литературного языка, выступающие в полной (старой местоименной) форме, как свойственные преимущественно книжной речи, по происхождению являются старославянизмами, что для действительных причастий настоящего времени видно уже по форме: *несущий*, *лежащий*.

Старые русские формы сохранились лишь как прилагательные, ср. *живучий*, *лежачий*. Ср. также восходящее к настоящему времени страдательного причастия *любимый* и т. п.

Разрушение старой временной системы

§ 234. Наиболее значительными событиями в истории глагольных форм русского языка являются: разрушение старой системы многочисленных прошедших времен с сохранением (в литературном языке и основной массе говоров) одного прошедшего времени; все дальше идущее и более четко оформляющееся противопоставление глаголов двух видов — совершенного и несовершенного; стабилизация сложной (аналитической) формы будущего времени, при установлении в то же время (на основе дифференциации видов) более четких разграничений, с одной стороны, сложного будущего (несовершенного вида) и простого будущего (совершенного вида), с другой — форм настоящего времени (несовершенного вида) и простого будущего (совершенного вида). Упрощение системы времен, особенно яркое для прошедшего, в некоторой мере сказывается и на будущем времени, где теряется на протяжении истории языка особая аналитическая форма преждебудущего.

§ 235. По-видимому, раньше всего теряется имперфект. Мы не находим его в грамотах, даже самых ранних (кроме случаев ошибочного употребления, о чем ниже), в Русской Правде начиная с древнейшего списка. Впрочем, это может объясняться и тем, что эти памятники просто по содержанию не дают достаточных поводов для употребления имперфекта.

В современном русском языке мы не находим никаких явных следов старого имперфекта. Это также говорит в пользу особенно ранней его утраты.

§ 236. Аорист теряется позднее. Мы находим его и в таких памятниках, которые совсем не знают имперфекта, именно — в грамотах. Есть основания думать, что утрата аориста проходила не одновременно во всех говорах древнерусского языка, но раньше осуществлялось на юге, позднее на севере (в особенности в Новгороде и в землях, колонизованных новгородцами). Отсутствие аориста в древнейших южных русских оригинальных памятниках — в надписи на Тмутороканском камне 1068 г., в Мстиславовой грамоте около 1130 г. (записи церковных памятников не должны быть приняты во внимание, так как в них

ярко отражается старославянское влияние) — некоторых ученых приводило к мысли, что на юге аорист был утрачен еще в дописьменные времена. Но перфект, который является единственной глагольной формой первого из этих памятников и единственной, помимо настоящего и будущего времени, второго памятника, там вполне оправдан с точки зрения своего старого значения (отнесенного к настоящему результата совершенного в прошлом действия). Новгородская грамота Варлаама Хутынского после 1192 г. также не дает ни одной формы аориста, но содержит три случая перфекта, также оправданные с точки зрения значения последнего. Ср.: се *вьдале* варламе с҃тмоу с҃псоу землю и огородъ... вхоу же тоу землю Хоутин[ь]скоую *вьдале* с҃тмоу с҃псоу и съ челѧдию и съ скотиною... се же все *далъ* варламъ михалевъ с҃нъ с҃тмꙋ с҃псоу «Вот вдал (т. е. вложил) Варлаам святому Спасу (т. е. в монастырь святого спасителя) землю и огород... всю же ту землю хутынскую вдал (вложил) святому спасу с челядью и с скотом... Это же все дал Варлаам Михайлов сын святому спасу». Но полное отсутствие аористов (кроме аориста вспомогательного глагола в составе аналитической формы сослагательного наклонения — 1 л. мн. ч. *быхомъ оучинили*) в обширной Смоленской договорной грамоте 1229 г. говорит о том, что в XIII в. в живом говоре Смоленска аориста, несомненно, уже не было. Ср. изложение событий, предшествующих заключению договора, в начале грамоты (после общего вступления): Того лѣ, коли алъбрахтъ влдка ризкии оумьрлъ. ꙁздоумалъ кнѧзъ Смольнескыи Мстиславъ двдвъ снъ прислалъ в ригоу своѥго лоучьшего попа ѥремыꙗ и с нимь оумьна моужа пантелыꙗ... «В тот год, когда Альбрехт, владыка (т. е. епископ) рижский умер, вздумал князь Смоленский Мстислав Давыдов сын, прислал в Ригу своего лучшего попа Еремея и с ним умного мужа Пантелея»... Здесь просто констатируются последовательные события, а указание точного времени в прошлом («Того лѣта, коли»... — т. е. «когда») говорит о значении такого констатирования действия, целиком осуществленного в прошлом.

В новгородских же грамотах XIII—XIV вв. аорист встречается, правда, как указывают А. А. Шахматов[58] и Н. Н. Дурново[59], главным образом в традиционных формулах типа *доконьча* от *доконьчати* «заключить договор», *повелѣша*, *оуставиша* «решили». Ср.: *доконьчахомъ* миръ. с посломъ нѣмьцкымь шивордомь (Гр. Александра Невского 1262—1263 г.) «Мы заключили мирный договор с немецким послом Шивордом»; в договорных грамотах Новгорода с князьями: се *доконча* кнѧзь ве-

[58] А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах, стр. 133.
[59] Н. Дурново. Очерк истории русского языка, стр. 327.

ликыи. Гюрги съ братомь свои... кнѧземь с михаиломь и с посадникомь и съ ты... съ всѣмь но...ь (1317 г., Шахм., № 4) «Вот заключил договор великий князь Юрий с братом своим князем Михаилом и с посадником и с ты[сяцким и] со всем Но[вгородом]». Подобное формульное употребление и в Русской Правде: а ино все ꙗко же ꙗрославъ соудилъ. тако же и с҃нве ег҃о *оуставиша* (Новг. Кормчая 1282 г., л. 615 об.) Но в некоторых новгородских грамотах, и не только в XIII—XIV вв., но и позднее, аорист можно встретить и не в формулах, например: в грамоте 1269—1270 г. — се прикхаша послы ѿ менгоутемерѧ цр҃ѧ (Шахм. № 3) «Вот приехали послы от царя (хана) Менгу-Темира»; в грамоте 1471.: се прїехаша к великомꙋ кн҃зю ивањ҃ѹ васиевиⷱ... посаⷱники новгородⷱские (Шахм. № 20) «Вот приехали к великому князю Ивану Васильевичу.... посадники Новгородские» Ср., например, в подобном контексте в Смоленской грамоте 1229 г.: из ригы *ехали* на гочькыи берьго «Из Риги ехали на Готский берег (о. Готланд)». Также в двинских грамотах XV в., например: се *купи* игуменъ василеи (№ 1) «Вот купил игумен Василий...».

Но, хотя аорист и употреблялся на севере позднее, чем на юге, некоторые факты северных, именно — новгородских памятников XIII—XIV вв., и даже не только светских, оригинальных, но и церковных, говорят о начавшейся утрате его и о том, что встречающиеся случаи употребления являются остатками старины и не отражают живого говора этого времени. Об этом свидетельствуют колебания между близкими по внешнему облику формами 3 л. мн. ч. аориста и 3 л. ед. ч. имперфекта (первая оканчивалась на *-ша*, вторая на *-ше*), которые для новгородских говоров фонетически быть объяснены не могут, например: птица небесьныꙗ *позобаше* (Новг. ев. 1215 г.) «Птицы небесные поклевали» (относительно формы *птица* см. § 47); *послаше* новъгороⷱ юрьꙗ и ꙗкима къ кн҃з(ю) к михаилѣ на тфѣрь; а на семь *повелѣше* весь новъгороⷱ. юрью и ꙗкимоу. миръ взѧти съ кн҃змь с михаиломъ (гр. 1372 г., Шахм. № 13) «Послал Новгород Юрия и Якима к князю Михаилу в Тверь; а на том (т. е. на таких условиях) повелел весь Новгород Юрию и Якиму заключить мир (мирный договор) с князем Михаилом». По нормам согласования глагольного сказуемого с подлежащим собирательного значения здесь должно быть множественное число (подробнее см. «Синтаксис» § 270). Если бы здесь был не аорист, а имперфект, во втором случае было бы *повелѧше* (а не *повелѣше*). По смыслу же здесь должен быть аорист, а не имперфект.

В ряде новгородских грамот XIII—XIV вв. аорист не встречается совсем. Из изданных А. А. Шахматовым его нет в грамотах 1261—1265 г. (№ 1 и 2), 1294—1301 г. (№ 4 и 5), 1304—

1305 г. (№ 9, 10, 11), 1305—1308 г. (№ 6 и 7), 1314 г. (№ 12), 1325—1327 г. (№ 15), 1368—1371 г. (№ 16), 1371 г. (№ 8). Не дают ясных примеров аориста и новгородские берестяные грамоты, за исключением двояко толкуемого *вѣдасть* (как аорист и как настоящее—будущее время) в грамоте № 9, да грамоты № 46 (предположительно XIV в.), представляющей собой примитивно зашифрованную школьную шутку, где после дешифровки выявляются аористы *писа*, *каза*, *цита* «читал», которые, конечно, не могут свидетельствовать о сохранении формы в живой речи. Нет аориста и в московских грамотах, начиная с древнейших.

Более поздняя (сравнительно с имперфектом) утрата аориста имеет следствием то, что некоторые следы аориста в современном русском языке представлены.

Остатком аориста в современном русском литературном языке и в говорах является междометие *чу!* — по происхождению форма 2 л. ед. ч. аориста от глагола *чути* «слышать» (первоначальное значение *чу!* — «ты слышал?») — ср. укр. *чуеш* «слышишь».

По значению кое в чем близко к старому аористу в современном языке особое употребление единственного числа повелительного наклонения (чаще в сочетании с той же формой повелительного наклонения от глагола *взять*, но возможно и без него) для выражения внезапного, неожиданного действия, часто противопоставляемого другому действию, которое ожидалось, например: «Ему бы в сторону броситься, а он *возьми* да прямо и *побеги*» (Тургенев. «Смерть»). Речь идет о действии в прошлом, причем завершенном и обычно не длительном. Возможно, что употребленная здесь форма, по значению не имеющая ничего общего с повелительным наклонением, лишь омонимически совпала с ним на протяжении истории языка. Такое совпадение мы вправе предполагать для части глаголов IV класса во 2 и 3 л. ед. ч. аориста.

§ 237. Давнопрошедшее время сохраняется довольно долго, но еще в древнерусском языке изменяет форму: вместо имперфекта или аориста вспомогательного глагола является перфект того же вспомогательного глагола, в свою очередь бывший сложной формой, и появляются формы типа *есмь былъ привелъ*. Эта замена, по-видимому, связана с утратой старых простых прошедших времен. Личные формы настоящего времени вспомогательного глагола рано начинают теряться (см. ниже, § 238), в связи с чем новая форма давнопрошедшего времени является в виде сочетания двух слов — *былъ привелъ* (*привелъ былъ*) и т. п. Начало распространения новой формы падает на XIII в. По наблюдению Н. Н. Дурново, в летописи она употребляется (и то еще наряду со старой) только при описании событий XIII в. и позднее, при описании же более ранних событий — исключи-

тельно старые формы[60]. Впрочем, в первой части Лаврентьевской летописи, где излагаются события XI и начала XII в., можно указать два случая новой формы: се оуже *прелстилъ мѧ кси былъ* дьяволе (л. 65 об.) «Вот ты уже прельстил меня, дьявол»; и не лѣнива мѧ *былъ створилъ* худаго на всѣ дѣла члвчкаѧ потребна (л. 83) «И не ленивым (ты) меня, грешного, создал, пригодным для всех человеческих дел». Но в первом случае, может быть, лишнее *былъ*, а без него должен быть (так и по смыслу) перфект, который и является в Радзивиловской и Академической летописях. Второй же случай относится к Поучению Владимира Мономаха, в котором, сравнительно с окружающим текстом, вообще много новшеств, идущих из живой речи. Но этот факт говорит о том, что по крайней мере в некоторых говорах новая форма давнопрошедшего времени в первой четверти XII в. уже устанавливалась (форма 2 л. ед. ч. наст. вр. вспомогательного глагола уже отсутствует). В таком виде (и без настоящего времени вспомогательного глагола) в части восточнославянской области давнопрошедшее время сохранилось и теперь: в украинском языке и в некоторых (немногих) русских говорах (распространение его по русским говорам в достаточной мере еще не изучено). В памятниках, в том числе и в московских, форма встречается еще в XVI—XVII вв., ср.: И я его и матерь отъ того свободилъ и держалъ во чти и въ урядствѣ, а он *былъ* уже отъ того и *отошолъ* (Гр. Ивана IV Курбскому из Володимерца); Казаки *были* на службу *пошли*, а ныне воротилися (Моск. разрядные книги 1615 г.). Но некоторые факты говорят о том, что уже во второй половине XVI в. давнопрошедшее время в основной массе русского языка отмирало[61].

В современном русском языке (литературном и говорах) сохранились определенные остатки давнопрошедшего времени. К ним относится идущее из фольклора сочетание типа *жил-был*, *жили-были*, часто встречающееся в начале сказок и рассказов и указывающее на далекое прошлое (давнопрошедшее время в древности могло употребляться и в независимом предложении). Впрочем, имеются попытки и иного объяснения происхождения этого сочетания[62].

Несомненным остатком является сочетание частицы *было* (в результате утраты вспомогательным глаголом согласования) с прошедшим временем глагола для выражения действия, готовившегося в прошлом, но не осуществившегося или начавшегося (также в прошлом), однако прерванного другим действием,

---

[60] См.: Н. Дурново. Очерк истории русского языка, стр. 327.

[61] См.: С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности 2-й половине XVI века. М., 1952, стр. 165.

[62] См.: А. П. Евгеньева. Сочетание *жили-были* в сказочном зачине. — Сб. «Памяти акад. Л. В. Щербы». Л., 1951.

например: «„Дрянь, хвастунишка!“ — чуть *было* не *закричал* Нежданов... Но в это мгновение дверь его комнаты растворилась, и в нее... вошел Маркелов» (Тургенев. «Новь») «Он *хотел было* пройти мимо... Она остановила его резким движением руки» (там же). В памятниках XVI—XVII вв. как утрата согласования вспомогательным глаголом, так и значение, соответствующее приведенному выше современному, уже встречаются. Ср. в послании Ивана IV Курбскому «против письма из Волмера»: «Тако же потомъ дядю нашего, князя Андрѣя Ивановича на насъ подъяша, и съ тѣми измѣнники *пошелъ было* къ Новугороду... и се въ тѣ поры *были* отъ нас *отступили*, а къ дяде нашему князю Андрѣю приложилися...» У Котошихина: А какъ началъ царствовать, *і* в Росіскомъ Государстве *учалъ было* заводить вновь вѣру папижскую... и ему того не потерпѣли (л. 4). В житии протопопа Аввакума: И моея головы искалъ: в ыную пору бивше меня, на колъ *было посадилъ*, да еще богъ сохранилъ (л. 231 об.); *Надавали были* кое-чево, во имя Христово, люди добрые много, да, все и осталося тутъ; токмо з женою и дѣтми и з домочадцы и повезли (там же, л. 246). *Боло* вместо *было* (фонетически, вероятно, *бълъ*) в результате редукции, подтверждающее превращение формы вспомогательного глагола в частицу, находим в письме Аввакума боярыне Морозовой 1669 г.: «Чемъ *боло* плакать, что насъ не слушала, дѣлала по своему хотѣнію — и *привелъ боло* діаволъ на совершенное паденіе».

История перфекта

§ 238. В результате рассмотренной выше утраты прошедших времен единственной формой, служащей для передачи прошедшего времени, в русском языке остается перфект. Основным средством обозначения действия до момента речи перфект по существу стал уже после утраты имперфекта и аориста, так как область употребления давнопрошедшего времени (пока оно сохранялось) была весьма ограничена. Таким средством перфект мог стать потому, что он, обозначая отнесенное к настящему времени (т. е. к моменту речи) состояние, являющееся результатом совершенного ранее (т. е. до момента речи) действия, связан был в какой-то мере и с настоящим и с прошедшим и в одних случаях употребления стоял ближе к настоящему, в других к прошедшему.

Перфект в древнерусском языке был, как уже говорилось, сложной (аналитической) формой. Единственный остаток старой простой формы 1 л. ед. ч. *вѣдѣ* по значению близко стоял к настоящему времени, рано он вообще теряется как глагольная форма, сохраняясь в современном языке в качестве частицы *ведь*. Возможно, уже в такой функции выступало *вѣдѣ* в следующем месте Повести временных лет: то *вѣдѣ* ила вы рота.

многажды ходивши ротѣ (Лавр. лет., л. 94) «Ведь вот как захватила вас клятва, так как много раз ходили клясться». В некоторых позднейших списках слово *вѣдѣ* пропущено, возможно, именно потому, что оно, как частица, не было обязательно, смысл ясен и без него.

Аналитическая форма перфекта сохраняется, но рано обнаруживает тенденцию также становиться простой в результате утраты личных форм настоящего времени вспомогательного глагола и сохранения лишь формы причастия на *-l-*, которое и принимает на себя функции глагольной формы, т. е., например, аналитическая форма типа *ѥсмь привелъ* сменяется простой формой типа *привелъ*. Утрата вспомогательного глагола, связанная с общей тенденцией утраты личных форм настоящего времени этого глагола не только в качестве составной части аналитических форм, но и в составном сказуемом (см. «Синтаксис», § 269, 272), начинается очень рано, причем прежде всего в 3-м лице. 3-е лицо перфекта без вспомогательного глагола представлено уже в надписи на Тмутороканском камне 1068 г.: Глѣбъ кнѧзь мѣрилъ м по леду ѿ тъмутороканѧ до кърчева ѧї и ѧд сѧже «Глеб князь мерил море по льду от Тмуторокани (т. е. Тамани) до Корчева (т. е. Керчи) 14 000 сажен». В 1-м и 2-м лице вспомогательный глагол сохраняется дольше, но и там рано начинает теряться. Ср. в Мстиславовой грамоте около 1130 г.: Се азъ Мьстиславъ володимирь снъ... *повелѣлъ ѥсмь* сноу своѥмоу всеволодоу... «Вот я Мстислав, Владимиров сын, повелел сыну своему Всеволоду...» Но там же: а ѩзъ *далъ* роукою своѥю «А я дал рукою своею...» Впрочем, по традиции вспомогательный глагол употребляется, и даже в 3-м лице, и в более поздних памятниках. Ср., например: ѿкуду *ѥсть пошла* русьскаѧ земѧ (Лавр. лет., л. 1 об.).

Более ранняя утрата вспомогательного глагола в 3-м лице сравнительно с другими лицами объясняется тем, что личные местоимения употреблялись в древнерусском языке реже, чем теперь (обычно лишь тогда, когда на них падало фразовое ударение), и отношение действия к лицу говорящему показывала лишь личная форма глагола, в 3-м же лице обычно имеется какое-нибудь имя в качестве подлежащего, следовательно, и без того есть указание на субъект действия.

Эта форма перфекта, сначала аналитическая, а затем простая, на протяжении истории языка распространяется все шире, постепенно вытесняя различные прошедшие времена и принимая на себя их функции.

Еще свыше полувека тому назад Д. Н. Кудрявским на основании исследования текста Лаврентьевской летописи было высказано положение, согласно которому аорист и имперфект были свойственны повествованию, а перфект преобладал

в диалогической речи[63]. Но это, вероятно, было обусловлено не самими особенностями повествования и разговора (диалога), а тем, что в диалоге чаще является потребность выразить старое результативное значение перфекта.

Поскольку раньше других прошедших времен терялся имперфект, образовывавшийся почти исключительно от основ несовершенного вида, его функции принимал на себя перфект, в данном случае — также от основ несовершенного вида. Возможность употребления перфекта от основ как совершенного, так и несовершенного вида (а раньше он явно тяготел к совершенному виду) делает возможным выражение посредством перфекта любого действия в прошлом, как законченного, так и незаконченного и повторяемого, что в свою очередь создает почву для вытеснения перфектом также аориста.

Процесс вытеснения перфектом старых простых прошедших времен протекал неравномерно по всем лицам. Раньше всего это вытеснение захватило формы 2 л. ед. ч. и лишь позднее распространялось на остальные лица и числа. Норма, согласно которой форма перфекта употребляется во 2 л. ед. ч. в соответствии с имперфектом и аористом в остальных лицах и числах, представлена у наших старинных грамматистов; она свойственна была и русскому книжному языку XVI в., отражаясь, например, в переписке Ивана Грозного с А. Курбским[64]; в русской же форме церковнославянского языка устанавливается во всяком случае не позднее XIV в.: она отражается уже в Чудовском Новом завете, где во 2 л. ед. ч. обычно перфект в соответствии с формами простых прошедших времен более ранних славянских евангельских текстов.

В живом же языке того времени перфект, несомненно, господствовал уже во всех лицах.

Наше современное прошедшее время и является по происхождению старой формой перфекта, утратившей личные формы вспомогательного глагола и сохранившей лишь формы причастия. Этим и объясняется, что наше прошедшее время изменяется по родам и числам, но не по лицам.

Приняв на себя функции различных утраченных прошедших времен, современное русское прошедшее время сохранило и некоторые функции старого перфекта, из которого оно развилось, а именно: оно может передавать не только одновременность действия с моментом речи, но и отнесенное к настоя-

---

[63] См.: Д. Н. Кудрявский. К статистике глагольных форм в Лаврентьевской летописи. — ИОРЯС, т. XIV, 1909, кн. 2. Ср.: Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Пг., 1923.

[64] См.: С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы..., стр. 156.

щему времени состояние, являющееся результатом завершенного в прошлом действия, в особенности, когда речь идет о явлениях природы. Такое употребление часто в памятниках XVI—XVII вв., когда, несомненно, перфект уже становился единственным прошедшим временем, например: а по сторонамъ того рва обойти нельзя... *пришли* лѣса и болота (Книга Большой чертеж XVII в.) — в значении «идут», «подходят»; а от усть рѣки Паншины, близко отъ Дона, *вытекла* рѣка Царица и *потекла* къ рѣкѣ Волгѣ, *пала* въ Волгу против Царицына острова (там же). Так же в современных говорах: Две реки *пошлó* с Вóдлозера (в одном из олонецких говоров) — в значении «идет», «вытекает». Подобные случаи встречаются и в литературном языке, но реже. Ср. «Скалы *нависли* над морем» (в значении «висят»); «Я один; сижу у окна; серые тучи *закрыли* горы до подошвы; солнце сквозь туман кажется желтым пятном» (Лермонтов. «Герой нашего времени»).

История будущего времени

§ 239. История будущего времени в русском языке состоит в закреплении значения будущего времени за формами настоящего времени глаголов совершенного вида, в установлении сочетания личных форм глагола *буду* с инфинитивом в роли будущего времени глаголов несовершенного вида с устранением других глаголов, сочетавшихся ранее с инфинитивом для обозначения будущего времени, и с устранением из этого сочетания инфинитивов глаголов совершенного вида, и в утрате форм преждебудущего времени. Закрепление значения будущего времени за формами настоящего времени глаголов совершенного вида связано с развивающимся все дальше противопоставлением совершенного и несовершенного видов, об этом см. ниже, §§ 242—243.

Закрепление форм *буду* в сочетании с инфинитивом кладет основу образованию собственно аналитической формы для выражения значения будущего времени, поскольку этот глагол имеет значение специально будущего времени, а другие временные формы этого вспомогательного глагола с инфинитивом для обозначения других времен уже не употребляются. Кроме того, этот глагол лишен был тех различных лексических значений, которые были свойственны другим глаголам, сочетавшимся с инфинитивом для выражения будущего времени (см. выше, § 213). Но закрепление *буду* в указанной функции относится к позднему времени.

Сочетания с *имамь* (или сменившей эту форму более поздней *иму*) господствовали в московской деловой письменности XIV—XV вв., а также и в ряде самых различных областей. Ср.: хто

сю грамоту *иметь рушити*. судить ему бъ в семь вѣцѣ и в будущемъ (Дух. гр. в. кн. Симеона Гордого 1353 г.) «Кто нарушит (будет нарушать) эту грамоту, пусть осудит его бог в этом веке (жизни) и в будущем». — а хто гн^е *име^ жити* наши^ бояръ въ твоеи вотчине, блюсти их ка^ и свои^ (Дог. гр. ок. 1401—1402 г.). Также в судебнике Ивана III 1497 г.: а бояро^ или дѣте^ бо^ски^, за которы^ кормленіи с с8до^ъ с бо^ски^ *им8ть с8дити*, а на с8дѣ оу ни^ быти дворьскомъ (л. 7); в двинских грамотах XV в.: а оцищивати степану свою w̃дина хто *иметь наступати* (№ 77); в Псковской судной грамоте: а княжой писецъ *иметъ писати* судницу w земли, иному wтъ судницы взѧть 5 денегъ... (л. 10 об.).

Сочетание это широко было распространено в говорах того времени. О распространении его за пределами территории великорусских говоров свидетельствует, например, современная украинская форма будущего времени типа *ходитиму* «буду ходить» $<$ *хсдити иму*, в западноукраинских говорах форма *му* с инфинитивом еще не слилась, там возможно, например, *му ходити* (*му* $<$ *jьтú*, см. «Фонетика», § 25, 66).

Сохраняется сочетание и в памятниках XVI в., но во все более ограниченном объеме, поскольку уже в XV в. в московской письменности и в других великорусских областях все больше начинают распространяться использовавшиеся и в древности образования от корня *čьn-* (*начьну*, *почьну*, *учьну*), на протяжении XVI в. становящиеся основным средством передачи будущего времени. Ср.: а имоу^т на^ сважывати татарове. *почноу^т* ти *дава^* великое кнѧжение и тобѣ не взѧ^ (гр. в кн. Вас. Вас. ок. 1439 г.); а хто к тебѣ *оучне^ присылати* на наше лихо и те^ то на^ повѣ[дати] (Гр. в. кн. Ряз. Ив. Вас. 1496 г.); *учнет* дияк судной список набело *писат*... и ему писчево десет[ь] денег (Судебник Фед. Ив., ст. 10); а о ком *учнут печаловатися*, ино его слушати, а виноватого пожаловати (Домострой, 13). Примеры этих образований есть и в двинских грамотах XV в.: а кто *почнеть* на сю землю *наступать* (№ 107); а хто *оучнеть* w̃имати (№ 13) и др. Так же и в Псковской судной грамоте: а кто на комъ *оучнеть искать* сѧбренаго серебра или иного чего... ино то судить на того волю на комъ ищуть... (л. 11 об.).

В XVI в. изредка встречается в такой же функции *стану*. Ср.: которые люди иногородцы или пришлецы *станут бити* челом о обидах на наместников или на судью... или на волосных людей... и тем людем иногородцем на наместников и на волосных людей суд давати (Судебник Фед. Ив., ст. 36). Такие сочетания *стану* с инфинитивом и позднее, в XVII в., ср. у протопопа Аввакума: никакъ не по человѣку *стану судить* (Письмо боярыне Ф. П. Морозовой 1669 г.).

Из прежних средств передачи будущего времени совсем выходит из употребления в этой функции глагол *хочю*, продолжая использоваться лишь в своем основном лексическом значении.

§ 240. Основанием для распространения форм *буду* в качестве вспомогательного глагола будущего времени послужило, по-видимому, использование этих форм в именном составном сказуемом и в сочетании со страдательными причастиями прошедшего времени, ср. Совлокуть сѧ и *будуть нази* (Лавр. лет., л. 3 об.), оже *боудеть* свободѣныи чкъ *оубитъ*... (Смол. гр. 1229 г.), подробнее см. «Синтаксис», § 275, — а также и в составе преждебудущего времени. Рано также получает распространение специально форма 3 л. ед. ч. *будеть* с инфинитивом в безличном предложении в значении «должно, следует» (см. подробнее «Синтаксис», § 296). Использование *буду* как вспомогательного глагола для образования будущего времени несовершенного вида начинается в восточнославянской области не ранее конца XIV в., причем раньше на западе, т. е. на территории, где формируется белорусский язык. Самый ранний случай — *будемъ держа*ͭ — в западнорусской грамоте Корибута 1388 г.[65]

Несколько раз повторяется сочетание «хто... *бѫдеть*... *деᵖжати*» в грамотах Новосильских и Одоевских князей великому князю Литовскому Казимиру 1442 и 1459 гг., т. е. середины XV в., но эти грамоты сохранились лишь в копиях XVI в., явно западных и содержащих различные белорусские черты, в составе Литовской метрики. Широко употребляется *буду* с инфинитивом лишь в сочинениях Пересветова, сохранившихся в списках XVII в.[66], но в его писаниях вполне возможно западнорусское влияние. Сочетание инфинитива с *буду* представлено также в изданном во Львове в 1574 г. Букваре московского печатника Ивана Федорова: ꙗко *сѫдити бѫдетъ* гь кри́вдѫ его (стр. 69); *бѫдешь* оу́бо *имѣти* наде́ждѫ въ послѣднїи ча́съ (стр. 71); *радовати* сѧ *бѫдетъ* съ тобою срᵃце моѐ, и *весе́литисѧ бѫдѫтъ ла́*дви мои́ (стр. 79).

В московской деловой письменности лишь в XVII в. распространяются сочетания *буду* с инфинитивом для выражения будущего времени. Ср.: Я де государю *буду бить* челомъ (дело 1637 г.); *буду* де я на тебя *бить* челомъ (дело 1650 г.); и мы де о томъ *будемъ говорить* шаху (Документы посольства Е. Мышецкого 1640—1643 гг., 171)[67]. К XVIII в. сочетание

---

[65] См.: Chr. S. Stang. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1939.

[66] См.: С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы..., стр. 179.

[67] См.: П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 г., стр. 348.

устанавливается как обычное для выражения будущего времени несовершенного вида. Оно получает широкое распространение и в говорах, хотя история этого распространения вследствие недостатка материалов и не может быть пока полностью прослежена. Впрочем, кое-где в говорах сохранились старые формы сложного будущего времени, например сочетание инфинитива с *иму* (вместо древнего *имамь*) в некоторых говорах Вологодской и Череповецкой областей, в говорах северной части Ярославской и Костромской областей, с *учну*, *почну* и т. п. в некоторых устюжских и череповецких говорах.

В рассматриваемых сложных формах будущего времени инфинитив употребляется, начиная с достаточно ранней эпохи, сплошь от таких глаголов, которые или заведомо несовершенного вида, или могут иметь значение как совершенного, так и несовершенного вида (в древнерусском языке дело обстояло иначе, см. выше). В памятниках XVI в. имеются некоторые случаи использования глаголов совершенного вида, но они являются несомненными архаизмами, так как все представлены в сочетаниях с архаическим для этого времени *имамь*, ср.: да опшую чашу имам с вами пити и общею смертию *имам умерети* с вами вместе (Мамаево побоище, 29); повинуйтеся без лукавства Московскому государю, аще ли ни то *погибнути имате* (Казанск. лет., 328)[68].

§ 241. Преждебудущее время, представленное сочетанием вспомогательного глагола *буду* и действительного причастия прошедшего времени на *-l-*, держалось в русском языке долго. В большом количестве мы находим его, например, в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV—XV вв. Встречается оно и позднее, в памятниках XVI в., в разной степени в зависимости от характера их. Но уже на протяжении XV—XVI вв. оно, несомненно, идет на убыль. Так, в Судебнике Ивана III, относящемся к самому концу XV в. (1497 г.), нет ни одного случая преждебудущего времени, хотя для юридических документов эта форма была в древности весьма распространенной. На редкость этой формы в исследованных им памятниках второй половины XVI в. указывает С. Д. Никифоров[69]. О том, что эта форма начинает утрачиваться, говорят также случаи употребления, не соответствующие ее древнему значению, ошибки в согласовании вспомогательного глагола и сочетание последнего не только с причастием на *-l-*, но и с будущим временем другого глагола. Ср.: а что мещерскаа мѣста, что *бѣде покупи* кнѧ велики, дѣ твои Оле Иванови или

---

[68] См.: С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы..., стр. 181.

[69] Там же.

оц҃ь твои кнⷭ҃ велики Фе҃ѡвръ Ольгови҃ч, или вы или ваши бо҆ре, и в та мѣста тебѣ великомꙋ кн҃зю Ивану не вступати (Гр. 1447 г., сп. конца XV в., ДДГ № 47). Здесь *будетъ покупилъ* относится не к будущему, а к прошлому, так как речь идет о покупках отца и деда нынешнего великого князя Рязанского. Ошибка в согласовании: а чево *будетъ [я] забыла* написати, и в томъ вѣдаетъ богъ (Гр. 1579 г.). Сочетание не с причастием, а с будущим временем глагола: а *будут* тебе *ꙋчнут звати*... и ты б отнюдь того не делал... (Дух. гр. Ивана IV 1572 г., по сп. начала XIX в., л. 7) — если только здесь не ошибка копии.

Причиной разрушения, а затем и утраты рассматриваемой аналитической формы, вероятно, послужили: 1) параллельное употребление ее и других средств выражения будущего времени в одних и тех же условиях, наблюдающееся уже в древнейших памятниках; 2) преимущественная связь этой формы с определенного типа придаточными предложениями, в первую очередь условными, в то время как условность передается своими средствами — особыми союзами; 3) превращение формы причастия на *-l-*, участвующего в рассматриваемой форме, в простую форму прошедшего времени. О возможности в одних и тех же условиях как преждебудущего, так и иной формы в древнейших памятниках, свидетельствуют, например, два таких соседних места из Договора Игоря с греками: аще ли... оускочить челѧдинъ нашь къ вамъ. и *принесеть* что. да въспѧтѧть и ѡпѧть. — а еже что *принеслъ будеть* все цѣ҃о. и да возьметь ѿ него золотника два. (Лавр. лет., л. 12 об.).

Остатком исчезнувшей аналитической формы преждебудущего времени в современном языке является сочетание будущего времени глагола с условным союзом *буде*, по происхождению формой 3 л. ед. ч.

Развитие вида

§ 242. Параллельно с разрушением старой временной системы и сведением ее к трем временам, характеризующим современный язык, все дальше развивается и четче оформляется противопоставление глаголов совершенного и несовершенного видов.

Этот процесс удостоверяется не только развитием приставочных образований, но и (в особенности) все большим развитием таких пар приставочных глаголов, где члены каждой пары структурно отличаются друг от друга лишь различием суффикса и, частью, различной ступенью чередования корневого гласного, а по значению — лишь принадлежностью одного совершенному, другого — несовершенному виду. Глаголы несовершенного вида являются при этом производными от члена

той же пары, но совершенного вида. Ср. приведенное уже выше *обьновити — обьнавлѧти* (совр. *обновить — обновлять*).

К XIV в. как приставки чисто грамматического (видового) значения, так и производные приставочные образования становятся продуктивным средством различения видов, что отражается не только в памятниках, близких к живой речи, но и в церковно-книжной литературе. В этом отношении показателен приписываемый митрополиту Алексию Чудовский Новый завет, представляющий самостоятельный и более точный (ближе соответствующий подлиннику) перевод греческого текста — сравнительно со старыми редакциями. Он характеризуется более широким использованием приставочных образований, в том числе производных приставочных глаголов.

Для более позднего времени, именно для XVI в., интересные факты, свидетельствующие о развитии в живом языке видовых пар и специально производных приставочных глаголов несовершенного вида, дают наши старопечатные грамматики церковнославянского языка. Ср., например, разграничение настоящего и будущего времени у Зизания: настоящее время — *спасáю*, будущее (от того же глагола) — *спасѫ* (1 л. ед. ч.), настоящее — *ꙗвлѧю*, будущее — *ꙗвлю* (как формы будущего времени даны образованные от глаголов заведомо совершенного вида).

§ 243. В области производных приставочных глаголов несовершенного типа уже в древнейших памятниках начинает развиваться новый тип, который сначала выступал как параллельный старому, а затем явился источником некоторой категории глаголов, отличных от других и по значению. Как уже говорилось (см. § 218), в производных глаголах III класса параллельно образованиям на *-а-* развиваются образования с суффиксом *-iva-*, *-yva-*. Первоначально они встречаются очень редко. В наиболее древнем из летописных текстов — в I Новгородской летописи по Синодальному списку — только следующие примеры: *съвѣшивати* (л. 68 об., инфинитив) и *разграбливахоуть* (л. 113 об., 3 л. мн. ч. имперфекта). В Лаврентьевской летописи их немного больше, но тоже очень мало (10 примеров в Повести временных лет, 4 в Суздальской летописи). В дальнейшем эти образования становятся все более частыми. Иногда они выступают как параллельные образования к более старым производным на *-а-*.

К приведенному выше примеру из Лаврентьевской летописи (см. § 218) можно добавить: *не посоуживати — не посоужати* «не отменять (грамоты)» в одном и том же контексте в двух вариантах одной и той же новгородской грамоты 1264—1265 гг. (Шахм. № 1 и 2); а приставовъ *не приставливати — не приставлѧти* в различных новгородских договорных грамотах с князьями XIII—XIV вв.

Соответствующие образования получили широкое распространение и в современном языке, литературном и в говорах. Впрочем, не повсеместно представлены образования одного и того же типа: так, в одном из говоров около Онежского озера отмечены формы *нага́ривает* (литер. *нагора́ет*), *отпа́дывают* (литер. *отпада́ют*), с другой же стороны, в одном из говоров около Белого моря — *остановля́ется* (литер. *останавливается*).

Для новых производных глаголов существенны определенные ступени чередования корневого гласного и согласного, предшествующего суффиксу. Гласный является на ступени *а* (притом на нем ударение) при *о* в корне производящего глагола. Этот гласный свойствен был некогда и производному глаголу с суффиксом *-а* (хотя и не всегда), но в последнем на него не падало ударение, вследствие чего на протяжении истории языка он был устранен, ср. *забро́сить — забра́сывать* (ср. броса́ть), *проси́ти — прашати — спра́шивать*. Если имеет место чередование согласных, то ступень — та же, что у образования на *-а-*. Ср. *просити — прашати — спра́шивать*. Это наблюдается у глаголов, производных от глаголов IV класса, а также у таких, производящие к которым имеют соответствующую ступень согласного в конце основы настоящего времени. Впрочем, возможны устранения чередования в результате аналогии. Ср. *очерти́ть — оче́рчивать*, но у Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» — *очертывает*, *очертывается*[70], и суффикс здесь в форме *-ува-* (*-ыва-*), а не *-ива-* — после твердого согласного.

§ 244. Производные приставочные глаголы (главным образом с суффиксом *-ива-*, *-ува-*, а частью с суффиксом *-а-*) дали основу новому типу производных глаголов — таких же, но без приставки; например, от приставочного глагола *выкосити* мог быть образован производный глагол *выкашивати*, а от последнего — новый производный глагол (бесприставочный) — *кашивати* (совр. *ка́шивать*). Глаголы такого типа получили название *многократных*, так как они частью были использованы для обозначения повторяемого действия. Но этим значением их функции не ограничились. На первый взгляд может показаться, что, напротив, приставочные глаголы с соответствующим суффиксом являются производными от них. Но в действительности они возникли позднее, чем производные приставочные, и являются результатом извлечения из последних (путем отбрасывания приставки). Древнейший случай такого образования — глагол *канчивати* («заключать договор») — отмечен в Договорной грамоте Дмитрия Донского с князем Серпуховским и Боровским Владимиром Андреевичем 1389 г.: а тобѣ брату моему молод-

[70] См.: С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 43.

шому и моему сыну безъ мене и без моихъ дѣтии не *канчивати* ни с кѣм же (ДДГ., гр. № 11).

Особенностью рассматриваемых глаголов является то, что они образуют не все формы, но выступают лишь в прошедшем времени (старый перфект), причем имеют не только многократное значение (хотя могут иметь и его, как показывают приведенные выше), но обозначают нечто давно и длительно бывшее. Кроме прошедшего времени они могут употребляться в инфинитиве, но только с отрицанием, выражая в данном случае категоричность отрицания.

О широком распространении рассматриваемых образований в живом русском языке уже в XVI в., а также о том, что они использовались в первую очередь для передачи действия давно и длительно бывшего, свидетельствует материал перевода латинской грамматики Доната, осуществленного в 1522 г. и сохранившегося в списках начала второй половины XVI в. Время, которое по-латински называлось plusquamperfectum (плюсквамперфект), Дмитрий Толмач в переводе дает как «минувшее пресвершенное», так как в латинском языке плюсквамперфект мог выражать не только действие, предшествующее другому в прошлом, но и просто нечто давно бывшее, и по-славянски последовательно передает его формами славянского имперфекта с некоторыми отступлениями в сторону перфекта (но, в отличие от других книжников, чаще в 3-м, а не во 2-м лице ед. ч.), причем формы эти последовательно образованы (для разных глаголов) от бесприставочных основ с суффиксом *-ива-* (*-ыва-*). Так, от глагола *люблю* «минувшее пресвершенное» спрягается так: *люблива*$^{\wedge}$, *любливаше*, *любливалъ тѳи*. а множественѣ *'любливахомъ*, *любливасти*, *любливах*^{8} тиї; от глагола *учю* — *учива*$^{\wedge}$, *учиваше* или ты *учивалъ*, *учива*$^{\wedge}$ тѳи. а множественѣ *учивахо*$^{\wedge}$, учивасте, *учивах*^{8}; от глагола *хощ*^{3} — *хачива*$^{\wedge}$, *ха́чива*$^{\wedge}$ еси, *хачива*$^{\wedge}$. а множественѣ *ха́чивахомъ*, *ха́чиваете*, *ха́чи(ва)ли*. — Последние формы в особенности интересны тем, что, помимо обычной для данных образований ступени гласного *а* в корне, в конечном согласном корня выступает русское чередование *т/ч* (а не церковнославянское, хотя бы русифицированное, *т/шч*); это указывает на то, что формы подобного типа были живыми в русском языке XVI в. Форма *хачивал* встречается и в памятниках эпохи Ивана IV.

Два века спустя формы на *-ива-*, *-ыва-* рассматривал как давнопрошедшее время и такой знаток русского языка, как М. В. Ломоносов (См. «Российская грамматика», § 268).

С начала XIX в. такие формы в литературном языке идут на убыль, хотя и встречаются у Пушкина и у последующих классиков.

История форм сослагательного наклонения

§ 245. Косвенные (ирреальные) наклонения, повелительное и сослагательное, представленные в древнерусском языке, сохранились и в современном языке, претерпев лишь некоторые изменения в формах. Изменения в формах повелительного наклонения относятся в первую очередь к личным окончаниям и тесно связаны с изменениями в личных окончаниях настоящего времени (см. ниже, § 250—251). Изменения же в формах сослагательного наклонения связаны с утратой форм аориста, поскольку аорист вспомогательного глагола использовался при образовании этого наклонения (см. выше, § 223). В древности формы аориста *быхъ* согласовывались в лице и числе с подлежащим, причем в то же время в числе они совпадали с формой числа причастия на *-l-*. Со временем в формах аориста обнаруживаются колебания, приводящие постепенно к тому, что для всех лиц и чисел начинает употребляться форма *бы*, первоначально служившая лишь для 2 и 3 л. ед. ч. Колебания, которые свидетельствуют о начавшемся обобщении *бы* для всех лиц и чисел, наблюдаются в памятниках начиная с XIII в., например: аще *бы* в Турѣ *быша* силы *были* (Новг. Милят. ев. 1215 г.) — *бы* относится к 3 л. мн. ч.; Аще *бы* слѣпи *были* (Моск. ев. 1339 г.) — *бы* относится (по смыслу) ко 2 л. мн. ч. В первом примере имеет место контаминация — *бы* сочетается с правильно употребленной формой 3 л. мн. ч. *быша*; это свидетельствует о том, что в живой речи уже для всех лиц и чисел употреблялось *бы*, *быша* же наряду с ним писец написал по традиции.

Бы, ставшее, таким образом, неизменяемой частицей, в сочетании с формой прошедшего времени на *-л-* (старым причастием) служит для образования сослагательного наклонения и в современном русском языке.

История залога

§ 246. Наиболее значительным событием в развитии форм, выражающих залоговые отношения в русском языке, является установление возвратных форм, служащих морфологическим средством выражения непереходности глагола. Образование их происходит в результате агглютинации (присоединения) к глагольной форме энклитической формы возвратного местоимения *сѧ* или *си*. Тенденция объединения их с глагольной формой в одно целое наметилась очень рано: уже в древнейших памятниках они чаще являются непосредственно после той глагольной формы, к которой относятся. Уже ко второй половине XIV в. относятся первые примеры, свидетельствующие о редукции до нуля гласного в форме возвратного местоимения, примыкающей

к глагольной форме, оканчивающейся на гласный. Ср.: *оучинилось* (Новг. гр. 1373 г.); *проситись* на извозъ (Гр. 1399 г.)[71]. Такая норма действует и в современном языке, ср. *проси́лась*, *проси́лись*, но *проси́лся*. Вряд ли такая редукция могла бы осуществиться в том случае, если бы возвратное местоимение, ставшее возвратной частицей, не образовало уже единого слова (точнее, словоформы) с глагольной формой.

Однако по традиции подвижность возвратной частицы сохранялась долго. Мы встречаемся с ней даже в памятниках XVII в. Ср.: с воры *ся* ему не *водити* (Гр. 1615 г.). К XVIII в. объединение возвратной частицы с глагольной формой становится нормой литературного языка.

Такое объединение и образование в результате этого возвратной формы имело место лишь в восточнославянской области, т. е. в русском (великорусском), белорусском и украинском языках. В других славянских языках энклитические возвратные местоимения сохранили подвижность, т. е. могут занимать разные места в предложении. Это наблюдается и в западноукраинских говорах.

§ 247. Энклитические формы возвратного местоимения *сѧ* и *си*, первоначально разграниченные по употреблению, рано обнаруживают тенденцию смешиваться и употребляться не в соответствии с древними нормами. Например, уже в Ипатьевской летописи — *жалѧху сѧ володимерци*, хотя при глаголе *жалити* в древности должно было быть *си*. Поэтому в результате агглютинации к глагольной форме в значительной части говоров является возвратная частица в форме *-си*, а не *-ся*, например *сади́лси*, *разби́лси*.

История личных форм настоящего времени и повелительного наклонения

§ 248. Вследствие утраты старых простых прошедших времен в русском языке (как и вообще в восточнославянских) различия форм для разных лиц сохранились лишь в настоящем (простом будущем) времени и в повелительном наклонении. Изменения этих форм на протяжении истории языка состоят: 1) частью в утрате особых личных форм нетематических глаголов (V класс), частью же в их сближении с личными формами остальных глаголов; 2) в сближении в результате взаимного влияния форм повелительного наклонения и настоящего времени; 3) во взаимодействии форм различных чисел внутри повелительного наклонения; 4) в изменениях, которым подверглись отдельные личные окончания как повелительного наклонения, так и настоящего времени.

[71] См.: B. Havránek. Genera verbi v slovanských jazycích, I. Praha, 1928, стр. 44—45.

§ 249. Глаголы нетематического спряжения, вообще крайне немногочисленные уже в древности, частично вообще были утрачены, частично формы их изменились под влиянием глаголов других типов.

Утрачены были личные формы вспомогательного глагола и глагола существования *есмь*, за исключением форм 3 л. ед. ч. и значительно реже, в особых условиях, мн. ч. (подробнее об этом см. «Синтаксис», § 269). Впрочем по традиции они употреблялись в памятниках довольно долго и даже претерпевали некоторые изменения. Ср., например, приводившуюся выше в составе сложных времен форму 1 л. ед. ч. *есми* (вместо старого *есмь*), появившуюся, вероятно, под влиянием формы 2 л. ед. ч. *еси́*.

Вышел из употребления глагол *вѣмь* (сохранился лишь однокоренной с ним глагол старого III класса *ведать*, *ведаю*, и то как архаизм, об остатках форм 3 л. ед. ч. глагола *вѣмь* см. ниже).

Глагол *имамь* рано подвергся влиянию со стороны глаголов тематического спряжения, и уже в XIV в. являются формы по типу I класса — *и́му*, *и́мешь* и т. д. (они выражают в сочетании с инфинитивом будущее время уже в московских грамотах XIV в.). В части говоров этот глагол сохранился и теперь. В литературном же языке и во многих говорах вышел из употребления и он.

Сохранили частично старые формы лишь глаголы *дам* (< *дамь*) и *ем* (< *ѣмь*), и то в большинстве говоров и в литературном языке лишь для 1 л. ед. ч.

Формы 2 л. ед. ч. (*даси*, *ѣси*) настоящего времени (для первого из этих глаголов простого будущего, так как это глагол совершенного вида) сохранились лишь в немногих говорах (главным образом на крайнем севере; но ср. также укр. *дасі*).

3 л. мн. ч. *едя́т* сохранило старую форму, окончание которой, впрочем, тождественно с окончанием глаголов IV класса (современное II спряжение), форма же *дадѧть* преобразовалась под влиянием глаголов I класса в *даду́т*, — такая форма (*дадутъ*) является уже в Московской грамоте в. кн. Василия Дмитриевича 1392 г.

§ 250. В результате взаимодействия форм настоящего (простого будущего) времени и повелительного наклонения устанавливается единая форма для того и другого в 1 л. мн. ч. Старые формы повелительного наклонения I и II классов (типа *идѣмъ*, *тълкнѣмъ*) совпадают с формами настоящего (простого будущего) времени *идемъ*, *тълкнемъ*, и появляются современные формы типа *идём*, *толкнём*, которые употребляются также в значении повелительного наклонения, для побуждения к действию. Впрочем, они теперь используются как своеобразное двойствен-

ное число — для побуждения к действию, в котором участвует и сам говорящий, одного собеседника. Для побуждения же многих, т. е. собственно как форма мн. ч., используется эта форма с добавлением окончания 2 л. мн. ч., *-те* (*идёмте*, *толкнёмте*). Поскольку эта форма свойственна специально разговорной речи, мы лишены возможности установить древность ее появления по памятникам.

Результатом воздействия со стороны форм повелительного наклонения являются современные формы 2 л. ед. ч., 1 и 2 л. мн. ч. наст.-буд. вр. глаголов *дам* и *ем* — *дашь*, *ешь*, *дади́м*, *еди́м*, *дади́те*, *еди́те*. Формы *дашь* и *ешь* восходят к старым формам 2 л. ед. ч. повелительного наклонения *дажь*, *ѣжь*. Об этом свидетельствует сохранение конечного звонкого согласного (*ž*) в тех говорах, где нет оглушения конечных согласных, и, в частности, в украинском языке (ср. укр. *їж*). Новая форма 2 л. ед. ч. глагола *ѣсти* отмечена в виде *ѣши* в Псалтыри XIV в. (*-ши* под влиянием обычного для этого времени церковнославянского окончания, в говоре писца, вероятно, в результате оглушения конечных согласных, на конце звучало *-š*). Форма *ешь* в современном языке употребляется как для настоящего времени, так и для повелительного наклонения, для повелительного же наклонения к глаголу *дам* употребляется *дай* (от глагола несовершенного вида того же корня *даю*, настоящее время которого образовывалось по III классу).

§ 251. Воздействием между формами одного и того же лица, но разных чисел объясняются некоторые факты в истории повелительного наклонения. Так, формы 2 л. мн. ч. *е́шьте*, *да́йте*, *неси́те* объясняются воздействием со стороны единственного числа: форма 2 л. ед. ч. целиком входит в состав формы множественного числа (добавляется только окончание 2 л. мн. ч. *-те*). Такое влияние, может быть, объясняется тем, что внешне подобные отношения издавна наблюдались для глаголов IV класса (ср. *носи́* — *носи́те*).

§ 252. Специально для форм настоящего времени имеют значение изменения 2 л. ед. ч. и особенно 3 л. ед. и мн. ч.

2 л. ед. ч. в древнерусском языке характеризовалось окончанием *-ši*. Некоторые ученые, например акад. А. И. Соболевский, полагали, что древнерусскому языку свойственно было окончание *-šь*, написание же *-ши*, обычное для древнерусских памятников, объясняется старославянским влиянием[72]. Действительно, окончание *-šь* ближе к формам других индоевропейских языков, чем старославянское *-ši* (ср. др.-инд. *bhárasi* «ты берешь, несешь»), так же, как и окончание 3-го лица *-tь* (сравнительно со старославянским *-tъ*). Но трудно предполагать, чтобы

---

[72] См.: А. И. Соболевский. Лекции.., стр. 159.

написание *-ши* так последовательно было проведено в наших памятниках исключительно под старославянским влиянием. Древнейшие же примеры написания *-шь* представлены лишь в памятниках XII—XIII вв., и то крайне редки. Наиболее ранние: *тружаешь* (Ев. XII в., Киевск. церк.-археол. муз.), *прѣтъкнешь* (Ев. XII—XIII вв., Румянц. муз. № 104), *посоулишь* (Смол. гр. 1229 г.). Скорее всего, современное окончание 2 л. ед. ч. является результатом имевшей место еще в древнерусском языке редукции до нуля конечного безударного *-i* (см. выше, «Фонетика», § 113).

§ 253. 3 л. ед. и мн. ч. настоящего времени в древнерусском языке характеризовалось окончанием *-ть* (при старославянском *-тъ*), строго соответствующим общеиндоевропейскому **-ti*; ср. ст.-сл. *беретъ*, *бержтъ*, др.-русск. *береть*, *бероуть*, др.-инд. *bhárati*, *bháranti* (старославянское окончание представляет собой новообразование, сложившееся, по-видимому, на почве некоторых южнославянских наречий; различные гипотезы относительно его происхождения см. в курсе старославянского языка). Форма с *-ъ* на конце регулярно употребляется древнейшими русскими памятниками, даже списанными со старославянских оригиналов. Ср. *г҃еть* (Остр. ев., л. 6) = *глаголеть*, *ѥсть* (там же, л. 6 об.), *съказаѥть* (там же), *не мо/жеть* (там же, л. 7 об.), *не/прикасѧть* бо *сѧ* (там же, л. 30) «так как не прикасаются».

В результате вторичного смягчения согласных $t > t'$ перед ь, и после падения редуцированных на конце формы 3 л. ед. и мн. ч. наст. вр. сохраняется *-t'* мягкое (формы имперфекта в живом языке рано теряются). Оно до сих пор распространено в южновеликорусском наречии, в части средневеликорусских говоров, в украинском и белорусском языках (только в последнем, как и любое мягкое *t'*, изменилось в переднеязычную аффрикату *c'*, ср. белор. *ляжыць* «лежит»), за исключениеи тех случаев, когда форма 3-го лица вообще не имеет конечного *-t*, о чем ниже. Специально в 3 л. мн. ч. глаголов I спряжения сохраняется *-t'* в некоторых говорах олонецкой группы северновеликорусского наречия. Ср., например, *оны́ иду́т'*.

В северной части русских говоров *t'* в рассматриваемом окончании сменяется *t* твердым. Эта смена отражается в северных русских памятниках, не затронутых церковнославянским влиянием, посредством написания ъ вместо прежнего ь, начиная с XIII в. Ср. *оучинитъ*, *придетъ*, *оубьютъ* (Новг. гр. 1257—1263 гг.), *гоститъ* (Новг. гр. 1266—1277 гг.), *дѣлитъ* (Русская Правда 1282 г.). Написание *-тъ* (вместо старого *-ть*) наблюдается в московских грамотах XIV в., в частности в грамотах Дмитрия Донского, ср. *будетъ* (Перемирн. гр. с Ольгердом 1371 г.), *иметъ*, *целуютъ* (Гр. 1375 г.), в двинских грамотах XV в. — *иметъ*, *дадутъ* (№ 5), *восхотѧтъ* (№ 9), *стоитъ*, *преступитъ* (№ 12), *даетъ*, *заложитъ* (№ 54), *будетъ* (№ 103).

В настоящее время *-t* твердое в 3-м лице настоящего и простого будущего времени характерно для северновеликорусского наречия (в том числе, за указанным выше исключением, и для олонецких говоров), для части средневеликорусских говоров (в том числе и московского) и является нормой русского литературного языка. Мягкий согласный на конце сохранился здесь, однако, в форме *есть* (фонетически *jes't'*) — 3 л. ед. ч. вспомогательного глагола и глагола существования (ср. «У меня *есть* книги»), в говорах обычно *jes'* вследствие утраты конечного *t* после *s*; в литературном языке также *суть* (фонетически *sut'*) — 3 л. мн. ч. того же глагола (иногда употребляется в научных сочинениях). Сохранение мягкого согласного объясняется тем, что этот глагол в настоящем времени утратил остальные личные формы (кроме 3-го лица), вследствие чего потерял связь с остальными глаголами.

§ 254. Наряду с формами с окончанием *-tь* уже в древнейших русских памятниках представлены формы 3-го лица настоящего времени без окончания, например: *напише* «напишет» (Остр. ев., запись), *соу* «суть» — *соу* ли ти чада, *соу* ли ти дъщери (Св. изб. 1076 г.), в Ярославском списке Пандектов Никона Черногорца XII—XIII вв. — *не може* (л. 17 об.), *подобаѥ* (л. 39 и др.), *изъобилоуѥ* (л. 118 об.), *боуде* (л. 145), *може* (л. 197), *живе* (л. 200 об.), *полоучаѥ* (л. 174), противьна *соу* (л. 87 об.), в новгородских грамотах, в том числе и в берестяных — *поиде*, *переиде*, *поидоу* «пойдут» (Шахм. № 12, 1314 г.), *почне* (№ 13), *еде*, *везе* (берест. № 10), *иде*, *не буде* (№ 18), *буде*, *хоце* (№ 19), *приде* (№ 43), *поведе* (№ 53), (челомъ) *бѣѥ* (№ 97), в двинских грамотах XV в. — *буде* (Шахм., № 5, 12, 36, 54), *изоиде* (№ 15), *почне* (№ 90), *поснѣ* «почнет» (№ 6), *поруши* (№ 86, 88). Формы без *-t* встречаются в Новгородской Синодальной летописи — *поидоу* (л. 140), в Лаврентьевской — *иде*, *преступаѥ*, *створи*, — в Переяславской летописи — *начне*.

3 л. ед. ч. вспомогательного глагола является в форме *е* (т. е. отсутствует не только *-tь*, но и конечный согласный основы *s*), например, *е* (Яросл. сп. Панд. Ник. Черног., л. 118), ср. *ѥ ли* «есть ли» в Лаврентьевской летописи.

Формы без *-t* распространены и в части современных говоров, но по-разному представлены в различных категориях глагольных форм.

Наибольшее количество категорий с отсутствием *-t* в окончании представлено в северо-западной части переходных говоров (преимущественно район Пскова), где формы без *-t* и в 3 л. мн. ч. I спряжения (они *идý* «идут») [73].

§ 255. В отношении как времени, так и причин возникнове

[73] О распространении различных форм 3-го лица в современных говорах см. подробнее в курсе диалектологии.

ния форм с твердым *-t* и форм без *-t* существуют различные гипотезы.

По мнению А. М. Селищева, часть форм без *-t* (именно формы единственного числа I спряжения) была свойственна еще праславянскому языку[74]. За наличие формы без *-t*, параллельных формам с *-tь*, в глубокой древности (без указания на то, каким категориям они были свойственны) высказывается и С. П. Обнорский[75]. Напротив, Т. П. Ломтев отстаивает позднее происхождение форм без *-t*[76]. Основанием для этого является постоянное наличие *t* (или результатов его фонетического изменения) в возвратных формах глаголов в тех говорах, которым вообще известны формы без *-t* (ср. белор. *нясé* «он несет», но нясéцца «несется»). Агглютинация возвратного местоимения с глагольной формой произошла сравнительно поздно (см. § 246), а *t* в то время еще было на конце глагольной формы 3-го лица; утрата *-t* в невозвратных формах произошла позднее, процесс этот был длительным и по говорам не закончен и до последнего времени.

Наиболее вероятным является отсутствие *t* в части форм 3-го лица (именно, скорее всего, в единственном числе I спряжения) еще на праславянской почве в результате происходившего еще в праславянском языке взаимодействия первичных и вторичных окончаний[77]. О таком взаимодействии свидетельствует раннее (праславянское) совпадение первичных и вторичных окончаний во всех лицах двойственного числа и в 1 и 2 л. мн. ч. На почве древнерусского языка (как, впрочем, частью и других славянских) это взаимодействие идет еще дальше, о чем свидетельствует проникновение окончания *-tь* (т. е. первичного окончания) в имперфект, где первоначально были вторичные окончания. Наиболее ранние древнерусские примеры форм без *-tь* в настоящем времени относятся к единственному числу I спряжения. Эти формы почти исключительно представлены и в новгородских берестяных грамотах.

---

[74] См. рец. А. М. Селищева на работу Н. Дурново «Очерк истории русского языка» (ИОРЯС, т. XXII, 1926, стр. 328—329); менее определенно о времени происхождения этих форм он высказывается позднее в своем курсе старославянского языка (А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. II. М., 1952, стр. 155—156), но эта книга вышла из печати уже после смерти автора и не была им окончательно отредактирована именно во II части.

[75] См.: С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 133.

[76] См. рец. Т. П. Ломтева на книгу С. П. Обнорского «Очерки по морфологии русского глагола» (РЯШ, 1954, № 5); рец. на книгу П. С. Кузнецова «Историческая грамматика русского языка. Морфология» (ВЯ, 1954, № 5).

[77] См.: F. Liewehr. Slawische Sprachwissenschaft in Einzeldarstellungen. Wien, 1955, стр. 46.

В дальнейшем, в результате действия аналогии, в одних говорах получили более широкое распространение формы без *-t*, проникшие и в такие категории, где их первоначально не было, в других, напротив, формы с *-t* вытеснили совершенно (или почти совершенно) формы без *-t*. Результатом действия аналогии являются и возвратные формы типа белорусского *нясе́цца* наряду с *нясе́*: в единственном числе глаголов II спряжения, издавна оканчивавшихся на *-tь*, а затем на *-t'*, после агглютинации возвратного местоимения образовались формы типа *сади́цца* (< *садить* + *ся*). Долгое *ц* (*с*) было осознано как начало показателя возвратной формы, в результате чего при невозвратной форме типа *нясе́* явилась возвратная форма типа *нясе́цца*.

От утраты *-t* в результате действия аналогии следует отличать наблюдающееся в некоторых (именно—северных) говорах фонетическое ослабление конечного *t*, становящегося слабо напряженным, имплозивным (т. е. образующимся без взрыва) и вследствие этого почти неслышным. Такое *-t* в формах 3-го лица глагола отмечает А. М. Селищев для говоров Котельничского уезда Вятской губернии — ныне Кировской области, — где говорят *спӣ*, *говорӣ* вместо «спит», «говорит»[78]. Такое ослабление конечного *-t* после гласного наблюдается в некоторых северных говорах не только в глагольных формах.

Смену *-t'* (< *-tь*) *-t* твердым, осуществившуюся, несомненно, уже после падения редуцированных, одни ученые объясняют фонетически, другие — морфологически. Как одно из проявлений общей тенденции отвердения конечных согласных объяснял появление *-t* твердого в окончании 3-го лица А. А. Шахматов[79]. Фонетически, по его мнению, должен был отвердеть любой мягкий конечный согласный (отступления от этого объясняются аналогией). Это отвердение, характерное именно для северных говоров, представляет собой проявление более общей тенденции ослабления согласных в определенных положениях, в частности в конце слова перед паузой, вследствие их сравнительно слабой напряженности.

Морфологические объяснения (но различные) предложили П. Я. Черных и С. П. Обнорский. По мнению П. Я. Черных, *-t* твердое установилось в окончании 3-го лица вместо *-t'* мягкого в результате стремления говорящих различать формы 3 л. ед. ч. и формы инфинитива, где также установилось *-t'* в результате редукции до нуля конечного *-i* (ср. *krasit'* < *krasiti*)[80]. По мнению С. П. Обнорского, *-t* твердое является по происхожде-

[78] См. ИОРЯС, XXXII, стр. 329.

[79] См.: А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода. . ., стр. 320—321.

[80] См.: П. Я. Черных. Очерки по истории и диалектологии северновеликорусского наречия. I Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, как памятник северновеликорусской речи XVII столетия, Иркутск, 1927, стр. 61—62.

нию указательным местоимением (древнее *тъ*), игравшим и в глагольных формах роль определенного члена (артикля) и примыкавшим первоначально к формам без *-t* (о них см. выше). Таким образом, формы с *-t* являлись первоначально определенными, а параллельные им формы без *-t* — неопределенными[81]. Возможность дополнительного воздействия указательного местоимения принимал и А. А. Шахматов, на первый план выдвигавший объяснение фонетическое.

Из морфологических объяснений, очевидно, неудовлетворительным является объяснение П. Я. Черных. Непонятно, почему *t* твердое в 3-м лице для отличия этой формы от формы инфинитива явилось в северных говорах, где инфинитив сохранял конечное *-t'i* и, следовательно, отличался от формы 3-го лица дольше, чем в южных, где такой смены окончаний 3-го лица не произошло. Кроме того, омонимическое совпадение различных по значению форм редко само по себе является источником изменений.

Воздействие указательного местоимения *тъ* на образование форм с твердым *-t* возможно, поскольку в древнерусском языке (как и в старославянском) это местоимение часто употреблялось как подлежащее, и от него зависела личная форма глагола. Если это предположение верно, твердое *-t* раньше должно было охватить формы единственного числа и лишь затем проникнуть во множественное. Возможно, о более позднем проникновении *-t* во множественное число свидетельствует сохранение в некоторых олонецких (северных) говорах мягкого *-t'* в окончании 3 л. мн. ч. глаголов I спряжения, т. е. именно в такой форме, где наиболее прочно сохраняется *t* (как уже сказано выше, отсутствие *-t* в 3 л. мн. ч. глаголов I спряжения характерно для немногих говоров). Но предположение С. П. Обнорского о первоначальном присоединении *t* твердого к формам без *t* и о первоначальном разграничении по значению форм с *-t* и без *-t* как определенных и неопределенных является спорным. Территория распространения *-t* твердого в окончании 3-го лица в северновеликорусских и переходных говорах, как известно из курса диалектологии, значительно шире территории распространения форм без *-t* (хотя бы в каких-нибудь категориях), примеры же, приводимые С. П. Обнорским для доказательства разграничения форм по значению, недостаточно убедительны вследствие их малочисленности. Возможно, что в ряде случаев не присоединялось *-t* твердое к формам без *-t*, а просто формы с *-t* твердым, возникавшие под воздействием указательного местоимения, функционировавшего как подлежащее, вытесняли старые формы с *-t'* мягким.

[81] См.: С. П. Обнорский. Образование глагольных форм 3 лица настоящего времени в русском языке. ИОЛЯ, 1941, кн. 3; его же. Очерки по морфологии русского глагола, стр. 133—134.

Возможно, что формы с *-t* твердым сложились в результате действия двух подкрепляющих друг друга факторов: фонетической тенденции к отвердению конечных согласных как одного из частных случаев редукции согласных, ставших конечными в результате падения редуцированных гласных (см. выше, § 72), и морфологической смены окончаний глагола под влиянием указательного местоимения — подлежащего.

История форм инфинитива и супина

§ 256. Форма инфинитива, оканчивавшаяся в древнерусском языке на *-ti* или *-či* (< **-kti*), в значительной части говоров, а также и в московском, легшем в основу литературного языка, сохранила конечное *-i* лишь в том случае, если на него падало ударение (ср. *нести́*). Конечное же безударное *-i* подверглось в большей части говоров редукции до нуля (см. «Фонетика», § 113), в результате чего явились формы типа *брать*, *вали́ть* (фонетически *brat'*, *val'it'* < *bъrati*, *valiti*). Впрочем, формы с *-ти* на конце инфинитива часты еще в московских памятниках XVII в., может быть, в силу традиции. Некоторые северные говоры сохраняют *-ti* и в безударном положении, например *ходи́ти* и т. п. Сохраняется это *-ti* также в украинском языке (ср. *ходити*, *писати*). В большей части северных говоров сохраняется безударное *-ti* после *s*, например *попа́сти*, *упа́сти*.

В южновеликорусских и части средневеликорусских говоров конечное *-i* утрачивается и в случае исконно ударного окончания, ср. *принесть*, *привесть*, *рость*. Такому ослаблению *-i*, конечно, должен был предшествовать перенос ударения на предыдущий слог.

§ 257. Супин, близкий и по форме и по употреблению к инфинитиву, рано начинает смешиваться с последним. Случаи такого смешения, состоящие в употреблении инфинитива там, где следовало употребить супин, имеются уже в Остромировом евангелии, например: *посъла призъвати* вместо *посъла призъватъ*. Дольше сохраняется супин на севере, ср.: на wзвадо *ехати* звѣри *гонитъ* (Новг. гр. 1264—1265 гг.) «Ехать на Озвадо (место), чтобы гонять зверей». Но и там супин держится в основном лишь до XIV в. Впрочем, некоторые говоры сохраняют следы супина и теперь, ср.: *иду́ пахат*. Но вопрос о том, насколько эта форма, восходящая как будто к старой форме супина, отлична по своему употреблению от инфинитива, требует еще изучения.

История форм действительных причастий и возникновение деепричастий

§ 258. Именные действительные причастия как настоящего, так и прошедшего времени уже в древнейших памятниках обнаруживают колебания в падежных формах, свидетельствующие о начавшемся процессе утраты ими склонения. Различия рода и числа в целом держатся прочнее, но рано обнаруживаются колебания также в формах рода и числа. Ср.: *помоливъши* сѧ епископъ (Рост. Житие Нифонта 1219 г.) — им. п. ед. ч. жен. р. вместо им. п. ед. ч. муж. р.; жены кланѧютьсѧ тако *молвѧ* (Новг. Кормчая 1282 г.) — им. п. ед. ч. муж. р. вместо им. п. мн. ч. жен. р. Эти факты говорят о том, что старые именные действительные причастия вообще теряют формы словоизменения и превращаются в неизменяемую форму — деепричастие. Такое превращение основано на том, что эти причастия перестают употребляться в качестве определений при второстепенных членах предложения и, закрепляясь в качестве предикативного члена при сказуемом (см. подробнее «Синтаксис», § 276), теряют непосредственную связь с подлежащим и перестают согласовываться с ним.

Современные формы деепричастий и восходят к различным формам старых именных действительных причастий. Деепричастия несовершенного вида на *-а* после мягкого согласного или шипящего (типа *сúдя*, *глядя*, *беря́*, *лёжа*) восходят к старой форме им. п. ед. ч. муж. р. наст. вр. Формы на *-а* после твердого согласного типа *неса*, *ида* (об их происхождении см. выше, § 232), в результате обратного воздействия причастий с мягким согласным перед *-а*, нефонетически сменили твердый согласный на мягкий, вследствие чего форма и получила современный облик — *неся́*, *идя́*.

Редко употребляются в современном языке формы на *-учи* после мягкого согласного или шипящего — *сúдючи*, *глядючи*, *двúжучи* (они в большей степени характерны для фольклора, в литературном же языке используются в целях стилизации). По происхождению они являются формами им. п. ед. ч. жен. р.

Деепричастия совершенного вида оканчиваются в современном русском языке на *-в*,*-(в)ши*, например: *написáв*, *прочитáв*, *написáвши*, *прочитáвши* (в настоящее время к последней форме употребляется также параллельная форма *прочтя́*, образованная так, как образуются деепричастия несовершенного вида). По происхождению формы на *-в* являются старыми формами им. п. ед. ч. муж. и ср. р., а формы на *-вши* — им. п. ед. ч. жен. р. прош. вр. На *-ъ(ъ)* в им. п. ед. ч. муж. р. первоначально оканчивались лишь причастия от глаголов, основа инфинитива-аориста которых оканчивалась на гласный, за исключением *-i-* и *'-a-* < *ę*. Впрочем, для глаголов на *-i-* рано были обобщены формы на *-ъ-* типа

моливъ (формы типа *моль*, встречающиеся в наших памятниках даже в XV—XVI вв., носят явный церковно-книжный характер). Позднее формы на *-v-* были обобщены и для основ на *-a-* из старого носового гласного и явились формы типа *взяв*, *взя́вши*, *сняв*, *сня́вши* вместо старых *взем*, *вземши* (<*възмъ възьмъши*), *снем*, *сне́мши* (<*съньмъ*, *съньмъши*), встречающихся еще в поздних памятниках. По говорам широко распространены деепричастия, восходящие к форме им. п. ед. ч. жен. р., т. е. типа *ушо́тшы*, *уе́хатшы*, а также *ушо́тчи*, *уе́хатчи* (*č* < *š* под влиянием предшествующего взрывного согласного).

Из широко распространившихся в результате действия аналогии форм деепричастий следует указать на формы, оканчивающиеся на *-мшы* вместо ожидаемого *-фшы*, *-вшы* (<*-vъši*), например *пи́мшы*, *е́мшы*, *спа́мшы*, *разу́мшы* и т. д. Такие формы характерны для южновеликорусских говоров, а также для южной полосы северновеликорусских (например, владимирских). Возникли эти формы на основе переразложения форм типа *взёмшы* или *взя́мшы*.

История форм страдательных причастий

§ 259. Именные страдательные причастия, подобно именным прилагательным, повсеместно утратили изменение по падежам, но в большинстве говоров сохранили изменение по родам и числам. Как живая форма сохранилось лишь страдательное причастие прошедшего времени, большей частью совершенного вида, употребляющееся как сказуемое и согласующееся в роде и числе с подлежащим, например «дом построен», «задача решена», «письмо послано».

О распространении различных форм причастий и употреблении их по говорам см. подробнее в курсе диалектологии.

§ 260. Полные (местоименные) причастия, как действительные, так и страдательные, носят в современном языке большей частью книжный характер (если исключить употребляющиеся в качестве сказуемых страдательные причастия прошедшего времени в говорах, где вообще утрачены краткие, именные причастия). Для действительных причастий настоящего времени об этом свидетельствует и их форма.

В страдательных причастиях прошедшего времени, характеризовавшихся суффиксом *-n-*, на протяжении истории языка в полных формах, а частью и в кратких (именных) утвердилось в написании двойное *нн*, например *данный*, *написанный*. В памятниках XVI—XVII вв. (книжного характера) такие написания встречаются не только в полных, но и в кратких формах причастий. Ср. у А. Курбского в «Истории о великом князе Московском»: воинства...въ пресвѣтлые зброи *оболченнаго*; на помощь *утружденнымъ* онымъ воиномъ; мы...аще и

удружденны (вместо *утружденны*) во зброяхъ. Такие написания возникли под влиянием отглагольных прилагательных с суффиксом *-ьн-* после основы, оканчивающейся на *-н-* же, например *повелѣньныи* или субстантивированное *вьселеньная*. Двойное (долгое) *н* утвердилось затем и в произношении, что характерно и для современного литературного языка, но лишь в положении непосредственно после ударного гласного, поскольку долгие согласные не на стыке морфем, по нормам современного литературного произношения, выступают лишь в интервокальном положении непосредственно после ударения.

Изменения в глагольной основе

§ 261. Изменения, имевшие место в глагольной основе, состоят частью в устранении, частью в преобразовании наблюдающихся в ней чередований согласных (см. выше, § 132). Большая часть их затрагивает различные говоры, а не русский литературный язык.

НАРЕЧИЕ

§ 262. Наречие характеризуется отсутствием форм словоизменения и исторически представляет интерес лишь с точки зрения словообразовательной структуры. Круг наречий в древнерусском языке был очень ограничен, на протяжении же истории языка имело место образование слов этой категории от других частей речи, причем оно во многих случаях представляло собой постепенное слияние в одно слово, употреблявшееся синтаксически как обстоятельство, сочетания слов (т. е. имела место агглютинация, см. выше, § 128); во многих же случаях имело место просто использование в соответствующем синтаксическом значении одной из форм какого-нибудь слова, принадлежавшего к другой части речи.

С очень раннего времени в качестве наречия могла быть использована форма им. и вин. п. ед. ч. ср. р. именного прилагательного. Так, например, *бързо* могло обозначать (в зависимости от контекста) «быстрое» и «быстро». Этот способ является продуктивным и в настоящее время.

На протяжении истории языка стали наречиями формы, которые первоначально являлись каким-либо косвенным падежом существительного или субстантивированного прилагательного, чаще единственного, но иногда и множественного числа. Так, использован был тв. п. ед. ч. при образовании наречия *верхо́м* (от *вьрхъ*) — в данном случае форма тв. п. ед. ч. существительного и наречие дифференцировались в дальнейшем по ударению, ср. совр. наречие *верхо́м* и тв. п. ед. ч. существительного *ве́рхом*. Таким же образом получилось, вероятно, и наречие *пешко́м* (< **пѣшькъмь*). Существительное *пѣшьць* в значении «пешеход, пехотинец» употребляется в древнерусских памятниках, в частности в древнейших летописях. Суффикс *-ьс-* в существительных на протяжении истории языка в широком объеме сменяется на *-ьк-*. От слова с таким суффиксом легко могло быть образовано и *пешко́м*, также с ударением на конечном слоге. В украинском языке подобное же наречие образовано также в тв. п. ед. ч., но по склонению на *-а*: *пішкой*.

Дат. п. ед. ч. лег в основу образования др.-русск. *домовь*, *доловь* (из более раннего *домови*, *долови* к *домъ*, *долъ*; об утрате *-i* см. «Фонетика», § 113), например: и ѿпоусти и *домовь* всѧ (Новг. Синод. лет., л. 1 об.); ..а то целованье *долo* (Дог. гр. Дм. Донск. ок. 1375 г., сп. XV в., ДДГ № 9). Современные наречия *домóй*, *долóй*, сменившие более ранние *домóвь*, *долóвь*, могут объясняться, с одной стороны, фонетически (на почве представленного в говорах конечного *-i̯* < *w'*,*-ŭ̯*), с другой стороны, морфологически, влиянием тв. п. ед. ч. склонения на *-а*, который также может ложиться в основу наречных образований.

Представленное уже в древнейших памятниках (в Остромировом евангелии, Поучении Владимира Мономаха и др.) наречие *дома* (совр. *дóма*), по-видимому, образовалось еще на общеславянской почве и восходит к старому местн. п. ед. ч. слова *домъ*, оканчивавшемуся некогда на долгий дифтонг *-ōu̯*, представлявший конец основы (*u̯* после долгого гласного на конце слова в определенных условиях терялось еще до общеславянской монофтонгизации дифтонгов), а *ō* > *а*.

Тв. п. мн. ч. именного прилагательного с суффиксом *-ьsk-* был использован при образовании наречий типа *латиньскы*, *печенѣжьскы*; ср. в Лаврентьевской летописи: ...бѣ бо оумѣѭ *печенѣжьски* (л. 19 об.); в современном языке наречия такого значения обычно сочетаются с предлогом *по*: «говорить *по-французски*, *по-латински*, *по-печенежски*».

Из сочетаний косвенных падежей существительных с предлогами образовались наречия *на зади*, *съ зади*, *на задь*. Существительное *задь* (склонение с основой на *-ĭ*), легшее в основу этих образований, не засвидетельствовано, но того же корня *задъ* (склонение с основой на *-о*) представлено как в древнерусском языке, так и в современном. От него в древнерусском языке возможны были наречные образования, параллельные образованиям от **задь*. Ср.: въспрѧноувъшю томоу и *задъ* видѣ блаженааго, излазѧща вънъ из двьрии (Житие Феод. Печ.) — существительное; не часто озираисѧ *на задъ* (Св. изб. 1076 г.) — наречие; обратитисѧ *на задь* ї не обрѣсти сѧ оуправлену въ цр҃ьствѣ нбснѣмь (Ио. Леств. 1334 г., Тр. № 10); пристѫпльши *съ зади* (Остр. ев., Мф. IX. 20). От существительного *задь* возможна была и форма местн. п. ед. ч. без предлога в наречном употреблении, например: ищи *зади* (Остр. ев., л. 265). Наречия *позади́*, *сза́ди* сохранились и в современном языке. По говорам употребляется и *наза́дь* (с мягким согласным на конце), в литературном языке сохранилась лишь форма *наза́д* (с твердым конечным согласным). Наречие *опѧть* в значении «обратно» (ср. диалектно *обра́тно* в значении «опять, вновь») образовалось из сочетания предлога *о*(*б*) с несохра-

нившимся существительным с основой на *-ĭ* **nѧtь* (того же корня, что *nѧta* «задняя часть ноги»), ср.: слышавше же деревлѧне ꙗко wпѧть идеть (Лавр. лет., л. 14 об.). *За утра* образовалось из сочетания предлога *за* с род. п. ед. ч. *утро*. Это сочетание, с переносом ударения на предлог и ослаблением *и* в неслоговой звук, дало современное *за́втра*. У Пушкина, как архаизм, мы встречаем еще форму *зау́тра*:

Зау́тра казнь, но без боязни
Он мыслит об ужасной казни...

(«Полтава»)

Сочетание *на добѣ* (*доба* «польза», встречается еще в памятниках XVI в.) по говорам подверглось редукции, развивавшейся в разной степени и в различных направлениях, ср. современные диалектные (северные) формы *на́оп*, *на́п* (утрата *d* между гласными, редукция до нуля конечного гласного, оглушение ставшего конечным согласного и стяжение гласных), литер. *на́до*.

От сочетаний различных падежных форм ед. и мн. ч. субстантивированного именного прилагательного *бързъ* образовались наречные выражения *въ бързѣ*, *на бързѣ*, *въ бързѣхъ*, ср.: приди *в борзѣ*. о̄ць зоветь тѧ (Сказ. о Бор. и Гл., сп. XIV в.); ...*на борзѣ* въспрятавшеся на лодьи (Троицк. лет.;) аже боудеть рече *въ борзѣхъ* постричи и въ скымоу (Вопр. Кюриково XIII в.).

Согласованным сочетанием указательного местоимения *тъ* и именного порядкового числительного *пьрвъ* (в форме им.-вин. п. ед. ч. ср. р.) образовано наречие *топьрво*; ср.: и прослави ба̄ рекъ, *топерво* оувидѣхъ ба̄ истинѣнаго (Лавр. лет., л. 38 об.). В результате редукции конечного безударного слога (в связи с частым употреблением) в современных говорах это наречие является частью в виде *топе́рь*, *тапе́рь* (в акающих) или же (в результате ассимиляции гласного первого слога гласному второго) *тепе́рь* (эта форма и в литературном языке). Форма *теперво* (вместо *топерво*) засвидетельствована (в месте, соответствующем приведенному из Лаврентьевской летописи) в Радзивиловской и Академической летописи.

Ряд наречий пространственного и временного значения образован из сочетаний местоименных корней с частицами. Широко использована была частица *-de*, этимологически соответствующая греч. -θεν, ср. οὐρανόθεν «с неба», например *къде* > *где*, *сьдесь* > *здесь* (*е* нефонетически в части говоров сменилось на *ĕ* под влиянием форм местн. п. ед. ч. склонений на *-о* и на *-а*; *-gda* — *къгда*, *тъгда* (возможно, что *-gda* представляет нулевую ступень чередования гласного к *годъ*, *годити*).

Из сочетаний числительных с частицей *-шьды*, в основе которой, возможно, лежит причастие *шьд-*, образовались наречия типа *дъвашьды*, *тришьды*, откуда современные *дважды*, *трижды*, *четырежды* (также *однажды*). Эти образования, вероятно, старославянского происхождения, вследствие чего причастие и является в форме *шьды* (строго соответствующей этому в старославянском языке нет, если только здесь не представлен тв. п. мн. ч.). Именно поэтому, вероятно, в некоторых памятниках форма содержит на конце *-и*, а не *-ы*, ср. в Толковых пророках: *дъвашьди* (Чуд. № 184, л. 332 об.), *десѧтишьди* (там же, л. 403) — последняя форма в современном языке не употребляется.

ИЗМЕНЕНИЯ УДАРЕНИЯ В ОСНОВНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ

§ 263. На протяжении истории языка происходили определенные изменения места ударения в основных парадигмах склонения и спряжения. Эти изменения, поскольку ударение еще в дописьменные времена, частью даже на праславянской почве, было уже морфологизовано, носят морфологический характер и состоят преимущественно в выравнивании форм, в переходе от парадигм с подвижным ударением (когда разные формы одного слова характеризуются и различием места ударения) к парадигмам с постоянным ударением на окончании или на основе. Но иногда наблюдается, в связи с сохранением некоторых старых подвижных типов, и развитие, под их влиянием, новых подвижных типов в парадигмах, ранее характеризовавшихся постоянным ударением.

В склонении с основой на *-а* широко распространено подвижное ударение, причем в ед. ч. в вин. п. ударение на основе, а в остальных падежах — на окончании. Под влиянием этих последних ударение на окончании получает и вин. п., в результате чего являются такие формы, как *руку́*, *ногу́*, *сосну́*, *овцу́*, *семью́* и т. д. Такое ударение распространяется преимущественно в южновеликорусских говорах, а также в белорусском языке, тогда как северновеликорусские говоры сохраняют старое ударение. Некоторые из новых форм с ударным окончанием вин. п. проникают и в литературный русский язык, ср. *сосну́*. Подвижное ударение в склонении этого существительного представлено еще у Некрасова в поэме «Мороз—Красный нос». Ср.: Поднявшись на *со́сну* большую... Но: К *сосне́* подошла, постояла... Стоит под *сосно́й* чуть живая... В современном литературном языке *овцу́*, но сравнительно недавно было *о́вцу*. Такое ударение зафиксировано в грамматике А. Х. Востокова, ср. также у Крылова: Из стада серый волк в лес *о́вцу* уволок.

В существительных мужского рода, под влиянием таких отношений, как *стол* — род. п. *стола́*, дат. п. *столу́* и т. д., где ударение сплошь на окончании (за исключением тех форм, где последнее нулевое), такое ударение по южновеликорусским говорам, а также в белорусском языке проникает и в другие типы односложных существительных, и являются формы типа род. п. ед. ч. *волка́*, *мозга́* и т. д., дат. п. *волку́*, *мозгу́* и т. д. В данном случае тип постоянного ударения на основе сменяется постоянным же типом с ударением на окончании.

Под влиянием наличных подвижных типов может развиваться новая подвижность ударения в тех парадигмах, которые раньше ее не знали. В склонении на *-а*, в случае подвижного ударения в единственном числе, ударение на основе падало также в им. п. (и тождественном ему вин. п.) мн. ч., ср. *рука́*, вин. п. *ру́ку*, им. и вин. п. мн. ч. *ру́ки*; *голова́*, вин. п. *го́лову*, им. и вин. п. мн. ч. *го́ловы*. Под влиянием этого типа ударение на основе широко проникло в им. и вин. п. таких существительных на *-а*, которые в единственном числе характеризовались ударением сплошь на окончании, и являются формы им. п. мн. ч. типа *жёны*, *змеи́* (ср. вин. п. ед. ч. *жену́*, *змею́*). Ударение в им. п. мн. ч. *жены́* и у ряда других слов того же типа свидетельствуется нашими акцентуированными памятниками XVI—XVII вв. (Домостроем, Уложением 1649 г. и др.).

Меняется тип ударения и в некоторых глагольных парадигмах. В старом IV классе, в том подклассе, который характеризовался основой инфинитива-аориста с показателем *-i*, было издавна представлено с точки зрения ударения два типа — с постоянным и с подвижным ударением. Ср., с одной стороны, *гости́ть*, *гощу́*, *гости́шь* и т. д., с другой — *носи́ть*, *ношу́*, *но́сишь* и т. д. Под влиянием глаголов с подвижным ударением многие глаголы, имевшие некогда постоянное ударение на окончании, переходят в тип с подвижным ударением. Так, еще у Пушкина мы находим:

Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе *вари́шь*...

В современном же литературном языке глагол *вари́ть* принадлежит к глаголам с подвижным типом — *варю́*, *ва́ришь*. Формы с ударением на окончании сохранились в северных говорах. Глаголом с подвижным ударением является в современном литературном языке глагол *лови́ть*, ср.: *ловлю́*, *ло́вишь*. Некогда, вероятно, и этот глагол характеризовался ударением на окончании: ср. в Книге о ратном строении 1647 г. 3 л. мн. ч. *ловя́ть* (стр. 35).

В целом архаические типы ударения характеризуют северновеликорусские говоры, частью также украинский язык. Новые

типы в большей степени развиваются в южновеликорусских говорах и в белорусском языке. Московский говор, на основе которого сложился литературный, в древности, по-видимому, в большей степени примыкал к северу. Литературный русский язык эпохи его становления (XVIII — начало XIX в.) в отношении ударения, как и во многих других чертах, в большей степени сближался с севером. Но и в это время в него все в большей и большей степени проникают черты, идущие с юга.

СИНТАКСИС

ВВЕДЕНИЕ

Предмет исторического синтаксиса. Методы исторического исследования синтаксических явлений

§ 264. Предметом исторического синтаксиса русского языка является установление того, каким изменениям подвергались синтаксические нормы русского языка в течение ряда эпох его развития, начиная с первых памятников древнерусской письменности (XI в.). Таким образом, за исходное принимаются конструкции, засвидетельствованные этими древнейшими памятниками, причем одна из задач исторического синтаксиса — выяснить, что́ относится к прошлым, отживающим явлениям синтаксической системы, что́ — к новым, прогрессивным. Синтаксические изменения рассматриваются в тесной связи с изменениями морфологическими, учитываются (особенно в синтаксисе сложного предложения) лексические средства, их роль в строении синтаксической конструкции.

Главный источник для решения вопроса о синтаксической системе древнерусского языка, о происшедших в ней изменениях — памятники письменности, при этом различных жанров.

Памятники одного какого-либо жанра (например, деловой письменности) не дают полного и верного представления о синтаксической системе древнерусского литературного языка. Те или иные конструкции, как мы увидим в дальнейшем, могут быть не представлены или недостаточно широко представлены в определенном круге памятников, выбор той или иной конструкции из числа употребительных в языке параллельных синтаксических оборотов находится в зависимости и от жанра памятника.

Раскопки 1951 г. и дальнейших лет в г. Новгороде дали в руки языковедов новый ценный материал — берестяные грамоты, написанные «простыми людьми» и потому в бо́льшей

степени, чем другие памятники письменности, отражающие живую разговорную речь[1].

Историк русского языка не может не учитывать показаний этих документов, относящихся к большому периоду — XI—XV вв.

Исключительное значение для выяснения вопроса об особенностях той или иной синтаксической конструкции древнерусского языка (как в отношении формы, так и значения) имеет сравнение ее с конструкциями современного русского языка, в частности с теми, которые встречаются в местных говорах[2]. Такое сравнение относится к сравнению внутри синтаксической системы русского языка, поскольку факты русского (древнерусского) языка сопоставляются с фактами русского же языка, хотя и принадлежащими более позднему времени.

Исследователь синтаксиса русского языка, привлекая материал местных говоров (изучение синтаксиса говоров в настоящее время продвинулось благодаря монографии А. Б. Шапиро[3] и работам других ученых), учитывает, что сопоставляются синтаксические конструкции, с одной стороны, письменной речи (памятников древнерусского языка), с другой стороны, разговорной речи или фольклора.

Структура предложения (особенно осложненного и сложного) в разговорной речи имеет свои специфические особенности, вызванные тем, что в ней велико значение интонации. В разговорной речи особенно широко распространены неполные предложения, бессоюзные предложения. Интонация восполняет отсутствие того или иного члена предложения, позволяет чаще прибегать к конструкциям без внешних признаков соединения частей сложного предложения в одно целое — без союзов и относительных слов.

При сравнении тех или иных синтаксических явлений древнерусского языка со сходными явлениями в местных говорах приходится принимать во внимание, что эти сходные явления — не просто архаизмы, сохранившиеся без изменения от древнейших времен. И в местных говорах синтаксические конструкции проходили и проходят определенный путь развития; та или иная конструкция при, казалось бы, полном ее совпа-

---

[1] В. И. Борковским исследовано 317 грамот на бересте, примеры из которых приводятся в соответствующих главах.

[2] См. доклад В. И. Борковского на IV Международном съезде славистов в Москве «Использование диалектных данных в трудах по историческому синтаксису восточнославянских языков» (М., 1958). Доклад помещен также в кн.: Исследования по славянскому языкознанию, М., 1961. В дальнейшем ссылаемся на издание 1958 г.

[3] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М., 1953.

дении с конструкцией древнерусского языка может иметь оттенки значения, не свойственные последней.

Исторический синтаксис русского языка имеет другое содержание, чем сравнительный синтаксис славянских языков с его методами и задачами. Тем не менее и в историческом синтаксисе древнерусского языка в отдельных случаях является необходимым привлекать данные других славянских языков, в первую очередь восточнославянских. Иногда то или иное явление древнерусского синтаксиса, не сохранившись в современном русском языке, имеет место в современных украинском и белорусском языках или в одном из них. В этом случае без сравнения с данными языками вообще немыслимо обойтись.

Предварительные замечания о синтаксической системе древнерусского языка

§ 265. Наблюдения над синтаксисом памятников древнерусского языка позволяют говорить о медленных изменениях грамматического строя русского языка и в области синтаксиса, а не только морфологии.

Изменения синтаксического строя находятся при этом в тесной связи с процессами, происходившими в области морфологии.

Судьба двойственного числа, расширение случаев употребления местоименной формы прилагательных, а также причастия действительного залога, история прошедших времен, из числа которых сохранился лишь перфект, при этом без вспомогательного глагола, превращение возвратного местоимения *сѧ* в залоговую частицу глагола, образование новых наречий из склоняемых форм и новых союзов (в обоих случаях неразрывны морфология и лексика) и ряд других явлений отразились на структуре и простого и сложного предложения.

Имеются и такие изменения в синтаксисе, в которых не обнаруживается прямой зависимости от морфологии. Это в первую очередь относится к сложному предложению. В простом предложении тоже не всегда можно установить взаимосвязь морфологии и синтаксиса.

Так, многие изменения в управлении одной части речи другой (в частности, в глагольном управлении), в значении падежных форм (без предлога и с предлогом) происходили без заметного влияния морфологии.

Синтаксический строй русского языка в течение периода, засвидетельствованного памятниками письменности, развивался, совершенствовался, все в большей степени отвечая растущим потребностям общения, взаимопонимания. Не следует делать из этого вывод о резких различиях между синтаксическим строем современного русского языка и синтаксисом древнерусского

языка и тем более о неорганизованности, хаотичности этого последнего.

То, что кажется иногда неясным в структуре предложения современному читателю, было ясным и в полной мере выразительным для читателя прошлых времен.

Даже древнейший период русской истории — XI—XIII вв. был периодом, когда создавались замечательные памятники русской письменности, как переводные, так и оригинальные. В числе оригинальных памятников — летописи, повести, поучения, проповеди и другие произведения. Особо следует отметить исключительное по своим художественным достоинствам, по высокому патриотическому чувству произведение XII в. (сохранилось в списке XVI в.) — «Слово о полку Игореве».

Все эти сочинения находили своего читателя, умевшего оценить и содержание произведения, и его форму.

О широком распространении грамотности особенно убедительно говорят уже упоминавшиеся нами новгородские берестяные грамоты, язык которых изучался по мере того, как раскопки приносили все новые и новые письма на бересте[4].

Неудивительно, что и синтаксис древнерусского языка (как письменной, так и устной речи) имел уже сложившиеся определенные формы и мог сохранить свои своеобразные черты и в тех случаях, когда подвергался влиянию синтаксиса других языков (при переводах с других языков, при непосредственном языковом общении).

Язык, отличающийся богатством синтаксических конструкций (об этом богатстве, в частности, свидетельствует синтаксическая синонимия, широкая возможность употреблять один синтаксический оборот вместо другого в целях стилистических) и широкими возможностями дальнейшего усовершенствования синтаксической системы (а таким был древнерусский язык), не нуждался в заимствованиях синтаксических оборотов из другого языка.

Неудивительно, что к числу так называемых синтаксических заимствований в русском языке с появлением новых и новых работ по историческому синтаксису русского языка лингвисты относят все меньшее количество синтаксических оборотов.

---

[4] Языку новгородских грамот на бересте посвящен ряд работ В. И. Борковского. Отметим некоторые из них: раздел «Синтаксис» в коллективном труде «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот» (М., 1955); лингвистические разделы в книгах: А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963.

Мы не отрицаем возможности заимствования той или иной синтаксической конструкции, но считаем, что конструкции одного языка только тогда могут утвердиться окончательно в другом языке, когда они не находятся в противоречии со всей синтаксической системой этого последнего, и что эти единичные заимствования не говорят о проницаемости синтаксиса.

Таким образом, более заметным может оказаться влияние близкородственного языка, в частности книжнославянского языка, в употреблении тех или иных синтаксических конструкций в древнейших русских памятниках и в памятниках периода так называемого второго южнославянского влияния.

Изучение синтаксиса древнерусского языка позволит нашим читателям убедиться в том, что многое (и при этом главное) сохранилось в синтаксисе современного русского языка с древнейших времен, многие из старинных оборотов претерпели изменения как со стороны формы, так и выражаемых ими значений, ряд синтаксических конструкций исчез в литературном языке, сохранившись в говорах (не всегда), и что, наконец, возникли новые синтаксические обороты.

Вот почему одна из задач учебного пособия по историческому синтаксису русского языка — помочь более четкому представлению синтаксических явлений современного языка[5].

---

[5] Этой цели служат и статьи В. И. Борковского «Исторические справки по синтаксису русского языка» («Русский язык в школе», 1952, № 1; 1955, № 5).

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Подлежащее

§ 266. Способы выражения подлежащего в древнерусском языке ничем существенным не отличаются от способов выражения этого члена предложения в современном русском языке[1]. Подлежащее в древнерусском языке выражалось теми же частями речи, что и в современном русском, однако инфинитив в роли подлежащего в древнерусских памятниках нам не встретился[2], прилагательное и причастие (в субстантивном употреблении) находим в древнерусских памятниках редко (особенно последнее). Отметим лишь наиболее интересные случаи выражения подлежащего, не останавливаясь, в частности, на примерах с именительным падежом имени существительного, не требующих разъяснений, а также на случаях с формой звательного падежа имени существительного, поскольку присоединяемся к мнению, что «здесь лишь по форме звательные падежи, а по значению именительные, так как обращения здесь ни к кому нет»[3].

---

[1] См. статью В. И. Борковского «Исторические справки по синтаксису русского языка» («Русский язык в школе», 1952, № 1, стр. 15).

[2] Ср. вывод Е. С. Истриной о том, что в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи нет примеров того положения инфинитива, которое приравнивается в синтаксисе в той или иной степени к положению подлежащего («Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи», Пг., 1923, стр. 137). С. Д. Никифоров в исследовании «Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века» (М., 1952) отмечает, что «инфинитив-подлежащее на ступени некоторой субстантивации типа «*читать* (= чтение) лежа вредно» не встречен (стр. 220).

[3] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3. М., 1956, стр. 339. Здесь же на стр. 339—340 дан и разбор мнений различных ученых о причинах, вызвавших употребление звательного вместо именительного.

Из работ последнего времени, посвященных истории употребления звательной формы у существительных разных основ, отметим статью В. П. Ананьевой «Особенности употребления звательной формы и двойственного числа в „Казанском летописце“». «Ученые записки Москов-

Приведем только один пример с формой звательного падежа на месте именительного из новгородской берестяной грамоты рубежа XIV—XV в. или начала XV в. (№305), ценный тем, что в нем употреблен звательный падеж одушевленного предмета — не-лица (в памятниках письменности отмечена форма звательного падежа только у названий лиц)[4]: і сьі осподинь коню не ѣдь[5].

Этот пример можно сблизить со случаями употребления формы звательного падежа одушевленного предмета — нелица на месте формы именительного падежа в украинской и белорусской народной поэзии.

У А. А. Потебни дан пример из украинской поэзии: есть у мене три коні на стойлі: один *коню* як голуб сивенький, другий *коню* як ворон черненький[6].

Е. Ф. Карский приводит ряд примеров из песенной речи белорусов: Нехай *косю* (лошадка. — *В. Б.*) мой нагартýецца; На камяни ляжиць *вужу*; Скуль ўзяўся сівы *силязене*[7].

К отмеченным случаям и к приведенному выше примеру из новгородской берестяной грамоты, как мы полагаем, в наибольшей степени относится следующее высказывание Д. Н. Овсянико-Куликовского о причинах постановки формы звательного падежа на месте формы именительного: «Можно предположить, что одною из причин употребления звательного вместо именительного было первоначально желание или невольное стремление соединить с подлежащим выражение известного чувства, которое говорящий питал к данному лицу. Это, следовательно, не был „звательный обращения“, это был *имени-*

ского пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. CXXXII. Кафедра русского языка, вып. 8, 1958 (см. главу «Звательная форма» — стр. 156—165. Здесь же указана и литература предмета).

[4] См. А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907, стр. 191—192 (примеры преимущественно из новгородских и двинских памятников): въдале *Варламе* (Вкладная Варлаама Хутынскому монастырю после 1192 г.); *Юрьѥ* сѣде (Нов. Кормчая около 1282 г.); купи *Игнате* (Двинская купчая XV в. и др.); Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. Л., 1929, стр. 15 (примеры из Лаврентьевского и Радзивиловского списков летописей): wхъ тотъ мѧ *враже* погоуби (Лавр. и Радз. летописи и др.); его же. Из синтаксических наблюдений над языком Лаврентьевского списка летописи. Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. «Сборник ОРЯС», т. CI, № 3, 1928, стр. 39 (примеры из Лаврентьевского и Радзивиловского списков летописей и из Сборника Кирши Данилова): то вы *брате* не каза[л]. (Радз. лет.); согрешил *Адаме* во светлом раю (Сборник Кирши Данилова и др).

[5] В грамоте ь на месте *е*. Переводим; и этот, господин, конь не едет. Толкование текста грамоты (№ 305 по нумерации А. В. Арциховским) см. в статье В. И. Борковского «Заметка о трех берестяных грамотах». («Вопросы грамматики». Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. М.—Л., 1960, стр. 251—255).

[6] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 103.

[7] Е. Ф. Карский. Белорусы, стр. 339.

тельный с „окраскою“ чувством („окрашенный именительный“), для чего бралась лишь форма звательного»[8].

§ 267. Приведем встретившиеся нам в грамотах случаи с прилагательным (в субстантивном употреблении)[9]: а пожнѣ что твоѥ. и твоихъ мужь пошло. то твоѥ. и твоихъ моужь. а *новгородьскоѥ* новоугородоу (Нов. договорная гр. 1304—1305 гг. № 9; сходный случай еще в трех новгородских договорных грамотах: 1304—1305 гг. № 10, 1305—1308 гг. № 6 и 7); А *Володимерское* по рубежь, по тому, како то было при вашемъ Дѣдѣ при великомъ Князе при Иване Даниловиче (Ряз. договорная гр. 1381 г.).

Имя прилагательное *новгородьскоѥ* не согласуется не только в роде, но и в числе с именем существительным, названным в предшествующем предложении. Таким образом, в примере нельзя видеть пропуск имени существительного — подлежащего. Прилагательное, поставленное в среднем роде и как бы обобщающее весь круг явлений, само по себе является подлежащим (то же следует сказать и о прилагательном *Володимерьское*).

В отмеченных нами примерах прилагательные (в четырех новгородских грамотах одно и то же прилагательное *новъгородьскоѥ*) употреблены в стереотипной формулировке, выраженной неполным предложением с опущенным сказуемым *поидеть*.

С другими именами прилагательными нам встретилось только два примера: на кого помолвитъ, *виноватый* передъ правымъ поклонится, а взятое отъдастъ (Моск. договорная гр. 1368 г.); А судомъ вопчимъ не переводити; а кто иметъ переводити, *правый* у того возметъ, а то ему не въ измѣну (Ряз. договорная гр. 1381 г.).

Имеются примеры употребления прилагательных в роли подлежащего в Лаврентьевской летописи (по данным Е. Ф. Карского)[10] и в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи

---

[8] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПб., 1912, стр. 182—183. Е. Ф. Карский, называя совокупность причин употребления формы зв. п. вместо формы им. п. подлежащего в белорусской песенной речи, приводит как возможную и причину, о которой говорит Д. Н. Овсянико-Куликовский. См. Е. Ф. Карский. Белорусы, стр. 339.

[9] Имеем в виду случаи, когда прилагательное в его местоименной форме субстантивируется только в данном синтаксическом употреблении и не указывает на определенный конкретный предмет. Таким образом, не учитываются имена существительные, являющиеся по происхождению и форме именами прилагательными: *дворьскыи*, *дѣтьскыи*, *посельскыи*, *сътьскыи*, *тысячьскыи*, *купьчая*, *рядьная*, *вѣсчее*, *гостиное*, *поплашьное*, *постоялое* и т. д.

[10] Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, стр. 14—16. В дальнейшем примеры из Лаврентьевской летописи приводятся также из этого исследования Е. Ф. Карского.

(по данным Е. С. Истриной)[11]: ту всѧ *бл҃гаѧ* сходѧтсѧ (Лавр. лет.); пакы *встхаѧ* мимо идоша. и се быша *новаѧ* (там же); аще вы *послѣднѧѧ* не люба. а переднѧѧ приимаите (там же); поставлѧютъ цр҃ѧ и кн҃зѧ *вышнии* (1 Нов. лет.); жалѧхоу по немь... *добрии* а *злии* радовахоусѧ (там же); всѧкъ бо *злыи* злѣ да погыбнеть (там же).

Е. Ф. Карским отмечены в Лаврентьевской летописи и случаи с причастием (в первом примере — действительного залога, во втором — страдательного): не даша ему ту блїзь *живущии*; *псслании* ѿ Игорѧ... Еще пример из Лаврентьевской летописи (из той ее части, которая содержит Поучение Владимира Мономаха) с причастием действительного залога настоящего времени: да не посмѣютсѧ *приходѧщии* к ва҃ и дому вашему ни обѣду вашему.

В приведенных примерах причастия в субстантивном употреблении имеют местоименную форму, что было характерно и для старославянского языка.

Так, в отношении причастий действительного залога Р. Вечерка на основании анализа большого материала приходит к выводу: «Субстантивации особенно часто в старославянском подвергались причастия в полной форме. Субстантивация именных форм встречается весьма редко»[12].

Широкая возможность выражения в современном русском языке подлежащего прилагательным и причастием — результат развития того грамматического явления, которое имело место в древнерусском языке, но было ограничено в употреблении.

§ 268. Особый большой интерес представляет употребление местоимения *онъ* в значении местоимения-существительного (раньше оно было указательным местоимением-прилагательным), указывающего на имя существительное, на месте которого оно стоит.

Факты древнерусской письменности свидетельствуют о том, что путь к современному употреблению местоимения *онъ* в роли подлежащего (стоит на месте имени существительного, которое пришлось бы повторить) был длительным. В древнерусских памятниках чаще опускается подлежащее — имя существительное, чем ставится вместо него местоимение *онъ*.

---

[11] Е. С. Истрина. Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синодальном списке I Новгородской летописи. ИОРЯС, т. XXIII, кн. 1 за 1918 г. Пг., 1919, стр. 27 (нумерация страниц здесь и ниже — отдельного оттиска). В дальнейшем примеры из названного списка 1-й Новгородской летописи приводятся также из этой работы Е. С. Истриной и из ее же исследования «Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи».

[12] Radoslav Večerka. Syntax aktivních participií v staroslověnštině, Praha, 1961, стр. 161.

Число случаев с местоимением *онъ*, являющимся подлежащим, значительно растет в XV—XVI вв.

Характерно, что не только в XIII, но еще и в XIV в. местоимение *онъ* указывает не на подлежащее предшествующего предложения (или подлежащее первой части сложного предложения), как в современном русском языке, а на более отдаленное подлежащее: поклонъ ѿ грикши къ ѯсифу. приславъ онаныи. мол... изъ кму ѿвѣчалъ не реклъ ми есифъ варити перевары ни на кого і *ѡн(ъ)* прислалъ къ федосьі (Нов. берест. гр. XIV в. № 3).

В XV—XVI вв. устанавливается употребление, которое характерно для современного русского языка, а именно: *онъ* указывает на подлежащее предшествующего предложения: А нонача Ругодивские Немцы били намъ челомъ, что *они* посылаютъ из Ругодива за море своихъ четыре ка(ра)бли с своими товары (Моск. гр. 1565 г.): а будетъ виноватъ волостной человѣкъ, и *онъ* поѣдетъ къ намѣстнику (Ниж. жалованная гр. между 1410—1417 г.); А ваше милости слуга здесь былъ, и *онъ* слышалъ и видѣлъ (Полоцк. гр. 1465 г.).

Простое сказуемое

§ 269. Простое сказуемое, выраженное личными формами глагола, в памятниках древнерусской письменности преобладает над составным сказуемым. Так, в грамотах, исследованных нами в работе «Синтаксис древнерусских грамот. Простое предложение» (Львов, 1949), случаев с первым (глагол стоит в настоящем, прошедшем и будущем времени, в сослагательном наклонении, в повелительном наклонении) — 3111 (88,9%), со вторым — 390 (11,1%).

Тем не менее нет необходимости специально останавливаться на простом сказуемом, поскольку личные формы глагола рассмотрены выше в главе, посвященной глаголу[13].

Для синтаксиса представляют особый интерес некоторые изменения, происшедшие в глагольных формах,

Все личные формы содержали указание на лицо и одновременно на число, и, таким образом, в древнерусском языке имело место согласование с подлежащим в зависимости от того, какое лицо и число оно обозначало.

---

[13] О простом сказуемом в грамотах см. главу «Простое сказуемое» в работе В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)», стр. 142—188. Здесь приведены и случаи употребления одного времени на месте другого, а также прослежена судьба некоторых форм в современных русских говорах. О простом сказуемом в берестяных грамотах см. названные работы В. И. Борковского об этих грамотах.

Следует при этом заметить, что в аористе и имперфекте, а также в том давнопрошедшем, в состав которого входил имперфект или аорист вспомогательного глагола, в повелительном и сослагательном наклонении 2-е и 3-е лицо единственного числа имели одну форму.

В имперфекте в 3-м лице единственного числа могло стоять *-ть*, что позволяло отличить 3-е лицо от 2-го по одной форме глагола.

Что касается двойственного числа глагола в древнерусском языке, то в нем формы 2-го и 3-го лица вообще не различались.

Потеря вспомогательного глагола перфектом и давнопрошедшим, имевшим в своем составе перфект вспомогательного глагола (вспомогательный глагол *ксмь* и причастие на *-лъ* вспомогательного глагола), лишила эти времена указания на лицо.

Наличие причастия на *-лъ* в перфекте, давнопрошедшем, будущем (с причастием на *-лъ*) — так называемом преждебудущем времени — и сослагательном наклонении создавало возможность согласования этих форм по родам во всех числах (в дальнейшем только в единственном числе).

Следует отметить, что в древнерусских памятниках, как правило, вспомогательный глагол в 3-м лице перфекта отсутствует, при этом не только при названном подлежащем (названное подлежащее отчетливо указывает на 3-е лицо), но и при о п у щ е н н о м подлежащем (в неполном предложении). Отсутствует вспомогательный глагол и в примерах, где действующее лицо является н е о п р е д е л е н н ы м (в неопределенно-личных предложениях), а также в безличных предложениях, где не было необходимости в обозначении действующего лица.

В то же время вспомогательный глагол в 1-м и 2-м лице сохраняется в течение длительного времени (и после того, как изменилось значение перфекта и причастие на *-лъ* стало глаголом)[14]. Такая устойчивость вызывалась необходимостью указать на лицо, поскольку для древнерусских памятников было характерно отсутствие при глаголе-сказуемом, стоящем в 1-м и 2-м лице, личных местоимений (см. об этом ниже, где мы

---

[14] И в XV в. (а возможно, и в XVI в.) нормой является употребление перфекта со вспомогательным глаголом, хотя и значительно выросло число случаев без него. См. замечание А. А. Потебни, что формы с *есмь* употребляются до XVII в. включительно, с *еси* — до XVII—XVIII вв. («Из записок по русской грамматике», т. I—II, стр. 243), А. И. Соболевского — что еще в грамотах XVI—XVII вв. встречаются нередко формы 1-го и 2-го лица со связкой («Лекции по истории русского языка», стр. 242).

говорим об определенно-личном предложении). Вытеснение вспомогательного глагола было вызвано как изменением значения перфекта (см. раздел «Морфология»), так и употреблением личных местоимений 1-го и 2-го лица, сначала в случаях логического на них ударения, а затем во всех случаях, когда речь ведется от 1-го лица или обращена ко 2-му лицу. Употребление местоимения в случаях с логическим на нем ударением не вызывало обязательного опущения вспомогательного глагола, поскольку указание на 1-е или 2-е лицо не являлось основной функцией личного местоимения. Только тогда, когда все чаще начинают употребляться местоимения 1-го и 2-го лица и без логического на них ударения при формах всех времен — настоящего, прошедшего и будущего времени (а не только при перфекте), создалась твердая основа для полного устранения вспомогательного глагола и перфект потерял способность указывать на лицо. Сходная картина и с употреблением русской формы давнопрошедшего (с *былъ ѥсмь*), стоящей в одном ряду с формой перфекта, но возникшей позже него, поскольку в ее состав входит перфект [15].

Заканчивая наши замечания о простом сказуемом, отметим, что выяснение того, какое наклонение и время глагола употребляется в предложении, важно при определении основных признаков структуры сложного предложения.

Некоторые случаи согласования сказуемого с подлежащим

§ 270. Одним из интересных случаев согласования сказуемого с подлежащим является согласование со словами с собирательным значением, т. е. со словами, указывающими, по определению А. А. Потебни, на «сплошное множество, понятое как единица или как множество» [16].

В древнерусских памятниках встречаются собирательные слова: 1) имена существительные женского рода на *-а*, *-ия*: *господа*, *сторожа*, *дроужина*, *зѧтия*, *шюрия*, названия народов — *корела*, *латина*, *литва* и др.; 2) имена существительные среднего рода на *-иѥ*: *веприѥ*, *деревиѥ*, *звѣриѥ*, *камениѥ*, *коустовиѥ*, *лоубиѥ* и др.[17]

---

[15] На это в свое время указал Ф. И. Буслаев («Историческая грамматика русского языка», М., 1959, стр. 363), а затем А. А. Потебня («Из записок по русской грамматике», т. I—II, стр. 264).

[16] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, Харьков, 1899, стр. 28.

[17] Так как вторая группа обозначает неодушевленные предметы или одушевленные предметы — не-лица, на ней мы не останавливаемся, поскольку сказуемое согласуется с этими словами по форме — в единственном числе.

Со значением собирательности выступают также следующие слова, обозначающие (большинство из них — будучи употреблено с переносным значением) совокупность людей: *лавра* (в значении 'монахи данного монастыря'), *земля* (в значении 'жители', 'население'), *роусь* (название народа), *Новъгородъ* (в значении 'жители Новгородской земли'), *языкъ* (в значении 'народ'), *полонъ* (в значении 'пленники'), *чел҃дь*, *чернь* и др.

Обычной для древнерусских памятников являлась постановка сказуемого при собирательных словах, если они обозначали одушевленные предметы — лица, во множественном числе. В этом нельзя не видеть отражения древнейших норм языка.

При словах с собирательным значением, тоже обозначавших людей (*Новъгородъ*, *земля* и т. д.), находим то множественное число, то единственное (первое — чаще).

Автор древнерусских произведений, употребляя множественное число в указанных двух случаях, не вступал в противоречие с известными ему нормами книжного церковнославянского языка. Как известно, и в старославянском языке сказуемое могло здесь стоять во множественном числе [18].

Чтобы не возвращаться к вопросу о согласовании собирательных слов в дальнейшем, отметим, что согласующееся определение при собирательных словах употребляется, как правило, в единственном числе.

Такое противоречие в согласовании с собирательными словами, с одной стороны, глагола-сказуемого (мн. число), с другой стороны, прилагательного, а также местоимения и причастия-определения (ед. число) объясняется противоречием, которое заключается в собирательных словах.

Собирательные слова — по форме слова, имеющие единственное число. Вполне понятно поэтому, что прилагательное (и другие части речи, являющиеся в предложении согласующимся определением), как имеющее бо́льшую формальную близость к собирательным словам, чем глагол, ставится чаще в единственном числе.

Приведем примеры со сказуемым во множественном числе при собирательных словах, а также при словах, употребленных с собирательным значением: а ѿ тое зимы коли *корѣла* за моромъ двинѧнъ *грабили* (Двин. закладная гр. XV в. № 15); А *пойдутъ* на насъ *Литва* (Моск. договорная гр. 1368 г.); Оже *имоуть сѧ* бити *Роусь* въ Ризѣ и на Готьскомь берѣзѣ мечи

---

[18] См., в частности: Л. В. Матвеева-Исаева. Лекции по старославянскому языку. Л., 1958, стр. 177—178 (примеры со словами *братия*, *народъ*, *грабъ*); T. Lehr-Spławiński, Cz. Bartula. Zarys gramatyki języka staro-cerkiewno-słowiańskiego na tle porównawczym. Wydanie czwarte uzupełnione. Wrocław—Kraków, 1959, стр. 107 (последнему автору принадлежит раздел «Синтаксис»). Примеры со словами *каменье* и *народъ*).

или соуличами... (Смол. договорная гр. около 1230 г.); а того товара. весь *новгоро. велѣлѣ*[19] юрью. и ѥкиму ѿступитисѧ (Нов. гр.-наказ послам 1372 г. № 13; в той же грамоте при наличии еще двух случаев с мн. числом при слове *новъгородъ* есть пример с ед. числом: а того.товара. весь. *новъ. горо. велѣлъ.* юрью и ѥкиму. ѿступитсѧ); *поедуть дружина* савина чадь (Нов. берест. гр. XII—XIII вв. № 69); нъ ѿдадѧть ю за моужь *браⷮ* како си *могоуть* (Русская Правда по списку 1282 г.)[20]; аже *братьꙗ ростѧжють сѧ* передъ кнѧземъ (там же); *ходиша корела* на ѥмь (1 Нов. лет.); и *чернь не хотѣша* дати числа (там же); *идоша всѧ браⷮ*... и *побѣдиша* (там же); *ходиша всѧ роуска земля* (там же)[21]; аще *придуть Русь* бес купли да *не взимають* мѣсячна (Договор 945 г., в составе Лавр. лет.)[22]; *приходиша Русь* (Лавр. лет.)[23]; *рѣша старѣишина* фараѡнѧ (там же); *рекоша дружина* Игореви (там же); *принесоша браⷮꙗ* (там же); *браⷮꙗ же проводиша* и (там же); ѡже тѧ *привели* старѣишаꙗ *дружина* (там же); *дружина* ѡполонишасѧ (там же); а *мордва вбѣгоша* в лѣсы (там же); а кианъ тогда много *побиша литва* (Ипат. лет.); *приѣхаша* ростовьская *земля* (Сказание о Борисе и Глебе по списку XII в.); *братиꙗ събираютьсѧ* (Житие Феод. Печерск. XII в.)[24]; вси *братиꙗ поклонишасѧ* (там же); и *бишасѧ дружина* моꙗ с нимь. .п. днӣи (Поучение Владимира Мономаха)[25]; Не ваю ли храбрая *дружина рыкаютъ* акы тури (Слово о полку Игореве).

---

[19] Конечное *ѣ* на месте *и*. См.: А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. «Исследования по русскому языку», Изд. ОРЯС, т. I, СПб., 1885—1895, стр. 194.

[20] С. П. Обнорский. Русская Правда как памятник русского литературного языка. «Известия АН СССР», Отделение общественных наук, № 10, VII серия, 1934, стр. 766.

[21] См. еще ряд примеров из Синодального списка I Новгородской летописи в труде Е. С. Истриной «Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи», стр. 68—70.

[22] С. П. Обнорский. Язык договоров русских с греками. «Язык и мышление», VI—VII, 1936, стр. 90.

[23] См. еще ряд примеров из Лаврентьевской летописи в исследованиях: Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, стр. 5—7; В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку. «Труды (Известия) Комиссии по русскому языку», т. I, 1931, стр. 79—80.

[24] А. М. Лукьяненко. О языке Несторова жития преподобного Феодосия Печерского по древнейшему из дошедших списков. «Русский филологический вестник», т. LVIII, 1907, стр. 69.

[25] Примеры из Сочинений Владимира Мономаха и Слова о полку Игореве, а в дальнейшем также из Русской Правды (в краткой редакции) и Моления Даниила Заточника приводим из работы С. П. Обнорского «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (М.—Л., 1946).

В тех случаях, когда собирательное слово является обращением, сказуемое предложения, в состав которого включено обращение, ставится во множественном числе: какъ се *гдо* мною *попецалуєте* и моими дѣтми (Нов. берест. гр. второй половины XIV в. № 49); *промышлѧите бра҃тиа* (Лавр. лет.); а по моемъ животѣ ѿдаи҃т(е) *братьиа* моꙗ ѡчи҃ну мою ѿдаи҃те земли і пожни. стѣ҃му николи і вѣки (Двин. вкладная гр. XV в. № 11); И суд(ь)я спросилъ старца Ермолы, да Юрьки да Луки: *скажите, брате* (братиѥ. — *В. Б.*), в Божью правду, как то мѣсто зовутъ, гдѣ стоимъ? (Яросл. правая докладная гр. между 1495—1497 г.); идеже криво *братиѥ* исправивъше *чьтѣте* (Св. изб. 1076 г.).

Множество, заключающееся в собирательных словах, привело и к тому, что в предложениях, связанных с тем, где употреблено собирательное слово, сказуемое ставится во множественном числе (при подлежащем во мн. числе *сами*[26], указывающем на собирательное слово): Таже правда боуди *Роуси* в Ризѣ, на Готьскомь березѣ, ать *правѧтсѧ сами* по своему соудоу (списки D и E Риж. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.). Для постановки сказуемого во множественном числе не было необходимости и в подлежащем *сами*. Так, в сходном примере со словом *гость*, употребленным с собирательным значением, при сказуемом нет этого местоимения: а что сѧ оучинить ис котлингъ. до новагорода. или из новагорода до котлингъ. немецкъму *гости*, ѡже бес посла *поидоуть*. то новоугородоу тѧжѧ не надобе (Нов. договорная гр. между 1257—1259 г.).

Имеются в памятниках и случаи с единственным числом (при словах с собирательным значением, весьма редко — при собирательных словах): а бориса костѧнтиновица *кърмилъ новгородъ*. корѣлою (Нов. договорная гр. 1304—1305 гг. № 11); а *исплатить новъгородъ*. то серебро. двѣнадча҃ тысѧчи... (Нов. договорная гр. 1314 г. № 12); а ныне сѧ *дроужина*: по мѧ *пороучила*: (Нов. берест. гр. XII в. № 109); моужи мои і *бра҃тиа* моꙗ і ваша *побита* (1 Нов. лет.)[27]; и *обрадовасѧ* вьсь *Новъгородъ*

---

[26] *Самъ* в роли подлежащего в древнерусских памятниках употребляется во второй части сложного предложения, что отмечено Л. А. Коробчинской («Местоимение *самъ* в древнерусском языке». — «Доповіді та повідомлення Львівського ун-ту», вып. 6, ч. 1, 1955, стр. 145—146).

[27] Этот пример отмечен Е. С. Истриной как единичный со сказуемым в ед. числе при слове *братиа* («Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи», стр. 69). В составном сказуемом именная форма причастия страдательного залога. Возможно, это обстоятельство — наличие в сказуемом слова, близкого по форме к подлежащему, — сыграло роль в употреблении ед. числа. Показателен в этом отношении пример из Лаврентьевской летописи, приведенный Е. Ф. Карским («Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи», стр. 5): аще кнѧже *бра҃тиа* наша *исѣчена суть*. В этом примере вспомогательный глагол во мн. числе, именная часть — в ед. числе.

(там же); сильно бо *възмѧласѧ* всѧ *земля* роускаѧ (там же); *приде* Половечскаѧ *земля* всѧ (Лавр. лет.); и *дружина* ихъ всѧ *изъимана* и всѣ велможи ихъ (там же)[28].

Определение во множественном числе при собирательных словах встречается крайне редко.

Так, в исследованных нами 536 грамотах (в том числе 317 на бересте) не встретилось ни одного случая с определением во множественном числе, кроме следующего, в котором множественное число определения объясняется употреблением слова *новгородци*, способствовавшего восприятию слова *братиѧ* как обозначающего раздельное множество: что *нашы браѧ новогородци*. покупили земли ростовъские и белозерьские. или даро поимали... (Нов. договорная гр. 1471 г. № 20; эта фраза написана дважды — на обороте первого листа и на лицевой стороне второго листа).

Приведем примеры из других памятников: *чюдь же* побегоша *сами* вонъ (1 Нов. лет.); привезоша *братию* свою *избьеныхъ* (там же); *оумножившимсѧ братьи* в печере (Лавр. лет.); *кнѧзь* нашь и *братьѧ наши* погыбли (там же); *дружинѣ же не ведущи* кго (там же).

Отметив случаи с определением во множественном числе из 1-й Новгородской летописи, Е. С. Истрина справедливо указывает на обстоятельства, способствовавшие постановке множественного числа: в первом примере определение не примыкает непосредственно к определяемому слову (мы добавили бы: и потому приобретает известную степень самостоятельности), во втором примере прилагательное может быть понято как приложение, как прилагательное с субстантивированным значением[29].

Согласование по смыслу, не сохранившись в литературном русском языке, продолжало жить в местных говорах, причем стало употребляться и при именах существительных, обозначающих одушевленные предметы — не-лица и даже неодушевленные предметы.

Случаев согласования сказуемого во множественном числе значительно больше, чем случаев согласования во множественном числе определения. Причины, очевидно, те же, о которых

---

[28] Колебание в согласовании сказуемого с подлежащим — словом с собирательным значением — наблюдается и в памятниках более позднего времени. См., в частности, статью З. Д. Поповой «Формы и согласование сказуемого с подлежащим в произведении житийной литературы XVII века» («Ученые записки Курского пед. ин-та», вып. IX, 1959, стр. 144).

[29] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 143—144.

мы говорили выше, когда выясняли вопрос о согласовании с собирательными словами сказуемого и определения в памятниках письменности.

Приведем примеры из ответов на программы Академии наук[30] и работ отдельных диалектологов. Сказуемое стоит во множественном числе: У как запазгали сучьё (Кировская обл.); Ови́ньё горят (Горьковская обл.); Вараньё палятели (Воронежская обл.); Маи братьё прие́хыли (Калужская обл.); Кочатьё дерутца (Костромская обл.); Комарьё набьютца (Московская обл.); Братьё были, сыновьё жывут, косьё лежат (Олонецкая обл.).

В одном из отмеченных выше примеров (из Калужской обл.) имеется и согласование определения во множественном числе.

Определение употреблено во множественном числе и в следующих примерах: Все бабьё, одне кольё (Архангельская обл.); Еловые жердьё (Ленинградская обл.); Кульё эти (Олонецкая обл.).

А. М. Селищев говорит[31], что в различных местах Сибири употребляется: *набегут борзые кобельё*. Здесь и сказуемое и определение стоят во множественном числе.

Большинство примеров, приведенных выше, записано в дореволюционное время, но некоторые зарегистрированы после Великой Октябрьской социалистической революции.

К числу последних относятся: из Воронежской области (записан Н. П. Гринковой), Костромской области (записан С. А. Ереминым), Ленинградской области (наша запись).

Широко распространено в современных крестьянских говорах согласование сказуемого во множественном числе со словами, имеющими собирательное значение и обозначающими совокупность людей: *народ*, *деревня*, *село* (в смысле «жители деревни, села»), *родня*, *семейство*, *семья*, *бригада* и т. д.[32]

Исследователь синтаксиса русских народных говоров А. Б. Шапиро пришел к выводу, что как в северновеликорусских, так и в южновеликорусских говорах в подавляющем большинстве случаев сказуемое при словах, обозначающих совокупность единичных однородных предметов, ставится во множественном числе, если подлежащее обозначает совокупность предметов

---

[30] Имеем в виду материал по программам 1896 г. и 1900 г., так как Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка, разработанная Институтом русского языка Академии наук СССР и изданная впервые в 1946 г., не содержит вопроса о согласовании сказуемого и определения с собирательными словами.

[31] А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, вып. 1. Иркутск, 921, стр. 83.

[32] Ряд примеров из произведений устной поэзии и из речи действующих лиц литературных произведений приведен А. А. Шахматовым («Синтаксис русского языка», изд. 2. Л., 1941, стр. 257).

одушевленных, если же обозначает совокупность предметов неодушевленных, то в единственном числе[33].

Согласование сказуемого во множественном числе со словами, имеющими собирательное значение и обозначающими людей, отмечено отдельными диалектологами и в украинских, и в белорусских народных говорах (и в первых и в особенности во вторых[34] такое согласование встречается редко).

Со словами *народ*, *молодежь* и другими в русских народных говорах определение тоже может стоять во множественном числе. Так, С. А. Копорским приводится пример, записанный в 1936 г. в Калининской области: Все народ пошли на город[35].

Такие случаи в современных русских говорах крайне редки (в дореволюционных записях они отмечены в Архангельской, Вологодской, Московской, Олонецкой области и др.).

§ 271. Широко распространено в древнерусских памятниках согласование сказуемого (обычно при его препозиции) с первым подлежащим в тех случаях, когда подлежащие соединены союзами *и* и *да* (в значении *и*). Если ближайшее подлежащее стоит в единственном числе, то и сказуемое принимает форму единственного числа: и что *взялъ федоръ юрьеви*[ч] и елферии жидьслаличь оу т(алщ)иковъ. и оу машка з дѣтми... (Нов. договорная гр. 1314 г. № 12); гну.юрию *челомъ бѣкъ ортьмка* и дѣица (Нов. челобитная берест. гр. XV в. № 97); а *далъ игуменъ василеи* и вси череньци (Двин. купчая гр. XV в. № 2); а на wводѣ земли *былъ васильи филимоновичь* да иванъ ѳедорови да степанъ wмосовичь (там же, № 104); а *далъ иванъ игуменъ* и староста на томъ полуселѣ (там же, № 42); *поиде кнзь Мьстиславъ* и Володимиръ ис Кыкова къ Галицю (1 Нов. лет.); О, великъ страхъ и *тьма бы* (там же); *плакасѧ* по неи *снъ* еѧ и внуци еѧ. и людье вси (Лавр. лет.).

Интерес представляет «формула, определяющая (при отсутствии межи) пределы владения по фактическому использованию лугов, покосов, пашенных земель и леса»[36] (Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. 2. М., 1956, стр. 620): куда топор и коса и *соха ходила* (Купчая с отводом Иосифо-Волоколамского

---

[33] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 179. Здесь же на стр. 179 и 180 многочисленные примеры из разных местностей.

[34] См. замечание Е. Ф. Карского: «В современной речи подобные обороты довольно редки: хай нас волость *разбярути* (Ром. IV, 107 Гомельск.)» («Белорусы», стр. 370).

[35] С. А. Копорский. Архаические говоры Осташковского района Калининской области. «Ученые записки Калининского ин-та», т. X, вып. 3, 1945 (на обложке — 1946), стр. 53.

[36] На эту формулу обратил внимание Ф. И. Буслаев, который привел и ряд примеров с различными ее вариантами («Историческая грамматика русского языка», стр. 447).

монастыря старцев Гурия и Варлаама 1479—1494 гг. «Акты...», № 6. См. также акты № 7, 12, 13, 32, 41, 43 и др.); куды ис тех деревень соха и коса и *топор ходил* (Купчая с отводом Иосифо-Волоколамского монастыря старцев Варлаама, Гурия и Каллиста 1479—1504 гг. «Акты...», № 10. См. также акты № 19, 31, 36, 37, 44 и др.); куды *ходил топор* и коса и соха по старине (Данная Якова Иванова 1510 г. «Акты...», № 27. См. также акты № 65, 74, 83 и др.); куда *ходила соха* и коса и топор (Меновная с отводом волоцкого князя Федора Борисовича около 1511 г. июля. «Акты...», № 49. См. также акты № 59, 60, 61 и др.).

Отмеченное согласование наблюдаем и тогда, когда при одном из подлежащих, имеющем форму единственного числа, стоит творительный социативный (творительный падеж общности, совместности) с предлогом *съ*: а соудъ кнже wдалъ *дмитрии*. съ новгородци. бежичѧномъ. и wбонижаномъ Нов. договорная гр. 1265 или 1264 г. № 1); а городець кнже *далъ дмитрии* съ новгородци. иванкоу (Нов. договорная гр. 1265 или 1264 г. № 2); а комоу волости *роздалъ дмитрии* съ новгородци и александръ братъ твои тѣхъ волостии. тобе без вины не лишати (Нов. договорная гр. 1270 или 1269 г. № 3); в томь вечере *перевозисѧ Ꙗрославъ* съ вои (1 Нов. лет.).

Наряду с согласованием сказуемого с ближайшим подлежащим в древнерусских памятниках находим употребление сказуемого во множественном числе, а при двух подлежащих, каждое из которых имеет форму единственного числа, — в двойственном числе (в памятниках, сохранивших формы двойственного числа) или во множественном числе (в памятниках, утративших двойственное число).

Согласование сказуемого с ближайшим подлежащим (при этом не только в случаях с препозицией сказуемого, но и в случаях с постпозицией сказуемого) было живым явлением языка. Мы находим его и в памятнике более позднего времени (XVI в.) — в Домострое: А всему тому *была мѣра* и счетъ; Такоже убытокъ и *вражда не будетъ*[37].

---

[37] М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI века. Изд. ЛГУ, 1957, стр. 42. Во втором примере сказуемое находится в постпозиции к подлежащим и согласовано с ближайшим к нему. Сходные случаи находим у писателей XVIII—первой половины XIX в. (см.: В. Истомин. Главнейшие особенности языка и слога произведений князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. 1708—1744 гг. «Русский филологический вестник», т. XXXIV, 1895. Пед. отдел, стр. 29): Где тишина и *покой царствует* желанный (Кантемир. Сатира IV); Пустыня, лес и *воздух воет* (Ломоносов. Ода I); Твое счастье и мое *утешение погибло* (Карамзин. История Государства Российского).

Постановке сказуемого в ед. числе в первом примере способствовало наличие определения к слову *покой*, стоящего после глагола-сказуемого.

Отметим, что согласование глагола только со словом, стоящим в именительном падеже (в сочетании — им. падеж и тв. падеж с предлогом *съ*), позволяло оттенить ведущую роль первого члена сочетания.

Колебание в согласовании сказуемого с несколькими подлежащими не было устранено вплоть до нашего времени ни в диалектной речи, ни в литературном языке.

Составное сказуемое

§ 272. Рассматривая составное сказуемое, мы должны учитывать не только то, какая часть речи является предикативным именем, но, в случаях со связкой — вспомогательным глаголом в форме настоящего времени (или без этой связки), обязаны также принимать во внимание, какой частью речи выражено подлежащее. Чем менее конкретно подлежащее, тем более оснований для употребления связки. Вполне понятно поэтому, что в определенно-личных бесподлежащных предложениях (о них см. ниже) всегда находим связку. Исследуя вопрос о предикативном падеже (именительном и творительном), о форме прилагательного (именной или местоименной), следует выяснить степень знаменательности глагола, входящего в составное сказуемое.

В древнерусских памятниках мы встречаем как случаи со связкой (вспомогательным глаголом) в форме настоящего времени при именной части, так и случаи без связки.

Заметим, что связка при именной части, выраженной прилагательным и причастием, встречается крайне редко.

Наличие связки в 1-м и 2-м лице нельзя принимать во внимание в качестве доказательства широкого употребления связки в древнерусском языке, поскольку еще в XV—XVI вв. нормой было определенно-личное предложение, т. е. предложение без личных местоимений 1-го и 2-го лица в роли подлежащего. Включение личного местоимения в состав предложения (уже в памятниках XIII в.) не сразу привело к устранению вспомогательного глагола, указывающего на лицо.

Необходимо учитывать в отношении *кєсть* и *соуть*, что нормальными, типичными для древнерусского языка были предложения без *кєсть* и *соуть* даже и тогда, когда они имели конкретное значение (менее распространены были предложения с *кєсть* и *соуть*), что *кєсть* и *ссуть* в формах перфекта употреблялись лишь в исключительных случаях.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что в древнерусском языке нормой являлось составное сказуемое без связки *кєсть* и *соуть*, а употребление форм 1-го и 2-го лица вспомогательного глагола диктовалось необходимостью указать на лицо.

§ 273. Приведем примеры с составным сказуемым, в которое входит имя существительное (или субстантивированное прилагательное) в именительном падеже.

В составе сказуемого связка отсутствует: А кто мнѣ *ратныи*, с тимъ ся самъ вѣдаю (Нов. пропускная гр. 1266—1272 гг.); яз, господине, тому мѣсту *не старожилец* (Яросл. правая докладная гр. между 1495—1497 г.); А съ Русскихъ князей, кто Князю Великому Дмитрию *другъ* и Князю Володимеру, то и Князю Великому Олгу *другъ*; а кто *недругъ* Князю Великому Дмитрию и Князю Володимеру, а то и Князю Великому Олгу *недругъ*, итти нань съ одиного (Ряз. договорная гр. 1381 г.); а *звѣрь* (Нов. берест. гр. начала XIII в. № 199); што кси wдода деревеньку климцу wпарину а мы кго не хътимо *не сустѣдней человѣко* (Нов. берест. гр. первой половины XV в. № 311)[38]; изъ вашъ *црь* (1 Нов. лет.); изъ вамъ *не кнзь* (там же); лѣность бо всему *мти* (Поучение Владимира Мономаха); а кованыѥ кго. *злото и серебро и камѣныѥ и жьнчюгъ въ р. гривнъ* (Надпись 1161 г.).

Случаи со связкой: а вынесуть тобѣ изъ орды кнженик великок. намъ кси *кнзь великыи* (Нов. договорная гр. 1371 г. № 8); Пискупъ Ризкии, мастьръ Бжхъ дворанъ, и вси земледѣржци, ти дають Двиноу свободну, ѿ вьрхоу и до низоу въ мъре, и по въдѣ и по бѣрегу, всему Латинескому языку и Руси, кто *правыи кѫпьчь* кстъ (Готл. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); надо всею землею ѿступи. што *есть лотыгольскаѧ землѧ* (Полоцк. договорная гр. 1264 г.); И вы бы, пановѣ, говорили князю мештерю, штобъ велѣлъ нашихъ людеи отпускати по миру и цѣлованью, занюже Божьею милостью *есмо одины люди*. (Полоцк. гр. второй половины XV в.); азъ ксмь *црь* (1 Нов. лет.); ты ми кси *снъ*, а изъ тъбе оць (там же)[39]; крестъ *есть глава* церкви (Моление Даниила Заточника); весна оубо кстъ *краснаѧ вѣра Хва* (Слово Кирилла Туровского XII в.).

В примерах со связкой в ряде случаев связка употреблена при подлежащих-местоимениях *къто*, *чьто*, следовательно при словах, которые не являются достаточно определенными (в примере из Смол. гр. 1229 г., кроме того, мы имеем перевод с немецкого[40], а в примере из Полоцк. гр. 1264 г. *есть* употреблено с конкретным значением *называется, существует под именем*).

---

[38] Подлежащее (*климець wпаринъ*) опущено.

[39] Во второй части предложения при именной части сказуемого *оць* связка отсутствует.

[40] См. замечания о статье 34-й из Смоленской грамоты 1229 г. (Готландская редакция) в работе: В. И. Борковский. Смоленская грамота 1229 г. — русский памятник. «Ученые записки Ярославского пед. ин-та, вып. 1. Гуманитарные науки», 1944, стр. 40—41.

В то же время связка могла отсутствовать даже при неназванном подлежащем (см. выше пример из Нов. берест. гр. со сказуемым *не сусѣдней человѣко*), где ее наличие, казалось бы, особенно необходимо. Это тоже служит подтверждением, что в древнерусских памятниках, тем более в поздних (грамота относится к первой половине XV в.), употребление связки в составном сказуемом не было нормой, несмотря на то, что находило поддержку в памятниках старославянской письменности [41].

Заметим, что в новгородских берестяных грамотах, в наибольшей степени из всех памятников письменности отражающих разговорную речь, случаев со связкой *кстъ* и *соуть* в составном сказуемом (как при существительном, так и при прилагательном и причастии) не встретилось.

В составном сказуемом, в которое входит связка будущего или прошедшего времени, предикативное имя в древнерусских памятниках ставилось в именительном, а не в творительном падеже, как это обычно имеет место в современном русском языке.

О. В. Патокова отмечает, что только в сочинении Котошихина, относящемся к середине XVII в., творительный при *был* чаще, чем именительный, но с формой будущего встречается исключительно именительный [42].

Исследованные нами грамоты свидетельствуют о том, что и в XIV и в XV вв. господствует употребление предикативного имени в именительном падеже [43].

Несколько другая картина в белорусских памятниках XV—XVI вв. Относительно творительного предикативного на месте второго именительного в памятниках этого периода Т. П. Ломтев пишет: «В русских памятниках он почти не употреблялся, в белорусских памятниках он употреблялся весьма широко при разных группах глаголов» [44]. Т. П. Ломтев объясняет это

[41] В старославянских памятниках имеются и случаи пропуска связки.

[42] О. В. Патокова. К истории развития творительного предикативного в русском литературном языке. «Slavia», roč. VIII, seš. 1, Praha, 1929, стр. 8.

[43] Ср. вывод А. С. Феоктистовой, изучившей историю составного сказуемого на материале новгородских памятников письменности, что до XVI в. творительный предикативный при незнаменательной связке употребляется редко («К истории составного сказуемого в древнерусском языке (на материале некоторых новгородских памятников письменности XI—XVI веков)». Автореферат канд. дисс. М., 1953, стр. 4).

[44] Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, М., 1956, стр. 114. Заслуживает быть отмеченным и вывод И. Ф. Нелюбовой, что в украинских грамотах XIV—XV вв. творительный предикативный имен существительных на месте именительного предикативного представлен шире, чем в русских грамотах того же времени («Конструкции с двойными падежами в украинских и русских грамотах XIV—XV вв.»—Тези доповідей IV Міжвузівської республіканської славістичної конференції 12—14 жовтня 1961 року. Одесса, 1961, стр. 39).

явление тем, что «литературно-книжные традиции киевского периода общего древнерусского литературного языка не поддерживалась с такою силой на белорусских землях в составе Великого княжества Литовского, с какой они поддерживались на русских землях в составе Московского государства[45].

Первый случай с творительным падежом (в этом падеже стояли чаще слова, называющие человека по его должности, сану) встретился нам при форме прошедшего времени в памятнике начала XIII в.—в Готландской редакции Смоленской торговой договорной грамоты 1229 г.: та два *была послъмь* оу Ризѣ.

Первый случай с творительным падежом при форме будущего времени отмечен Е. С. Истриной в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи, в той ее части, которая написана во второй половине XIII в.: да *не боудетъ* Новыи тьргъ *Новгородомъ*, ни Новгородъ *Тържькомъ*.

Однако в то время как в памятниках XIV в. мы наблюдаем ряд случаев с творительным падежом при форме прошедшего времени (см. ниже примеры из Лаврентьевской летописи 1377 г.), случай с творительным падежом при форме будущего времени (из 1-й Новгородской летописи) остается до XV в. единственным.

Только в двинских грамотах XV в. нам встретилось два случая с творительным падежом (см. примеры ниже).

То, что творительный падеж употреблен в грамотах, причем случаи с будущим временем — в застывшей юридической формулировке, позволяет нам предположить, что творительный предикативный имен существительных употреблялся в живом русском языке XIII в. шире, чем он получил отражение в языке памятников письменности, сохранивших старые нормы.

Значительный рост случаев с творительным предикативным мы находим лишь в памятниках XVII в. Следует, однако, отметить, что этот рост характерен для творительного падежа при форме прошедшего времени (ср. приведенное выше мнение О. В. Патоковой), а творительный предикативный при форме будущего времени становится обычным в памятниках более позднего времени (XVIII в.).

Употребление двух параллельных форм (с именительным падежом и с творительным падежом) дает возможность разграничивать значения. При употреблении в сказуемом именительного падежа признак приписывается предмету как ему свойственный, присущий, без указания на время возникновения признака, а при употреблении творительного падежа — как возникший и проявляющийся в течение определенного отрезка времени.

---

[45] Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 114.

Приведем, кроме отмеченных выше, несколько примеров с именительным и творительным падежом предикативного имени в древнейших памятниках.

Имя существительное в именительном падеже: 1) А приказываю тобѣ сыну своему Семену братью твою молодшую и княгиню свою съ меншими дѣтми, по Бозѣ ты имъ *будешь печалникъ* (Моск. духовная гр. 1328 г.); А кто *будеть* брату нашему старѣйшему *недругъ*, то и намъ (опущено *будеть*.— *В. Б.*) *недругъ*; а кто *будеть* брату нашему старѣйшему *другъ*, то и намъ (опущено *будеть*. — *В. Б.*) *другъ* (Моск. договорная гр. 1341 г.); се язъ Князь Великій Данило Борисовичь пожаловалъ есмь архимандрита Спасского и Благовѣщенского Малахіа съ братьею или кто по немъ иный *архимандритъ будетъ* (Ниж. жалованная гр. 1410—1417 гг.); Аже надобѣ ѥму болше помъчи, тоть наимоуи при послоусѣхъ; кто былъ тоу, то *боудѣте послухъ* (Готл. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); 2) а та пожня Крестьци, *вотчина была* князя Семена Романович(а), а яз, господине, от князя от Семена *заказчик был* десят лѣт (Яросл. правая докладная гр. между 1495—1497 г.); разболѣвъсѧ и *бы*͡ *мнихъ* (1 Нов. лет.); сь же Котѧнь *бѣ тьсть* Мьстиславоу Галицьскомоу (там же); они же не свѣдуще рекоша. ꙗко Кии *есть перевозникъ былъ* (Лавр. лет.); *бѣ* Каинъ *ратаи*. а Авель (опущено — бѣ. — *В. Б.*) *пастухъ* (там же); *бѣ* тѣло ѥго ꙗдь псо͡ и ворono͡ (там же).

Имя существительное в творительном падеже: 1) а блг͡влю игумена хто *буде игуменомъ* оу с҃тго николы. и старцовъ черенцовъ свою братью (Двин. духовная гр. XV в. № 12); а хто *буде игуменомъ* или *попомъ*. и вы творите памѧть. по дмитреи. по мр҃ьи (Двин. вкладная гр. XV в. № 54); 2) жена грекини бѣ и *бѧше была черницею* (Лавр. лет.); понеже *бѣ была* мт҃и ѥго *черницею* (там же); въ .а҃. ѕ лѣ͡ во ѳ же *бы*͡ ѥппомь (там же).

Заканчивая изложение вопроса о составном сказуемом, в котором предикативным именем является имя существительное, отметим употребление именительного падежа при знаменательных глаголах называния.

Такая постановка именительного падежа была нормой в древнерусских памятниках: верху того про ту пакость што сѧ в розмирьи створило. какъ имъ ѿ ѡбою сторону ѿступити што руськаѧ землѧ *словеть полсчькаѧ* (опущено *землѧ*. — *В. Б.*)[46]. ѿ тое земли местерю и бра͡и его ѿступ͡и с всею правдою (Полоцк. договорная гр. 1264 г.); што покле҃ни на рѣзне и што *словеть лотыгольскаѧ землѧ* ѿ того сѧ ѿступили с всею

[46] В примере можно и не видеть пропуска имени существительного *землѧ*. В таком случае в состав сказуемого входит лишь прилагательное. См. сходные примеры: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 168.

правдою местерь таѫже браѫ его ѿступили. што *слове* *Полочьскаѧ землѧ* со всею правдою (там же); а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и *нарекошасѧ Дреговичи* (Лавр. лет.); бѧху мужи мудри и смыслени (и) *нарицахусѧ Полѧне* (там же); на горѣ. еже сѧ ныне *зоветь Оугорьское* (там же); *прозвашасѧ морава* (Ипат. лет.)[47].

В этих примерах второй именительный падеж в составе сказуемого является падежом согласуемым и допускает замену творительным предикативным. Ср. в той же Лаврентьевской летописи 1377 г., из которой выше приведен ряд примеров: бѣша оу него Варѧзи и Словѣни и прочи *прозвашасѧ Русью* (в Троицком списке XIV—XV в. — *русь*).

Иногда представляется трудным разграничить второй именительный и именительный независимый, стоящий вне грамматической связи с другими словами, что отмечалось А. А. Потебней: «После глагола среднего или страдательного разница между таким независимым именительным названия и именительным, согласуемым в древнем языке, не может быть выражена иначе, как тоном живой речи и кавычками на письме: *нарекошася чеси* (именит. в сказуемом) и *нарекошася «чеси»* (именит. независимый). В новом русском на месте согласуемого имен. — творительный *(назвались чехами)*, а независимый над. остается: *назвались „чехи“...*»[48]

Бесспорными случаями именительного независимого названия являются те, где этот именительный относится не к подлежащему, а к управляемому глаголом действительного залога — сказуемым дополнению[49]: И суд(ь)я спросил Микитки Левонова сына: кому же то вѣдомо, что то *зоут Подища*? (Яросл. правая докладная гр. между 1495—1497 г.); а *называет*, господине, ту пожню *Подища*, а не *Крестьци* (там же); почему же ты то мѣсто *называеш Крестьци* (там же); то мѣсто *зовут Крестьци* (там же); а *зовут* то мѣсто *Крестьци* (там же); а *зовуть* ѥ *татары* (1 Нов. лет.); и сдѣлаша градъ и *нарекоша* и *Повъгородъ* (Лавр. лет.).

При знаменательных глаголах становления уже в древнейших памятниках находим употребление творительного предикативного. Е. С. Истрина приводит пример из 1-й Новгородской летописи (из той ее части, которая написана во второй

---

[47] Пример из Ипатьевской летописи взят из работы А. А. Никольского «О языке Ипатской летописи» («Русский филологический вестник», т. XLI, 1899, стр. 257).

[48] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 184.

[49] Ср. у А. А. Потебни, отмечающего, что со вторым именительным «не следует смешивать именительного имени или прозвища при глаголах действительных...» («Из записок по русской грамматике», т. I—II, стр. 183).

половине XIII в.): а самъ *цр҃мь ста* (три случая, все из повести о взятии Царьграда).

Однако и в более поздней летописи — Ипатьевской (XV в.) А. А. Потебня отмечает случай с именительным падежом: Онъ же нынѣ *ворогъ* ми *ся учинилъ*.

По наблюдениям Т. П. Ломтева, именительный предикативный при глаголах становления в памятниках XVII в. употреблялся реже, чем творительный предикативный [50].

В современном русском литературном языке при глаголах становления, за редкими исключениями, употребляется творительный падеж [51].

§ 274. Кроме имени существительного, в состав сказуемого могут входить, как и в современном русском языке, имя прилагательное, причастие, местоимение, имя числительное, а также и неизменяемая часть речи — наречие.

Наибольший интерес представляет употребление в составе сказуемого имени прилагательного и причастия, в связи с чем мы на этом вопросе остановимся более подробно, в отношении же других частей речи ограничимся несколькими примерами.

Имя прилагательное в составе сказуемого в древнерусских памятниках последовательно употребляется в именной форме и стоит в именительном падеже. Творительный предикативный встречаем с XVII в., когда в роли предикативного имени выступает не только именная, но и местоименная форма прилагательного.

Употреблению творительного падежа прилагательных способствовал рост случаев с творительным предикативным имен существительных (см. выше). За каждой из форм — именной и местоименной — закрепляется тот оттенок значения, который характеризует эти формы в современном русском языке в тех случаях, когда возможно параллельное употребление обеих форм: краткая форма в составном сказуемом обычно содержит указание на признак, являющийся для предмета основным, характерным и притом присущим ему в течение определенного отрезка времени (в прошлом, настоящем или будущем); полная

[50] Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 121. Е. Г. Лебедева установила, что в исследованных ею памятниках XVII в. количество случаев с творительным предикативным (при глаголе-связке и при полузнаменательных глаголах) меньше, чем с именительным предикативным, однако для деловых памятников характерно преобладание творительного предикативного над именительным предикативным («Синтаксические функции творительного падежа существительных в языке памятников XVII века». — «Ученые записки Саратовского пед. ин-та», вып. XVII. Кафедра русской и зарубежной литературы. Кафедра русского языка. 1955, стр. 357—358).

[51] Т. П. Ломтев. Указ. соч., стр. 122 (приводятся и два случая с именительным падежом). Академическая грамматика отмечает случаи с именительным падежом только в произведениях XIX в. (Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 423).

форма в составном сказуемом определяет предмет со стороны свойственного ему постоянного признака.

При имени прилагательном в составном сказуемом, как и при имени существительном, употреблялся вспомогательный глагол — связка.

В настоящем времени мы его находим в том случае, когда нужно указать на лицо — 1-е или 2-е, т. е. в определенно-личном предложении. В 3-м лице связка (*кєсть*, *соуть*), как правило, не употребляется. Случаи со связкой при имени прилагательном встречаются реже, чем при имени существительном.

Когда в составе сказуемого имя прилагательное, подлежащее и сказуемое оказываются выраженными разными частями речи (за исключением случаев с подлежащим — субстантивированным прилагательным), что редко наблюдается при употреблении в составе сказуемого имени существительного[52]. Между подлежащим и прилагательным в именной форме в роли сказуемого отчетливо сознавалась определенная предикативная связь и без помощи глагола-связки, так как именная форма употреблялась преимущественно в роли сказуемого (случаи с именной формой в функции определения были сравнительно редки), занимая свойственное сказуемому место — в постпозиции по отношению к подлежащему[53]. В грамотах на пергамене нам встретилось лишь три примера со связкой *кєсть* и *соуть* (два случая с *кєсть* и один — с *соуть*)[54], в грамотах на бересте — один случай (с *кєсть*)[55]; относительно Синодального списка 1-й Новгородской летописи Е. С. Истрина отмечает: «... связка наст. врем. обычно опускается, особенно при прилагательных формах в именной части[56].

В труде С. П. Обнорского «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» указывается, что в Поучении Владимира Мономаха связка при прилагательном встречается реже, чем при существительном («...в предложениях без связки в составе сказуемого обычно находится прилагательное или местоимение...»)[57], в Моленни Даниила Заточника

---

[52] Ср. сказанное выше об употреблении в 3-м лице связки при именной части сказуемого — имени существительном чаще всего тогда, когда подлежащим является не имя существительное, и, следовательно, подлежащее и сказуемое выражены разными частями речи.

[53] Характерно, что для составного сказуемого постпозиция была нормой (препозиция встречается редко, при этом в стилистических целях).

[54] Постановка связки объясняется или иностранным влиянием, или особыми условиями конструкции. См. В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 193—194.

[55] См.: А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.), стр. 133.

[56] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 66.

[57] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, стр. 63.

связка при прилагательном «очень редка в употреблении»[58], а в Слове о полку Игореве связка ѥсть и *соуть* вообще отсутствует в составном сказуемом (в том числе и при прилагательном)[59].

Приведем примеры с именем прилагательным в составном сказуемом.

Имена прилагательные без связки и со связкой в форме настоящего времени: а что пошло кнѧзю. а то *кнѧже* (Нов. договорная гр. 1265 или 1264 г. № 2); а та мѣна моѧ *чѣста* (Двин. духовная гр. XV в. № 7); землѧ *готова* надобь сѣмѧна (Нов. берест. гр. конца XIV—XV в. № 17); у кого конѣ а тѣ *худѣ* (Нов. берест. гр. первой половины XV в. № 242); новгородци *прави*. а ꙗрославъ *виноватъ* (1 Нов. лет.); а то все *мрътво* (там же); всѧ землѧ наша *велика* и ѡбилна (Лавр. лет.); моѧ волость *пуста* ѿ Половець (там же); 2)...рижѧне *суть* в томь *невиновати* (Смол. гр. между 1281—1297 г.); и посадники спросиша. оу савка. и оу всехъ. кн҃ѣ. островьчовъ. *виноваты ль* ѥсте тымъ левонтию. и савке рече и вси кн҃ѣжоостровьчи. тѣмъ ѥсмѧ ѥму *не виноваты* (Двин. рядная гр. XV в. № 86); и кѣзеке соци абы не истьрѧле (к)ѣно *лихе есте* (Нов. берест. гр. середины XIII в. № 163); зане (холопи — *В. Б.*) *соуть не свободьни* (Русская Правда по списку 1282 г.)[60]; ты ѥси *слепъ* (1 Нов. лет.); О *великъ* ѥ, бра҃ѥ, промыслъ бжии (там же); ѧзъ *погана* ѥсмь (Лавр. лет.): та бо ѥсть млтва всѣѣ҃ *лѣпши* (Поучение Владимира Мономаха); *сладка сут* словеса твоя (Моление Даниила Заточника); чьстноѥ дрѣво *бесцѣньно* ѥсть (Надпись 1161 г.).

Приведем несколько примеров со связкой в форме будущего и прошедшего времени: 1) а жена моѧ. пострижеть сѧ. в чернице. то выдаите ѥи. четверть. ѡть. *не боудеть голодна* (Нов. духовная гр. до 1270 г.); который братъ до него *будетъ добръ*, тому дастъ (Моск. духовная гр. 1389 г.); аже кто многымъ *долженъ боудеть* (Русская Правда по списку 1282 г.)[61]; совлекутьсѧ и *будуть нази* (Лавр. лет.); 2) ...кому *былъ* иване *виноватъ* (Пск. гр. между 1463—1465 г.); ажбы миръ *твьрдъ былъ* (Гот. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); кнѧзь еще *малъ бѧше* (1 Нов. лет.); и *ради быша* вси по градоу (там же); бѣ бо Болеславъ *великъ* и *тѧжекъ*. ꙗко и на кони не могы сѣдѣти (Лавр. лет.)

Для хронологии употребления местоименной формы прилагательных в роли предикативного имени не являются показатель-

58 С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, стр. 114.

59 Там же, стр. 174.

60 Пример из работы С. П. Обнорского «Русская Правда как памятник русского литературного языка», стр. 761.

61 Там же.

ными случаи, где стоит прилагательное относительное. Прилагательные относительные в древнерусских памятниках употреблялись или только в местоименной форме, или преимущественно в местоименной форме.

Приведем пример с местоименной формой относительного прилагательного в составе сказуемого в грамоте XVI в.: торгъ *будетъ повольнои* (Моск. гр. 1588 г.).

Бесспорными случаями употребления прилагательных в местоименной форме являются следующие, где мы находим качественные прилагательные, имеющие и именную и местоименную формы: верши всѣ *добрыи* (Нов. берест. гр. рубежа XIII—XIV вв. № 195); дѣлакъ позовници рукописанна *лживыѧ* а творѧтьсѧ (Нов. берест. гр. первой половины XV в. № 307).

Первый пример представляет особый интерес, так как встретился в памятнике рубежа XIII—XIV вв. По данным Н. Ю. Шведовой, специально исследовавшей вопрос о предикативном употреблении членных (местоименных форм) прилагательных, первые достоверные следы появления предложений с этими прилагательными относятся к памятникам оригинальной прозы XV в.[62]

Еще и в XVI в., как показали наблюдения С. Д. Никифорова над языком Домостроя, местоименная форма прилагательных в составе сказуемого употреблялась редко[63].

Имя прилагательное в именной форме стояло в именительном падеже и при знаменательных глаголах движения и пребывания в определенном состоянии и некоторых других: ѡже сѣгренеть чюжеѥ женѣ повои с головы. или дщьри. ѡвитьсѧ *простоволоса*. .ѕ. грнъ старыѥ за соромъ (Нов. договорная гр. между 1189—1199 г.); А ваша милость *живѣте добри здорови* и *сущастни* (Полоцк. гр. 1476 г.); и мы ихъ милость ради того хотимъ, штобы ихъ милость к намъ *ехали здорови*, а и *сущастьни* (там же); ѧ на ѡрославли *добръ здоровъ* и с григоремь (Нов. берест. гр. XIII в. № 69)[64]; *придоша сторови* вси (1 Нов. лет.); а паропки да девочки *ходѧт наги* (Хожение Афанасия Никитина); Сам бо г҃ь Моисѣѥмь глть; *не ѡвлѧисѧ тощь* предо мною въ дн҃ь празника (Слово Кирилла Туровского XII в.).

В следующем примере с местоименной формой прилагательное субстантивированное, чем и объясняется указанная форма:

---

[62] Н. Ю. Шведова. Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке XV—XVIII вв. «Доклады и сообщения Института русского языка», вып. 1, 1948, стр. 106.

[63] С. Д. Никифоров. Из наблюдений над языком «Домостроя» по Коншинскому списку. «Записки Московского пед. ин-та им. В. И Ленина», т. XLII, 1947, стр. 71.

[64] В предложении опущен глагол, означающий пребывание.

или кто посль *живыи* ѡстанѣтьсѧ (Готл. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.).

Отметим попутно, что и в тех случаях, когда имя прилагательное употреблено в конструкции со вторым косвенным падежом (см. об этом ниже), следовательно с предикативным значением, оно также имеет именную форму.

Судьба имени прилагательного в составе сказуемого не была сходной в восточнославянских языках. В современном русском языке, как мы отмечали, употребляется как именная форма, так и местоименная (возможности постановки последней увеличиваются в языке). В современном белорусском языке в роли предикативного имени в составном сказуемом выступают обыкновенно местоименные формы прилагательных или стянутые из местоименных [65]. В украинском языке — сходная картина: именная форма в роли предикативного имени употребляется крайне редко, являясь пережиточной категорией [66].

§ 275. Для древнерусских памятников характерна ограниченность случаев с причастием страдательного залога настоящего времени в именной форме в составе сказуемого. Мы не учитываем случаев со словом *вѣдомыи* (в составе сказуемого оно употребляется в именной форме), поскольку это причастие адъективировалось: кому же то *вѣдомо*, что то зоут Подища? (Яросл. правая докладная гр. между 1495—1497 г.); како то *боудѣте* всѣмъ *вѣдомо*, или кто посль живыи ѡстанѣтьсѧ (Готл. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); и ныне то *есть* мнѣ *ведомо*. аже рижѧне суть в томь невиновати (Смол. гр. 1281—1297 гг.); пути имь *вѣдоми* (Слово о полку Игореве).

Полное отсутствие в грамотах причастий страдательного залога настоящего времени, которые не адъективировались, свидетельствует о том, что в живом русском языке эти причастия употреблялись редко.

В других памятниках, как правило, эти причастия находим в выдержках из церковных текстов и в религиозных рассуждениях, а также в тех случаях, когда автор стремился «облечь извитие мудрых словес... в литературную форму» [67], и очень редко — в обычном повествовании (см. последний пример из Лаврентьевской летописи): зане господине богат мужь везде *знаем есть* (Моление Даниила Заточника); Ꙗрославъ... *любимъ бѣ* кни-

---

[65] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 356—357 (см. также стр. 224—226).

[66] Курс сучасної української літературної мови, т. II. Синтаксис. За редакцією дійсного члена Академії наук УРСР Л. А. Булаховського. Київ, 1951, стр. 47—49.

[67] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, стр. 102.

гамъ (Лавр. лет.); согрѣшихо и *казними* ѯсмы (там же); *бѣ* бо *люби* ѿцю своєму повелику (там же).

В сочетании глагола-связки и причастия страдательного залога настоящего времени, не составляющем одной формы, нет противоречий в обозначении отрезка времени. Время (настоящее, прошедшее, будущее) определяется глаголом-связкой, действие, обозначенное причастием, происходит в соответствии с указанием на время в глаголе.

Возможно, это обстоятельство способствовало тому, что на месте составного сказуемого с причастием страдательного залога настоящего времени все чаще начинают употребляться глагольные формы от глаголов несовершенного вида. В современном русском языке указанное составное сказуемое является принадлежностью книжной речи[68].

Широко представлено в памятниках употребление в роли именной части составного сказуемого именной формы причастия страдательного залога прошедшего времени, причем, как правило, от глаголов совершенного вида (случаи с причастием прошедшего времени от глаголов несовершенного вида встречаются в памятниках редко)[69]: 1) а что *взято* право, ино то взяти; а что *взято* криво а то по исправѣ отъдати (Моск. договорная гр. 1389 г.); а къ Ярославскои деи тамгѣ и къ намѣстничю доходу то селцо ѳедоровское тамгою *не приписано* (Яросл. таможенная откупная гр. 1595 г.); Сѧ грамота ѯсть *выдана* на Гочкомь берьзѣ пьрьдъ Роускимь посломь и пьрьдъ всеми Латинскими коупци (Готл. ред. Смол. торговой договорной грамоты 1229 г.); Аже *боудѣть* свободьныи чл҃вкъ *оубитъ*, і҃. гривенъ серебра за голъвоу (там же); смьрди *побити* клеветьник(ы) (Нов. берест. гр. XI в. № 241); *приѿбижени* ѯсмь. с нимечкоі. половинѣ (Нов. берест. гр. рубежа XIV—XV вв. или начала XV в. № 248); сватба *пристроѥна*, меды *изварены*, невѣста *приведена*, кн҃зи *позвани* (1 Нов. лет.); и оувѣдавъ Михаилъ. ѩко *прикати соуть* посли новгородьстии... (там же); Семеѿнъ иде на Храваты и *побѣженъ бы* Храваты (Лавр. лет.); дружина ихъ всѧ *изъимана* и всѣ вельможи ихъ (там же); спанье ѥсть ѿ б҃а *присужено* полудне (Поучение Владимира Мономаха); руцѣ твои *исполнены* яко от злата аравииска (Моление Даниила Заточника); Чрьна земля подъ копыты, костьми *была посѣяна* (Слово о полку Игореве); 2) А *писана быстъ* грамота сия в лѣто ҂ѕ҃-ное ѳ҃-сотное г҃і, мѣсяца Юня, въ день недѣлныи, к҃а день на память святого мученика Ульяна (Полоцк. гр. 1405 г.). Сходный случай еще в трех полоцких

---

68 Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. 1, стр. 481.

69 Исключение составляет причастие от глагола несовершенного вида *писати* (*пьсати*), широко употребляемое в грамотах в сочетании со словом *грамота* (см. ниже пример из Полоцкой грамоты).

грамотах начала XV в.[70]; А *питъ* могоричь у бибицкого у дому за копу грошии (Перемышльск. купчая гр. 1359 г.).

В 3-м лице нормой являются предложения без связки *кстъ, соуть* (см. выше ряд примеров без связки).

Связки прошедшего и будущего времени в сочетании с причастием прошедшего времени страдательного залога не меняют значения причастия — указать на действие в его результате, в качестве состояния, но только устанавливают, представляется ли этот результат существующим в прошлом или в будущем.

Причастие без связки или со связкой настоящего времени обозначает действие, имевшее место в прошлом, но в своем законченном виде в качестве состояния существующее в настоящем.

Составное сказуемое с причастием страдательного залога прошедшего времени не представляет собой одной формы, в отличие от сказуемого с причастием страдательного залога настоящего времени, в пределах одного сочетания есть указание на последовательность действий.

А. А. Потебня так определяет эту последовательность: «Причастие прошед. страд. в слав. и литов. означает действие прошедшее по отношению к тому, которое означено сочетаемым с ним глаголом...»[71]

Таким образом, составное сказуемое с причастием прошедшего времени страдательного залога существенно отличается от глагольной формы. Это способствовало его сохранению не только в книжном, но и в разговорном языке.

Благодаря тому, что конструкция с причастием страдательного залога позволяет выдвинуть на первый план объект действия, поскольку в этой конструкции он может стоять в именительном падеже, являясь подлежащим, составное сказуемое с причастием страдательного залога широко распространено в договорных грамотах. Объект действия — лица и предметы, о которых договариваются стороны, активное лицо (оно должно быть выражено творительным падежом) обычно и не называется, поскольку на него достаточно ясно указывает контекст (см. выше примеры из Моск. гр. 1389 г. и Смол. гр. 1229 г.).

§ 276. В состав сказуемого может входить и именная форма причастия действительного залога настоящего времени, а также (крайне редко) и прошедшего времени.

---

[70] Из случаев с причастиями от глаголов несовершенного вида (*питъ, писана*) требует разъяснения пример из Полоцкой грамоты. Мы полагаем, что сочетание *грамота писана* (или *пьсана* в ряде других грамот) имеет значение 'грамота, которую написали', а не значение 'грамота, которую писали'. См. В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 203.

[71] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 148.

При причастии, как правило, употребляется глагол-связка. А. А. Потебня отмечает, что при причастии настоящего времени может быть опущена связка только тогда, «когда предшествующие глаголы не оставляют сомнения, к какому времени должно быть отнесено причастие настоящее»[72]. Тут же А. А. Потебня говорит, что он «заметил только один пример, да и тот сомнительный»[73].

А. С. Феоктистова в своей статье, посвященной составному сказуемому с причастием действительного залога, приводит еще восемь случаев без связки[74]. В числе этих примеров один пример из Новгородской второй летописи особенно показателен; при его анализе не возникает сомнений, что налицо составное сказуемое, так как в сходном тексте Ипатьевской летописи употреблено составное сказуемое со связкой в прошедшем времени (*быша... съкыоче... стоюче*): ...дивно бысть знамение велми на небеси: 3 солнца *сиающе* межи собою... а м҃ѣсяць особъ *стоящь*.

Наблюдения А. С. Феоктистовой не вносят поправки в основной вывод А. А. Потебни о том, когда может быть опущена связка. Во всех тех примерах, которые приведены А. С. Феоктистовой в более полном виде (с глаголом-сказуемым в предшествующем тексте), только глагол позволяет установить, «к какому времени должно быть отнесено причастие настоящее»[75]. Так, в примере из Новгородской второй летописи именно благодаря наличию глагола-связки в составном сказуемом *дивно бысть* к прошедшему времени следует отнести причастия *сиающе* и *стоящь*.

Считаем необходимым подчеркнуть: в то время как примеры без связки являются обычно спорными, случаи со связкой (она, как правило, предшествует причастию), за редкими исключениями, не вызывают сомнений, что причастие действительного залога входит в состав сказуемого в качестве предикативного имени и его нельзя считать простым сказуемым (так называемым второстепенным сказуемым), близким по функции к глагольному сказуемому (см. об этом ниже).

Составное сказуемое с причастием действительного залога может находиться как в главном предложении, так и в придаточном, быть единственным сказуемым в предложении и одним из нескольких сказуемых. Причастие — простое сказуемое, как увидим в дальнейшем, может быть единственным сказуемым

---

[72] Там же, стр. 137.

[73] Там же.

[74] А. С. Феоктистова. Из истории составного сказуемого с причастием действительного залога. «Доклады и сообщения Института языкознания», № 12, 1959, стр. 77.

[75] А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 137.

только в придаточном предложении или в одной из частей сложносочиненного предложения.

Ограниченность случаев с причастиями прошедшего времени в древнерусских памятниках свидетельствует о том, что составное сказуемое с этими причастиями раньше, чем составное сказуемое с причастиями настоящего времени, стало вытесняться причастиями на *-лъ* в сочетании с глаголом-связкой *ѥсмь*. Как верно говорит А. А. Потебня, «языки славянские стремились избавиться от излишества двух сходных причастий прошед. действ. (*-ъ*, *-въ* и *-лъ*)...»[76]

Отметив, что сочетание с причастием, занимая как бы среднее положение между простым глаголом и сочетанием *ѥсмь* с существительным или прилагательным, А. А. Потебня в то же время подчеркнул, что это сочетание ближе к глаголу. «Так, при переводе на современный язык от нас ускользает разница между „приѣха на мѣсто, идеже бяху лежаще кости ѥго“[77] и „идеже лежахуть“: вместо того и другого мы скажем „лежали». Ясно только, что в лежахуть — один акт мысли, а в „бяху лежаще“, в коем соединено два различных времени, не совместимых в одном движении мысли, таких движений два»[78].

Употребление причастий действительного залога в качестве предикативного имени поддерживалось книжной традицией. Характерно, что в грамотах нам встретился только один бесспорный случай такого употребления: а что *ѥси* книже *ѿимъ* оу кюрили. хотоуниче. далъ *ѥси* попоу сто михаила (Нов. договорная гр. 1270—1269 г. № 3).

А. С. Феоктистова позже отметила в грамотах (новгородских) еще три случая (тоже с причастием прошедшего времени), но тут же оговорила с полным основанием спорность двух из них (из грамот второй половины XV в.)[79].

Многочисленные примеры (почти исключительно с формами причастия настоящего времени), содержащиеся в труде А. А. Потебни, приведены им из памятников церковно-религиозной литературы или летописей[80].

Так, у А. А. Потебни, в числе других, имеются примеры[81]: *Суть же* кости его и доселѣ тамо *лежаче* (Лавр. лет.); *Суть же* (Грьци) хитро *сказающе* и чюдно слышати ихъ (там же. «Они

---

[76] А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 138.

[77] Сочетание с причастием действительного залога настоящего времени.

[78] А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 144.

[79] А. С. Феоктистова. Указ. соч., стр. 75—76.

[80] А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 134—138.

[81] Даем в скобках перевод А. А. Потебни (если он имеется у автора), подчеркивающий, что составное сказуемое не совпадает по значению с простым сказуемым-глаголом.

искусные рассказчики»)[82]; Отъселѣ человѣкы *бѫдеши ловѧ* (Остромирово евангелие. «Как бы: будешь ловцом»); *Бысть* Иоанъ *крьстѧ* въ пустыни и *проповѣдаѧ* крьщениѥ покаянию (там же. «...*явился* Иоан крестителем и проповедником»); Опустѣша села наша и городи наши, *быхомъ бѣгаючи* (вм. *-че*) предъ врагы нашими (Лавр. лет. «...скорее „мы стали беглецами“ или „мы стали бегать“»); И *бѣ обладая* Олегъ Поляны... а съ Улучи и Тѣверци имяше рать (там же. «Скорее „был обладателем“, чем просто „обладал“»); наѣхаша пещеру непроходну, в нея же *бяше* множьство Чюди *влѣзше* (1 Нов. лет.)[83].

Составное сказуемое с причастиями настоящего времени указывает на то время (настоящее, прошедшее или будущее), к которому относится глагол-связка (см. выше перевод примеров).

В составном сказуемом с причастиями прошедшего времени причастия указывают на признак, возникновение которого «предшествует времени соединенного с ним глагола»[84].

В древнерусском языке как причастия действительного залога, так и причастия страдательного залога (последние — только в форме прошедшего времени) могли сочетаться и со многими знаменательными глаголами, образуя составное сказуемое.

И глагол и причастие относятся к одному и тому же члену предложения — подлежащему, поэтому случаи, когда причастие и по форме и по смыслу связано с другим членом предложения — дополнением, требуют другого объяснения (см. ниже о вторых косвенных падежах).

В дальнейшем (но не позже XVII в.) составное сказуемое, в которое входит знаменательный глагол, заменилось в русском языке придаточным предложением или инфинитивом (на месте причастия действительного залога), а также причастием в творительном падеже (на месте причастия действительного залога и причастия страдательного залога).

Эта замена завершилась, по-видимому, раньше в случаях с причастием действительного залога благодаря большей его предикативности по сравнению с причастием страдательного залога.

Группа знаменательных глаголов, сочетающихся с причастиями действительного залога, как отметил А. А. Потебня,

---

[82] Большое число примеров из Лаврентьевской летописи приведено в работе Е. Ф. Карского «Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи», стр. 21.

[83] В этом примере — причастие прошедшего времени, в остальных — настоящего времени.

[84] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 144.

шире, чем группа глаголов, сочетающихся с причастиями страдательного залога[85].

С теми и другими причастиями сочетаются глаголы: *мьнѣтисѧ*, *ꙗвитисѧ*, *творитисѧ*, *пребыти*, *ити* и некоторые другие, сходные с ними по значению.

Приведем несколько примеров, отмеченных А. А. Потебней (вместе с его переводом)[86]. Предварительно укажем, что и в случаях со знаменательным глаголом причастие настоящего времени действительного залога обозначает действие, одновременное с действием глагола, причастие прошедшего времени действительного залога и причастие прошедшего времени страдательного залога — действие, возникшее раньше действия глагола, но в то же время сопутствующее действию глагола.

Примеры с причастием действительного залога: Но и *мнимся* бога *любяще* (= думаем, что любим); но аще потщимся заповѣди его сохранити, тогда *явимся* бога *любяще* (окажется, что любим. Лавр. лет.); Слугы не даша ему ничто же и тъ *пребысть неяды* (остался неевшим. Сказание о Борисе и Глебе); Того же лѣта *кончаша* церковь владычню *пишуще* (окончили писать. Лавр. лет.). В составе сказуемого — причастие страдательного залога: И *възвратися* Андрей *невреженъ*, *съхраненъ* богомъ и молитвою родитель своихъ (т. е. не «возвратился, будучи невредим», а «воротился не раненым, или невредимым, будучи сохранен». Ипат. лет.); Изяславъ *лежаше раненъ* (Ипат. лет.); Митрополитъ *поѣха* изо Пскова *одаренъ* (Пск. лет.).

Последние два примера даны А. А. Потебней без перевода, так как исключается возможность их неверного истолкования. И в том и в другом случае именная форма причастия страдательного залога в именительном падеже будет заменена в русском языке местоименной формой того же причастия в творительном падеже.

§ 277. В составное сказуемое входит местоимение, обычно притяжательное, реже указательное: а пожне кнже. что пошло тобе. и твоимъ моужемъ. то *твоѥ*. (Нов. договорная гр. 1265 или 1264 г. № 1. Сходный пример еще в пяти новгородских грамотах); поскотина оу нихъ *своѧ*. и тѧгло оу нихъ *свое* с кнѧжьꙋстровци (Двин. купчая гр. XV в. № 81); а вся вода *наша* (Пск. правая гр. 1483 г.); им суд *таковъ былъ*, какъ в сем спискѣ писано (Яросл. правая докладная гр. между 1495—1497 г.); што федоръ. сорочьковъ. привезлъ. белъку. ис полотьска. и поставилъ. белъку тую. у федька. а то ѥ белъка. *наша*. ꙋдате нашу белъку (Полоцк. гр. конца XIV в.); бѣси... глху *нашь ѥси* (Лавр. лет.); се *мое*, а то *моеже* (Слово о полку Игореве).

---

[85] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 159.

[86] Там же, стр. 156—159.

Отметим, что и в случаях с составным сказуемым, в которое входит местоимение, связка в настоящем времени в 3-м лице отсутствует.

В примере из Полоцкой грамоты связка ѥ сохраняет свое конкретное значение бытия, существования и является знаменательной связкой. О знаменательных связках академик Л. В. Щерба справедливо заметил: «В так называемых связках мы наблюдаем контаминацию двух функций — связки и большей или меньшей глагольности (наподобие контаминации двух функций у причастия). Осознание и разграничение этих функций очень важно для понимания синтаксических отношений»[87].

§ 278. Крайне редко употребляется в качестве предикативного имени имя числительное.

В исследованных нами грамотах (в том числе и в грамотах на бересте) встретилось только два случая с одним и тем же числительным *одинъ*, при этом со значением не числительного, а прилагательного — «согласный, союзный»: то ти ѡтьче повѣдаю. с(ъ бр)атом(ь) своимь съ старѣишимь съ даниломь. ѡдинъ *есмь*. и съ иваномь (Нов. договорная гр. между 1294—1301 г. № 4); полотескъ. видьбескъ *одно есть*. а воли есми бжии. и въ молитѫгове. а изѧславъ со мною *однъ* (Полоцк. гр. около 1265 г.).

В первом примере связка ѥсмь употреблена не только потому, что предложение — определенно-личное (это главное), но и потому что ѥсмь является знаменательной связкой. Последняя причина вызвала постановку ѥсть в первом случае второго примера (во втором случае связка ѥсть опущена, так как она имеется в однотипном сказуемом — с тем же числительным в первом случае).

§ 279. Из наречий чаще всего употребляются в составном сказуемом слова категории состояния (без связки ѥсть, *соуть*), придающие сказуемому модальный оттенок: *лзѣ*, *нельзѣ*, *надобѣ*, *не надобѣ*.

Ограничимся несколькими примерами (ряд случаев см. в главе о безличном предложении): и буде коны ихны вамъ *надобе* на обмено, и мы дадимъ (Моск. гр. 1578 г.); што вамъ *было надобѣ* то было ваше. а нынѣ што дѣтемъ моимъ *надобѣ* того имъ не бороните (Полоцк. гр. около 1300 г.); землѧ готова *надобь* сѣмѧна (Нов. берест. гр. конца XIV—XV в. № 17); послоуси ѥмоу *не надобѣ* (Русская Правда по списку 1282 г.); мтрнѧ часть дѣтемъ *не надобѣ* (там же)[88].

---

[87] Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, стр. 78.

[88] Примеры из Русской Правды по списку 1282 г. здесь и дальше — из работы Е. Ф. Карского «Русская Правда по древнейшему списку. Введение, текст, объяснения, указатели авторов и словарного состава» (Л., 1930).

Именная форма причастия действительного залога в роли простого сказуемого

§ 280. Именная форма причастия действительного залога в древнерусском языке могла не только являться частью сказуемого, входить в его состав, но и быть самостоятельным сказуемым — простым сказуемым.

Одна из важнейших заслуг замечательного отечественного языковеда А. А. Потебни — разработка вопроса о предикативности и относительной самостоятельности именной формы причастия действительного залога в именительном падеже.

Благодаря А. А. Потебне обнаружилась полная несостоятельность мнения, что древнейшее причастие и современное деепричастие выполняют в предложении однородные функции.

Выводы А. А. Потебни о предикативности и большей самостоятельности в прошлом именной формы причастий действительного залога в славянских языках, литовском и латышском языках (А. А. Потебня делает многочисленные ссылки и на другие индоевропейские языки) оказались плодотворными для изучения этой особенности причастий и в других языках.

Для сказуемого, выраженного именной формой причастия действительного залога, А. А. Потебня употребляет в заглавии параграфа, посвященного этому сказуемому, термин «второстепенное сказуемое», который следует признать весьма удачным. Термин «второстепенное сказуемое» совершенно определенно указывает на то, что именная форма причастия действительного залога выступает в предложении в роли сказуемого, и в то же время подчеркивает, что такое сказуемое является второстепенным, близким, тяготеющим к главному сказуемому, выраженному глаголом, и не равносильным глагольному сказуемому даже в тех случаях, когда это тяготение не может быть с полной очевидностью установлено.

Так как мнение Е. С. Истриной о второстепенности самого действия, обозначаемого второстепенным сказуемым (сравнительно с действием главного, глагольного сказуемого)[89], отчетливо указывает на связь формы со значением и подтверждается многочисленными примерами, мы считаем его правильным.

Следует отметить, что второстепенное сказуемое характерно для тех памятников, в которых было необходимо разграничить главное и второстепенное действие, а именно — для памятников, содержащих повествовательный элемент, в частности для летописей.

---

[89] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 80.

Вот почему в грамотах, вообще в деловых документах, второстепенное сказуемое встречается редко, при этом почти исключительно там, где имеет место повествование.

§ 281. Рассмотрим различные случаи употребления второстепенного сказуемого. Считаем необходимым отметить, что ряд примеров с второстепенным сказуемым — в памятниках того периода, когда именная форма причастия действительного залога превратилась в деепричастие, а именно — в памятниках второй половины XIV в. (в это время широко распространены случаи без согласования причастия) и в произведениях XV в. (в XV в. причастие, как правило, употребляется в застывшей неизменяемой форме)[90]. Эти примеры позволяют установить преемственную связь употребления в ряде современных крестьянских говоров деепричастия в роли сказуемого (но не второстепенного, а главного, однако с определенным оттенком значения, о чем ниже) со сходным употреблением в древнерусском языке.

Весьма показательны для выяснения синтаксической роли именной формы причастия действительного залога как сказуемого примеры, в которых сказуемое, выраженное причастием (оно предшествует главному сказуемому), и главное сказуемое-глагол соединены союзом (*и, а, да, но*)[91]: а нынѣ *водѧ* новоую женоу а мънѣ не въдасть ничьто же (Нов. берест. гр. XII в., возможно, первой половины века, № 9); И господинъ Князь Псковской Ярославъ Васильевичь, и посадники и соцкіе, *про-*

---

[90] По мнению А. А. Потебни, уже в конце XIV в. существовало деепричастие как вполне определившаяся часть речи, хотя оно и отличалось кое-чем от современного деепричастия («Из записок по русской грамматике», т. I—II, стр. 186).

Тем не менее отдельные следы былой предикативной функции причастия-деепричастия сохранились и в литературном языке XVII—начала XVIII столетия. См. статью Э. И. Коротаевой «Особые случаи употребления деепричастия в литературном языке XVII—XIX столетий» («Ученые записки ЛГУ», № 277. Серия филологических наук, вып. 55. Исследования по грамматике русского языка, II. 1959. См., в частности, стр. 62, 71, 97) См. также: Е. Л. Голубева. Синтаксические функции именных форм причастий действительного залога в памятниках письменности XVII века. Автореферат канд. дисс. М., 1952, стр. 13—14; Л. Н. Зевакова. Именные причастия действительного залога по памятникам русской письменности XVII—начала XVIII веков. Автореферат канд. дисс. Л., 1954, стр. 4—11.

В языке сибирских летописей XVII в. господствующей синтаксической функцией именных форм причастий действительного залога является функция второстепенного сказуемого. См. Ю. В. Фоменко. Наблюдения над глагольными формами в языке Сибирских летописей XVII в. «Вопросы истории и диалектологии русского языка. Труды 2-й зональной конференции кафедр русского языка педагогических институтов Урала». Магнитогорск, 1961, стр. 43—51.

[91] В числе примеров — случай, где причастие — второстепенное сказуемое стоит в придаточном предложении, но в том же придаточном предложении, при том же подлежащем, имеется и главное сказуемое (пример из Гал. гр. 1398 г.).

четъ передъ собою обои грамоты, и дали грамоты Климяты соцкому (Пск. правая гр. 1483 г.); А се ѧ панъ. бенко староста галицькии. и снѧтиньскии. свѣдчю то своимъ. листомъ каждому доброму кто на сеи. листъ оузрить. или передъ кымъ будеть чтюнъ. иже *пришедъ*. передъ насъ. панъ гервасъ. и вѣновалъ. и оправилъ. своюи жене варваре сто гривенъ. на своюмъ селѣ на толъмачи. и жюрковѣ на своюи вотнинѣ (Гал. гр. 1398 г.); *испросивъше* половци оу. Мьстислаѳ и оубиша и (1 Нов. лет.); Олександръ *давъ* имъ рѧдъ и покха с чѳтью въ свою Ѳчину (Лавр. лет.).

Значение причастия как второстепенного сказуемого обнаруживается при постановке союза между главным сказуемым и сказуемым, выраженным причастием, и тогда, когда последнее находится в постпозиции к главному сказуемому: и кнзѧ Рѧзаньского Костѧнтина нѣкакою хитростью ѩлъ. и *приведъ* на Москву (Лавр. лет.).

Второстепенность действия, обозначенного причастием в приведенных ниже примерах, особенно заметна благодаря тому, что союз *а* употреблен во всех случаях (не только перед причастием настоящего времени, что отмечено А. А. Потебней[92], но и перед причастием прошедшего времени) в значении 'при этом'. Группа слов с *а*, причастием и зависящими от него словами указывает на добавочное действие, сопутствующее главному действию: а кто будеть закладень позоровалъ ко мнѣ. а *жива* въ новъгородьскои волости. тѣхъ всѣхъ Ѳступилъ сѧ есмь новугороду (Нов. договорная гр. между 1294—1301 г. № 4. Сходный случай в другой грамоте того же времени — № 5)[93]; се позва уласке тупичинъ вѧчеслава і всихъ. кнѧжь. Ѳстровчевъ. на судъ дворѧны степаномъ і іванкомъ. а *ркѧ* такъ. кладете на мене. розрубъ. а ѧзъ оу васъ. не живу (Двин. судная гр. XV в. № 87); А который Бояринъ поѣдеть исъ коръмленья отъ тобе ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тобѣ, а службы *не отъслуживъ*, тому дати коръмленье по исправѣ; а любо служба, отъслужити ему (Моск. договорная гр. 1362 г.)[94]; кто из нее пь (никть. — *В. Б.*) тому на здоровье[95] а *хвалѧ* бога (и) своего Ѳсподарѧ великого кнѧ (Надпись до 1151 г.); кнзь насъ зоветь на Ригоу. а *хотѧ* ити на Пльсковъ (1 Нов. лет.).

---

[92] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 195—196.

[93] Причастие — второстепенное сказуемое стоит в придаточном предложении, но в том же придаточном предложении, при том же подлежащем, имеется и главное сказуемое (ср. выше сходный пример из Гал. гр. 1398 г.).

[94] Пример, сходный с приведенным выше примером из Нов. договорной гр. между 1294—1301 г. (причастие — второстепенное сказуемое в придаточном предложении).

[95] Главное сказуемое опущено.

§ 282. Причастие — второстепенное сказуемое может быть и единственным сказуемым при данном подлежащем. Обычно такое употребление находим в зависимом придаточном предложении, причем в независимом главном предложении стоит глагольное сказуемое: ѡ҃же ли не боудеть кто ѥго *мстѧ*. то положити за головоу. и҃. гр҃внъ (Русская Правда по списку 1282 г.); а прокъ ихъ разбежесѧ, коуды кто *видѧ* (1 Нов. лет.); а о нашихъ не бысть кто и вѣсть *принеса* (Лавр. лет.); оумыкаху жены собѣ съ нею же кто *свѣщавсѧ* (Троицкий список летописи XIV—XV в.).

Об употреблении причастия в роли сказуемого при наличии относительных слов А. Г. Руднев справедливо замечает, что трудно даже уловить различие в значении между сказуемым, выраженным именной формой причастия действительного залога, и сказуемым в форме личного глагола[96].

§ 283. Причастие — второстепенное сказуемое встречается и в сложносочиненном предложении, в одной из частей которого употреблено глагольное сказуемое, а в другой — второстепенное сказуемое, относящееся не к тому подлежащему, с которым связано главное сказуемое: кнѧзь великыи андрѣи. и вьсь новгородь. дали федороу михаиловицю. городъ стольныи пльсковъ. и ѡнъ ѯдъ хлѣбъ (Нов. договорная гр. 1304—1305 гг. № 11). Анализ содержания этого сложносочиненного предложения показывает, что действие, обозначенное второстепенным сказуемым, менее существенно, чем действие, обозначенное главным сказуемым. Вторая часть предложения (и ѡнъ ѯдъ хлѣбъ) указывает на следствие действия, названного в первой части. Таким образом, выбор формы для сказуемого не является случайностью.

То же следует сказать и о примерах, приведенных Е. С. Истриной из Синодального списка 1-й Новгородской летописи[97]. В отличие от нашего примера, второстепенное сказуемое находится здесь в первой части сложносочиненного предложения: тои же нощи *просивъше* мира, и не да имъ посадни҃ съ ладожаны.

Е. С. Истрина справедливо указывает на некоторую долю зависимости предложения с причастием от предложения с глагольным сказуемым благодаря выбору формы — употреблению причастия вместо личного глагола. Е. С. Истрина обращает внимание на то, что предложение с причастием легко может быть выражено в форме зависимого предложения с подчинительным союзом, в то время как предложение с глаголом оста-

---

[96] А. Г. Руднев. Обособленные члены предложения в истории русского языка. «Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 174. Кафедра русского языка, 1959, стр. 77.

[97] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 88.

нется независимым и будет главным предложением: «и хотя просили мира, но им не дал посадник с ладожанами»[98].

Этим высказыванием Е. С. Истриной подтверждается правильность вывода А. А. Потебни, что обороты, подобные примеру из Лаврентьевской летописи [выскакавъ(ше) же вси прочии из лодьи. и рече Олегъ], «имеют значение не сочинения равносильных предложений («все повыскакивали, и Олег сказал»), а подчинения: «когда повыскакивали, то Олег сказал»)»[99].

Употребление именной формы причастия действительного залога в качестве сказуемого в сложносочиненном предложении (как в первой части его, так и во второй)[100] особенно ярко говорит об его относительной самостоятельности и сходстве его функций с функцией главного (глагольного) сказуемого[101]. Потеря именной формой причастия действительного залога согласования ведет в дальнейшем к ее превращению в неизменяемую форму — деепричастие, которое тяготеет полностью к глаголу-сказуемому и только через посредство этого глагола-сказуемого относится к подлежащему.

Однако и неизменяемая, застывшая форма причастия не сразу потеряла возможность употребляться в роли второстепенного сказуемого, хотя связь с подлежащим и сознавалась как менее отчетливая благодаря отсутствию согласования.

В литературном русском языке в дальнейшем неизменяемая форма причастия в роли сказуемого перестала употребляться, в народных же говорах такое употребление, при этом с определенным оттенком значения, находим и сейчас.

§ 284. Случаи нарушения согласования причастия в древнерусских памятниках, свидетельствующие о начале процесса превращения причастия в деепричастие, могут быть датированы XII и даже XI в.[102]

Чаще всего употребляются: 1) форма им. падежа ед. числа муж. рода настоящего времени на *-а* (*-а* с течением времени вытеснено окончанием *-я*: вместо *ида — идя*) и прошедшего времени на *-ъ*, *-въ* (*шьдъ*, *видѣвъ*; с XIII в. начинает встречаться

---

[98] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 89.

[99] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 202.

[100] Примеры с постановкой причастия — второстепенного сказуемого во второй части сложносочиненного предложения единичны.

[101] См.: А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 197.

[102] См.: В. Л. Комарович. Язык служебной Октябрьской Минеи 1096 года. ИОРЯС, т. XXX, 1925, стр. 43; Е. Ф. Карский. Особенности письма и языка Мстиславова евангелия. Варшава, 1895 (отдельный оттиск из «Русского филологического вестника», т. XXXIV, 1895), стр. 21—22; С. П. Обнорский. О языке Ефремовской Кормчей XII века. «Исследования по русскому языку», т. III, вып. 1 СПб., 1912, стр. 81. См. также: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 212—213.

и форма настоящего времени со значением прошедшего времени — от глаголов совершенного вида: *псвьргя*) и 2) форма им. падежа мн. числа муж. рода настоящего и прошедшего времени на *-е* (с заменой в дальнейшем *е* на *и: ведучи*, *шьдъши*, *видѣвъши*; форма на *-и* может восходить и к им. п. ед. ч. жен. р.).

Приведем несколько примеров такого употребления причастия без согласования со словом, к которому оно относится: и мы ѡбыскавъ головника. выдали и животъ брата его (Пск. гр. между 1463—1465 г. Ед. ч. вместо мн. ч.); А дастъ ми Богъ сына, и Княгини моя подѣлитъ его, *возмя* по части у болшиѣ его братьи (Моск. гр. 1388 г. Муж. р. вместо жен. р.); *слышавше* володимеръ разгнѣвасѧ (Лавр. лет. Мн. ч. вместо ед. ч.); прислашасѧ новгородци к великому кнѧзю всеволоду *просѧ* ярослава володимерича (Лавр. лет. Ед. ч. вместо мн. ч.).

Отметим, что в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 г., откуда мы привели выше два примера, причастия обычно согласуются со словами, к которым они относятся. Так как в грамотах того же периода (второй половины XIV в.) господствуют формы без согласования [103], то такое правильное согласование следует объяснить определенной книжной традицией [104].

В современных русских народных говорах в роли сказуемого употребляется только деепричастие прошедшего времени [105], причем, как правило, от глаголов совершенного вида. То, что формы прошедшего времени на *-л* не вытеснили деепричастия, не привели к тому, что деепричастия перестали употребляться в роли сказуемого, говорит об определенном оттенке значения, которое имеет деепричастие-сказуемое по сравнению с формой на *-л*. На отличие от формы на *-л* указывает и то, что к деепричастию на *-вши* (*-мши*), *-дши* (*-тчи*) может быть присоединена связка *был* [106], которая, безусловно, вносит дополнительный оттенок значения.

---

[103] См.: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот, стр. 212—213.

[104] Ср. замечание А. А. Потебни о том, что в летописных сборниках, язык которых в большинстве случаев древнее времени их списков, весьма часто правильное согласование причастий действительного залога («Из записок по русской грамматике», т. I—II, стр. 186).

Суздальская летопись, входящая в состав Лаврентьевской летописи, в отличие от Начальной летописи, была написана писцами, а не переписана с готового текста (см. В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку. стр. 3—4). Тем не менее и в ней не могло не отразиться влияние книжной традиции, в частности источников, послуживших основой для повествования о событиях Суздальской Руси в течение длительного периода — с 1111 до 1305 г.

[105] Точнее — неизменяемая форма причастия, поскольку синтаксическая функция этой формы другая, чем деепричастия.

[106] Ф. П. Филин отмечает в северо-западных говорах и случаи с *буду* («Заметки о записях материалов по синтаксису», — «Бюллетень диалектоло-

Наблюдения отдельных исследователей и наши лично позволяют предположить, что в ряде говоров проводится различие между формой на *-л* (обозначает действие) и неизменяемой формой причастия в роли сказуемого (указывает на признак, состояние, возникшие в результате действия).

Таким образом, в этих говорах *он уехал* и *он уехатчи* не синонимичны.

Возможность присоединения связки *был* к деепричастию свидетельствует о том, что в народных говорах деепричастие в роли сказуемого является не простым сказуемым, а частью составного сказуемого. Тем не менее употребление деепричастия в роли сказуемого в говорах[107] следует рассматривать, сопоставляя с употреблением в древнерусском языке причастия — второстепенного сказуемого. Неизменяемая форма причастия, сохранив в говорах значение указания на признак,

---

гического сектора Института русского языка». вып. 4. 1948, стр. 34). Такое же употребление причастий со связкой *буду* засвидетельствовано и М. А. Новгородовым в говоре, который отнесен им к числу среднерусских диалектов западного (псковского) типа. Однако автор указывает, что только в отдельных случаях связка может иметь форму будущего времени. В числе примеров: К таму вр'ём'у йа уже бу́ду фс'о́ справ'ифши («Образование и употребление деепричастия в старожильческом русском говоре Дагдского района Латвийской ССР». — «Материалы и исследования по русской диалектологии». Изд. Московского пед. ин-та им. В. И. Ленина. Кафедра русского языка, вып. 9, 1959, стр. 375). И. Ф. Нелюбова записала в с. Сергеевка Одесской области (село было основано выходцами из бывшего Мценского уезда Орловской губернии): По́сля абеда сильма́х бу́дить аткры́вши, по́пча ни бу́дить сильмах атваря́ («К вопросу о значении и употреблении деепричастия в южновеликорусских говорах». — «Наукові записки Станіславського пед. ін-ту». Історіко-філологічна серія, т. I, Київ, 1956, стр. 119).

[107] Употребление деепричастия в роли сказуемого не является особенностью только северновеликорусских говоров, о чем свидетельствуют диалектные материалы, собранные на территории южновеликорусских говоров. См. сводку употребления неизменяемой формы причастия в роли сказуемого, с указанием местности, в работе В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)», стр. 214—217.

Положение о том, что такое употребление нельзя считать исключительно северной чертой и что оно свойственно и южновеликорусским говорам, обосновано в статье П. С. Кузнецова «К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах» («Материалы и исследования по русской диалектологии», т. III, М.—Л., 1949, стр. 80—83).

Синтаксические материалы диалектологических атласов русского языка позволили И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко сделать вывод, что «в среднерусских и южнорусских говорах деепричастия-сказуемые также могут выражать перфективное значение» (И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко. О некоторых синтаксических явлениях в говорах юго-западных и центральных областей к западу от Москвы. «Доклады и сообщения Института языкознания», № 10, 1956, стр. 115).

Примеры из белорусских говоров приведены в исследовании Е. Ф. Карского «Белорусы. Язык белорусского народа», вып. 2—3, стр. 361—362. См. также: Нарысы па гісторыі беларускай мовы. Дапаможнік для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў. Мінск, 1957, стр. 310—312.

следовательно, известную степень атрибутивности, могла стать именной частью составного сказуемого[108].

Полное отсутствие или крайне ограниченное количество форм на *-въ* с *ксмь* в древнерусских памятниках не позволяет многочисленные случаи употребления деепричастия (без вспомогательного глагола) в говорах возводить к случаям с составным сказуемым, в котором опущен глагол. Поэтому нам представляется ошибочным мнение А. А. Шахматова, что *он выпивши* могло возникнуть на месте *он есть выпивши* в результате утраты сказуемого[109].

Пройдя определенный путь развития в народных говорах, деепричастие (неизменяемая форма причастия) в роли сказуемого употребляется как самостоятельное, главное сказуемое, при этом обычно в предложении отсутствует глагольное сказуемое.

Отметим несколько записанных нами в деревнях Ленинградской области, прежде входивших в состав Новгородской губернии, примеров: Лес *не опсохшы*. Оны в другое стойло *ушотцы*. Я *закалифшы*. Он в Ленинград *был уехатчи*. Я раз *была напугафшы* и др.[110]

Весьма редко встречаются в говорах предложения с двумя сказуемыми, соединенными союзом, из которых одно выражено деепричастием, а другое — личным глаголом: Поглядела ему в поход и *подумавши* (Вологодская обл.)[111]; Я *завалифшы* и лежу на дороге (Ленинградская обл.); Доктора *были уехатчи*, а теперь приехали (там же)[112]; Сматр'у́, а он *св'ярну́фшы* и л'ажы́т (старожильческий русский говор Дагдского района Латвийской ССР)[113]; У м'ен'а́ жыла́ и *забал'е́фшы была́* (Великолукская обл.)[114].

---

[108] Разбор мнений отдельных ученых об употреблении причастий и деепричастий в роли сказуемого (в частности, в русских народных говорах) см. в статье Ю. В. Фоменко «К исторической проблематике русского причастия и деепричастия». — Ученые записки Московского пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. CXXXII. Кафедра русского языка, вып. 8, 1958.

[109] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л., 1941, стр. 44 и 229.

[110] См.: В. И. Боркоьский. Из наблюдений над языком деревень Вольная Берёзна и Кирилловщина (Лычковский район) и деревни Рыкалово (Полавский район) Ленинградской области. «Ученые записки Ярославского пед. ин-та», вып. IV. Русское языкознание, 1944, стр. 119.

[111] Пример взят из кн.: А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису древнерусских народных говоров, стр. 169.

[112] Примеры взяты из автореферата канд. дисс. Е. Л. Голубевой «Синтаксические функции именных причастий действительного залога в памятниках письменности XVII века», стр. 14.

[113] Пример взят из статьи М. А. Новгородова «Образование и употребление деепричастий в старожильческом русском говоре Дагдского района Латвийской ССР», стр. 374.

[114] Пример взят из работы И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко «О некоторых синтаксических явлениях в говорах юго-западных и центральных областей к западу от Москвы», стр. 115.

Нет оснований полагать, что в этих случаях с употреблением двух сказуемых деепричастие несет меньшую смысловую нагрузку по сравнению с глаголом, что было характерно для причастия — второстепенного сказуемого в древнерусских памятниках. В то же время в приведенных примерах особенно заметно указанное нами выше различие между формой на *-л* (обозначает действие) и неизменяемой формой причастия-деепричастия (указывает на признак, состояние, возникшие в результате действия).

Порядок следования подлежащего и сказуемого в простом предложении

§ 285. Вопрос о порядке слов в древнерусском языке нельзя считать окончательно решенным, хотя в последнее время появился ряд работ, посвященных этой теме.

В исследованиях, опубликованных в дореволюционное время, высказывалось мнение, что в древнерусском языке имеет место значительная свобода в расположении слов[115], и тем самым отрицалось наличие определенного порядка слов в древнерусском языке.

Изучение синтаксиса грамот (сначала только новгородских, а затем и других местностей) позволило нам подвергнуть сомнению эту точку зрения и прийти к выводу, что в памятниках деловой письменности к XIII—XIV вв. выработались устойчивые нормы расстановки слов, которые в дальнейшем претерпели сравнительно небольшие изменения[116].

Памятники других жанров подтверждают вывод о том, что в древнерусском литературном языке существовали определенные нормы порядка слов, что порядок слов имел безусловное синтаксическое, семантическое и стилистическое значение.

Если в устной речи говорящий, для того чтобы придать своему высказыванию тот или иной смысловой оттенок, может использовать не только порядок слов, но и интонацию, жест, мимику, то пишущий более ограничен в выборе средств. В распоряжении русского книжника главным средством, как у всякого пишущего, был порядок слов, и он с большим искусством прибегал к инверсии — изменению порядка слов, чтобы

---

[115] О вольности в расстановке слов в древнерусском языке говорит П. А. Лавровский в работе «О языке северных русских летописей» (СПб., 1852, стр. 105). Вольность в расстановке слов отмечает и А. А. Никольский в исследовании «О языке Ипатской летописи», стр. 92 (приводится только три примера). См. также: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 557 (отмечается значительная свобода в расположении слов).

[116] См.: В. И. Борковский. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV вв. «Ученые записки Ярославского пед. ин-та», вып. IV. Русское языкознание, 1944, стр. 39—46; его же. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 131—142

подчеркнуть один из членов предложения. Этого приема не существовало бы, если бы не было в то же время устойчивых норм размещения членов предложения. На фоне твердого порядка слов нарушение норм позволяло особенно заметно выделить нужное слово.

Порядок слов меняется в зависимости от вида предложения (простое предложение, бессоюзное сложное предложение, сложносочиненное предложение, сложноподчиненное предложение)[117], от типов связи (без союзов, с союзами).

Здесь мы рассмотрим только вопрос о месте подлежащего и сказуемого в простом полном личном повествовательном предложении, учитывая, какой частью речи выражено подлежащее и какой — сказуемое.

В дальнейшем в других главах мы скажем и о месте второстепенных членов, о порядке следования частей предложения в сложном предложении.

§ 286. Длительные споры вызвал в зарубежной и отечественной литературе вопрос, следует ли считать обычным для древнерусского языка порядок следования главных членов такой же, как в современном русском языке: подлежащее — сказуемое или, наоборот, резко отличный от порядка слов в современном русском языке: сказуемое — подлежащее.

В 1900 г. Э. Бернекер[118] на основании поверхностных наблюдений, без тщательного анализа синтаксиса и стиля древнейших русских памятников, сделал поспешный и, по нашему мнению, неверный вывод, что в древнейших русских памятниках глагол чаще всего начинает предложение, а подлежащее следует за глаголом.

Рассматривая фольклорный материал — народные русские сказки, который должен был в известной степени подтвердить выводы, сделанные на основании изучения древнерусских памятников, Э. Бернекер вынужден был указать, что в фольклоре самым распространенным является порядок: подлежащее начинает предложение, глагол следует непосредственно за подлежащим[119].

Того же мнения о порядке слов придерживался и А. И. Томсон. Ученый был в такой степени уверен в исконности порядка «сказуемое — подлежащее», что сетовал в одной из своих работ: «Школа искусственно уничтожает следы древнерусского порядка слов в повествовательных предложениях „глагол — подлежащее“ (Жил был старик, видит мужик), заменяя его порядком „подлежащее — глагол“, достигшим почти исключительного господства в общерусском языке не без влияния западных, особенно

[117] В каждом из этих видов тоже имеются отличия в расстановке слов.
[118] Erich Berneker. Die Wortfolge in den slavischen Sprachen. Berlin, 1900, стр. 1, 11—12, 29—30.
[119] Там же, стр. 16, 30.

французского языка, и т. д. Вследствие такого отношения практической грамматики к языку бессознательно вытесняются из литературного и общерусского языка такие формы и оттенки значений, которые составляют богатство языка»[120].

Исследуя язык замечательного художественного памятника — Слова о полку Игореве, М. Н. Петерсон пришел к противоположному выводу, а именно, что господствующий порядок слов (за некоторыми исключениями) «именительный падеж — глагол» (тот же порядок и при сказуемом, выраженном причастием на *-л* или причастием страдательного залога)[121].

Академик С. П. Обнорский отмечает относительно того же памятника: «Нормальное следование в предложении сказуемого за подлежащим является преобладающим в памятнике»[122].

В грамотах (в том числе и в новгородских грамотах на бересте) нормой также является препозиция подлежащего.

Этот вывод мы сделали несмотря на то, что число случаев с препозицией подлежащего меньше числа случаев с его постпозицией. Анализ случаев с препозицией сказуемого показал, что препозиция сказуемого вызвана особыми причинами, а именно стремлением автора текста обратить особое внимание на сказуемое или на группу зависящих от него слов, выдвинутых для этого в начало предложения. Так, большое число случаев с препозицией сказуемого встретилось в начале купчих грамот, где формулировка *се купи* (или *се купилъ*) сразу вводит в сущность вопроса, определяет грамоту. Этим и объясняется выдвижение сказуемого-глагола, постановка его раньше подлежащего-существительного: Се купи игуменъ. василеи оу гаврили оу ма$^{\wedge}$фѣкви$^{\wedge}$. землю. (Двин. купчая гр. XV в № 3. См. и другие 75 купчих двинских грамот).

С. М. Кардашевский, исследовав порядок слов в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку и установив преобладание случаев с препозицией сказуемого, не касается вопроса о том, что́ считать нормой — препозицию или постпозицию сказуемого. Автор отмечает, что препозиция характерна для погодных записей со светским содержанием, постпозиция — для частей памятника с религиозным содержанием, а также для рассуждений летописца[123].

---

[120] А. И. Томсон. К вопросу о возникновении род.-вин. п. в слав. языках. Приглагольный род. п. в праслав. языке. ИОРЯС, т. XIII, кн. 3, 1908, стр. 295. В этом высказывании имеется и рациональное зерно — протест против узаконенных штампов речи, требование использовать все богатства русского языка.

[121] М. Н. Петерсон. Синтаксис «Слова о полку Игореве». «Slavia», вып. IV, 1937, стр. 563, 568, 569.

[122] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, стр. 179.

[123] С. М. Кардашевский. Порядок слов в Повести временных лет (по Лаврентьевскому списку). «Ученые записки Московского областного пед. ин-та», т. XII. Труды кафедры русского языка, вып. 1, 1958, стр. 31.

Анализ порядка слов в языке второй части той же Лаврентьевской летописи — Суздальской летописи позволил Л. А. Коробчинской сделать вывод, что нормой расположения главных членов в простом двусоставном предложении является препозиция подлежащего и постпозиция сказуемого. Обратный порядок, по мнению автора, вызван желанием особо подчеркнуть действие, поскольку удельный вес препозитивного сказуемого всегда больше, чем постпозитивного, или выдвижением на первое место того или иного члена из группы сказуемого[124].

Таким образом, в отечественном языкознании в настоящее время господствует точка зрения, что уже в древнейших русских памятниках установился порядок следования главных членов в простом полном личном повествовательном предложении: подлежащее—сказуемое.

Когда подлежащим является личное местоимение, подлежащее последовательно стоит в препозиции к сказуемому (как в случаях, когда местоимение имеет при себе приложение и, следовательно, подчеркнуто в предложении, так и в случаях без приложения): і ѡнъ *прислалъ* къ федосьі (Нов. берест. гр. XIV в. № 3); а азъ тобе *кланаюсѧ* (Нов. берест. гр. рубежа XII—XIII вв. № 147); се азъ рабъ бжии федотъ скимникъ острохвостъ. *пишю* рукописанье при своемь животѣ (Двин. духовная гр. XV в. № 6. Сходные примеры еще в 11 двинских грамотах); *мы* тобе. с тымы людмы судъ *дадимъ* по пскои (псковьскои. — *В. Б.*) послине (Пск. гр. между 1463—1465 г.); *яз*, господине, тому мѣсту *не старожилец* (Яросл. правая докладная гр. между 1495—1497 г.); *азъ* єсмь *цр҃ь* (1 Нов. лет.); *азъ погана* єсмь (Лавр. лет.); *Азъ* Григории дїако҃. *написахъ* еу҃лие е (се. — *В. Б.*) (Послесловие писца Остромирова евангелия).

Инверсия представлена лишь единичными примерами и обусловлена стремлением обратить внимание на сказуемое или зависящее от него слово (местоимение-подлежащее в ряде случаев подчеркнуто благодаря употреблению при нем приложения): (*п*)*ослал.* азо к тоби бересто написаво вышли за... (Нов. берест. гр. XV в. № 27); а *кончилъ* азъ кнзь великии швитрикгаило миръ (со всимъ велик)и҃ новы҃ городо҃ и с приго(роды) со всею волостью новгородскою по сеи грамоте (Нов. договорная гр. 25 января 1431 г. № 19); тако *хочемъ. мы.* горожане. с мештеремь (Полоцк. договорная гр. около 1330 г.).

---

[124] Л. А. Коробчинская. К вопросу о порядке слов в древнерусском языке (по материалам Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку). Автореферат канд. дисс. Львов, 1950, стр. 6; ее же. Функции порядка слов в древнерусском языке. «Вопросы языкознания», кн. 1. Изд. Львовского ун-та, 1955, стр. 74—77.

Подлежащее, выраженное именем существительным, обычно предшествует сказуемому (как простому, так и составному), при этом и в предложениях, которые вводят прямую речь: 1) на семь г͡не *новгородъ* вс҃ь *хрьсть цѣлоуѥть* (Нов. договорная гр. между 1305—1308 г. № 6); *рать ударила* подо копорию (Нов. берест. гр. второй половины XIV в. № 272); и *посадники спросиша* оу савка. и оу всихъ. кн͡жо. островьчовъ (Двин. рядная гр. XV в. № 86); *иволтъ* стои *говорилъ* такъ (Пск. гр. между 1463—1465 г.); въ лѣто ≠с҃.фо(ѕ). ін҃. . с҃. глѣбъ *кнѧзь* мѣрилъ м° (море. — *В. Б.*) по ледꙋ (Тмутороканская надпись 1068 г.); *Игорь* къ Дону вои *ведетъ* (Слово о полку Игореве); 2) *крестъ есть глава* церкви (Моление Даниила Заточника); а то *купьла* мо҃ѧ *чиста* (Двин. купчая гр. XV в. № 92); вс҃ѧ *земл҃ѧ* наша *велика* и ѡбилна (Лавр. лет.); чьстное *дрѣво. бесцѣньно* ѥсть (Надпись 1161 г.); С҃ѧ *грамота утвьржена* всехо купьче пьчатию (Готландская редакция Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); А *рѧдъ* мои съ Немьци *таковъ* (Смол. торговая договорная гр. около 1230 г.).

Препозицию сказуемого находим в тех случаях, когда надо подчеркнуть сказуемое (см. выше замечание о глаголе-сказуемом *купи* или *купилъ*) или зависящие от глагола-сказуемого дополнения или обстоятельства), которые выдвинуты с этой целью на первый план[125]: се же все *далъ варламъ* михалевъ с͡нъ. с͡тмоꙁ спсоу (Нов. вкладная гр. после 1192 г.); *бѣють челомъ. корила.* погоскаѧ. вюдоласкаѧ и кюріѥскаѧ. господину новугороду (Нов. берест. гр. рубежа XIV—XV вв. или начала XV в. № 248)[126]; и здѣ *ѧвлѧтсѧ ппозовници* ложивы (Нов. берест. гр. первой половины XV в. № 307); А *дана грамота* въ лѣто 6929 (Моск. жалованная гр. 1421 г.); Велика оучителѧ и мудра сказателѧ *требуѥть ц҃ркы* на оукрашениѥ праздника (Слово Кирилла Туровского на антипасху. XII в.); *Коньчѧша сѧ книгы* сиѧ рукою грѣшнааго иоана (Послесловие Св. изб. 1076 г.).

Особенно часто находим препозицию сказуемого в погодных записях летописей в связи с тем, что на передний план выдвинуты зависящие от сказуемого слова, обозначающие дату[127], или же слова *в се же лѣ͡*, *томь же лѣ͡*, отсылающие к этой дате. Приведем первую часть записи из Суздальской

---

[125] При выдвижении на первый план зависящих от глагола-сказуемого слов часто сохраняется препозиция подлежащего. См. выше пример из Нов. гр. между 1305—1308 гг.

[126] Подчеркнуто фразеологическое сочетание *бѣють челомъ*. См. сходные случаи в грамотах различных местностей в работе: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр 139.

[127] Мы считаем, что слова с предлогом *въ*, указывающие дату, не являются в полной мере независимыми от сказуемого. При полной их не-

летописи по Лаврентьевскому списку под 6621-м годом: В лѣ. .ѕ х. ка. *Ходи* Ꙗрославъ снъ Стополчь. на Ꙗтьвѧгы второе и *побѣди* ѧ. том же лѣ *престависѧ Двдъ Игоревичь*. м ца. маѧ. въ. ке. днь.

Впрочем, в сходных случаях находим и препозицию подлежащего. В той же Суздальской летописи под 6625-м годом читаем: В лѣ .ѕ х. ке. *Володимеръ Всеволодичь. заложи* црковь камену. стою мученику. в том же лѣ *Володимеръ приведе* Мстислава сна своего из Новагорода.

Препозиция сказуемого, в состав которого входит причастие страдательного залога, встречается часто, препозиция же сказуемого, именной частью которого является имя существительное, имя прилагательное или местоимение, наблюдается редко (препозиция сказуемого с именем существительным не отмечена), так как в ряде случаев она привела бы к изменениям синтаксическим.

Препозиция сказуемого с именем прилагательным в его составе может способствовать определенной витиеватости словес, что мы видим, например, в следующих текстах: *сладка сут словеса* твоя (Моление Даниила Заточника); И *славна бысть* вся *земля* ею во всехъ странах страхом грозы хроборства великого князя Дмитрия и зятя его Домонта и моужь ею новогородцов и псковичь (Строевский список Псковской третьей летописи, писанный в 60-х годах XVI в.).

В распоряжении древнерусского книжника был и прием, способствующий особому подчеркиванию подлежащего.

Е. Ф. Карский приводит пример из Лаврентьевской летописи, в котором подлежащее стоит на самом конце предложения в целях его выдвижения: тои же зимы оу Зупцева *побѣдиша* Литву. Сужьдальскыи *кнѧ* (=кнѧзи)[128]. Такая необычная расстановка слов, несомненно, способствовала логическому ударению на подлежащем вместе с относящимся к нему определением.

Три сходных случая приводит из той же летописи Л. А. Коробчинская, справедливо отмечая, что подлежащее, поставленное в абсолютном конце предложения, воспринимается более рельефно[129].

Из этих примеров первый не в простом, а в сложносочиненном предложении (во второй его части), а второй — после

зависимости (в том случае, если бы дата являлась как бы заголовком ко всем излагаемым событиям) летописец не прибегал бы к таким напоминающим о дате словам, как *в се же лѣ*, *тожь же лѣ*.

[128] Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, стр. 53.

[129] Л. А. Коробчинская. Функции порядка слов в древнерусском языке, стр. 77.

авторской речи: ѡн же ѡмиривъ и^. и оустремисѧ на Кыєвъ. и из Галича *приде* к нему *Володимеръ Игореви^*.; кажет ны добрѣ блг҃ыи Вл^ка не по безаконью нашему *створи* на^. ни по грѣхо^ нашı^ *въздасть* на^ *чловк҃лбць*; *выидсша* же с° кр^ты противу Михалку и брату ѥго Всеволоду. *игумени* и *попове*. и вси *людьє*.

Отмеченный прием выделения подлежащего не был достоянием только летописца. Мы встретили его в берестяных грамотах, написанных простыми людьми-новгородцами: гн҃у михаилу юрьєвичу *биютъ челомъ хрстѧне черенщани* (Нов. берест. гр. первой половины XV в. № 157); осподѣну онд(рѣѧ)ну михаиловицю оспод(ѣ)ну микыти михаилоцю оспож(ѣ н)ашеи настасьи михаиловѣ женѣ *чоломъ бѣю хрѣстьѧне избсищанѣ* (Нов. берест. гр. первой половины XV в. № 307); да в҃ рубла и г҃ грины (гривны. — *В.Б.*) *дасте*[130] ѧковъ (Нов. берест. гр. середины XIV в. № 318).

Вторые косвенные падежи

§ 287. В древнерусских памятниках мы находим употребление так называемых вторых косвенных падежей (винительного, родительного и дательного) имени существительного, имени прилагательного и причастия. Эти косвенные падежи носят наименование вторых, потому что слова, стоящие в том или ином из отмеченных падежей, относятся к находящемуся в препозиции (а потому первому) другому слову в том же косвенном падеже. И первый (несогласуемый), и второй (согласуемый) косвенные падежи управляются в предложении одним и тем же глаголом, хотя степень зависимости от глагола первого больше зависимости второго, связанного не только с глаголом, но и со словом в первом косвенном падеже. Таким образом, слова, поставленные во втором косвенном падеже, выполняют другую функцию, чем слова, не зависящие от глагола и связанные только с определяемым им словом. Эти последние слова являются в предложении приложением (имя существительное) или определением (имя прилагательное и причастие), вторые же косвенные падежи выполняют предикативную функцию. Их роль сходна с ролью творительного предикативного, заменившего в дальнейшем вторые косвенные падежи, но являющегося уже несогласуемым падежом. Замена вторых косвенных падежей творительным предикативным говорит не только о предикативной функции вторых косвенных падежей, но и об отмеченной выше зависимости от глагола. Потеря зависимости от первого косвенного падежа и рост за-

[130] *е* на месте *ь*.

висимости от глагола способствовали постепенному исчезновению в языке вторых косвенных падежей и замене их творительным. Как справедливо отмечает А. А. Потебня, «в языке, если рассматривать достаточно продолжительные его периоды, все подвижно и ничто не проводится до конца»[131], т. е. рядом с одними формами могут употребляться и сходные по функции другие формы.

§ 288. Особенно широко представлено в древнерусских памятниках употребление второго винительного падежа. Со вторым винительным тесно связан второй родительный, поскольку мы его находим обычно на месте второго винительного в тех случаях, когда при управляющем этим падежом глаголе-сказуемом стоит отрицание. Случаи со вторым родительным, употребленным при глаголе с отрицанием, который без отрицания не требует винительного падежа, встречаются редко.

Приведем примеры с постановкой во втором винительном различных частей речи — имени существительного, имени прилагательного и причастия (страдательного и действительного залогов)[132]: а) а *кого* бъ *поставить кнѧзѧ*. а с тѣмь мира потвердить (Нов. договорная гр. между 1189—1199 г.); а *сна* моѥго, ре҃, *приимите* собе *кнѧзѧ* (1 Нов. лет.); Коцелъ кнѧзь *постави Мефедьи епа* въ Пании (Паннонии. — *В. Б.*) (Лавр. лет.); *нарекъ Чюдина всеводу* (Ипат. лет.); б) прикхавъ въ село. новъгородьскоую *волость пустоу положилъ*. братию нашю испродалъ (Нов. договорная гр. 1304—1305 г. № 11); Пискупъ Ризкии, Мастьръ Бжхъ дворѧнъ, и вси земледѣржци, ти *дають Двинсу свсбсднсу* ѿ вьрхоу и до низоу въ мъре и по въдѣ и по бѣрегоу, всемоу Латинескомоу языкоу и Роуси, кто правыи кѣпьчь ѥсть, ѿ морѧ дакмо свободно, кто хочете по Двине ѥхати оу вьрхъ или оу низъ (Готл. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); Ѭп҃пъ же Рижьскыи, Фолкоунъ, мастеръ Бжнихъ дворѧнъ, и вси волостелеве по Рижьскои земли, *дали Двиноу волнсу* ѿ оустья до вьрхоу, по водѣ и по берегоу, всѧкомоу гостьи Роусьскомоу и Немецьскомоу, ходѧщимъ въ низъ, въ вьрхъ (Риж. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); *псложиша* всю *вългоу поустсу* (1 Нов. лет.); повелѣ *засыпати* ѩ *живы* (Лавр. лет.); *иныя* излупивше *пущаху нагы* (Ипат. лет.); и бъ *невредена мѧ съблюде* (Поучение Владимира Мономаха)[133]; в) фрѧзи же *оуведавше ѩта*

[131] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 301.

[132] В примерах подчеркнуто управляющее винительным падежом слово, а также управляемые им слова, стоящие в винительном падеже (в первом и во втором).

[133] Т. П. Ломтев считает *невредена* в этом примере прилагательным (см. «Очерки по историческому синтаксису русского языка», стр. 222),

исаковицѧ... (1 Нов. лет.)[134]; абы коньцѧти и *видети цр҃квь съвѣршеноу* и *оукрашеноу* (там же); Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и *видѣ* отъ него тьмою вся своя *воя прикрыты* (Слово о полку Игореве); г) и *оузрѣша пълкы стоѧща* (1 Нов. лет.); *видѣ ѡсла стоѧща* на игумени мѣстѣ (Лавр. лет.); *видѣша Игоря лежаща* (там же).

Второй винительный падеж переводим на современный русский язык творительным падежом: «а кого бог поставит князем...»[135]; «а сына моего, сказал, примите себе князем»; «Коцел князь поставил Мефодья епископом в Паннонии»; «назначил Чюдина воеводой» и т. д.

Мы привели перевод примеров с именами существительными, но тот же творительный падеж мы употребили бы и при переводе примеров с согласующимися частями речи — прилагательным и причастием (вместо творительного падежа причастия может быть другой оборот, о чем см. ниже).

Во всех отмеченных нами случаях они выполняют ту же синтаксическую роль, что и имена существительные во втором косвенном падеже, и не являются определением к слову, стоящему в винительном падеже: *волость*, *Двиноу*, *вългоу* и т. д.

В этом отношении весьма показателен пример из Готландской редакции Смоленской грамоты 1229 г., где употреблен фразеологический оборот с наречием в его составе — *дакмо свободно* (разрешаем, позволяем), а несколько раньше стоит второй винительный падеж именной формы прилагательного *свободьныи*: дають Двиноу свободноу. Переводим: «делаем Двину открытой, дозволенной» (как и в сходном примере из Рижской редакции той же грамоты), а не «делаем открытую, дозволенную Двину».

Судьба оборотов со вторым винительным падежом была различной в зависимости от того, какая часть речи употреблена во втором винительном падеже.

но в примере из Ипатьевской летописи (и тако богъ соблюде и невреженa), хотя это более поздний памятник, — причастием. У А. А. Потебни («Из записок по русской грамматике», т. I—II, стр. 310) пример из Ипатьевской летописи включен в число примеров с причастием.

Полагаем, что *невр҃женъ* в значительной степени потеряло связь с причастием страдательного залога от глагола *вр҃дити*, отрицание стало составной частью слова, превратившегося в имя прилагательное (местоименная его форма *невр҃женыи*) со значением 'невредимый'.

[134] В этом примере второй винительный падеж (и первый также) зависит не от глагола, а от причастия действительного залога *оувѣдавше*. Сходные случаи (с причастиями, образованными от глаголов *видѣти*, *оувѣдати*, *слышати* и др.) находим и в других древнерусских памятниках.

[135] В примерах из древнерусских памятников с именем существительным, обозначающим лицо одушевленное, или с указывающим на него местоимением форма родительного падежа вместо формы винительного (в отдельных случаях сохранена форма винительного падежа).

Рядом со вторым винительным падежом имени существительного уже в древнейших русских памятниках находим творительный падеж.

А. А. Потебня отмечает, что употребление творительного было «столь обыкновенно, как и употребление согласуемого падежа»[136], и приводит многочисленные примеры с творительным падежом из летописей (1-й Новгородской, Лаврентьевской, Ипатьевской и 1-й Псковской) и из произведений Кирилла Туровского. Значительная часть этих примеров, а также примеров, отмеченных в работах, посвященных специально синтаксису 1-й Новгородской летописи по Синодальному списку[137], синтаксису Лаврентьевской летописи[138] и других памятников, — с глаголами *поставити* и *створити: поставиⷨ мѧ по҃мь* (1 Нов. лет.); *нарекъ ю дщерью собѣ* (Лавр. лет.); *поставиша ѳеѡдосьѧ игумено҃* (там же); и иде к великому Антонью да *бы и створилъ черноризцемъ* (там же) и др.

К первому винительному *мѧ*, *ю*, *ѳеѡдосьѧ* (форма род. п.), и относится творительный на месте второго винительного: *по҃мь*, *дщерью*, *игумено҃*, *черноризцемъ*.

Второй винительный имен существительных встречается еще в памятниках XVI—XVII вв. и даже XVIII в.[139] Однако, по-видимому, с XVI в. нормой стала постановка имени существительного в творительном падеже. Следует отметить, что в староукраинских и в старобелорусских памятниках получила распространение и конструкция с винительным падежом и предлогом *за*. Последняя конструкция употребляется и в современном украинском[140] и белорусском[141] языке: Хочу тебе за дружину взяти (укр.); Узяў сабе сястру за жану (бел.).

В современном русском литературном языке отмеченный винительный падеж с предлогом *за* входит лишь в словосочетание *счесть что за редкость* или *за честь* (*я счел это за*

---

[136] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 492.

[137] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 169.

[138] Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, стр. 41.

[139] «...в литературном языке XVIII в. 2-й винительный существительных в определенных сочетаниях еще имеет место в деловом и научном стиле (в произведениях Ломоносова, Татищева, Посошкова). Единичные примеры отмечены также в художественной литературе (у Радищева и Фонвизина)» (В. И. Чагишева. Второй винительный падеж в русском литературном языке XVIII в. «Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 122. Кафедра русского языка, 1956, стр. 90).

[140] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 304; Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, т. II. Киев, 1908, стр. 2.

[141] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 398; Нарысы па гісторыі беларускай мовы, стр. 317.

редкость, *за честь*). Приведенные выше примеры из украинского и белорусского языка могут быть переведены на русский язык и творительным падежом ('взять женою') и винительным падежом, но не с предлогом *за*, а с предлогом *в*, причем имя существительное стоит во множественном числе ('взять в жены')[142].

§ 289. Имя прилагательное употребляется во втором винительном падеже в своей именной форме, поскольку в этом падеже оно было носителем предикативной функции. Как нами отмечалось выше, в состав сказуемого, как правило, входит именная форма имени прилагательного, хотя местоименная форма (имеем в виду качественные прилагательные) встретилась уже в берестяной грамоте рубежа XIII—XIV вв.

Примеры из древнерусских памятников с местоименной формой имени прилагательного во втором винительном падеже в большей своей части могут быть объяснены как случаи с употреблением субстантивированных прилагательных. В числе этих прилагательных прилагательные *живыи* и *мьртвыи*, которые часто употреблялись как субстантивированные прилагательные, являясь в предложении подлежащими или дополнениями.

Субстантивацию прилагательного мы видим, в частности, в примерах из Лаврентьевской летописи, приведенных Е. Ф. Карским, с названными прилагательными[143], в примерах из Лаврентьевской летописи со словом *сватаꙑ*, из Новгородской, Ипатьевской и Троицкой летописей с теми же прилагательными, а также с прилагательными *ратьныи* (в значении *враг*, *неприятель*) и *съдоровыи*, отмеченных А. А. Потебней[144].

А. А. Потебня в отношении местоименной формы справедливо замечает, что она позже именной[145]. Однако и в примерах из сравнительно поздних памятников (Лаврентьевская летопись относится к 1377 г., Ипатьевская летопись принадлежит приблизительно 1425 г., Троицкий пергаменный список относится к XIV—XV вв.) употребление местоименной формы перечисленных прилагательных объясняется в первую очередь, как мы полагаем, их субстантивацией.

---

[142] Ср. пример из древнерусского памятника с единственным числом (при глаголе *въсхотѣти*): И *восхотѣ* царь еѣ *в жену* и не изволи она, зане же самъ крести ю (Устюжскай летописный свод первой четверти XVI в.). В Лаврентьевской летописи другая конструкция (с глаголом *пояти*): и по крщньи возваю цр҃ь и рече ѥи хощю тѧ поꙗти собѣ женѣ. В других летописях сходный текст, с возможными вариантами *женоу* или *женою*.

[143] Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, стр. 36.

[144] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 305—306.

[145] Там же, стр. 305.

Ограничимся двумя примерами: на заоутрьѥ же *налѣзоша Тугоркана мертвого* (Лавр. лет.); *Князя* своего *живого вѣдяче* (Ипат. лет.).

Употребление творительного падежа имени прилагательного на месте второго винительного связано с расширением случаев постановки в составном сказуемом и во втором косвенном падеже местоименной формы имени прилагательного.

А. А. Потебня замечает: «В древнейших летописных русск. сборниках (Новг. 1, Лавр., Ип.) творит. предикативн. прилагательных даже в тех случаях, где твор. существительных обычен, составляет еще большую редкость...»[146]. А. А. Потебней приведен единственный пример с творительным падежом (из Лаврентьевской летописи): ти бо мимоходячи *прославять* человѣка любо *добрымъ* любо *злымъ*[147]

В этом примере, по нашему мнению, тоже следует учитывать субстантивацию имени прилагательного, способствовавшую его употреблению в местоименной форме.

В дальнейшем творительный падеж занял господствующее положение и в литературном русском языке вытеснил второй винительный падеж имени прилагательного. Однако последний мы находим еще как у писателей XVIII в., так и в произведениях первой половины XIX в. (в XVIII в. и с именной, и с местоименной формой, в XIX в., как правило, с местоименной формой прилагательного).

Еще Ф. И. Буслаев приводил примеры с прилагательным и причастием страдательного залога в произведениях указанного периода: Дай, боже, чтоб мы *нашли вас здоровых* (Фонвизин); *Видя* юного *Феодора*, уже *близкого* к совершенному возрасту (Карамзин); Старожилов, *которого* мы *знали* в молодости нашей столь *блестящего*, столь *веселого*, столь *рассеянного*, ныне сделался брюзгою (Батюшков); ... *которого привел связанного* (Пушкин)[148]. В числе примеров и случай со вторым родительным при отрицании: Я *не помню себя безграмотного* (Фонвизин)[149].

А. А. Потебня отметил примеры со вторым винительным прилагательного у Крылова, Пушкина, Гоголя и Лермонтова[150].

По наблюдениям Л. А. Булаховского, для синтаксиса русского литературнего языка первой половины XIX в. характерно

---

146 Там же, стр. 500.

147 Там же.

148 Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 470. Последний пример в более полном виде: ... Но Дубровский со своим кучером поймал одного из них, которого привел связанного к себе на двор.

149 Там же, стр. 470.

150 А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 307.

относительно частое сохранение в употреблении двойного винительного, только медленно отступающего перед новой конструкцией — винительный падеж имени существительного с прилагательным (причастием) предикативного характера в творительном падеже[151]. Л. А. Булаховский подкрепляет это положение большим числом примеров из произведений первой половины XIX в. Среди этих примеров только один случай с именем прилагательным в именной форме: ....И мы вместе смешали наши слезы, отдавши дань справедливой похвалы качествам той, которая *умела* и за гробом *живу оставить себя* навсегда в памяти тех, кои ее любили и ей самой были приятны (И. М. Долгорукий. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 г.)[152].

Несмотря на сравнительно большое число примеров со вторым винительным падежом имени прилагательного (и причастия) в произведениях первой половины XIX в., нормой в это время было употребление творительного падежа[153].

Ф. И. Буслаев, чей «Опыт исторической грамматики русского языка» (в дальнейшем, будучи переработан, он получил название «Историческая грамматика русского языка») вышел в 1858 г., имел основание сделать вывод для современного ему языка: «Иногда вм. творительного определение ставится в падеже слова определяемого; напр., „я видел *его здорового*“ (вм. *его здоровым*)»[154]. Таким образом, по мнению Ф. И. Буслаева, второй винительный ставится лишь иногда.

Отметим, что и в современном русском языке возможны обороты типа *я видел его здорового*, но второй винительный падеж прилагательного здесь не имеет предикативной функции, и прилагательное является необособленным согласованным определением к местоимению *его*[155].

§ 290. Судьба второго винительного причастия действительного залога и причастия страдательного залога была в известной

---

[151] Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика, морфология, ударение, синтаксис. Изд. 2. М., 1954, стр. 332.

[152] Там же.

[153] Ср. замечание В. П. Сухотина, предшествующее примерам со вторым винительным прилагательного и причастия действительного залога в произведениях М. Ю. Лермонтова: «Встречается двойной винительный и в прозе Лермонтова, но в таком ограниченном количестве случаев, что не может не рассматриваться как отмирающее, пережиточное явление. . .» (В. П. Сухотин. Глагольные сочетания с винительным падежом в прозе М. Ю. Лермонтова. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. III. М., 1953, стр. 224).

[154] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 470.

[155] Определяемым словом может быть в указанном обороте личное или возвратное местоимение. См. Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. 1, стр. 550.

степени сходной с судьбой второго винительного прилагательного [156].

Еще в XVIII в. и в первой половине XIX в. находим обороты со вторым винительным причастия. Один пример с причастием страдательного залога, отмеченный Ф. И. Буслаевым, мы привели выше. Этот пример — из произведения А. С. Пушкина «Дубровский».

Большое число примеров (с именной и местоименной формой причастия) из сочинений XVIII в. дано в упоминавшейся выше работе В. И. Чагишевой «Второй винительный падеж в русском литературном языке XVIII в.» (стр. 91—97), из произведений первой половины XIX в. — в труде А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике», т. I—II (стр. 310), в названных ранее исследованиях Л. А. Булаховского «Русский литературный язык первой половины XIX века», (стр. 332—333) и В. П. Сухотина «Глагольные словосочетания с винительным падежом в прозе Лермонтова» (стр. 224).

Приведем несколько примеров из произведений первой половины XIX в.: От стужи малого прошибли слезы, и *Ласточку* свою, предтечу теплых дней, он *видит* на снегу *замерзшую* (И. А. Крылов. Мот и ласточка); Мы пошли к Сильвио и *нашли его* на дворе, *сажающего* пулю на пулю в туза, приклеенного к воротам (А. С. Пушкин. Выстрел); Я *нашел его* у ворот *сидящего* на скамейке (М. Ю. Лермонтов. Максим Максимыч); ...*князя Ивана Васильевича*, наместника астраханского, *привезли* в Москву *скованного* с женою и сыном (Н. М. Карамзин. История Государства Российского).

Рядом в произведениях XVIII в. и первой половины XIX в. находим и творительный падеж.

В. И. Чагишева отмечает, что в произведениях XVIII в. при глаголе *видеть* творительный падеж встречается редко: *Видел я решения* мои *осмеянными* в том самом, что их изящными делало; *видел их оставляемыми* без действия (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Зайцево) [157].

С глаголом того же значения употреблен творительный падеж в произведении А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум»:

---

[156] Интересный материал об употреблении второго винительного падежа причастия (в именной форме) в памятниках второй половины XVI в. содержится в исследовании С. Д. Никифорова «Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века» (М., 1952). Отметив случаи со вторым винительным причастий (в именной форме) действительного залога (стр. 253—254) и страдательного залога (стр. 292 и 332), автор приводит (на стр. 192) только один пример с творительным на месте второго винительного, при этом с местоименной формой причастия настоящего времени страдательного залога: В неразумии прохудит девство свое и *сотворит тя знаемым* (Домострой).

[157] В. И. Чагишева. Указ. соч., стр. 93—94.

17 июня утром мы вновь услышали перестрелку и через два часа *увидели* карабахский *полк возвращающимся* с осмью турецкими знаменами...[158]

В отношении языка писателей XVIII в. В. И. Чагишева пишет, что выбор между вторым винительным или творительным на месте второго винительного прилагательных и причастий зависит от того, к какой семантической группе принадлежит глагол-сказуемое[159].

Это положение может быть распространено и на первую половину XIX в.

Для современного русского языка характерно употребление или творительного падежа на месте второго винительного (с сохранением первого винительного), или включение союза *что* с перестройкой предложения — превращением его в сложноподчиненное. В придаточной части этого предложения на месте первого винительного стоит именительный падеж подлежащего, а на месте второго винительного причастия — составное сказуемое с причастием страдательного залога (если в обороте был второй винительный причастия страдательного залога) или глагольное сказуемое (если в обороте был второй винительный причастия действительного залога).

Вернемся к тем примерам из древнерусских памятников с причастиями, которые нами приведены выше.

Первый пример с причастием страдательного залога — *фрязи же оувѣдавше ѩта исаковица*... — приведен из Синодального списка Новгородской первой летописи старшего извода (из той его части, которая писана почерком второй половины XIII в.). В Комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода (в той его части, которая писана почерком первой половины или середины XV в.) то же событие передано другой конструкцией: Фрязи же увѣдавше, яко изимаша Исаковица...[160]. Таким образом, на месте оборота со вторым винительным находим не возникший из него, но синонимичный ему оборот с *яко* (=*что*), входящим в состав придаточного предложения.

На современный русский язык мы переведем и тот и другой пример почти одинаково: 'фряги, узнавшие, что Исакович схвачен...' (во втором примере: 'Исаковича схватили...'). Употребить здесь причастие в творительном падеже нельзя.

В двух других примерах (сказуемое в них выражено глаголом *видѣти*) с причастиями страдательного залога возможен выбор конструкций: а) с придаточным предложением: 'чтобы

---

158 Ф. П. Буслаев Историческая грамматика русского языка, стр. 469. См. также: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 500; Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 333.

159 В. И. Чагишева. Указ. соч., стр. 100.

160 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 243.

довести до конца и увидеть, что церковь создана и украшена'; 'Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что от него все его воины тьмою покрыты'; б) с творительным падежом: 'и увидеть церковь созданной и украшенной'; '... и увидел покрытыми от него тьмою всех своих воинов'.

Если перевод примера из Новгородской летописи с употреблением творительного падежа (*созданной* и *украшенной*) не вызывает особых возражений, то перевод с тем же падежом примера из Слова о полку Игореве представляется искусственным.

При переводе приведенных нами выше примеров с причастием действительного залога включаем в текст союз *что*: '... что полки стоят'; '... что осел стоит'; '... что Игорь лежит'.

Впрочем, возможен и следующий перевод примеров, как не противоречащий нормам современной русской литературной речи: 'увидели полки стоящими'; 'видел осла стоящим на месте игумена'; 'видели Игоря лежащим'.

Во всех этих примерах глагол восприятия — *видеть*.

При другом глаголе восприятия — *слышать* в современном русском языке творительный падеж (на месте второго винительного) не употребляется (как и при некоторых других глаголах). Следующий пример из Ипатьевской летописи, приведенный А. А. Потебней[161], допускает перевод только с союзом *что*: Изяславъ же *слыша Гюргя пришедша*. Переводим: 'Изяслав же слышал, что Георгий пришел'.

§ 291. Второй родительный, как уже говорилось выше, употребляется обычно на месте второго винительного, когда при глаголе-сказуемом имеется отрицание. Впрочем, и в этих случаях может быть сохранен второй винительный падеж.

Примеров со вторым родительным, как справедливо отметил А. А. Потебня[162], в древнерусских памятниках мало. Так, А. А. Потебня из 1-й Новгородской летописи приводит только один пример[163], тот же единственный пример находим и в исследовании Е. С. Истриной о синтаксических явлениях этой летописи[164]: *не даша кго жива*.

Примеры со вторым родительным из других памятников (ограничиваемся двумя примерами): *Не заста отца живого* (Ипат.

---

[161] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 309.

[162] Там же, стр. 322.

[163] Там же.

[164] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 169. В другой своей работе («Употребление именных и местоименных форм имен прилагательных в Синодальном списке I Новгородской летописи», стр. 9) Е. С. Истрина приводит еще один пример: *не хотѧ мѣста* сего ... *оставити поуста*. Пример представляет особый интерес, так как отрицание стоит поред *хотѧ*, а не перед управляющим словом *оставити*.

лет);[165] и *не видѣхъ праведника оставлена* ни *сѣмени* кго *просѧща* хлѣба (Поучение Владимира Мономаха).

Несомненный интерес представляют случаи, когда второй родительный употреблен не на месте винительного (в связи с постановкой при глаголе-сказуемом отрицания). Глаголы в этих примерах являются непереходными и, следовательно, при употреблении их без отрицания не требуют винительного падежа.

Из трех примеров (один из деловой письменности XVI в., два других — из фольклора), отмеченных А. А. Потебней, первый, по мнению исследователя, допускает двоякое толкование («Можно понимать „бездѣтна“ не только „бездетного“, но и „бездетным“»[166]): А которого *князя бездѣтна не станетъ*, и тѣ вотчины имати на государя, 1550—1582, Ак. ист. I, 268; По приметам знать, *Добрынюшки живого нет*, Онеж. был.; Привозил он весточку нерадостну, что *нет жива Добрыни Никитича*, Был.

В обороте со вторым родительным произошли те же изменения, которые мы наблюдали в обороте со вторым винительным, поэтому нет необходимости на них специально останавливаться.

§ 292. В древнерусских памятниках представлено и употребление второго дательного падежа в предложениях с инфинитивом *быти*. В этих предложениях первый дательный может быть и опущен (в тех случаях, когда он легко подразумевается), может зависеть не только от инфинитива, но в равной степени и от личной формы глагола, если таковая имеется в предложении. Второй дательный падеж зависит только от инфинитива *быти* и в дальнейшем вытесняется, как и другие вторые косвенные падежи, творительным падежом.

Чаще всего во втором дательном падеже встречается имя прилагательное, но может быть и имя существительное и причастие страдательного залога.

Примеры, где первый дательный не опущен и зависит, как и второй дательный, от инфинитива: ѩко *всѣмъ одинакымъ быти* (1 Нов. лет.); оувидѣ кнзь... ѩко оуже *взѧтоу быти градоу* (там же); *не быти нама живымъ* отъ тебе (Лавр. лет.); И бяху тогда псковичи в велицѣ скорби и печали, мняхоуть бо тогда оуже *граду взяту быти* (Синодальный список 2-й Пск. лет.).

Первый дательный опущен: луцежъ бы *потяту быти*, неже *полонену быти* (Слово о полку Игореве).

---

[165] См. еще ряд примеров из Ипатьевской летописи в указанном сочинении А. А. Потебни, стр. 322.

[166] Там же. При первом понимании — простое определение, при втором — второй косвенный падеж.

Первый дательный зависит и от глагола в личной форме (*дасть*, *приключисѧ*[167], *даи*) в следующих примерах, приведенных А. А. Потебней[168]: Дасть *имъ* область *чѧдомъ* божиѥмъ *быти* (Остромирово евангелие); приключисѧ ту *быти. прислану* Володїмеро҃ Рюриковиче҃. *митрополиту Кирилу* (Лавр. лет.); дай *намъ* богъ за хрестьяны и за русскую землю головы своѣ сложити и къ мученикомъ *причтеномъ быти* (Ипат. лет.).

Второй дательный падеж имен существительных стал заменяться творительным падежом, по-видимому, уже в XV в.[169] В XVIII в. второй дательный падеж имен существительных почти не употребляется, второй дательный имен прилагательных и причастий имеет место еще и в произведениях первой половины XIX в.

По мнению А. А. Потебни, в XIX в. такое употребление дательного падежа прилагательного встречается преимущественно после слов, сообщающих инфинитиву *быть* некоторый модальный оттенок: *можно*, *должно*, *следует*, *нельзя* и пр. А. А. Потебня приводит пример из произведения А. С. Грибоедова «Горе от ума»: Зачем же *быть*, скажу вам напрямик, так *невоздержну* на язык, в презренье к людям так *нескрыту?*[170].

В этом примере нет слова с модальным оттенком, что, однако, не ставит под сомнение вывод А. А. Потебни[171].

---

[167] Глагол-сказуемое безличного предложения.

[168] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 381.

[169] По предположению А. А. Потебни, замена второго дательного падежа существительных творительным падежом началась гораздо раньше XV в., но пример (с инфинитивом *писаться*) приводится им только из западнорусского памятника XV в.: *ему* (князю Ив. Андр. Можайскому) *писаться* господару нашому королю, въ доконьчалныхъ и во всякихъ грамотахъ *братомъ* молодшымъ (1448, А. З. Р., I, 62) (А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 492). Там же, стр. 501, пример из западнорусского памятника с творительным падежом имени прилагательного (в примере, кроме *быти*, имеется и личный глагол): абыхмо *имъ* опять зася велѣли ей служити и ей *послушными быти* (1483, А. З. Р., I, 104).

[170] Там же, стр. 501. В этом примере, отмеченном еще Ф. И. Буслаевым («Историческая грамматика русского языка», стр. 465), первый дательный падеж опущен.

[171] Заслуживают внимания два других примера со вторым дательным имени существительного в произведении второй половины XVIII в. — в «Недоросле» Д. И. Фонвизина. В обоих примерах модальное слово *надобно*: «Второй дат. существительных, ныне в русск. лит. невозможный, встречается еще у Фонвиз.: „вижу наперед, какому *грамотею* (2-й дат.) ему (1-ый дат.) быть надобно, учася у Кутейкина, и какому *математику* (2-й дат.), учася у Цыфиркина“, „надобно быть (кому? человеку, некому) *Скотинину* (2-й дат.), чтоб вкусить такую блаженную кончину“» (А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 382).

Наблюдения Л. А. Булаховского показали, что прилагательные и причастия страдательного залога в именной форме употребляются нередко в дательном падеже почти до самой середины XIX в. при инфинитиве *быть*, употребляющемся самостоятельно, а также в сочетании с безличными сказуемыми *должно*, *нельзя*, *довольно* и т. п. или являющемся связанным с существительными. Однако наибольшее число примеров приводится именно с модальными словами *можно*, *должно*, *нельзя*[172].

На месте второго дательного имени существительно мог стоять не только творительный падеж, но и местный падеж имени существительного во множественном числе с предлогом *въ*. В редких случаях и на месте второго дательного падежа имени прилагательного встречается местный падеж с предлогом *въ* имени существительного, но не во множественном, а в единственном числе: А черезъ сю мою грамоту кто на комъ что возметъ, или чимъ изъобидитъ, *быти тому* отъ меня *въ казни* (Ниж. жалованная гр. между 1410—1417 г.).

Местный падеж имени существительного во множественном числе с предлогом *въ* находим в случаях, когда указывается на пребывание в должности, в сане: А на стро|и|теля Аврамия послали мы челобитную боярину Борису Ивановичу, чтоб *ему*, Аврамию, *в строителях* у нас *не быть* и в монастыре с нами не жить (Грамота старцев Александра с братьею Пречистенского монастыря в с. Лыскове (Нижегород. у.) старцу Ионе в Новинский монастырь 1 марта 1660 г.)[173].

Определенно-личные предложения

§ 293. В древнерусском языке (как и в современном русском) имеются предложения, различные по своей структуре, но объединяемые одним общим признаком — отсутствием подлежащего. В эту группу односоставных бесподлежащных предложений входят: определенно-личные, неопределенно-личные и безличные предложения. В нее не включаются неполные предложения без подлежащего, поскольку в неполных предложениях, в отличие от перечисленных выше предложений, опущенное подлежащее (так же как и опущенные другие члены предложения) восстанавливается из контекста. В односоставные бесподлежащные предложения невозможно включить подлежащее без нарушения структуры предложения. Не составляет при этом исключения определенно-личное предложение, поскольку, расширив его состав местоимениями первого или вто-

---

[172] Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 329—331.

[173] Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, ч. II. М.—Л., 1945, стр. 120.

рого лица в роли подлежащего, мы тем самым превращаем односоставное предложение в двусоставное.

Для древнерусских памятников различных жанров характерно широкое употребление определенно-личных предложений, т. е. предложений, в которых при глаголе-сказуемом, стоящем в 1-м или 2-м лице, нет личного местоимения. В постановке личного местоимения не было необходимости, поскольку сама форма сказуемого заключала в себе указание на о п р е д е л е н н о е действующее лицо.

Отсутствие личного местоимения при глаголе-сказуемом в 1-м или 2-м лице не устраняет законченности предложения. И. И. Мещанинов справедливо отмечает, что «*пишу* представляет собой законченное предложение с субъектом и предикатом в одной общей форме, и, поскольку субъект не выражен особым членом предложения, постольку же подлежащее в этом построении предложения отсутствует»[174].

Употребление личных местоимений, благодаря чему на месте односоставных предложений находим двусоставные предложения, было вызвано добавочными обстоятельствами, относящимися к области стилистики (наличие особого ударения, необходимость противопоставления действующих лиц и др.).

В дальнейшем такое употребление (за исключением повелительного наклонения) становится нормой.

Кроме причин стилистического характера, надо учитывать и влияние широко распространенного (в тех случаях, когда сказуемое выражено 3-м лицом глагола) двусоставного типа предложения, в котором субъект и предикат выражены двумя членами предложения[175]. О роли этой последней причины особенно ярко говорят примеры, где постановка личного местоимения не вызвана требованиями стиля. Отдельные случаи такого употребления находим уже в памятниках XIII в., однако рост случаев с личным местоимением без логического на нем ударения идет очень медленно. Даже в XV—XVI вв. (по-видимому, и в XVII в.) нормой было определенно-личное предложение, хотя случаи с личным местоимением не составляли исключения.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица сначала всегда были носителями логического ударения в предложении, затем, когда

---

[174] И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, стр. 170.

[175] В числе этих двусоставных предложений и неполные предложения с опущенным глаголом 1-го или 2-го лица, в которых только местоимение указывало на лицо: *а* на *ярославли* добръ здоровъ и с григоремь (Нов. берест. гр. XII—XIII вв. № 69).

Такие предложения по своему строению, по-видимому, были характерны для живой разговорной речи, однако не они, а полные предложения в наибольшей степени способствовали превращению односоставных определенно-личных предложений в двусоставные предложения.

широко распространилось двусоставное предложение с личным местоимением, постановка личного местоимения сама по себе еще не свидетельствует о том, что местоимение находится под логическим ударением, вопрос о логическом ударении решается на основании конструкции предложения, текста в целом.

В переходе от односоставного предложения к двусоставному большую роль, как мы полагаем, сыграли предложения, где личное местоимение употреблено в целях четкого разграничения различных субъектов действия.

Как правило, в этих случаях местоимение, употребленное в целях подчеркивания субъекта действия, стоит во второй части сложного предложения, в первой же части в большинстве случаев двусоставное предложение с подлежащим — именем существительным. Это приводит к тому, что уже при любых условиях в сложном предложении употребляются личные местоимения 1-го и 2-го лица. Может быть, то обстоятельство, что личное местоимение при повелительном наклонении употреблялось в целях более четкого разграничения субъектов действия очень редко, явилось одной из причин, устранивших необходимость перехода от односоставных предложений к двусоставным, с обязательной постановкой личных местоимений при повелительном наклонении.

Приведем несколько примеров без личного местоимения при изъявительном и сослагательном наклонении, а затем при повелительном наклонении.

Отметим, что такое употребление находим и в прямой речи и что в случаях с повелительным наклонением, как правило, в данном предложении или в предыдущем имеется обращение-наименование. Последнее отсутствует тогда, когда форма повелительного наклонения указывает не на определенное, данное лицо, а на каждое лицо, которое может оказаться в предусмотренных договорной грамотой условиях (повелительное наклонение как бы обобщает круг лиц, к которым оно обращено).

Примеры: а) то ти ѡтьче *повѣдаю*. с(ъ бр)атомь своимь съ старѣишимь съ даниломь. ѡ*динъ есмь*. и съ иваномь (Нов. договорная гр. между 1294—1301 г. № 4); а рожь. осподине. *велишь* мне молотитѣ (ка)къ. *укажешь* (Нов. берест. гр. первой половины XV в. № 242); И суд(ь)я спросилъ Левы Колосова: скажи, брате, в Бож(ь)ю правду как то мѣсто зовутъ, гдѣ *стоимъ?* (Яросл. правая докладная гр. между 1495—1497 г.); И Князь Псковской Ярославъ Васильевичь, и посадники степенные и соцкіе, вспросили обоих, съ обою сторонъ: *снимаете* ль смежниковъ межьничьства? (Пск. правая гр. 1483 г.); и Новгородци сдумавше рекоша Всеволоду. *не хоче*ⷭ сна твоѥго. ни брата. ни племени вашего. но *хоче*ⷭ племени Володимерѧ (Лавр. лет.); възлелѣй господине мою ладу къ мнѣ, а *быхъ*

не слала къ нему слезъ на море рано (Слово о полку Игореве)[176]; 2) тобѣ кнѧже не кърмити ѥго новгородьскымь хлѣбомь. *кърми* ѥго оу себе (Нов. договорная гр. 1304—1305 г. № 11); да *пришли* ми цтениѧ доброго (Нов. берест. гр. второй половины XIV в. № 271); а ныне *покаитесѧ* того безакониѧ (Нов. берест. гр. середины XIV в. № 317); На семъ, братъ старѣйши Князь Велики Дмитреи Ивановичь и братъ твой Князь Володимеръ Андрѣевичь, *цѣлуйте* ко мнѣ крестъ (Ряз. договорная гр. 1381 г.); что имъ посулишь, то *даи*, а боле *не даи* (Готл. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); а коли товаръ на стану станеть *отступи* прочь. а рукою *не приимаи* (Полоцк. договорная гр. около 1330 г.); и посла к Половцемъ река. *поидѣте* ко мнѣ на миръ (Лавр. лет.); *съдравьствоуите* же мъногa лѣ҃. съдрьжѧще пороучение свое (Послесловие писца Остромирова евангелия); ста҃ѧ бц҃е *помагаи* рабоу своемоу дъмъкѣ на мънага лѣта аминъ (Приписка на полях Новгородской октябрьской служебной минеи 1096 г.).

Большой интерес представляет помещенная в «Русской грамматике» Генриха Вильгельма Лудольфа, изданной в Оксфорде в 1696 г., запись в разговорнике фраз (с переводом на латинский язык) с 1-м и 2-м лицом глагола в изъявительном наклонении.

Личное местоимение находим преимущественно при перфекте, форма которого, в связи с отсутствием в его составе связки, не содержит указания на лицо; Где *ты былъ*; ѧ давно тебѧ *не видалъ; мы не дожидали сѧ* гости, не сѳди что ѧ *смѣлъ* за простъ тебѧ держатъ здѣсъ; кѳди *ты дѣлъ* мои ножикъ и др.

Отметим, что в тех случаях, когда в предложении несколько глаголов-сказуемых и первое сказуемое содержит указание на лицо (*не люблю* в приведенном ниже примере), а второе не содержит (*примечал*), личное местоимение при этом последнем отсутствует: споры ѡ божественнихъ дѣлехъ до смерти *не люблю. примечалъ* что менше по Христїанскомѳ живѳтъ которие болши ѡ вѣрѣ бранѧтъ сѧ.

Когда в предложении нет глагола-сказуемого, также употребляется личное местоимение: давноли *ты* съ москвы; спасибо, ѧ не гораздо здоровъ; съ пивомъ, къ инномѳ питїю ѧ не ѡхотникъ и др.

В остальных случаях личное местоимение, как правило, отсутствует: ѿ кѳди *придешъ*; кѳди *идешъ*, *поѣдишъ*; *изволишъ* гѳлѧтъ сомною, съ нами; при свѣтѣ писатъ *не могѳ*; *не знаю* по рѳски, по немецки, по францѳски; море *не люблю*, естли сѳхимъ пѳтемъ *поѣдѳ не ѳтонѳ* и др.

---

176 Определенно-личное предложение с глаголом в сослагательном наклонении входит в состав сложного предложения — является зависимым предложением.

Значительно реже в сходных случаях встречаем местоимение, при этом без логического на нем ударения: почемѕ *ты знаешъ;* ѧ *радъ бѣдѣ* часто свидатъ сѧ стобою; ѧ *дожидаю* сѧ твою семью, женѕ; право ѧ *не станѕ* ѣстъ покамѣстъ она не пришла и др.

Среди многочисленных примеров с повелительным наклонением в «Русской грамматике» встретился только один случай с личным местоимением (2-го лица)[177].

Таким образом, данные «Русской грамматики» дают основание предполагать, что еще в конце XVII в. нормой являлось определенно-личное предложение без личного местоимения не только при повелительном, но и при изъявительном наклонении.

Как мы отметили выше, постановка местоимения в древнейших русских памятниках была вызвана вначале требованиями стиля.

В следующих примерах с изъявительным и сослагательным наклонением и с повелительным наклонением имеем несомненное подчеркивание субъекта действия: 1) Се *азъ* мьстиславъ володимирь сн҃ъ дьржа роусьскоу землю въ своѥ кнѧжениѥ *повелѣлъ ѥсмь* сн҃оу своѥмоу всеволодоу... (Мстисл. гр. около 1130 г.); Се ѩзъ кнѧзь великыи димитрии. *докончиваю* и *повинуюсѧ* служьбою таковою (Волын. договорная гр. начала октября 1366 г.); тако *хочемъ мы* горожане с мѣштеремь (Полоцк. договорная грамота около 1330 г.); а той, господине, пожнѣ межа с Микиткиною землею Звѣринцем тот поточек, на коем, господине, *ты* суд(ь)я *стоиш* (Яросл. правая докладная гр. между 1495—1497 г.); и *вы бъ*, буимистры и ратманы и полатники, того государя нашего торгового человѣка Тимоху *отпустили* в Любокъ или назадъ во Псковъ, и животы его ему *отдали* (Моск. гр. 25 июня 1588 г.); Азъ Григории дїѧко *написахъ* еу҃лие е (описка, ѵ вместо *се.* — *В. Б.*) (Послесловие писца Остромирова евангелия); *Азъ* грѣшьныи рабъ бжии недостоиныи дъмъка *написахъ* кънигы сиѧ. сѣи гжѣ бцѣ (Приписка на полях Новгородской сентябрьской служебной минеи 1095 г.); 2) и *ты* игумене исаѥ. и *вы* братиѣ. донѥлѣ же сѧ миръ състоить *молите* ба҃ за мѧ и за моѣ дѣти (Мстисл. гр. около 1130 г.); а *ты* варламе *исправи* (Нов. духовная гр. до 1270 г.).

В примерах (1) на местоимении, несомненно, стоит логическое ударение, поскольку при местоимении имеется приложение. В примерах (2) субъект действия особенно сильно выделен

---

[177] См.: Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica. Oxford, 1959, стр. 75 . . . ныне ты самъ сѣди. . . В латинском переводе также имеется личное местоимение: Iam tu ipse judica. . .

в предложении благодаря тому, что обращение не устранено и стало приложением к местоимению.

Отметим несколько примéров, в которых постановка личного местоимения вызвана необходимостью более четко разграничить различные субъекты действия: пришли осподине цлвкъ. спроста. а *мы не смиѭмъ* iмать ржи безъ твоѭго слова (Нов. берест. гр. конца XIV—XV в. № 27); а ркѧ такъ. кладете на мене. розрубь. а *ѧзъ* оу васъ *не живу* (Двин. судная гр. XV в. № 87); аже будеть полочанинъ чимь виноватъ рижанину ѧ за тѣмь *не стою* своими дѣтми исправу *дамь* (Полоцк. гр. около 1300 г. № 4); *мы* ваші *поустимъ*, а *вы* наши *поустите* (1 Нов. лет.); і ѡтъ прислалъ къ федосьі *вари ты* пивъ (Нов. берест. гр. второй половины XIV в. № 3); И я отошелъ к дверямъ, да набокъ повалилъся: «*посидите вы*, а *я полежу*», — говорю имъ (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. 1672—1673 гг.)[178].

Считаем необходимым вновь подчеркнуть наш вывод, что в памятниках XIII в. находим уже бесспорные случаи такого употребления личных местоимений, которое не вызвано требованиями стиля[179].

Неопределенно-личные предложения

§ 294. К неопределенно-личным предложениям относятся те односоставные предложения, в которых сказуемое выражено 3-м лицом глагола, а подлежащее отсутствует и его невозможно выяснить из контекста.

В неопределенно-личных предложениях, как и в определенно-личных, сказуемое в своей форме содержит указание на лицо и число производителя действия или носи́теля признака, однако в отличие от определенно-личных не выясняется более точно, кто этот производитель действия или носитель признака.

---

[178] В двух последних предложениях постпозитивные местоимения *ты* и *вы* не служат средством смягчения приказания, поскольку *ты* и *вы* употреблены для более четкого противопоставления субъектов действия. Полагаем, что постановка *ты* и *вы* в постпозиции к сказуемому — повелительному наклонению в целях смягчения приказания — явление более позднее по отношению к использованию личных местоимений с логическим на них ударением. Эта новая функция, по-видимому, была характерна сначала для разговорной речи.

См.: И. Б. Кузьмина. Употребление глагольных форм в побудительных предложениях в русском языке XI—XVII вв. «Труды Института языкознания», т. V, 1954, стр. 88—89. Здесь (на стр. 89) имеется и пример из Жития Аввакума со смягченным приказанием: «Матушка, опочивай *ты*».

[179] Этот вывод (см. «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)», стр. 106) получил затем подтверждение при исследовании нами новгородских грамот на бересте.

Таким образом, неопределенно-личные предложения занимают как бы промежуточное положение между определенно-личными и безличными.

Грамматики современного русского языка, в том числе и Академическая грамматика[180], относят к неопределенно-личным предложениям только те предложения, в которых главный член выражен глаголом в форме 3-го лица множественного числа настоящего или будущего времени либо формой множественного числа прошедшего времени изъявительного наклонения.

Очевидно, в современном русском литературном языке отсутствуют неопределенно-личные предложения с глаголом в 3-м лице единственного числа.

В древнейших памятниках деловой письменности мы находим и случаи с 3-м лицом единственного числа, указывающим на неопределенный единичный субъект действия.

Следует отметить, что при 3-м лице единственного числа значительно легче представить действующее лицо, присоединить к глаголу-сказуемому подлежащее, хотя бы и не в полной мере раскрывающее это лицо (местоимение *къто* в его неопределенном значении 'кто-то', 'кто-нибудь'). Таким образом, наибольшей степенью неопределенности отличаются неопределенно-личные предложения с 3-м лицом множественного числа глагола.

Приведем примеры с 3-м лицом единственного числа: ѡже *оупьхнеть* любо мѧтель *роздрьть*. то г҃. гр҃ны старыѥ (Нов. договорная гр. около 1195 г.); ѡже *пошибаѥть* мѫжескоу жену. любо дчрь. то кнѧзю. м҃. гр҃нъ ветхыми кѫнами (там же); ѡже *съгренеть* чюжеѥ женѣ повои с головы. или дщьри... (там же. В этой же грамоте пример с *къто*: ѡже кто робу повержьть насильѥмь. а не соромить. то за ѡбиду гр҃на); По ухоу *оударите*[181], г҃. четвѣрти серебра (Готл. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г. В предшествующем предложении — *къто*: кто биѥть. дроуга дѣревъмь...); Аще *оударить* по лицю, или за волосы *иметь*, или батогомь *шибеть*, платити безъ четвьрти гр҃вна серебра (Риж. ред. Смол. торговой гр. 1229 г. В предшествующем предложении *къто*: Аще кто деревомь оударить чл҃вка до кръви, полоуторы гр҃вны серебра).

Наибольший интерес представляют примеры из Новгородской договорной грамоты 1195 г. (они следуют в грамоте один за другим), поскольку им предшествуют не двусоставные предложения с местоимением *къто*, а неопределенно-личные с глаголом в 3-м лице множественного числа.

---

[180] Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. 2, стр. 5.
[181] *е* на месте *ѣ*.

Степень неопределенности действующего лица при сказуемом, выраженном 3-м лицом множественного числа, нам представляется не всегда одинаковой.

Так, можно выделить группу неопределенно-личных предложений (в этой группе глагол стоит в настоящем времени и обозначает действие, протекающее постоянно, вне временны́х условий), по степени неопределенности лица приближающихся к безличным. Можно предполагать, что неопределенное лицо, на которое указывает сказуемое, — это вообще все люди, без исключений: платити по дв҃ѣ коун҃ѣ ѿ капи. и ѿ вс҃кого в҃ѣснаго товара. что *кладоуть* на скалви (Нов. договорная гр. 1257—1259 гг.); кому же то в҃ѣдомо, что то *зоут* Подища? (Яросл. правая докладная гр. между 1495—1497 г.); то м҃ѣсто *зовутъ* Крестьци, гд҃ѣ стоимъ (там же); а Рижаномъ у Полоцку, никакое малое торговли н҃ѣ торговати, что розниц҃ѣю *зовуть* (Полоцкая договорная гр. 1407 г.); Такж҃ѣ у Полоцку соль в҃ѣсити на скалвахъ тымже в҃ѣсомъ, што воскъ в҃ѣсять, тымижь колоколы (там же).

Широко представлены случаи, когда сказуемое (в прошедшем, настоящем или будущем времени) относится к какой-то группе лиц, и, следовательно, неопределенность действующего лица меньше, чем в примерах, приведенных выше: Что *избили* братию нашю у васъ и товаръ *поимали*, за то вамъ Богъ помози (Нов. гр. между 1299—1307 г.); а *вынесуть* тоб҃ѣ изъ орды кн҃жениѥ великоѥ. намъ ѥси кн҃зь великыи (Нов. договорная гр. 1371 г. № 8); аже *наидуть* оу нем҃ѣць нечистыи товаръ оу рускои земли. поити ѥму назадъ с товаромь оу ригу (Полоцк. договорная гр. около 1330 г.); А такжо у Невгини у Полочанъ товаръ *трясутъ*, а *грабятъ* и гличами поставы *колутъ* (Полоцк. гр. второй половины XV в.); въ л҃ѣ҃ ≠sф҃е. *поб҃ѣдиша* Вс҃ѣсла҃ на Немиз҃ѣ. томь же л҃ѣ҃ ѣша и на Р҃ши (1 Нов. лет.); Того же л҃ѣта *прид҃ѣлаша* притворъ каменъ къ свят҃ѣи Троицы (Тихановский список 1-й Пск. лет.); В л҃ѣто 6944. *Поставиша* на Псков҃ѣ мостъ при князи псковъскомъ Володимер҃ѣ Данилиевич҃ѣ, и при посаднике степенномъ Феодосии Феофиловичи (там же).

Неопределенно-личные предложения получили в русском языке, в частности в разговорной речи, широкое распространение.

В записях Генриха Вильгельма Лудольфа (см. его «Русскую грамматику» 1696 г.) мы находим много интересных примеров: изъ агленской земли *привозѧтъ* с҃кно; за ҁт҃ою цен҃ *не зд҃лаютъ* б҃шмаки; *скаж҃тъ* что пригожие женщини во франц҃ской земл҃ѣ; *Говорѧтъ* что тамъ страшно холодно; *скаж҃тъ* что ты водишъ сѧ съ людми вс҃кои вьры; въ д҃раки *поставлѧютъ* человѣка которои богатство и честь не ищетъ и др.

Приведем примеры и из двух выдающихся памятников русского языка, относящихся также ко второй половине XVII в.:

Наутро *кинули* меня в лотку и напредь *повезли* (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. 1672—1673 гг.); А которого человѣка *обманутъ*, *выдадутъ* за него дѣвицу не тѣ, которую *показывалі* смотрилщицѣ, бьетъ челомъ о томъ патриарху і властемъ (Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича).

Безличные предложения

§ 295. Под безличными предложениями понимаем такие предложения, которые не содержат подлежащего и в которых подлежащее не восстанавливается на основании контекста речи (в этом их отличие от неполных предложений без подлежащего).

Термин этот, несомненно, является условным, что неоднократно отмечалось в трудах по синтаксису русского языка. А. А. Потебня утверждал, что «в понятие о глаголе непременно входит отношение к лицу, каково бы ни было это последнее: известное или нет, действительное или фиктивное»[182]. Тем не менее А. А. Потебня употреблял термин «безличное предложение», так как «логическое противоречие в названии известных предложений *безличными*, несмотря на то, что лицо в них обозначено (Из Зап.[2]), устраняется тем, что в таких предложениях под лицом разумеется не отношение к грамматическому лицу, а определенность подлежащего и под безличностью — неопределенность подлежащего»[183].

В безличных предложениях только форма глагола указывает на 3-е лицо, но при этой форме нельзя представить конкретное действующее лицо.

Характерно, что из личных форм глагола именно 3-е лицо может быть структурной частью безличного предложения, так как 1-е и 2-е лицо всегда указывают на определенное лицо, при этом лицо одушевленное.

Ф. И. Буслаев по поводу безличных предложений заметил: «...формы безличного глагола выражают мысль более или менее отвлеченно; потому-то пользуются или 3-м лицом глагола, означающим указание на неизвестного действователя, или средним родом, или неопределенным наклонением и существительным, выражающими понятие не столь наглядно, как выражает самый глагол, или, наконец, наречиями, т. е. словами, произведенными от имен»[184].

---

[182] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 91.

[183] Там же, т. III, стр. 463.

[184] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 384.

В современном русском языке широко употребляются различные типы безличных предложений[185]. Некоторые из этих типов соотносительны с личными двусоставными предложениями, другие не имеют соответствующих параллелей.

Безличные конструкции уже в древнейшем русском языке были представлены значительным числом разнообразных по своей структуре типов, в дальнейшем возникали новые типы, отдельные конструкции или исчезали совершенно, или становились исключительно принадлежностью местных диалектов.

Мы не имеем оснований говорить о пестроте и неупорядоченности безличных предложений в древнерусском языке. Эти предложения допускают определенную классификацию, причем при ее построении можно исходить в основном из тех групп безличных предложений, которые наблюдаются в современном русском языке.

Употребление различных типов безличных предложений, разрядов слов (со стороны их лексического значения) — сказуемых безличных предложений — в известной степени зависит от жанра памятника. Так, например, в договорных грамотах господствующим типом является безличное инфинитивное предложение. Это объясняется тем, что в грамотах было необходимо а) четко и кратко перечислить обязательства и права данного лица, данной юридической стороны; б) указать юридическое лицо (при помощи дательного падежа слова, которое обозначает это лицо; дательный при инфинитиве может и отсутствовать, но легко восстанавливается из контекста), которому следует что-либо делать или которому дается право что-либо делать.

А. А. Шахматов справедливо указывал на то, что «представление об инфинитиве вызывает представление о производителе соответствующего действия-состояния»[186].

Поскольку содержание памятников определяет лексический состав слов, являющихся сказуемым (или именной частью составного сказуемого) безличного предложения, в деловых документах мы не встречаем безличных предложений, в которых в качестве сказуемого выступают глаголы, обозначающие явления природы и психические переживания.

§ 296. Рассмотрим различные группы безличных предложений. В первую группу включаем безличные предложения с про-

---

[185] Безличным предложениям в современном русском языке посвящена монография Е. М. Галкиной-Федорук «Безличные предложения в современном русском языке» (Изд. МГУ, 1958). Здесь дана и история вопроса о безличных предложениях.

[186] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 461. См. также стр. 81. См. также у А. А. Потебни утверждение, что «в неопределенном накл., вырванном из связи, лицо остается неопределенным. В живой речи лицо неопределенного всегда определяется тем или другим способом» («Из записок по русской грамматике», т. I—II, стр. 341).

стым глагольным сказуемым в форме 3-го лица (в прошедшем времени — в форме среднего рода).

В современном русском языке имеется небольшое число глаголов без суффикса -сѧ, которые употребляются только безлично и обозначают явления природы, состояние и ощущения живых существ, отсутствие, недостаток чего-либо или указывают на долженствование.

Памятники древнерусской письменности засвидетельствовали лишь очень ограниченное число указанных глаголов, обычно рядом с безличным их употреблением находим и личное.

Пример, приведенный А. А. Потебней из 2-й Новгородской летописи (под 1542 г.), в котором говорится о явлении природы, остается единственным случаем употребления безличного глагола в форме среднего рода прошедшего времени даже для этого сравнительно позднего времени: И после того далъ Богъ *разсвѣло* [187].

Приведем еще пример с другим глаголом того же корня из памятника конца XVII в. — Жития протопопа Аввакума, им самим написанного: Егда ж *розсвѣтало* въ день недѣльный, посадили меня на тѣлѣгу...

К собственно-безличным глаголам относим и *погремѣ* (форма 3-го лица аориста от глагола *погремѣти*), поскольку нет случаев с его постановкой в личном предложении [188]: Тоѥ же зимы *погремѣ*. мⷰцѧ декаⷴ .въ. і. (Лавр. лет. Так же и в Радзивиловской летописи XV в.); ꙗвисѧ столпъ ѡгненъ ѿ землѧ до нб҃се. а молньꙗ ѡсвитиша всю землю и на нб҃си *погремѣ* в часъ. а҃. нощи (Ипат. лет.).

Глаголов, обозначающих ощущения живых существ и при этом употребляющихся исключительно в безличных предложениях, в древнейших русских памятниках не находим.

Так, глагол *знобить*, являющийся в современном русском литературном языке безличным глаголом (в говорах употребляется и в личных предложениях), в древнерусских памятниках (в Молении Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и в других сочинениях) входит в состав только личных предложений.

Примеры с глаголом, указывающим на отсутствие чего-либо: *не достало* бо оу нихъ *бѫше* хлѣⷴ [189] (1 Нов. лет.); ту кроваваго вина *не доста* (Слово о полку Игореве); А какъ чево подѣлать вѣтшана или у новаго *не достало*, а то все есть в запасе (Домострой) [190].

---

[187] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 420.

[188] Нет примеров и с другими формами этого глагола в личном предложении. Глагол *гремѣти* встретился только в личных предложениях.

[189] *Хлѣба* (род. п. ед. ч.).

[190] Пример из работы М. А. Соколовой «Очерки по языку деловых памятников XVI века», стр. 33.

В приведенных примерах безличность глагола с указанным значением, по-видимому, не связана исключительно с постановкой отрицания. Примеры с *достало* (без отрицания) со значением 'хватать на что-либо' в древнерусских памятниках не встретились, но в современном русском языке (и в говорах, и в литературном языке) находим безличное употребление *достать* и *доставать* не только с отрицанием, но и без него. И в том и в другом случае при глаголе родительный падеж: *У него достало смелости; У него не достало смелости* и т. п.

Для выражения долженствования в древнерусских памятниках употреблялись глаголы *достоити* и *подобати* в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени (*достоить* и с отрицанием *не достоить*, *подобаѥть*). Известно и личное употребление указанных глаголов; таким образом, несмотря на то, что преобладают случаи с постановкой их в безличных предложениях, мы можем лишь в известной степени условно отнести эти глаголы к собственно-безличным. Приведем несколько примеров с безличными предложениями: *не достоить* ѥи почти (1 Нов. лет.); тобѣ княже *достоить* блюсти головы своее (Лавр. лет.); иныя потребныя мѣста добрѣ сверши, якоже *подобаеть* церкви на красоту (Комиссионный список 1 Нов. лет. младшего извода).

Отсутствие примеров с *достоить* и *подобаѥть* в деловых документах — в грамотах, по-видимому, объясняется тем, что данные безличные глаголы были принадлежностью преимущественно книжной, а не разговорной речи[191].

Крайне ограничен круг и собственно-безличных глаголов с суффиксом *-сѧ*, как имеющих те значения, которые нами отмечены выше в отношении собственно-безличных глаголов без суффикса *-сѧ*, так и другие значения.

К собственно-безличным относятся глаголы, указывающие на действия, возникшие неожиданно, случайно, однако лишь в тех случаях, когда они сочетаются с инфинитивом (без инфинитива глагол чаще употребляется в личном предложении).

Таковы глаголы *приключитисѧ*, *сълучитисѧ*: *приключисѧ* нѣкоѥму Новгородцю прити в Чюдь (Лавр. лет.); *случисѧ*... ѡвлѧтисѧ на вздусѣ. на конихъ рищющимъ. въ ѡружьи златы имуща ѡдежѣ (там же).

К собственно-безличным принадлежит глагол, указывающий на стремление к определенному действию, — *хотѣтисѧ*: а *не хочетьсѧ* платити емоу, то просити детского оу кнѧзѧ, ли оу тивоуна (Рижская редакция Смол. торговой договорной гр. 1229 г.).

---

[191] См. сходный вывод на основании исследования языка памятников XVI в.: М. А. Соколова Очерки по языку памятников XVI века, стр. 15—16.

Безлично употребляется и глагол *писатисѧ*, когда этот глагол обозначает не конкретное действие (в этом случае находим его в личном предложении), а в сочетании с управляемыми им словами содержит указание на книжный источник: ꙗкоже *пишетсѧ* в лѣтописаньи гречьстѣмь (Лавр. лет.); Поне же в Левгитѣ о нихъ *пишетсѧ* и в Намаканоне и въ святых апостолъ правилѣхъ, тии сами сведятъ тако творяще (Строевский список 3-й Пск. лет., писанный в 60-х годах XVI в.).

Широко употреблялись в древнерусских памятниках в качестве безличных личные глаголы с самыми разнообразными значениями.

Особо отметим примеры, где при глаголе стоит дополнение в творительном падеже (в соответствующем личном предложении данное слово было бы подлежащим), указывающее на орудие действия: А станетъ по грѣхомъ изнеможенье, *занесетъ вѣтромъ* Псковскаго ловца на Неметцкую сторону, ино въ томъ нѣни нѣтъ (Моск. договорная гр. 1531 г.); и тою *молнию* оу святого Пантелемона в монастыри на Красномъ дворѣ не на всѣх иконах золото *поазгло* (Строевский список 3-й Иск. лет.); нивы иныа *ледом подрало*, а иныа *водою подмыло* (там же).

В следующем примере орудие указано при помощи родительного падежа с предлогом *отъ*: Того же лѣта месяца иоуня *от грома* и *от млъниа* много людеи и конеи *побило* (Синодальный список 2-й Пск. лет.).

В сходных случаях для обозначения стихийного явления могут употребляться глаголы (как без суффикса *-сѧ*, так и с возвратной частицей) без указания на орудие действия, причем при некоторых глаголах (непереходных) и невозможна (как со стороны формальной, так и смысловой) постановка творительного падежа или родительного с предлогом *отъ* для обозначения орудия действия: озеро *морози* въ нощь (1 Нов. лет.)[192]; *загорѣсѧ* на Ильинѣ оулици (там же); бы҃ пожаръ великъ въ градѣ... *Загорисѧ* и *горѣ* до вэчера (Лавр. лет.); а *загорѣлосѧ* маиа въ 8, в 6 час дни (Синодальный список 2-й Иск. лет.).

Исключительно широко представлена в древнерусских памятниках безличная конструкция с непереходным глаголом *поидоу — поити* в форме среднего рода прошедшего времени, но все случаи такого употребления представлены в договорных грамотах. Таким образом, жанр памятника вызвал указанную постановку безличного глагола в юридических формулах, требовавших простого упоминания существующего положения, имеющего определенную давность и потому обязательного[193].

[192] *Морози* имеет значение 'заморозило' (а не 'замерзло', так как был бы употреблен не глагол *морозити*, а глагол *замерзти*) и не является безличным глаголом в современном употреблении и значении.

[193] *Пошло* употребляется в значении: 'установлено', 'ведется исстари', 'обычно' (см. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II. СПб., 1902, стр. 1098).

В ряде случаев с *пошло* имеется и указание, где, кем и когда (без датировки) установлено соглашение. Близки к предложениям с *пошло* и безличные предложения (встречаются не только в договорных, но и в других грамотах) с прошедшим временем вспомогательного глагола ѥсмь — *быти*, выступающего с реальным значением 'быть, существовать' и также указывающего на то или иное юридическое положение, имеющее определенную давность. Приведем несколько примеров с *пошло* и *было*: тако *пошло* (Нов. договорная грамота 1270 или 1269 г. № 3); тако кнѵже гне. *пошло* ѿ дѣдъ. и ѿ оць. и. ѿ твоихъ. и ѿ нашихъ. и ѿ твоего ѡчѧ ꙗрослава (Нов. договорная гр. 1265 или 1264 г. № 1); а тѣмъ знати своя служба, како *было* при нашихъ Отцѣхъ (Моск. договорная гр. 1362 г.); какъ *было* при первыхъ кнѧзѣхъ полочьскы(х) (Полоцк. гр. около 1265 г.)[194].

Следует отметить, что глагол ѥсмь — *быти* с конкретным значением бытия, существования может явиться составной частью и другой безличной конструкции — с родительным количественным имени существительного, которому предшествует союзное слово *чьто*, *а чьто*, *и чьто*. Господствуют случаи с опущенным глаголом, поскольку он должен был бы стоять в форме настоящего времени.

И эта конструкция характерна тоже для памятников деловой письменности. Входит она в состав сложного предложения: *что волостии* новгородьскыхъ. тѣхъ волостии. кнѵже не (дь)гжати ти своими моужи (Нов. договорная гр. 1304—1305 гг. № 9); *а цо было живота* твоѥго и моѥго то все взѧли (Нов. берест. гр. XV в. № 135); *а што будеть* монхъ селъ. в новъгородьскои волости. или монхъ слугъ. тому буди судъ безъ перевода (Нов. договорная гр. между 1294—1301 г. № 4)[195].

Отмеченный безличный оборот долго держался в деловой письменности и живой речи. Так, мы находим его в челобитной крестьян села Вощажникова Ярославской губернии, Ростовского уезда 1718 г. на имя графа Б. П. Шереметьева: *А что* его *плутовства* и *взятковъ* и то подъ сею челобитною разныхъ приселковъ и деревень крестьянскіе имянные списки[196].

---

[194] При *пошло* и *было*, употребленных с отмеченным значением, может стоять местоимение *то*, благодаря чему предложение должно быть отнесено к личным, хотя наличие этого местоимения не устраняет неопределенности подлежащего: како то пошло (Нов. договорная гр. 1265 или 1264 г. № 1); какъ то было при вашемъ Дѣдѣ при Великомъ Князе при Иване Даниловиче (Ряз. договорная гр. 1381 г.).

[195] Возможны и личные предложения с *чьто* и глаголом бытия. В этом случае при *чьто* не родительный падеж, а именительный: а што моі вашелци в торжьку. а то есмы положили выправу (Нов. договорная гр. 1368—1371 гг. № 16).

[196] Архив села Вощажникова, вып. 1. Бумаги фельдмаршала Б. П. Шереметьева. М., 1901, стр. 102.

Оборот с *чьто* и родительным падежом имени существительного мы сближаем с распространенной в крестьянских говорах (в литературном языке также встречается) безличной конструкцией типа: *есть у нас озер всяких и больших и малых; есть хлеба; есть муки; было горя и было слез; у него деньжонок навряд ли будет* и т. д. Наиболее распространена эта безличная конструкция в севернорусской языковой области, имеется она и в белорусских крестьянских говорах[197].

По-видимому, оборот с *чьто* и родительным количественным имени существительного (и соответствующий ему личный оборот) употреблялся не на всей территории, занятой восточными славянами: в украинских грамотах мы не встретили данной конструкции[198], чужда она и современным украинским крестьянским говорам.

Глагол ѥсмь — *быти* в форме 3-го лица единственного числа будущего или прошедшего времени в сочетании с инфинитивом входил в состав безличного предложения, обычно являющегося частью сложного предложения, в качестве его сказуемого со значением 'случится (случилось)', 'приведется (привелось)', 'будет нужно (было нужно)'.

Совершенно очевидная конкретность значения глагола ѥсмь — *быти* не позволяет рассматривать примеры с указанным сочетанием как инфинитивные[199]. Следует отметить, что *боудеть* иногда отсутствует в предложении, но легко восстанавливается на основании контекста (см. ниже пример из Моск. договорной гр. 1368 г., сопоставляемый с примером из Моск. договорной гр. 1362 г., где имеется *боудеть*): А чего ны *будеть поискати* тобѣ ли, мнѣ ли, а тому также межи насъ исправа (Моск. договорная гр. 1362 г.); кому чего на нихъ *искати*, ино тому судъ (Моск. договорная гр. 1368 г.); Аже *боудѣте* Роусиноу *платити* Латинескомоу, а не въсхъчеть платити, тоть Латинескомоу просити дѣтского оу тиоуна (Готл. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); а про коуны. чимь то ми сѧ *было* вамъ *платити*. въ коупѣцьскомъ сътѣ. оу фомы .и. гр҃внъ.

---

[197] См.: Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 319.

[198] См. статью В. И. Борковского «Безличные предложения в древнерусских грамотах XIV—XV вв. южного происхождения» («Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. IX, вып. 5, 1950, стр. 365).

[199] Это уже отмечалось Е. С. Истриной в исследовании «Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи» (см. стр. 47, где говорится о конкретном значении личной формы глагола *быти* и о том, что к нему присоединяется инфинитив в качестве дополнительного приглагольного члена). Совершенно справедливо замечание А. А. Потебни: «... особенно обычны сочетания с неопределенным безличным ѥс-, бы-, бѫде, причем чем более конкретно значение этих форм, тем менее тесна связь их с неопределенным» («Из записок по русской грамматики», т. I—II, стр. 391).

възмите (Нов. духовная гр. до 1270 г.); къгда *бѧше* брани *быти* на поганыѭ, тъгда сѧ начаша бити межи собою (1 Нов. лет.); єже *было творити* отроку моєму то са҃ ѯсмь створилъ дѣла (Поученіе Владимира Мономаха); *Пѣти было* пѣсь Игореви, того внуку (Слово о полку Игореве)[200].

С инфинитивными предложениями отмеченную конструкцию сближает то, что дательный падеж действующего лица (*тобѣ ли*, *мнѣ ли*, *кому* и др.) зависит от инфинитива, а не от безличного глагола. То обстоятельство, что безличная конструкция с *боудеть* почти не встречается в памятниках церковно-книжного языка, в летописях представлена небольшим числом случаев и в то же время широко употребляется в грамотах[201], позволяет сделать вывод о ее принадлежности преимущественно разговорной речи[202]. Характерно, что и сохранилась эта конструкция в фольклоре, хотя она встречалась еще в литературном языке XIX в.

В сборнике Кирши Данилова, включающем образцы песенного народного творчества, собранные в конце XVIII в., находим ряд случаев с указанной конструкцией, что уже отмечалось А. А. Потебней[203].

Приведем один пример: И все молодцы закручинилися, Закручинилися и запечалилися, Говорят таково слово: «*Потерять будет* головки напрасные, А и как нам *будет* стена *пройти*»[204].

Среди записанных В. И. Далем пословиц находим: Как ни крыться, а *будет повиниться*; Как ни жаться, а *будет признаться* и др.[205]

Отметим еще пример, приведенный А. М. Пешковским из литературного языка первой половины XIX в.:

... Да долго ль *будет*
Мне с ним *возиться*? (*Пушкин*)[206].

---

[200] Постановка инфинитива, а не личной формы глагола на первом месте не устранила значения долженствования. См. замечания о месте инфинитива в сочетании *было* с инфинитивом в древнерусском языке и о связи в древнерусском языке различия оттенков преимущественно с контекстом, а не с порядком слов — К. А. Тимофеев. Об основных типах инфинитивных предложений в древнерусском языке. «Ученые записки ЛГУ», № 277. Серия филологических наук, вып. 55. Исследования по грамматике русского языка, II. 1959, стр. 11—12.

[201] См. многочисленные примеры из грамот, главным образом московских, в работе В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)», стр. 66—67.

[202] См. вывод К. А. Тимофеева в статье «Об основных типах инфинитивных предложений в древнерусском языке», стр. 7.

[203] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 392.

[204] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., ГИХЛ, 1938, стр. 36.

[205] А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 392.

[206] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освеще-

Что касается безличной конструкции с *было*, где *было* имеет значение 'было нужно', то ее употребление в современном русском литературном языке ограничивается преимущественно вопросительными предложениями с *зачем*, *где*, *куда* и предложениями, в состав которых входит количественное числительное в сочетании с именем существительным[207]. По-видимому, усиление экспрессивности высказывания путем постановки частицы *же*, когда предложение становится вопросительно-восклицательным, способствует употреблению безличного оборота с *было*: Зачем же *было ехать* на курорт? Где же ему *было остансвиться?* Куда же *было обратиться* за помощью? Включение *же* не является, однако, обязательным, и те же примеры могут и не содержать частицы *же*.

Пример с количественным числительным и именем существительным: *Ехать было* километров пять; *Ехать было* больше двух суток.

Значительное место среди безличных предложений, при этом в памятниках различных жанров, занимают безличные предложения, в которых при личной форме глагола (3-е лицо ед. число) стоит отрицание, благодаря чему на месте именительного падежа подлежащего употреблен родительный падеж дополнения (главным образом при глаголе ѥсмь — *быти*). Эти безличные предложения имеют место и в современном русском языке, в украинском и белорусском языках, в других славянских языках.

Как мы отмечаем дальше (см. стр. 401), вплоть до XVII в. включительно употреблялись и личные предложения с отрицанием при глаголе. Приведем несколько примеров с безличными предложениями: а иноѥ грамоты оу насъ *нѣтоуть* (Нов. договорная гр. между 1257—1263 г.); а на сю грамоту грамоты *нѣтъ* (Ряз. договорная гр. 1381 г.); *нѣту* ли быка велика и силна (Лавр. лет.); ре҃ сего *не бывало* є҃ в русьскѣи земьли (там же); а правды *не створи*҃ (1 Нов. лет.); *нѣсть* храбрства ни думы противу мнѣ (Моление Даниила Заточника); *Не бысь* ту брата Брячеслава (Слово о полку Игореве).

§ 297. Широко распространены в древнерусских памятниках безличные предложения с инфинитивом в роли сказуемого, причем с инфинитивом связывается значение действия, которое должно быть осуществлено. Обычно при инфинитиве стоит (чаще до инфинитива) дательный падеж лица, которому следует или дается право что-либо делать (или — не делать).

нии. Изд. 7. М., 1956, стр. 364. Там же еще ряд примеров из произведений А. С. Пушкина, а также А. Н. Островского.

[207] Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. 2, стр. 26. Ряд примеров с *было* из художественных произведений приведен в труде А. А. Шахматова «Синтаксис русского языка», стр. 105.

Особенно большое место занимают безличные инфинитивные предложения в юридических памятниках (в грамотах, в Русской Правде и других законодательных сводах).

В грамотах на бересте, содержащих частную переписку, безличные инфинитивные предложения занимают весьма скромное место, приказание в грамотах на бересте выражается преимущественно формой повелительного наклонения. Выбор этой формы объясняется не только тем, что повелительное наклонение выражает приказание не так категорично, как инфинитив. В частных письмах, обращенных непосредственно к адресату, могли содержаться как приказание, так и просьба, совет, разрешение и т. д. Все это в соответствующем контексте передается повелительным наклонением.

Приведем несколько примеров с безличными инфинитивными предложениями с дательным падежом действующего лица и без дательного падежа субъекта действия: а) новъгородъ *ти дьржати*. въ старинѣ. по пошлинѣ (Нов. договорная гр. 1265 или 1264 г. № 1); а ѡчищивати та землѧ *оуласью* (Двин. закладная гр. 1449 г. № 15); *вирьникоу взѧти*. з. вѣдеръ солодоу на не^лю (Русская Правда по списку 1282 г.); *симъ* дани намъ *не дати* (Лавр. лет.)[208]; б) А въ ту дватцать лѣтъ, по сей перемирной грамотѣ, сесь миръ *держати* крѣпко на обе стороны (Моск. гр. 1531 г.); А мыта *не примышлѧти*. но какъ из вѣка пошло (Волын. договорная гр. 1366 г.); Послоу и по^у что оучинѧть, за двоѥ того *оузѧти*, два платежѧ (Готл. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); соудьѥ по волости *не слати* (1 Нов. лет.).

Случаи с пропуском дательного падежа находят то или иное объяснение[209].

Возможен пропуск тогда, когда субъект действия уже назван ранее или когда действующее лицо ясно из контекста. Иногда в тексте имеется специальное указание на обязательность действия для обеих договаривающихся сторон (см. в примере из Моск. гр. 1531 г. сочетание *на обе стороны*).

§ 298. Сказуемым безличного предложения может быть именная форма причастия прошедшего времени страдательного залога (с глаголом-связкой и без вспомогательного глагола)[210]:

---

208 Е. Ф. Карский переводит: «Им не давать нам дани» («Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи», стр. 12).

209 Подробнее см. в работе В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)», стр. 84—86.

210 Мы не говорим о безличных предложениях с причастием настоящего времени страдательного залога в роли сказуемого, поскольку встретились лишь случаи с адъективировавшимися причастиями *вѣдомо* и *съвѣдомо*: *буди* вамъ *вѣдомо* ч^то ѥсмь продалъ сѣло на лукыни берьгы (Двин. духовная гр. XV в. № 5); а ведь вамъ и намъ *свѣдомо*, што не писанъ Юрьевъ у старихъ записехъ (Полоцк. гр. второй половины XV в.).

Писано в великого государя всея Руси отчинѣ во Псковѣ (Моск. гр. 1516 г.); *приказано будѣте* добрымъ людѣмъ (Готл. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); тому Тимохе *писано* от государя нашего отъ боярина и конюшего и намѣсника Казанского отъ Бориса Федоровича Годунова (Моск. гр. 1588 г.)[211]; *избьрано* из мъногъ книгъ кнѫж(иихъ) (Св. изб. 1076 г.); ѩко *рѣчно бы*҃ дрьвле Ісоу҃ Наоугиноу бм҃ь (1 Нов. лет.); а сицеи рати *не слышано* (Слово о полку Игореве).

Особо отметим примеры, в которых имеется подлежащее, но сказуемое — причастие прошедшего времени страдательного залога не согласовано с ним и употреблено в форме среднего рода.

Постановка причастия в среднем роде при подлежащем мужского и женского рода (во мн. числе — и среднего рода), исключавшая возможность представить при нем творительный падеж действующего лица, встречается в древнерусских памятниках различных жанров.

Рядом находим и случаи с постановкой глагола в форме прошедшего времени в среднем роде.

В отношении примеров с причастием возможны две точки зрения: 1) имя существительное стоит в винительном падеже (при совпадении форм именительного и винительного падежа) или в именительном падеже на месте винительного (при несовпадении форм именительного и винительного падежа); 2) имя существительное стоит в именительном падеже, падеже подлежащего, а причастие — в его безличной форме.

Что касается случаев с глаголом, то двух мнений по этому вопросу не существует: в соответствующих примерах исследователи видят отсутствие согласования: попу ѩковоу *досталосѧ пожни* в коидокоурьи. и на лѣтнеи сторонѣ емоу *половина* зачепина и лахътѣ. а противъ того попу ѡнтоноу *досталосѧ* на лѣтнеи сторонѣ. *рѣка ѩреньга*. и на морѣ *тонѧ* рыбы ловити. и *пожнѣ* въ ѩреньгѣ. и ѡзера ... (Двин. раздельная гр. XV в. № 113); в Торжку *туча* на ѡдно҃ часу ровъ *оучинило* и хоромовъ нѣсколько *снесло* изъ ѡснованьѧ (Лавр. лет.); Месяца июля бысть во Пскове тоуча велика с громом и с молниею, и *оубило* на Завеличьи *стрелка* громом от воискихъ. (Строевский список 3-й Пск. лет., писанной в 60-х годах XVI в.).

Наличие примеров, подобных приведенным выше, говорит о возможности постановки сказуемого (глагола в прошедшем времени и причастия прошедшего времени страдательного залога) в его безличной форме — форме среднего рода, хотя в предложении налицо подлежащее.

---

[211] В примере имя существительное, обозначающее действующее лицо, стоит в родительном падеже с предлогом *отъ*.

www.ruslang.ru

Вот почему все те примеры, где имя существительное имеет форму именительного падежа, а не бесспорную форму винительного падежа (к бесспорным случаям относятся только форма вин. падежа основ на *-а* и форма род. падежа на месте формы вин. падежа одушевленных предметов), мы рассматриваем как примеры с отсутствием согласования и не видим в них безличного предложения: а что *головы поимано* по всеи волости новгородьскои. а тѣ поидоу к новоугородоу безъ окоупа (Нов. договорная гр. 1314 г. № 12); А старымъ дѣломъ всѣмъ дерть опричь сѣхъ дѣлъ, которые (*дѣла.* — *В. Б.*) въ сеи перемирной грамоте *писано* (Моск. гр. 1531 г.); *поручено* же *бы*ѣ кму стража морьскаа (Лавр. лет.); *черници* и *черници* все до наготы *изълуплено* (Комиссионный список 1-й Нов. лет. младшего извода).

Следует отметить, что, по сравнению с памятниками древнейшего периода, значительный рост примеров с отсутствием согласования причастия наблюдается в памятниках более позднего времени — XVI—XVII вв. Большое число примеров приведено А. А. Потебней в его исследовании «Из записок по русской грамматике», т. III. Особенно показательны примеры со словами, принадлежащими к основам на *-а*: И та *грамота* вѣрующая и список рѣчей ихъ *писано* въ Литовскихъ книгах, 1518 (Памятники дипломатических сношений с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией); Да въ Олексѣевской дѣвичь монастырь *послано* подъ начало, для крещенья православные христіанскіе вѣры, Литвина Романа Савина *сестра дѣвка Дарья*, 1623—4 (Русская историческая библиотека, т. II, 610)[212].

В приведенных выше примерах (и в других примерах, отмеченных А. А. Потебней) сохранена форма именительного падежа.

В деловых документах позднего времени нарушение согласования особенно часто при перечислении, когда причастие предшествует перечисляемым предметам. Постановка причастия в среднем роде позволяла обобщить, объединить весь круг перечисляемых предметов как целую совокупность: *написано* на Услявцовской конюшнѣ пара буланая, другая вороная, да 2 пары гнѣдыхъ, а пары возниковъ карихъ нѣтъ (Доношение, посланное Б. П. Шереметьеву в 1718 г.)[213]; *поднесено* государю

---

[212] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 459.

Ряд примеров из памятников второй половины XVI в. (из Домостроя и Арзамасских актов) с именами существительными женского рода дан в исследовании С. Д. Никифорова «Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века», стр. 321—322.

См. также примеры из Домостроя в работе М. А. Соколовой «Очерки по языку деловых памятников XVI века», стр. 41.

[213] Архив села Вощажникова, вып. I, стр. 131—132.

фелтьмаршалу Борису Петровичу калач 2 ал. 4 д., голова сахару 26 ал. 4 д:, яблокъ 2 десятка 16 ал. 4 д. Дворецкому Герасиму Кострову *отнесено* хлѣбъ да калачей на 6 ал. на 4 д. (Вощажниковские приходо-расходные книги 1718 г.)[214].

В русских местных говорах употребление без согласования причастия прошед. времени страдательного залога и глагола в форме прошедшего времени распространено в севернорусской языковой области, а также на территории среднерусских говоров (встречается и в пограничных со среднерусскими южнорусских говорах). Многочисленные примеры записаны исследователями (Н. Н. Дурново, В. И. Чернышевым, Н. П. Гринковой, Ф. П. Филиным, М. Д. Мальцевым и др.) и авторами ответов на вопросы академических программ: 1) был мяшок набито; грабли и битон унесено (Псковская обл.); ему билет белый дато, сахарница куды-то дёвано (Пермская обл.); рука дадено (Ярославская обл.); брат убито на войны (Ленинградская обл.); 2) кума поехало по своим; у нас хороший чай кончилось (Ленинградская обл.); ф пашню было дош (Новгородская обл.).

Сходные примеры находим и в белорусских говорах[215]. В украинских говорах, как и в литературном украинском языке, при причастии страдательного залога — винительный падеж: Йому обіцяно роботу[216].

Нет оснований сближать примеры с формой именительного падежа существительных женского рода на *-а-* при причастии страдательного залога (см. выше пример из Лаврентьевской летописи, а также примеры, отмеченные А. А. Потебней) с конструкцией, представленной в севернорусских говорах: инфинитив (с *надо* и без *надо*) и форма именительного падежа существительных женского рода на *-а* на месте употребляемой в литературном языке формы винительного падежа.

Как свидетельствует картотека Атласа русских народных говоров, «из 80 нас. пунктов, в которых отмечено *рука поранено*, в 36 отмечено *надо баня топить*, *баня топить*, т. е. более чем в половине нас. пунктов оборот *рука поранено* не поддерживается употреблением им. пад. вместо вин. в обороте *надо баня топить*»[217].

---

[214] Там же, стр. 147.

[215] См.: Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 320 и 358. Здесь же примеры и из западнорусских памятников. В некоторых примерах с причастием страдательного залога Е. Ф. Карский считает возможным усматривать винительный падеж вместо именительного (стр. 358).

[216] См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 435—436. Здесь же и примеры из староукраинских памятников.

[217] В. А. Матвеенко. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в русских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия», вып. II. М., 1961, стр. 110.

Несомненно, приходится принимать во внимание, что под влиянием литературного языка конструкция с инфинитивом и именительным падежом существительного женского рода на *-а* становится все менее употребительной. Суживаются и границы ее распространения и ее удельный вес по сравнению с литературным оборотом — формой винительного падежа — у носителей этой конструкции.

Однако и конструкция типа *рука поранено* тоже не сохраняет в говоре своих прежних позиций. Большой диалектный материал, рассмотренный В. А. Матвеенко, позволил ей прийти к выводу, что оборот *рука поранено* нельзя считать страдательно-безличным и лучше отнести его к оборотам с нарушением согласования[218].

Взгляд В. А. Матвеенко совпадает с мнением ряда исследователей, привлекавших в своих работах как материалы памятников, так и диалектные данные и пришедших к выводу, что в отмеченном обороте (а также и в сходных — с именем прилагательным в среднем роде, с глаголом в прошедшем времени в среднем роде) отсутствует согласование сказуемого с подлежащим, что оборот представляет собой переход от субъектности к безличности предложений[219].

В севернорусских (изредка в среднерусских и южнорусских) говорах представлено и употребление формы винительного падежа при причастии прошедшего времени страдательного залога (*рубашку взято* и т. п.), имеющее место и в белорусских говорах[220] и являющееся нормой украинского языка (как диалектов, так и литературного языка)[221].

И в русских, и в белорусских (особенно в первых) эта конструкция постепенно утрачивается.

---

[218] Там же, стр. 111.

[219] См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 441—443; 456—481; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 137; Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 57—58; его же. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, стр. 14; В. И. Борковский. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV века. «Известия Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе», т. IX, Языкознание, 1940, стр. 115—116; его же. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 73—76; Т. П. Ломтев. Исследования в области истории белорусского синтаксиса. Составное сказуемое и его изменения в истории белорусского языка. «Ученые записки Белорусского ун-та», серия филологическая, вып. II, 1941, стр. 289; его же. Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 208—210.

[220] См.; Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 317—318: верно, мойго ходзяина *забито*; кажится, што яго *ўкрадяно* и др. Там же и примеры из памятников XV—XVII вв. См. также картотеку Диалектологического атласа белорусского языка.

[221] См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 435—436.

Отдельные случаи такого употребления находим в русских памятниках XVII в., что отмечалось П. С. Кузнецовым. Им приводятся примеры, где форма винительного падежа имени существительного не вызывает сомнений, поскольку не совпадает с формой именительного падежа: и в то же время у них подкопом *воду отнято* (Курбский); *збирано...* сперва *двадцатую денгу*, потом *десятую денгу* (Котошихин)[222].

П. С. Кузнецов полагает, что этот оборот (во всяком случае у Курбского и Котошихина) может быть объяснен как украинизм или полонизм, что он не был свойствен говору Москвы.

С. Д. Никифоров[223], Л. А. Булаховский[224] и Я. А. Спринчак[225], не соглашаясь с приведенным выше мнением, приводят только примеры, в которых имя существительное имеет форму, общую для именительного и винительного падежа, или же (в работах С. Д. Никифорова и Я. А. Спринчака) пример из 1-й Новгородской летописи, который Е. С. Истрина, исследовавшая синтаксис этого памятника, считает возможным объяснить и как смешение формы именительного и винительного падежа множественного числа[226]. Доказательную силу имеет пример в работах С. Д. Никифорова, Л. А. Булаховского и Я. А. Спринчака, ранее отмеченный А. А. Потебней[227]: и *скорбново* словом *ползовано* (Домострой)[228].

По всей вероятности, оборот с формой винительного падежа при употребленном безлично причастии прошедшего времени

---

[222] П. С. Кузнецов. Из истории сказуемостного употребления страдательных причастий в русском языке. Автореферат докт. дисс. «Доклады и сообщения филол. ф-та МГУ,», вып. 6, 1948, стр. 38; его же. К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. III, М.—Л., 1949, стр. 72—73.

[223] С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века, стр. 322 (примеры на стр. 320—321).

[224] Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку, стр. 237 (примеры на стр. 236—237).

[225] Я. А. Спринчак. Сравнительно-историческое изучение конструкции безлично-предикативного страдательного причастия на *-но*, *-то* с винительным падежом прямого объекта в восточнославянских языках. «Наукові записки Дніпропетровського ун-ту», т. 63. Мовознавство, вип. XIV. Харків, 1958, стр. 166—167 (примеры на стр. 165—167).

[226] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 32 (пример: ано тамо измано вачьшіе моужи).

[227] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 435.

[228] Я. А. Спринчак, кроме этого примера, приводит (из памятников позднего времени) еще два бесспорных случая употребления винительного падежа: сходный пример с формой родительного-винительного падежа одушевленного предмета и пример с формой винительного падежа от основ на *-а*, не совпадающей с формой именительного.

страдательного залога не был чужд русскому языку XVI—XVII вв., но и не имел в нем широкого распространения, хотя и встречал поддержку в старобелорусских и староукраинских памятниках, в частности в деловой письменности[229].

В дальнейшем он окончательно был вытеснен из литературного языка, сохранившись лишь в диалектах (преимущественно западной и восточной группы).

Не стали нормой русского литературного языка безличные обороты с причастием прошедшего времени страдательного залога в качестве сказуемого и родительным падежом с предлогом *у* существительного, которое в соответствующем личном обороте явилось бы подлежащим.

Мы имеем в виду обороты типа *у него уехано, у волков тут идёно, у них еще не ляжено, у отца на другой женено́сь, у него выпито, у стада тут пасено, у куриц расклевано, у нас молочено* и т. п. вместо: *он уехал, волки тут ходили, они еще не легли, отец женился на другой, он выпил, стадо тут паслось, курицы расклевали, мы молстили.*

Наиболее широко распространен этот безличный оборот в западной группе севернорусских говоров, причем находим его также в псковской и западной группе (только в северной части) среднерусских говоров, затем в олонецкой группе, поморской (здесь употребляется реже) и в части говоров восточной и владимиро-поволжской группы.

Такое распространение отмеченного оборота позволяет нам предположить, что данный безличный оборот — новгородская особенность, при этом древнейшего происхождения, имевшая место в крестьянских говорах, но не проникшая в письменный язык как чуждая ряду территориальных говоров, в том числе всем южновеликорусским говорам[230].

§ 299. Отметим употребление в древнерусских памятниках безличных предложений со сказуемым, выраженным именной формой прилагательного в среднем роде или наречием (с глаголом-связкой и без вспомогательного глагола): коуда комоу *годно* (Нов. договорная гр. 1304—1305 гг. № 10); по цта тобь[231]

---

[229] См., в частности, этот оборот в письмах Богдана Хмельницкого в Россию 1648—1657 гг. — У. Я. Єдлінська. Питання історичного синтаксису української мови. На матеріалі листів Богдана Хмельницького. Київ, 1961, стр. 40.

[230] Подробнее см. в работе: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 77—79, где приведены и данные об употреблении оборота в различных местностях. Ср. сходный вывод об указанном обороте как новгородской по происхождению черте в работе Л. И. Макаровой «Некоторые особенности предикативного употребления краткой формы страдательных причастий прошедшего времени в русских народных говорах» («Ученые записки Балашовского пед. ин-та», т. I. Истор.-филол. серия. 1956, стр. 177—178).

[231] ь на месте ѣ.

буде гъже (Нов. берест. гр. рубежа XII—XIII вв. № 147); како *будеть* мнѣ *слично* и тобѣ брату моему молодшему (Моск. договорная гр. 1362 г.); чтобъ намъ *было* о томъ *известно* (Моск. гр. 1565 г.); абы Роусиноу и Немчичю *любо было* (Риж. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); ино зде у Полоцку вашихъ купцовъ *полно* (Полоцк. гр. второй половины XV в.); идеже *криво* братиѥ. исправивъше чьтѣте (Св. изб. 1076 г.); а *жаль* ми своеѥ оцины (1 Нов. лет.); *луче бы* ми *оумрети* съ братомь (Лавр. лет.)[232]; понеже *не борзо обрѣсти* добры жены (Моление Даниила Заточника); *жаль* бо ему мила брата Всеволода (Слово о полку Игореве).

Некоторые из слов, названных в приведенных выше примерах, употреблялись в древнерусских памятниках исключительно или преимущественно в функции сказуемого безличного предложения. К таким словам относятся *любо*, *годьно* и *гъже*, *жаль*[233].

Большое место среди безличных предложений рассматриваемой нами группы занимают предложения со сказуемыми, выраженными словами категории состояния, которые обозначают возможность (с отрицанием — отсутствие этой возможности), долженствование: *немочьно*, *лзѣ*, *нельзѣ*, *нельга*, *надобѣ*, *не надобѣ*, *неволя*[234].

Приведем несколько примеров: за тотъ ручаі попу *не надобѣ* (Двин. купчая гр. XV в. № 84); и крестьяном того села въ Ярославль и на Кострому и въ Любимъ лѣтом за грязми и за болотами торговати *ѣздити будетъ немочьно* (Яросл. таможенная откупная гр. 1595 г.); не боудетли пороукы. то *лзѣ* и въ железа *въсадити* (Риж. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); *не лзѣ* ему *приставити* детьского (там же); Аже *надобѣ* ѥму болше помъчи, тоть наимоуи при послоусѣхъ (Готл. ред. той же грамоты); а отоле ужо *нелга ѣхати* водою (Полоцк. гр. второй половины XV в.); *неволя* ми своеѥ головы *блюсти* (Лавр. лет.); *немочьно* ми *быти* в Киевѣ (Ипат. лет.).

---

[232] К *луче* (а в следующем примере к *борзо*) примыкает инфинитив.

[233] Употреблению *жаль* в качестве сказуемого безличного предложения не противодействовало наличие существительного *жаль* в литературном языке даже позднего периода. Так, в числе существительных его называет М. В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» (М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7. Труды по филологии 1739—1758 гг. М.—Л., 1952, стр. 439). Существительное *жаль* отмечено В. И. Далем в говорах русского языка без указания местности (см. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 4, т. I. СПб.—М., 1912, стр. 1309).

[234] В древнерусских памятниках употреблялось и имя существительное *неволя* со значением *принуждение*. См. примеры в труде И. И. Срезневского «Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам», т. II. СПб., 1895, стр. 362.

Не надобѣ и *надобѣ* весьма часто встречаем и в качестве сказуемого личного предложения (даже в памятниках конца XVI в.)[235], таким образом, эти слова в древнерусском языке не перешли окончательно в разряд безлично-предикативных.

В безличных предложениях *надобѣ* и *не надобѣ* являются сказуемым как самостоятельно, так и в сочетании с инфинитивом. В личных предложениях при них инфинитив не употребляется.

Отрицательные предложения

§ 300. К отрицательным предложениям относятся те предложения (обычно повествовательные), которые содержат отрицание (*не* или *ни*) при сказуемом.

Отрицание может быть одновременно и в составе подлежащего, дополнения, обстоятельства (местоимений *никъто, ничьто, никаковъ, никакыи, никоторыи, никыи*, наречий *нигдѣ* (*никъде*), *никако, никѳда, ни отъ кѳдѳ, николи, никъгда*), может стоять и при управляемых глаголом-сказуемым (с отрицанием при нем) словах, а также при независимых однородных членах — подлежащих.

Из предложений с отрицанием только при сказуемом представляют интерес те личные предложения с глаголами *ѥсмь — быти* и *бывати*, которые в дальнейшем были вытеснены безличными предложениями с родительным падежом дополнения на месте именительного падежа подлежащего.

Эти предложения, наряду с которыми еще в древнерусских памятниках широко употреблялись безличные предложения (этот тип предложений господствовал), встречаются в древнерусской письменности по XVII в. включительно.

Приведем несколько примеров: и впередъ торгъ Рижскимъ и всѣхъ Нѣметцкихъ городовъ во Пскове за то *не будетъ* (Моск. гр. 1588 г.); Тоя же веснѣ бысть вода велика силна... за много летъ *не бывала* такова вода (Пск. лет.); *нѣсть* ничто же... *не бысть* ничто же (Ипат. лет.)[236].

О том, что оборот с *нѣсть* и т. п. при подлежащем не является заимствованием из греческого языка или возник в результате влияния старославянского языка[237], свидетельствуют современные говоры русского и украинского языков.

---

[235] См. выше, стр. 349, а также работу В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)», стр. 72—73.

[236] Примеры из Псковской и Ипатьевской летописей взяты из работы А. А. Потебня «Из записок по русской грамматике», т. III, стр. 481.

[237] Приведя ряд примеров с личным предложением из русских памятников, А. А. Потебня высказал предположение, что «цсл. обороты с подлежащим при *нѣсть* и т. п. — не подражания греческому, а остаток туземной старины...» («Из записок по русской грамматике», т. III, стр. 482).

А. Б. Шапиро отмечает, что как в южновеликорусских, так и в северновеликорусских говорах встречаются предложения, в которых при отрицании стоит существительное не в родительном, а в именительном падеже: У мене *ка́шель не было* (Ряз.) и др.[238]

В украинских говорах употребляется как безличная конструкция *брата його нема* (или: *не є*) *вдома*, так и синонимичный ей личный оборот типа *брат його не є вдома* (или *брат йому не є вдома*)[239].

В памятниках древнерусской письменности не засвидетельствованы случаи с двойным отрицанием при глаголе-сказуемом. Когда *нет* стало восприниматься как единая форма, при этом не сопоставляемая с глагольной формой *кстъ* с отрицанием *не*, из которой *нет* возникло (через ступень *нѣсть*), создались условия для двойного отрицания.

Двойное отрицание встретилось лишь в безличных предложениях, при этом только в говорах современного русского языка. В. И. Чернышев приводит примеры, из которых первый записан им лично: У нево деняк-та не нет (Владим. г.), Дéнёк-то не нет (Костромск. г.)[240].

В. И. Борковский имел возможность проверить эти наблюдения, опросив студентов Ярославского пединститута. Они отметили указанный оборот для многих мест Ярославской и Костромской областей: Там грязи-то не нет. Не нет дураков на свете (поселок Красные ткачи близ Ярославля); Дураков не нет (Курбский район Ярославской обл.); У него не нет денёг-то (Мологский район Ярославской обл.); Чай не нет воды-то (село Кадый Костромской обл.).

---

[238] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения, стр. 140—141.

В. Барашков приводит многочисленные примеры с именительным падежом имен существительных, местоимений и субстантивированных прилагательных при *нет* в русских говорах по верхнему течению р. Камы («Об одной разновидности отрицательных предложений в севернорусских говорах». — «Ученые записки Глазовского пед. ин-та», вып. 4. Ижевск, 1957, стр. 248—250). Автор полагает, что оборот с *нет* и именительным падежом, засвидетельствованный в некоторых современных севернорусских говорах, возник в результате взаимодействия этих говоров с неродственными языками (там же, стр. 256).

[239] По данным картотеки Диалектологического атласа украинского языка, личная конструкция весьма распространена в карпатских говорах юго-западного наречия украинского языка, а именно в бойковских, закарпатских. Кроме того, эта конструкция отмечена в буковинских и гуцульских говорах. Имеется она, как указывает Ф. Г. Шило, и в лемковских говорах того же юго-западного наречия («Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра». Львів, 1957, стр. 198).

[240] В. И. Чернышев. Отрицание «не» в русском языке. Материал для Словаря русского языка. Приложение к I выпуску VIII тома Словаря русского языка, издаваемого II Отделением Академии наук СССР, Л., 1927, стр. 9.

Значение этого оборота является спорным. В. И. Чернышев в записанном им примере объясняет *не нет* как *есть, много*.

О сходном случае в белорусском языке Е. Ф. Карский пишет: «любопытно *ня нет* в смысле „есть достаточно“: у царя, конешня, усяких слуг *ня нет* (Ром. III, 110 Сенн.)»[241].

В примерах студентов мы рассматриваем *не нет* как сходное по значению с *всё же есть*.

В. И. Чернышевым приводится случай с указанным оборотом и из литературного языка — из оды Антиоха Кантемира: Хоть и таковых *не нет*, которые разженны ненавистью...[242]

При наличии отрицания *ни* в составе местоимений и наречий отрицание *не* при глаголе-сказуемом или составном сказуемом обычно не опускается: Се язъ грѣшный худый рабъ Божий Иванъ Ивановичь пишу душевную грамоту, *ни чимже не нуженъ*, цѣлымъ своимъ умомъ, во своемь здоровье (Моск. духовная гр. 1356 г.); а *не надобѣ* имъ *никоторая* дань (Яросл. жалованная гр. до 1345 г.); Немчичю же *не надобѣ никаксе* мыто (Риж. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); Бысть вода велика в Волховѣ, яко же *не бысть* бывала *николи же* (1 Нов. лет. младшего извода. Комиссионный список XV в.); своєго *никто же не хулить* но хвалить (Лавр. лет.); *никоѥго же* имъ зъла *не створи* (Житие Феодосия Печерского XII в.)[243].

Однако встречаются примеры и с пропуском *не* при сказуемом: Аще Русьскыи гость... въ Ризѣ, или на Готьскомь березѣ извинитсѧ, *никакоже* его *въсадити* въ дыбоу (Риж. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); а *никтоже иметь* имъ пакостити (там же); Или Роусьскому гостьи притьча сѧ пригодить в Ризѣ или на Гътьскомь бѣрѣзѣ, *никако же* его въ дыбоу *въсадити* (Смол. торговая договорная гр. около 1230 г.); *николи же помышлю* на страну вашю. ни сбираю вои (Лавр. лет. Договор князя Святослава 972 г.); *николи же всѧдѫ* на нь. ни вижю є͡ боле то͡ (Лавр. лет.); *никто же можєт* соли зобати ни оу печали смыслити (Моление Даниила Заточника).

Ни в составе местоимения или наречия отрицает возможность действия только первого сказуемого, вот почему в тех случаях, когда имеется еще второе сказуемое (*сбираю, вижю* в примерах из Лаврентьевской летописи), при нем отрицание не пропускается (поставлено *ни*, равное по значению *и не*).

---

[241] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 319.

[242] В. И. Чернышев. Указ. соч., стр. 9. Отметим еще пример, встретившийся нам в научной прозе:... способов *не нет*; некоторые ж и я имею (В. К. Тредьяковский. Речь о чистоте российского языка, 1735 г.).

[243] А. М. Лукьяненко. О языке Несторова жития преподобного Феодосия Печерского по древнейшему из дошедших списков, стр. 76.

Ф. И. Буслаев полагал, что «оборот с одиноким отрицанием вместо двойного» заимствован из греческого и «долго господствовал в нашем книжном языке; напр. у Кант. «хотя внутрь *никто видел* живо тело» Сат. I (вм. *никто не видал*)»[244].

В. И. Чернышев в названной выше работе[245] тоже считает данный оборот в церковнославянских текстах, откуда, по мнению В. И. Чернышева, он перешел в старый русский книжный язык, подражанием греческому языку.

Л. А. Булаховский в отношении древнерусской письменности сделал вывод о борьбе двух тенденций в языке — книжной (церковнославянской) и народной. Первая тенденция вела к опущению *не* при сказуемом, вторая — к постановке отрицания. Однако исследователь в то же время полагает, что «опущение *не* в памятниках, отражающих разговорный язык, может быть фактом и русским, диалектным, имеющим параллели в сев.-русских говорах...»[246].

Действительно, в современных северновеликорусских говорах, как отмечает А. Б. Шапиро[247], довольно широко распространены обороты без отрицания при сказуемом: *нигде возьмешь; никого и разбудил; никто ему велел; мне ништо зделајец'а* и др.[248]

О русском характере оборотов без *не* свидетельствуют и диалоги из московской разговорной речи конца XVII в., помещенные в «Русской грамматике» Генриха Вильгельма Лу-

---

[244] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 523. Отметим еще пример из произведений Кантемира, приведенный в работе В. Истомина «Главнейшие особенности языка и слога произведений князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, 1708—1744»: Воззреть вспять *никто смеет* («Петрида») («Русский филологический вестник», т. XXXIV, 1895. Пед. отдел, стр. 36).

[245] Помимо примера из «Сатиры I» Кантемира В. И. Чернышев приводит также пример из «Тилемахиды» Тредьяковского: Кровь Человеча сея Земли́ никогда обагряла (В. И. Чернышев. Указ. соч., стр. 17).

[246] Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку, стр. 406. Здесь же автор отмечает, что в XVIII в. *не* иногда отсутствует в произведениях писателей, отражающих влияние языков греческого (через церковнославянские образцы) или латинского.

[247] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису народных говоров. Строение предложения, стр. 198. См. также: Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису, стр. 57; его же. Из наблюдений над синтаксисом северо-западных говоров. «Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 69. Кафедра русского языка, 1948, стр. 159—161.

[248] Этот оборот, по-видимому, не чужд и южновеликорусским говорам. В. И. Чагишева отмечает, что в говорах Суземского района Брянской области «изредка встречается оборот с одной отрицательной частицей вместо двух», и приводит примеры: н'ишто́ им дава́т'; н'и л'асо́ў та́м бы́ла; э́та н'ихто́ таб'е́ в'инава́т («К изучению курско-орловских говоров (наблюдения над говорами Суземского района Брянской области)». — «Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 92. Кафедра русского языка, 1954, стр. 188).

дольфа: ѧ *никово* пиѧново *напоилъ*; *некогда* прежде седмого часа тебѣ *вижѳ*; гѳлѧщики ѧ *некакъ люблю; нехто* ѳдоволитъ сѧ въ томъ что богъ дасть; въ молодихъ лѣтехъ *нехто* такъ *разѳменъ* что бы трѳдилъ сѧ длѧради наѳки и премѳдрости и др.

Мы считаем, что оборот с одним отрицанием не был заимствованием из чужого языка. Об этом говорят не только памятники древнерусской письменности, в частности деловой, но и данные современных русских говоров[249].

Нашему выводу не противоречит тот факт, что в отдельных случаях из двух возможных для древнерусского языка оборотов (с *не* и без *не*) древнерусский книжник, под влиянием церковнославянской письменности, предпочитал употребить оборот без *не*, хотя последний, по-видимому, был менее широко распространен в диалектах русского языка.

Отрицание *ни* при однородных членах предложения, как управляемых глаголом, так и независимых — при однородных подлежащих, стоит в отрицательных предложениях для усиления отрицания[250].

В отличие от современного русского языка *ни* перед первым однородным членом, как правило, не употребляется: нѣмчина не сажати в погребъ новѣгородѣ. *ни* новгородца в нѣмцехъ (Нов. договорная гр. между 1189—1199 г.); того же дѣлѧ написахъ. за нъ да не было оу мене брата. *ни* сноу (Нов. духовная гр. до 1270 г.); того ми Олексѣю не давати, *ни* его женѣ, *ни* его дѣтемъ (Моск. договорная гр. 1341 г.); и тѣмъ крестіяномъ ненадобѣ имъ моя дань, *ни* тамга, *ни* новоженная куница, *ни* кормъ данной, *ни* таможной кормъ, *ни* волостелинъ кормъ, *ни* доводщичъ кормъ, *ни* иные моіе никоторые пошлины (Яросл. жалованная гр., около 1400 г. Сходные случаи в Ниж. жалованной гр. между 1410—1417 г.)[251]; Ни ѡдиномоу же Роусиноу не дати пересоуда оу Ризѣ, *ни* на Гочкомъ березѣ (Готл. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); не надобѣ то влдцѣ, *ни* иному соудьи Немьчьскомоу (Смол. торговая

---

249 См. статью В. И. Борковского «Союзы при однородных членах в древнерусских грамотах» («Доклады и сообщения Института языкознания», № 8, 1955, стр. 56—57).

Ср. сходный вывод: Ф. П. Филин. Из наблюдений над синтаксисом северо-западных говоров, стр. 161.

250 В единичных случаях на месте *ни* находим *и*, которое не выполняет функции отрицания, а служит лишь для присоединения каждого последующего однородного члена к предыдущему: а въ бѣжицахъ тобѣ кнѧже *и* твоимъ бояромъ. *и* твоѥи кнагыни. *и* твоимъ слоугамъ. селъ не держати. ни коупити. ни даромъ приимати. и по всеи волости новгородьскои (Нов. договорная гр. между 1325—1327 г. № 15). Подробнее об *и* и *ни* в отрицательных предложениях см. в работе В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение». М., 1958, стр. 34—38.

251 *Ни* перед вторым и следующими однородными подлежащими.

договорная гр. около 1230 г.); А на зимоу не бы снѣга велика. *ни* ѥспа дни и до марта (1 Нов. лет.).

Отрицание *ни* может стоять и при первом однородном члене, как в современном русском языке (случаи с таким употреблением немногочисленны): а старостѣ. *ни* холопа. *ни* робы. безъ гарѧ твоимъ соудиѧмъ не соудити (Нов. договорная гр. 1304—1305 гг. № 9); боле же не поминати того *ни* въ Ризе, *ни* на Готьскомь березе (Рижск. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); не надобѣ имъ *ни* вощець *ни* мыто (Смол. торговая договорная гр. около 1230 г.)[252]; а в то не надобѣ оуступатисѧ *ни* унукумъ кѣ. *ни* племени кѣ (Перемышльская купчая гр. 1359 г.); сташа противу... и не смѧху *ни* си wнѣхъ. *ни* wни сихъ начати (Лавр. лет.)[253]; *ни* богатества ми *ни* оубожества ги не дан же ми (Моление Даниила Заточника).

Так как в старославянском и древнерусском языках *ни* при сказуемом по значению приравнивается к *и не*, то при однородных членах — сказуемых *не* стоит перед первым сказуемым, а *ни* — при последующих. Если сказуемому предшествует управляемое им дополнение или относящееся к сказуемому обстоятельственное слово, то *ни* стоит при дополнении или обстоятельственном слове: а бес посадника ти кнже волостии *не* роздавати *ни* грамотъ дати (Нов. договорная гр. 1265 или 1264 г. № 2); ни намѣстници мои къ тѣмъ людемъ *не* всылаютъ. *ни* судятъ ихъ (Ниж. жалованная гр. между 1410—1417 г.); и *не* покоришасѧ пльсковици имъ, *ни* выгнаша кнзѧ w себе (1 Нов. лет.); *не* ѣдемъ на конѣ *ни* пѣши идемъ (Лавр. лет.).

Первый случай употребления *не* и перед вторым сказуемым, несмотря на то, что при слове, управляемом этим глаголом-сказуемым (управляемое слово предшествует сказуемому), имеется *ни*, встретился нам в новгородской договорной грамоте, написанной в 1265 или 1264 г. № 2: а и соуждальской ти земле новагорода не рѧдити. *ни* волости(и)и ти *не* роздавати.

Таким образом, начинает устанавливаться норма, характерная для современного русского языка.

Определение

§ 301. В данной главе мы рассматриваем только определение, согласующееся со своим определяемым в роде, числе и падеже (о несогласованном определении говорим дальше — в главе об употреблении падежей). Таким образом, речь будет идти об определении, выраженном именем прилагательным, местоимением, порядковым числительным и причастием.

---

252 *Ни* перед первым и вторым подлежащим.

253 *Ни* перед первым и вторым подлежащим.

В древнерусском языке согласованное определение занимает господствующее место и лишь с течением времени в отдельных случаях вытесняется несогласованным определением, в частности родительным падежом (родительным принадлежности) имени существительного.

Чаще всего определением бывает имя прилагательное (качественное, относительное и притяжательное).

В роли определения в древнерусском языке употреблялась и именная и местоименная форма прилагательного, в роли сказуемого — вначале только именная, а затем, позже, и местоименная форма прилагательного (см. об этом выше, в главе о составном сказуемом). В тех случаях, когда имя прилагательное входит в конструкцию со вторым косвенным падежом, следовательно, употреблено с предикативным значением, оно имеет именную форму (см. выше главу о вторых косвенных падежах).

В разделе «Морфология» отмечены не только способы образования прилагательных, но и выяснено исконное различие именных и местоименных форм по значению как различие соответственно неопределенных и определенных форм, в связи с чем на этом вопросе мы не будем останавливаться.

Подчеркнем одно положение, на которое указывалось в разделе «Морфология»: так как в роли определения начинает господствовать местоименная форма прилагательного, это ведет к утрате косвенных падежей именными формами прилагательных.

Таким образом, явления синтаксические и морфологические находятся в определенной взаимосвязи.

Судьба прилагательных в роли определения, как тоже отмечено в разделе «Морфология», не была одинаковой: качественные прилагательные сохранили и местоименную и, как архаизм, именную форму (редко), относительные прилагательные (в них раньше, чем в качественных прилагательных, распространилась местоименная форма) — только местоименную, притяжательные прилагательные — только именную (не во всех падежах), хотя в древнерусском языке наблюдались и случаи с местоименной формой притяжательных прилагательных в женском роде (см. «Морфологию», § 177).

Поскольку уже в древнерусских памятниках в роли определения выступает преимущественно местоименная форма прилагательного (качественного и относительного), требуют объяснений лишь случаи с именной формой.

Находим именную форму в сложившихся юридических формулировках, в устойчивых словосочетаниях. Иногда то или иное словосочетание восходит (см. ниже первый пример) к обороту со вторым косвенным падежом или к обороту с составным сказуемым: А гостю *чистъ путь* по моеи волости

(Нов. пропускная гр. между 1262—1272 г.)[254]; а на лунѣнѣ. *человѣкъ. добръ.* (Нов. берест. гр. второй половины XIV в. № 314); а пополонка *конь воронъ* в пять сороковъ (Двин. купчая гр. XV в. № 90); ино имъ в людеи коунъ не имати. *по правоу словоу.* и по хресномоу челованию. и по ст͡го сп͡са wбѣтоу (Двин. закладная гр. XV в. № 98)[255].

Одним из видов устойчивых словосочетаний являются словосочетания, принадлежащие к терминологической лексике: (а)ѣкѕѣкѵвь *бѣла росомѕха* (Нов. берест. гр. XIV—XV вв. № 2); а цто оу. тебе *недоборе стари* пришли зеребе (Нов. берест. гр. XIV в. № 99); поимп. *коне корилескы* (Нов. берест. гр. второй половины XIV в. № 266); *золотнъ бѣлилъ* на бѣлкоу (Нов. берест. гр. первой половины XIV в. № 288).

Характерно, что в берестяных грамотах, где исключительно редки случаи с именной формой прилагательного (качественного и относительного) в роли определения, большинство примеров с именной формой приходится на долю терминологической лексики.

Только стилистическими причинами — желанием подчеркнуть признак, чем в отдельных случаях вызвана и постпозиция именной формы, объясняем примеры: купи ми. зѣндѧнцю. *добр.у.* (Нов. берест. гр. рубежа XIV—XV вв. № 125); прислалъ въ Ригоу своѥго лоучьшего попа Ꙗрьмея и съ нимь *оумьна моужа Пантелья* (Готл. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.).

Поскольку основной функцией именной формы имени прилагательного качественного была функция предиката[256], эта форма, являясь атрибутом, по-видимому обладала известной степенью предикативности (большей — при постпозиции).

Простым атрибутом именная форма служит преимущественно в словосочетаниях, превратившихся в дальнейшем в одно слово (и по форме и по значению), например *Новгород*, *Белоозеро*[257]:

---

254 Ср. пример с составным сказуемым в той же грамоте: путь вашь *чистъ есть* по моеи волости. Пример, в котором *чистъ* — второй винительный падеж: А гостемъ и торговцемъ Новагорода Великого и Торжку и съ пригородей *дати* ти *путь чистъ* безъ рубежа сквозѣ Тферь и Тферьскиѥ волости (Моск. договорная гр. 1368 г.).

255 Ср. словосочетание, встречающееся в диалектах и в городском просторечии: *право слово*.

256 О том, что синтаксической функцией именной формы имени прилагательного стала почти исключительно функция предиката, свидетельствует также и следующий факт: случаи с субстантивацией именной формы крайне редки, субстантивируются, как правило, имена прилагательные в местоименной форме (см. главу «Определение» в работе В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение», стр. 217—311).

257 В древнейших памятниках (вплоть до XIV в.) склоняются обе части этого слова, причем прилагательное изменяется по именному склонению (только в тв. п. ед. ч. господствует местоименная форма).

а вывода ти кнже межи соуждальскою землею. и *новъмъ. городомъ* не чинити (Нов. договорная гр. 1270 или 1259 г. № 3): А *съ Новымъ ти городомъ* и съ Торъжкомъ жити въ старинѣ и въ миру (Моск. договорная гр. 1368 г.); А что ми дала Княгини Федосья Суду *на Бѣлѣ озерѣ*, да Колашну и слободку... (Моск. договорная гр. 1389 г.).

В связи с тем, что у относительных и притяжательных прилагательных возобладала одна из форм (у первых местоименная, у вторых — именная), у этих прилагательных не произошло разграничения синтаксических функций той и другой формы.

Если в ряде случаев мы можем объяснить сохранение именной формы относительного прилагательного тем, что оно входит в устойчивое словосочетание (см. выше примеры со словосочетаниями *коне. корилескы, золотнъ бѣлилъ*), то многие примеры такого объяснения не допускают. Местоименная и именная форма (в период ее вытеснения первой) употребляются в одинаковых синтаксических условиях.

Наибольшей устойчивостью отличаются именные формы относительных прилагательных, обозначающих свойство, признак 1) по материалу, из которого сделан предмет, 2) по отношению к месту, народу (эта группа не так многочисленна, как первая), хотя рядом употреблялись и местоименные формы.

По-видимому, здесь сыграла роль близость по значению указанных прилагательных к притяжательным прилагательным. Первые обозначают свойство, признак по его принадлежности к материалу, месту, народу, вторые обозначают принадлежность предмета определенному лицу.

Сходство на некоторое время сохранило употребление именной формы. Однако сходство не устраняло и различий. Притяжательные прилагательные указывали на принадлежность определенному лицу, вместо них (и рядом с ними) употреблялся родительный падеж без предлога имени существительного (см. об этом ниже, в главе «Употребление падежей»). В. В. Виноградов говорит относительно притяжательных прилагательных: «Они выполняют функцию указания (в широком смысле этого слова), а не качественного определения»[258]. Эта обособленность притяжательных прилагательных имела своим результатом то, что они сохранили свою именную форму. Кроме того, сохранению именной формы, с которой связывалась в прилагательных

Как видим из первых двух приводимых нами примеров, после именной формы прилагательного может стоять точка или даже другое слово, что указывает на известную самостоятельность первой части сложного слова.

[258] В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947, стр. 191.

предикативность, способствовало и то обстоятельство, что в принадлежности есть известная степень предикативности.

Приведем несколько примеров с именной формой относительных прилагательных: А изъ золота далъ есмь сыну своему Ивану: д̄ чепи *золоты*, поясъ болшии съ женчугомь съ каменьемъ, поясъ *золотъ* съ капторгами, . . . в̄ овкача *золота*, в̄ чашки круглыи *золоты*, блюдо *серебрьно* ѣздниньское (Моск. духовная гр. 1328 г.); заложиша горо*ᴬ* *каменъ* новоугородоу (1 Нов. лет.); и начаша воевати землю *Фрачьску* и *Макидоньску* (Лавр. лет.); не разумѣѭмъ [бо] ни *Гречьску* ꙗзыку. ни *Латыньску* (там же): Кончахъ книжькы сиѧ въ лѣ̑: ѕ̄s. ф. п̄. д. лѣто при с̄тославѣ кнѧзи *роусьскы* земл ѧ . аминъ (Св. изб. 1076 г.).

§ 302. Причастия действительного залога в роли определения встречаются в древнерусских памятниках редко, причастия страдательного залога — значительно чаще. Следует, однако, отметить, что этот вывод об употреблении причастий страдательного залога верен лишь в отношении причастий прошедшего времени. В главе о составном сказуемом мы уже отмечали ограниченность случаев с причастиями страдательного залога настоящего времени, которые не адъективировались, и сделали вывод, что в живом русском языке они почти не употреблялись.

В отношении причастий действительного залога мы имеем основание говорить о разграничении синтаксических функций именной и местоименной форм причастия уже в древнейших русских памятниках. Первая выступает или в роли сказуемого, или в роли, приближающейся к роли сказуемого (во втором винительном падеже, в дательном самостоятельном). Местоименная форма причастия служит в предложении определением и сохранила и в дальнейшем эту свою функцию: а буди ему противень с̄тыи спсъ. и въ сь вѣкъ и въ *боудоущии* (Нов. вкладная гр. после 1192 г.); Дана ся наша царская жаловалная грамота въ государствія нашего дворѣ въ *царствующемъ* градѣ Москвѣ (Моск. гр. 1601 г.); что бо рещи или что гл̄ти о *бывшеи* на на᷑ ѿ̄ ба̄ казни (1 Нов. лет.); (съ) жаливъси х᷑ьѧн᷑ дш̄ь и селъ *горѧщи᷑* и манастырь (Поучение Владимира Мономаха); В *минувъшюю* недѣлю с̄тыѧ пасхы, оудивлениѥ бѣ нб᷑и... (Кир.Тур.).

В первых двух примерах причастия настоящего времени имеют значение имени прилагательного (первое — значение ‘загробный’, второе — ‘стольный’), следовательно утратили свою предикативность.

Именная форма причастия действительного залога в роли определения встречается лишь при его обособлении: възлюбиша всѣ бм̄ь назнаменана Моіси, *пре᷑ бывша архимандритомь оу с̄тго Георгиѧ* (1 Нов. лет.); Дн᷑ь весна красуѥтсѧ, ѡживлѧющи *земноѥ* к̄ство, и горнии вѣтри, *тихо повѣвающе*, плоды гобь-

зують, и земла, *сѣмяна питающи*, зеленую траву ражаютъ... (Кир. Тур.).

К обособленному причастию вполне применим вывод А. А. Потебни в отношении приложения, а именно: оно «имеет функцию среднюю между собственным определением и определительным предложением с глагольным сказуемым»[259].

Интересно отметить, что в Рижской редакции Смоленской торговой договорной грамоты 1229 г. мы дважды встречаем обособленный оборот с причастием на месте придаточного определительного в Готландской редакции той же грамоты. Приведем один из случаев: Абы въ вѣкы стояло и князю любо бы и всѣмъ Смолнянамъ и Рижаномъ и всемъ Немцомъ *по Въсточному морю ходящимъ* (в Готландской редакции: и всемь темь, *кто то на Оустоко морѧ ходить*).

Таким образом, эти примеры из списков, созданных почти одновременно[260], говорят в пользу мнения о близости обособленного определения-причастия к придаточному определительному, но не о тождественности указанных конструкций и не о происхождении первого оборота из второго.

Именная форма причастия страдательного залога употребляется в роли определения в оборотах с обособленным причастием (ср. сказанное выше об именной форме причастия действительного залога): а томоу слѣдуютъ старые купчие *на харатьѧх писаны* за свинцовыми печатми (Двин. купчая гр. XV в. № 55).

Местоименная форма причастия страдательного залога служит определением: Се купи игуменъ василеи. оу матѳѣа оу назарова сна и оу его брата. оу самоуили. на маломъ ѡстровкѣ. ѡрамои земли. гоны. (Двин. купчая гр. XV в. № 17); а *взятое* церковное отдати по крестному целованью (Моск. гр. 1531 г.); А что моихъ бортниковъ и оброчниковъ *купленыхъ*, которыи въ которои росписи, то того (Моск. гр. 1328 г.).

В первом примере причастие настоящего времени адъективировалось, употребляется в лексическом словосочетании *орамая земля* и имеет вместе со словом, к которому относится, значение 'пахотная земля'.

§ 303. Употребление в роли определений порядковых числительных (а также количественного числительного *одинъ*) и местоимений сходно с тем, что мы имеем в современном русском языке. Нет необходимости приводить и соответствующие примеры (особенно распространены случаи с притяжательными местоимениями).

---

[259] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 110.

[260] См. работу В. И. Борковского «Смоленская грамота 1229 г. — русский памятник», стр. 41—42.

§ 304. Определение, как и подлежащее и сказуемое (см. выше главу «Порядок следования подлежащего и сказуемого в простом предложении»), занимало в предложении определенное место. Согласованное определение находится, как правило, в препозиции к определяемому слову [261].

Постпозицию определения мы объясняем стилистическими причинами — желанием выделить логическим ударением прилагательное (или другую часть речи) — определение, поскольку инверсия ведет к некоторой степени предикативности прилагательного (или другой части речи в роли определения) [262].

Определенным стилистическим приемом является выдвижение определения в самое начало предложения с одновременным включением между определением и определяемым словом других слов: а *старыи* гн҃ кн҃зь великии *рубе*᷍ земли и во᷍. даи промежи тѳ҃рью и кашиномъ. и новгороⷣчкои ѡтцинѣ.и торжкоᵐ. и бѣжичкыᵐ верхоᵐ. (Нов. договорная гр. 1426—1461 г. № 18); а *подлинную рⷣдную* писал *грамоту* григорей дьякъ сто҃го михаила (Двин. рядная гр. XV в. № 49).

К стилистическим приемам относим и отрыв постпозитивного определения от определяемого им слова. В этом случае определение получает значительную степень предикативности (в приведенном примере — близкую к степени предикативности в оборотах со вторым косвенным падежом), а дополнение, выдвинутое в самое начало предложения, тоже имеет на себе логическое ударение: а *роубежь* ти кнⷣже. межю соуждальскою землею. и новгородьскою дати ти *старыи* (Нов. договорная гр. 1305—1308 гг. № 68).

§ 905. Остановимся на одной весьма яркой черте синтаксиса древнерусского языка, присущей и диалектной речи, — на повторении предлога перед определением (в том числе и несогласованным) и определяемым словом. Еще чаще такое повторение находим в случаях с приложением, о чем см. ниже.

О повторении предлога писали в своих трудах А. А. Потебня, А. А. Шахматов, Е. С. Истрина, Е. Ф. Карский, С. П. Обнорский, Л. А. Булаховский и др. Специально повторению предлога посвящена статья Н. П. Гринковой «Некото-

---

[261] См. сходный вывод в результате наблюдений над языком оригинальных произведений XI—XVII вв. — Maria Widnäs. La position de l'adjectif épitète en vieux russe. Helsingfors, 1953, стр. 193.

[262] Интересное замечание о постпозиции определения в современном английском языке находим в статье В. Н. Жигадло «Постпозиционное определение и ритм в современном английском языке»: «. . . в постпозиционном определении заметно выступает его предикативное содержание. . .» («Вопросы грамматического строя и словарного состава языка», т. I. — «Ученые записки Ленинградского ун-та», № 156. Серия филологических наук, вып. 15, 1952, стр. 304).

рые случаи повторения предлогов в кировских диалектах» («Язык и мышление», XI, 1948).

Н. П. Гринкова не ограничилась тем, что увидела в повторении предлога, вслед за А. А. Шахматовым, синтаксическую особенность [263].

Она пришла к выводу, что в древнерусских памятниках, а также и в диалектной речи повторение предлога играет синтаксическую и семантическую роль. Повторение предлога служит целям логического ударения, превращает каждую часть словосочетания в самостоятельно значимую, логически важную часть всего выражения [264].

Наши наблюдения над повторением предлога в памятниках древней письменности, в частности в грамотах на пергамене и в грамотах на бересте, позволяют сделать вывод, что предлог повторяется тогда, когда определение (или приложение) и определяемое слово имеют большой удельный вес в контексте. Такое повторение служит цели подчеркнуть данные слова, обратить на них особое внимание. При повторении предлога логическим ударением наиболее заметно подчеркнуто второе слово (первое тоже подчеркнуто). Так как в большинстве случаев надо было сделать особенно заметное ударение на определении, то в памятниках преобладают случаи с повторением предлога при постпозиции определения. Приведем несколько примеров с повторением предлога при препозиции и при постпозиции определения: 1) поклонъ. ѿ постасьи къ гну *къ* моѥи *къ* братьи (Нов. берест. гр. второй половины XVI в. № 49) [265]; И мы... пожаловали, велѣли имъ пріезжати *въ* наши *въ* великіе государства (Моск. гр. 1601 г.); 2) И посадниче и тыцькии (тысяцькии. — *В. Б.*) и весь господинъ великѣи Новъгородъ, смотрѣвъ *в* грамотѣ *в* старѣи, *в* заморьскѣи, *в* хрестьнѣи и в ъпасъ свои... (Нов. гр. 1392 г.); А *исъ* портъ *изъ* моихъ сыну моему Семену кожухъ черленый, женчужьныи, шапка золотая (Моск. духовная гр. 1328 г.); се же горе бы не *въ* нашеи земли *в* одинои (1 Нов. лет.); Оуже погании Татарове *на* полѧ *на* наши настоупають (Задонщина) [266]; И язъ свое судно покинулъ да полѣзъ есми *на* судно *на* послово и с товарищи (Хожение за три моря Афанасия Никитина. Троицкий список XVI в.).

---

263 А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 288 и 308. А. А. Шахматов считал, что повторение предлога указывает на согласование приложения и определяемого слова, на уподобление определения определяемому слову.

264 Н. П. Гринкова. Указ. соч., стр. 93—95.

265 В этом примере имеется повторение предлога и при приложении.

266 И. Фодор. Синтаксические явления «Задонщины». «Studia slavica Academiae scientiarum hungaricae», t. 1, fasc. 1—2, Budapest, 1955, стр. 159.

Повторение предлога, как отмечалось выше, имеет место и в современных русских диалектах, причем и здесь главным образом при постпозиции определения.

В литературном русском языке нет повторения предлога как характерной черты синтаксиса уже начиная с XVIII в. Повторение предлога, известное и староукраинским и старобелорусским памятникам, имеет место в литературном украинском и белорусском языке тоже по XVII в. включительно. Встречается оно в некоторых украинских и белорусских говорах, иногда и в произведениях современных поэтов, что наблюдается и в русской стихотворной речи.

Приложение

§ 306. Особое место в древнерусском языке занимает определение, выраженное именем существительным, а потому согласованное со своим определяемым словом (именем существительным, личным местоимением) только в падеже и числе.

Группа слов, выступающих в древнерусских памятниках в роли приложения, весьма обширна. Чаще всего приложением бывают слова, указывающие на 1) титул, должность, занятие лица, 2) степень родства, 3) принадлежность данного лица к той или иной народности, к жителям того или иного города, княжества.

Приложение, как правило, стоит в препозиции к определяемому слову, причем такой порядок слов наблюдается преимущественно в тех случаях, когда определяемым словом является собственное имя: молви *дворянину* павлу. петрову брату. дать грамотѣ (Нов. берест. гр. XIV в. № 5); бѣ оу него *воєвода* Волъчии Хвостъ (Лавр. лет.); не бысь ту *брата* Брячеслава, ни другаго Всеволода (Слово о полку Игореве); а взялъ его *Немчина* (Немчинъ. — *В. Б.*) Кашпиръ Буденбругъ (Моск. гр. 1578 г.).

Примеры с постпозицией приложения: се купи иванъ *игуменъ* и стефанъ *староста*... полъсела в тоинокурьи (Двин. купчая гр. XV в. № 42); въ лѣто $\frac{\text{sфо(s).in}^{\text{ц}}\text{i.s}}{7}$. глѣбъ *кнмзь* мѣрилъ м° по ледѕ (Надпись 1068 г.).

Значительно чаще встречаем постпозицию в тех случаях, когда и приложение и определяемое слово — нарицательные имена: wже убьють. кѕпчиноу *новгородца*. или нѣмчина коупчиноу новѣгородѣ. то за тоу головоу .і. грвнъ серебра (Нов. договорная гр. между 1189—1199 г.)[267]; Ото князя Ивана Семеновича, Полоцкого намѣсника и ото всихъ мужь *Полочанъ* князю мештерюли Ризкому и всимъ ратманомъ Ризкимъ поклонъ (Полоцк. гр. 1409 г.).

[267] В том же примере и препозиция: *нѣмчина* коупчиноу.

Как видим из второго примера, вместо приложения может быть употреблено согласованное определение: ратманомъ *Ризкимъ*.

В поздних памятниках на месте приложения, обозначающего принадлежность лица к той или иной народности, к жителям того или иного города и стоящего при определяемом слове — нарицательном имени, обычно находим сходное по значению определение — имя прилагательное.

Следует отметить, что существительное-определение (приложение) обладает большей самостоятельностью по сравнению с прилагательным-определением не только в отношении формы (нет согласования в роде)[268], но и в отношении значения: *кѫпчиноу новгорода*, *мужь Полочанъ* не тождественны сочетания *кѫпчиноу новгородьского*, *мужь полотьскихъ*. Приложения не просто определяют, но одновременно и называют предмет, вот почему при выяснении того, какое из двух существительных является приложением, прибегаем к замене существительного прилагательным (определяемые слова — те, которые не допускают такой замены).

В древнерусских памятниках постпозитивное приложение встречаем в примерах, где ожидали бы родительный падеж при определяемом имени (такой родительный, известный и древнейшим памятникам, вытеснил в дальнейшем приложение): А се далъ есмь сыну своему Князю Дмитрью: икону *святыи Олександръ*... (Моск. духовная гр. 1356 г.); заложиша црковь *блговѣщениѥ* (1 Нов. лет.); заложи... црквь камену *стую Бцю* (Лавр. лет.).

Приложение может обособляться, и в этом случае его функция близка к функции определительного предложения с глагольным сказуемым, на что совершенно верно указал А. А. Потебня[269].

При личном местоимении обособляется как распространенное, так и нераспространенное приложение, причем приложение может и не стоять непосредственно при определяемом слове, что способствует усилению предикативности приложения, ведет к особенно заметному его обособлению (второй пример): а се и *всеволодъ* далъ ѥсмь блюдо серебрьно. въ. л. грвнъ серебра.

---

[268] Ср. замечание А. А. Потебни: «Существительное как атрибут вносит в мысль черту своей прежней самостоятельности, которая сказывается возможностью несогласования с определяемым в роде и числе...» («Из записок по русской грамматике», т. I—II, стр. 105).

[269] См. выше, в главе «Определение» ссылку на исследование А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике», т. I—II, стр. 110.

Истории обособленных приложений посвящена специальная глава в монографии А. Г. Руднева «Обособленные члены предложения в истории русского языка», стр. 173—207.

стмоу же геѡргиеви (Мстисл. гр. около 1130 г.); и язъ вамъ приказываю *своей братьи* жити за одинъ (Моск. духовная гр. 1353 г.).

Если определяемым словом является имя существительное, то обособляется, как правило, постпозитивное распространенное приложение. И здесь отрыв приложения от определяемого слова способствует его обособлению (второй пример)[270]: токѡ же ѡсени придоша Новгородци. *лѣпшиѣ мужи. Мирошькина чадь* к великому кнмзю Всеволоду съ поклономъ и съ молбою. всего Новагорода (Лавр. лет.); а в печати стомлъ самъ федоръ. и землю завелъ. *ларивоновъ сн҃ъ* (Двин. купчая XV в. № 30).

При отрыве приложения от определяемого слова может обособиться и нераспространенное приложение[271]. Приведя примеры с таким приложением из Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 г., Л. А. Коробчинская справедливо отмечает, что в них собственное имя, находясь в постпозиции, выполняет роль приложения, т. е. произошло изменение синтаксических функций нарицательного имени и собственного имени[272]. Так, в следующем примере *Костнтинъ* — приложение к слову *митрополитъ*: В то же лѣ҃. приде митрополитъ изъ Цргорада *Костнтинъ*.

§ 307. Как нами уже отмечалось в главе «Определение», в древнерусских памятниках и в современных русских местных говорах широко распространено повторение предлога — постановка его и перед определяемым словом и перед приложением, причем и перед тем приложением, которое имеет при себе пояснительные слова. Предлог повторяется и при препозиции приложения и при его постпозиции (примеры с препозицией преобладают).

Случаи с повторением предлога при приложении подтверждают вывод, который сделан выше, в главе «Определение», что предлог повторяется тогда, когда определение (или приложение) имеет большой удельный вес в контексте и нужно подчеркнуть данные слова, обратить на них особое внимание. Особенно часты случаи с повторением предлога при указании родственных отношений (а также при отчестве, прозвище, фамилии); титула, сана, должности, занятия лица; принадлежности

---

[270] См. многочисленные примеры с приложениями, которые отделены от определяемых слов сказуемым, дополнением и обстоятельствами, в исследовании А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике», т. IV. М—Л., 1941, стр. 285.

[271] См. ряд примеров из 1-й Новгородской летописи — Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 146.

[272] Л. А. Коробчинская. Функции порядка слов в древнерусском языке, стр. 82—83; ее же. Приложение в древнерусском языке. «Вопросы русского языкознания», кн. 2. Изд. Львовского ун-та, 1956, стр. 73.

к жителям того или иного города, княжества; княженья, области, города или участка, находящихся в отцовском, родовом владении данного лица.

Приведем несколько примеров: а) с препозицией приложения: *у* попа *у* михаили возми полорубля (Нов. берест. гр. второй половины XIV в. № 260); а то *з* братомъ. монмъ *съ* федоромъ недѣлно (Двин. гр. XV в. № 7); разгнѣвасѧ... *на* сочьскаго *на* Ставра (1 Нов. лет.); целуй ко мнѣ крестъ... и *къ* нашей вотчинѣ *къ* Великому Новугороду (Моск. договорная гр. 1368 г.); б) с постпозицией приложения: а 8 нездыле 8 старосте полодеже пшенице (Нов. берест. гр. середины или второй половины XIII в. № 220); Се купил ігуменъ ондреѧнъ стго михайла... *у* василѧ *у* григорьева сына *у* соѳонтиевича[273] село земли (Двин. гр. XV в. № 44); Посла и ѡць с вои противу мачесѣ. *с* Володимеромъ *съ* Андрѣевиче (Лавр. лет.).

Как уже отмечалось в главе «Определение», в случаях с повторением предлога наиболее заметно подчеркнуто второе слово (первое тоже подчеркнуто) и дальше логическое ударение идет нарастая (см. выше пример из Двин. гр. № 44). Если приложение стоит в препозиции к определяемому слову, то благодаря повторению предлога усиливается предикативность следующего слова, оно определяет предыдущее, утверждая, что признак принадлежит субстанции, названной предыдущим словом. Таким образом, благодаря повторению предлога происходит, при препозиции приложения, перемещение — определяемое слово становится приложением, а приложение — определяемым словом. Такое перемещение возможно потому, что приложение выражено именем существительным, которое, будучи приложением, сохраняет, как отмечено выше, в известной степени самостоятельность, а в определенных синтаксических условиях может занять господствующее положение[274].

Повторение предлога было явлением живой разговорной речи. Об этом говорят, в частности, и данные новгородских берестяных грамот, и материалы современных диалектов восточнославянских языков, преимущественно русского языка.

А. А. Потебня, отметив, что в церковнославянских памятниках повторение предлога встречается редко, объяснил немногочисленность случаев с повторением предлога в Лаврентьевской и в Ипатьевской летописях большей литературностью

---

[273] Отчество отца продавца.

[274] Подробнее см. в работе В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)», стр. 321—328. См. также примеры из Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 г., подтверждающие наши выводы: Л. А. Коробчинская. Функции порядка слов в древнерусском языке, стр. 83; е е ж е. Приложение в древнерусском языке, стр. 74.

языка этих памятников письменности[275]. Таким образом, повторение предлога в языке оригинальных русских произведений рассматривается А. А. Потебней как результат влияния разговорного языка.

Употребление падежей

Именительный падеж

§ 308. Именительный падеж мы рассмотрели выше, при выяснении вопроса о способах выражения подлежащего и в главе о составном сказуемом.

И в том и в другом случае функции именительного падежа в древнерусском языке совпадают с функциями этого падежа в современном русском литературном языке.

Встречаем, однако, в древнерусской письменности такое употребление именительного падежа, которое чуждо современному русскому литературному языку и находит соответствие лишь в говорах русского языка. Имеем в виду конструкцию: инфинитив от переходного глагола и форма им. п. ед. ч. имен существительных женского рода на *-а*, типа *косить трава*.

Именительный падеж здесь является падежом объекта, а не субъекта, таким образом, форма и значение падежа в этой конструкции находятся в известном противоречии уже в древнейших письменных памятниках.

Этого противоречия не было, когда именительный падеж в данной конструкции воспринимался как падеж субъекта — падеж подлежащего (см. об этом ниже).

Отмеченная конструкция широко представлена в древнерусской письменности, преимущественно в новгородских, двинских, московских, смоленских и полоцких памятниках, засвидетельствована она и псковскими памятниками[276], а также нижегородскими и ярославскими.

Исследователями русского языка неоднократно указывалось, что конструкция с им. п. ед. ч. слов женского рода на *-а* сохранялась в литературном языке не только конца XVII в., но и начала XVIII в., не будучи чужой языку Петровской эпохи[277].

---

[275] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 287.

[276] См.: Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909, стр. 190.

[277] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 197—198; А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, вып. I. Иркутск, 1921, стр. 130; С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. I. Л., 1927, стр. 266 (сноска); В. И. Собинникова. Общенародные и диалектные черты в языке областной письменности XVII—начала XVIII века (по материалам воро-

Рассматриваемому обороту посвящена целая литература. Господствует мнение, что он является севернорусской чертой (при этом как в настоящее время, так и в прошлом) и имел место также в памятниках, отражающих особенности диалектов, которые легли в основу белорусского языка[278].

Конструкция с именительным падежом имени существительного и инфинитивом засвидетельствована памятниками письменности с XIII в. (новгородскими и смоленскими) и широко представлена в памятниках XIV в. и позже.

Имя существительное в именительном падеже может предшествовать инфинитиву (большинство примеров), может и стоять после него, занимая, следовательно, то место в предложении, которое является обычным для дополнения: а *та грамота* кнѫже *дати* ти назадъ (Нов. договорная гр. 1270 или 1269 г. № 3); а *wчищивати та земл҃* оуласью (Двин. закладная гр. 1449 г. № 15); тобѣ *знати своя отчина*. а мнѣ *знати своя отчина* (Моск. договорная гр. 1362 г.); *Такова правда оузѫти* Русиноу у Ризе и на Гочкомь березе (Готл. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г. В Риж. ред.: *Така правда взѫти*...); а *белка купити* (Полоцк. гр. 1405 г.); *взѫти грв҃на* кунъ за соромъ (Русская Правда по списку 1282 г.); а мнѣ, ре҃, даи б҃ъ *исправити правда новгородьскаѧ* (1. Нов. лет.); лучше бы ми *вода пити* въ дому твоем... (Моление Даниила Заточника).

У имен существительных женского рода, имеющих сходную форму именительного и винительного падежей единственного числа, на именительный падеж указывает стоящее при этих существительных определение: *продаити* ти *дань своѧ* новгородцю (Нов. договорная гр. 1304—1305 г. № 10); тъбѣ *ръже*[279] *свъ҃ снѫти* (Нов. берест. гр. второй половины XIII в. № 142); и *печать своя* Князю Местеру къ сей грамоте *привѣсити* (Моск. гр. 1531 г.).

Конструкция с именительным падежом имен существительных женского рода с основой на *-а* представлена в таких крупнейших поздних московских памятниках, как Домострой XVI в. и Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.[280]

По подсчетам М. А. Соколовой, в Домострое форма именительного падежа с функцией винительного встречается 70 раз.

нежских грамот). Сб. «Начальный этап формирования русского национального языка». Изд-во ЛГУ, 1961, стр. 214 и др. работы.

[278] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 163 и 395. См. также: Нарысы па гісторыі беларускай мовы, стр. 342—343.

[279] *е* на месте ъ.

[280] См.: А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, стр. 197—198.

Автор справедливо относит эту конструкцию к явлениям живого разговорного языка, о чем, в частности, свидетельствуют такие примеры: и *капуста* от червья и от блохи *беречи*; как *мука сѣяти* и др.[281]

В пользу мнения, что рассматриваемая конструкция — явление живой разговорной речи, говорят и записи песен и пословиц XVII в., примеры которых приводили еще П. А. Лавровский[282] и Ф. И. Буслаев: *говорить правда — потерять дружба*; *дать ссуда* — навек остуда и др.[283]

В древнерусских памятниках, откуда мы привели выше примеры, в том числе и в Смоленской торговой договорной грамоте 1229 г., где встретились первые случаи с рассматриваемой конструкцией при независимом инфинитиве, находим и форму винительного падежа. Иногда рядом стоят форма именительного падежа и форма винительного: Оже *купити* Н҃мцичю *гривну* золота, *дати* ѥму *ногата* вѣсцю (списки *F* и *G* Риж. ред. Смол. гр. 1229 г.).

Такие случаи свидетельствуют о том, что уже в самых ранних русских памятниках именительный падеж при независимом инфинитиве был падежом объекта, а не субъекта.

О разложении конструкции говорят не только примеры с винительным падежом вместо именительного при инфинитиве, но и случаи, когда находим именительный падеж не только при независимом инфинитиве, но и при зависимом инфинитиве (первый пример) и особенно — при личной форме глагола (второй и третий примеры): и *наша царская жаловалная грамота вѣлети* имъ *дати* (Моск. гр. 1601 г.); а ныне *есмь увѣдалъ любовь ваша правѧ* с сно҃мь моимь с витенемь (Полоцк. гр. около 1300 г.[284]); а *даи* бъ *мл҃тва* ѥго *стаѧ* всѣмъ кр҃тыѧномъ (1 Нов. лет.).

Каковы условия возникновения рассматриваемой нами конструкции (как в литературном языке, так и в живых народных говорах)?

Мы полагаем, что этот вопрос был решен А. А. Потебней в 1874 г., когда вышло первое издание второй части его труда «Из записок по русской грамматике».

А. А. Потебня считает, что оборот: такова правда оузѧти Русиноу (Смол. гр. 1229 г.) первоначально «есть не безлич-

---

[281] М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI века, стр. 57—58.

[282] П. А. Лавровский. О языке северных русских летописей. СПб., 1852, стр. 123.

[283] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 375.

[284] На форму винительного падежа указывают стоящие при имени существительном с основой на согласный местоимение и имя прилагательное.

ный, а определенно-личный, в коем *правда* есть подлежащее при *кєть възяти*, а *Русину*, независимо от неопределенного накл., стоит при *кєть*»[285].

При восстановлении падежа доинфинитивного слова, по мнению А. А. Потебни, получится оборот: правьда есть Русину възѧтию.

А. А. Потебня отмечает, что в дальнейшем *есть възяти* было понято как бессубъектное предложение и именительный падеж *правда* или заменяется винительным падежом, или «переживает свое значение, то есть, оставаясь при прежней звуковой форме, изменяет лишь внутреннюю: „взять правда“, причем внешняя форма, подобно отжившим обрядам, остается не столько по инерции, сколько благодаря новому толкованию»[286].

По-видимому, в пользу взгляда А. А. Потебни говорит и сходный с приведенным выше случай из той же Смоленской грамоты 1229 г. (тоже из Готландской редакции) с личным глаголом *кєть*, но без инфинитива: Тая правда кєть Роуси изъ Смольнеска до Гочкого берега.

Материалы русских диалектов[287] (учитываем также выводы Е. Ф. Карского об интересующей нас конструкции в современном белорусском языке[288]), дополняющие те сведения, которые можно извлечь из памятников письменности, позволяют сделать некоторые выводы о путях распространения конструкции «инфинитив и им. п. имен существительных жен. р. на *-а*».

Мы высказали в свое время предположение, что эта конструкция является новгородской особенностью и распространялась по путям новгородской колонизации, путям торговых сношений Новгорода. Поэтому она широко представлена в новгородских памятниках (преимущественно деловой письменности), в двинских памятниках и, став нормой для приказного языка Москвы, сделалась нормой и для деловой письменности Ярославля и Нижнего Новгорода[289].

Эта языковая черта была присуща говорам Смоленской и Полоцкой земли, однако в результате влияния тех белорусских диалектов, которые не знали указанной конструкции, она вышла из употребления и не стала принадлежностью белорусского литературного языка.

---

[285] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 406.

[286] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 406. См. также т. III, стр. 463—464 и 476—477.

[287] См. сводку в работах В. И. Борковского: «О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV века», стр. 25—26; «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)», стр. 344—345.

[288] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 163 и 395.

[289] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение), стр. 345.

Материалы Атласа русских народных говоров свидетельствуют о том, что данная конструкция сохранилась в восточной части новгородской группы говоров, употребляется в говорах олонецкой и поморской групп, широко распространена в говорах восточной группы. Нет ее в говорах владимиро-поволжской группы, не является она характерной для средневеликорусских говоров (в последних конструкция идет на убыль в результате влияния южновеликорусских говоров). Таким образом, новые диалектные данные [290] не противоречат высказанной выше мысли о данной конструкции в русском языке как новгородской по происхождению. Сохраняясь длительное время в памятниках деловой письменности Московского государства, эта конструкция, не находя поддержки в среднерусских говорах, после Петровской эпохи окончательно исчезает из литературного языка.

Хотя в отдельных говорах процесс разложения конструкции, начавшийся еще в глубокой древности, зашел довольно далеко, об ее устойчивости свидетельствует следующий факт: именительный падеж при инфинитиве встречается значительно чаще, чем при личной форме глагола.

Родительный падеж

§ 309. Из случаев употребления родительного падежа при имени особого внимания заслуживает родительный со значением принадлежности.

Следует отметить, что родительный падеж принадлежности, занимающий в современном русском языке (в первую очередь в литературном) господствующее место по сравнению с притяжательными прилагательными, в древнерусских памятниках встречается значительно реже притяжательных прилагательных. Последние широко представлены и в более поздних памятниках.

Если имя существительное, от которого может быть образовано притяжательное прилагательное (или относительное прилагательное с суффиксом *-ьск-*), указывающее на принадлежность, должно иметь при себе согласованное определение, в памятниках, за редкими исключениями, употребляется родительный падеж принадлежности (рядом с этим родительным, при том же определяемом слове, встречаются притяжательные прилагательные — от существительных, при которых нет необходимости поставить опреде-

[290] См. карту в статьях И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко «О типах синтаксических различий русских говоров» (ИОЛЯ, т. XX, вып. 4, 1961, стр. 312); «О синтаксических различиях русских говоров» («Slavia», roč. XXXI, seš. 1, Praha, 1962, стр. 21). См. также статью В. С. Овчинниковой «Очерки по синтаксису поозерского говора» («Ученые записки Ростовского-на-Дону ун-та», т. LII, вып. 5, 1957, стр. 49—52). Автор присоединяется к мнению В. И. Борковского о данной конструкции как новгородской по происхождению.

ление): а что селъ кнѧже на новгородьскои земли. твоихъ. или *кнѧгынинихъ* или *бсцаръ твсихъ*. тѣхъ селъ тобѣ състоуитисѧ (Нов. договорная гр. 1304—1305 г. № 10); Тая правда Латинескомоу възати оу Роускои земли оу вълъсти *кнѧзѧ Смольнеского*, и оу *Полотьского кнѧзѧ* вълъсти, и оу *Витьбеского кнѧзѧ* вълъсти. (Готл. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); самъ же изѧславъ кънѧзь. правлѣаше столъ *оца своего ꙗрослава* кыевѣ. а *брата своего* столъ поржчи правити. близокоу своему остромироу новѣгородѣ (Остромирово евангелие); Коньчѧша сѧ книгы сиѧ рукою *грѣшьнааго иоана* (Св. изб. 1076 г.).

Случаи, когда родительный падеж принадлежности употреблялся без наличия указанного выше условия, в древнейших памятниках немногочисленны[291]. Это преимущественно примеры с родительным падежом субстантивированного прилагательного и причастия, поскольку от них нельзя образовать притяжательное прилагательное (см. первый пример — с субстантивированным именем прилагательным), и личного местоимения 3-го лица: а ставитисѧ нашему влⷭдѣ в дому *прⷱтые* и оу гроба стго петра чюдтворца. на москвѣ (Нов. договорная гр. 1471 г. № 20); на брате *кго* слсосъ (лососъ. — *В. Б.* Нов. берест. гр. XIV в. № 92); землѧ же кстьства нашего, акы сѣмѧ, слово бжиѥ приимши и страхомь *кго* присно болѧщи, дхъ сⷱни ражакть (Слово Кир. Тур. XII в.); Си слышавъши мти его и чюдивъшися о премудрости *строка* (Житие Феодосия Печерского XII в.)[292].

Родительный падеж принадлежности часто становится в препозиции к определяемому им слову и таким образом занимает в предложении то место, которое характерно для притяжательного прилагательного (притяжательное прилагательное, как правило, стоит в препозиции к определяемому слову). В дальнейшем нормой становится постпозиция родительного принадлежности (кроме местоимений *его*, *ее*, *их*), как и для других управляемых слов.

Еще более яркое свидетельство сходства функций родительного падежа принадлежности и притяжательного прилагатель-

---

[291] Примеры употребления родительного падежа принадлежности в древнейших русских памятниках, при этом не только в препозиции, но и в постпозиции, опровергают утверждение М. Виднэс, что «родительный падеж принадлежности вообще был чужд русскому языку еще в середине XVII в.» (Мария Виднэс. О выражении принадлежности притяжательным прилагательным и родительным падежом принадлежности в русском языке XVIII—XIX вв. «Scando-slavica», t. IV, Copenhagen, 1958, стр. 169).

[292] Пример из работы С. Я. Макаровой «Родительный принадлежности в русском языке XI—XVII вв.» («Труды Института языкознания», т. III, 1954, стр. 15).

ного — повторение предлога при родительном принадлежности, обычно при его препозиции (в примерах выделяем шрифтом только предлог): а писали есте к намъ в своеи грамоте, что есте присылали *во* государя нашего царя и государя всея Русии *в* вотчину в Великий Новгородъ (Нов. гр. 1516 г.); чимъ володѣлъ wртемеи *по* wци своего и *по* братьи своеи *по* купнымъ грамотамъ (Двин. купчая гр. XV в. № 81).

Случаи, когда, несмотря на наличие согласованного определения (в примере — притяжательного местоимения), употреблены притяжательные прилагательные, а не родительный падеж принадлежности, составляют исключение: ни моимъ. *братнимъ*. дѣтемъ. *игнатьевымъ*, не вступатисѧ. в ту землю (Двин. духовная гр. XV в. № 8).

Отметим, что в этом примере притяжательное местоимение лишено своего прямого значения (благодаря употреблению притяжательных прилагательных *братнимъ* и *игнатьевымъ*): оно указывает не на принадлежность *мне*, а *моему брату Игнатию*.

Если при имени стоит не согласованное определение, а приложение, от приложения и имени образуются притяжательные прилагательные (чем древнее памятник, тем чаще встречаются такие случаи): и что ти ся достало удѣла *Княгинина Ульянина*... (Моск. договорная гр. 1388 г.).

Когда, кроме того, имеется и согласованное определение или же приложение-отчество (отчество также является согласованным определением), то от приложения (не отчества) и имени могут быть образованы притяжательные прилагательные, а определение (или приложение-отчество) ставится в родительном падеже, как бы согласуясь с опущенным именем существительным в родительном падеже (это существительное заменено притяжательным прилагательным): а что ученилсѧ грабежь на волзѣ. или индѣ гдѣ *кнжимъ* лодыимъ *михаиловымъ тфърьского*. или товаръ поиманъ... (Нов. договорная гр. 1373 г. № 11)[293]; А цто о другои грамотѣ Новъгородъ говорить, которая за Олексѣевои владыцнею пецатью и за *посадницею* за *Васильевои Федоровича* и за тысяцького Богъдана Обакуновица, а та грамота Ивану и его другамъ выдати (Нов. гр. 1392 г.).

В памятниках встречаем случаи, когда приложение стоит в родительном принадлежности и только от определяемого

[293] Интересный пример отмечен Е. Ф. Карским: кнжниѥ сѫменово *московьского* (91 лет. Авр. XV в.) («Белорусы. Язык белорусского народа», вып. 2—3, стр. 407). В этом примере нет притяжательного прилагательного от слова *кнѧзь*, тем не менее в родительном падеже стоит согласованное определение *московьского*, так как *кнжниѥ* указывает на *кнѧзѧ*, поскольку только князем оно и может осуществляться, кроме того, притяжательное прилагательное *сѫменово* обозначает субъект действия (см. ниже об употреблении притяжательного прилагательного для указания субъекта действия).

слова образовано притяжательное прилагательное (первый и второй примеры) или когда от одного из приложений образовано притяжательное прилагательное, а другое употреблено в родительном принадлежности (третий пример): по *Отца мсего* животѣ по *Князя Великого* по *Ивановѣ* (Моск. договорная гр. 1388 г.); Иворъ солъ *Игоревъ. великого кнѧзѧ рускаго* (Лавр. лет.); А брати таможникомъ тѣмга и всѣ таможные пошлины съ *Царевыхъ* и *Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи* селчанъ (Яросл. таможенная откупная гр. 1595 г.).

Отчество может стоять в родительном падеже и в тех случаях, когда нет другого приложения, причем от определяемого имени образовано притяжательное прилагательное: соудъ *ꙗрославль володимирица* (Русская Правда по списку 1282 г.); *Ꙗрославль сн҃ъ Володимерича* (Лавр. лет.); за раны *Игоревы буего Святъславлича* (Слово о полку Игореве. При отчестве стоит определение *буего*).

Приведенные выше случаи свидетельствуют о том, что древнерусский литературный язык длительное время пользовался различными способами указания на принадлежность — и при помощи притяжательных прилагательных, и при помощи родительного принадлежности. Второй способ лишь постепенно вытеснял первый способ, который имел место и в XVIII и даже в XIX в.

Сходный процесс наблюдается и в украинском и в белорусском языках, причем в первом из них он протекал медленнее, чем в русском языке [294].

Как неоднократно отмечалось исследователями русского языка, наиболее жизнеспособными оказываются только прилагательные с суффиксом *-ин*, типа *Манин*, *Ванин*, *Танин*, *мамин*, *дядин* (главным образом от собственных имен) [295].

В расширении случаев с родительным принадлежности (в дальнейшем это расширение привело к господству родительного принадлежности, вытеснившего и дательный принадлежности, о котором см. ниже) сыграло роль то, что при образовании от имени существительного притяжательного прилагательного не было возможности сохранить определение-прилагательное, определение — притяжательное местомение. Можно было в отдельных случаях с определением — именем прилагательным (см. приведенный выше пример из Нов. договорной гр. 1373 г.) использовать прием — ставить только одно это прилагательное в родительном падеже. Однако уже сама постановка одного

---

294 І. І. Слинько. Історія присвійних конструкцій української мови за свідченням пам'яток XIV—XVIII ст. «Питання історії і діалектології східнослов'янських мов». Вид. Чернівецького ун-ту, 1958, стр. 57.

295 См. в частности: В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове), стр. 194; Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку, стр. 321.

прилагательного в родительном падеже тоже была путем к господству родительного падежа принадлежности, так как родительный падеж этого прилагательного был родительным принадлежности.

Способствовало закреплению родительного принадлежности и то обстоятельство, что в случаях (они многочисленны в поздних памятниках — XV—XVI вв.), когда приложений два, одно из них ставится в родительном падеже, а от другого образуется притяжательное прилагательное (см. пример из Яросл. таможенной откупной гр. 1595 г., а также пример из Нов. гр. 1392 г., где от наименования должности образовано притяжательное прилагательное, а отчество поставлено в родительном падеже)[296].

В поздних памятниках (XVI—XVII вв.) находим родительный принадлежности фамилии, образовавшейся от прозвища или отчества. Так, Ф. И. Буслаев, в числе других примеров, приводит следующие (с род. п. ед. и мн. ч.): передъ княземъ Иваном Григорьевичем *Долгорукого* (Юрид. акты, 1612 г.); княжны старицы Александры *Гагариныхъ*, да старицы Ѳедосьи *Давыдсвыхъ* (Юрид. акты, 1679 г.)[297].

Этому родительному могли предшествовать слова *сынъ*, *дъчи* или *дѣти*[298]. Таким образом, родительный падеж без перечисленных слов появился на месте данных слов с родительным падежом.

Отмеченные формы привели к образованию ряда фамилий: *Живаго*, *Дурново*, *Косых* и др.

К родительному принадлежности близко примыкает родительный падеж субъекта при существительных, при которых необходимо указать действующее лицо (начало кнѧженьı *Стослава*).

В древнерусских памятниках мы встречаем и случаи постановки вместо родительного падежа имени существительного притяжательного прилагательного: (начало) кнѧженьı *Стославлѧ* (Лавр. лет.).

В поэтической речи умело сочетались оба эти способа, которые употреблялись рядом, один за другим, когда автор хотел обратить особое внимание на действующее лицо: Не лѣпо ли

---

[296] Ср. пример из памятника первой половины XII в., где оба приложения — *кнѧ* (кнѧзѧ. — *В. Б.*) и *давыдовча* стоят в родительном принадлежности (от имени образовано притяжательное прилагательное — *володимерова*): А се чара *кнѧ* володимерова *давыдовча* (Надпись до 1151 г.).

[297] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 459.

[298] Многочисленные примеры со словами *сынъ* и *дѣти* и родительным принадлежности и без отмеченных слов см. в работе А. М. Селищева «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ» («Ученые записки МГУ», вып. 128. Труды кафедры русского языка, кн. 1, 1948, стр. 131 — 134).

ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудных повѣстій о пълку *Игоревѣ*, *Игоря Святъславлича*! (Слово о полку Игореве); были плъци *Олговы*, *Ольга Святъславличя* (там же).

Рядом с родительным объекта при отглагольном существительном (разрушеніѥ ада) в древнерусском языке употреблялось и притяжательное прилагательное с той же функцией указания объекта (разрушеніѥ *адово*): Въ минувъшюю недѣлю стыѧ пасхы, оудивленіѥ бѣ нб҃и, и оустрашеніѥ преисподнимъ, и ѡбновленіѥ твари, и избавленіѥ миру, разрушеніѥ *адово*... (Слово Кир. Тур. XII в.).

Широко распространен в древнерусском языке родительный падеж целого для обозначения предмета, из которого выделяется часть (в современном русском языке в подобных случаях встречаем родительный с предлогом *из*). Чаще всего мы находим этот родительный падеж при местоимении *къто*, но он бывает и при других местоимениях (со значением неопределенным, отрицательным или определительным — *чьто*, *которыи*, *къжьдо*, *никъто*, *дроугыи*): а цо было *живота твѥѥго и мѥѥго* то все взѧли (Нов. берест. гр. XV в. № 135); что оу подоклити *оленини*. выдаи. сторъжю. в цр҃квь (Нов. берест. гр. второй половины XIV в. № 275); А кто *тутсшнихъ людей*... привезетъ на тотъ торгъ мясо... (Яросл. таможенная откупная гр. 1595 г.); аже иметь жялобитися *васъ* кто на рижяны... (Смол. гр. между 1281—1297 г.); о семь бы разоумети комоуждо *насъ* (1 Нов. лет.); дроузии бо *ихъ* и конину ѧдѧхоу (там же); послав испытаи когождо и҃ службу (Лавр. лет).; никто же ва҃ не можеть вредитисѧ (Поученіе Владимира Мономаха).

Близок к этому родительному родительный меры, количества как при числительных, так и при существительных, а также при именах существительных в сочетании с числительными: да пудъ *меду*. дѣтемъ (Нов. берест. гр. XIV в. № 135); ѕ воилы .ѕ. *гривенъ* (Нов. берест. гр. середины или второй половины XIII в. № 218); полоть *почты* и четвереть *пшеницы* (там же); ѕ пона на церменце. .в. горошка *масла* (там же, № 220); сберѣте аче и по горсти ѡвса. или *пшеницѣ*. ли ѡтрубъ (Лавр. лет.).

Заслуживает внимания употребление при глаголе родительного части: а мы не смѣѥмъ імать *ржи* безъ твоѥго слова (Нов. берест. гр. конца XIV—XV в. № 17); а нине есеме к тобѣ *рибоко* послалъ (Нов. берест. гр. XV в. № 131); купите *маслеца древѧного* (Нов. берест. гр. рубежа XIV—XV вв. № 173); Аже кто уръветь *бороды* Смолнѧнинѕ въ Ризѣ или на Гътьскомь бѣрѣзѣ, или Смолнѧнинъ Немьчицю, тому урок .г. гр҃н. сѣрѣбра (Смол. торговая договорная гр. около 1230 г.); почерпоша *сыты* (Лавр. лет.); вземь *соломы* (Ипат. лет.)[299].

[299] А. А. Никольскій. О языке Ипатской летописи. «Русскій филологическій вестникъ», т. XLII, 1899, стр. 83—84. Дальше примеры

Родительный объекта (преимущественно неполного) при глаголах, выражающих желание, достижение, чувственное восприятие, и некоторых других: зане мужи *злата* добудуть (Моление Даниила Заточника); даи ми (осп)одь *свѣта* видить (Нов. берест. гр. рубежа XIV—XV вв. или начала XV в. № 305); а нынѣ покаитесѧ *того безакониѧ* (Нов. берест. гр. середины XIV в. № 317); и ѡнъ єще почѧлъ просити *пива* и *меду* (Пск. гр. между 1463—1465 г.); А по моимъ грѣхомъ ци имуть искати Татарове *которыхъ волостии*... (Моск. духовная гр. 1328 г.); слушали бы есте *отца нашего Владыки Олексѣя*, также *старыхъ Бояръ* (Моск. духовная гр. 1353 г.)[300]; хотѧ *добра* (1 Нов. лет.); ми *своєє головы* блюсти (Лавр. лет.); пожаловатисѧ *своѧ ѡбиды* (там же); видѣть *столпа* (Ипат. лет.); забывъ *любви Лвовы* (там же); а не буди ємy ѿ бг̑а *мира* оузрѣти (Поучение Владимира Мономаха); но обаче послушаи *гласа моего* (Моление Даниила Заточника).

Родительный падеж времени широко употреблялся в древнерусских памятниках, значительно шире, чем в современном русском языке, причем его зависимость от глагола не является достаточно четко выраженной: и отписали бъ есте к намъ с нашимъ жо посланкомъ *часа того* (Моск. гр. 1578 г.); *Того лѣ҃*, коли Алъбрахтъ, влдка Ризкии умьрлъ (Готл. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); въгна Торкы въ городъ *тоѥ ночи* (Лавр. лет.); *тоѥ же ѡсени* да ємy ѡц̑ь волость (там же); *того же лѣта* поиде кнзь великїи Васїлеи Дъмитреєвичь в (О)рдꙋ. а из Орды приде *тоѥ же ѡсени* (там же); зной бѣ великъ *дне того* (Ипат. лет.); Дана ся наша царская жаловалная грамота въ государствїя нашего дворѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ *лѣта* отъ создания мира *҃зр҂д҃*, *марта мѣсяца* (Моск. гр. 1601 г.).

В современном русском языке сохранилось употребление родительного времени только для одновременного указания дня при помощи порядкового числительного, стоящего в роди-

---

из Ипатьевской летописи на употребление падежей также из этой работы.

[300] Форма *владыки* (а не *владыку*) позволяет рассматривать все выделенные слова как стоящие в родительном объекта, а не в род.—вин. п. одушевленных предметов. Примеры с родительным при глаголе *слушать* находим еще у И. А. Крылова: *Твоих* мы *песен* слушать рады; И тот дурак, кто слушает *людских всех врак* (см. Ю. В. Солоницин. Родительный неопределенного количества при переходных глаголах. «Очерки по русскому языку», Киров, 1962, стр. 96). Следует, однако, отметить, что уже в памятниках XVII в. родительный при глаголах длящегося восприятия встречается значительно реже, чем в древнерусской письменности: Милое ты наше чадо, послушай *учения родительского*, ты послушай *пословицы*... *мудрыя* (Повесть о Горе-Злочастии) и др. (Е. Г. Лебедева. Синтаксические функции родительного падежа существительных в языке памятников XVII века. «Ученые записки Саратовского пед. ин-та», вып. XXX, 1958, стр. 221—222).

тельном времени, и месяца (род. п. зависит от числительного): *первого января, седьмого ноября* и т. д., или только порядкового числительного, когда месяц ясен из контекста: *он приехал первого* и т. д.

Кроме того, родительный времени имеем в устойчивом словосочетании *третьего дня* и наречиях *сегодня* и *вчера*.

В украинском языке отмеченное в примерах словосочетание с местоимением *тъ — та — то* (типа *того лѣта*) было сначала ограничено в употреблении, но не было утрачено при дальнейшем развитии языка и стало нормой украинского национального языка[301].

Родительный цели находим при супине (и при инфинитиве, стоящем на месте супина): а лѣтѣ ѥздити на ѡвадъ *звѣрии* гонитъ (Нов. договорная гр. между 1304—1305 г. № 6); ни намѣстници мои Курмышскіе ни Лысковскіе... не всылаютъ къ тѣмъ людемъ пришлымъ доводшиковъ своихъ *поборсвъ* брати (Моск. жалованная гр. 1423 г.); идеть искать *коунъ* (Русская Правда по списку 1282 г.)[302]; иде... правитъ *товарсвъ* (1 Нов. лет.).

Родительный отложительный или удалительный (ablativus) употреблялся при глаголах, обозначающих удаление, отделение от чего-нибудь (как в прямом, так и в переносном значении). В родительном ставились слова, которые указывали на исходный пункт действия этих глаголов: Князь Великий Олегъ ступился *тѣхъ мѣстъ* Князю Великому Дмитрию Ивановичю (Ряз. договорная гр. 1381 г.); оутаивъсѧ *женѣ*[303] и *дѣтии* и *всѣи бра҃и* (1 Нов. лет.); ста подъ мосто҃. ѡдва оукрысѧ *противны҃* (Лавр. лет.); Пищаньци *волъчьы хвоста* бѣгають (там же); утечеть *мене* (Ипат. лет.); мнози бо отшедше *мира сего* во иноческая (Моление Даниила Заточника).

Отметим, что в поэтическом языке XVIII в. беспредложная конструкция при глаголах с основным значением 'бежать' была обычна, встречается она и в литературном языке XIX в.: Беги *меня*, дитя мое... (Н. Г. Чернышевский); О ты, *кого* я с ужасом бежал (Н. А. Некрасов)[304]; Высшая честность языка не только бежит *лжи*, но *тех неопределенных, полузакрытых выражений*, которые как будто скрывают вовсе не то, что ими выражается (А. И. Герцен)[305].

---

[301] А. А. Зарудняк. Приглагольное управление в украинских памятниках деловой письменности XIV—XVII вв. Автореферат канд. дисс. Киев, 1959, стр. 6.

[302] Пример из работы: Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку, стр. 16.

[303] Форма дат. п. на месте формы род. п. в результате смешения формы род. п. ед. ч. и формы дат.-мест. п. основ на *-а*.

[304] Н. И. Букатевич. Опыт исторического изучения предлогов и предложных сочетаний в русском литературном языке, ч. II. Одесса, 1958, стр. 52.

[305] А. Б. Шапиро. Из наблюдений над синтаксическим строем ранних произведений Герцена. «Материалы и исследования по исто-

В родительном отложительном ставились и слова, зависящие от переходных глаголов, употребленных с отрицанием. Наличие отрицания создавало значение удаления, отхода от управляемого глаголом слова: а бес посадника тобе *волостии* не раздавати (Нов. договорная гр. 1265 или 1264 г. № 1); абы не истьрѧле (*к*)ѣно (Нов. берест. гр. середины XII в. № 163); а *вывода* ны и *рубежа* межи собе не замышляти (Ряз. договорная гр. 1381 г.); А *мыта* не примышляти, но какъ из вѣка пошло (Волын. договорная гр. 1366 г.); *того* не бережахоу (1 Нов. лет.); *своѥго* никтоже не хулить но хвалить (Лавр. лет.).

Приставка *до* в составе ряда глаголов движения позволяла выразить родительным падежом предел движения без помощи предлога *до*. Впрочем, в древнерусском языке находим как тот, так и другой способ обозначения направленности действия: а) доидоша *Смольньска* (1 Нов. лет.); дошедъ *дунаи* (Инат. лет.); *моравы* доходилъ (там же); ...и дошедъ *Горсдца* выиде из лодеи... (Моск. лет. свод конца XV в.)[306]; б) доѥха *до Прощеника* в дн҃ь недѣлныи (1 Нов. лет.)[307]; и доиде *до Новагорсда Нижнего* (Моск. лет. свод XV в.).

Беспредложные конструкции нередко встречаются еще в памятниках XVII в.[308]

Круг предлогов, употреблявшихся с родительным падежом, велик. Часть из них употреблялась только с родительным падежом (*безъ, близь, дѣлѣ, для, до, изъ, кромѣ, около, опричь, опрочь, отъ, посл҃ѣ, ради, развѣ, у*), остальные могли стоять и при других падежных формах (*възлѣ, межи, мимо, подлѣ, противу*)[309].

рии русского литературного языка», т. V. М., 1962, стр. 84. Многочисленные примеры с род. беспредложным после глаголов *бежать, убегать* и *убежать* из стихотворений А. С. Пушкина см. в Словаре языка Пушкина, т. I. М., 1956, стр. 74—75; т. IV. М., 1961, стр. 619—621.

306 Примеры из Моск. лет. свода XV в. — из автореферата канд. дисс. А. В. Исаева «Глагольное управление в языке Московского летописного свода конца XV века» (Л., 1954, стр. 6).

307 И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I, стр. 719.

308 См. ряд примеров в работах: И. И. Букатевич. Указ. соч., ч. I, стр. 53—54; О. М. Трахтенберг. Родительный падеж и особенности его употребления в глагольных конструкциях исторической повести начала XVII века. «Ученые записки Стерлитамакского пед. ин-та», вып. VIII. Серия филологическая, № 1, 1962, стр. 64.

309 О значении предлогов (как с род. п., так и с другими падежами) см.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I—III. См. также: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение); Н. И. Букатевич. Указ. соч., ч. I—II; М. Х. Партенадзе. Предложные конструкции в грамотах. Предлоги с именами в форме родительного падежа. «Труды Батумского пед. ин-та», т. IV, 1954; его же. Значения дательного падежа в грамотах XVII в. «О некоторых вопросах русского языка и литературы», Батуми, 1958 и др.

Дательный падеж

§ 310. Поскольку оборот, известный под названием «дательный самостоятельный», заменяет собой придаточное предложение и, следовательно, занимает особое место среди случаев употребления дательного падежа, мы посвящаем ему специальную главу (см. ниже).

К числу приименных дательных падежей относится дательный падеж принадлежности. Его мы находим рядом с родительным принадлежности и притяжательным прилагательным (см. выше).

В этом падеже употреблялись как имена существительные, так и местоимения. Отметим, что в грамотах мы встретили лишь один случай с дательным принадлежности, причем с местоимением.

Дательный падеж принадлежности, в отличие от родительного принадлежности, лишь в редких случаях находится в препозиции к управляющему слову, имя в дательном, как правило, не имеет при себе определения: і дѣтіі *кі* к онсиѳорѫ (Нов. берест. гр. первой половины XIV в. № 180); імѫ *ємоу* Воішелгъ (1 Нов. лет.); копьє летѣ сквозѣ оуши *коневи* (Лавр. лет.); положиша и оу стго Феѡдора въ ѡтни *кму* манастыри (там же)[310]; дондеже положю враги твои. подъножью *ногама моима* (там же)[311]; ржа ѣстъ желѣзо а печал умъ *человѣку* (Моление Даниила Заточника); приставляющи ко стенамъ *граду* (Каз. лет.)[312].

Еще в памятниках конца XVII — XVIII в. встречаются сходные с отмеченными выше случаи с дательным принадлежности, однако количество примеров колеблется в зависимости от жанра памятника. Так, в произведениях, близких к разговорному языку, их немного.

Находим дательный принадлежности и в литературном языке первых десятилетий XIX в.[313]

При именах существительных, обозначающих процесс действия, слово в дательном падеже может указывать на субъект или объект действия: видѫще *людемъ* погыбель (1 Нов. лет.); пороугание *черницамъ* и *пападыѫмъ* и *добрымъ женамъ* и *двцамъ*

---

[310] В этом примере дательный принадлежности *кму* стоит рядом с притяжательным прилагательным *ѡтни* и относится к имени в его сочетании с прилагательным. См. сходный вывод в работе: Л. В. Капорулина. Дательный падеж при имени существительном в «Повести временных лет». — «К вопросу управления (приглагольного и приименного). Сб. статей». Рига, 1957, стр. 40.

[311] Пример из указанной статьи Л. В. Капорулиной, стр. 39.

[312] Пример взят из работы: Г. В. Павловская. Значения дательного беспредложного в памятниках русской письменности XVI в. «Научные записки Харьковского пед. ин-та». Лингвистическая серия, т. XXIX, 1958, стр. 165.

[313] Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века, стр. 373—375.

(там же); сти ю...на стго апᵔла Петра, съпадениѥ *веригамъ* (там же); *языку* оудержанье *суму* смѣренье *тѣлу* порабощеныѥ *гнѣву* погубленье (Поучение Владимира Мономаха); Въ минувъшюю недѣлю стыа пасхы, оудивлениѥ бѣ *нбᵔи*, и оустращениѥ *преисподнимъ*..., въскрниѥ *мртвмъ* (Слово Кир. Тур. XII в.); не огнь творить ражеженіе *желѣзу* (Моление Даниила Заточника); ослѣпленіе *уму* (там же).

Широко представлен дательный падеж без предлога при глаголе.

О дательном при инфинитиве для обозначения лица, которому следует что-либо делать или которому дается право что-либо делать, сказано выше, в главе о безличном предложении.

Большим количеством случаев (особенно в договорных грамотах) представлено употребление дательного падежа при глаголе для обозначения лица, в пользу или во вред которому направлено определенное действие[314]: а *комоу* волости роздалъ дмитрии. съ новгородци. и олександръ братъ твои (Нов. договорная гр. 1270 или 1269 г. № 3); тѣхъ селъ ѡступилсѧ есмь *новугороду* бес кунъ (Нов. договорная гр. 1368—1371 г. № 16); даи ключи *ѳсми* (Нов. берест. гр. первой половины XIV в. № 177); да пришли *ми* цтенѧ доброго (Нов. берест. гр. второй половины XIV в. № 271); А кто сю грамоту порушить, судить *ему* Богъ (Моск. духовная гр. 1328 г); постави *намъ* игумена (Лавр. лет.); нача *ѳи* негодовати (там же); одалаеть михаилъ *противнику* (Ипат. лет.); да иже горазнѣе сего напише. то не мози зазрѣти *мьнѣ грѣшьникоу* (Послесловие писца Остромирова евангелия).

С отмеченным выше дательным падежом можно сблизить и дательный падеж личных местоимений, обозначающих лицо, «для которого важно выполнение его требования или желания или которое интересует известное состояние»[315]. Этот дательный падеж почти не зависит от глагола, о чем, в частности, свидетельствует и единственный встретившийся нам в грамотах пример с указанным дательным падежом. В примере отсутствует сказуемое (вспомогательный глагол): а се *вы* волости

---

314 В числе примеров и случаи с глаголами так называемого душевного движения (пример из Московской духовной гр. 1328 г., второй пример из Лавр. лет., пример из Послесловия писца Остромирова евангелия), когда дательный указывает лицо, к которому направлено это движение: *ему*, *ѳи*, *мьнѣ грѣшьникоу*.

315 Е. Ф. Карский. Очерки по синтаксису др. церковнославянского и русского языков. Курс лекций. Литограф. издание. Варшава, 1913, стр. 182—183. См. также: Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, стр. 32.

Употребляя термин «дательный заинтересованного лица», А. А. Шахматов отмечает, что «этот дательный представляется как бы вводным словом, не вызываемым прямым значением предложения» («Синтаксис русского языка», изд. 2. Л., 1941, стр. 339).

новугородскии. торжо$^{\wedge}$. бѣжичи. городець... (Нов. договорная гр. 1471 г. № 20).

Примеры из Лаврентьевской летописи, приведенные Е. Ф. Карским в его работе о синтаксисе этого памятника, подтверждают мнение исследователя, что указанный дательный падеж мало поясняет глагол и почти не зависит от него. В примерах глагол (или отглагольная форма) не требует дательного падежа без предлога: рцѣте є҃му. Володимеръ *ти* иде(ть) на тѧ; ѡ҃ць *ти* оумерлъ. а братъ *ти* оубьєнъ ѿ С҃тополка; Всеславъ *ти* бѣжалъ. а не воді Лѧховъ Кыєву и др.

Отмеченный нами дательный падеж (dativus ethicus) в современном русском языке характерен для возвратного местоимения: *а он себе идет; а он себе и в ус не дует* и т. д.

В памятниках древнерусского языка старшего периода нет четких случаев употребления этого падежа с возвратным местоимением[316].

При глаголах движения, а также при глаголах, из лексического значения которых вытекает представление о движении[317] (все эти глаголы отвечают на вопрос *куда?*) в древнейших памятниках употреблялся дательный падеж направления, места, как цели движения, без предлога. За редкими исключениями, это дательный падеж от названий городов[318]: ѡстатокъ бьєпы$^{\wedge}$ тѣ$^{\wedge}$ бѣжаша *дружинѣ своєи* (Лавр. лет.); ѿ҃да дчерь свою Верхуславу *Бѣлугороду* (там же); Всеволод посла сна своєго. С҃тослава *Володимерю* (там же); приде ночью *Вышегороду* (там же); ѣхалъ... *королеви* (Ипат. лет.); бѣжа со сыномъ... *Кондратови* (там же); и посла *Олгови*, глаголя (Моск. лет. свод конца XV в.)[319].

В грамотах нам не встретилось ни одного случая с дательным падежом без предлога для обозначения места, куда направляется действие, в этом случае мы находим только дательный с предлогом *къ*[320].

Уже в памятниках второй половины XIII в. и особенно XIV в. дательный с предлогом *къ* не составлял исключения[321],

---

316 См.: А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках. «Ученые записки Института славяноведения», т. XIII, 1956, стр. 103. Автор приводит примеры из памятников XVI—XVII вв., в том числе из Жития протопопа Аввакума, им самим написанного: коли баба лиха, живи *себе* одна; пошелъ *себѣ* ко владыке.

317 Имеем в виду глаголы ѿ҃*дати*, *посълати* и др.

318 См.: Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, стр. 33—34; А. Б. Правдин. Указ. соч., стр. 6—12.

319 Пример из автореферата канд. дисс. А. В. Исаева «Глагольное управление в языке Московского летописного свода конца XV века», стр. 16.

320 Вместо дат. п. с предлогом *къ* в грамотах употреблялся и вин. п. с предлогами *въ* и *на*.

321 Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 162; Е. Ф. Карский. Наблюде-

а в отдельных памятниках (в частности, в грамотах) и господствовал. Что касается XV в., то он «в XV в. уже был обычным явлением»[322].

С дательным падежом сочетались предлоги *къ* (только с этим падежом), *по*, *противу* (*противъ*).

Винительный падеж

§ 311. Не останавливаемся на замене форм винительного падежа названий лиц и предметов одушевленных муж. р. в ед. и мн. ч. (во мн. ч. — также жен. и ср. р.) формами родительного. Оставляем в стороне и случаи, когда на названия лиц и предметов одушевленных указывают местоимения.

Этот вопрос получил освещение выше, в разделе «Морфология» (§ 157)[323].

Здесь мы только отметим, что такая замена давала возможность более четко разграничить по форме (а не только на основании контекста) субъект и объект действия.

Чаще всего встречаем вин. п. (здесь же отмечаем и случаи с формой род. п. на месте формы вин. п.) для указания лица или предмета, на которые распространяется действие глагола (или отглагольной формы): и вы имъ *къне мъи голубьи* даите (Нов. берест. гр. второй половины XIII в. № 142); пол҃але *дѣвъкѫ* (Нов. берест. гр. первой половины XII в. № 155); какъ. осподине пожалуѥшь *хрѣстьанъ* (Нов. берест. гр. первой половины XV в. № 252); И язъ грѣшный привезлъ *жеребьца* в Ындѣйскую землю (Хожение Афанасия Никитина по Троицкому списку XVI в.).

Круг глаголов, при которых употреблялся винительный без предлога для обозначения объекта действия, был в древнерусском языке значительно шире, чем в современном русском языке.

Так, винительный без предлога мы находим после глаголов (и отглагольных образований) мысли, чувства и говорения, когда он обозначает «не ближайший непосредственный предмет восприятия, познания, речи», а «другой, дальнейший, более самостоятельный»[324].

В современном русском языке на месте этого винительного падежа стоит или предложный падеж с предлогом *о*, или, реже,

---

ния в области синтаксиса Лаврентьевского списка-летописи, стр. 34. См. также стр. 46—47 (примеры с предлогом *къ*).

[322] Е. Ф. Карский. Из синтаксических наблюдений над языком Лаврентьевского списка летописи. «Сборник ОРЯС», т. CI, № 3, 1928, стр. 40.

[323] См. также работу В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)», стр. 363—375.

[324] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 296.

винительный с предлогом *про*, или придаточное предложение с *что*.

Ряд примеров из летописей приводят А. А. Потебня (из Лаврентьевской, 1-й Новгородской и 1-й Псковской летописей, а также из других памятников)[325]; Е. С. Истрина (из Синодального списка 1-й Новгородской летописи)[326] и Е. Ф. Карский (из Лаврентьевского списка летописи)[327]: а) винительный на месте современного предложного с предлогом *о*: слышавъ *насилꙗ* (о насилии) ѿ кнѧзь (1 Нов. лет. См. также Лавр. лет.); *оубьєньꙗ* (о убиении) кго послѣди скаже (Лавр. лет.); оувѣдаша пльсковичи *погоню* (о погоне) (1 Нов. лет.) и др.; б) вин. п. на месте современного вин. п. с предлогом *про*: слышавъ же Ярославъ *волхвы* (про волхвов) приде Суздалю (Лавр. лет.); в) вин. п. на месте современного придаточного предложения с *что*: услышавше псковичи *князя великого* (что князь великий) въ Новѣгородѣ и послаша пословъ (1 Пск. лет.); узрѣша наши сторожеве и мняху *Болгарьскыи полкъ* (думали, что болгарский полк) (Лавр. лет.); мнѣша ту *Святослава.* и *Рюрика* (думали, что тут Святослав и Рюрик) (Ипат. лет.).

В древнерусских памятниках находим после отмеченных выше глаголов и обороты с местным падежом с предлогом *о*, и обороты с винительным с предлогом *про*[328], и придаточное предложение с ꙗко и *оже*, *аже*. «Это только подтверждает ту известную истину, что явления, возникшие при таком-то строе языка, могут переживать этот строй, исподволь становясь исключениями, и что, наоборот, новые явления языка вначале являются, как пятна на старых»[329].

Винительный без предлога для обозначения времени, в грамотах нам встретился один раз[330]: а в роусоу ти кнѩже кздити wсень. а лѣ не кздити (Нов. договорная гр. 1265 или 1264 г. № 1). В других сходных случаях для обозначения времени употребляется винительный с предлогом *въ*: а в роусоу ѣздити кнѩже *въ осень* (Нов. договорная гр. между 1305—1308 г. № 6, а также Нов. договорная гр. 1305—1308 г. № 7). В летописях

---

325 Там же, стр. 296—298.

326 Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 156.

327 Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, стр. 35.

328 В древнейших памятниках примеры немногочисленны. См.: Г. В. Шекурова. История предлога «про» в русском языке (с XI по XVII в.). Автореферат канд. дисс. Л., 1955, стр. 9.

329 А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 298.

330 Отметим еще случай, приведенный И. И. Срезневским из грамоты Рижан около 1300 г.: Которыи были зимусь с тобою оу Витебсце («Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам», т. I, стр. 978).

винительный без предлога для обозначения пункта времени, когда происходит действие, не является исключением: и выгнаша и на Гюргевъ дн҃ь *осень* (1 Нов. лет.); азъ *оутро* послю по вы (Лавр. лет.); ѡсень оумре половечьскыи кнѧзь (там же); *зимусь* ѯси ночи на свободу разбоє᷍ оударилъ (там же)[331]; нападоша *нощь* на ляхы (Ипат. лет.); придоша... *вечеръ* (там же).

Группа слов, употреблявшихся без предлога, была ограниченной: *утро*, *дьнь*, *вечеръ*, *ночь*, *весна*, *лѣто*, *осень*, *зима*. Кроме того, мы встречаем эти слова и в винительном с предлогами *въ* и *на*, в местном падеже без предлога (см. об этом ниже), а в сочетании с уточняющим словом (чаще всего — указательным местоимением *тъ — та — то*) — в форме родительного без предлога (см. об этом выше).

Все это не могло способствовать сохранению отмеченного способа обозначения времени. Современному русскому литературному языку он неизвестен. В севернорусских диалектах находим *вечо́р* (в значении 'вчера' или 'вчера вечером')[332], *вёснусь*, *зи́мусь*, *ле́тось*, *осене́сь* (в прошлую весну, зиму и т. д.).

При обозначении года летосчисления, дня месяца, определенного исторического периода, в который происходило действие, употреблялся винительный с предлогом *въ*. При наличии порядкового числительного, указывающего *лѣто* (год) и т. д. от данного момента, — винительный с предлогом *на*. Последний находим и при обозначении времени путем указания на действия, события, прикрепленные к определенным датам, или путем указания на церковные праздники.

Примеры с предлогом *въ*: А кончали перемирье въ великого Государя Царя Руского отчинѣ, въ великомъ Новѣгородѣ *въ лѣто* ҂з҃ *тритцатое* (Нов. договорная гр. 1521 г.); Писана в государя нашего отчине во Пскове, лѣта ҂ѕчѕ-го Июня *в ке день* (Моск. гр. 1588 г.); а што селъ покупили моі бояре і слугы в мое кнѧженье... (Нов. договорная гр. между 1368—1371 г. № 16).

Примеры с предлогом *на*: ѥхати ти в роусу *на третиюю зимоу*. а в ладогоу кн҃же ехати *на третиѥѥ (л)᷍ѣ*. (Нов. дого-

---

331 См. еще ряд примеров из Лаврентьевской летописи: Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, стр. 37.

332 См. также у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине»: «Зачем вечор так рано скрылись? — Был первый Оленькин вопрос». У Пушкина такое употребление, при этом и в авторской речи, встречаем неоднократно. См. Словарь языка Пушкина, т. I, стр. 260. Анализ случаев употребления слова *вечо́р* (в значении 'вчера вечером', изредка — в значении 'вчера') в произведениях А. С. Пушкина дан в статье В. Д. Левина «Наблюдения над стилистическими изменениями в лексике русского литературного языка в первой половине XIX века» («Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. IV. М., 1957, стр. 111—114).

ворная гр. 1265 или 1264 г. № 2); а срокъ тремъ тысѧчамъ. и двема стома взѧти кнѧзю *на сборъ* в низовьскыи весъ (Нов. договорная гр. 1314 г. № 12); мнѣ выѣхати *на петрѣво дн҃е* (Нов. берест. гр. второй половины XIII в. № 142)[333]; А что есмъ далъ сыну своему Князю Аньдрѣю Заберегу, за то дѣти мои вси даютъ оброкъ святому Спасу пятьнатцять рублевъ на годъ *на Спасовъ день* (Моск. духовная гр. 1389 г.).

Крайне ограниченным было употребление винительного без предлога для обозначения м е с т а (на вопросы *гдѣ? куда?*): ту оубиша и *конець* всходъ (Лавр. лет.)[334]; Оулѣбъ же вниде *Черниговъ* приде изъ Ц҃рѧграда к великому кнѧзю Костѧнтину *Володимерь* (там же).

Как справедливо отмечает Е. Ф. Карский, «в современном русском языке такие случаи, как „Идет он княженецкий двор“ (Рыбн. I, 135) не могут считаться нормальным явлением...»[335]. Большинство предлогов, которые употребляются с винительным падежом, стоят и при других падежных формах (за некоторыми исключениями, — преимущественно при других падежных формах): *въ*, *възлѣ*, *за*, *мимо*, *на*, *о*, *прѣдъ (передъ)*, *по*, *подъ*, *подлѣ*, *съ*. Исключительно с винительным падежом употреблялись предлоги *про*, *сквозѣ* и *черезъ*.

Творительный падеж

§ 322. Из случаев употребления творительного падежа при имени отметим творительный о т н о ш е н и я, стоящий при имени прилагательном (изредка при имени существительном). Ф. И. Буслаев называет этот падеж творительным к а ч е с т в а и о т н о ш е н и я[336], что вызвало возражения А. А. Потебни, указавшего, что творительный отношения не означает качество, а лишь стоит при слове, означающем качество[337]. В справедливости мнения А. А. Потебни убеждает и пример, приведенный Ф. И. Буслаевым из Повести о взятии Трои. Прилагательные обозначают качество, а творительный существительного при них — предмет, которому приписывается качество: Пр҃ѣамосъ *тѣломъ* высокъ, чистъ *бровма*; Ѳкторъ силенъ *крѣпостїю*.

Еще несколько примеров с творительным падежом отношения: Еупатей же исполинъ *силою* и разсече Хостоврула на полы до седла (Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г.

---

[333] *о* и *е* на месте ъ и ь: петровъ дн҃ь.

[334] Е. Ф. Карский переводит: в конце ступенек («Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи», стр. 37).

[335] Е. Ф. К а р с к и й. Из синтаксических наблюдений над языком Лаврентьевского списка летописи, стр. 40.

[336] Ф. И. Б у с л а е в. Историческая грамматика русского языка, стр. 470.

[337] А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 464.

Список XVI в.)[338]; Бяше *родом* христолюбивыи, братолюбыи, *лицем* красны, *очима* светлы, *взором* грозны, паче меры храбры, *сердцем* легкы, к боярам ласковы... (там же); Ѡбърѣ *тѣломъ* велици. и *оумомь* горди (Лавр. лет.); сей же благовѣрный князь Романъ бѣ *возрастомъ* высокъ, *плечима* великъ, *лицемь* красенъ (Ипат. лет.).

Отмеченный творительный (при именах прилагательных), по-видимому, был широко распространен в древнерусском разговорном языке, о чем, в частности, свидетельствуют кабальные книги XVI в., в которых указаны и приметы холопов, писавших на себя кабалу: А *ростомъ* человѣкъ середней, *волосомъ* черменъ, очи красносеры[339]; А *ростомъ* Горяшка невеликъ, *волосомъ* русъ, очи черны[340]; а дети де ево: дочь Марьица лѣтъ в пятнатцать, *волосомъ* руса, *лицомъ* бела, круглолика, очи черны, а другая де дочь Феклица лѣтъ въ девять, *волосомъ* чермна, очи серы[341] и др.

Из случаев с творительным падежом при глаголе наиболее распространен в древнерусских памятниках творительный падеж орудия и средства (здесь же и тв. п. лица, при помощи которого что-либо совершается): а ты волости. дьржати *мужі новгородьскыми* (Нов. договорная гр. 1265 или 1264 г. № 2); тобѣ кнѧже не кърмити кго *новгородьскымь хлѣбомь* (Нов. договорная гр. 1304—1305 г. № 11); а бориса костѧнтиновица кърмилъ новгородъ. *корѣлою* (там же); корми. кже дн҃ь *овсъмъ* (Нов. берест. гр. второй половины XIV в. № 266); Роусиноу не оупирати Латинина ѡднемь *послухомь* (Готл. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); А *болшимъ* есмя *судномъ* дошли до моря (Хожение Афанасия Никитина); и великую княгиню Агрепену матерь великого князя з снохами и с прочими княгинеми *мечи* исекоша (Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г. Список XVI в.); А наперед есми себя послал *вашим полоняником* свою казну в том ларцы, котором он к тебе принесет (Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков. XVI в.).

Наибольший интерес представляют случаи, когда в роли орудия выступает не предмет, а лицо. Довольно распространенные в древнейших памятниках, в частности в грамотах[342], они лишь

---

338 В современном русском литературном языке группа имен существительных, при которых употребляется творительный отношения, лексически ограничена. Это слова, содержащие качественную характеристику: *великан*, *карлик*, *молодец*, *красавец* и т. д.

339 Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов (1591—1596 и 1602—1603 гг.). М.—Л., 1938, стр. 2.

340 Там же, стр. 5.

341 Там же, стр. 10.

342 См. еще ряд примеров в работе В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)», стр. 378—379.

изредка встречаются в памятниках XVII в.[343], а в современном русском литературном языке не имеют места.

Творительный действующего лица находим при причастии страдательного залога: аще кто *дїаволъмь* на(оуч)енъ и *злыми чл҃вкы* наваженъ цьто хочеть ѡ҃ѧти ѡ҃ нивъ ли ѡ҃ пожьнь ли или ловищь. а боуди ему противень с҃тыи спсъ. и въ сь вѣкъ и въ боудоущии. (Нов. вкладная гр. после 1192 г.); создана бы҃ цр҃кы... *князе҃ Андр҃ѣемъ* (Лавр. лет.). Для обозначения действующего лица в страдательных конструкциях может быть использован и родительный с предлогом *отъ*, однако в древнерусских памятниках господствуют случаи с творительным падежом.

Широко представлен в памятниках древнерусской письменности творительный образа действия (отвечает на вопрос *как?*): ѡже кто робу повержьть *насильѥмь*. а не соромить. то за ѡбиду гр҃на (Нов. договорная гр. между 1189—1199 г.); а *силою* ти гостѧ въ тф҃рь не переимати (Нов. договорная гр. 1317 г. № 14); что будешь у мене взялъ *войной* въ тотъ мѣсяць, тому всему межи насъ погребъ (Моск. договорная гр. 1368 г.); Лутче нам *смертию* живота купити, нежели в поганой воли быти (Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г. Список XVI в.); Их яныческие головы *строем* их идут к нам под город *великими болшими полки* («Поэтическая» повесть об азовском осадном сидении в 1642 г.).

Творительный причины и основ҃ания был широко распространен в древнерусских памятниках и обозначал причину совершения действия (в отрицательных предложениях — несовершения действия): а ѕ҃чинитсѧ мр҃твои а почнут҃ клепати *мр҃твыми* или *грабежом҃* с обѣ половины. ино сух҃ тому на городищи (Нов. договорная гр. 1471 г. № 20); и ꙗко изнемогоша *голодомь* (1 Нов. лет.); ꙗко же не мочи ни коневи стоупити *троупиѥмь* (там же); оучала бѣ рушитисѧ *старостью* (Лавр. лет.); Ярополку бо бяше нѣлзѣ перевезтися *крами* (Ипат. лет.)[344]; Где у нас была степь чистая, тут стала у нас однем часом *людми* их *многими*, что великие и непроходимые леса темныя («Поэтическая» повесть об азовском осадном сидении в 1642 г.); Игуменъ — *своею простотою* не вписалъ и грамотъ не клалъ (Юрид. акт. 1627—1633)[345].

---

[343] См., в частности: Е. Г. Лебедева. Синтаксические функции творительного падежа существительных в языке памятников XVII века. «Ученые записки Саратовского пед. ин-та», вып. XVII, 1955, стр. 320—323.

[344] А. А. Потебня переводит: по причине ледохода («Из записок по русской грамматике», т. I—II, стр. 467).

[345] Ф. И. Буслаев переводит: по своей простоте («Историческая грамматика русского языка», стр. 472).

При переводе приведенных выше примеров на современный русский язык мы вместо творительного причины используем или словосочетание *по причине*, или предлоги *из-за*, *от* — с родительным, *по* — с дательным.

Замену творительного причины другими падежами с предлогами находим уже в древнейших памятниках. Так, Е. Ф. Карский приводит из Лаврентьевской летописи 1377 г. пример, где употреблен рядом с творительным причины родительный с предлогом *отъ* в том же значении: помроша бѣгаючи... ѡви ѿ *зимы*. друзии же *гладомь*[346].

К XVII в. значительно сузилась сфера употребления творительного причины. В произведениях первой половины XIX в. еще встречаются отдельные случаи с творительным причины, преимущественно в баснях И. А. Крылова.

Творительным причины является, по мнению А. А. Шахматова, творительный падеж в следующих текстах И. А. Крылова: Не правда ли... Что *нами* дерево так пышно и кудряво, Раскидисто и величаво («Листы и корни»); Осел мой *глупостью* в пословицу вошел, И на осле уж возят воду («Осел»); Ты барыня пред ним *одной* лишь *прямизною* («Хмель»)[347]. Наиболее четко значение причины во втором примере — с именем существительным, обозначающим отвлеченное понятие.

Творительный места, направления, представленный в древнерусских памятниках разнообразными примерами, в дальнейшем вытесняется или винительным падежом с предлогами *в*, *через* (при обозначении места), или дательным падежом с предлогом *по* (при обозначении направления). Сохранился в литературном языке отмеченный творительный в сочетании с глаголами: а) *идти: идти берегом*, *лесом*, *горою*, *полем*, *путем-дорогою* (последнее — в фольклоре, а в литературных произведениях лишь в целях стилистических); б) *плыть: плыть водою*.

Лишь в редких случаях (обычно в речи персонажей) глагол движения сочетается с творительным существительного, не принадлежащего к указанной выше группе: «Побьют, ежели дюже нажимать», — злобно думал он, шагая *садами* к своей хате (М. А. Шолохов. Поднятая целина)[348].

Приведем несколько примеров из древнерусских памятников: А межа промежъ Пскова и Князь Местера по Норове

---

[346] Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, стр. 49. Многочисленные примеры употребления предложных конструкций рядом с беспредложными в различных памятниках даны в работе: Е. А. Седельников. Беспредложные конструкции с творительным падежом в древнерусском литературном языке. «Вопросы изучения русского языка», Алма-Ата, 1955, стр. 146—154.

[347] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 342.

[348] Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. 1, стр. 136. Там же еще ряд примеров из произведений современных писателей.

рекѣ *стержнемъ* (Моск. гр. 1531 г.); далъ в домъ Святаго Спаса и Святаго Благовѣщенья свои рыбные ловли по Сурѣ рѣкѣ, озеро Пашково съ истокомъ, озеро Саларево, озеро Плоское... и всѣ озера отъ рѣчки отъ Курмышки внизъ *Сурою* (Ниж. жалованная гр. 1393 г.); да входятъ в городъ ѡдн҃ѣми *вороты* (Лавр. лет.); ѡконцемъ *малы*҃ бесѣдоваше (там же); А Половци *неготовами дорогами* побѣгоша къ Дону великому (Слово о полку Игореве); И шли есмя *моремъ* до Мошката 10 дни (Хожение Афанасия Никитина); А изъ Чювиля пошли есмя *сухомъ* до Пали 8 дни (там же); и хотели они *теми подкопами* приттить к нам в ямы наши («Поэтическая» повесть об азовском осадном сидении в 1642 г.).

Немногочисленны случаи употребления в древнерусском языке творительного времени как для обозначения периода, в один из моментов которого происходит действие, так и для обозначения всего отрезка времени, занятого действием: приде... *мр҃тъмь м҃цемь* (1 Нов. лет.); *ночью* же межю клѣтми проимавше помость. ѡвертѣвше въ коверъ. и оужи съвѣсиша на землю (Лавр. лет.); и тако идыи *трьми недѣлями* доиде прежереченааго (Кыѥва) (Житие Феодосия Печерского XII в.)[349]; бяшеть серенъ великъ, ако же вои не можахуть зрѣима перепти *днемъ* до вечера (Ипат. лет.); И был бы за ним, великим государем, *однем летом* Ерусалим и Царьград по прежнему, а в городех бы турецких во всех не стоял бы камень на камени от промыслу руского («Поэтическая» повесть об азовском осадном сидении в 1642 г.).

Наиболее стойкими оказались формы творительного существительных, обозначавших время суток — *утром*, *днем*, *вечером*, *ночью* и времена года — *весной*, *летом*, *осенью*, *зимой*. В современном русском языке, будучи употреблены без определения, эти формы являются наречиями (ср. *утром* и *ранним летним утром* и др.).

Творительный падеж без предлога имел и другие функции, кроме перечисленных выше.

Отметим только творительный с о ц и а т и в н ы й, или с о п р о в о д и т е л ь н ы й, обозначающий как самостоятельный, так и несамостоятельный по отношению к главному предмет: А обезьяны то тѣ живуть по лесу, да у нихъ есть князь обезьяньскый, да ходить *ратию свсею*, да кто ихъ занмаеть, и они ся жалують князю своему, и онъ посылаеть на того свою рать (Хожение Афанасия Никитина); бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, *чермьномъ лицемъ*, *великыма очима* (Ипат. лет. В Лавр. лет.: черменъ лице҃. *великыма* ѡчима).

---

[349] Этот и следующий пример — из труда А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике», т. I—II, стр. 439. Исследователь отмечает после слов *трьми недѣлями* и *днемъ*: «в течение».

Случаи употребления творительного социативного без предлога *съ* были весьма редки и в древнерусском языке.

О творительном предикативном мы говорили выше, рассматривая составное сказуемое.

С творительным падежом употреблялись предлоги *за*, *надъ*, *прѣдъ* (*передъ*), *подъ*, *съ*.

Ни один из них не являлся предлогом, стоявшим только при творительном падеже.

Местный падеж

§ 313. Местный падеж без предлога употреблялся в древнерусских памятниках как в своем первоначальном значении — для обозначения м е с т а, так и для обозначения в р е м е н и.

В исследованных нами 318 берестяных грамотах, язык которых близок к живому разговорному языку, поскольку эти грамоты — преимущественно частные письма, местный падеж без предлога в значении места представлен только двумя примерами (оба — в ранних грамотах): тъгъдъ взѧле оу мене лазъвке *переѧславълѣ* (Нов. берест. гр. начала XII в. № 105); коупилъ еси: робоу: *плѣскове* (Нов. берест. гр. XII в. № 109)[350].

В ранних грамотах на пергамене (XII в. и первой половины XIII в.), являющихся по своему содержанию официальными документами, примеры такого употребления многочисленны (рядом и случаи с предлогом)[351]: аче боудеть соудъ. кнѧзю новъгороцкъмоу *новѣгородѣ*. или нѣмецкъмоу в нѣмчьхъ. а в томь мироу ити гостю домовь. бес пакости (Нов. договорная гр. между 1189—1199 г.); тако пошло *новегородѣ* (Нов. договорная гр. 1270 или 1269 г. № 3); Или Немечьскыи гость извинитсѧ *Смоленьске*, не лзѣ его въверечи въ погребъ (Риж. ред. Смол. торговой гр. 1229 г.); Роусиноу же не льзѣ позвати Немьчича на поле бить сѧ *Смоленьскѣ* (Смол. торговая договорная гр. около 1230 г.).

В Новгородской договорной грамоте между 1189—1199 г., кроме отмеченного, еще пять случаев со словом *Новъгородъ* в местном падеже без предлога и только один случай с предлогом: ѡже тѧжа родитсѧ в новѣгородѣ.

В списке D Рижской редакции Смоленской торговой договорной грамоты 1229 г., откуда мы привели пример, 15 случаев со словом *Смольньскъ* в местном падеже, причем из них 13 — без предлога.

---

[350] Спорным считаем следующий третий случай: *воликомо островѣ* кѕница (Нов. берест. гр. XIV—XV вв. № 2). Здесь возможно написание одного *в* вместо двух или пропуск *на* (в той же грамоте: гѕгморо *на волоки* кѕница).

[351] См. работу В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)», стр. 381—383.

В Смоленской торговой договорной грамоте около 1230 г. наименование *Смольньскъ*, когда оно не имеет при себе определения, последовательно употребляется в местном падеже без предлога (13 случаев), но с определением (2 случая) — в местном падеже с предлогом: Аже боудоуть Немьци *въ моемь Смольнскѣ*, вольное имъ търгование *въ моемь Смольньскѣ*.

В древнерусском языке мог быть местный падеж без предлога и тогда, когда существительное имело при себе определение, но примеры немногочисленны, причем не с названиями городов[352]. Поэтому приведенный выше текст весьма показателен. Он свидетельствует о том, что в первой половине XIII в. форма местного падежа не была продуктивной: при употреблении собственного имени с определением на него не распространилось влияние случаев с местным падежом без предлога, но без определения при имени существительном.

Эта непродуктивность сказалась и в том, что при наименовании иностранного города *Рига* как в Смоленской трамоте 1229 г., так и в Смоленской грамоте около 1230 г. — всегда предлог. Приведем один пример из Смоленской грамоты около 1230 г.: Аже боудоуть мои Смолнѧне *въ Ризѣ*, вольное търгование имъ *въ Ризѣ*.

Постановка слов, являющихся наименованиями русских городов (см. выше примеры из берестяных грамот, из новгородских и смоленских грамот на пергамене), в местном падеже без предлога могла иметь место в результате определенной традиции и тогда, когда в живом языке установилось господство местного падежа с предлогом. Местный падеж без предлога не противоречил нормам живой разговорной речи первой половины XIII в., но только становился все менее распространенным.

Традицией поддерживалось употребление местного падежа без предлога как от имен собственных, так и нарицательных (примеры с нарицательными словами немногочисленны) в летописях, относящихся ко второй половине XIII в. и позже. Еще в 1852 г. П. Лавровский отметил примеры из летописей с местным падежом без предлога как синтаксическую особенность древнерусского языка: «хотя брата посадити Суждали (Нов. I. 6), обретеся крестъ честный Новѣгородѣ (ів. 2), священа бысть церкы Переяславли (ів. 3). Не при одних названиях городов находим предложный (= местный) без предлога, но и вообще при словах, означающих какое бы то ни было место: церкы заложена бысть монастырѣ (Нов. I. 2), Антоновѣ монастырѣ (ів. 19), Савкинѣ дворѣ (ів. 22), положиша и у Святѣи Софіи, головахъ у дѣда

[352] См. примеры (все с именами существительными нарицательными) в работе: А. Д. Григорьева. К отношениям предложности и беспредложности локатива в русском языке. «Доклады и сообщения Института русского языка», вып. 1, 1948, стр. 133, 135—136.

(ів. 36), не могу съ тобою жити одиномъ мѣстѣ (Ипат. 97)»[353].

К этому можно было бы присоединить, что в Лаврентьевской летописи 1377 г., из которой П. Лавровским не приведено примеров, местный падеж без предлога, как отмечает Е. Ф. Карский, «довольно распространен»[354]: *Бѣлѣгородѣ* затворилсѧ Мстиславъ Романови҃; бы҃ пожаръ великъ *Кыевѣ городѣ* и др.

Московский летописный свод конца XV в. (Уваровский список первой трети XVI в.) содержит лишь небольшое число примеров, причем меньше всего с именами нарицательными: И слыша людие, яко *Турискѣ* суть; есть же церкви святаго Иоана Предтечи *дворѣ епископъли* и др.[355]

Широко употреблялся в древнерусских памятниках местный падеж без предлога для обозначения времени, особенно часто его находим в сочетании *томь же лѣтѣ* (рядом с ним и род. п. без предлога *того же лѣта*, и вин. п. с предлогом *въ*: *въ то же лѣто*): а соудшамъ твоимъ ѥздити по волости коуда пошло. *лѣтѣ* съ петрова дни. по пошлинѣ (Нов. договорная гр. 1304—1305 г. № 11); иде Всеволодъ... на чюдь *зимѣ* въ говенинѥ (1 Нов. лет.); і *одиномь часѣ* все погорѣ (там же); *том же лѣ҃*. Изѧславъ ѿда дщерь свою (Лавр. лет.); бѣжа прочь *ночи* (там же); идоша *веснѣ* на Половци (там же); *семъ же лѣтѣ* и вѧтичи побѣди (Ипат. лет.).

Рядом находим и местный падеж времени с предлогами *въ* и *на*: *въ ночи*, *въ семь же лѣтѣ*, *на веснѣ* и т. д.

Беспредложный местный падеж для обозначения времени употреблялся еще и в памятниках XVII в. Как справедливо отмечает А. Д. Григорьева, длительное сохранение беспредложной формы местного падежа времени объясняется тем, что данная форма сделалась образованием наречного типа, чему способствовал узкий лексический состав этого падежа (только временные понятия)[356].

С местным падежом употреблялся ряд предлогов: *въ*, *на*, *о*, *объ*, *по*, *при*. Из этих предлогов только *при* принадлежит исключительно местному падежу.

---

[353] Петр Лавровский. О языке северных русских летописей. СПб., 1852, стр. 99—100.

[354] Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, стр. 41.

[355] А. В. Исаев. Глагольное управление в языке Московского летописного свода конца XV века, стр. 17—18.

[356] А. Д. Григорьева. К отношениям предложности и беспредложности локатива в древнерусском языке, стр. 139. См. также: В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках. М., 1961, стр. 22—23.

Дательный самостоятельный

§ 314. Оборот дательный самостоятельный (dativus absolutus) употреблялся тогда, когда в латинском был ablativus absolutus (творительный самостоятельный), а в греческом genitivus absolutus (родительный самостоятельный).

Дательный самостоятельный занимает особое место среди случаев употребления дательного падежа, так как он, в соответствии со своим наименованием, не зависел ни от глагола, ни от имени.

Имя (имя существительное или личное местоимение) в этом обороте ставилось в дательном падеже, а с ним согласовывалось причастие в его именной форме (как правило, действительного залога), выполнявшее функцию, близкую к функции глагольного сказуемого.

Употребление именной формы причастия действительного залога, как нами уже отмечалось выше при рассмотрении второстепенного сказуемого, а также вторых косвенных падежей, объясняется тем, что эта форма обладала наибольшей предикативностью и относительной самостоятельностью.

Находим мы дательный самостоятельный обычно на месте придаточного предложения времени (большинство случаев употребления оборота) или причины, реже этот оборот заменяет придаточные предложения условия и уступительные. Дательный самостоятельный может быть и независимым предложением (простым, частью сложносочиненного предложения или главным в составе сложноподчиненного предложения).

Имя, стоящее в дательном падеже, и подлежащее другой части предложения являются, за редкими исключениями, наименованиями различных лиц или предметов. Иными словами, имя в дательном падеже не указывает на подлежащее другой части предложения. Это обстоятельство также свидетельствует об относительной самостоятельности причастия в обороте «дательный самостоятельный», а вместе с тем и о независимости всего оборота от предложения, с которым данная конструкция составляет единое целое.

И вполне закономерным является вывод Е. С. Истриной, что дательный самостоятельный представляет собой как бы переложение именительного падежа подлежащего и причастного сказуемого в дательный падеж. Е. С. Истрина видит сходство между этими двумя оборотами и в том, что дательный самостоятельный присоединяется нередко к главному предложению посредством сочинительных союзов[357].

Если в состав оборота входило причастие настоящего времени, оно обозначало действие, одновременное с действием

---

[357] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 177.

глагольного сказуемого. Причастие прошедшего времени обозначало действие, предшествующее действию глагола.

Так как русский язык (как и старославянский) не имел и не имеет причастий будущего времени, между тем условные предложения обычно относятся к будущему времени, примеры с дательным самостоятельным со значением условия немногочисленны (со значением уступительным — единичны).

И. М. Белорусов, предложивший указанное объяснение ограниченного употребления дательного самостоятельного со значением условия, отмечает, что в следующем, например, случае язык делает над собой насилие, пользуясь причастием настоящего времени: Изыди противу варваръ и, *Богу помогающу* ти (= и если бог поможет тебе, то), побѣдиши и здравъ во своя возвратишися (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. II, 1896, стр. 16)[358].

Дательный самостоятельный представлен в тех древнерусских памятниках, характерной особенностью которых являются книжные обороты речи (в некоторых из них — лишь в отдельных частях памятника): летописях, житиях святых, поучениях и др.

Памятники деловой письменности этого оборота не знают. Мы не встретили его ни в грамотах на пергамене, ни в грамотах на бересте. В западнорусских деловых документах XVI—XVII вв. имеются случаи, которые относятся исследователями белорусского языка к примерам с дательным самостоятельным, однако ими же отмечается в этих случаях утрата причастием склонения, превращение его в деепричастие: *едучы мне* через тое село и *маючы* некоторую потребу до Мурашки, ступилъ был есми до него в двор (Акты XVI в.) и др.[359] В этом примере причастие не согласовано с именем *мне*, стоит в своей неизменяемой форме.

Только предположительно мы можем отнести к примерам, возникшим под влиянием оборота «дательный самостоятельный», случаи в древнерусских грамотах, подобные приведенному ниже, где имеется причастие в его неизменяемой форме,

---

[358] И. Белорусов. Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковнославянской и древнерусской письменности. «Русский филологический вестник», т. XLI, 1899, стр. 83.

[359] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 415. См. еще: Нарысы па гісторыі беларускай мовы, стр. 328. Сходные примеры из памятников украинского языка XV—XVII вв.: А. А. Москаленко. Синтаксис простого речення давньоруської і української мови. Посібник для студентів-заочників. Одеса, 1959, стр. 40; О. А. Зарудняк. Із спостережень над керуванням давальним відмінком в українських пам'ятках ділового письменьства XIV—XVII ст. «Наукові записки Одеського пед. ін-ту», т. XVIII, вип. філологічний, 1957, стр. 114—115.

а дательный падеж имени отсутствует, но восстанавливается на основании контекста: А воску у Псковскихъ гостей Нѣмцомъ не колупати, опричь того, что *уколупивъ* (возможно, опущено *ему, нѣмьцю* или *имъ, нѣмьцемъ*) немного на опытъ, да емужъ отдати назадъ (Моск. гр. 1531 г.)[360].

Приведем несколько примеров из древнерусских памятников с дательным самостоятельным, имеющим значение придаточного предложения времени (примеры под пунктом «а») или причины (примеры под пунктом «б»): а) *томоу҃ лѣ҃ исходѧщю*, на весну, ходи Романъ съ новгородьци къ Торопьцю (1 Нов. лет.); *Мьстиславу же прибѣгшю* Новугороду рекоша ѥму новгородци (Лавр. лет.); б) надолзѣ *борющемасѧ има.* нача изнемагати Мьстиславъ (там же)[361].

В приведенном ниже примере можно видеть сочетание временно́го и причинного значений: *хотѧщю Володимеру* ити на Ꙗрослава. Ꙗрославъ же пославъ за море. приведе Варѧгы (Лавр. лет.).

В отмеченных выше примерах нет совпадения действующего лица в обороте «дательный самостоятельный» и в части предложения с глагольным сказуемым. Такое построение является господствующим в древнерусском литературном языке. Встречаются, однако, и случаи совпадения действующих лиц: *оумноживишимсѧ братьи* в печерѣ. и помыслиша (опущено *братьи.* — *В. Б.*) поставити внѣ печеры манастырь (Лавр. лет.); *не дошедшу же ему* острова, пріиде (опущено ѡнъ. — *В. Б.*) на рѣку, зовомую Выгъ (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. II, 1896, стр. 27)[362].

Первый пример интересен тем, что конструкция «дательный самостоятельный» присоединена к части предложения с глагольным сказуемым при помощи сочинительного союза[363].

Дательный самостоятельный может иметь в своем составе и подчинительный союз (в примере — союз причинный): на-

---

360 См. работу В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)», стр. 207. У А. А. Потебни («Из записок по русской грамматике», т. I—II, стр. 331) сходные примеры объясняются как возникшие из дательного самостоятельного.

361 Е. Ф. Карский помещает этот пример в числе случаев с дательным самостоятельным причины («Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи», стр. 69), И. М. Белорусов — в числе случаев, в которых дательный самостоятельный заменяет обстоятельственное предложение времени (указ. соч., стр. 71).

362 Пример из указанной работы И. Белорусова, стр. 79.

363 Большое число случаев с союзом *и* (один пример — с союзом *а*) отмечено Е. С. Истриной в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи («Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи», стр. 177—178). Во всех примерах дательный имени и подлежащее обозначают разные лица.

часта гнѣвъ имѣти на Wлга. ꙗко *не шедшю* ѥ*му* с нима на поганыѧ (Лавр. лет.)[364].

Подчинительные союзы позволяли более ясно представить смысловую связь между частями предложения[365].

Потеря именной формой причастия действительного залога изменения по падежам и числам, ее превращение в неизменяемую форму — деепричастие (см. об этом выше, в главе о второстепенном сказуемом) привели к разрушению оборота. В обороте имя ставилось в дательном падеже, причастие — в застывшей форме именительного падежа: ловъ *дѣюще* (вм. *дѣющю. — В. Б.*) *Свѣналдичю.* именемъ Лютъ... и оузрѣ и Wлегъ (Лавр. лет.).

В дальнейшем оборот «дательный самостоятельный» и в его нарушенном виде перестал употребляться (см. об этом ниже).

Иная судьба постигла дательный самостоятельный с именной формой причастия страдательного залога. Ряд случаев такого употребления в Лаврентьевском списке летописи 1377 г. приводит Е. Ф. Карский: *дѣлаєму же ковчегу.* за. р҃. лѣ҃ и повѣдаше Ной. ꙗко быти потопу; *влекому же* ѥ*му* по Ручаю к Днѣпру. плакахусѧ ѥго невѣрнии; *совъкупленѣ же братьи.* ре҃ имъ Антонии[366].

Поскольку от именной формы причастий страдательного залога не образовывалось неизменяемая форма (деепричастие), случаи с нарушением согласования не встречаются. Рассматриваемый тип оборота, представленный в памятниках небольшим числом примеров, выходит из употребления, будучи вытеснен придаточным предложением.

Однако еще у В. А. Жуковского в переводе «Цеикса и Гальционы» (1821 г.), что было отмечено Ф. И. Буслаевым[367], находим: Вдруг с волной упадает (судно) и, кругом *взгроможденному морю*, видит, как будто из адския бездны, далекое небо. В этом примере причастие страдательного залога употреблено в местоименной форме.

Оборот с причастием действительного залога, по свидетельству М. В. Ломоносова, в его время уже вышел из употребления[368].

---

[364] Примеры с дательным самостоятельным с союзами придаточных предложений времени, причины, условия и др. из разных памятников см. в названной работе И. Белорусова, стр. 86—87.

[365] О значении подчинительных союзов в предложениях с дательным самостоятельным см.: И. Белорусов. Указ. соч., стр. 85—86. См. также: Radoslav Večerka. Syntax aktivních participií v staroslověnštině. Praha, 1961, стр. 48—49.

[366] Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, стр. 65—66.

[367] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 466.

[368] См.: М. В. Ломоносов. Российская грамматика. — Полное собрание сочинений, т. 7. Труды по филологии 1739—1758 гг. М.—Л., 1952, стр. 567. М. В. Ломоносов высказывает по этому поводу сожале-

Отдельные случаи его использования у некоторых писателей XVIII—XIX вв. (наиболее частые у А. Н. Радищева) составляли лишь исключение из общего правила, допускавшего названный оборот только в определенных стилистических целях [369].

Возможно, отголосками дательного самостоятельного следует признать следующие примеры, отмеченные в старых записях особенностей севернорусских диалектов: я выехал уже *закатившись солнцу*, я приехал еще *не отошедши обедне* (быв. Холмогорский у. быв. Архангельской губ.); он выехал *закатившись солнцу*, а приехал пробивши 12 часов (та же местность и тот же автор — А. Грандилевский) [370]; я выехал уже *закатившись солнцу*, а приехал еще *не отошедши обедне* (быв. Ростовский у. быв. Ярославской губ.) [371].

Автор сообщения по Холмогорскому уезду А. Грандилевский приводит еще пример, в котором причастие согласуется с именем существительным в дательном падеже: мужик скончался *приехавшу становому*.

Примеры А. Грандилевского записаны на родине М. В. Ломоносова. Возможно, что защита М. В. Ломоносовым оборота «дательный самостоятельный» объясняется в известной мере и тем, что этот оборот не был чужд разговорной речи его родной местности.

Материалы диалектологических атласов русского языка, собранные сравнительно недавно, свидетельствуют о том, что и южным говорам не был чужд оборот дательный самостоятельный.

Отмечены примеры: д'о́н п'а́т' прашло́ *йаму́ рад'и́вшы* (Брянская обл.); с'е́м γадо́ў *йаму́ пам'о́ршы* (Орловская обл.) [372].

ние и выражает надежду, что «сия потерянная краткость и красота в российское слово возвратится».

[369] Отметим вывод В. П. Воробьева о дательном самостоятельном в произведениях более раннего времени — в оригинальных повестях XVII в. По мнению исследователя, дательный самостоятельный употребляется авторами повестей в определенных случаях «как средство дать известную приподнятость стилю повествования» («Дательный самостоятельный в русских оригинальных повестях XVII века». — «Ученые записки Саратовского пед. ин-та», вып. XXX, 1958, стр. 243).

[370] А. Грандилевский. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. «Сборник ОРЯС», т. 83, № 5, 1907, стр. 66. Первое сообщение того же автора — ответ № 50 на Программу Академии наук («Сборник ОРЯС», т. 73. № 5, 1903, стр. 84).

[371] В. Волоцкий. Сборник материалов для изучения Ростовского (Яросл. губ.) говора. «Сборник ОРЯС», т. 72, № 3, 1902, стр. 13. Указывается «частое употребление независимого деепричастия, не относящегося к подлежащему главного предложения и соответствующего по значению дательному самостоятельному языка церк.-славянского» (стр. 13).

[372] И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко. О некоторых синтаксических явлениях в говорах юго-западных и центральных областей к западу от Москвы, стр. 120.

Пережиточные формы дательного самостоятельного находим в белорусских говорах[373]. Как свидетельствуют новейшие диалектные материалы, собранные в центральных и западных районах Белоруссии, эти формы можно встретить не только в фольклоре, но и в разговорной речи белорусов.

Во всех записанных примерах при дательном имени — неизменяемая форма причастия (деепричастие): *Стоячы яму ў вадзе п'яўка ўпілася ў нагу* и др.[374]

Представляет интерес выяснение вопроса, является ли дательный самостоятельный в древнерусских памятниках результатом влияния старославянского языка, в свою очередь испытавшего воздействие греческого языка (при переводах с греческого богослужебных книг), или исконной русской чертой.

Этой проблеме посвящена целая литература. Большую роль в научной полемике сыграло названное выше исследование И. М. Белорусова, собравшего и проанализировавшего старославянские памятники и различную по жанру древнерусскую литературу (примеры приводятся и в тексте статьи, и в Приложении).

К аргументации И. М. Белорусова прибегали и прибегают как сторонники, так и противники его взгляда, что дательный самостоятельный возник и образовался в старославянском языке под влиянием греческого родительного самостоятельного, но, будучи введен в древнерусский книжный язык, расширил область своего употребления и стал явлением оригинальным[375].

В исследовании И. М. Белорусова подчеркнуто, что замена греческого родительного самостоятельного старославянским дательным самостоятельным не была механической, не соответствующей «духу» (по выражению автора) старославянского языка.

Если бы замена была механической, «то пришлось бы считать дательный самостоятельный падеж странным и необъяснимым капризом языка, ибо не лучше ли было бы в таком случае прямо сохранить греческий родительный самостоятельный вместо того, чтобы переделывать его в дательный самостоятельный»[376].

И. М. Белорусов показал, что дательный самостоятельный в старославянском и древнерусском книжном языке не имел полного соответствия с греческим родительным самостоятельным и что область употребления дательного самостоятельного была шире области греческого родительного самостоятельного,

---

[373] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 415—416.

[374] Нарысы па гісторыі беларускай мовы, стр. 329.

[375] И. Белорусов. Указ. соч., стр. 98.

[376] Там же, стр. 72.

поскольку находим первый и не на месте греческого родительного самостоятельного[377]. В исследовании И. М. Белорусова отмечены и виды дательного самостоятельного, не имеющие соответствия в греческом родительном самостоятельном.

Все сказанное, а также наличие пережиточных явлений дательного самостоятельного в отдельных славянских языках позволяет считать, что он представляет собой одну из особенностей славянского синтаксиса, в частности — восточнославянского[378]. В восточнославянских языках дательный самостоятельный, по-видимому, не имел широкого повсеместного распространения. Этим и объясняется тот факт, что он проник не во все жанры древнерусской литературы, стал одним из элементов (особенно в первоначальном виде — с согласованным причастием в дательном падеже) книжной речи.

По мнению А. А. Потебни, разделяемому многими учеными, в частности Л. А. Булаховским[379], для дательных самостоятельных «исходною точкою представляется оборот с первым дательным, непосредственно дополняющим главное сказуемое. Конечно, между выражением с дат. самост. „пьючю (пьючи) ему съ Угры и повѣдѣ имъ“ и другим „пьючю ему и повѣдаша ему“, рассматриваемым как первообраз первого, большая разница; но ведь и всякая новая грамматическая форма по отношению к предшествующей кажется скачком»[380].

---

[377] Этот факт подчеркивается и в новейших работах, в частности в исследованиях чешских языковедов: Karel Horálek. Úvod do studia slovanských jazyků. Praha, 1955, стр. 229; Pavel Trost. O dativu absolutním. «Sborník slavistických prací věnovaných IY. mezinárodnímu sjezdu slavistů v Moskvě». Praha, 1958, стр. 33.

[378] Этому выводу не противоречит возможность употребления данного оборота в других языках. П. Трост полагает, что дательный самостоятельный — явление славяно-балтийское, сохранившееся в балтийских языках и вышедшее из употребления в славянских языках (Pavel Trost. Указ. соч., стр. 34 и 35).

[379] Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку, стр. 440—441.

[380] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 334.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Бессоюзное сложное предложение

§ 315. Стремление авторов ряда исследований по синтаксису современного русского литературного языка[1], а также по историческому синтаксису русского языка отграничить бессоюзные сложные предложения от сложносочиненных и сложноподчиненных представляется оправданным.

В отличие от сложных предложений с союзами и союзными словами бессоюзные предложения не имеют этих формальных средств синтаксической связи. В то же время части бессоюзного сложного предложения, как и части сложного предложения с союзами и союзными словами, не являются самостоятельными, составляют единое целое.

Связь частей бессоюзного сложного предложения не только смысловая. Для каждой из групп бессоюзных сложных предложений можно отметить определенную последовательность частей, порядок слов, наконец, что особенно важно, то или иное соотносительное употребление форм и наклонений глагола-сказуемого. В устной речи ярким признаком связи частей бессоюзного сложного предложения является интонация.

Говоря о необходимости разграничивать бессоюзные и союзные предложения, считаем нужным в то же время указать, что бессоюзные предложения могут быть сопоставлены с соответствующими сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями. О возможности сопоставления как по смыслу, так (в отдельных случаях) и по структурным особенностям ярко свидетельствует тот факт, что некоторые из типов бессоюзных сложных предложений допускают включение союзов без каких-либо дополнительных изменений структуры предложения.

В памятниках древнерусской письменности бессоюзные конструкции не были так распространены, как в современном

---

[1] В частности и академической грамматики. См.: Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. 2, стр. 380—401.

русском литературном языке, не обладали и такими широкими возможностями объединения простых предложений в сложное, где простые предложения превращаются лишь в части единого целого, как в современном русском литературном языке. Однако есть основание говорить о разнообразии типов бессоюзных предложений в древнерусском языке, о том, что смысловая связь частей бессоюзного сложного предложения была достаточно отчетливой и в древнерусских памятниках.

§ 316. Уже в древнейших русских памятниках встречаются, хотя и весьма редко (почти исключительно в художественных произведениях), бессоюзные сложные предложения, в которых говорится об одновременных событиях, явлениях или следующих одно за другим. Эти предложения можно сопоставить с соответствующими сложносочиненными предложениями.

Как отметил С. П. Обнорский, сочинение в Слове о полку Игореве нередко соединяется с бессоюзием[2].

Характерно, что число случаев с бессоюзными сложными предложениями, сопоставляемыми со сложносочиненными предложениями с союзами, в художественных произведениях с течением времени неуклонно растет.

Значительное число их мы находим в памятнике конца XIV в.—начала XV в. — в Задонщине[3]. В памятниках второй половины XVII в. (в числе их в Житии протопопа Аввакума, им самим написанном), в частности в тех местах произведения, где дается описание, эти предложения представлены широко[4].

Несомненно, что употребление бессоюзных предложений (сопоставляемых как со сложносочиненными, так и со сложноподчиненными предложениями) способствовало динамичности изложения, преследовало определенные стилистические цели.

Положение о большей сжатости, живости, разговорной легкости и изяществе бессоюзных предложений в литературном русском языке является общепризнанным в современной стилистике.

Следует отметить, что еще М. В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» подчеркивал преимущества бессоюзия, не отрицая, конечно, и значения союзов: «Союзы не что иное суть, как средства, которыми идеи соединяются; итак, подобны

---

[2] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, стр. 175.

[3] Как отмечает И. Фодор, внутри преобладающего сочинения в большинстве случаев имеет место бессоюзная связь («Синтаксические явления Задонщины». — «Studia slavica Academiae scientiarum hungaricae», т. I, fasc. 1—3. Budapest, 1955, стр. 163).

[4] См.: Э. И. Коротаева. Союзное подчинение в русском литературном языке второй половины XVII столетия. «Вестник ЛГУ», № 8, 1952, стр. 103; ее же. К вопросу о развитии бессоюзного предложения в русском языке. «Ученые записки ЛГУ», Серия филологических наук, вып. 14, 1949, стр. 42.

они гвоздям или клею, которыми части какой махины сплочены или склеены бывают. И как те махины, в которых меньше клею и гвоздей видно, весьма лучший вид имеют, нежели те, в которых споек и склеек много, так и слово важнее и великолепнее бывает, чем в нем союзов меньше. Однако не должно в нем оставлять таких щелей, по которым бы оно могло развалиться»[5].

Приведем несколько примеров, в которых бессоюзные предложения содержат изложение одновременных событий или следующих одно за другим. Отметим предварительно, что сказуемые частей сложного предложения выражены или формами настоящего времени (в числе случаев и именные сказуемые со значением настоящего времени), или формами прошедшего времени. Характерно, что и в современном русском языке сказуемые в этом типе бессоюзных предложений чаще всего выражаются формами настоящего времени (бессоюзные предложения со значением одновременности) или формами прошедшего времени (бессоюзные предложения со значением одновременности и бессоюзные предложения со значением последовательности).

Примеры из памятников различных периодов: Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода (Слово о полку Игореве); Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому (там же); Се бо в горести души моея язык мой связается, уста загражаются, зрак опустевает, крепость изнемогает (Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г. Список XVI в.); Тогда гуси возгоготаша на речкы на Мечи, лебеди крилы въсплескаша (Задонщина); Гремят мечи булатные о шеломы хиновъския, поганыи покрыша руками главы своа (там же); Осень была, дождь на меня шел, всю нощь под капелию лежал (Житие протопопа Аввакума); Стало нечева есть; люди учали с голоду мереть и от работныя водяныя бродни (там же); Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска, люди голодные... (там же); Птиц зело много, гусей и лебедей по морю, яко снег, плавают (там же).

В памятниках находим и бессоюзные сложные предложения с противительной связью между частями предложения. В этих предложениях одно действие отрицается, а другое разрешается, предписывается: тобѣ кнѧже не кърмити кго новгородьскымь хлѣбомь. кърми кго оу себе (Нов. договорная гр. 1304—1305 г. № 11); Такоже и Нѣмьчицю своихъ Немѣчь

[5] М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 376—377.

одинѣхъ на послоушьство не выводити; ставити имъ на послоушьство Роусина же Нѣмьчица... (Смол. торговая договорная гр. около 1230 г.).

Отметим, что в приведенных примерах глагол-сказуемое второй части стоит в самом начале предложения.

В предложениях с противительным значением могут противопоставляться не только действия, но и лица, предметы: невѣжа писа недума каза (Нов. берест. гр. XIV в. № 46); межа тое земли. ѿ болота. з горы. в подоли межа. по никольскоі огородъ (Двин. купчая гр. XV в. № 23).

В первом примере, содержащем школьную шутку («незнающий писал, недумающий показал»)[6], не столько противопоставляются, сколько сопоставляются и лица, и действия, которые совершаются этими лицами. Характерен параллелизм в построении частей этого бессоюзного сложного предложения (подлежащее — сказуемое, подлежащее — сказуемое) и, по-видимому, также ритмомелодический параллелизм.

Бессоюзные сложные предложения с параллелизмом лексическим и морфологическим, сочетающимся обычно с параллелизмом ритмомелодическим, очень распространены в современных русских народных говорах, когда в предложениях имеются слова, противопоставляемые друг другу[7].

Параллелизм свойствен бессоюзным предложениям с указанным значением и другим славянским языкам, например польскому: imię było niemieckie, dusza litewska została; pani wie swoje, ja wiem swoje и др.[8].

§ 317. Переходим к бессоюзным сложным предложениям, которые можно сопоставить со сложноподчиненными предложениями с союзами и союзными словами.

Останавливает на себе внимание тот факт, что в новгородских берестяных грамотах, представляющих собой частные письма, бессоюзные сложные предложения разнообразны по смысловой связи между частями предложения. Таким образом, совершенно очевидно, что в устной речи, где большую роль играет интонация, уже в древнейшую пору русского языка бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными предложениями, были широко распространены (значительно шире, чем в письменной речи).

Употребление бессоюзных предложений в частной переписке свидетельствует не только о влиянии живой разговорной речи на язык частной переписки, но и о ясности и выразительности

---

[6] Или, возможно, «сказал».

[7] См.: А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 48—50 и ряд других работ по русской диалектологии.

[8] Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, стр. 440.

бессоюзной конструкции и при передаче ее на письме, когда устраняется такой важный фактор, как интонация.

В следующих примерах вторая часть бессоюзного сложного предложения указывает на обоснование, мотивировку, причину того, о чем говорится в первой части: да пришли. сороцицю. *сороцицѣ забыле* (Нов. берест. гр. XIV в. № 43); и крестьяномъ деи ихъ лѣтомъ въ Ярославль и на Кострому и въ Любимъ торговати ѣздити немочно, *грязи и болота великіе* (Яросл. таможенная откупная гр. 1595 г.); не бѫше льзѣ конѫ напоити: *на Лыбеди Печенѣзи* (Лавр. лет.); не ходи кнѫже *оубьють тѧ* (там же).

Последний пример — прямая речь. Находим бессоюзное предложение и при передаче прямой речи в берестяных грамотах: і ѡнъ прислалъ к федосьі вари ты пивъ *сѣдишь на безатьцинѣ не варишь жито* (Нов. берест. гр. второй половины XIV в. № 3).

Это свидетельствует об употребительности данной структуры в живой речи[9].

Как и в современном русском языке, в первой части предложения указанного типа сказуемое выражено повелительным наклонением или другой формой со сходным значением (инфинитивом, составным сказуемым, в которое входит слово категории состояния *льзѣ*, *нельзѣ*, *надобѣ*, *не надобѣ* и др.), во второй части — глаголом в изъявительном наклонении (он может быть опущен).

Вторая часть бессоюзного предложения может пояснять первую часть: то ти ѡтьче повѣдаю. *с(ъ бр)атомь своимь съ старѣишимь съ даниломь. ѡдинъ есмь* (Нов. договорная гр. 1294—1301 г. № 4); ньмного ѡсподинь. ржи. на твою цасть. *два ѡвина. цьтвьрти* (Нов. берест. гр. XV в. № 23); чюлъ. ѯсмь. ѿ людьі. *мѣкѣфорко хъцьть. оу тьбе прашатѣсѧ. на лунѣну* (Нов. берест. гр. второй половины XIV в. № 314).

Наличие указательного местоимения (см. первый пример), имеющего обобщенное значение, которое нуждается в раскрытии, конкретизации, способствует более тесной связи обеих частей предложения. В древнерусском языке указательное местоимение стоит не в конце первой части, что обычно (но не обязательно) в современном русском литературном языке[10], а в самом ее начале.

---

[9] В пословицах, по словам П. Глаголевского, «особенно часто опускаются винословные союзы» («Синтаксис языка русских пословиц», ЖМНП, 1873, июль, стр. 37).

[10] Как видно из примеров, приведенных Э. И. Коротаевой, указательное местоимение ставится преимущественно в конце первой части уже в памятниках XVII в. («К вопросу о развитии бессоюзного предложения в русском языке», стр. 46—47).

Во второй части бессоюзного сложного предложения может указываться на следствие, результат действия, о котором говорится в первой части: а соудъ кнѫже ѿдалъ дмитрии. съ новгородци. бежичѧномъ. и ѿбонижаномъ. *на .г. лѣ соудьк не слати* (Нов. договорная гр. 1265 или 1264 г. № 1); землѧ готова *надобь сѣмѧна* (Нов. берест. гр. конца XIV—XV в. № 17); а ныне сѧмезерци в городѣ *говорѣ с нѣми саме* (Нов. берест. гр. XIV в. № 131)[11]; поможе Бъ на Половцѣ *самѣхъ прогна. а вежѣ ихъ поима* (Лавр. лет.).

Отметим, что сказуемым во второй части сложного предложения чаще всего бывает или повелительное наклонение глагола, или инфинитив.

Для всех примеров на следствие, результат, как и для примеров на причину, пояснение, характерно то, что часть предложения, содержащая следствие (в примерах на причину, пояснение — содержащая причину, пояснение), находится на втором месте. Это одна из структурных особенностей данных типов предложения, общая для древнерусского и современного русского языка.

Вторая часть бессоюзного сложного предложения в приведенных ниже примерах (в их числе и случаи, когда бессоюзное сложное предложение входит в состав сложного предложения) указывает на цель действия, названного в первой части: і даша. вѧчеслѧву і всѣмъ. кнѧжь. ѿстровчемъ грамоту. судную правую. *потѧнеть. оуласке. с кнѧжьѿстровци въ старину какъ ѿць. кго тѧнулъ* (Двин. судная гр. XV в. № 87); Такоже и Немьчицю Смолиньскѣ поставить и передъ кнѧземь, *ать выдасть и кнѧзь* (Смол. торговая договорная гр. около 1230 г.); и ре Володимеръ к митрополиту. се прислалъ бра мои. в. мужа Кыянина. *ато молвѧтъ бра своеи* (Лавр. лет.); И ѣде Володимеръ к митрополиту, и созва Кияны, и рече: «се братъ мои прислал два мужа Кыянина, *да молвят братьи своеи слово его*» (Моск. лет. свод конца XV в.); пошлю *да быша не пролыли мене ради крови* (Лавр. лет.); възлелѣи господине мою ладу къ мнѣ, *а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано* (Слово о полку Игореве).

Примеры свидетельствуют о различных способах выражения цели в бессоюзном сложном предложении. В первом из них при глаголе-сказуемом в форме будущего простого времени, имеющем оттенок долженствования (*пусть потянет*, т. е. пусть несет повинность), нет модальной частицы. Бессоюзные предложения цели данного типа употреблялись в древнерусских памятниках весьма редко. Гораздо чаще находим постановку частицы *ать (атъ, ато)* или *да* также при форме будущего вре-

[11] В словах *говорѣ, с нѣми* буква *ѣ* на месте *и*.

мени глагола (реже — при форме настоящего времени), особенно ярко оттеняющих долженствование, желательность (см. примеры из Смол. гр. 1230 г., первый пример из Лавр. лет. и пример из Моск. лет. свода XV в.).

Мы привели из Лаврентьевской летописи (первый пример) и из Московского летописного свода XV в. сходный текст, отличающийся, в частности, употреблением модальной частицы (в Лавр. лет. 1377 г. *ато*, в Моск. лет. своде XV в. — *да*).

По-видимому, уже в XV в. частица *да*, имевшая место и в ранних памятниках (в частности, и в Лавр. лет.), заменила собой частицу *ать* в той части бессоюзного предложения, которая говорила о цели действия. Причина такой замены в том, что частица *ать* употреблялась преимущественно в деловой письменности и стала рассматриваться в дальнейшем как элемент разговорной речи. Характерно, что в Лаврентьевской летописи, кроме приведенного выше, и другие случаи с *атъ*, *ато* находим в прямой речи. Что касается *да*, то оно принадлежало книжной речи, высокому стилю. В XVII в. вытесняются и конструкции с *да* (на их месте предложения с союзами *чтобы* и *дабы*)[12].

Целевые предложения с *ать* и предложения с *да* не закрепились в русском литературном языке. Вместо бессоюзных сложных предложений цели употребляются сложноподчиненные предложения (о них см. ниже).

Отметим, что в ряде случаев представляется трудным решить, следует ли считать предложение с *ать* или *да* при глаголе частью сложного предложения или самостоятельным простым предложением[13].

В предпоследнем и последнем примере (из Лавр. лет. и из Слова о полку Игореве) значение цели передано путем употребления формы условного (сослагательного) наклонения, которое выражало долженствование, желательность. Тот факт, что аорист в обоих примерах (быша, бихъ) — глагольная форма, указывающая на действующее лицо (3-е мн. и 1-е ед.), а не частица *бы*, говорит о том, что союзы *а* и *да* еще не слились с аористом (в форме *бы*) в единую форму — союзы придаточного предложения цели *абы* и *дабы*.

---

[12] С. Л. Баженова. Придаточные предложения цели в древнерусском языке (по памятникам XIV—XVII вв.). Автореферат канд. дисс. М., 1954, стр. 8. См. также вывод Л. А. Глинкиной, что бессоюзные предложения цели в языке памятников XVI—XVII вв., сравнительно с равнозначными союзными, были малопродуктивны («К вопросу о бессоюзном сложном предложении в языке древнерусских памятников XVI—XVII вв.». Автореферат канд. дисс. М., 1962, стр. 17).

[13] См. высказывания по этому вопросу в работах: И. Б. Кузьмина. Употребление глагольных форм в побудительных предложениях в русском языке XI—XV вв. «Труды Института языкознания», т. V, 1954, стр. 120—121; С. Л. Баженова. Указ. соч., стр. 5.

Бессоюзные сложные предложения времени представлены в древнерусских памятниках небольшим числом примеров.

Указание на время содержится в первой части предложения: *Си же грамота писана бысть*, ищьло было ѿ Ржтва Гня до сего лѣта, ѧ лѣтъ и двѣстѣ лѣтъ и ѡсмьдесятъ летъ и три лѣта, в четвертое лето, на Възнесенье Гне (Смол. гр. 1284 г.); *А Князь Петръ возметъ съ своего удѣла сто рублевъ и одинънатцять*, и Княгини моя дастъ ему въ то серебро съ Ижва тритцять рублевъ. (Моск. духовная гр. 1389 г.).

Первый из примеров не вызывает сомнений, что первая часть содержит указание на время: «Когда эта грамота была написана...» Во втором примере (союз *а* в нем отграничивает данное предложение от предыдущего и не является союзом временны́м) бессоюзное предложение имеет значение времени («А когда князь Петр возьмет...»), однако к этому значению присоединяется и значение условия.

Отметим еще пример из более позднего памятника (XVII в.), где первая часть, бесспорно, указывает время: *Не прилучилося меня дома;* занемог младенец (Житие протопопа Аввакума).

В современном русском литературном языке бессоюзные сложные предложения времени употребляются сравнительно редко, возможно потому, что их трудно отграничить от бессоюзных сложных предложений условия. В народных говорах временны́е предложения встречаем чаще, причем в ряде случаев связь между частями предложения условно-временна́я[14].

Бессоюзные сложные предложения времени, как и рассматриваемые далее бессоюзные сложные предложения условия, характеризуются устойчивой препозицией части, содержащей указание на время (или, соответственно, условия).

Бессоюзные сложные предложения условия широко представлены в договорных грамотах, само содержание которых требовало употребления условных предложений. Находим бессоюзные сложные предложения условия и в других памятниках деловой письменности (в том числе в купчих, духовных грамотах, в частной переписке), как ранних, так и поздних. Летописи содержат небольшое число таких предложений.

А. А. Потебне принадлежит следующий вполне обоснованный вывод: «Отношение предложения уславливающего к уславливаемому может вообще выражаться или соответствием союзов условных и заключительных, или одним союзом заключи-

[14] См.: А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 51—54; В. И. Собинникова. Строение сложного предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремяченского района Воронежской области). Воронеж, 1958, стр. 141—142 и др.

Многочисленные примеры на временно́е отношение приведены в работе Л. Копецкого «К изучению языка и стиля русской сказки» («Slavia», roč. VI, seš. 2 a 3. Praha, 1927, стр. 197).

тельным, или — ничем, кроме места в речи и тона. Последний способ, наиболее древний, остается в языке и по образовании союзов»[15].

В другом месте А. А. Потебня также отмечает: «Обозначение действия уславливаемого легко может обходиться без союза, кроме того, который позднее возникает из бы хъ; уславливающее, по-видимому, постоянно требует союза (в стар. яз. *аще*, рус. *аче*, *а*, *да*, *оже* и пр.), но его условность не создается, а лишь видоизменяется союзом»[16].

Древнерусские памятники содержат все указанные случаи бессоюзия и предложений с союзами.

Тот факт, что бессоюзные сложные предложения условия встречаются в современных народных говорах, особенно часто — в фольклоре, позволяет предполагать, что в разговорной речи древней Руси бессоюзная конструкция была широко распространена. В известной степени об этом свидетельствуют многочисленные пословицы, оформленные как бессоюзные сложные предложения с придаточным предложением условия, в сборнике русских пословиц XVII в.[17] Еще более яркое свидетельство — наличие бессоюзных условных предложений в грамотах на бересте (в частных письмах).

Ограниченным числом примеров представлены в древнерусских памятниках бессоюзные предложения, в которых нет союзов ни в первой части (первая часть всегда содержала условие), ни во второй части: холопъ или роба почнеть вадити на г҃арѧ. томоу ти вѣры не ѩти (Нов. договорная гр. между 1325—1327 г. № 15); По оухоу оударите[18], г҃. четвѣрти серебра (Списки *А* и *В* Готл. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.).

В памятниках того же времени находим и случаи с *а* в начале предложения условия и с союзами *аже*, *оже* и др.

Союз *а* не является при этом союзом условным. Условность в предложениях с *а* выражалась как местом обусловливающей части (препозиция) по отношению к обусловливаемой, так и соотносительным употреблением глагольных форм в обеих частях (в обусловливающей части — обычно будущее время,

---

[15] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 400—401.

[16] Там же, стр. 268.

[17] Многочисленные примеры приведены в исследовании: Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.—Л., 1941, стр. 13. О том, что в литературном языке XVII в. было широко распространено употребление бессоюзных условных предложений, см.: Е. П. Васильева. Бессоюзное подчинение в литературном языке XVII столетия (условное, дополнительное, определительное предложение). Автореферат канд. дисс. Л., 1955, стр. 5—8.

[18] *е* на месте ь.

реже настоящее время; в обусловленной — инфинитив[19], будущее время глагола, реже настоящее время и повелительное наклонение).

В устной речи ко всему этому присоединяется еще и соответствующая интонация.

Союз *а* в начале бессоюзного предложения является не условным союзом, а союзом начинательным, отграничивающим бессоюзное сложное предложение от предыдущего предложения.

Приведем пример с *а* в обусловливающей части, без союза в обусловленной части, сходный с приведенным выше примером без *а*: а холопъ. или роба. почнеть вадити на господоу томоу ти вѣры не ити (Нов. договорная гр. 1270 или 1269 г. № 3).

В обусловленной части находим союзы *а*, *и*, *да* или соотносительные союзы *ино*, *то*.

Союзы *а* и *да* встречаются в древнерусских памятниках редко.

В разговорной речи союз *а* был, по-видимому, широко распространен. Об этом говорят, в частности, примеры из берестяных грамот, отражающие живую разговорную речь (см. ниже примеры из грамот № 8 и 246).

Широкому употреблению *а* в деловых документах, возможно, препятствовало противительное значение, которое характерно для союза *а* не только тогда, когда он стоит при однородных членах или связывает части сложносочиненного предложения, но и тогда, когда он является союзом, начинающим предложение, отграничивающим данное предложение от предыдущего.

Широко представленный в памятниках древнерусской письменности союз *и* имел функцию указать на следствие как результат осуществления определенного условия, названного в обусловливающей части предложения. То обстоятельство, что союз *и* употреблялся в древнерусском языке и в качестве усилительной частицы, могло сыграть определенную роль в его распространении в обусловленной части предложения. Приведем несколько примеров с союзами *а*, *и*, *да* во второй части: а едеши по коровѣ *а* вьзи (три гривьнѣ) (Нов. берест. гр. XIII в. № 8); а не угодице с кымъ прислать *и* ты у себѧ избѣли (Нов. берест. гр. XV в. № 21); а не възме *и* вы. во стадъ пустите педъ (передъ. — *В. Б.*). людми (Нов. берест. гр. второй половины XIII в. № 142)[20]; а не присълещи ми полоупѧты

[19] Как совершенно верно заметил Л. П. Якубинский в отношении Смоленского договора 1229 г., сказуемое выражено инфинитивом там, где в главном предложении устанавливается общеобязательная, имеющая характер закона норма; там же, где выполнение действия предоставляется личному усмотрению того или иного лица, сказуемое выражается личной формой глагола («История древнерусского языка», М., 1953, стр. 298—299).

[20] Примеры из берестяных грамот (№ 8, 21, 142) говорят о широком распространении в древнерусской живой разговорной речи повелитель-

гривьны. *а* хоцоу ти выроути въ тѧ лоуцьшаго новъгорожѧнина (Нов. берест. гр. XI в. № 246); А похотятъ ваши купци со государя нашего отчины купци торговати на Иванегороде, *да* туто и пошлину платятъ (Нов. гр. 1516 г.); а посмотрилъ бесерменинъ на ѣству, *і* онъ не ястъ (Хожение Афанасия Никитина).

Широко употреблялся в деловой письменности XV в. и позже соотносительный союз *ино* со значением следствия, результата. С тем же значением, при этом и в более ранних памятниках, находим соотносительный союз *то*, встречающийся, однако, значительно реже первого. В то же время в сложноподчиненных предложениях с союзом условия чаще других союзов в главном предложении употреблялся соотносительный союз *то*. В дальнейшем *то* становится в литературном русском языке единственным союзом, соотносительным с условными подчинительными союзами.

Примеры с тем и другим соотносительным союзом: а наеду^{т} ѡдиного великого кнѧзѧ в рус$^{\wedge}$кои зе^{м}ли. *ино* ѡдиному посо$^{\wedge}$ство правити (Нов. договорная гр. 1471 г. № 20); а жена моѧ пострижеть сѧ. въ чернице. *то* выдаите ѥи. четверть (Нов. духовная гр. до 1270 г.).

Судьба бессоюзных сложных предложений условия не была изолированной от судьбы сложноподчиненных предложений с придаточным условия.

Процессы, происходившие в тех и в других, были тесно связаны и взаимообусловлены, хотя и протекали с некоторыми отличиями.

Возросшая роль специальных подчинительных союзов в придаточном предложении привела к устранению союзов, связывавших части сложного предложения (сохранился лишь соотносительный союз *то*), сделала возможной постановку придаточного предложения не только в препозиции, но и в постпозиции к главному.

Бессоюзные сложные предложения условия претерпели меньше изменений. В них перестали употребляться союзы между частями предложения, но сохранился прежний порядок следования частей предложений — сначала обусловливающая, а затем обусловленная часть.

Большой интерес представляют бессоюзные сложные предложения, неупотребительные в современном русском литературном языке, — без относительных местоимений, но с выраженным значением о п р е д е л е н и я в зависимой (с точки зрения смысловой, а не формальной) части.

ного наклонения в обусловленной части предложения. Как известно, такое употребление характерно в современном русском языке для пословиц, поговорок: *Едешь на день — бери хлеба на неделю* и др.

Мы имеем в виду, говоря словами Ф. И. Буслаева, «словосочинение придаточного определительного, никакою грамматическою формою не соединенного с главным»[21]

А. А. Потебня называет предложения без относительных местоимений «паратактичными придаточными предложениями»[22].

Признаком одной из групп этих предложений является то, что «дополнение или подлежащее главного предложения указывает на подлежащее или дополнение придаточного паратактичного, в коем нет не только относительного, но и указательного местоимения»[23].

Ко второй группе А. А. Потебней относятся предложения, в которых существительное независимой части предложения повторяется в его зависимой части (с указательным местоимением или без него, с соединительным союзом *и*, *а* или без союза, с частицей *же* при местоимении или без частицы).

В предложениях третьей группы в зависимой части не повторяется существительное независимой части, а стоит личное или указательное местоимение.

Те же типы предложений со значением определения рассматриваются в многочисленных работах, посвященных относительному подчинению.

Первый тип предложений характерен тем, что во второй — зависимой части нет слова, которое отсылало бы к определяемому слову в независимой части. Таким образом, вторая часть формально является независимой.

Приведем несколько примеров[24]: На второй недѣли вторникъ великого поста Никита епископъ жену простилъ очною болѣзнію, отъ Троици с Кланья, изъ Деревяницы села, *зовутъ Евдокеею*, на часехъ, какъ отпѣли часы (1553. Нов. лет.)[25]; а взялъ его Немчина Кашпиръ Буденбругъ, *а жыветъ на торговой улицы у водяныхъ воротъ* (Моск. гр. 1578 г.); И отдали меня Афонасью Пашкову в полк, — *людей с ним было 600 человек* (Житие протопопа Аввакума); Сын Иван — *невелик был* — прибрел ко мне побывать после Христова рождества... (там же).

В современном русском литературном языке мы употребили бы конструкции: «женщину..., которую зовут Евдокией»; «немец..., который живет...», «полк, в котором с ним было 600 человек»; «сын Иван, который был невелик...»

---

[21] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 556.

[22] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 323.

[23] Там же.

[24] Выделяем слова, определяющие то или иное слово независимой части.

[25] Пример из работы А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике», т. III, стр. 323.

В народных говорах встречаем случаи употребления бессоюзной конструкции: у старушки, *видит одним глазом* (т. е. которая видит одним глазом), сын в один гот со мной принесён[26]; у нас ни у каво две избы нет *прамежду сени-то* (т. е. между которыми сени)[27]; где дели тряпку, *полы мыли?* (т. е. которою мыли полы)[28].

Во второй группе связующим звеном является повторяющееся имя существительное, а указательное местоимение подчеркивает эту связь с определяемым словом[29]: Лѧховѣ же и Пруси. и Чюдь. присѣдѧть к морю Варѧскому (Варѧжьскому. — *В. Б.*) *по сему же морю* сѣдѧть Варѧзи сѣмо къ вьстоку. до предѣла Симова (Ипат. лет.); А против Тифлиса города, за рекою за Куром, в горах 2 горада, а подписи *тем городам* в старом чертеже нет (Книга Большому Чертежу 1627 г. Список второй половины XVII в.).

В наибольшей степени приближается к сложноподчиненному предложению с придаточным определительным третий тип, в котором связующим звеном служит только местоимение. В предложениях этого типа части сложного предложения наиболее тесно соединены друг с другом. А. А. Потебня, отмечая древность этих оборотов, в то же время приходит к выводу, что они новее оборотов с повторяющимся существительным, поскольку в последних, «в силу повторения существ. при местоим. связь последующего с предыдущим слабее, иначе — последующее более самостоятельно»[30].

Приведем несколько примеров[31]. Се ѡроудьѥ исправили... Алъбрахтъ Слѹкъ, Бернѧртъ, ѡдѣ Валъторь, ѡдѣ Алъбрахтъ фоготь, а *ти* были горожане в Ризѣ, и инѣхъ было много оумныхъ добрыхъ людии (Список *В* Готл. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); и тѹ є͡ противѹ томѹ ѡстровѹ горѡ͡ великь бы͡ а имѧ ємѹ троада (Хожд. игум. Дан.); А ниже тое реки 30 верст пала с левые стороны река а *на неи* город Шамаха (Книга Большому Чертежу 1627 г.).

Рядом с отмеченными выше типами бессоюзных предложений в памятниках, в том числе и в древнейших, употреблялись

---

[26] Кроме указанного, еще ряд примеров из быв. Пудожского у. быв. Олонецкой губ. и быв. Никольского у. быв. Вологодской губ. в работах: В. Мансикка. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. ИОРЯС, т. XIX, кн. 4, 1914, стр. 168—169; его же. Заметки о говоре Никольского уезда. Там же, стр. 216.

[27] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 58. Пример записан в Спасском районе Рязанской области.

[28] Н. Н. Мешковская. Синтаксические явления в моршанских говорах Тамбовской области. Автореферат канд. дисс. М., 1950, стр. 14.

[29] Выделяем только повторяющееся существительное с указательным местоимением при нем.

[30] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 332.

[31] Выделяем только местоимение в зависимой части.

сложноподчиненные предложения с относительными местоимениями в придаточной части.

Наличие в памятниках различных видов связи двух частей сложного предложения (без относительных местоимений), из которых вторая определяет то или иное слово первой, свидетельствует, однако, о том, что процессу образования определительных конструкций с относительными местоимениями предшествовал длительный период выработки и отбора наиболее совершенных средств подчинительной зависимости.

Таким образом, следует признать, что не утратило своей научной ценности следующее высказывание Ф. Е. Корша: «Само собою разумеется, что такой важный шаг в словосочинении, как образование относительной конструкции, совершился не разом: мало того, что должно было пройти много времени прежде, чем данный народ привык смотреть на известное присоединение одного независимого предложения к другому как на подчинение известного рода; но нередко один и тот же язык колебался в выборе средств для выражения этой, до тех пор неведомой, но настоятельно напрашивающейся связи двух суждений. Наш собственный язык, особенно простонародный и старинный, представляет в этом отношении необыкновенную пестроту»[32].

При переходных глаголах (обычно при глаголах чувственного восприятия, речи и мысли), стоящих в независимом предложении, зависимая часть может быть присоединена как дополнительная: Аже тиоунъ оуслышить, *Латинескыи гость пришелъ*, послати ѥму люди с колы пьревѣсти товаръ, а не удѣржати ѥму (Готл. ред. Смоленской торговой договорной гр. 1229 г. В Рижской редакции той же грамоты придаточное предложение с союзом *оже*: ... ожо гость Немечьскыи съ Смолнѧны приехалъ на Волокъ...); Вижу: *пловут стройно два корабля златы*... (Житие протопопа Аввакума); Идучи дорогою, человѣкъ его (Псковитина) видѣлъ, *лежатъ сумы запечатаны* (Письма и бумаги Петра I)[33].

Как отмечает А. А. Потебня, «образец этот от глубокой древности доходит в просторечии и до нашего времени, причем ныне, при развитии относительных частиц, он получает такой вид, как будто такая частица в нем опущена»[34].

[32] Ф. Е. Корш. Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса. М., 1877, стр. 14—15.

[33] Пример из работы: Л. А. Глинкина. О бессоюзных сложных предложениях в древнерусском языке XVI—XVII веков. «Вопросы истории и диалектологии русского языка. Труды 2-й зональной конференции кафедр русского языка педагогических институтов Урала». Магнитогорск, 1961, стр. 21.

[34] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 333. Там же, на стр. 333—334, ряд примеров из разных памятников. См. еще примеры: Э. И. Коротаева. К вопросу о развитии бессоюзного предложения в русском языке, стр. 49.

Справедливым является и замечание о распространенности этого типа предложения в диалектной речи и вывод, что бессоюзное предложение воспринимается как предложение с опущенным союзом. Таковы, например, предложения, записанные в Саратовской области: Йа пънимайу *фс'о нужнъ*; Йа помюну *въласник пъдявала* и др.[35]

Сложносочиненные предложения

§ 318. В древнерусских памятниках широко представлено употребление соединительных союзов (особенно *а*) в начале предложения. Зачастую бывает затруднительно определить, соединяет ли союз *а* части сложного предложения или начинает простое предложение.

Многие случаи приходится рассматривать как переходный тип предложения — от простого к сложному.

Об употреблении союза в начале предложения говорилось еще в трудах ученых прошлого столетия.

Так, по мнению П. А. Лавровского, «весьма частое употребление союза *и* составляло особенную любовь в языке древнем»[36]. Ф. И. Буслаев отметил «многосоюзие, т. е. повторение одного и того же союза, и преимущественно союза *а*...»[37]. Ученые нашего времени не оставили без внимания эту яркую особенность древнего синтаксиса. Е. С. Истрина в своем исследовании «Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи» весьма образно назвала такое многосоюзие нанизыванием. «Как на особенность Синод. сп. можно указать на повторяемость союзов „и" или „а" перед несколькими сочиняемыми предложениями, которые как бы нанизываются одно за другим вне указания на оттенки взаимоотношения. Такое однообразное нанизывание наблюдается преимущественно в первом почерке, заменяясь в дальнейшем более сложными и многообразными конструкциями...»[38]

В отдельных исследованиях по историческому синтаксису центральное место занимает выяснение «оттенков взаимоотношения» между предложениями, в начале которых стоит тот или иной из союзов простого предложения.

Имеем в виду, в частности, кандидатскую диссертацию И. А. Поповой «Значения и функции союза *а* в древнерусском

[35] О. Б. Сиротинина. Синтаксис говоров Алтайского района Саратовской области. «Ученые записки Саратовского ун-та», т. XLVIII, 1957, стр. 71.

[36] П. А. Лавровский. О языке северных русских летописей, стр. 109.

[37] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 554.

[38] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 197.

языке», а также ряд ее статей[39], кандидатскую диссертацию П. В. Попова «Сочинительные конструкции с союзом *а* в древнерусском языке» (Л., 1952).

Эти работы показали, что в XII—XIII вв. союзы *а*, *и* имели свой более или менее резко очерченный круг значений.

Наши наблюдения также позволяют говорить об определенном круге значений союза *а* и союза *и*, о том, что автор последовательно употреблял тот или другой союз согласно вполне определенным сложившимся нормам.

Начинательные, т. е. стоящие в начале предложения, *а* и *и*, несомненно, отличались по своему значению. Первый из них не только присоединял предложение к предыдущему, но и в известной мере отграничивал от него, противопоставлял ему. Союз *и*, устанавливая связь данного текста с предыдущим, указывал и на последовательность событий во времени, одно из которых могло быть результатом, следствием другого. Устанавливал связь предложений и союз *да*.

Ограничимся тремя примерами: а дворѧномъ твоимъ. оу коупчевъ повозовъ не имати. разве ратнои вести. *а* свободъ ти ни мытъ. на новгородскои волости не ставити. *а* на имоволозьскомъ погосте коуны ти имати. и на важаньскомъ (Нов. договорная гр. 1270 или 1269 г. № 3); се прикха. иванъ бѣлыи. изъ любка. адамъ съ гочкого берега. инчѧ олчѧть. из ригы ѿ своеи братии ѿ всѣхъ купѣчь. своихъ. латиньского ꙗзыка. *и* дахомъ имъ. г. пути. горнии. по своѥи волости. а четвертыи в рѣчкахъ (Нов. охранная гр. 1301 г. Рижский экземпляр. Сходный текст в Московском экземпляре); в Севастѣи губѣ да в Гурзыньской земли добро обильно всѣмъ; *да* Турьскаа земля обилна вельми; *да* в Волоской земли обилно и дешево все съѣстное; *да* Подольскаа земля обилна всѣмъ (Хожение Афанасия Никитина).

В первом примере три *а*. Первое из них отграничивает текст от предыдущего изложения, которое не приведено нами, и потому мы не анализируем функции союза *а* в начале примера. Однако значение и функции союза *а* в двух других случаях (а свободъ...; а на имоволозьскомъ погосте...) достаточно четкие: союз *а* стоит в начале самостоятельного простого предложения и, устанавливая связь с предыдущим предложением, в то же время отграничивает от него.

Во втором примере союз *и* стоит тоже перед простым предложением и указывает на последовательность действий во времени (сначала *се прикха...*, а затем *дахомъ...*), из которых

[39] И. А. Попова. Значения и функции союза *а* в древнерусском языке. «Научный бюллетень ЛГУ», № 2, 1945; ее же. Значение и функции союза *и* в древнерусском языке. Тезисы докладов по секции филологических наук ЛГУ (научная сессия 16—30 ноября 1945 г.). Изд. ЛГУ, 1945.

второе является результатом первого. Связь простых предложений во втором примере поэтому более тесная, поскольку второе предложение по своему содержанию связано с первым. В первом же примере каждое из предложений в такой мере самостоятельно не только по форме, но и по содержанию, что не нуждается как в предыдущем, так и в последующем простом предложении с *а*.

Что касается третьего примера, то в нем предложения с *да* присоединяются одно к другому без наличия какой-либо зависимости. Именно к этим предложениям особенно подходит термин «нанизывание»[40].

В памятниках преимущественно деловой письменности находим и предложения, начинающиеся словом *также* и содержащие текст, сходный с текстом предыдущего предложения. Слово *также* не связывает два предложения как части одного целого, а начинает самостоятельное целое[41], в то же время указывая на близость данного предложения по его содержанию к предыдущему. Для придания слову *также* большей соединительной силы после него мог находиться союз *и*: а сну. моему. василью. в тои животъ в половину. и в ту треть земли. не ввъступатисѧ ни во цто же. *тако же и* доцеремъ м(оимъ) ѡгрофѳнѣ. и ѡксѣньи не въступатсѧ (Двин. данная гр. XV в. № 78).

Когда то или иное простое предложение нечему противопоставлять, не к чему присоединять, союз отсутствует. Это тоже является доказательством в пользу мнения об определенных функциях и значениях союзов *а* и *и* в начале предложения.

Так, например, в начале грамот, самых разнообразных по содержанию (договорных, духовных, купчих и др.), союз отсутствует (см., например, начало двинских купчих: Се купи...), может отсутствовать он и в конце грамот, если концовка содержит клятву или указание на то, где и когда грамота напи-

---

[40] См. сходный вывод Э. И. Коротаевой относительно *да* в памятниках второй половины XVII в.: «Наиболее отчетливо нанизывание представлено союзом *да*, так как он неизменно имеет присоединительное значение» («Союзное подчинение в русском литературном языке второй половины XVII столетия» — «Вестник ЛГУ», № 8, 1952, стр. 105).

[41] А. М. Пешковский говорит относительно *тоже*, *также* и ряда других слов в современном русском языке, что они приобрели союзный оттенок сравнительно недавно и сбиваются «еще то на наречие, то на вводное слово. Обладая еще малой, так сказать, союзной силой, они не могут сливать соединямых предложений в нечто целое и потому употребляются преимущественно после паузы, хотя в отдельных случаях могут создавать и сложные целые» («Русский синтаксис в научном освещении». Изд. 7. М., 1956, стр. 477). Таким образом, по мнению А. М. Пешковского, процесс превращения *также* и ряда других слов в союз, соединяющий части сложного предложения, не закончился и в современном русском языке.

сана: на томъ ти на всемь. х҃ъ цѣловати... (Нов. договорная гр. 1265 или 1264 г. № 2); Писано в великого государя всея Руси отчинѣ во Псковѣ... (Моск. гр. 1516 г.).

Если первое предложение в грамоте содержит приветствие, пожелание или указывает, от кого и к кому грамота, следующее за ним предложение, как правило, употребляется без союза, так как это предложение тоже нечему противопоставить, не к чему присоединить: поклоно w̃ мкова куму и другу максиму укупи ми кланмюсѧ wвса у wндреѧ (Нов. берест. гр. второй половины XIV в. № 271); w̃ максима ко десѧцѧномо дать мелеѧну .и. дежекъ накладо и вещи (Нов. берест. гр. второй половины XIV в. № 253)[42].

Несмотря на наличие нанизывания предложений, материал древнерусских памятников позволяет говорить о вполне сложившейся структуре двучленного сложносочиненного предложения с союзом. Эти предложения можно выделить из следующих друг за другом предложений с союзом в начале каждого из них.

§ 319. Показателем соединительной связи между частями сложносочиненного предложения выступают, как и в современном русском языке, союзы *и*, *да* (со значением *и*), *ни*.

Союз *и* может соединять как предложения, в которых говорится о событиях, происходящих одновременно (примеры под пунктом «а»), так и те, в которых сообщается о событиях, следующих одно за другим, причем второе может быть результатом первого («б»): а) а хлѣбъ ти поустити. *и* всѧкыи ти гость. пустити въ новъгородъ (Нов. договорная гр. 1317 г. № 14); і (ѧ оспо)динь коню зову *і* сьі осподинь коню не ѣдь (Нов. берест. гр. первой половины XV в. № 305)[43]; Дн҃ь весна красуѥтсѧ, wживлѧющи земноѥ ѥ̃ство, *и* горнии вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобьзують, *и* землѧ, сѣмѧна питающи, зеленую траву ражаѥть... (Слово Кир. Тур. XII в.)[44]; б) кнѧзь великыи андрѣи. и вьсь новгородъ. дали федороу михаиловицю. городъ стольныи пльсковъ. *и* wнъ ѥдъ хлѣбъ (Нов. договорная гр. 1304—1305 г. № 11); се жѧдъке послав: ѧбетника дова *и* пограбила мѧ въ братии долгъ (Нов. берест. гр. середины XII в. № 235); Изѧславь же Двдчь. и Изѧславъ Андрѣевичь. слышаша възвратившесѧ ихъ. *и* иде Изѧславъ в Вѧтичѣ. а Ѳндрѣевичь Изѧславъ. воротисѧ къ wцю своѥму Ростову (Лавр.

---

[42] Подробнее о начинательных союзах *а* и *и* см. в работе В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение», стр. 96—105.

[43] В грамоте ъ на месте *е*.

[44] Сложносочиненное предложение состоит из трех частей с одними тем же порядком слов в каждом из них: подлежащее — сказуемое (весна красуѥтсѧ; вѣтри... гобьзують; землѧ... ражаѥть).

лет.)[45]; И собрашася мало людей, *и* даша им мало утешения (Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г. список XVI в.).

Примеры с союзом *да*: онтане. послале. овдокиму. два клеща. *да*. щука. с василевы. рыбы. клещь послале (Нов. берест. гр. рубежа XIV—XV вв. № 169); а на дши были. люди. иванъ степановиѣ. нифонтъ. марковъ. петре. ивановъ. *да* всѧ лавра. церенцѣ. стго николъ. тутъ. были (Двин. духовная гр. XV в.№ 8).

В приведенных примерах союз *да* не столько соединяет части предложения, сколько присоединяет вторую часть к первой, что характерно и для современного русского языка[46].

В древнерусских памятниках находим и употребление *а* для соединения частей предложения. Бесспорных примеров такого употребления, не допускающих другого толкования союза *а* (как союза для сопоставления или противопоставления частей сложного предложения), сравнительно немного даже в древнейших памятниках. Отметим попутно, что и при однородных членах союз *а* со значением *и* встречается редко.

Приведем несколько примеров с союзом *а* соединительным: токѥ же зимы. посла великыи кнѧѣ Гєѡргии сна своѥго Всеволода на Мордву. *а* с ниѣ Федоръ Ꙗрослависѣ. и Рѧзаньскыи кнѧзи (Лавр. лет.); уныша бо градомъ забралы, *а* веселіе пониче (Слово о полку Игореве); Нъ уже Кнѧже Игорю, утрпѣ солнцю свѣтъ, *а* древо не бологомъ листвіе срони (там же).

Перед первым предложением (всегда отрицательным) *ни* не ставится, оно не начинает предложения (примеры с *ни* перед первым предложением составляют исключение): а в ту. мою. землю. внуку моему. кюрилу. не вступатисѧ. *ни* моимъ. братнимъ. дѣтемъ. игнатьевымъ. не вступатисѧ. в ту землю. ни в цѣ же (Двин. духовная гр. XV в. № 8); Роусиноу же не дати пересоуда ни въ Ризе, ни на Готьскомь березе, *ни* Немчичю.. платити пересоуда Смоленьске (Списки *D* и *E* Риж. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г. В списке *F*: ни Немчичю же).

§ 320. В сложносочиненных предложениях с противительной связью встречаем союзы *а*, *же*, *но* (*нъ*), *ано* (*анъ*), *ино* (*инъ*) и *да* (со значением *но*).

Союз *но* имел четкое противительное значение: А мыта не примышлѧти. *но* как из вѣка пошло (Волын. договорная гр. 1366 г.); не хожаше зѧть по невѣсту. *но* приводѧху вечер (Лавр. лет.), То ти было не серые волци, *но* приидоша погании татарове, проити хотят воюючи всю Рускую землю (Задонщина).

---

[45] Вторая часть сложносочиненного предложения — сложносочиненное предложение с союзом *а*, при помощи которого сопоставляются части этого предложения.

[46] См.: Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. 2, стр. 198.

При помощи союза *а*, наиболее распространенного из перечисленных выше союзов, соединяются части предложения как противопоставляемые, так и сопоставляемые (последнее встречается чаще).

Особенно отчетливым является противопоставление в тех случаях, когда противопоставляются сказуемые, являющиеся по своему лексическому значению антонимами, или сказуемые, из которых одно имеет при себе отрицание: а на которые грамоты свои грамоты даю, *а* на сію грамоту иные мои грамоты нѣт (Моск. жалованная гр. 1423 г.); бирель правъ *а* арановичь виноватъ (Смол. правая гр. 1284 г.); ѡтроци Свѣньлъжи изодѣлисѧ суть ѡружьемъ и портъı. *а* мы нази (Лавр. лет.).

В последних двух примерах противопоставляются не только сказуемые (правъ — виноватъ; изодѣлисѧ суть — нази), но и подлежащие (бирель — арановичь; ѡтроци Свѣньлъжи — мы).

Сопоставляться могут различные члены предложения, причем в отдельных случаях вторая часть предложения и сопоставляется с первой и присоединяется к ней (первый пример): коупилъ еси. робоу. плѣскове. *а* ныне мѧ въ томъ. ѧла кънѧгыни (Нов. берест. гр. XII в. № 109); тъбѣ ръже свъѧ снѧти *а* мнѣ наклады твоѥ дати (Нов. берест. гр. второй половины XIII в. № 142); възми. оу. кануниковыко. десѧть лосои .*а*. другую десѧть возми. оу данилки оу бѣшкова (Нов. берест. гр. середины XIV в.№ 186); кладете на мене. розрубъ. *а* ѧзъ у васъ. не живу (Двин. судная гр. XV в. № 87); чьстноѥ дрѣво. бесцѣньно ѥсть. *а* кованьѥ ѥго. злото и серебро и камѣньѥ. и жьнчюгъ... (Надпись 1161 г.); сѣдлаи, брате, свои бръзыи комони, *а* мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди (Слово о полку Игореве); Трупы татарскими поля насеяша, *а* кровию протекли рекы (Задонщина).

Как и союз *а*, союз *же* связывал части предложения противопоставляемые или сопоставляемые. Стоял он после первого слова второй части, как и в современном русском литературном языке: В сиѫ времена прииде Семиѡнъ пленѧа Фракию. *Греки*ѫ послаша по Печенѣги (Лавр. лет.); и понесоша ѩ в лодьи. ѡни *же* сѣдѧху в перегъбѣх. въ великихъ сустугахъ гордѧщесѧ (там же); Князь же, осердясь, многими людьми в тюрьму ево оттащили; *он же* в тюрьме юзниковъ бедных всех перебил и печь разломал (Житие протопопа Аввакума).

Союз *ано* (*анъ*), впоследствии вышедший из употребления в литературном русском языке[47], присоединял часть предложения, в которой говорилось о чем-либо неожиданном, не вытекающем из предыдущего изложения: въ (о)рде же быхъ 10 дни, *ано* пути нѣту никуды (Хожение Афанасия Никитина); а земли

[47] Находим его еще у А. С. Пушкина, И. А. Крылова, Н. А. Некрасова и других писателей XIX в.

подъ ними писано на 3 обжи, *ано* земли подъ ними на двѣ обжы (Переписная оброчная книга Деревской пятины около 1495 г.)[48]; и я притащился — *ано* и стены разорены моих храмин (Житие протопопа Аввакума).

Союз *ано* (*анъ*) мог иметь и четко выраженное противительное значение, без указанного выше оттенка: А чьи судьи на третиі не поѣдутъ или на кого третиі помолвитъ, *анъ* взятого не отдастъ; то правому отняти, а то ему не въ измѣну (Моск. договорная гр. 1368 г.).

Союз *ино*, тоже вышедшиі из употребления, в сложносочиненном предложении имел значение, близкое к *но* или *а*, о чем говорит, в частности, пример, где *ино* и *а* стоят как союзы равнозначные: Есть хоросанець Меликтучаръ бояринъ, *ино* у него рати двѣсте тысячь, *а* у Меликхана 100 тысячь, *а* у Харатхана 20 тысячь (Хожение Афанасия Никитина).

Да со значением *но* встречаем в древнейших русских памятниках в сложносочиненном предложении весьма редко. В памятниках поздних — XVI и особенно XVII в. — находим ряд случаев такого употребления (в частности, в Житии протопопа Аввакума): И рече ему царь: Язъ бы до вечера ихъ перетурчилъ, *да* есть у нихъ старецъ, а сказываютъ его святъ... (Хождение Трифона Коробейникова. 1593—1594 г. Список XVII в.)[49]; ...услышите: вы сынове, *да* отца вашего діавола есте сынове (Послание многословное. Сочинение инока Зиновия. По рукописи XVI в.); Грустко гораздо, *да* душе добро... (Житие протопопа Аввакума); там зима в те поры живет, *да* богъ грел и без платья! (там же).

§ 321. В предложениях с разделительной связью находим союзы *или*, *ли*, *любо*, *либо*, *то... то*.

Последниі из них *то... то* был весьма ограничен в употреблении.

В памятниках отмечен только один пример с повторяющимся *то* для обозначения последовательной смены действий или явлений: А Меликтучаръ сѣдитъ на 20 тмахъ; а бьется с кафары 20 лѣтъ есть, *то* его побиють, *то* онъ побиваеть ихъ многожды[50].

Из других разделительных союзов чаще всего употреблялся союз *или*. Приведем несколько примеров с этим и другими союзами (в числе примеров и случаи, когда сложносочиненное предложение входит в состав более сложного целого): а что ученилсѧ грабежь на волзѣ. или индѣ гдѣ кнжимъ лодьмъ михаиловымъ тфѣрьского. *или* товаръ поиманъ. *или* головы

---

[48] Пример из Картотеки Древнерусского словаря (Институт русского языка АН СССР).

[49] Этот и следующий пример — из Картотеки Древнерусского словаря (Институт русского языка АН СССР).

[50] И. И. Срезневскиі. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III, стр. 967.

побиты ѡ новгородцевъ. то все кнзь михаило ѡложилъ (Нов. договорная гр. 1372 г. № 17); Бъ того не дан, аче кого притча приметь, *ли* лодья ouразитсѧ, ли Роусьская, ли Немецьская... (Список *D* Риж. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); а кого бъ поставить кнѧзѧ а с тѣмъ мира подтвердить. *любо ли* землѧ без миpоу станеть (Нов. договорная гр. между 1189—1199 гг.)[51]; ...и иде ко отцу патріарху Констянтинополскому, дабы молитву сотворилъ о немъ к Богу, *ли* здравіе получит, *или* смерть бы пріиде (Рассказ о потурчившемся и раскаявшемся иерее. XVII в.)[52]; Зачѣмъ ты на пиру невеселъ сѣдишь... Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала *или* мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоеи *или* милые дѣти тебя изобидѣли (Повесть о горе и злочастии. XVII в. Список XVIII в.).

Из всех перечисленных разделительных союзов в современном русском литературном языке употребляется исключительно союз *или*, за которым закрепилось только одно значение — разделительное. В древнерусском языке этот союз имел еще ряд значений, особенно часто — значение союза *если* (в придаточном предложении условия), о чем мы говорим ниже, в следующей главе.

Сложноподчиненные предложения

§ 322. Наряду с бессоюзными сложными предложениями, в которых одна часть предложения определяла то или иное слово другой части (см. выше), в памятниках древнерусской письменности употреблялись и сложные предложения с придаточными о п р е д е л и т е л ь н ы м и.

Бессоюзные сложные предложения с определяющей частью сохранились только в говорах. Процесс замены бессоюзных сложных предложений сложными предложениями с придаточными определительными происходил равномерно, и первые лишь постепенно уступали место вторым, в которых относительные местоимения в начале придаточной части помогали установлению связи между определяемым и определяющим.

Постепенным являлся и процесс отбора союзных слов.

В памятниках в роли союзных слов выступали указательное местоимение *иже* — ѩже — ѥже и вопросительные местоимения *къто*, *чьто*, *которыи*, *кои*, *каковъ*, *чии*. Наконец, как и в современном русском языке, придаточное предложение могло быть присоединено к главному при помощи вопросительных наречий *къдѣ*, *куды*, *отъкуду*.

В грамотах нами отмечен лишь один случай с местоимением *иже* — ѩже — ѥже, которое согласуется с определяемым словом.

---

[51] В примере контаминация двух союзов — *любо* и *ли*.

[52] Этот и следующий пример — из Картотеки Древнерусского словаря (Институт русского языка АН СССР).

Этот случай в новгородской берестяной грамоте, которая написана лицом, прошедшим хорошую школу письма и бывшим, по-видимому, начитанным человеком. Под влиянием образцов книжного языка и было внесено автором чуждое живой русской речи местоимение *иже*: **ѥже** ми отьць даѧлъ и роди създаѧли. а то за нимь (Нов. берест. гр. XII в. № 9).

Предложение с **ѥже** стоит здесь не на втором месте, как это обычно (но не всегда) бывает при употреблении данного местоимения в древнерусских памятниках, а на первом, как при употреблении относительного местоимения *чьто*, характерного для памятников деловой письменности, в частности для новгородских берестяных грамот.

В других случаях в грамотах стоит **ѥже** или *оже* (является русской формой местоимения **ѥже**) без согласования с определяемым словом в результате превращения его в союз, присоединяющий не только определительное, но и дополнительное придаточное предложение. Из *а* и *оже* возникло в дальнейшем *аже*[53].

Как установила Е. С. Истрина в отношении Синодального списка 1-й Новгородской летописи, местоимение *иже* встречается почти исключительно в примерах с церковнославянской окраской (в религиозных отступлениях) или во вставных повестях[54].

Таким образом, предложения с *иже*, не будучи чужды русскому языку (об этом свидетельствует их употребление в русских оригинальных памятниках — в летописях, в Слове о полку Игореве и др.), принадлежали книжной, а не живой речи, в которой заменялись местоимениями *къто* и *чьто*, а затем и *которыи*.

В отношении западнорусских памятников Е. Ф. Карский также отмечает, что в них это местоимение уже не было фактом живого языка[55].

Местоимение *иже* употребляется еще в памятниках XVII в. (не в деловой письменности), но как элемент книжной речи, обусловленный содержанием произведения. Таковы, в частности, случаи с *иже* в Житии протопопа Аввакума, в переписке государей[56].

---

[53] См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.—Л., 1941. стр. 228.

[54] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 192.

[55] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 469.

[56] Н. А. Широкова. Относительное подчинение в русском литературном языке XVII века. «Ученые записки Казанского ун-та», т. 112, кн. 6. Сборник работ кафедры русского языка, 1952, стр. 95—96; А. И. Сумкина. К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв. «Труды Института языкознания», т. V, 1954, стр. 155.

Как правило, придаточное предложение с *иже* находится в постпозиции к главному предложению. Приведем несколько примеров, в которых местоимение согласовано в роде и числе с определяемым словом и стоит в падеже, которого требует управляющий глагол: и призри на цр҃квь сию, *юже* създахъ рабъ твой (1 Нов. лет.); повелѣ женамъ створити цѣ҃жь. *въ немь же* варѧть кисель (Лавр. лет.).

В деловой письменности самыми распространенными из придаточных определительных были придаточные с *чьто* и с *къто*.

Реже употреблялось местоимение *которыи*, хотя его находим уже в грамоте 1229 г. Широкое распространение придаточные с этим местоимением получили позже — в XVI и затем в XVII в. как в русских, так и в украинских и в белорусских памятниках.

Следует отметить, что еще в деловой письменности XVIII в., по подсчетам Г. М. Макарова, относительное слово *чьто*, хотя и оттеснено господствующим словом *которыи*, все же по своей употребительности стоит на втором месте[57].

Конструкция с *чьто*, бесспорно, проникла из народных говоров, где она имеет место и в настоящее время. Придаточные определительные с *что* употребляются и в современным русском литературном языке (значительно реже сравнительно с предложениями с *который*), причем относятся преимущественно к именам существительным неодушевленным.

Придаточные определительные с *что* (в форме *що*) характерны для современного украинского языка, употреблялись они и в старинном украинском языке, характерны и для современного белорусского языка (*что* в форме *што*) и для старинного белорусского языка.

Конструкции с *чьто* (*а чьто*, *и чьто*) отличались многообразием как в отношении формальных связей между частями предложений, так и в отношении употребления соотносительных слов, постановка которых характерна для первоначального этапа формирования сложноподчиненных предложений с *чьто* в придаточном определительном.

Придаточное с *чьто* находилось в препозиции к главному предложению, в главном предложении могло повторяться существительное придаточного предложения (с указательным местоимением при нем) или же вместо него стояло указательное местоимение (с подразумеваемым именем существительным или с обобщающим значением).

Замена во второй части сложного предложения имени существительного указательным местоимением способствовала более

[57] Г. М. Макаров. Сложноподчиненные предложения с придаточными определительными в деловой речи начала XVIII столетия (Определительные придаточные с относительными местоимениями «Писем и бумаг Петра Великого»). Автореферат канд. дисс. Сызрань, 1956, стр. 6.

тесной связи частей сложного предложения, потере известной самостоятельности препозитивного придаточного предложения.

Придаточное с *чьто* определяло как имена существительные неодушевленные, так и имена существительные одушевленные.

Приведем несколько примеров с повторяющимся именем существительным и с местоимением при нем и с одним местоимением: а) *а цто.* есть. на бору. *колодѧзь.* солонои а *тъи. кълодѧзь.* федору. и лаврентѣю. и ѡбросиму истьцистити (Двин. закладная гр. XV в. № 99); *А что волости* за Княгинью за Ульяною, *исъ тыхъ волостии* по ее животѣ дѣти мои дадуть дчери ее Сурожикъ, село Лучиньское (Моск. духовная гр. 1356 г.); б) *А что* наши *Ординци* и *Дѣлюи*, а *тѣмъ* знати своя служба (Моск. договорная гр. 1362 г.); *А что* въ твоеи отчинѣ сѣдѣли мои *Волостели*, *тѣмъ* ны исправа учинити какъ и своимъ (Моск. договорная гр. 1389 г.); в) *а што пошлины* городь(с)к(ыи). во тфѣри. и въ новѣгородѣ. и в торъжьку. и въ волоцѣ. а *то* по давноп пошлинѣ (Нов. договорная гр. между 1294—1301 г. № 5).

Примеры, сходные с приведенными под пунктом «в», т. е. с местоимением, имеющим обобщающее значение, занимают в деловых памятниках видное место.

В памятниках деловой письменности мы находим и примеры, в которых существительное не повторяется и в которых нет и указательного местоимения, следовательно, части сложного предложения оказываются тесно связанными и без помощи лексических средств: *что* оу подоклити. *оленини.* выдаи. сторъжю. в цр҃къвь. (Нов. берест. гр. второй половины XIV в. № 275); *што* ѯси ѡдода *деревенеку* климецу ѡпарину а мы ѯго не хътимо (Нов. берест. гр. рубежа XIV—XV вв. № 311).

Во второй части здесь нет ни повторения определяемых слов *оленини*, *деревенеку*, ни указательных местоимений, что приводит к большей зависимости придаточного предложения от главного.

Переход от препозиции к постпозиции, широко распространенной в памятниках деловой письменности, способствовал окончательному закреплению зависимости придаточного предложения от главного (особенно после устранения из постпозитивного придаточного предложения повторяющегося имени), превращению *чьто* в союз. И постпозитивное придаточное предложение с *чьто* могло относиться как к неодушевленному, так и к одушевленному предмету: а села к новоугородоу. по фектистовѣ. грамотѣ. *что* на тфери докончалъ (Нов. договорная гр. 1314 г. № 12); а возми у григорпі полорубля *цто* сидору сулиль (Нов. берест. гр. второй половины XIV в. № 260); а взялъ передъ судьею. передъ кортомъ. *что* на кескои улици живеть (Пск. гр. между 1463—1465 г.); А по Отца нашего благословленью, *что* намъ приказалъ жити за одинъ, также

и язъ вамъ приказываю своей братьи жити за одинъ (Моск. духовная гр. 1353 г.); ...а нынѣ, господине, отець мої прислалъ ко мнѣ, отнимаеть у мене городы, *что* ми былъ далъ... (Ипат. лет.)[58].

Характерно, что повторение в определительном предложении определяемого имени (при нем могло стоять указательное местоимение) в тех случаях, когда определительное предложение находилось в постпозиции, встречалось редко. Очевидно, при постпозиции определительного предложения не было необходимости в лексических средствах для установления связи двух частей предложения. Ограничимся одним примером с повторением определяемого слова: а ободъ тои земли от усть Хмелева ручьѧ от Быковой рѣки по Хмелевому ручію в верхъ *до пути*, *что поут* идеть от манастырѧ в Каковичи... (Двин. вкладная гр. XV в. № 107).

Из придаточных предложений с *къто* господствуют придаточные препозитивные. При препозиции придаточного предложения определяемое слово обычно выражено указательным местоимением (стоит в именительном падеже или в косвенном падеже), на месте которого может стоять и личное местоимение 3-го лица, сохраняющее в этом случае свое указательное значение местоимения-прилагательного *тотъ* (в субстантивном употреблении): А *кто* привезлъ грамоту сию, *тому* вѣры имите (Нов. гр. между 1299—1307 г.); А *кто* сю грамоту порушить, судить *ему* Богъ (Моск. духовная гр. 1328 г.); *кто* из нее пь (пьеть. — *В. Б.*) *тому* на здоровье (Надпись до 1151 г.).

В то время как указательное местоимение, как правило, начинает собою вторую часть предложения, личное местоимение обычно стоит после управляющего им глагола (см. примеры выше).

В тех случаях, когда определяемым словом является имя существительное, в главном предложении, при препозиции придаточного, при этом существительном обычно (но не обязательно) стоит указательное местоимение. В придаточном предложении определяемое существительное может не называться, чем данные случаи отличаются от случаев с *чьто* (при *чьто* обязательно стоит имя существительное), но может быть и употреблено: а) *на кого* помолвить, *винсватый*[59] передъ правымъ поклонится, а взятое отъдастъ (Моск. договорная гр. 1368 г.); А *кто* не похочетъ въ тяглѣ быти: и *тѣмъ людемъ* лавки свои продать государевымъ тяглымъ людемъ (Уложение государя, царя и великого князя Алексея Михайло-

---

[58] Пример из работы: Р. В. Алимпиева. Сложноподчиненные предложения в Ипатьевском списке летописи. Автореферат канд. дисс. Куйбышев, 1953, стр. 5.

[59] *Виноватый* — субстантивированное имя прилагательное.

вича 1649 г.)[60]; б) а *кто* будеть *закладень* позоровалъ ко мнѣ. а жива в новъгородьскои волости. *тѣхъ всѣхъ* ѿступилъ сѧ есмь новугороду (Нов. договорная гр. между 1294—1301 г. № 4); а *хто* будеть подъ тѣмъ *сынъ* мой, ино *тому сыну* моему Княжъ Васильевъ удѣлъ (Моск. духовная гр. 1389 г.); а *кому* будеть жалоба *сиротамъ* на Волостели, и *тѣмъ людемъ* учинитъ исправу Княгини моя (там же).

Как видим из первого примера пункта «б», в главном предложении на месте существительного может стоять местоимение.

Следует отметить, что употребление *къто* при имени существительном особенно ясно говорит об определительном значении *къто*, о близости его к местоимению *которыи*. Сочетание с существительным местоимения *къто* со значением 'который' было вполне обычным и в XVII в., о чем свидетельствуют приведенные у Ф. И. Буслаева[61] и А. А. Потребни[62] примеры, а также наблюдения Н. А. Широковой[63].

Наряду с препозитивными придаточными предложениями в древнерусских памятниках значительное место занимали и постпозитивные придаточные предложения. Как правило, при определяемом существительном не стояло указательное местоимение (случаи с местоимением тоже встречаются), придаточное предложение могло раскрывать и значение указательного местоимения (последний пример): ино тоѳ пиво и медъ поимали наши *люди кому* былъ иване виноватъ (Пск. гр. 1463—1465 г.); и вы намъ отпишите (*съ*) симъ *человѣкомъ*, *хто* вамъ сию грамоту дасть (Полоцк. гр. второй половины XV в.); ведаютъ то *тѣ*, *на комъ* есме положили (Моск. договорная гр. 1368 г.).

Устойчивым являлось употребление придаточных предложений с *которыи* и именем существительным в препозиции к главному предложению. Такое выдвижение имени на первое место позволяло, как и в случаях с *чьто* и *къто*, сосредоточить на нем внимание[64].

Препозитивные предложения указанного типа в литературном русском языке вышли из употребления лишь в конце XVIII в. Они сохранились в современных русских диалектах[65] и упо-

[60] Пример из работы А. И. Сумкиной «К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв.», стр. 183.

[61] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, стр. 524—525.

[62] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. IV, стр. 215—216.

[63] И. А. Широкова. Указ. соч., стр. 92—93.

[64] См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т.I—II, стр. 203—204.

[65] См.: А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения, стр. 107—108. Эта конструкция широко представлена в русских пословицах. См. П. Глаголевский. Синтаксис языка русских пословиц, стр. 31.

требляются наряду с постпозитивными предложениями, очевидно, как архаические конструкции.

Среди препозитивных придаточных предложений с *который* при имени видное место занимают те, которым в главном предложении соответствует то же имя с указательным местоимением. Сложные предложения данного типа отличаются наименьшей степенью зависимости первой части от второй: а *который грамоты* буду подавалъ, а *тѣ* ми *грамоты* отоимати (Моск. договорная гр. 1362 г.); А *которыи Бояре* твои живуть в нашихъ удѣлѣхъ и в Великомь Княженьи, а *тѣ Бояре* с тобою (Моск. духовная гр. 1389 г.); а *на которомь подворьи* стоять Немци, или гость Немьцьскии, не поставити *на томь дворѣ* князю ни Татарина, ни иного которого посла (Риж. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); *Которые* у нас *подкопы* были отведены за город для их приступного времени, и *те* наши *подкопы* от множества их неизреченных сил не устояли — все обвалились, не удержала силы их земля и крепость азовская («Поэтическая» повесть об азовском осадном сидении в 1642 г.).

Уже в ранних памятниках (XIII—XIV вв.) были распространены конструкции без повторения имени, с указательным или личным местоимением: а *которыхъ треѥ дворць* въпросили ваша братьа посли. а *тѣхъ сѧ ѥсмы* ѡстоупили по своѥи воли (Нов. договорная гр. между 1257—1263 г.); *которые* похотятъ ваши *купци* ѣхати во государя нашего государства, и *они* ѣдутъ безо всякие зацѣпки (Нов. гр. 1516 г.); *Которыи Роусинъ*, или *Латинескыи* противоу сеѥ правды мълвить, *того* почьсти за лихии моужь (Готл. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.).

Постпозитивные придаточные предложения с *который* находим рядом с препозитивными, причем часто в одних и тех же памятниках. Случаи с повторением имени в постпозитивном придаточном предложении встречаются и в XVI и в XVII в. Имеются они и в памятниках XVIII в.[66]

Следует, однако, отметить, что примеры с повторяющимся именем в придаточном предложении, которое благодаря этому приобретает бо́льшую самостоятельность и менее связано с главным[67], ограничены. Приведем несколько примеров, из которых один встретился в новгородской берестяной грамоте: цълобитиѥ ... и ѿ *твоихъ хрестиѧно которыѥ хрестиѧни*. съ лова пришли за тебѧ захарка. да нестерке жили за ѡлексеѥ. за щукою

[66] См.: Г. И. Герасимов. Сложноподчиненное предложение в «Письмах и бумагах Петра I». Автореферат канд. дисс. Л., 1953, стр. 10—11; Г. Н. Акимова. Определительно-описательные предложения с относительным местоимением *который* (по материалам научной прозы М. В. Ломоносова). «Ученые записки ЛГУ», № 235. Серия филологических наук, вып. 38. Исследования по грамматике русского языка, I. 1958, стр. 97—98.

[67] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 338.

(Нов. берест. гр. первой половины XV в. № 310); а *исъ тыхъ селъ, которая* будеть за Княгинью за Марьею *села.* тѣ до ее живота (Моск. духовная гр. 1356 г.); но се Кии кнѧжаше в родѣ своѥмь. (и) приходившю ѥму ко цр҃ю. ꙗкоже сказають ꙗко велику честь прилалъ (есть) ѿ ц҃рѧ. *при которомь* приходивъ ц҃ри (Лавр. лет.)[68].

Значительно чаще в памятниках употребляется постпозитивное придаточное с *которыи* без повторяющегося имени, т. е. конструкция, ставшая впоследствии господствующей в русском литературном языке: и ѡнъ ѥще почѧлъ просити пива и меду. и мы поставили передъ иволтомъ тыхъ людеи. *котории* имали пиво и медъ за свои пенежки (Пск. гр. между 1463—1465 г.); Розлюбье на сторону: ѡтвѣречи, *которое* было межю Немци и Смолнѧны (Риж. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); а полочанъ поустиша, *которыхъ* изъимали с кн҃земь іхъ (1 Нов. лет.); В то же время родился сын мой Прокопей, *которой* сидит с матерью в земле закопан (Житие протопопа Аввакума).

Как мы отметили выше, длительное время сосуществовали различные конструкции с *которыи* с разной степенью связи придаточного и главного предложений. В русском литературном языке победила конструкция с четкой грамматической связью, не требующей дополнительных лексических средств, с постпозицией придаточного предложения, без повторения имени.

В отношении относительных слов *каковъ, къи* и *чии* ограничимся лишь краткими замечаниями.

Первое из этих слов не только в памятниках XVI в., но и в памятниках XVII в. в относительной функции отмечено единичными случаями. Нет еще в памятниках XVII в. и современного литературного *каковой*[69], являющегося в наше время признаком канцелярского стиля (в XIX в. это слово было стилистически нейтральным).

Однако уже в письмах и бумагах Петра Великого предложения с относительным словом *каков* уступают лишь примерам с местоимением *что* (разница в одном примере), а предложения с местоимением *каковой* представлены пока только четырьмя примерами[70].

Примеры с *къи*, сходные со случаями употребления *которыи*, отмечены в памятниках XV в. и позже. Приведем лишь предложение, в котором придаточное предложение стоит в постпозиции и не имеет повторяющегося имени: а на тъ послухи. ти

[68] Пример из работы: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 338.

[69] См.: Н. Л. Широкова. Указ. соч., стр. 94. Там же отмечено, что относительное местоимение *какой* крайне редко употребляется в языке XVII в.

[70] См.: Г. М. Макаров. Указ. соч., стр. 6.

же. *кои.* в закладнои. имены лежать. грамоти (Двин. дарственная гр. XV в. № 99).

В современном русском литературном языке союзное слово *кой*, характерное для языка XVIII и первой половины XIX в. в результате влияния официально-канцелярского стиля, употребляется лишь в целях стилизации. Оно придает речи книжно-архаический характер[71].

Придаточное предложение, присоединяемое к главному при помощи вопросительных наречий, всегда находится в постпозиции к главному. Таким образом, имеет место порядок следования частей сложного предложения, характерный и для современного русского языка: И суд(ь)я спросил Левы Колосова: скажи, брате, в Бож(ь)ю правду как то мѣсто зовутъ, *гдѣ* стоим? (Яросл. правая докладная гр. между 1495—1497 г.); Пречистые ради Богоматери, се язъ Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ пожаловалъ есми игумена с братьею Толсково деревнею Куколцинымъ и съ лѣсомъ и съ пожнями, *куды* топоръ ходилъ, *куды* коса ходила, съ пошлою землею, что къ ней изстарины тянуло (Яросл. жалованная гр. около 1400 г.)[72]; се повѣсти временьныѧ лѣѧ. ѿкуду есть пошла Русскаꙗ земѧ (Лавр. лет.).

Благодаря употреблению при определяемом существительном указательного местоимения (его постановка не была обязательной) в первом примере (*то место*) определительное значение придаточного предложения выявлено особенно четко.

Рассмотренные нами определительные предложения позволяют сделать вывод о разнообразии структур сложноподчиненных предложений и способов связи главного и придаточного в древнерусском языке, о наличии в нем как препозитивных, так и постпозитивных придаточных предложений с постепенным выдвижением на первый план этих последних.

Постпозиция придаточных определительных свидетельствует о большей зависимости придаточного от главного, более тесной связи обеих частей сложноподчиненного предложения. О более тесной связи говорит и устранение сочинительных союзов, которые употреблялись (не всегда) как средство соединения придаточного и главного предложений. Этот внешний признак связи оказался ненужным, когда придаточное предложение полностью утратило свою самостоятельность (хотя бы и весьма ограниченную) и составило с главным единое целое сложноподчиненное предложение с придаточным определительным.

§ 323. Дополнительные бессоюзные предложения занимают в древнерусских памятниках, как нами отмечено выше, сравнительно небольшое место.

---

[71] Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. 2, стр. 269.
[72] В примере имеется и определительное предложение с *что*.

Значительно шире представлены сложноподчиненные предложения с придаточным дополнительным.

Придаточное дополняет главное при наличии в главном сказуемого, выраженного глаголом восприятия, чувства, мышления, говорения, сообщения или словосочетанием со сходным значением, а также, в отдельных случаях (см. ниже пример из Послесловия писца Остромирова евангелия и пример из Новгородской берестяной гр. № 213), подлежащего — имени существительного с тем же значением.

Роль связующего звена между главным и придаточным предложением выполняют союзы, образовавшиеся из местоимений и наречий, а также местоимения и наречия в роли союзных слов.

Одним из таких союзов, не сохранившимся в русском литературном языке, являлся союз *оже* (а также *аже*; в старинных белорусских и украинских памятниках, кроме того, *иже* и *ижь*): А како услышить Волочьскыи тивоунъ, *ожо* гость Немечьскыи съ Смолнѧны приехалъ на волокъ, послати ему чл҃вка своего въ борзѣ къ Волочаномъ, ать перевезоуть Немецьскии гость и Смолнѧны с товаромь... (Риж. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); И ныне ѧ тому дивлюсѧ. *аже* твои намѣстьникъ слушаеть всѧкого чл҃вка слова (Смол. гр. между 1281—1297 г.); томоу ѥсмь радъ, *оже* вины моѥи нѣтоу (1 Нов. лет.); мы вѣдаѥ͡. *аже* того бра͡ твои не казалъ (Лавр. лет.); не вѣдалъ ѥсмь ѡже ѥсть холопъ (Русская Правда по списку 1282 г.).[73]

Не сохранился в русском литературном языке и другой союз, присоединявший дополнительное предложение, — союз ꙗко. Это наиболее распространенный в 1-й Новгородской[74] и в Лаврентьевской (в Повести временных лет)[75] летописях союз придаточных дополнительных, в том числе и вводящих косвенную или прямую речь, находим его и в других русских памятниках: Слава тебе г҃и цр҃ю нб҃сьныи. ꙗко съподоби мѧ написати Ев҃͡лие се (Послесловие писца Остр. ев.); и разоумѣ ꙗрославъ, ꙗко въ нощь велить сѣцисѧ (1 Нов. лет.); и ре͡, ꙗко не мыслилъ ѥсмь до пльсковичь грouба ничегоже (там же); увѣсть цр҃ь ꙗко мало нас єсть (Лавр. лет.); ѡнѣм же пришедшимъ. и повѣдаша Ст҃ополку. ꙗко створихо͡ повелѣнаѧ тобою (там же); то ити ѥмоу ротѣ. ꙗко не вѣдалъ ѥсмь (Русская Правда по списку 1282 г.)[76]

---

[73] Пример из работы: Е. Ф Карский. Русская Правда по древнейшему списку. Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава. Л., 1930, стр. 18.

[74] См.: Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, стр. 189.

[75] В. В. Назаретский. К истории сложноподчиненного предложения в древнерусском языке, вып. I. Енисейск, 1960, стр. 45—46.

[76] Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку, стр. 17.

В памятниках деловой письменности ѩко встречается крайне редко, по-видимому, его употребление было характерно для книжной речи[77].

Уже в древнейших памятниках придаточное дополнительное присоединяется к главному при помощи *чьто* вместо ѩко или ѡже: ... ино вы вѣдаете и сами, *что* в вашихъ земляхъ того берегутся (Нов. гр. 1516 г.); И ищея Микитка да въ ответчиково мѣсто старцево Олександрово Матфѣйко Микулин сказали, *что* им суд таков был, как в сем спискѣ писано (Яросл. правая докладная гр. между 1495 и 1497 г.); скажемъ *что* сѧ оудѣяло (Лавр. лет.); а увѣдалъ, *что* язъ не бесерменинъ, русинъ, и онъ молвитъ... (Хожение Афанасия Никитина); То мы и сами впрямь видим и ведаем, *что* есть столко силы его под нами... («Поэтическая» повесть об азовском осадном сидении в 1642 г.); Татара же сказаша, *что* «мы из графа Азова едем для звериного промыслу» («Сказочная» повесть об азовском взятии и осадном сидении в 1637 и 1642 гг.); Верный разумеет, *что* делается в земли нашей за нестроение церковное (Житие протопопа Аввакума).

Дополнительные придаточные предложения с *чьто* получили более широкое распространение с XV в. в деловой письменности, а с XVI в. — и в других памятниках письменности. В древнейших памятниках, в частности в летописях, представлены также дополнительные предложения с местоимениями *колико*, *къто*, *какыи*, *которыи* и с наречиями *како*, *кѫдѣ*, *куды*, ѿкуду в роли союзных слов: про местѧтк҃ѳ памѧть на радослава *како* ѿказало было на местѧтке. з҃. гривено (Нов. берест. гр. второй половины XIII в. № 213); и не съвѣдаемъ, ѿкоудсу соуть пришли (1 Нов. лет.) повѣжьте ны *колько* васъ (Лавр. лет.); мыслѧше *кдѣ* бы жити (там же)[78] и др.

Сходные случаи мы находим и в современном русском литературном языке.

Как и в современном русском языке, придаточные дополнительные стоят в постпозиции к главному предложению или в середине главного предложения (примеры с постановкой в середине предложения немногочисленны)[79].

[77] См. замечание С. П. Обнорского, что в Поучении Владимира Мономаха оба случая с ѩко в церковных цитатах («Очерки по истории русского литературного языка старшего периода», стр. 69. Там же, на стр. 119, союз ѩко назван болгарским союзом).

[78] См. еще ряд примеров из Лаврентьевской летописи в исследовании: Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, стр. 61. Примеры из различных памятников см. в труде: А. Н. Стеценко. Сложноподчиненные предложения в русском языке XIV—XVI вв.. Томск, 1960, стр. 229—251.

[79] В современном русском языке придаточное дополнительное может предшествовать главному в тех случаях, когда «требуется привлечь усиленное внимание к мысли, выраженной придаточным предложением» (Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. 2, стр. 291).

§ 324. Выше, в главе о бессоюзных предложениях, мы рассмотрели и те бессоюзные предложения, первая часть которых указывает на условие. Рядом с ними употреблялись и сложноподчиненные предложения условия.

Условная конструкция особенно широко представлена в сводах законов, в договорах, на что неоднократно указывалось исследователями памятников русской письменности (Е. Ф. Карским, С. П. Обнорским, Л. П. Якубинским и др.). Л. П. Якубинский совершенно справедливо отметил, что условная конструкция отнюдь не является второстепенным или случайным элементом изложения законов и договоров, а наоборот, важнейшим, основным структурным элементом изложения[80].

Таким образом, для выяснения вопроса о структуре сложного предложения с придаточным условия, об употребительности в древнерусских памятниках того или иного союза особенное значение имеют показания памятников деловой письменности.

Именно в памятниках деловой письменности господствующее место занимают придаточные условия с союзами *аже* и *оже*. Последний мы встречаем в тех же произведениях, в которых находим и *аже*, но круг памятников с *оже* более ограничен, чем с *аже*. Однако в отдельных памятниках (например, в Лаврентьевской летописи) *оже* употребляется чаще, чем *аже*.

Придаточное предложение условия, как правило, стоит в препозиции к главному предложению, т. е. сохраняется тот же порядок расположения обусловливающей и обусловленной частей, который характерен для бессоюзных предложений условия.

Во второй части сложного предложения может не быть соединительного или соотносительного союза. Таким образом, и без помощи союзов четко воспринималась связь частей предложения.

Из соединительных и соотносительных союзов господствует местоимение *то* в роли соотносительного союза.

Отметим попутно, что в современном русском языке из всех соединительных союзов (*и*, *а*, *да*) и соотносительных союзов (*ино*, *то*, *такъ*) сохранились в употреблении только *то* и *так* (в роли частицы для усиления противопоставления главного и придаточного предложений).

И союз *аже*, и союз *оже* рано вышли из употребления, причем, как можно судить на основании материала грамот, первый из них сохранял свои позиции еще в XV в., последний — до конца XIV в.

Этому не противоречит тот факт, что *аже* и *оже* находим в сводах законов и в некоторых других памятниках XV—XVI вв.,

---

[80] Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 295.

что отдельными примерами они представлены и в памятниках XVII в.[81]

Приведем несколько примеров с отмеченными союзами как с соединительными и соотносительными союзами, так и без них, как с препозицией, так и с постпозицией придаточного предложения: 1) *аже* возможеши пособлѧи мнѣ цимо (Нов. берест. гр. первой половины или середины XIV в. № 286); *Аже* кто холопа оударить, *то* гри҃на коунъ (Риж. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); *Аже* будетъ которая обида или завада межи кимъ на обѣ сторонѣ, *ино* знати истьцю истьца (Полоцк. договорная гр. 1407 г.); *Аже* кто оударить мечемь. не вынезъ ѥго или роукоѭтью. *то*. в҃і. гр҃вне продаже за обидоу (Русская Правда по списку 1282 г.); *аже* выбежать къ вамъ. *а* биите ихъ ѿтолѣ (1 Нов. лет.); *Аже* бы ты былъ, *то* была бы Чага по ногатѣ (Слово о полку Игореве); 2) ѡже не правѧть *то* кнѧзю швѧ и людемъ взѧти свѥ оу гости. ѡже тѧжа родитсѧ в новѣгородѣ (Нов. договорная гр. между 1189—1199 г.); *Оже* бьють волнового чл҃вка платити за голову і҃. гривенъ серебра (Риж. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); *Оже* придеть кръвавъ моуже на дворъ. или синь *то* видока ѥму не искати. нъ платити ѥмоу продажю. г҃. гр҃н (Русская Правда по списку 1282); *оже* мы... симъ не поможмъ, *тъ* си имоуть придатисѧ (1 Нов. лет.); ѡже ны буде҃ ту побѣда. иде҃ по ни҃ и луку морѧ (Лавр. лет.).

В придаточном предложении условия, как, в частности, можно видеть и из приведенных выше примеров, сказуемое обычно выражено глаголом в будущем времени, в главном — инфинитивом (может быть опущен), глаголом в будущем времени или повелительным наклонением глагола.

В примере из Слова о полку Игореве — ирреальное условное предложение (действие не осуществилось, так как не осуществилось и условие), чем и вызвано употребление глагола в форме условного наклонения.

Сравнительно редко в памятниках древнерусской письменности представлены сложноподчиненные предложения с ѥже и *иже*: А ѥже жена въручетьсѧ сѣдѣти по моужи. а ростерѧкть добытокъ. и поидеть за моужь. *то* платити ѥи вьсе дѣтемъ (Русская Правда по списку 1282 г. В других списках *аже*, *аще* или *иже*); А *иже* иметь Роусинъ Немчича у своее жены,... за соромъ і҃. гр҃внъ серебра (Список *D* Риж. ред. Смоленской торговой договорной гр. 1229 г. В списке *E* той же редакции *Аже*).

---

[81] См.: Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.—Л., 1941, стр. 78 и 81—82.

В отношении *оже* автор говорит, что в середине XVII в. этот союз употреблялся в застывших формулах делового языка совместно с *будет* (оже будетъ такъ...), в которых союзом является *будет* (или *буде*).

На основе *кже*, путем присоединения к нему *ли* (*ли* могло стоять и после других союзов условия), возник в дальнейшем (по данным памятников, — в XVII в.)[82] союз *ежели*, получивший широкое распространение в первой половине XVIII в.[83] Связь *ежели* со староболгарским *кже* была утрачена, и союз *ежели* воспринимался как живая русская форма.

В настоящее время союз *ежели* рассматривается как элемент просторечия, употребляемый в художественной литературе лишь с определенным стилистическим заданием.

Ограниченным было и употребление союза *аче*. Его мы находим в Русской Правде по списку 1282 г. (рядом с *аже* и *оже*)[84], несколько примеров — в грамотах: *аче* боудеть соудъ. кнѧзю новгороцкъму новѣгородѣ. или нѣмецкъму в нѣмчьхъ. *а* в томь мироу ити гостю домовь. бес пакости (Нов. договорная гр. между 1189—1199 г.); *аче* боудеть коневыи тать. *а* выдати кнѧзю на потокъ (Русская Правда по списку 1282 г.).

В памятниках XIV в. союза *аче* мы уже не встречаем.

Широко представлено употребление в древнерусской письменности союза *аще*, староболгарского по происхождению.

По справедливому замечанию Б. В. Лаврова[85], он господствовал в памятниках высоких литературных стилей (церковной проповеди, житийной литературе, летописях, в паломнической и полемической литературе) и употреблялся еще в начале XVIII в. Некоторые ранние грамоты (в том числе Риж. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.) знают этот союз, что может быть объяснено определенными стилистическими задачами — придать бо́льшую торжественность, приподнятость официальному канцелярскому слогу. Приведем примеры с союзом *аще*: *Аще* кто деревомь оударить чл҃вка до кръви, полоуторы грв҃ны серебра (Риж. ред. Смоленской торговой договорной гр. 1229 г.); *аще* сѧ вьвадить волкь в ѡвцѣ. *то* выносить все стадо. *аще* не оубьють є҃го (Лавр. лет.).

Союз *коли*, широко представленный в придаточных предложениях времени, был сначала весьма ограничен в употреблении в качестве союза условия.

Более четко значение условия при наличии соотносительного союза *ино*, менее ясно — при отсутствии союза и особенно — при употреблении союза *и*, так как к значению условия присоединяется и значение связи действий во времени: ...*коли* промежи насъ единанья не будеть, *ино* намь Рижене слюбили

---

[82] Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 86.

[83] Там же, стр. 88.

[84] См.: Е. Ф. Карский. Русская правда по древнейшему списку, стр. 18.

[85] Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 52. См. также: Э. И. Коротаева. Условное предложение. «Ученые записки ЛГУ», № 180. Серия филологических наук, вып. 21. Исследования по грамматике, 1955, стр. 295.

опять тыи товары поставити в Полоцьку, какъ у листу записано (Полоцк. договорная гр. 1478 г.); А *коли* братьи кнѧжа поидуть на короля. кнѧзю дмитрию братьи не помагати (Волын. договорная гр. 1366 г.); А *коли* срокъ отпишутъ обѣма исцемъ вместѣ, *и* ему взяти одно хоженое съ обѣихъ сторонъ (Судебник 1497 г.)[86].

Пример из Полоцкой грамоты и пример из Волынской грамоты говорят о том, что *коли* в роли условного союза был известен и тем диалектам, которые легли в основу белорусского и украинского языков.

В западнорусских памятниках и в живой белорусской речи придаточное с *коли* — «самый распространенный способ выражения условных предложений»[87].

В древнерусском языке *коли*, по-видимому, занимало среди условных союзов более заметное место, чем об этом можно судить на основании показаний памятников. Основанием для такого вывода служат примеры с *коли* в старинных сборниках пословиц XVII в.[88], сохранивших в ряде случаев глубокую старину, и данные современного фольклора, а также разговорной диалектной речи.

В XVII в. *коли* распространяется шире[89]. Его мы находим преимущественно в произведениях, язык которых близок к разговорной речи. В дальнейшем *коли* «входит в различные жанры с некоторым колоритом просторечия»[90].

Выше мы отметили, что частица *ли* могла быть при том или ином союзе, что, будучи присоединена к ѥже, она явилась составной частью нового союза — ѥжели.

Вопросительная частица могла быть и сама выразителем условного значения, вошла она и в состав других условных союзов, кроме упомянутого ѥжели, присоединившись к союзам *и*, *а*, *но*: *или*, *али*, *ноли*.

Ни частица *ли* в роли союза, ни условные союзы *или*, *али*, *ноли* (последние два употреблялись крайне редко) не сохранились в русском литературном языке.

Частица *ли*, отмеченная преимущественно в деловой письменности, никогда не начинает обусловливающей части предложения, а всегда стоит после первого слова в этой части (при этом слове может находиться отрицание).

Во всех случаях с *ли* сложные предложения и при устранении *ли* сохраняют свое условное значение, что, впрочем, возможно и при устранении союзов *аже*, *оже* и других.

[86] Пример из работы: Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 91.
[87] Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 496.
[88] См. примеры в работе: Э. И. Коротаева. Указ. соч., стр. 330.
[89] См.: Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 94; Э. И. Коротаева. Указ. соч., стр. 331.
[90] Э. И. Коротаева. Указ. соч., стр. 331.

Оба этих обстоятельства позволяют считать *ли* частицей лишь усиливающей условное значение первой части сложного предложения.

Чаще всего частицу *ли* находим после глагола, но она может стоять и после других частей речи, в частности после наречия *паки*, благодаря чему последнее, как отмечает А. А. Потебня[91], получает условно-противительное значение (см. последний пример): кто*ли*, черезъ мою грамоту, что у нихъ возметъ, *и* язъ князь Великій кажню, занеже ми люди тѣ надобны (Моск. жалованная гр. между 1328—1340 г.); не боудет*ли* пороукы, *то* лзѣ и въ железа въсадити (Риж. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.); познакт *ли* надолзѣ оу кого купивъ. *то* свок коуны възметь (Русская Правда по списку 1282 г.); аже кто оумираѫ роздѣлить домъ. на томь же стоѫти. паки *ли* без рѧдоу оумреть. *тъ* все дѣтемъ (там же).

Союз *или* широко употреблялся в грамотах, реже в других памятниках древнерусской письменности: *или* того. не въслоушакть. *а* нѣчто. мѣншек. дадите ки (Нов. духовное завещание до 1270 г.); *или* мы пойдемь на нихъ, *и* тобѣ съ нами съ одиного пойти на нихъ (Моск. договорная гр. 1368 г.); *Или* Немечьскыи гость извинитсѧ Смоленьске, не лзѣ его въверечи въ погребъ (Риж. ред. Смол. торговой договорной гр. 1229 г.).

Только в конце XVII в. закрепляется в русской письменности союз *если*, занявший впоследствии господствующее место в русском литературном языке. Возник он из глагола *есть* и частицы *ли*. Предложения с этим сочетанием, как показал Б. В. Лавров, прошли путь от вопросительных (через промежуточную стадию — предложения, выражающие разделительность) к условным. «На ранних этапах развития связь условных с вопросительными несомненна, и обычное употребление *есть ли* в вопросе выдвигало его на роль подчинительного союза условных предложений»[92]. *Если* не был единственным союзом условия, образовавшимся из глагольной формы. Союз *буде*, получивший широкое распространение в памятниках деловой письменности XVII в.[93], возник из глагольной формы *будеть*.

Глагол *будеть* теряет согласование в числе со словами, к которым он относится, употребляется в единственном числе, в то время как причастие на *-лъ* стоит во множественном числе, будучи верно согласовано с теми же словами. Таким образом, форма *будеть*, по верному замечанию А. А. Потебни, перестает быть знаком предикативности этого причастия, в нем «пере-

---

[91] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 476—477.

[92] Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 65.

[93] Там же, стр. 49—50; Э. И. Коротаева. Указ. соч., стр. 300—308.

стает чувствоваться глагольность (подобно тому как при слове *если* мы уже не думаем о *есть ли*)»[94].

Особенно заметна потеря глагольности вспомогательным глаголом *будеть*, когда *будеть* употреблено рядом с другим глаголом, имеющим знаменательное значение (второй пример): И чего *будетъ* того тавару Маистръ, и Арцыбискупъ, и Бискупъ Юрьевскій и всѣ Бискупы и ихъ люди, по тѣмъ перемирнымъ грамотамъ въ тѣ годы Ноугородцомъ неотдали; *и* тѣмъ дѣломъ всѣмъ, великого Государя намѣстникомъ Ноугородцкимъ обослався съ Маистромъ, и съ Арцыбискупомъ, и съ Бискупы, учинити срокъ на съѣзде (Нов. договорная гр. 1521 г.); и *буде* захотите за него окупу помѣрно, *и* вы бъ его прислали в Дубу мызу, и мы за него откупъ заплотимъ часа того (Моск. гр. 1578 г.).

Достоверные примеры употребления *будеть* не в качестве глагола, а в роли союза относятся к XVI в.

В XVIII в. союз *буде* употребляется не как нейтральный в стилистическом отношении союз условия, а как присущий просторечию.

Значительно реже в памятниках письменности XV—XVII вв. встречается наречие *только* в роли союза условного предложения. Находим его в деловой письменности, однако он не был чужд живой русской речи не только в отмеченный период, но и в более раннее время. Об этом свидетельствует его употребление в частном письме рубежа XIV—XV вв. — в Новгородской берестяной грамоте № 129: *только* поцьне продавать тобѣ *и* тъ у ки купи.

Наречие *только* имеет здесь значение *если только*. За выполнением условия должно сразу же последовать действие, названное в главном предложении.

Памятники XVII в. дают примеры употребления в качестве союзов условных предложений союзов временны́х предложений (без частицы *бы* и с частицей *бы*, наличие которой более четко отграничивало условное значение от временно́го): *къгда* (*бы*), *кгда* (*бы*), *как* (*какъ бы*, *кабы*). Эти союзы в качестве условных вошли в литературный язык, когда в нем уже бытовал (в определенных жанрах литературы) в роли союза условия союз времени *коли* (см. выше).

Союз *кгда* стал принадлежностью литературно-книжных памятников, *какъ* употреблялся в деловой письменности, в языке фольклора, *къгда* — преимущественно в художественной литературе[95].

---

[94] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 293.

[95] См.: Э. И. Коротаева. Указ. соч., стр. 326—328.

Союз *кгда* (*бы*) не сохранился в составе русского литературного языка. *Как* и *кабы* находим в живой русской диалектной речи, в пословицах, поговорках[96].

Союз *къгда* получил широкое распространение в Петровскую эпоху[97]. В современном русском литературном языке это единственный из временны́х союзов, употребляющийся без стилистической окраски в качестве союза условного предложения.

Как можно было видеть из предыдущего изложения, в русском языке в течение ряда веков происходил отбор союзов и союзных слов, выступающих в роли подчинительных союзов условного предложения. Устранялись из языка одни союзы, возникали новые.

Из утвердившегося в языке небольшого числа союзов некоторые (*ежели*, *буде*, *коли*, *как*, *кабы*) употребляются лишь с определенными стилистическими целями. Господствующее положение занимают в литературном языке имеющие сравнительно непродолжительную историю союзы *если* и *когда*.

В связи с развитием подчинительной связи была устранена необходимость в употреблении соединительных союзов *и*, *а* между частями сложноподчиненного предложения, возникли и более широкие возможности размещения частей сложноподчиненного предложения.

§ 325. Древнерусский литературный язык располагал большим числом союзов, присоединявших придаточное предложение времени к главному. Употребление того или иного союза зависело не только от его значения, но, при синонимичности отдельных союзов, и от жанра литературы.

Союзы *кгда*, *ꙗко*, *донелѣже*, *доньдеже* характерны преимущественно для сочинений книжного характера, союзы *како*, *коли*, *къгда*, *доколѣ*, *покамѣстъ* встречаются главным образом в произведениях, язык которых близок к разговорной речи.

Союз *къгда*, господствующий в русском языке с XVII в. временно́й союз, не был прикреплен к определенному жанру, но и не был распространен в древнерусском языке.

Единичные примеры с *къгда* встречаем в летописях: *къгда* бо҃ше брани быти на поганыѭ, тъгда сѧ начаша бити межи собою (1 Нов. лет.); ре҃ же имъ Ѡльга. ꙗко азъ мьстіла оуже wбиду мужа своего. *когда* придоша Киѣву. второе и третьее. *когда* творихъ трызну мужеви своему (Лавр. лет. В Ипат. лет. при втором *когда* стоит *еже*: еже когда); епⷭ҇па оублюде Бъ҃ wѣха прочь в тои го҃. когѧ рать wстꙋпила градъ (там же)[98].

---

[96] Союз *каб*, как отмечает Е. Ф. Карский, распространен в условных предложениях в живой белорусской речи («Белорусы. Язык белорусского народа», вып. 2—3, стр. 497).

[97] См.: Б. В. Лавров. Указ. соч., стр. 102.

[98] В этом примере придаточное с *когда* определяет в главном слова *в тои го҃* путем указания на событие.

Значительно чаще встречается *къгда* в памятниках XVI в., а в XVII в. он употребляется в произведениях различных стилей, в том числе и в памятниках устного творчества. В конце XVII в. это один из наиболее употребительных временны́х союзов[99].

Сложноподчиненные предложения с *ѥгда*, *ꙗко*, *донелѣже* и *доньдеже* находим еще в литературном языке XVII в., но все эти союзы принадлежат высоким стилям литературы.

Ѥгда и *ꙗко* с общим временны́м значением присоединяли придаточное предложение, стоящее как в препозиции к главному (эти случаи господствуют), так и в постпозиции и в середине главного предложения. Действие, названное в главном предложении, совершается или одновременно с действием придаточного предложения, или после него. В качестве соотносительного слова, если оно употреблено, обычно выступает при *ѥгда* наречие *тъгда*, при *ꙗко* — союз *и*: и *ꙗко* быша на озѣре Серегери, престависѧ... Мартоурии (1 Нов. лет.); и *ѧко* быша на рѣче на Омовыжи нѣмьци, *и* ту обломишасѧ (там же); *ꙗко* соспоша. *и* повелѣ трызну творити (Лавр. лет.); и повелѣ Ольга. *ꙗко* смерчесѧ пустити голуби и воробьи воѥмъ своимъ (там же); *ѥгда* сѧ начаху каꙗти *и* помиловашеть и (там же); правда оуставлена роускои земли. *егда* сѧ съвокоупилъ изѧславъ всеволодъ свѧтославъ... (Краткая редакция Русской Правды); *егда* глаголеши ко мнѣ *тогда* взираю и обумираю... (Моление Даниила Заточника).

Придаточные предложения с *донелѣже* и *доньдеже* (со значением *пока*), обозначающие предел действия главного предложения, находятся в постпозиции к главному предложению (крайне редко — в препозиции; так же редко — в середине главного предложения — см. первый пример): и ты игоумене исаиѥ. и вы братиѣ. *донѥлѣже* сѧ миръ състоить. молите ба̀ за мѧ и за моѣ дѣти (Мстисл. гр.); ... створити любовь.... на всѧ лѣта. *дондеже* съѥть сл҃нце и весь миръ стоить (Лавр. лет.).

Союзы *како* и *коли* особенно широко были распространены в деловой письменности, реже встречались они в других древнерусских памятниках. Первое место занимают придаточные с *коли*. Следует отметить, что *коли*, не будучи сначала ограниченным определенным жанром литературы, с XVII в. употребляется лишь в произведениях, язык которых близок к живой разго-

---

[99] См.: Э. И. Коротаева. Временное сложноподчиненное предложение. «Вестник ЛГУ», № 6, 1953, стр. 68—70; Е. Л. Скаржинская. К истории употребления сложноподчиненных предложений с временными придаточными с союзом *когда* (на материалах памятников русской светской письменности XI—начала XVIII в.) «Ученые записки Московского гос. пед. ин-та», т. CXXXII. Кафедра русского языка, вып. 8, 1958, стр. 265—268.

ворной речи[100]. В белорусском языке, как старом, так и современном, *коли* является наиболее употребительным союзом в придаточных предложениях времени[101]. То же следует сказать и относительно *коли* в украинском языке[102].

В современных русских говорах (как в разговорной речи, так и в фольклоре) союз *коли* широко распространен.

В древнерусском языке господствует препозиция придаточного предложения с *коли*, но уже в древнейших памятниках (в частности, в грамоте Мстислава около 1130 г.) находим постпозицию придаточного предложения. Характерно, что и в современных русских говорах, особенно в произведениях устного творчества, чаще встречается препозиция придаточного с *коли*, как об этом свидетельствуют примеры, приведенные А. Б. Шапиро в его исследовании о синтаксисе русских народных говоров[103].

Во всех случаях с препозицией придаточного предложения отчетливым является временно́е, а не условное значение *коли* (особенно при употреблении в главном соотносительного слова *тъгда*). Даже и тогда, когда оба эти значения близки друг к другу, первое из них — главное, основное. При постпозиции придаточного предложения *коли* имеет только значение времени, к нему не присоединяется значение условия. Следует отметить, что употребление *коли* со значением временны́м не было ограничено одной какой-либо местностью, а было распространено на всей территории, занятой восточнославянскими народами. Для большинства сложноподчиненных предложений с *коли* характерна одновременность действия главного предложения с действием придаточного. Действие придаточного предложения может и предшествовать действию главного предложения (примеры под пунктом «б»): а) а *коли* кнѧже поѣдешь въ новгородъ. *тъгда* тобѣ даръ ѣмати по постоянномъ. а *коли* поѣдешь из новагорода. *тъгда* даръ не надобѣ (Нов. договорная гр. 1304—1305 г. № 10); *Коли* Игорь соколомъ полетѣ, *тогда* Влуръ влъкомъ потече (Слово о полку Игореве); б) а *коли* товаръ. на станоу станеть. ѿступи прочь. а рукою не приимаи (Полоцк.

---

[100] См.: Э. И. Коротаева. Временное сложноподчиненное предложение, стр. 71; Е. Л. Скаржинская. Сложноподчиненные предложения с временными придаточными с союзом «коли» (на материале памятников русской светской письменности XII—XVII вв.). «Ученые записки Московского гос. пед. ин-та», Русский язык. Статьи и исследования. М., 1960, стр. 390.

[101] См.: Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 483.

[102] См.: Л. А. Булаховский. З історичних коментаріїв до української мови. Сполучники і сполучні групи (речéння). Синтаксичні особливості при них. «Наукові записки Київського ун-ту», т. V, вып. 2, 1946, стр. 47.

[103] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения, стр. 98—99.

торговая договорная гр. около 1330 г.); *коли* пожреть синиця орла *коли* каменіе въсплавлет по водѣ и *коли* иметь свиніа на бѣлку лаяти *тогды* безумныи уму научится (Моление Даниила Заточника).¶

Интересен пример из грамоты Мстислава около 1130 г. с постпозитивным придаточным предложением. Происходит одновременно действие главного, выраженное зависимым инфинитивом *бити*, а не глаголом-сказуемым *велѣлъ ѥсмь*, и глаголом-сказуемым в форме настоящего времени в придаточном предложении. Здесь указывается действие, повторяющееся при наличии другого повторяющегося действия: велѣлъ ѥсмь бити въ нѥ на wбѣдѣ *коли* игоуменъ wбѣдаѥть (Мстисл. гр.).

В сложных предложениях с препозицией придаточного предложения, в тех случаях, когда нет соотносительного слова *тъгда*, в главном может стоять союз *и* или *а*, причем первый из них способствует подчеркиванию результата, следствия, вывода: А коли намъ взяти на своихъ Боярехъ на путныхъ, *и* тобѣ взяти на своихъ Боярехъ на десяти (Моск. договорная гр. 1389 г.).

Однако и без помощи союзов подчинительная связь представлялась отчетливой, поэтому примеры без союза встречаем уже в древнейших русских памятниках.

Временны́е предложения с *како* занимали видное место в памятниках деловой письменности XIV—XV вв. О широком распространении придаточных с *како* в живой разговорной речи говорит тот факт, что сложноподчиненные предложения с *како* встретились в двух новгородских берестяных грамотах. Одна из них принадлежит самому раннему периоду русской письменности — XI в., другая — XIV в.: *како* ты оу мене и чьстьное дрѣво възъмь и вевериць ми не присълещи *то* девѧтое лето (Нов. берест. гр. XI в. № 246); *како* приде. сѧ. грамота. *тако* пришли ми. цоловѣкъ. на жерепцѣ зане ми здѣсе. дѣлъ. много (Нов. берест. гр. XIV в. № 43).

В письменном языке XVII в. *како* во временно́м сложном предложении имело широкое распространение, при этом не только в деловой письменности, но и в устных поэтических произведениях, а также в качестве элемента живой разговорной речи и в художественной литературе[104].

---

[104] См. Э. И. Коротаева. Временное сложноподчиненное предложение, стр. 64. По наблюдениям Е. Л. Скаржинской, союз *како* в отдельных произведениях XVII в. по частоте употребления занимает преимущественно или первое, или второе место («К истории употребления сложноподчиненных предложений с временными придаточными с союзом *когда*», стр. 266—267). См. также: В. А. Каламина. Из истории сложноподчиненного предложения с временным союзом «как» (XVII—XVIII вв.). «Ученые записки Туркменского ун-та», вып. XVII, 1960. Автор отмечает, что союз *как* становится в XVII в. самым употребительным, основным среди временны́х союзов (стр. 97).

В древнерусских памятниках господствуют случаи с препозицией придаточного предложения, однако имеет место и его постпозиция, а также и включение в середину главного предложения.

Части сложного предложения с *како* чаще употреблялись без соотносительного слова в главном. Встречаем и постановку наречия *тако* (см. выше пример из берестяной грамоты) и соединительного союза *и* (для выражения следствия, результата), соотносительного союза *ино* (с тем же значением), соединительного союза *а* (со значением результата и одновременно сопоставления).

Предложения с *како* благодаря определенному соотношению видо-временны́х форм глагола могли обозначать или последовательные действия, или (крайне редко) одновременные действия.

Последовательность действий выражена обычно употреблением в придаточном и главном глаголов совершенного вида (в прошедшем или будущем времени): а *како* пошла рать. *и* ѡтъ ѿкхалъ. городъ повьргѫ. (Нов. договорная гр. 1304—1305 г. № 11).

Случаи, когда придаточное и главное обозначают (преимущественно путем постановки в настоящем или прошедшем времени глаголов несовершенного вида) одновременность действия, находим в памятниках позднего времени: Нечево старова поминать: меня не слушала, *как* я говорил; а после пеняешь мне (Письмо протопопа Аввакума к боярыне Ф. П. Морозовой и княгине Е. П. Урусовой)[105].

В памятниках деловой письменности (редко в других памятниках) для обозначения предела действия, названного в главном предложении, т. е. с тем же значением, которое характерно для союзов *донелѣже* и *доньдеже* (см. выше), употреблялись союзы *доколѣ* и *покамѣстъ*. Последний со значением времени (этот союз мог обозначать и ограничение в пространстве) в древнейших памятниках встречается весьма редко. Он широко представлен в письменности XVII в., которой известен и образовавшийся из него новый союз *пока* [106].

Придаточное с *доколѣ*, как правило, стоит в постпозиции к главному предложению: ... и вашимъ купцомъ во государя нашего государства ѣздити не велѣлъ дотоле, *доколе* то поветрее минулося (Нов. гр. 1516 г.).

Обзор сложноподчиненного предложения времени позволяет сделать вывод не только о постепенном отборе союзов, отказе от типично книжных союзов. В процессе развития этого вида предложений закрепляются те или иные сочетания видо-временны́х форм глагола для выражения последовательности во вре-

---

[105] Пример из работы Э. И. Коротаевой «Временное сложноподчиненное предложение», стр. 86.

[106] Там же, стр. 76—77.

мени, одновременности действия придаточного и главного предложений.

§ 326. Древнерусский язык располагал всеми теми союзными словами, присоединяющими к главному предложению придаточные предложения места, которые имеются и в современном русском языке: *къдѣ*, *куды*, *отъкуду*.

Кроме того, в произведениях, отличающихся книжным характером языка, употреблялись наречия *идѣже* (со значением *где*) и *камо* (со значением *куда*). Первое отсутствует в деловой письменности, второе представлено единичными примерами.

Как и в современном русском языке, придаточное место могло находиться и в препозиции, и в постпозиции к главному предложению[107]. Уже в древнейших памятниках (XIII в.) находим случаи постановки соотносительных слов *ту*, *тамо* при препозиции придаточного. В современном русском языке, в котором господствуют случаи с соотносительными словами, соотносительное слово может быть употреблено и при постпозиции (чаще) и при препозиции придаточного предложения.

Приведем примеры с препозицией и с постпозицией придаточного предложения, в том числе и с соотносительными словами: а) а *гдѣ* сѧ тѫжѧ родить *тоу* ю кончати (Нов. договорная гр. между 1257—1263 г.); а *коуда* пошл(о) соудии твоему кздити. по вол(ост)и (Нов. договорная гр. 1265 или 1264 г. № 2); а гостѧ не приневолити. но *куда* хочеть *туды* поидеть (Волын. договорная гр. 1366 г.); *каꙋ*, кнѧже, очима позриши ты, *таꙋ* мы главами своими вьржемъ (1 Нов. лет.); поистинѣ *идѣже* лѧгу азъ. *ту* и ты положена будеши (Лавр. лет.); б) спиши списокъ с купнои грамотѣ да пришли сѣмо *куды* грамота поведе (Нов. берест. гр. второй половины XIV в. № 53); і новгородьци не вѣдѫхоу, *кдѣ* кнзь идеть (1 Нов. лет.); поиди, *камо* хочеши (там же); и не съвѣдаѭмъ, *ѿкоудоу* соуть пришли (там же.)

Пример из берестяной грамоты, язык которой близок к разговорному языку, свидетельствует о том, что в живой речи была распространена постановка соотносительного слова (в данном случае наречия *сѣмо* со значением *сюда*) и при постпозиции придаточного предложения.

---

[107] По наблюдениям В. З. Санникова, в памятниках XI—XIV вв. примеры с постпозицией придаточного предложения места преобладали над примерами с препозицией («Порядок размещения частей сложного предложения с придаточным места в древнерусском языке (на материале памятников XI—XIV вв.)». — Сб. «Исследования по лексикологии и грамматике русского языка», М., 1961, стр. 220; «Порядок размещения частей сложноподчиненного предложения в древнерусском языке (на материале памятников XI—XIV вв.)». — Сб. «Историческая грамматика и лексикология русского языка», М., 1962, стр. 108).

www.ruslang.ru

Включение в текст соотносительного слова способствовало более четкой связи главного и придаточного предложений, придаточное при употреблении соотносительного слова не столько поясняло глагол, сколько уточняло обстоятельство места — соотносительное слово.

§ 327. Большие изменения произошли в составе союзов придаточного предложения причины. Весьма распространенный в современном русском языке союз *так как* не был известен древнерусскому языку (появляется в конце XVIII в.). Лишь в памятниках деловой письменности конца XV в. находим союз *потому что* (в произведениях XVII в. он уже употребляется наряду с другими союзами в различных жанрах литературы).

Из союзов придаточных предложений причины, известных древнейшим памятникам русской письменности, сохранился в русском литературном языке только союз *ибо* (*и* + *бо*), а в украинском и белорусском языках (как в литературном, так и народном) общеславянский союз *бо*, являющийся в этих языках господствующим союзом причины [108].

Не сохранились союзы, которые употреблялись не только в придаточных причины: *ꙗко*, *ѡже*, *ꙗже*, *чьто*. Не вошли в состав современного русского литературного языка и союзы *зане*, *занеже*, *поне*, *понеже*, *имьже*.

Союзы *зане*, *занеже* (в их составе предлог *за* и относительное местоимение *и* в форме вин. п. ед. ч. ср. р.) употреблялись в памятниках разных жанров на всей территории, занятой восточными славянами, но были ограничены в употреблении в западнорусских памятниках [109].

Эти союзы имели четкое причинное значение. Придаточные предложения с названными союзами, как и с другими союзами причины, находились в постпозиции к главному предложению (в современном русском литературном языке придаточные с большинством союзов причины могут стоять и в препозиции к главному предложению).

Следует отметить, что *зане* мы находим и в берестяной грамоте XIV в. (в частном письме от Бориса к Настасии), таким образом, этот союз был известен живой разговорной речи: како

---

[108] В древнерусских памятниках XI—XV вв. *бо*, как неоднократно отмечалось Е. Т. Черкасовой, был самым употребительным союзом причины. См., в частности, работу Е. Т. Черкасовой «К истории причинных союзов относительного типа в русском языке» («Зборник за филологију и лингвистику», Нови Сад, 1959, стр. 37). В деловой письменности, как ранней, так и XVI—XVII вв., случаи употребления *бо* отсутствуют (там же, стр. 39). Союз *бо* вошел в состав различных союзов славянских языков. См., в частности: Jaroslav Bauer. Slovanské spojky s- bo. «Studie ze slovanské jazykovědy», Praha, 1958, стр. 79—92.

[109] См.: Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 486.

приде сѧ. грамота. тако пришли ми. половѣкъ. на жерепцѣ *зане* ми. здѣсе. дѣлъ. много (Нов. берест. гр. XIV в. № 43).

Примеры из других памятников: ктоли, черезъ мою грамоту, что у нихъ возметъ, и язъ Князь великий кажню, *занеже* ми люди те надобны (Моск. жалованная гр. между 1328—1340 г.); и изнемогоша въ градѣ, *зане* не бѧше имъ кърма (1 Нов. лет.); мужи ѡтни похвалу ѥму даша велику. *зане* мужьскы створи (Лавр. лет.).

В XVII в. указанные ѣоюзы употребляются лишь в произведениях с книжным языком, далеким от разговорной речи. В тот же период широко используется другой сходный по образованию союз (вместо предлога *за* в него входит предлог *по*, тоже с формой вин. п. ед. ч. ср. местоимения *и*) — *понеже*[110]. Его находим и в произведениях XVIII в.[111].

В древнерусских памятниках союз *поне* представлен единичными примерами, *понеже* встречается редко (в грамотах случаи с *поне*, *понеже* не представлены): ѿ грѣховьнаго бо корени золъ плодъ бываеть *понеже* бѣ была мати его черницею (Лавр. лет.); а се тружахъсѧ ловы дѣꙗ *понеже* сѣдо҃ в чернигов҃ѣ (Поучение Владимира Мономаха); аще бо не мудръ есми *поне* мало мудрости сретох во вратех а умных муж сапогъ поносил есмь (Моление Даниила Заточника).

Единичны случаи с союзом *имьже* (по образованию это форма тв. п. ед. ч. ср. р. относительного местоимения и частица *же*): ѿтолѣ почаша Печерскыи манастырь. *имьже* бѣша жили черньци преже в печерѣ (Лавр. лет.).

В памятниках после XV в. этот союз уже не встречается.

Не получили распространения и другие союзы местоименного происхождения — *ѡже* и *ꙗже*: кнѧзи же здумавше вси. не крѣпко бьютсѧ дружина. ни Половци. *ѡже* с ними не ѣздимъ сами (Лавр. лет.); велика Г҃и млт҃ь твоꙗ на на҃. *ꙗже* та оугодыꙗ створилъ ѥси (там же).

Возникшие в конце XV—начале XVI в. в деловой письменности производные причинные союзы *потому что*, *оттого что*, *для того что*, *затем что* получили широкое распространение в XVII в.[112]

---

[110] Е. Т. Черкасова отмечает: «В памятниках древнерусского языка XVI—XVII вв. причинный союз *понеже* — самый употребительный после *бо* (в памятниках разнообразных жанров, преимущественно же в полемической литературе)...» («Причинные союзы и их значения в старославянском языке». «Ученые записки Института славяноведения», т. IX, 1954, стр. 31). См. также. Э. И. Коротаева. Союзы, выражающие отношения причины, цели и следствия. «Ученые записки ЛГУ», № 235. Серия филологических наук, вып. 38. Исследования по грамматике русского языка, I, 1958, стр. 62.

[111] См.: Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 5. Киев, 1958, стр. 373—374.

[112] Е. Т. Черкасова. Служебное слово *бо* и его значение в древнерусском языке. «Ученые записки Московского гос. пед. ин-та», т. LVI,

Слова, принадлежащие вначале главному предложению (*потому*, *оттого*, *для того*, *затем*), слились с союзом придаточного предложения, в результате чего получился сложный союз.

Как отметил Е. Ф. Карский, «сложное слово получается тогда, когда два (или более) слова, стоящие в предложении в известном синтаксическом соотношении друг к другу, так тесно сливаются между собой, что получают новое общее значение...»[113]

На связь союза *потому что* с союзом *чьто* в придаточном предложении причины отчетливо указывают примеры, приведенные Л. А. Булаховским из одной и той же Правой грамоты 1485—1505 г. В одном случае — союз *что*, в другом — *потому что*: ... А у Гневаша да у Губы велел ту землю отсудити, *что* у доклада не стали...; А у Гневаша да у Губы у Стогниных те земли отсудили, *потому что* у доклада не стали[114].

Отметим еще пример с *потому что* в грамоте конца XV в.: ... а Микитку Левонова сына велѣл обвинити, *потому что* князь Семен Романович сказал, что он дал ту пожню Крестьци и заросли поженные в манастырь, а Микиткин старожилець Левка перед суд(ь)ею сказал, что тои пожнѣ имени не ведает (Яросл. правая докладная гр. между 1495—1497 г.).

Книжным союзом являлся союз ꙗко, употреблявшийся в памятниках древнерусской письменности для присоединения различных придаточных предложений: дополнительных, следствия, сравнения, цели, времени, причины[115].

В памятниках деловой письменности мы его не встречаем, но в летописях, в Поучении Владимира Мономаха[116], в Молении Даниила Заточника и в других произведениях книжного языка этот союз занимает видное место среди союзов причины: и оубиша Захарию посадника и Неревина и Несдоу Бирицѧ, ꙗко творѧхоуть е переветъ дрьжаще къ Стосла (1 Нов. лет.); Кияне слютсѧ къ Володимеру. глюще. приступаи к граду. ꙗко предамы ти Ꙗрополка (Лавр. лет.).

Союз ꙗко со значением причины встречается еще в произведениях XVIII в. как элемент книжной речи, высокого стиля.

Союз *бо* в памятниках древнерусского языка обычно находится не в самом начале, а после первого слова придаточного

вып. 2, 1948, стр. 91; е е ж е. К истории причинных союзов относительного типа в русском языке, стр. 41.

[113] Е. Ф. К а р с к и й. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. 2—3, стр. 87.

[114] Л. А. Б у л а х о в с к и й. Исторический комментарий к русскому литературному языку, стр. 369.

[115] См. выводы Е. С. Истриной о многозначности союза ꙗко в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи («Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи», стр. 185—188).

[116] Как отмечает С. П. Обнорский, — в церковных цитатах («Очерки по истории русского литературного языка старшего периода», стр. 68).

предложения. Подчинение не является достаточно выраженным, *бо* в ряде случаев приближается по значению к *ведь*. Таким образом, вторая часть (с *бо*) может рассматриваться как входящая в состав бессоюзного сложного предложения причины.

Е. Ф. Карский приводит примеры с *бо* в Лаврентьевской летописи (во всех примерах *бо* стоит после первого слова придаточного предложения) в числе тех, в которых союз соединяет полноправные предложения: мужа твоѥго оубихомъ. бѧше *бо* мужь твои аки волкъ. возхищаѧ и грабѧ; ѡць тѧ зоветь. не сдравить *бо* велми и др.[117] Более отчетливой представляется подчинительная связь, когда *бо* начинает придаточное предложение, что имеет место в западнорусских и в староукраинских памятниках (сначала наряду со случаями постановки *бо* после первого слова придаточного предложения).

Сохранившийся в русском языке вплоть до 20—30-х годов XVIII в. союз *бо* вытесняется союзом *ибо*, который «способен одновременно сочетать значение присоединяющего *и* с объясняюще-утверждающим *бо*»[118].

В древнерусских памятниках союз *ибо* в придаточных предложениях причины встречается крайне редко даже в памятниках литературно-книжного языка. Деловой письменности он неизвестен.

В XVI—XVII вв. число случаев его употребления заметно возрастает, тем не менее он остается принадлежностью литературно-книжного языка.

В XVIII в. союз *ибо* проникает и в памятники делового языка.

Некоторое время (со второй половины XIX в.) союз *ибо* теряет свои позиции.

Четкостью причинного значения союза *ибо* объясняется тот факт, что в современной научной и публицистической литературе находим этот союз наряду с другими союзами причины.

§ 328. Придаточные предложения цели присоединялись к главному преимущественно при помощи союзов, в состав которых входила форма 2-го и 3-го лица ед. ч. аориста *бы*: *чьтобы*, *абы*, *дабы*.

Форма *бы*, единственная из сохранившихся форм аориста *быхъ*, который в сочетании с причастием на *-лъ* образовывал условное наклонение, стала восприниматься как частица-показатель условного наклонения. В соединении с союзом *чьто*, с союзом-усилительной частицей *да*, союзом *а* она образовала союзы *чьтобы*, *абы*, *дабы*, при наличии которых в предложении

[117] Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, стр. 56—57.

[118] Т. А. Шуб. К генезису и истории союза «ибо» в славянских языках. «Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та», т. XV, 1956, стр. 130.

уже не было необходимости в постановке форм аориста при причастии на *-лъ* (причастие на *-лъ*, как известно, стало глагольной формой).

Если в древнейших памятниках значение цели передавалось, в частности, путем употребления форм условного наклонения, в которых вспомогательный глагол приближается по своей роли к союзу, то в дальнейшем возник и новый способ — присоединение предложения при помощи указанных союзов. Таким образом, оформилось сложноподчиненное предложение со специальными союзами цели.

Кроме того, в роли союзов цели были использованы и союзы, употреблявшиеся и в других придаточных предложениях: ѡже, *аже*, ꙗко. В дальнейшем придаточные предложения с указанными многозначными союзами были вытеснены специальными союзами цели.

Союз *чьтобы* принадлежал живой разговорной речи. Об этом свидетельствуют случаи его употребления в берестяных грамотах: староста. олександрова. погоста. бѣкть. целомъ. *стобы* кси. господине. окупиле. і (с)лово положиле. со мною. аже ти... окупити. іхъ (Нов. берест. гр. XIV в. № 102)[119]; цолобитьк ѿ ксифа брату своєму фомѣ *цобъ* кси прислало восъку да меда да овьцини добросошьк (Нов. берест. гр. рубежа XIV—XV вв. № 129); да перелѣшиваи. о таньи *цобъ* не блодила цого зрм (там же); чолобитьк. ѿ мелника. из злостьици. к юрью. к оньцифорову. *чоби*. господине попецелилесм. горюнами (Нов. берест. гр. второй половины XIV в. № 167); како осподи. (осподине. — *В. Б.*) пожалукшь о м... (моки. — *В. Б.*) голови. *чтобы* см на менм. не родила. грамота бесуднам (Нов. берест. гр. первой половины XV в.).

Как видим из примеров, четкая подчинительная конструкция с союзом *чьтобы* имела место уже в XIV в., т. е. тогда, когда из форм аорист *быхъ* стала употребляться, как правило, только форма 2—3-го лица *бы*. Этому не противоречит тот факт, что другие формы аориста встречаются и в позднейших памятниках. Для них они уже были архаической, пережиточной формой.

Отметим, что в главном предложении могло быть употреблено соотносительное слово — указательное местоимение *тъ* в той или иной падежной форме с предлогом. Наиболее отчетливой связь *чьтобы* с соотносительным словом является тогда, когда соотносительное слово само выступает в роли обстоятельства цели. В этом случае при постановке рядом соотносительного слова и союза *чьтобы* все сочетание может рассматриваться как сложный союз (во втором примере — *того дѣля*,

[119] В придаточном второй степени имеется союз *аже*, тоже присоединяющий придаточное цели с инфинитивом в роли сказуемого, а не глаголом в форме прошедшего времени, как в случаях с *чьтобы*.

чтобы): ... да и посылалъ о томъ в Ругодивъ ко князю и к бергоместеромъ, *чтобы* государя нашего купцовъ пропущали с торгомъ в вашю землю (Нов. гр. 1516 г.); А пишу вамъ се слово того дѣля, *чтобы* не перестала память родителий нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла (Моск. духовная гр. 1353 г.).

Когда в придаточном предложении сказуемое выражено инфинитивом, находим и в поздних памятниках союз *чьто* (а не *чьтобы*) в роли союза цели: И в томъ язъ, Тимоѳеи Семеновъ, далъ на собя запись, *што* мни во Пьскове на Рискихъ Нимцахъ того не пытать, и што для моего дела шкоты бы Рѣскимъ Нимцамъ не наряднли бы и впреть (Нов. гр. 1588 г.)[120]; А томъ есме къ вамъ послали свои добрыи люди чесныи, к тобе, княжь местерю, и къ всемъ рпделемъ и къ всемъ ратьмяномъ и къ всемъ купьцемъ Рпзькпимъ, *что* вамъ дати правда нашему послу чисто, без всякая хитрости (Полоцк. гр. 1405 г.).

В примерах конструкция с *чьто* является, бесспорно, придаточным предложением, а не частью простого предложения. На это указывает, в частности, постановка местоимений в дательном падеже действующего лица при инфинитиве: *мни* (в первом примере), *вамъ* (во втором примере).

Употребление *чьтобы* в примерах с глагольной формой на *-лъ* при одновременном употреблении *чьто* в примерах с инфинитивом свидетельствует не только о позднем закреплении *чьтобы* в придаточном с инфинитивом, но и о длительном пути образования этого союза (как и другого союза — *дабы*).

Широкое распространение союзы *чьтобы* и *дабы* получили в XVII в. (*дабы* — преимущественно в произведениях книжного языка)[121].

Оба названных союза употреблялись и в западнорусских памятниках.

Первый из них не сохранился в белорусском языке, второй употребляется лишь в современном русском языке, притом как архаизм.

Союз *дабы* и в древнейших памятниках являлся книжным союзом, употреблялся в памятниках с книжным языком. Последним обстоятельством, по-видимому, объясняется то, что в памятниках XIV в. при *да* последовательно сохраняются формы аориста *быхъ*, например в Лаврентьевской летописи 1377 г.[122] Поэтому в тех случаях, когда при *да* имеется *бы*,

[120] При втором *што* в предложении, где сказуемое — условное наклонение, употреблена частица *бы*, хотя и не рядом с *што*.

[121] См: С. Л. Баженова. Придаточные предложения цели в древнерусском языке (по памятникам XIV—XVII вв.). Автореферат канд. дисс. М., 1954, стр. 8; Э. И. Коротаева. Союзы, выражающие отношения причины, цели и следствия, стр. 69—70.

[122] См.: Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи, стр. 70.

а действующее лицо — 3-е лицо ед. ч., мы можем только предполагать, что в предложении союз *дабы*, а не союз-усилительная частица *да* и аорист: се оуже третьѥ наведе поганыꙗ на землю Русьскую ѩго же грѣха *дабы* и б҃ъ простилъ (Лавр. лет.).

В следующем примере из Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков (XVI в. Список конца XVI—начала XVII в.) *дабы* — бесспорно союз, поскольку при *дабы* употреблено 3-е лицо мн. ч. глагола: По окольним же селомъ и волостемъ тако же посылаше, *дабы* кождо в свои приближные городы ехали з женами и з детьми и со всеми животы во осаду.

Союз *абы* употреблялся не только в западнорусских памятниках (был там широко распространен), но и в староукраинских, встретился он в Лаврентьевской летописи, а также в Новгородской, Псковской и Ипатьевской летописях. Употребляется этот союз и в памятниках польского и чешского языков.

Из восточнославянских языков его сохранили белорусский (со значением 'только', 'только бы') и украинский язык.

Приведем пример из Новгородской берестяной грамоты № 163, относящейся к середине XII в.: а к҃зеке соци *абы* не истерꙗле (к)҃но лихе есте.

Выше мы отметили пример из берестяной грамоты, в котором, наряду с союзом *чьтобы*, употреблен в качестве союза придаточного предложения цели союз *аже*. Этот союз представлен рядом случаев в Готландской редакции Смоленской торговой договорной грамоты 1229 г. (*ажь* в сочетании с *бы*): Пре сеи миръ троудилисѧ дъбрии людиѥ: Ролфо ис Кашеля, Б҃и дворꙗнинъ, Тоумаше Смолнꙗнинъ, *ажбы* миро былъ и дъ вѣка и др.

Небольшим числом случаев представлены были в древнерусских памятниках придаточные предложения цели, присоединяемые к главному предложению при помощи многозначного союза ꙗко: хотѧ погоубити безбожныꙗ с҃ны Измаиловы... ꙗко да ѿмьстѧть кръвь кр҃тьꙗньску (1 Нов. лет.); Нача доспѣвати, ꙗко взѧти городъ (Ипат. лет.)[123]. В первом примере долженствование выражено формой будущего времени глагола в сочетании с усилительной частицей *да*.

Изменения в сложных предложениях с придаточным цели коснулись не только союзов, но и порядка следования частей сложного предложения. В древнерусском языке придаточные цели находились в постпозиции к главному предложению. В современном русском языке придаточные цели с союзами *чтобы* и *дабы* могут находиться также и в препозиции к главному предложению и в середине его.

---

[123] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III, стр. 1655.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ ОБ ИЗМЕНЕНИИ СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 329. Древнерусский язык обладал развитой синтаксической системой, о чем свидетельствуют не только памятники художественной литературы, в первую очередь Слово о полку Игореве, но и деловая письменность, требовавшая четких и ясных формулировок.

За многие годы своего существования древнерусский литературный язык, обогащаясь и совершенствуясь, претерпел ряд изменений.

Отдельные синтаксические конструкции перестали употребляться в литературном языке, став достоянием только диалектной речи.

К числу сохранившихся лишь в говорах синтаксических особенностей относится употребление одного отрицания вместо двух, согласование с собирательными словами не по форме, а по смыслу, наличие именной формы причастия (деепричастия) в роли так называемого второстепенного сказуемого, повторение предлогов перед определением и определяемым словом, конструкция «инфинитив и им. п. существительного жен. р. на -а», бессоюзные предложения с определяющей частью.

Не сохранилась ни в литературном языке, ни в диалектах такая яркая черта древнерусского синтаксиса, как оборот «дательный самостоятельный».

В свое время замечательный знаток исторического синтаксиса восточнославянских языков А. А. Потебня отметил расширение в русском языке области несогласуемых падежей за счет согласуемых, в чем он справедливо увидел усовершенствование языка[1]. Это расширение привело к употреблению в составном сказуемом творительного падежа (при сохранении и именительного падежа), к появлению творительного падежа на

---

[1] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 516—517; т. III, стр. 1.

месте второго косвенного падежа, к господству родительного падежа принадлежности (вместо притяжательного прилагательного).

Отметим еще некоторые наиболее значительные изменения. Расширяется круг предложных конструкций на месте беспредложных, что способствовало уточнению синтаксических и логических связей в предложении. Значительно сузилась многозначность отдельных предлогов, их возможность сочетаться с различными падежами.

Совершенствовалась и такая отличительная черта русского языка, как твердый порядок слов в предложении; нарушение этого порядка все в большей степени становилось стилистическим приемом.

Более четкая организация предложения (простого и сложного) привела к устранению многосоюзия, когда союз ставился при каждом однородном члене, в начале предложения, а также перед второй частью сложноподчиненного предложения.

Отпала и необходимость в обязательном присутствии в сложном предложении вспомогательных лексических средств.

Отбор необходимых союзов и союзных слов для каждого из типов сложноподчиненных предложений позволил в некоторых типах этих предложений отказаться от твердого порядка следования главного и придаточного предложения.

В бессоюзном сложном предложении, в котором не было этого важнейшего средства связи частей сложного предложения, их зависимости одной из них от другой, сохраняется определенный порядок следования частей предложения, установившийся еще в древнерусском языке.

Отмеченные выше изменения в синтаксическом строе русского языка не возникали стихийно, а происходили закономерно, подчиняясь требованию в наилучшей степени удовлетворять растущие потребности общения.

СПИСОК ПАМЯТНИКОВ

А) Церковные

Архангельское евангелие 1092 г. (хранится в ГБЛ, издано трехцветной фотоцинкографией в 1912 г. Румянцевским музеем)
Богословие Иоанна Экзарха Болгарского XII в., Синод. б-ка, № 108 (хранится в ГИМ, изд. Об-ва истории и древностей российских, М., 1879)
Второзаконие (Вологодский Сборник XV в., б-ка Академии наук СССР)
Добрилово евангелие 1164 г. (ГБЛ)
Галицкое евангелие 1144 г. (Четвероевангелие Галичское 1144 г., издано Амфилохием Сергиевским, т. I, М.. 1882; т. II, М., 1883)
Галицкое евангелие ок. 1266 гг. (ГПБ)
Галичское евангелие 1357 г. (писано в северном Галиче, хранится в ГИМ)
Геннадиевская библия 1499 г. (ГИМ)
Ефремовская Кормчая XI в. (рукопись Синод. б-ки)
Житие Нифонта, Ростовское, 1219 г. (хранится в ГБЛ, издано: Матеріяли з історіі візантійсько-словянськоі літератури та мови, підготовив до друку А. В. Ристенко. Одесса, 1928)
Златоструй XII в.
Книга пророков с толкованиями (список XV в. с рукописи, писанной попом Упырем Лихим в 1047 г., Чудовского монастыря № 184, хранится в ГИМ)
Милятино евангелие 1215 г. (ГПБ)
Мстиславово евангелие около 1115 г. (ГИМ)
Новгородское евангелие 1355 г.
Новгородская Кормчая 1282 г. (рукопись Синод. б-ки, хранится в ГИМ)
Новгородские Минеи 1095—1097 гг. (изданы И. В. Ягичем, СПб., 1886)
Новгородский паримейник 1272 г. (ГПБ)
Остромирово евангелие 1056—1057 гг. (ГПБ, изд. А. Х. Востоковым, СПб., 1843)
Палея Толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. (издано учениками Н. С. Тихонравова, М., 1892)
Пандекты Антиоха XI в. (Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, хранятся в ГИМ)
Пандекты Никона Черногорца:
1) Ярославский список XII—XIII в.
2) Список 1296 г., Синод. б-ка, № 836 (ГИМ)
3) Список 1381 г. (ГИМ)
Переяславское евангелие 1354 г., Синод. б-ка, № 67 (ГИМ)
Поликарпово евангелие 1307 г. (Синод. б-ка)
Псковский параклитик 1369 г. (Синод. б-ка)
Псалтырь 1296 г., западнорусская (Синод. б-ка)

Псковский пролог 1383 г. (Типографской б-ки, т. е. б-ки Московской синодальной типографии, хранится в Архиве древних актов Министерства внутренних дел)
Ростовский апостол 1220 г. (Синод. б-ка, хранится в ГИМ)
Рязанская Кормчая 1284 г. (ГПБ)
Сийское (Московское) евангелие 1339 г. (ГПБ)
Синайский патерик XI в. (ГИМ)
Слово Ипполита об Антихристе XII в. (ГИМ, изд. К. Невоструевым, М., 1868)
Успенский сборник XII в. (ГИМ)
XIII слов Григория Богослова XI в. (ГПБ)
Христинопольский апостол XII в.[1]
Четья Минея 1489 г.
Чудовский Новый завет XIV в., приписываемый митрополиту Алексию (утерян, сохранилось фототипическое издание Леонтия, митрополита Московского, М., 1892)
Юрьевское евангелие ок. 1120 г. (ГИМ)

Б) Светские

(а также неканонические религиозного характера), кроме грамот

Ἀδελφοτης. Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго ѧзы́ка (Львов, 1591, печ.)
Азбуковник (Щукинского собрания № 555; хранится в ГИМ)
Грамматика Доната в переводе Дмитрия Толмача XVI в. (издана И. В. Ягичем в работе «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке». — «Исследования по русскому языку», т. I, СПб., 1885—1895)
Домострой XVI в. (см. А. С. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным. Изд. Об-ва истории и древностей российских, М., 1908)
Житие протопопа Аввакума, им самим написанное; челобитные, послания, поучения и письма (Памятники по истории старообрядчества XVII века, кн. I, вып. 1, РИБ, т. XXXIX, М., 1927)
Л. Зизаний. Грамматіка Словенска съвершеннаго искуства осми ча́стіи (Вильно, 1596, печ.)
Ипатьевская летопись (изд. ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, изд. 2, вып. I, 1923)
Книга о ратном строении = Учение и хитрость ратного строения пехотных людей (1647, печ.)
Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича (изд. Археогр. комиссии, СПб., 1906)
Лаврентьевская летопись (ГПБ, изд. ПСРЛ, т. I, 1926)
Летопись Авраамки 1495 г. (изд. ПСРЛ, т. XVI, СПб., 1889)
Московский летописный свод конца XV в. (изд. ПСРЛ, т. XXV, М., 1949)
Надпись на Тмутороканском камне 1068.
Надпись на чаре Черниговского князя Владимира Давыдовача до 1151 г.
Новгородская Синодальная летопись XIII—XIV вв. (ГИМ, изд. Археограф. комиссии, СПб., 1875)
Переписка Ивана Грозного и А. Курбского (Сочинения князя Курбского, т. I, РИБ, т. XXXI, СПб., 1914)
Повесть о Горе-Злочастии (XVII—XVIII в.; хранится в ГПБ, изд. П. Симони: Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, вып. VII, I, СПб., 1907)

[1] Издан Калужняцким: Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice, ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti. Vindobonae, 1896.

Повесть о Ерше Ершовиче (ГПБ, изд. В. П. Адриановой-Перетц в ее книге «Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в.», М.—Л., 1937)
Псковская судная грамота (список XVI в. с оригинала XV в.; изд. Археограф. комиссии, 1914)
Радзивиловская или Кенигсбергская летопись конца XV в. (фотомеханическое издание Об-ва любителей древней письменности, 1902)
Русская Правда (в составе Новгородской Кормчей 1282 г.; издана Е. Ф. Карским в книге «Русская Правда по древнейшему списку», Л., 1930)
Русские повести XVII—XVIII вв. (под. ред. и с предисловием В. В. Сиповского, СПб., 1905)
Святославов Изборник 1073 г. (ГИМ, изд. Об-ва любителей древней письменности, СПб., 1880)
Святославов Изборник 1076 г. (ГПБ)
Сильвестровский Сборник XIV в. (ГПБ)
М. Смотрицкий. Грамматіки Словѣнскиѧ правильное сѵ̀нтагма (Евю, близ Вильно, 1619 г., печ.; переиздание с некоторыми видоизменениями и дополнениями. М., 1648)
Слово о полку Игореве (Ироическая пѣснь о походѣ на половцевъ удѣльного князя Новгорода-Сѣверского Игоря Святославовича, М., 1800)
Соборное уложение царя Алексея Михайловича (1649, печ.)
Судебник Ивана III 1497 г. (фотокопия в изд.: Судебники XV—XVII веков, М.—Л., 1952)
Судебник царя Федора Ивановича 1589 г. (издан там же)
Хожение Афанасия Никитина за три моря (в составе Тверской летописи; изд. под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц, Л., 1947)
Христианская космография Козьмы Индикоплова 1519 г. (Егоровское собрание, № 314, ГБЛ)
Хроника Георгия Амартола XIV в. (изд. в книге: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе, т. I (текст). Л., 1920)
Челобитные Ивана Пересветова (изд. в приложении к книге: В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI века. М., 1908)

В) Грамоты[1]

Издания: А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. «Исследования по русскому языку», т. I, СПб., 1885—1895; его же. Исследование о двинских грамотах XV века. «Исследования по русскому языку», т. II, вып. 3, СПб., 1903; А. Соболевский и С. Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в. СПб., 1903; Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке. Найдены в Рижском Архиве К. Э. Напиерским и изданы Археограф. комиссиею. СПб., 1857; Русско-ливонские акты,

[1] После сокращенного наименования при цитате из грамоты указывается принадлежность грамоты к тому или иному разряду (вкладная, духовная, купчая и т. д.) и дата написания. В связи с большим числом двинских грамот (115) и новгородских берестяных грамот (318) отмечается также номер, под которым грамота помещена в соответствующем издании (нумерация двинских грамот — по А. А. Шахматову, берестяных грамот — по А. В. Арциховскому). Поскольку основная часть новгородских грамот (не на бересте) опубликована в одном издании — «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века» А. А. Шахматова, приводя примеры из этих грамот, мы также указываем номер, под которым грамота значится у А. А. Шахматова.

собранные К. Е. Напьерским, СПб., 1868; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею Академии наук, т. I. СПб., 1836; Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел, ч. I, М., 1813; ч. II, М., 1819; В. Розов. Українські грамоти, т. I. XIV в. і перша половина XV в. У Киеві, 1928; Грамоты великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950; М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952 и др.

Грамоты берестяные

А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953 (№ 1—10); А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954 (№ 11—83) [1]; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958 (№ 84—136); их же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958 (№ 137—194); их же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963 (№ 195—318).

---

[1] Принимаем для грамот из раскопок 1951—1952 гг. датировку берестяных грамот на основании палеографического и лингвистического анализа, предложенную в коллективном труде «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., 1955.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЯ Вопросы языкознания
ВСЯ Вопросы славянского языкознания
БАН Библиотека Академии наук
ГБЛ Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ГИМ Государственный исторический музей
ГПБ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ДДГ Духовные и договорные грамоты
ЖМНП Журнал Министерства народного просвещения
ИОРЯС Известия Отделения русского языка и словесности
ИпоРЯС Известия по русскому языку и словесности
ОИДР Общество истории древностей российских
РИБ Русская историческая библиотека
РФВ Русский филологический вестник
ПСРЛ Полное собрание русских летописей

СОДЕРЖАНИЕ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Стр.

Введение 3
Основные сведения по истории разработки исторической грамматики русского языка 5
Источники сведений об истории русского языка 13
Образование русского языка и его диалектов 23
Происхождение и развитие письменности и литературного языка 27
Проблема периодизации истории русского языка 31
Русский язык среди других языков 32
Фонетика 35
Орфография древних памятников и восстановление фонетических особенностей говора писца 35
Звуковая система древнерусского языка 44
Отличия древнерусского языка от других славянских языков 63
Отражение особенностей общеславянского ударения в русском языке 78
Древнейшие диалектные явления 84
История гласных 97
Падение редуцированных 97
Последствия падения редуцированных 109
Изменение *е* в *о* 128
Изменение *а* в *е* 133
История *ѣ* 135
История *ô* 139
Возникновение и развитие аканья 141
Редукция до нуля конечных гласных 149
История согласных 152
История шипящих согласных и *с* (*ц*) 152
Отвердение *г* 155
Утрата интервокального *j* и стяжение 155
Изменение фонемной системы русского языка 156
Развитие ударения 157
Морфология 158
Морфологические средства древнерусского языка 158
Характерные свойства древнерусских морфем 161
Классы слов в древнерусском языке 162
Основные процессы, имевшие место в историческом развитии морфологического строя русского языка 164
История чередований 167
Существительное 173
Общие замечания 173
Именное склонение 177
Склонение и род 183
Унификация различных типов склонения 185
Объединение форм именительного и винительного падежей множественного числа 200
История двойственного числа 203
История рода 207
Развитие категории одушевленности 208

www.ruslang.ru

Утрата звательной формы . . . 211
Изменения в основе существительных . . . 212
Местоимение . . . 213
Общие замечания . . . 213
Склонение личных и возвратного местоимений . . . 213
Склонение неличных местоимений . . . 214
История личных местоимений . . . 216
История неличных местоимений . . . 218
Прилагательное . . . 224
Общие замечания . . . 224
Местоименные прилагательные . . . 227
Склонение местоименных прилагательных . . . 228
Сравнительная степень . . . 230
Утрата склонения именными прилагательными . . . 231
История форм сравнительной степени . . . 233
История окончания родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода неличных местоимений и прилагательных . . . 235
Числительное . . . 238
Утрата во множественном числе родовых различий у слов, изменяющихся по родам . . . 248
Глагол . . . 251
Общие замечания . . . 251
Система времен древнерусского языка . . . 251
Настоящее время . . . 251
Простые прошедшие времена . . . 253
Аорист . . . 254
Имперфект . . . 257
Перфект . . . 260
Давнопрошедшее время . . . 260
Будущее время . . . 261
Преждебудущее время . . . 262
Вопрос об отражении в древнерусском языке старой простой формы будущего времени . . . 262
Вид . . . 263
Отношение времен к виду . . . 269
Наклонение . . . 271
Повелительное наклонение . . . 271
Формы повелительного наклонения . . . 271
Условное или сослагательное наклонение . . . 272
Залог . . . 273
Именные формы глагола . . . 274
Причастия . . . 275
Разрушение старой временной системы . . . 277
История перфекта . . . 282
История будущего времени . . . 285
Развитие вида . . . 289
История форм сослагательного наклонения . . . 293
История залога . . . 293
История личных форм настоящего времени и повелительного наклонения . . . 294
История форм инфинитива и супина . . . 302
История форм действительных причастий и возникновение деепричастий . . . 302
История форм страдательных причастий . . . 304
Изменения в глагольной основе . . . 305
Наречие . . . 306
Изменения ударения в основных грамматических категориях . . . 310

Синтаксис 313
Введение 313
Предмет исторического синтаксиса. Методы исторического исследования синтаксических явлений 313
Предварительные замечания о синтаксической системе древнерусского языка 315
Простое предложение 318
Подлежащее 318
Простое сказуемое 322
Некоторые случаи согласования сказуемого с подлежащим . . . 324
Составное сказуемое 332
Именная форма причастия действительного залога в роли простого сказуемого 350
Порядок следования подлежащего и сказуемого в простом предложении 358
Вторые косвенные падежи 364
Определенно-личные предложения 376
Неопределенно-личные предложения 381
Безличные предложения 384
Отрицательные предложения 401
Определение 406
Приложение 414
Употребление падежей (именительный падеж, стр. 418, родительный падеж, стр. 422, дательный падеж, стр. 431, винительный падеж, стр. 434, творительный падеж, стр. 437, местный падеж, стр. 442) . . . . . 418—442
Дательный самостоятельный 445
Сложное предложение 452
Бессоюзное сложное предложение (бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложносочиненными предложениями, стр. 453; бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными предложениями, стр. 455) . . . . . 452—455
Сложносочиненные предложения 466
Сложноподчиненные предложения (с придаточными определительными, стр. 473; с придаточными дополнительными, стр. 481; с придаточными условия, стр. 484; с придаточными времени, стр. 490; с придаточными места, стр. 495; с придаточными причины, стр. 496; с придаточными цели, стр. 499) . . . . . 473—499
Краткие выводы об изменении синтаксического строя русского языка 503
Список памятников 505
Список сокращений 509

Виктор Иванович Борковский, Петр Саввич Кузнецов

Историческая грамматика русского языка

Утверждено к печати
Отделением литературы и языка Академии наук СССР

Редактор Издательства *А. Русский* Художник *Л. Г. Ларский*
Технические редакторы *Н. Л. Новичкова, И. Н. Дорохина*

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ин-та языкознания АН СССР

РИСО АН СССР № 6-119В. Сдано в набор 17/VI 1963 г. Подписано к печати 14/IX 1963 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 32,25. Уч.-изд. л. 33,1. Тираж 12000 экз. Изд. № 1799.
Тип. зак. № 259
Цена 2 р. 20 к.

Издательство Академии наук СССР, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР, Ленинград, В-34, 9 лин., д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
11	18 св.	В. Н. Сидорова	В. Н. Сидоров
53	8 св.	*кънѧзъ*	*кънѧзь*
60	1 св.	*už*	*uži*
91	11 сн.	фонетической	фонематической
118	15 сн.	*лъ* на конце	*мь* на конце
127	6 св.	с XIV в.	с XIII в.
142	13 сн.	аканьем	яканьем
226	2 сн.	§ 197. Словообразова-тельные	Словообразовательные
239	23 сн.	§ 212. Названия	Названия
246	13 св.	*девѧть десѧть*	*девѧть десѧтъ*
246	23 св.	Ф. В. Ржиги	В. Ф. Ржиги
253	16 св.	«емь»	«ем»
297	19 св.	с -ъ на конце	с -ь на конце

В. И. Борковский, П. С. Кузнецов.